

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Таврическая академия (структурное подразделение)
Институт иностранной филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская
универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Материалы I всероссийской научно-практической конференции

*Симферополь
27 – 29 апреля 2017 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2017

УДК 372.8
ББК 74.268.1Рус
П 27

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец
Заместитель главного редактора к. филол. н., доц. М. А. Шевчук-Черногородова

Редакционная коллегия

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь)
д. филол. н., проф. А. Э. Левицкий (Москва)
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург)
д. филол. н., проф. В. И. Шадрин (Санкт-Петербург)
д. филол. н., проф. М. А. Новикова (Симферополь)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта)
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь)
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону)
д. филол. н., доц. И. В. Остапенко (Симферополь)

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность цитат, имен, названий, данных ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

П 27 **Переводческий** дискурс: междисциплинарный подход : материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2017. – 312 с.

ISBN 978-5-906877-95-6

В сборнике представлены статьи по докладам участников I научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 27–29 апреля 2017 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения и критики перевода, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, языковые и внеязыковые аспекты коммуникации, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

УДК 372.8
ББК 74.268.1Рус

ISBN 978-5-906877-95-6

© Коллектив авторов, текст, 2017
© М. А. Шевчук-Черногородова,
верстка, дизайн, 2017
© ИТ АРИАЛ, 2017.

УДК: 82-81

**ПОЭТИЧЕСКИЕ МОРАЛИТЕ СКАЗОК Ш. ПЕРРО:
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА*****В. Д. Алташина,***

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных
литератур филологического факультета Санкт-Петербургского
государственного университета, Санкт-Петербург*

Аннотация. Как правило, сказки Ш. Перро публикуют без сопровождающих их поэтических моралите, в афористичной форме резюмирующих нравственный урок. В статье анализируется выполненный Л. Успенским в 1936 г. перевод моралите, завершающих прозаические сказки Ш. Перро. При анализе учитываются концепции переводимости/непереводимости художественного текста, а также методы поэтического перевода, предложенные российскими и зарубежными философами, филологами, переводчиками. Перевод сравнивается с оригиналом с точки зрения передачи в нем смысловой (фактуальной и концептуальной) и эстетической информации. Анализ смыслового, стилистического и прагматического аспектов перевода позволяет сделать вывод о том, что перевод Успенского не только разрушает эстетическую концепцию автора, но и неверно передает фактуальную и концептуальную информацию.

Ключевые слова: Перро, сказки, моралите, перевод, непереводимость, смысловая и эстетическая информация.

Summary. As a rule, Perrault's fairy tales are published without poetic morals, in aphoristic form summarizing the moral lesson. The article analyzes these morals translated by L. Uspensky in 1936. The interpretation deals the problem of translatability/untranslatability investigated by Russian and foreign philosophes, philologists, translators. The translation is discussed in relation with the transfer of semantic and aesthetical information. Analysis of semantic, stylistic and pragmatic aspects of translation leads to the conclusion that the Uspensky translation not only destroys the aesthetic concept of the author, but also sends incorrect factual and conceptual information.

Key words: Perrault, fairy tales, moral, translation, untranslatability, semantic and aesthetical information

Сказки Ш. Перро (1628–1703) хорошо известны и взрослым и детям, однако большинство будет удивлено, узнав, что во французском оригинале охотники (дровосеки) не спасают Красную шапочку и бабушку, а «Спящая красавица» не завершается свадебным пиром. И почти никто не знает, что прозаические сказки у французского писателя завершают поэтические нравоучения.

В настоящий момент единственным доступным для читателей достоверным переводом является выполненный А. В. Федоровым (проза),

Л. В. Успенским (стихи), вышедший в 1936 году, в Ленинграде в издательстве «Художественная литература». Именно этот перевод, считающийся классическим, регулярно переиздается, хотя и не имеет такого широкого распространения, как прочие весьма далекие от оригинала переложения и переделки. Перевод сделан известными филологами, лингвистами, переводчиками, от которых мы вправе ожидать перевода адекватного, филологического, дающего наиболее верное представление об оригинале.

А. В. Федоров в своей ранней статье [6] сравнил оригинальный текст с заданием, предстоящим переводчику, противопоставив его твердой данности, конкретной материальной вещи: «Перевод не есть воспроизведение вещи, а создание чего-то нового – по образцу, дающему поводы к переменному осмыслению, образцу не единому, а многоликому» [6, с. 112]. Он разделяет мнение своего учителя, Ю. Н. Тынянова, который полагал, что при переводе «кусочек художественного целого» утратив свой цвет, приобретает новый, «носящий оттенки своей второй среды – личного искусства, в которое он вплетается, а вместе с тем и национальной традиции, на плане которой он появляется» [5, с. 388].

Проблема переводимости/непереводимости активно обсуждалась на протяжении всего XX века, при этом большинство теоретиков перевода, философов, переводчиков сходятся на мысли о принципиальной непереводимости художественного текста. Так, Б. Кроче выделяет следующие категории переводов: 1) «ужасные верные» – буквальные переводы, пригодные для изучения оригиналов, своего рода комментарии оригинала; 2) «прекрасные неверные» – фактически новые тексты, творения другой души; 3) «ужасные неверные» – неудачные попытки передать эстетическую форму исходного текста. [1] В. Беньямин в «Задачах переводчика» (1923) полагает, что «в любом языке и его произведениях в дополнение к тому, что может передаваться, остается что-то непередаваемое» [2]. Эти же идеи развивает в своей статье У. Эдеман [7, с. 66], полагая, что перемещение (трансфер) текста в другой язык через его перевод непременно ведет к его укоренению в другие родовые отношения, в другую жанровую конфигурацию. С точки зрения представителя дифференциальной компаративистики У. Эдеман, именно в этом и состоит ценность перевода – «прекрасного неверного».

С. Ф. Гончаренко в своей статье «Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность» [3] выделяет смысловую информацию (фактуальную и концептуальную) и информацию эстетическую, которая в поэзии оказывается наиболее значимой. «Поэтический текст, спрессованный ритмической, фонической и метафорической системами, образует как бы особый сверхсмысловой плазменный сгусток, в котором каждый элемент» приобретает дополнительное значение: по меткому выражению М. Бахтина, «только поэзия выжимает все соки из языка». При переводе без жертв и изменений не обойтись, однако каждый переводчик

выбирает чем и во имя чего пожертвовать. С. Ф. Гончаренко выделяет три типа перевода поэтического текста: 1) «поэтический как таковой», при котором происходит передача как смысловой, так и эстетической информации. «Переводчик должен создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но использующий совсем иные языковые, а порой и стиховые формы»; 2) стихотворный перевод, очень близкий к оригиналу, при котором фактуальная информация передается стихотворной речью, концептуальная информация искажается, а эстетическая практически не воспроизводится; 3) филологический перевод выполняется прозой и максимально точно передает фактологическую информацию.

Таким образом, если первый тип перевода пробуждает «эхо оригинала» (В. Беньямин), вписывается в литературные традиции принимающей среды и оказывает на них воздействие, то два последних представляют практический интерес прежде всего для специалистов. Как мы видим, большинство специалистов отдает предпочтение переводу «*belle infidèle*» – «прекрасному неверному».

Исходя из этой концепции о продуктивности не точного перевода, но культурного трансфера обратимся к переводу поэтических моралите, выполненных Л. В. Успенским.

Сказки Ш. Перро были посвящены Элизабет-Шарлотте Орлеанской (1676–1744), дочери герцога Орлеанского и двоюродной сестре Людовика XIV. Уже тот факт, что они были написаны для девятнадцатилетней барышни многое объясняет: сказки – не для детского чтения, что особенно ярко проявляется в поэтических моралите. В духе своего Великого века Перро резюмирует назидание в поэтических афоризмах, как бы развивая жанр максимы, столь популярный в XVII веке. Стоит напомнить, что Шарль Перро был превосходным поэтом, мастерски владевшим поэтическим словом, автором знаменитой поэмы «Век Людовика Великого» (1687). Стих Перро легок, изящен, красив и изыскан, он использует характерные приемы высокого поэтического языка классицистической поэзии с характерными для нее рационализмом и логичностью. Увы, о переводах этого сказать нельзя: эстетическая информация отсутствует полностью, в них не возникает образ галантного и изысканного века Людовика XIV.

Смысловая информация также часто искажается, что порой меняет сам смысл назидания. Так, «Спящая красавица» завершается рассуждением о том, что конечно, можно прождать супруга сотню лет, если он окажется «богатым, красивым, галантным и нежным» («*Riche, bien-fait, galant et doux*» [9, с. 200]), но поскольку девушкам свойственно мечтать о замужестве, то «у меня нет ни силы, ни мужества/ проповедовать им такую мораль». В переводе читаем: «Но нежный пол с таким огнем / Твердит свой символ веры брачной,/ Что сеять яд сомнений в нем/ У нас не хватит злости мрачной» [4, с. 27].

Завершающие строки моралите «Рике с хохолком» в оригинале звучат так: «Все эти дары не так смогут возбудить в сердце чувства, /как та невидимая приятность, /которую сумеет найти лишь одна Любовь» («Tous ces dons pourront moins pour rendre un cœur sensible/ Qu'un seul agrément invisible /Que l'Amour y fera trouver» [9, с. 283]. В переводе же получается, что невидимая «прикраса» есть не в возлюбленном, а в самой любви: «Но сердца это все воспламенить не сможет, /Пока любовь тихонько не поможет /Незримою прикрасою своей» [4, с. 68].

К искажению фактуальной информации ведет неправильный перевод специфической лексики XVII века. Л. В. Успенский, известный лингвист, прекрасно знал, что слова меняют свое значение с ходом времени, однако при переводе он это не учел. Так, *la ruelle* – не «закоулок», а «альков»; *le soeur* имело значение «мужество, смелость»; *le grimoire* – «колдовская книга», а не «тарабарщина» (здесь, к тому же мы видим явное снижение стиля); *la foi conjugale* – не «символ веры брачной», но «обещание жениться»; *dresser* – «подготовить, направить», а не «поставить» [8].

Не менее досадны и многочисленные случаи слишком вольного перевода, искажающего смысл оригинала.

«Премило украшает детство /Довольно крупное наследство» – так начинается перевод моралите «Кота в сапогах»: хозяин Кота, как известно, был юношей, и в принципе не понятно, почему богатое наследство украшает детство? («Каким мы большим ни было преимущество /Наслаждаться богатым наследством...» – «*Quelque grand que soit l'avantage/ De jouir d'un riche héritage*» [9, с. 243]). Во втором моралите к этой же сказке «наряд» (*l'habit*) без всяких оснований заменен на «богатство» и получается, что принцесса пленилась не только «нарядом, приятной внешностью и молодостью» («*l'habit, la mine et la jeunesse*» [9, с. 243]) хозяина Кота, как в оригинале, но и его богатством. В моралите сказки «Волшебницы» идея силы, которую имеет над людьми богатство, заменена на идею его «ценности». В «Золушке» мысль о том, что «Иметь ум, мужество, благородство, здравомыслие и другие подобные таланты» («*C'est sans doute un grand avantage/ D'avoir de l'esprit, du courage,/De la naissance, du bon sens,/ Et d'autres semblables talents*» [9, с. 269]), хотя, без сомнения, и является большим преимуществом, но чтобы все эти таланты были оценены необходима помощь сильного покровителя, передается следующим образом: «Чего уж лучше, знаем, сами, /Слыть мудрецами, храбрецами, / Роскошней быть, чем первый франт,/ Иметь какой-нибудь талант, / Определенный небесами. /Все это можно заслужить, /Но лучшие дары пребудут бесполезны,/Пока не вздумает за нас поворожить/ Хоть кумушка, хоть куманек любезный...» [4, с. 59]. Если все эти таланты определены небесами, то как можно их заслужить? А «благородство и здравомыслие» никак не могут быть переведены как «роскошество и франтовство», которые к героине сказки к тому же не имеют никакого отношения! В наставлении к «Мальчику-с-пальчику» герой назван «байбаком», т.е. сурком, хотя в

оригинале он просто «малыш, маленький ребенок» (*le petit marmot*). Хотя этимологические словари указывают на возможное происхождение слова от слова «*singe*» – «обезьяна», но уже к XVI в. закрепилось значение «ребенок».

Ш. Перро и перемежает классический александрийский стих десяти- и восьмисложником (объем статьи не позволяет более подробно остановиться на анализе поэтической формы), характерными для более легкой поэзии, передающими ритм разговора, однако разговорной и фамильярной речи он не допускает, в отличие от переводчика, значительно снизившего высокий регистр оригинала. «Здравый ум» превращается в «умишко», «крестная» Золушки – в «фею-кумушку», а «крестные отец и мать» – в «кумушку и куманька», появляются «продувные плуты», «обождать», борода может быть «пегой масти».

Остается отметить, что перевод моралите никак не соотносится с переводом самих сказок, в которых мы не найдем ни байбака, ни кумушку-фею, где по воле волшебницы изо рта доброй дочери падают драгоценные камни – алмазы и жемчуга – и цветы, а не металлы – золото и серебро.

Ни в коем случае не требуя буквализма, понимая, что в разных языках одна и та же форма может иметь различное прагматическое значение, признавая, что при переводе неизбежны существенные преобразования, хотелось бы все-таки, чтобы избранный переводчиком метод соответствовал и характеру подлинника и социальному заказу. Перевод А. В. Федорова и Л. В. Успенского обращен к взрослому читателю, как о том свидетельствует первое издание (малый формат, мелкий шрифт) и предисловие.

Перевод моралите, выполненный Л. Успенским, не будучи ни поэтическим, ни стихотворным, ни филологическим, оказывается не пригоден ни для академических изданий, ни для исследователей, ни для читателей, ищущих эстетического удовольствия.

Список использованных источников

1. Алексеева М. Л. Осмысление феномена неперевода философиями XX столетия // Вопросы философии. 2014. URL:http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=917&Itemid=52 (дата обращения: 31.01.2017).
2. Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин Бодлера». // URL : <http://kassandriion.narod.ru/commentary/11/6ben.htm> (дата обращения: 31.01.2017).
3. Гончаренко С. Ф. «Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность» // Тетради переводчика. М.: МГЛУ. – 1999. – Вып.24. С. 108–111. URL : http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (дата обращения: 31.01.2017).
4. Перро Ш. Сказки. Пер. с французского А. В. Федорова и Л. В. Успенского. М.: Правда, 1986.

5. Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне. // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1976. С. 350–395.
6. Федоров А. В. Проблема стихотворного перевода. // Временник отдела словесных искусств. II. Поэтика. Сборник статей. Ленинград: Academia, 1927. С. 104–118.
7. Heidmann U. « C'est par la différence que fonctionne la relation avec un grand R ». Pour une approche comparative et différentielle de traduire. // The Frontiers of the Other. Ethics and Politics of Translation. Zürich, Berlin : LIT VERLAG, 2013. P. 61–73
8. Larousse de la langue française. Lexis. P.: Larousse, 1979.
9. Perrault Ch. Contes. P.: Le livre de poche, Classiques, 2006.

УДК 82.15

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ

В. П. Андриенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

О. А. Асютина,

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Целью данной работы является изучение реалии как лингвистической единицы. Также важным моментом в работе является проведение обзора основных способов перевода реалии. Для решения этих задач рассматривается классификация реалий по различным признакам, определяются все возможные пути их перевода.

В работе используются следующие методы исследования: описательный, сопоставительный. Результатом проведенной работы является изучение литературы по теме исследования, раскрытие сущности понятий, определение реалии по различным признакам.

Для переводчика одной из важных проблем является передача реалий. Реалии являются лексическими единицами, называемыми предметами, явлениями, объектами, характерными для жизни, быта, культуры, они передают социальный и исторический колорит народа. Следует выделить следующие приёмы перевода реалий: транскрипция/транслитерация, калькирование, гипо- гиперонимический перевод, введение функционального аналога, описательный и контекстуальный перевод.

Ключевые слова: реалия, способы перевода, транслитерация, транскрипция, описательный перевод, приблизительный перевод.

Summary. The purpose of this work is to study realia as a linguistic unit and to review the main methods of translation realia. In order to solve these

problems, the classification of realia by different characteristics is considered and all the ways of translation them are determined. The following research methods are used in the work: descriptive, comparative. Studying of literature on the subject of the research, disclosure the essence of the notions, determination of a realia according to different features, - are the results of the research.

Translation of realia is one of the most important problems for interpreter. Realia are lexical units that name objects, phenomena, subjects characteristic of life, mode, culture. They convey social and historical color of nations. The following methods of translating realia can be pointed out: transcription/transliteration, calque, hypo- hyperonymic translation, functional dialogue, descriptive and contextual translation.

Key words: culture-bound term, methods of translation, transcription, transposal, descriptive translation, approximate translation.

На современном этапе развития общества, в условиях глобализации, интеграции контактов и отношений между странами, которые принадлежат к различному лингвокультурному пространству, нужной и важной становится переводческая деятельность. Известно, что все особенности народа и его культуры находят свое отражение в языке. Можно сказать, что язык является отражением культуры любого народа. Специфические черты народа и его быта отражены в культурно маркированных словах или в словах-реалиях, которые содержат в себе информацию о стране, ее традициях и обычаях. Как лингвистическое явление реалии принадлежат к безэквивалентной лексике. Этот термин был введен Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым [2, с. 87]. Для обозначения реалий ученые использовали термины «коннотативные слова», «безэквивалентная лексика», «слова с культурным компонентом». Под безэквивалентной лексикой подразумеваются «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [2, с. 95].

В работах теоретиков перевода слово «реалия» как термин появилось в 40-х годах XX века. Впервые его использовал А. В. Федоров в работе «О художественном переводе» [9, с. 12].

Известно также, что многие теоретики перевода давали определение термину «реалия». Так, эту переводческую категорию исследовали болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин [3, с. 8]. Можно утверждать, что они дали наиболее точное определение «реалии», утверждая, что это будут такие слова (и словосочетания), которые называют объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому. Эти слова, являясь носителями национального или исторического колорита, как правило, не имеют точных соответствий

(эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода [3, с. 47].

Следует отметить, что не только отечественные, но и зарубежные ученые рассматривали и продолжают рассматривать проблему культурно маркированных единиц и способы их перевода. Так, Дж. Лион [59, с. 63] и П. Ньюмарк [60, с. 41] утверждают, что для обозначения реалий чаще всего используют термины «cultural words» и «cultural terms».

Р. П. Зоривчак в монографии «Реалия и перевод» дает определение реалии как моно- и полилексемной единицы, основное лексическое значение которых содержит традиционно прикреплен к ним комплекс этнокультурной информации, которая является чужой для объективной действительности человека, который владеет иностранным языком [4, с. 58].

В. С. Виноградов акцентирует внимание на лингвокультурном аспекте понятия «реалия»: «Специфические факты истории и государственного устройства национального общества, особенности его географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и нынешнего, этнографические и фольклорные понятия и т.д. – все это обычно называют реалиями» [1, с. 19].

Некоторые переводчики используют понятие «экзотизм» как абсолютный синоним к термину «реалия». Так, Р. П. Зоривчак называет реалии «самыми опасными из «подводных камней», которые приходится преодолевать переводчикам» [4, с. 38].

На сегодняшний день существует множество классификаций культурно-маркированных единиц, которые основываются на тех или иных принципах. Так, известная украинская исследовательница Р. П. Зоривчак предлагает различать реалии по историко-сематическому и структурному планам [4, с. 70].

В. Н. Крупнов предложил свою классификацию культурно маркированных слов, которая является идентичной классификации С. Влахова и С. Флорина, за исключением одной группы. Исследователь добавил еще один тематический класс – «рекламные реалии» [7, с. 152].

Весьма трудной задачей для переводчика является перевод реалий. Для правильной и точной передачи информации необходимо обладать хорошими знаниями иностранного языка.

В. С. Колесникова отмечает, что «процесс коммуникации между писателем и его адресатом (читателем) имеет свои особенности. Участники дискурса отдалены друг от друга в пространстве и во времени [6, с. 147]. «Ещё больше специфических особенностей получает процесс коммуникации между писателем и иностранным читателем, читающим произведение не в оригинале, а в переводе» [6, с. 147].

В настоящее время существуют различные точки зрения о способах перевода реалий, которые в отдельных позициях отличаются по своему составу, хотя и имеют сходные черты. Многих исследователей интересовала

и интересуется проблема передачи реалий. Теоретики перевода С. Флорин и С. Влахов выделяют следующие способы перевода: транскрипция (транслитерация), перевод (замена), приблизительный перевод, контекстуальный перевод [3, с. 87–92]. Чаще всего переводчики используют транслитерацию, так как передача звучания является более эффективной, чем передача графического изображения. Транслитерация способствует более точной передаче национального колорита. С. Влахов и С. Флорин объединяют транслитерацию и транскрипцию. Данные способы используются при переводе иностранных имен собственных, географических названий, названий фирм, газет, журналов, марок и т.д. На данном этапе развития переводческой деятельности способ транслитерации транскрипции используется довольно часто, но буквенная или звуковая передача иностранного термина не раскрывает её значения, без знания иностранного языка читателю будет трудно воспринять правильное значение реалии. При использовании транскрипции (транслитерации) необходимо помнить о явлении межъязыковой омонимии, т.е. о существовании в языке перевода слов, которые являются близкими по звучанию и переводимым реалиям. Поэтому в определенных ситуациях переводчик должен отказаться от данного способа перевода. Перенасыщение транскрибированных (транслитерационных) слов может привести к перегрузке текста, а это затруднит восприятие перевода. Перевод реалий (замена или субституция) применяется в тех случаях, когда транскрипция (или транслитерация) в определенных обстоятельствах невозможна или нежелательна.

Также различают такие виды перевода реалий: введение неологизма (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм), приблизительный перевод (гипонимический перевод, уподобляющий перевод, разъяснительный (описательный) перевод), трансформационный (контекстуальный) перевод. Введение неологизма – средство перевода реалии с сохранением ее колорита и достоверности путем образования нового слова или словосочетания. Такими словами являются кальки и полукальки. Семантический неологизм – это новое слово или выражение, созданное переводчиком, которое позволяет понять смысловое содержание иноязычной реалии. Данный способ отличается от кальки отсутствием этимологической связи с оригинальным словом. Перевод реалий с помощью неологизмов наименее распространенный, так как новое слово создается одним автором.

Приблизительный перевод используется чаще всего для перевода реалий. Посредством этого способа удастся лучше всего передать предметный смысл реалии, но при этом теряется ее колорит, так как происходит замена коннотативного элемента нейтральным по стилю, т.е. словом или словосочетанием с нулевой коннотацией. Существует несколько видов приблизительного перевода:

а) Гипонимический перевод подразумевает замену видового понятия на родовое. Такой способ перевода дает возможность раскрыть смысл иноязычной реалии с помощью единицы с более широким (узким) значением. Данный прием позволяет отказаться от транскрипции/транслитерации и заменить понятие, разница между которыми будет незначительна в контексте. Он используется при передаче незнакомых переводчику реалий.

б) Прием «Функциональный аналог» дает возможность поменять иноязычную реалию на хорошо известную для переводчика. Этот прием основан на использовании приближенного аналога, который ассоциируется у реципиента с той же используемой реалией.

в) Разъяснительный (описательный) перевод используется в тех ситуациях, когда переводчик по определенным причинам не может использовать другой прием перевода, и вынужден объяснять незнакомую реалию. В данном случае маркированное слово не переводится с помощью эквивалента, но вероятность неправильного понимания уменьшается.

Контекстуальный способ перевода сходный с уподобляющим переводом и противопоставлен словарному, так как иноязычная реалия может иметь соответствия, которые отличаются от словарного перевода. Ориентиром для переводчика выступает контекст.

В. В. Кабакчи в работе «Практика англоязычной межкультурной коммуникации» представляет такие способы перевода реалий, как трансплантация и параллельное подключение. Трансплантация представляет собой появление в тексте перевода реалии-оригинала. Параллельное подключение представляет собой появление в тексте целого комплекса, который состоит из нескольких компонентов, что способствует точности передачи реалии, делает её доступной для реципиентов [5, с. 98–112].

Итак, для перевода реалий необходимо выбрать наиболее подходящий способ. Перед переводчиком встает проблема выбора пути наиболее для точной передачи колорита. Выбор способа перевода зависит от многих условий и обстоятельств. В зависимости от характера текста переводчики делают выбор с учетом жанровых особенностей литературы.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
4. Зорівчак Р. П. Реалія та переклад (на матеріалі англомовних перекладів української прози). Львів: Вид-во при Львівському університеті, 1980. 216с.

5. Кабакчи В. В. Практика англоязычной международной коммуникации. СПб.: Союз, 2001. 480 с.
6. Колесникова В. С. К проблеме художественного перевода как речевой деятельности // Мир языка и межкультурная коммуникация / Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. С. 147–153.
7. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика. М.: Международные отношения. 192 с.
8. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Изд-во Филология-три, 2002. 416 с.
9. Lyons J. Language, meaning and context. Bungay: Fontana, 1981. 256 p.
10. Newmark P. Approaches to translation. Oxford: Prentice Hall, 1981. 200 p.

УДК 82.09

**РОМАН-ПОСВЯЩЕНИЕ АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ РОМАНОВ ОБ АЛАТРИСТЕ)**

С. В. Андрюхина,

*ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью статьи является определение и обоснование возможности рассмотрения серии романов об Алатристе Артуро Переса-Реверте как романа-посвящения. На основе множественности интерпретаций А. Переса-Реверте создает иронично-интертекстуальный дискурс, делая текст доступным для читателей разного уровня.

Ключевые слова: Алатристе, роман-посвящение, историко-приключенческий роман.

Summary. The aim of this article is to define and support the possibility to consider the series of the novels about Alatrisme as the novel of address. A. Perez-Reverte creates his ironical and intertextual discourse based on the plurality of the interpretations, making his text intelligible for the readers of different levels.

Key words: Alatrisme, novel-address, historical and adventure novel.

Современная эпоха глобализации и общемировые тенденции приводят к социально-культурным изменениям и определяют потребность появления новой культуры, которая нацелена на переоценку моральных норм и традиционных ценностных ориентиров. Поскольку одной из концепций постмодернизма был хаос, культура постмодернизма изучает человека и общество в процессе познания и преобразования окружающего мира в условиях исторического развития [1]. Рассматривая историю как текст, постмодернисты пытаются переосмыслить исторические культурные эпохи, используя принцип множественности интерпретаций. Данный принцип подразумевает свойственную литературе постмодернизма

двуадресность художественных произведений: интеллектуалам, знакомым с кодами культурно-исторических эпох, и массовому читателю, способному обнаружить лишь один культурный код, дающий возможность для интерпретации. Опираясь на принцип множественности интерпретаций, мы предприняли попытку рассмотреть серию романов об Алатристе как роман-посвящение, и целью данной статьи является определение и обоснование возможности рассмотрения серии романов об Алатристе как романа-посвящения.

Современный испанский писатель Артуро Перес-Реверте на разных этапах своего творчества обращается к различным эпохам развития испанской нации (Золотой век в Испании, период правления Изабеллы II, Наполеоновские войны) с целью привлечь внимание читателя к историческим вопросам, которые являются актуальными и в наши дни: проблемы экономического кризиса, левого и правого экстремизма, социального неравенства, духовно-нравственной деградации общества. Его серия романов об Алатристе – это цикл историко-приключенческих романов, действие которого происходит в Испании XVII века. Данный цикл включает в себя семь романов о капитане Диего Алатристе, и первый роман был издан в 1996 году. В своих романах А. Перес-Реверте комбинирует основные черты литературы постмодернизма: интертекстуальность, игровой принцип жанрового синкретизма, подразумевающий сочетание черт приключенческого романа, исторического романа, романа плаща и шпаги, маску автора, формируя ироничный литературный дискурс, с явными чертами металитературы, делая текст доступным для читателей разного уровня.

В XIX и XX вв. термин «роман плаща и шпаги» относится к жанру шпионского романа, и как отмечает М. В. Норец в своей статье «Теоретико-методологические основы формирования шпионского романа в современном литературоведческом дискурсе», жанр шпионского романа является по своей природе жанром синтетическим, сочетающим в своей жанровой модели «эпосные» и романские признаки [4, с. 61].

Одной из черт литературы постмодернизма является присутствие автора в тексте. Система персонажей в серии романов об Алатристе влечет за собой систему собственных имен. Как отмечают Н. В. Пасекова и М. А. Каретникова в своей статье «Проблема перевода культурных реалий на материале романа Т. Капоте «Завтрак у Тиффани», особого подхода требует передача национального и исторического своеобразия оригинала при переводе на русский язык [5, с. 73]. Центральной фигурой серии романов Переса-Реверте является Диего Алатристе-де-Тенорио, и в его имени Перес-Реверте заключает культурно-исторический код. «Alatriste» можно рассматривать как «A la triste», обращение к Рыцарю печального образа «El Caballero de la triste figura». Предлог «a» в испанском языке имеет значение обращения к кому-то, а часть «la triste» является частью имени Дон Кихота. Именно поэтому мы предлагаем рассматривать серию романов

об Алатристе как роман-посвящение и роман-обращение к «Дон Кихоту» и в целом к эпохе, в которую жил Сервантес. В российском литературоведении термин «роман-посвящение» встречается в статье Н. А. Литвиненко «Графиня «Рудольштадт» Жорж Санд: особенности романной поэтики», но в представлении этого ученого, этот термин имеет значение посвящения в другую веру [3, с.29-52]. Термин «роман посвящения» используется наряду с понятием «роман инициации». Как отмечает Е. А. Борисеева в статье «Роман инициации: проблема жанровой атрибуции», толчком к разработке проблемы романа инициации в западном литературоведении стали достижения ритуально-мифологической школы и интерес к обряду инициации со стороны ряда научных дисциплин: философии, антропологии, истории религий, фольклористики (труды Р. Генона, Дж. Фрэзера, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелла, А. ван Геннепа, В. Я. Проппа). Роман инициации изучался не одним поколением французских литературоведов (Л. Селье, С. Вьерн, Л. Деом, Ж. Жак). Наиболее авторитетным исследованием этой жанровой формы в западном литературоведении остается работа С. Вьерн «Ритуал, роман, инициация», выдержавшая три издания, что само по себе свидетельствует об устойчивом интересе к данной проблеме [2, с. 20]. Проанализировав различные формулировки термина «роман-посвящение», мы, в свою очередь, предлагаем рассматривать серию романов об Алатристе Переса-Реверте как роман-посвящение, как роман-обращение. Перес-Реверте обращается к исторической эпохе, когда сформировался испанский роман Золотого века. Сервантес закрепил форму литературы, созданную плутовским романом в Испании, – художественное произведение, искореняющее «удивительное», и подробно излагает реалистичную историю, которая разворачивается на фоне современных событий, с обычными (т.е. представителями среднего класса) действующими лицами, с целью воссоздания социальной картины. По мнению Дж. А. Гарридо Ардила, профессора современной сравнительной и испанской литературы Университета Эдинбурга, в эпоху Сервантеса зародились каноны испанского романа Золотого века (*golden template*), черты которых проявляются на протяжении всей истории становления испанского романа, устанавливая плутовской роман как повторяющийся принцип романного жанра [6, с. 54]. Эти каноны лежат в основе романов об Алатристе. Для воссоздания колорита эпохи, Перес-Реверте вводит целый ряд исторических персонажей, таких как Франсиско де Кеведо, Веласкеса, Сервантеса, Лопе де Вега, чтобы придать историческую многомерность его произведениям. XVI век наблюдал консолидацию испанского государства, когда политическая и экономическая сила буйно росли. Экономический кризис, который начался примерно в 1640–х годах, и постепенный рост других европейских держав, таких как Англия и Франция, обозначил начало испанского декаданса. Кеведо выразил пессимистическое настроение того времени в сонете, который был написан в 1613 году: *I looked at the walls of my nation. Once they*

were strong, now they are fallen/tired after the course of life/ by which their valour is now expired. (Я смотрел на стены моей нации. Когда-то они были сильными, сейчас они пали, уставшие от жизни, которая истощила их доблесть.)

Перес-Реверте создает иронично-интертекстуальный дискурс, которым он привлекает внимание читателя к тому факту, что современная Испания является страной, где низость и пренебрежение к благородным людям, захват власти низкими людьми выступают такими же реалистичными, как и в эпоху, описанную Сервантесом. По мнению Переса-Реверте, «роман о Дон Кихоте – это книга о провале, о забвении и одиночестве ее главного героя в бесславном мире» [7, с. 2]. Подобная оценка возможна лишь из уст испанца. Национальный характер испанцев в творчестве Переса-Реверте проявляется в отношении автора к своим героям: их либо превозносят и восхваляют, либо относятся к ним пренебрежительно. Сервантеса не чествовали его современники, и лишь в конце жизни ему удалось добиться успеха, написав роман «Дон Кихот».

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что серию романов об Алатристе Переса-Реверте необходимо рассматривать как роман посвящение и роман-обращение. Исторические персонажи романов Переса-Реверте высказывают свое отношение к эпохе Золотого века в Испании, называя ее эпохой бесплодного самопожертвования, героических поражений, упадка морали и порчи нравов, плутовства и воровства, и данная характеристика относится к современной обстановке в Испании.

Список использованных источников

1. Андрюхина С. В. Исторический дискурс в творчестве Артуро Переса-Реверте // *Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций*. – Симферополь: Издательство «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», 2016. С. 4–12.
2. Борисеева Е. А. Роман инициации: проблема жанровой атрибуции [Электронный ресурс] // *Веснік БДУ. Сер. 4.* – 2014. – № 1. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/112165/1/20-23.pdf> (дата обращения 02.02.2017).
3. Литвиненко Н. А. «Графиня «Рудольштадт» Жорж Санд: особенности романной поэтики» [Электронный ресурс] // *Rhema. Рема.* – 2009. – №3. <http://cyberleninka.ru/article/n/grafinya-rudolshtadt-zhorzh-sand-osobennosti-romannou-poetiki> с. 29-52 (дата обращения 15.01.2017).
4. Норец М. В. Теоретико-методологические основы формирования шпионского романа в современном литературоведческом дискурсе // *Гуманитарные чтения «Свободная стихия». Тезисы докладов научно-практической конференции. ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Гуманитарно-педагогический институт.* – 2015. – С. 60-61.
5. Пасекова Н. В., Каретникова М. А. Проблема перевода культурных реалий на материале романа Т. Капоте «Завтрак у Тиффани» // *Проблемы*

современной науки и образования. – Иваново: Издательство «Олимп», 2016. – №32(73). – С.73-76.

6. Garrido Ardila J.A. A History of the Spanish Novel. – Oxford University Press. – 2015. P.416 [Электронный ресурс] <https://books.google.com.ua/books?id=x6XKBwAAQBAJ&pg=PA29&lpg=PA29&dq=J.A.+Garrido+Ardila+A+History+of+the+Spanish+Novel&source=bl&ots=cgrumSMSSZ&sig=q4xBmuI5SQTcWugL25uXPduCBMA&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwisuI2GpvnRAhUEEpoKHUOqD18Q6AEIRzAH#v=onepage&q=J.A.%20Garrido%20Ardila%20A%20History%20of%20the%20Spanish%20Novel&f=false> (дата обращения 27.06.2016).

7. Entrevistas de Marías y Pérez-Reverte «A Cervantes lo consideraban un viejo idiota» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zendalibros.com/entrevista-a-javier-marias-y-arturo-perez-reverte/> с. 1-4 (дата обращения 10.03.2016).

УДК 811.12

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. «ВЫСОКАЯ МОДА» И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА

Д. Н. Асатиани,

кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Внеязыковая коммуникация представляет собой важную интегральную часть поликодовой межкультурной коммуникации. Семиотика моды опирается на междисциплинарное исследование знаковых систем, используемых в процессе общения. В данной статье предпринята попытка на основе доступных источников и материалов проанализировать роль и место «высокой моды» в ожесточенной предвыборной политической борьбе, имевшей место в Вашингтоне в 2016-2017 годах. История, теория и практика моды теснейшим образом связаны и, во многом, зависят от экономики, политики, культуры, религии и идеологии, преобладающих в той или иной стране. В США сложились вековые традиции мобилизации всех каналов, методов и технологий связей с общественностью для успешного проведения президентской предвыборной кампании, закрепления победы на выборах и повторения успеха в борьбе за второй срок правления в Белом доме.

Ключевые слова: внеязыковая коммуникация, семиотика моды, политическая борьба, технологии связей с общественностью, инаугурация, Вашингтон.

Summary. Extra-linguistic communication is an important integral part of polycode intercultural communication. Fashion semiotics is based on the interdisciplinary study of sign systems used in the process of communication. This article is an attempt based on available sources and materials to analyze the role

and place of fashion in a fierce electoral political struggle in the USA in 2016-2017. History, theory and practice of fashion are closely connected and in many respects depend on the economy, politics, culture, religion and ideology prevailing in a particular country. In the United States there has been an age-old tradition of mobilizing of all the channels, methods and techniques of public relations for the successful conduct of the presidential election campaign, securing the victory achieved and repeating the achievement in the fight for the second term in office at the White House.

Key words: extra-linguistic communication, semiotics of fashion, political struggle, public relations techniques, inauguration, Washington.

Этимология русского слова «мода» восходит к французскому «mode». «Mode» происходит от латинского «modus» – мера, образ, способ, правило, предписание. Мода понимается как быстрое, широкое распространение и кратковременное господство определенных вкусов в отношении одежды, предметов быта или в какой-либо другой сфере жизни или культуры [5].

Древнегреческая мода, например, по мнению Мэри Хьюстон, отражала всю тогдашнюю философию, она воплощала идеологию и аспекты искусства, мировоззрение и предпочтения греков того времени. Сам стиль греческой одежды не претерпевал особых изменений до того времени, пока не стало усиливаться влияние восточных государств, а также возрастать могущество Рима. Впоследствии, греческий наряд утратил свою аутентичность, слившись с римским типом одежды. Афинские женщины в период расцвета древнегреческой культуры носили одежды из полупрозрачной ткани-вуали, а позже – из хлопка и шелка. Исключительным, изысканным цветом считался белый, но при этом часто выбирали пурпурный, фиолетовый, терракотовый, розовый, шафрановый, синевато-зеленый, голубой и коричневый цвета [11, с. 33-67].

В данной статье особое внимание уделено церемонии инаугурации вновь избранного президента США Д. Трампа и торжественным мероприятиям сразу после его вступления в должность.

Задолго до события, происшедшего 20 января 2017 года, мировые СМИ сообщали о том, что жена кандидата в президенты Д. Трампа получала отказ за отказом от именитых дизайнеров. Том Форд одним из первых объявил, что его имя не нуждается в поддержке Меланьи Трамп. Марк Джейкобс, якобы, также отказался от возможности принять участие в создании образа для Меланьи, и многие другие дизайнеры последовали их примеру по политическим причинам [13].

Рассматривая в 1999 году гипотетическую возможность стать первой леди США, М. Трамп отмечала, что будет брать пример с жен президентов Джеральда Форда и Джонна Кеннеди [7].

17 января стало известно, что М. Трамп появится на церемонии инаугурации в наряде от Ральфа Лорена [8]. Многие запомнили эффектный белый комбинезон от этого американского кутюрье, в котором появилась

супруга кандидата в президенты США 8 ноября 2016 года, в ночь выборов. Электронное издание Yahoo Style сообщило о том, что комбинезон стоил 3990 долларов США [14]. До этого Меланья уже появлялась на предвыборных дебатах кандидатов в президенты в эффектном черном комбинезоне, с широкими брюками и большим шейным бантом, от того же модельера. Эта деталь, придающая одежде особую женственность, стала популярной, благодаря Коко Шанель и Ив Сен Лорану. Она была отмечена в нарядах Маргарет Тэтчер, принцессы Дианы и Ненси Рейган.

В свою очередь, кандидат в президенты от демократической партии Хиллари Клинтон и в ходе кампании, и на церемонии инаугурации была в одежде от Ральфа Лорена.

20 января 2017 года новая первая леди США появилась в небесно-голубом платье футляре, жакете болеро с воротником стойкой и рукавом в три четверти и длинных перчатках того же цвета от Р. Лорена. Меланья Трамп выглядела безупречно, и модные критики сошлись на том, что это была победа первой леди [4]. Визажист Меланьи Трамп Николь Бриль, которая работает с ней уже более десяти лет, рассказала английской газете The Telegraph, что у супруги нового президента будет свежий тон лица с мягким контуром, подчеркнутый лишь персиковыми или розовыми румянами. Акцент в макияже был сделан на ярко-голубые глаза Меланьи, чтобы они стали еще более выразительными [10].

Меланья Трамп, выбрав наряд Ральфа Лорена, тем самым сразу дала несколько сигналов. Очевидно, что источником вдохновения для неё была Ж. Кеннеди, икона стиля и законодательница моды. Жаклин любила и этот голубой цвет, и такой же лаконичный крой. Платье Меланьи – отсылка к инаугурационному наряду Ж. Кеннеди в 1961 году, и в этом смысле беспроектный вариант.

Еще больше Меланья удивила мир моды своим вторым нарядом – белым бальным платьем в пол с тонкой бордовой лентой вместо пояса, в котором она появилась на двух балах после инаугурации. Ее представители заявили, что это результат совместной работы дизайнера Эрве Пьера и самой Меланьи. То есть фактически она показала платье собственного дизайна, заявив тем самым о своих амбициях модельера. Одновременно она представила первую работу Эрве Пьера, выпущенную под его собственным именем [9].

Рассуждения и репортажи об образе первой леди США отчасти раскрывают её стиль и свидетельствуют о ее возможной роли в Белом доме. Полная коллекция нарядов первых леди США собрана в отделе политической истории в Национальном музее американской истории, который входит в состав Смитсоновского института. Музей уже отправил официальный запрос Меланье с просьбой передать свое инаугурационное платье в фонды, придав ему, таким образом, статус национального достояния [1].

20 января 2017 года знаток моды Ирина Власова на главной странице популярного электронного издания www.gazeta.ru увлекательно рассказала не только о самой церемонии, но и о том, как аналогичные мероприятия проходили в не столь удаленном прошлом.

Дуайт Эйзенхауэр был избран на пост президента дважды – в 1952 и 1956 годах. Оба платья, которые выбирала Мейми Эйзенхауэр для церемоний инаугурации, созданные дизайнером Нетти Розенштайн, были буквально усыпаны жемчугом, кристаллами и топазами. Платье Мейми в 1956 году было выполнено из тафты и кружева лимонного цвета. За неделю до своего выхода она представила свое платье фотографам и прессе [3].

20 января 1961 года на инаугурации Дж. Кеннеди его супруга точно знала, что стиль является неотъемлемой частью статуса. Она появилась в расшитом серебряной нитью шелковом платье без рукавов и бретелей с шифоновой накидкой собственного дизайна [2].

В свою очередь, М. Трамп проделала большую подготовительную работу. По мнению фэшн-критиков, выбором нарядов и манерой поведения она продемонстрировала, что серьезно относится к роли первой леди [6].

Политические баталии вокруг Белого дома продолжаются. Принимаемые 45-ым президентом США решения вызывают неоднозначную реакцию в стране и за рубежом. Миллионы сторонников Дональда Трампа внимательно следят за вербальными и невербальными посланиями из Вашингтона.

Раф Симонс, известный бельгийский дизайнер, ставший новым креативным директором американского бренда Calvin Klein, сравнил происходящий переворот в большой политике с постоянными переменами в мире моды [12]. Ближайшие месяцы покажут, насколько новому президенту удастся переломить порой бурную негативную реакцию сознательных противников проводимой им политической линии и консолидировать силы своих убежденных сторонников, а также тех, кто захочет поддержать его эмоционально, интеллектуально и организационно.

Список использованных источников

1. Васильева Е. В. В ожидании Меланьи: как влияли на моду и политику наряды первых леди США [Электронный ресурс]: <http://sputnik.by/lifestyle/20170116/1026983691/kak-vliyali-na-modu-i-politiku-naryady-pervyh-ledi-ssha.html> (дата обращения: 18.01.2017).
2. Власова И. Главные платья в жизни [Электронный ресурс]: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2017/01/a_10484723.shtml#page3 (дата обращения: 21.01.2017).
3. Дубина И. 13 самых известных платьев первых леди США. От Эдит Рузвельт до Мишель Обамы. [Электронный ресурс]. URL: <http://bazaar.ru/heroes/fashion/13-samykh-izvestnykh-platev-pervykh-ledi-ssha/> (дата обращения: 22.01.2017).
4. Ершова Т. Покупай американское и нанимай американцев: почему Меланья Трамп выбрала платье дизайнера Ральфа Лорена и будут ли его

теперь бойкотировать [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/> (дата обращения: 25.01.2017).

5. Энциклопедия моды и одежды. [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/enc_fashion/Moda-568.html (дата обращения: 20.01.2017).

6. Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Перевод на русский язык Ильинской И., Лосевой А. История одежды с древнейших времен до наших дней: развитие костюма от IV тыс. до н. э. до 80-х г. XX столетия. Прага: Артия, 1987. 993 с.

7. Bergstein R. Melania Trump is Fashionable, But She's Unlikely to Become a Fashion Icon, Like Michelle Obama [Electronic Resource]. URL: <http://www.forbes.com/sites/rachellebergstein/2017/01/20/melania-trump-is-fashionable-but-not-a-fashion-icon/2/#5990d1e93caa> (дата обращения: 22.01.2017).

8. Bulick M. Melania Trump Lists Her Model First Ladies. [Electronic Resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/19/insider/1999-melania-trump-first-lady.html> (дата обращения: 22.01.2017).

9. Feitelberg R., Melania Trump Turns to Ralph Lauren for Inaugural Week Fashion Options With the inaugural festivities nearing, incoming first lady Melania Trump is about to give a bevy of fashion designers some global publicity [Electronic Resource]. Mode of Access: URL: <http://wwd.com/fashion-news/fashion-scoops/melania-trump-ralph-lauren-inaugural-week-fashion-10752086/> (дата обращения: 18.01.2017).

10. Folie B., Melania Trump Wears Hervé Pierre to Inaugural Balls. For Friday night's inaugural balls, the First Lady collaborated with Hervé Pierre on a vanilla silk gown [Electronic Resource]. URL: <http://wwd.com/fashion-news/fashion-features/melania-trump-wears-herve-pierre-to-inaugural-balls-10760356>. (дата обращения: 22.01.2017).

11. Hall V. Melania Trump's make-up artist Nicole Bryl shares her secrets [Electronic Resource]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/beauty/make-up/melania-trumps-make-up-artist-nicole-bryl-shares-secrets-looking/> (дата обращения: 21.01.2017).

12. Houston M. Ancient Greek, Roman & Byzantine Costume. Dover Publications, New York, 2011. p. 33-67.

13. Johnson N., Raf Simons on Life in New York, Designing Under Trump, and the New Generation of Designers Who Look Up To Him [Electronic Resource]. – URL: <http://www.gq.com/story/raf-simons-exclusive-intervie> (дата обращения: 26.01.2017).

14. Leaper C. Marc Jacobs and Tom Ford refuse to dress Melania Trump [Electronic Resource]. – Mode of Access: URL: <http://www.telegraph.co.uk/fashion/people/marc-jacobs-tom-ford-refuse-dress-melania-trump/> (дата обращения: 01.12.2016).

15. Tuck L. Future First Lady Melania Trump Wore a \$3,990 Jumpsuit on Election Night [Electronic Resource]. – Mode of Access: URL:

<https://www.yahoo.com/style/melania-trump-wore-a-3990-jumpsuit-on-election-night-082244871.html> (дата обращения: 21.01.2017).

УДК 81-85

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. А. Ахренова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка,
факультет иностранных языков, Государственный
социально-гуманитарный университет, Коломна*

Аннотация. Лексический состав любого языка постоянно подвергается изменениям. Этот процесс, как известно, носит название неологизация. Основным источником пополнения словаря любого языка сегодня считается Интернет. Данная статья посвящена изучению влияния экономической деятельности человека в виртуальном пространстве и его отражения в словаре русского и английского языков.

Ключевые слова: виртуализация экономики, лексика, неологизмы, интернет-реклама, интернет-торговля

Summary. The lexis of any language is a subject for a change. This phenomenon is known as neology. Today the main source of new words is considered to be the Internet. This article is devoted to the study of the way the economic activities of modern users in the Internet are reflected in dictionaries.

Key words: virtualization of economics, lexis, neologisms, e-ad, e-trade

В эпоху постмодернизма каждый человек живет в двух реальностях: реальной (осязаемой, материальной) и виртуальной (воображаемой). Индивиды сегодня в большей степени, чем когда-либо, погружены в виртуальную реальность симуляций и фантазий. Большая часть населения воспринимает мир как игровую среду, при этом понимая, что она условна, управляема, зная пути выхода из нее. Современное общество построено вокруг дуальной структуры «реальность/виртуальность», что позволяет использовать понятие виртуализация для «замещения институционализированных практик симуляциями» [1, с. 76].

Виртуализации подвержены области человеческой жизнедеятельности, которые изначально имели виртуальную природу. Можно считать, что суть взаимодействия не меняется, а изменяется лишь режим взаимодействия, а точнее среда, которая становится интерактивной, не привязанной к географическому положению участников взаимодействия. Количество участников, вовлеченных в процесс, также меняется.

Одним из видов социального взаимодействия, который сегодня подвергается процессу виртуализации, является сфера товарно-денежных отношений в обществе, т.е. экономика. Также необходимо отметить, что любые изменения, происходящие в социальной сфере жизни, находят свое

отражение в языке. В данной статье будет сделана попытка описания неологизмов, которые обогатили словарный состав русского и английского языков, под влиянием виртуализации экономических отношений в обществе.

К наиболее общим инновациям в языке можно отнести лексические единицы, получившиеся в результате переноса традиционных форм экономического взаимодействия в виртуальное пространство. Таким образом, мы получили такие понятия как: электронный рынок, электронная коммерция, электронная экономика, сетевая экономика, виртуальный продукт, виртуальное производство, виртуальная фабрика, виртуальный банк, виртуальная корпорация, виртуальное предприятие, networked economy, e-market, e-business, e-commerce, e-economy, e-bank.

Аналогичным образом произошло с переносом реалий розничной торговли в Интернет. Теперь большинство пользователей предпочитает быстро и, чаще всего, безопасно приобретать товары и услуги в интернете. Он-лайн магазины позволяют тщательно рассмотреть товар, прочитать его описание и изучить характеристики. Интернет-сервисы для совершения покупок позволяют получить послепродажную поддержку и помощь при совершении оплаты и получении покупки. К неологизмам, описывающим эту сферу виртуализованной экономики, можно отнести следующие слова и выражения: e-tail (торговать в интернете), storefront (аналог магазина, где пользователи могут изучить информацию о товаре и приобрести его), dotcom (компания, которая продает свою продукцию через интернет), e-trade (виртуальная торговля); он-лайн магазин; интернет-магазин; он-лайн аукцион (интернет-аукцион); интернет-витрина; интернет-супермаркет и т.д.

Следующим шагом в развитии электронной экономики стало введение виртуальных денежных средств. Так, на сегодняшний день в словари уже вошли такие слова как: e-finance, e-cash, e-money, web-money, bit-coins, e-wallet, электронные деньги, Yandex-кошелек и т.д. Многие он-лайн игры и социальные сети создают свою валюту для игроков/пользователей, которую они могут использовать для приобретения различных «благ» для своего персонажа (скина), покупки подарков друзьям, жизней в играх и т.д. Заработать виртуальную валюту можно либо долго играя и выполняя задания, либо обменяв на реальные деньги, оплатив банковской картой. Эти деньги имеют различные названия, из которых наиболее частотным нейтральным является кредит (credit). Однако можно встретить следующие именованья виртуальных валют: старбакс\StarBuck (игра Star Control); фол\Fol (игра Star Ocean); мани\Munny (Kingdom Hearts) и т.д. Названия этих валют, конечно, не входят в официальные словари, но известны многим пользователям интернета, увлекающимся компьютерными играми, а также зафиксированы в некоторых он-лайн справочных ресурсах.

Следующее пополнение словарного состава русского и английского языков произошло благодаря интернет-рекламе. Основными преимуществами интернет-рекламы можно считать численное увеличение аудитории потенциальных потребителей (покупателей), а также стремление к интерактивности во взаимодействии продавца (рекламодателя) и покупателя. Произошел перенос существующих видов рекламы из мира реального в мир виртуальный. Стали популярны банерная реклама (аналог – «растяжки» на дорогах и/или рекламные щиты); спам (spam), листы рассылок (аналог – листовки, раскладываемые в почтовый ящик) и т.д. Также у рекламодателей появились новые возможности для рекламы своих товаров и услуг: скрытые ссылки, размещение предложений в группах в социальных сетях, всплывающие окна на различных сайтах, услуги популярных блогеров и др. В английский словарь вошли такие термины как: push mail (письма, которые рассылаются на электронные адреса пользователей с целью рекламы и продажи товаров и услуг); click farm (группа людей, нанятая за небольшую плату, чтобы, нажимая на рекламное объявление, повышать его рейтинг); pre-roll (реклама после видео в интернете); click-fraud (нажатие на рекламные объявления с целью взимания платы за каждое нажатие); clickjacking (целенаправленное принуждение пользователей нажимать на скрытые ссылки); minisite (рекламный сайт, посвященный одному продукту).

Кроме того, уже выделяется круг специалистов, которые принимают участие в ведении экономической деятельности в Интернете: digital nomad (человек, который использует новые технологии, чаще всего ноутбук и доступ к беспроводной сети, для работы на удалении); e-tailer (человек, ведущий торговую деятельность в интернете); e-lancer (фрилансер, работающий в интернете); bloggeratti (блогер, имеющий высокий уровень посещаемости блога и большое число подписчиков); спамер (spammer); блогер и т.д.

Список использованных источников

1. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. 224 с.
2. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества [Электронный ресурс]. // http://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/Silaeva/Sil_Gl2.htm (дата обращения 01.02.2017).
3. Macmillan Dictionary [Electronic Resource]. // <http://www.macmillandictionary.com/open-dictionary> (дата обращения: 03.02.2017).

УДК 811.161.2

**ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ ДІЄПРИКМЕТНИКІВ
У ТЕКСТАХ П'ЄС А. П. ЧЕХОВА УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ****В. П. Ачилова,**

*кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології
факультету слов'янської філології та журналістики, Таврійська академія,
Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського,
Сімферополь*

О. Л. Ачилова,

*кандидат філологічних наук, доцент кафедри міжмовних комунікацій та
журналістики факультету слов'янської філології та журналістики,
Таврійська академія, Кримський федеральний університет
імені В. І. Вернадського, Сімферополь*

Анотація. Стаття посвячена особливостям перевода русских причастий в пьесах А. П. Чехова «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад» на украинский язык. В результате сопоставительного анализа установлено, что наиболее эквивалентным можно считать перевод, если в языке перевода имеются соответствующие грамматические формы, в частности, страдательные причастия прошедшего времени. При отсутствии грамматических соответствий используют грамматические трансформации, соответствующие нормам современного украинского литературного языка: замену форм активного залога формами пассивного, соотносительные прилагательные, существительные, глагольные формы, синтаксические конструкции с союзными словами *який* (*що, хто*).

Ключевые слова: художественный перевод, причастие, языковая норма, грамматические трансформации, активный залог, пассивный залог.

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the translation of the Russian participles in the plays by Anton Chekhov «The Seagull», «Three Sisters», «The Cherry Orchard» into the Ukrainian language. As a result, the comparative analysis revealed that the equivalent translation is possible if there are appropriate grammatical forms, in particular passive past participles. When it is impossible to find such forms different grammatical transformations are applied taking into account the norms of the modern Ukrainian literary language.

Key words: literary translation, participle, language norm, grammatical transformations, active voice, passive voice.

Як відомо, художній переклад є важливим засобом комунікації та взаємодії культур. У перекладі важливо передати як зміст, так і форму оригіналу, зберегти стилістичне забарвлення твору. Пильної уваги потребує переклад із близькоспорідненої мови, оскільки попри спільне походження кожна з мов виробила свою систему літературних норм. Тому актуальним є аналіз дотримання в перекладах мовних норм, зокрема граматичних.

Однією з проблем під час перекладу з російської мови на українську є добір відповідників до російських дієприкметників.

Становленню і функціонуванню дієприкметників в українській мові присвячено праці Г. Й. Волкотруб, С. І. Головащука, А. П. Грищенко, М. А. Жовтобрюха, Л. І. Коломійця, І. К. Кучеренка, А. В. Майбороди, О. Д. Пономарева та ін.

Як засвідчує вилучений методом суцільної вибірки фактичний матеріал (понад 100 мовних фактів), частина досліджуваних оригінальних дієслівних форм зазнала граматичних перекладацьких трансформацій.

Мета статті – у результаті зіставного аналізу схарактеризувати відтворення російських дієприкметників в українських перекладах п'єс А. П. Чехова та описати способи добору граматичних відповідників до російських форм, прокоментувати дотримання мовних норм.

Матеріалом для зіставлення стали п'єси «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад» і їхні переклади, відповідно І. Сенченка, А. Головка, П. Панча, здійснені до 50-річчя від дня смерті автора.

Найчастотнішими в досліджуваних російських текстах п'єс і в перекладах є пасивні дієприкметники. Згідно з нормами української мови, відповідниками як повних, так і коротких російських форм є повні нестягнені форми.

1. Порівняно легко перекладати російські пасивні дієприкметники минулого часу із суфіксами *-н-*, *-енн-*, *-т-*.

1.1. Суфікси цих дієприкметників можуть збігатися: *Я, должно быть, растрепанная* [5, с. 373] – *Я, мабуть, розпатлана* [6, с. 466]; *Кони поданы* [5, с. 451] – *Коні подані* [6, с. 527]; *Я одинок, не согрет ничьей привязанностью* [5, с. 279] – *Я самотній, не зігрітий нічиєю прихильністю* [6, с. 383]. Форманти можуть бути й різними залежно від граматичних ознак еквівалентної лексеми: *В открытую дверь видно окно* [5, с. 372] – *У відчинені двері видно вікно* [6, с. 465].

1.2. Замість ужитих у предикативних конструкціях дієприкметників із семантикою сприймання, виявлення об'єкта органами чуття перекладачі добирають природні для української мови предикативні прислівники чи форми інфінітива з цим же значенням: *...город, который бывает **виден** только в очень хорошую, ясную погоду* [5, с. 425] – *...місто, яке **видно** тільки в дуже гарну, ясну погоду* [6, с. 505] (у теперішньому часі дієслівну зв'язку опущено); *...**слышны** голоса Вари и Ани* [5, с. 450] – *...**чути** голоси* [6, с. 527].

1.3. У досліджуваних перекладах спостерігаємо одиничні факти заміни пасивних дієприкметників іншими частинами мови – прикметниками: *...в пиджаке и в **ярко вычищенных** сапогах* [5, с. 408] – *у піджаку і в блискучих чоботях* [6, с. 491]; *...поднос со стаканчиками, **налитыми** шампанским* [5, с. 450] – *...піднос з скляночками, повними шампанського* [6, с. 527]; прислівником: *Андрей (**skonфуженный**)* [5, с. 367] – *Андрій (зняквовіло)* [6, с. 461]; формою давноминулого часу дієслова: *Вы*

были так увлечены разговором [5, с. 235] – Ви були так захопилися розмовою [6, с. 345].

1.4. Привертає увагу добір відповідників до коротких форм дієприкметників середнього роду. Якщо наголошено на ознаці, перекладач уживає дієприкметник, якщо на результативності дії – безособову предикативну форму на **-но**. Порівняємо: (*собирается писать; пробегает то, что уже **написано***) [5, с. 277] – (*збирається писати; переглядає те, що вже **написане***) [6, с. 381]; ...он **выпущен** на свободу [5, с. 363] – ...його **випущено** на волю [6, с. 458]. Ілюструє такий підхід і переклад дієприкметників у репліках із п'єси «Вишневый сад», де йдеться про очікування долі маєтку й саду: *Ведь все уже кончено там, имение **продано*** [5, с. 440] – *Адже там все вже закінчено, маєток **продано*** [6, с. 518]; *Только б знать: **продано** имение или нет?* [5, с. 442] – *Тільки б довідатись: чи **проданий** маєток чи ні?* [6, с. 519]; Любовь Андреевна. ***Продан** вишневый сад?* Лопахин. ***Продан*** [5, с. 448] – Любов Андріївна. ***Продано** вишневый сад?* Лопахин. ***Продано*** [6, с.525].

1.5. Притаманні російському розмовному мовленню короткі предикативні форми пасивних дієприкметників середнього роду, що є головними членами безособових речень [3, с. 415], перекладено або безособовою предикативною формою на **-но**, або безособовим дієсловом: *С ним давно уже **покончено*** [5, с. 442] – *З ним давно все **скінчено*** [6, с. 519]; *... мне **суждено** победить* [5, с. 238] – *...мені **судилося** перемогти* [6, с. 347].

1.6. У поетичних рядках-цитаті дієприкметник замінено однокореневим дієсловом: «*Было бы сердце **согрето** жаром взаимной любви...*» [5, с. 425] – «*Хай лиш кохання **щасливе** серце **зігріє** мені...*» [6, с. 505].

2. Оскільки в українській мові немає пасивних дієприкметників теперішнього часу з давніми суфіксами **-ом-**, **-ем-**, **-им-**, то російські утворення з цими формантами перекладено в інший спосіб.

2.1. Здебільшого дібрано відповідні за семантикою прикметники із суфіксами **-н-**, **-янн-**: *...жизнь для меня **невыносима*** [5, с. 279] – *...життя для мене **нестерпне*** [6, с. 383]; *...болезнь **неизлечима*** [5, с. 422] – *...хвороба **невиліковна*** [6, с. 502]; *В Расплюеве был **неподражаем*** [5, с. 236] – *В Расплюеві був **незрівнянний*** [6, с. 346].

2.2. Ужито пасивний дієприкметник минулого часу: *...никем не **замечаемый*** [5, с. 253] – *...ніким не **помічений*** [6, с.360].

3. Російські активні дієприкметники теперішнього часу з продуктивними старослов'янськими суфіксами **-ущ-** (**-ющ-**), **-ащ-** (**-ящ-**) співвіднесені з українськими дієслівними формами, утвореними за допомогою давніх суфіксів **-уч-** (**-юч-**), **-ач-** (**-яч-**). На сьогодні це здебільшого «суто книжні витвори, не властиві побутовому мовленню, стимульовані старою традицією, але найбільшою мірою – впливами мов зі збереженою системою часового розмежування дієприкметників» [4, с. 393]. Вони втратили ознаки дієслова (здатність мати залежні слова) і перейшли

до класу прикметників. У досліджуваних текстах до згаданих російських дієприкметників перекладачі дібрали різні відповідники.

3.1. Співвіднесений суфікс засвідчено в українському прикметнику, дібраному до російської ад'єктивованої форми: *Блестящих дарований теперь мало* [5, с. 236] – *Блiskuчих обдаровань теперь мало* [6, с. 346]. Відповідниками російських субстантивованих форм є теж субстантивовані форми, однак з іншим суфіксом: *Настоящее противно, но зато когда я думаю о будущем, то как хорошо!* [5, с. 395] – *Сучасне огидне, але зате коли я думаю про майбутнє, то як хороше!* [6, с. 484].

Нечисленними є прикметники з іншими суфіксами: *(плачущим голосом)* [5, с. 351] – *(плачливым голосом)* [6, с. 447]; *Брат мой, страдающий брат* [5, с. 435] – «*Друже, нужденний мій брат...*» [6, с. 513].

3.2. Значна кількість фактів заміни російських дієприкметників підрядними означальними частинами зі сполучними словами **який (що)** або **ж хто** (з додаванням до головної частини вказівного займенника): «*Марье, родства не помнящей...*» [5, с. 257] – «*Марії, яка не пам'ятає роду*» [6, с. 363]; *Широкая аллея, ведущая по направлению от зрителей в глубину парка к озеру* [5, с. 229] – *Широка аля, що веде в глибину парку в напрямі від глядачів до озера* [6, с. 339]. Подеколи, щоб зробити вислів більш органічним, синтаксичну конструкцію з **який (що)** можна було не вживати: *...нечто понижающее* [5, с. 392] – *...щось таке, що принижує* [6, с. 481] (доречніше було б – *щось принизливе*); *...далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе* [5, с. 277] – *...далекі звуки рояля, що завмирають у тихому ароматному повітрі* [6, с. 381] (кращий відповідник – *щораз тихіші* [1, с. 114]); *(...проходит мимо двери, ведущей в комнату мужа)* [5, с. 369] – *(...проходить повз двері, що ведуть у кімнату чоловіка)* [6, с. 463] (можна коротше – *повз двері чоловікової кімнати*).

3.3. Кожен з перекладачів ужив по одній формі з дієприкметниковим суфіксом. На сьогодні з розвитком лексикографічної практики, підвищенням культури мовлення таких форм можна уникнути: *Сознательно боятся смерти только верующие в вечную жизнь <...> А вы <...> неверующий* [5, с. 271] – *Свідомо бояться смерті лише ті, хто вірує у вічне життя <...> А ви <...> невірющий* [6, с. 375–376] (орієнтуючись на переклад першої форми конструкцією з дієсловом, можна було повторити це дієслово: *не вірує*); *Бродячие музыканты* [5, с. 396] – *Бродячі музиканти* [6, с. 485] (краще – *мандрівні* [2, Т. 1 с.182]); *С отъезжающими!* [5, с. 451] – *З від'їжджачими!* [6, с. 527] (більш природно – *від'їжджими* [2, Т. 2, с. 847]).

3.4. Відповідником дібрано однокореневий іменник чи однокореневе дієслово в підрядній частині: *Ищите себе другого управляющего!* [5, с. 248] – *Шукайте собі іншого управителя!* [6, с. 356]; *...как там ни придумывай смягчающие обстоятельства* [5, с. 422] – *як там не вигадуй, щоб пом'якшити обставини* [6, с. 503].

4. Активні дієприкметники минулого часу із суфіксами **-ш-**, **-вш-** в українській мові вийшли з ужитку, тому перекладачі вдаються до граматичних трансформацій.

4.1. Найпоширенішим видом трансформації є заміна російського дієприкметника підрядною частиною зі сполучним словом **який (що, хто)**: *Мы родились от людей, презиравших труд* [5, с. 350] – *Ми народилися від людей, які зневажали працю* [6, с. 447]; *...рыбы, обитавшие в воде* [5, с. 237] – *риби, що населяли води* [6, с. 347].

4.2. Спостерігаємо заміну активним дієприкметником із суфіксом **-л-**: *(Утирает вспотевшее лицо)* [5, с. 344] – *(Втирає спітніле обличчя)* [6, с. 442]. Цікавим є вживання дієприкметника із суфіксом **-л-** у російському тексті: *Меня в вагоне одна баба назвала так: облезлый барин*. З огляду на те, що події в п'єсі відбуваються неподалік Харкова на території України, форму сприймаємо як українізм.

4.3. Замінено пасивним дієприкметником: *Старая, покривившаяся <...> часовенка* [5, с. 425] – *Стара, похилена <...> капличка* [6, с. 505].

4.4. Петро Панч, перекладаючи один і той же дієприслівник, добирає різні відповідники. Спершу це дієприслівник, а вдруге – підрядна порівняльна частина: *Вдруг раздаётся отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны* [5, с. 434] – *Раптом лунає віддалений звук, наче з неба, звук обірваної струни* [6, с. 513]; *Слышится отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны* [5, с. 461] – *Чути далекий звук, мов з неба, ніби урвалася струна* [6, с. 535]. Другий варіант ближчий до оригіналу, бо в першому виникає двозначність: струна сама обірвалася чи хтось обірвав?

Отже, зіставний аналіз оригінальних текстів і їхніх перекладів показав, що в перекладі, незважаючи на близьку спорідненість мов, важко досягти повної еквівалентності. Для частини російських досліджуваних граматичних форм в українській мові є відповідники, у разі ж їхньої відсутності перекладачі вдаються до граматичних трансформацій, зокрема до різних варіантів заміни.

Список використаних джерел

1. Караванський С. Російсько-український словник складної лексики. 2-ге вид., доп. і випр. Львів: БаК, 2006. 562 с.
2. Русско-украинский словарь : в 4 т. И. С. Гнатюк [и др.]. К.: Знання. 2012. Т. 992 с.; Т. 2. 860 с.
3. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Г. Д. Басова [и др.]. К.: Наук. думка, 2003. 534 с.
4. Сучасна українська літературна мова: підручник. За ред. А. П. Грищенка. 3-тє вид., доп. К.: Вища шк., 2002. 439 с.
5. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Госиздат худож. лит., 1956. Т. 9. Пьесы (1886–1904). 499 с.
6. Чехов А. П. Вибрані твори: в 3 т.; пер. з рос. К. : Держвидав худож. літ., 1954. Т. 3. Повісті, оповідання, п'єси (1887–1904). 536 с.

УДК 81'373.46
**ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ
СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕВОД ТЕРМИНОВ»**

А. В. Ачкасов,

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Понятие «перевод терминов» представляет собой компромисс между ономасиологическим и семасиологическим подходами к терминологической эквивалентности. Терминологические практики предполагают установление эквивалентности на уровне понятий и определение десигнаций (лексических субстратов) в разных языках для идентичных или близких по значению понятий. В практике перевода и переводоведении сформировано отношение к терминам как «особым словам» и предлагаются разные стратегии «перевода терминологии», которые сводятся к манипуляциям с лексическими субстратами. Оба представленных подхода используют понятие «перевод терминов» как родовой термин, обозначающий разные способы решения проблемы асимметрии терминосистем в разных языках.

Ключевые слова: перевод терминов, терминологическая работа, переводоведение, ономасиология и семасиология.

Summary. The notion of «terminology translation» represents a compromise between onomasiological and semasiological approaches to terminological equivalence. Terminology work focuses on conceptual equivalence and attributing designations (linguistic labels) in different languages to identical or similar concepts. The framework of translation practices provides a view on terminology as a particular type of «special words» and represents various strategies «terminology translation» as manipulations with linguistic labels. Both approaches use the notion of «terminology translation» as a generic term for particular practices of dealing with inconsistency in the structures of terminologies in different languages.

Key words: terminology translation, terminology work, translation studies, onomasiology, semasiology

Понятие «перевод терминов» и связанные с ним формулировки, такие как «способы перевода терминов», «переводная терминология» и др., широко используется в научной и дидактической литературе с момента выделения терминоведческой проблематики в самостоятельное направление исследований. Содержание этого понятия не становилось предметом научной рефлексии. В терминоведении и переводоведении осмысление и упорядочение практик «перевод терминов» существенно различается и осуществляется преимущественно в русле прикладных исследований, носящих прескриптивный характер.

Терминоведческие исследования предлагают решение проблемы «перевода терминов» в рамках ономаσιологического подхода к терминологической эквивалентности. В общих чертах указанный подход оформился уже в работах в работах Д. С. Лотте [6]. В строго ономаσιологическом смысле выражение «перевод терминов» означает использование существующей в переводном языке номинации эквивалентного понятия (в случае, если такое понятие существует) или как создание такой номинации в рамках терминологической работы по гармонизации понятий (*concept harmonization*) и терминов (*term harmonization*) [11, с. 11]. Гармонизация предполагает (1) сопоставление (систем) понятий, их иерархической и полевой организации (изоморфизм/анизоморфизм терминосистем); (2) достижение договоренности о значении специальных понятий, выражаемых в дефинициях; и (3) закрепление десигнаций (лексических или иных субстратов), именующих гармонизированные понятия, в качестве эквивалентных терминов. Из этого следует, что эквивалентность устанавливается на уровне понятий, и что выбор лексического субстрата (то есть собственно «перевод термина») не может обеспечить эквивалентность понятий.

Семаσιологическое значение понятия «перевод терминов» оформилось в рамках переводоведческих исследований [4, 7, 1], в пособиях по переводу научно-технической литературы [2, 5, 3, 10, 13] и отчасти в учебниках по теории перевода. В соответствии с этим подходом терминология рассматривается как разновидность лексических единиц и проявляет признаки, характерные для общеупотребительной лексики, отличаясь от последней лишь степенью специализации ее значений. Несовпадение объема и значения специальных понятий в разных языках с этой точки зрения является частным случаем неполной лексической эквивалентности. При отсутствии в языке перевода эквивалентного термина, что собственно и создает «переводческую проблему», значение термина может быть передано или «раскрыто» методом различных манипуляций с лексическими субстратами переводного языка. Речь чаще всего идет о «подборе» лексических единиц или их комбинаций с эквивалентным или «близким» значением, которые будут воспроизводить или «отражать» основное значение термина; об использовании метода «толкования составляющих термина»; об анализе словарных значений компонентов термина с целью «раскрытия» его значения. Наиболее радикальный «лексикоцентрический» вариант указанного подхода основан на наивно-семаσιологическом представлении, согласно которому для обеспечения эквивалентного «перевода термина» достаточно «понимать его значение» и обладать знаниями в «специальной области».

Указанные подходы объединяет необходимость, в конечном итоге, выбора субстрата (собственно осуществление «перевода термина»), который, во-первых, будет выполнять функцию мотивированного

наименования исходного понятия и, во-вторых, не будет характеризоваться полисемией или омонимией в принимающем языке. При наличии существенных расхождений в системах понятий (терминосистемах) такой «перевод» может быть в полной мере осуществлен только в рамках работы по гармонизации терминологии на основе дефиниционного анализа и моделей номинации в соответствующей терминосистеме или (под)языке для специальных целей. Именно поэтому набор «способов перевода терминов» в терминоведчески-ориентированных исследованиях и пособиях всегда предваряется ономаσιологической частью, обсуждением специфики системности термина и терминологической эквивалентности. В качестве примера приведу две работы.

Р. Арнтц [8] излагает общие принципы терминографических практик, включая анализ понятийного содержания термина, дефиниций терминов, определения степени эквивалентности понятийных систем и отдельных понятий в рамках этих систем. Обращаясь собственно к терминографической работе и практике перевода, в рамках которой не может быть осуществлен полноценный анализ терминосистем разных языков (и тем более осуществлена их гармонизация), он предлагает набор «техник для воспроизведения термина на другом языке» (*techniques for reproducing the term in another language*). Перечень «техник» включает: (1) заимствования (*loanwords, loan translation*), (2) создание термина на языке перевода и (3) описательный перевод (*creating an equivalent paraphrase*) [8, с. 15–16]. Арнтц делает существенное замечание, свидетельствующее о том, что указанные техники (способы «перевода терминов») являются паллиативной мерой и не обеспечивают должной степени эквивалентности. В случае, если в переводном тексте используются указанные «техники» перевода, это должно быть отражено терминографом, так как «в противном случае пользователь [терминологической базы] может счесть предлагаемые варианты перевода эквивалентными терминами, использующимися на языке перевода». [8, с. 16].

Аналогичный подход реализован в работе В. М. Лейчика и С. Д. Шелова [3]. В пособии предложена классификация «распространенных способов перевода терминов»: (1) «выявление» в ЯП эквивалента термина ЯО («оптимальный» способ перевода), (2) семантическая конвергенция («Создание нового термина в ЯП путем придания существующему в этом языке слову или словосочетанию нового значения под воздействием термина ЯО»), (3) калькирование (семантическое и структурное), (4) заимствование, (5) использование греко-латинских элементов (интернационализмы), (6) описательный перевод. Перечисленные способы перевода терминов сводятся к двум типам процедур, указанных выше: во-первых, к процедуре обнаружения идентичных понятий и лексического субстрата, закрепленного за этим понятием в качестве его наименования (первый, «оптимальный» способ перевода); во-вторых, к операциям с лексическими субстратами, то есть к

созданию номинаций, которые будут выполнять функцию мотивированного наименования исходного понятия (способы 2–6). Первый пункт не указан в классификации Р. Арнтца, так как эта процедура вообще не рассматривается в его работе как «перевод термина». Остальные способы в классификации В. М. Лейчика и С. Д. Шелова могут быть соотнесены с классификацией Р. Арнтца.

Общим для двух проанализированных работ является приоритетность анализа содержания понятий и понятийных систем в определении терминологической эквивалентности и оценки способов «перевода терминов» как фактически сложившейся практики, направленной на достижение приемлемого для коммуникации уровня понимания, но не дающей возможности достижения терминологической эквивалентности. Фактически, авторы этих работ исходят из ономаσιологического понимания терминологической эквивалентности, которое, в наиболее радикальной трактовке, устанавливает терминологическую эквивалентность в строго логическом смысле как «отношение между десигнациями в разных языках, репрезентирующими одно и то же понятие» («relation between designations in different languages representing the same concept») [11, с. 9].

Терминоведческие и переводоведческие исследования сталкиваются с общей проблемой, в рамках которой ономаσιологический и семасиологический подходы к вопросу о «переводе терминов» тесно переплетаются. Даже в относительно сформированных и стандартизированных областях науки и специализированной деятельности существуют расхождения в структурах терминосистем и между объемом и содержанием понятий в разных языках, поэтому практика терминографии и практика перевода представляют собой поиск компромисса между достижением требуемой степени эквивалентности и необходимостью устанавливать межъязыковые терминологические соответствия даже в условиях несовпадения объема и содержания понятий. Терминографическая практика решает эту задачу, устанавливая разные степени терминологической эквивалентности. В частности, стандарт ISO 860, регламентирующий работу по гармонизации понятий и терминов, устанавливает четыре случая соотношения понятий [12]. Практика «перевода терминов» и ее переводоведческая интерпретация предлагает иное решение этой же задачи. Переводчик, с одной стороны, не может использовать в переводном тексте неэквивалентные термины, независимо от характера различий в объеме и содержании понятий, так как это не позволит обеспечить необходимый уровень передачи специальной информации. С другой стороны, переводчик не может осуществить процедуру гармонизации терминов, и решает проблему «перевода термина», исходя из имеющегося в переводном языке понятийного и терминологического аппарата конкретной специальной области. Компромиссный характер этой деятельности и связь между терминографией и практикой «перевода терминов» отметила Т. Кабре:

«Терминографическая работа не предполагает процедуру перевода терминов с одного языка на другой с опорой на предположительно эквивалентные десигнации. Она предполагает сбор десигнаций, которые используются для наименования понятия и, если необходимо, поиск альтернативных наименований, в случаях, когда имеющиеся десигнации неудовлетворительны. Хотя переводчики не осуществляют терминографическую работу, на практике различия между этими профессиональными видами деятельности часто размываются» [9, с. 115].

Понятие «перевод терминов» представляет собой компромисс между ономаσιологическим и семасиологическим подходами к терминологической эквивалентности. Терминологическая работа, терминографическая практика и практика перевода имеют дело с одними и теми же явлениями, реализуют разные подходы к достижению межъязыковой терминологической эквивалентности и используют понятие «перевод терминов» как родовой термин, обозначающий разные способы решения проблемы асимметрии терминосистем в разных языках.

Список использованных источников

1. Ванников Ю. В. Основные терминологические аспекты переводческой деятельности. М.: Междунар. отношения, 1984. 382 с.
2. Кашпер А. И. Перевод немецкой научно-технической литературы. М.: Высшая школа, 1964. 278 с.
3. Лейчик В. М., Шелов С. Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод. Часть II. М., 1990. 80 с.
4. Скороходько Э. Ф. Вопросы перевода английской технической литературы: Перевод терминов. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1963. 91 с.
5. Судовцев В. А. Перевод и научно-техническая информация. Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1989. 232 с.
6. Татаринов В. А. Методология научного перевода. М.: Московский лицей, 2007. 384 с.
7. Циткина Ф. А. Терминология и перевод: К основам сопоставительного терминоведения. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те, 1988. 156 с.
8. Arntz R. Terminological equivalence and translation // Terminology: Applications in Interdisciplinary Communication. Sonneveld H. B., Loening K. (eds.). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. P. 5–19.
9. Cabré T. Terminology: theory, methods and applications. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 247 p.
10. Edelmann G. (2012) Lexicography for specific purposes. Equivalence in bilingual and multilingual specialised dictionaries with reference to conceptual systems. WU Online Papers in International Business Communication. – 2012. – №1.–Mode of access: URL: <http://epub.wu.ac.at/3508/> (дата обращения 26.01.2017).
11. ISO 1087-1. 2000 Terminology work – Vocabulary. Part 1: Theory and application. International standard. 2000. 42 p.

12. ISO 860 Terminology Work – Harmonization of Concepts and Terms. 2007. 17 p.
13. Pavel S., Nolet D. (2011) Handbook of Terminology. Hull, Quebec: Canada Translation Bureau, 2011. 154 p.

УДК 811.1

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы речевой манипуляции. Анализируются различные лингвистические средства манипуляции информацией. Продемонстрировано, что средства массовой информации во всем мире используются правящей элитой для формирования и поддержания определенных стереотипов. В результате речевой манипуляции адресат получает не отражение окружающей действительности, а ее интерпретацию, оценку, идеологизированную версию происходящих событий, за счет чего формируется необходимая точка зрения.

Ключевые слова: речевая манипуляция, стереотип, идеология, интерпретация, точка зрения.

Summary. The paper focuses on the basic principles of verbal manipulation. The author analyses different linguistic devices of information manipulation. It is demonstrated that all over the world the media are used by the ruling elite for the formation and maintenance of certain stereotypes. As a result of verbal manipulation, the recipient is offered not a reflection of reality but its interpretation, evaluation, ideologized version of events, and the necessary point of view is formed.

Key words: verbal manipulation, stereotype, ideology, interpretation, point of view.

Любая коммуникация направлена на достижение определенных целей. Планируя акт коммуникации, мы, так или иначе, задумываемся о способе достижения этих целей и о том, какие коммуникативные стратегии для этого потребуются. Выбор той или иной коммуникативной стратегии определяется прагматическими факторами, в частности ценностными ориентациями участников коммуникации.

Одной из распространенных в последнее время коммуникативных стратегий является манипуляция. Для реализации манипулятивной стратегии широко используются разнообразные лингвистические средства.

Будучи одновременно средством и общения, и контроля, язык обладает огромным потенциалом в качестве орудия манипулятивного воздействия на сознание людей. Слово несет в себе огромный содержательный и эмоциональный заряд. Следует отметить, что ни одно из языковых средств не предназначено специально для манипулирования, но почти любое может быть использовано для этого. В этой связи сегодня широкую популярность получают проблемы, связанные с использованием языка, направленным на достижение своих тайных целей за счет объекта манипуляции. В качестве основных характеристик манипуляции выделяются: «неосознанность объектом манипуляции осуществляемого над ним воздействия; воздействие не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции), которая не поддается произвольному контролю; управление отношением объекта манипуляции к предметам и явлениям окружающего мира в нужном для манипулятора русле; достижение манипулятором своих тайных, корыстных целей за счет объекта манипуляции; намеренное искажение фактов окружающей действительности (дезинформация, отбор информации и пр.), создание иллюзий и мифов и т. д.» [2, с. 276].

Таким образом, можно обобщить, что манипуляцией называют скрытое управление, воздействие, при котором адресат осуществляет цели манипулятора, принимая их за свои собственные, не осознавая оказываемого на него воздействия. В процессе речевой манипуляции различные языковые средства используются, чтобы вынудить адресата некритично воспринимать речевое сообщение и, тем самым, навязать ему определенное представление о действительности, сформировать нужную точку зрения, добиться необходимой реакции.

Сегодня доминирование той или иной группы осуществляется не с помощью принуждения, а с помощью идеологии. И здесь немаловажную роль играет доступ к информации и к средствам ее распространения. Средства массовой информации во всем мире используются правящей элитой для формирования и поддержания определенных стереотипов. В работах профессора переводоведения Манчестерского университета Моны Бейкер приводятся показательные иллюстрации того, как происходит манипуляция информацией в западных СМИ. Так, *MEMRI* (The Middle East Media Research Institute) – Институт по исследованию средств массовой информации Ближнего Востока (со штаб квартирой в Вашингтоне) – размещает на своём веб-сайте оперативные переводы с арабского, фарси, урду, пушту и турецкого языков, а также аналитические статьи о политических, идеологических, интеллектуальных, общественных, культурных и религиозных тенденциях на Ближнем Востоке. Данная организация позиционирует себя как абсолютно объективный, непредвзятый и надежный источник информации. Однако, как отмечает исследовательница, на самом деле материалы *MEMRI* представляют собой тщательно отобранные и вырванные из контекста фрагменты арабской

прессе. Такой принцип организации материала способствует формированию на Западе негативного образа мусульман как религиозных экстремистов и антисемитов [3].

Хотя современные средства массовой информации претендуют на достоверность, непредвзятость и плюрализм, по факту они играют важнейшую роль в формировании необходимой точки зрения и навязывании определенных стереотипов.

Как показывает анализ фактического материала, к наиболее распространённым способам манипуляции информацией можно отнести:

1) Выбор лексических единиц, вызывающих определенные ассоциации.

2) Искажение информации, связанное с подтасовкой фактов, с некорректными сравнениями и дополнениями.

3) Изменение оценки описываемых событий.

4) Избирательная информативность.

5) Выбор категория залога [1, с. 427–429].

Следующий пример наглядно демонстрирует тот факт, что информация в последнее время все больше воспринимается как ресурс, что объясняет ее использование в качестве предмета манипуляции.

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова заявила о том, что в англоязычной версии статьи Euronews о годовщине депортации крымских татар и праздничных мероприятиях, которые прошли в Киеве в этот день, число подвергнутых депортации из Крыма было завышено в десять раз по сравнению с русским текстом.

В русскоязычной версии говорится: «**Более 200 тысяч татар** были депортированы из Крыма с 18 по 20 мая 1944 года. Всего насильственному переселению по подозрениям в сотрудничестве с немцами подверглись представители 20 этнических групп, в том числе – крымские татары, чеченцы и армяне».

А для англоязычной аудитории новость звучит так: «Crimea's Tatars are remembering their great national tragedy, the mass deportation by Stalin in May 1944 of more than two million men, women, and children» [4].

Как видим, в переводе число депортированных преувеличено в 10 раз. Опечатка исключена, так как число написано прописью. Таким образом, это намеренная дезинформация. На усиление эффекта также работает исключение из перевода упоминания других этнических групп, депортированных вместе с крымскими татарами. Кроме того, конкретизация *men, women, and children* делает картинку более живой, близкой каждому человеку и, как следствие, способствует усилению эмоционального воздействия.

Хотя позже телеканал признал и исправил ошибку, часть целевой аудитории уже была дезинформирована. Нужный эффект был достигнут. Вряд ли кто-то обратит внимание на уточнения и извинения после выхода

материала. В психологии хорошо известен принцип первоочередности: психика человека устроена таким образом, что принимает на веру информацию, первой поступившую в обработку сознанием. Срабатывает эффект восприятия первичной информации как истиной. Тот факт, что позже мы можем получить более достоверную информацию, зачастую уже не играет роли.

В данном информационном сообщении за счёт искажения информации, связанном с подтасовкой фактов, четко прослеживаются ценностные характеристики отправителя сообщения. Современные СМИ используются в качестве орудия управления сознанием, программирования мыслей и поведения. Любой новостной текст создается на конкретном национальном и культурно-идеологическом фоне. «События и явления не обладают значением сами по себе, эти значения конструируются при сообщении о событиях на основе взаимодействия многих социально-идеологических факторов – классовой принадлежности, гендера, расы, культуры, политических убеждений» [5]. В результате речевой манипуляции адресат получает не отражение окружающей действительности, а ее интерпретацию, оценку, предлагается идеологизированная версия происходящих событий, за счет чего формируется необходимая точка зрения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Слово – мощный инструмент манипулятивного воздействия.
2. Необходимый прагматический эффект создается путем использования различных способов подачи информации на разных уровнях.
3. В условиях обилия информации и не критичного к ней отношения, предлагаемые манипуляторами версии событий обычно принимаются за действительность.

Важность изучения механизмов манипулирования заключается в том, что такие исследования позволяют человеку критически оценивать информацию, делать собственные выводы (согласиться/остаться при своем мнении/ проигнорировать и т.д.) и не становится объектом манипуляции.

Список использованных источников

1. Бармина Е. А. Манипулятивность медиадискурса // Концепт и культура: сборник статей (VI Международная научная конференция, Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.). – Кемерово – Ялта. – 2016. С. 425–430.
2. Попова Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Изв. Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2002. – № 24. С. 276–288.
3. Baker M. Narratives of Terrorism and Security: 'Accurate' Translations, Suspicious Frames // Critical Studies on Terrorism. – 2010. – Vol. 3, Issue 3. P. 347–364.

4. Crimean Tatars look for Eurovision boost on day of national tragedy [Electronic Resource]. URL: <http://www.euronews.com/2016/05/19/crimean-tatars-look-for-eurovision-boost-on-day-of-national-tragedy/> (дата обращения 19.05.2016).
5. Van Dijk T. A. Ideology: Multidisciplinary Approach. SAGE, 1998. 374 p.

УДК 81.25

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ КОННОТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Л. В. Брудик,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Д. З. Сеитягьяева,

*магистрант Крымского инженерно-педагогического университета,
Симферополь*

Аннотация. Изучение коннотативного значения слова и коннотации как типа лексического значения требует дальнейшего осмысления и систематизации, что обуславливается необходимостью исследования языка не как отдельного явления, а органическом единстве с человеком, его духовно-практической деятельностью, сознанием, мышлением. Основная цель работы заключается в выявлении и описании механизма достижения эквивалентности при передаче коннотативного значения в процессе перевода с одного языка на другой. В работе использованы сравнительный, сопоставительный, дескриптивный методы. При передаче коннотативного значения, переводчик часто сталкивается с трудностями, так как изучение способов и приемов интерпретации картины мира является одной из фундаментальных проблем современной лингвистики текста.

Ключевые слова: коннотация, денотация, методы перевода, смысловое содержание, культурная коннотация.

Summary. At the moment, the category of connotative meaning still remains scantily explored, that is connected with the necessity to study the language, not as a separate phenomenon, but within the complex unity of man, his consciousness, mind, spiritual and practical activities. The main purpose of the work is to identify the mechanism of achievement of equivalence in translation of connotative meanings. The comparative, contrastive and descriptive methods of analysis were used in the paper. When transferring connotative meaning from one language into another the translator has to render the peculiarities of the national linguistic world picture which is one of the fundamental problems of modern text linguistics.

Key words: connotation, denotation, translation, the semantic content, cultural connotation.

«Перевод является одним из древнейших занятий человека. Различие языков привело людей к этому нелегкому, но очень ценному труду, который служил и служит целям общения и обмена духовными ценностями между народами» [1, с. 4]. Однако перевод должен соответствовать оригиналу, необходимо учитывать не только денотативное, но и коннотативное значение слова. Термин «коннотация», несмотря на свою широкую распространенность, остается все еще нечетким по своему содержанию, существует множество трактовок этого понятия.

В. А. Маслова различает два типа представления коннотативной информации в языке: «Первый тип – образно-метафорический, когда коннотативное значение возникает на основе ассоциаций и внешнего сходства, то есть из денотативного значения вычленяются отдельные признаки. Так, если говорят **заяц** (о трусливом человеке), это вовсе не значит, что у него длинные уши и короткий, пушистый хвост, а это свидетельствует лишь о том, что такой человек при любой, даже мнимой угрозе или опасности, успевает вовремя убежать. Второй тип – символический или мифолого-символический, когда исходное значение часто не связано с реальным свойством, но приписывается в культуре. Например, **кровь** как символ жизненной силы – *`пить кровь`*, *`до последней капли крови`*; **кровь** как символ родства – *`родная кровь`*; **кровь** как символ сильных эмоций – *`кровь ударила в голову`*, *`кровь стынет в жилах`*; смешение крови является символом союза, например: *`братство по крови`*» [5, с 54].

Коннотация также примыкает и к прагматическому значению слова. Как отмечает С. Р. Макурова: «Прагматика по сути своей оценочна и субъективна (точнее, она представляет объективные сущности как субъективные). Прагматика, в первую очередь, связана с коннотативным компонентом семантического содержания» [6, с. 137], роль которого в эмоционально окрашенной речи, особенно в художественной литературе очень велика. Слова с одним и тем же предметно-логическим значением нередко имеют разную коннотацию в разных языках, то есть вызывают у членов разных языковых групп различные ассоциации (или не вызывают никаких ассоциаций). «Специфические черты НЯКМ обусловлены существованием в сознании носителей языка определенного набора общих фоновых знаний, особого национально-культурного опыта и системы ценностей, которые закрепляются на лексическом уровне: в значении слов и фразеологических единиц» [3, с. 155].

Так, слова *черемуха*, *береза* вызывают у русского человека воспоминание о весне, природе и пр., в то время как английские *bird cherry*, *birch* имеющие то же самое предметное значение, для англичанина или американца остается только названием растения и не вызывает никаких эмоций. *Черемуха*, *береза*, как известно, часто упоминаются в русской поэзии, однако не играют никакой роли в англоязычной поэзии. *Остролист* и *омела* для русского являются всего лишь экзотическими, ботаническими

терминами, для англичанина же их эквиваленты *holly* и *mistletoe* являются символами Рождества, во время которого принято украшать дома и квартиры ветвями этих растений. Таким образом, для русского читателя было бы непонятным (не достаточно ясным) употребление наименований этих растений в определенном контексте:

Mistletoe
It's the most beautiful time of the year
Lights fill the streets spreading so much cheer
I should be playing in the winter snow
*But I'mma be under the **mistletoe***

I don't wanna miss out on the holiday
But I can't stop staring at your face
I should be playing in the winter snow
*But I'mma be under the **mistletoe***

By AUSTIN MAHONE LYRICS

Смысл стихотворения становится понятным читателю, если он (у)знает, что со времен друидов омела являлась сакральным растением; а в наше время существует поверье, о том, что если влюбленные поцелуются под омелой на Рождество, то их любовь будет вечной, а брак – крепким. «Коннотация имеет своеобразную «культурную память» слова. Так, например, *медведь* является символом «русскости», *свинья* является нечистым животным у мусульман в религиозно-обрядовом смысле, а *корова*, напротив, является священным животным в индуизме» [7, с. 116].

Национально-культурная коннотация играет важную роль в образовании сферы ценностей и передается через выявление связи образов с символами, стереотипами, эталонами и другими знаками национальной культуры. Так, В. А. Маслова пишет, что, например, «в русской культуре словосочетание «*старый дом*» имеет негативное коннотативное значение, однако у англичан, наоборот, имеет положительную коннотацию. Для киргизов, например, *голубые глаза* являются самыми некрасивыми, выражение используется практически как бранное. Зато эталоном красоты являются «*коровьи глаза*» (о человеческих). Таким образом, коннотации являются фактором внутренней детерминации поведения, и является определенной формой ценностного освоения мира». [5, с 75].

Положительная или отрицательная коннотация слова часто связана с такими понятиями как образность, мотивация слова, эмоционально-экспрессивная оценка. Специфика идиоматических единиц заключаются именно в их своеобразном восприятии реального мира. С помощью идиом обозначаются наименования разных предметов и явлений, описываются их свойства и характеристики, их состояния и действия.

Для осмысления фразеологических единиц образность играет ключевую роль. В. Г. Гак определил образность как «совмещенное видение двух картин» [2, с. 23]. Развивая это определение, А. Л. Коралова пишет:

«Мотивированность переосмыслений означает, что они несут в себе образ – двуплановое изображение, основанное на выражении одного предмета через другой» [Цит. по: 3, с. 157].

Приведем в качестве примеров ряд английских и русских фразеологизмов:

a bull in a china shop (дословно: бык в посудной лавке) – *слон в чайной лавке*. В данном выражении под образами *быка* и *слона* нужно учитывать их огромные размеры и их передвижение в пространстве, т.е. *неуклюжесть*. *Like a cat on hot bricks* (дословно: как кот на раскаленном кирпиче) – *как на иголках*. Образно выражаясь, англичане чувствуют себя некомфортно сидя на раскаленном кирпиче, а русские – на иголках. *Like a duck to water* – *как рыба в воде*. Образы утки и рыбы здесь означают их естественное желание понырять, поплавать в воде, а в данном выражении «охотно *взяться за что-либо*».

На примере вышеперечисленных фразеологических единиц становится ясно, что передаваемый ими смысл выражаются через специфические образы свойственные англичанам и русским. Таким образом, при переводе фразеологических единиц, а также слов с коннотативным значением следует хорошо знать не только сам язык, но и культуру и традиции данного народа, для полноты передачи эмоционально-экспрессивного смысла.

Каждый язык – это, прежде всего средство общения, и в нем отражаются особенности духовной и материальной культуры народа. При передаче информации такого характера, заключенной, как правило, в коннотативном значении слова или фразы, важен учет страноведческих фоновых знаний, осознание того, что работа над переводом ставит в качестве одной из своих целей осуществление процесса знакомства с чужой культурой, обеспечение её доступности для восприятия и понимания.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале русского и французского языков. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
3. Кислицына Н. Н. Коннотативное значение слова как дифференциальный компонент национальных языковых картин мира // «Англистика XXI века». Сборник статей по материалам VIII-й научно-методической конференции, посвященной памяти профессора С. В. Воронина. Санкт-Петербург: УОО, 2016. С.153– 158.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с.
6. Макурова С. Р. Когнитивный механизм импликации и грамматические способы его реализации в художественном тексте. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. 382 с.

7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 135 с.
8. Austin Mahone. Lyrics [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.azlyrics.com/lyrics/austinmahone/mistletoe.html> (дата обращения: 30.01.17)

УДК: 519.768

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЮ

Е. А. Вебер,

кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

М. Л. Ружникова,

старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация. Цель статьи: обосновать необходимость обучения студентов постредактированию машинного перевода. Методы, использованные при подготовке статьи: сопоставительный анализ, метод интроспекции. Основные результаты и выводы: в статье представлены три основных типа машинного перевода: системы, в основу которых положены заданные заранее правила (*Rule-Based Machine Translation*, сокращенно RBMT), статистические системы (*Statistical Machine Translation*, сокращенно SMT) и смешанный тип. Авторами анализируется эффективность каждого типа, факторы, обуславливающие качество машинного перевода и масштабы постредактирования текста перевода. Авторы рассматривают критерии целесообразности использования машинного перевода и представляют доводы в пользу необходимости обучения постредактированию современных студентов-переводчиков.

Ключевые слова: машинный перевод, эквивалентность перевода, автоматизированный перевод, постредактирование.

Summary. The goal of the paper is to demonstrate the need for training students in machine translation post-editing. Methods used while preparing the paper: comparative analysis, introspection. Main results and conclusions: The paper introduces three main types of machine translation: Rule-Based Machine Translation, or RBMT, Statistical Machine Translation SMT and mixed type. The authors analyze the effectiveness of each type of systems and factors postulating the quality of machine translation and the extent of post-editing. The authors consider criteria for assessment of machine translation feasibility as well as prove the necessity to train the students to form skills of post-editing of the text.

Key words: machine translation, translation equivalence, computer-assisted translation, post-editing.

Следует констатировать, что споры о том, заменит ли компьютер переводчика во всех областях, тем самым лишив переводчиков работы, а процесс подготовки переводчиков в ВУЗах – смысла, постепенно стихли. Очевидно, что машинный перевод (далее МП) с целым рядом ограничений активно применяется как инструмент, незаменимый для решения целого ряда определённых задач [5, 6, 7].

В свете этого в программе подготовки современных переводчиков, на наш взгляд, следует уделять пристальное внимание тому, как правильно использовать в своей работе МП, каковы его ограничения, и, что очень важно, в каких ситуациях это целесообразно делать и по каким критериям определить целесообразность применимости МП.

В настоящее время все системы МП подразделяются на три основных типа: системы, в основу которых положены заданные заранее правила (*Rule-Based Machine Translation*, сокращенно RBMT), статистические системы (*Statistical Machine Translation*, сокращенно SMT) и смешанные, или гибридные системы, вобравшие в себя черты и первой и второй типов систем.

Системы первого типа построены на основе заданного лингвистического описания конкретной пары языков, получивших форму двуязычных словарей и прочих баз данных, содержащих морфологическую, грамматическую и семантическую информацию, формальные грамматики и алгоритмы перевода [4]. Именно объем лингвистических баз данных и проработанность словарей переводимого и переводящего языков определяет качество выполненного такой системой перевода. В этом типе систем МП принято различать системы *трансферного* типа (типа TRANSFER), названных так потому, что они преобразуют (англ. *transfer*) текст оригинала в текст перевода, чему предшествует морфологический, синтаксический и семантический анализ переводимого текста, и осуществляют синтез текста на языке перевода, и систем типа INTERLINGUA, базирующиеся на использовании семантического языка-посредника (интерлингвы - *interlingua*). Принцип работы последних состоит в анализе исходного текста в терминах метаязыка и осуществлении синтеза метаструктуры текста языка перевода [1, 2, 3].

Высокая эффективность статистических систем обеспечивается подбором варианта перевода из обширной и постоянно обновляемой базы данных двуязычных соответствий, получаемой в результате сравнения обширных корпусов параллельных текстов – оригиналов и переводов, выполненных человеком. Благодаря тому, что эта открытая база соответствий постоянно пополняется, система способна «самообучаться»: осуществляется анализ статистики межъязыковых соответствий, синтаксических конструкций, контекстов употребления, а также анализ исправлений. На основании исправлений, внесенных в переводы человеком-

редактором, качество предлагаемых программой МП со временем улучшается.

Будущее МП – за гибридными системами, которые позволяют объединить преимущества и обойти недостатки обоих вышеупомянутых типов МП. К преимуществам, которые вобрали в себя такие системы, следует отнести способность анализировать текст на основании встроенных словарей и правил пары языков и способность программы обучаться.

МП доступен современному студенту как в виде отдельных программ, относящихся к тому или иному выше описанному типу, (например, PROMT), общедоступных интернет-приложений (например, Google Translate), так и в составе переводческих платформ, на основании которых может осуществляться обучение письменному переводу (например, Memsource, ABYY SmartCAT). На каждой из таких платформ, или приложений, в каждой из программ используется определенный уникальный набор инструментов и тип движка МП. Так, для Memsource, ABYY SmartCat это Microsoft with Feedback (в качестве бесплатной опции), и Default MT, Microsoft Bing, Google (в качестве платных опций). О качестве перевода и удобства использования и постредактирования того или иного движка можно судить, осуществив перевод одного и того же фрагмента текста на разных движках. Сравним переводы программы МП PROMT, Microsoft with Feedback, Google и человека:

Текст оригинала из Руководства по основным обязанностям советов директоров компаний, занимающихся венчурным инвестированием:

«A Simple Guide to the Basic Responsibilities of VC-Backed Company Directors» addresses the critical role of corporate governance in contributing to effective boards. This guide answers essential board service performance questions and recommends guidelines for all VCBC directors. It is also a tool to educate the other core VCBC constituents—management, investors, and employees—about proper board governance process.

Вариант перевода 1: PROMT без предварительной настройки МП: «Простой Справочник по Основной Ответственности Директоров компании VC-Backed» обращается к решающей роли корпоративного управления во вкладе в эффективные правления. Этот гид отвечает на существенную услугу правления вопросы о производительности и рекомендуют рекомендации для всех директоров VCBC. Это – также инструмент для обучения других основных составляющих VCBC – управления, инвесторов, и сотрудников – о надлежащем процессе управления правления.

Вариант перевода 2: с помощью движка МП Microsoft with Feedback: «Простое руководство основные обязанности директоров компании VC-Backed» решает важнейшую роль корпоративного управления в содействии эффективных советов. Это руководство отвечает на вопросы производительности службы основных Совета и рекомендует руководящие принципы для всех VCBC директоров. Это также инструмент для обучения

других составляющих VCBC core – управление, инвесторы и сотрудники – о процессе управления надлежащего правления.

Вариант перевода 3: перевод Google: «Простое руководство к основным обязанностям директоров VC спинками компания» решает важнейшую роль корпоративного управления в содействии эффективных плат. Это руководство отвечает на вопросы производительности важно обслуживание на борту и рекомендует руководящие принципы для всех директоров VCBC. Это также инструмент для обучения другое ядро VCBC составляющие-менеджеры, инвесторы и сотрудники-о собственно процессе управления доской.

Вариант перевода 4: перевод переводчиком-человеком (цитируется по материалам РАВИ, www.rvca.ru): «Руководство по основным обязанностям Советов директоров компаний, финансируемых венчурным капиталом (КФВК)» посвящено решающей роли корпоративного управления в повышении эффективности Советов директоров портфельных компаний. В этом исследовании рассматриваются самые существенные вопросы, связанные с повышением эффективности работы Советов, и даются руководящие указания для всех директоров КФВК.

Следует отметить, что результат МП зависит от целого ряда факторов. Это и специфика текста, и сложности исходного текста, и область специализации, и исходный и конечный языки (язык оригинала и перевода), направление перевода, жанр текста, возможность выбора или доступности того или иного движка МП и т.д. По мнению специалистов, наиболее подходящими для применения того или иного вида МП являются документы нейтрального стиля с жесткими требованиями по стилю и терминологии, рамочные, шаблонные тексты.

Представление о целесообразности использования МП при выполнении может формироваться на основании различных подходов. Так, немаловажным фактором является скорость постредактирования, которая зачастую определяется профессионализмом редактора, уровнем владения необходимыми навыками постредактирования, скоростью набора текста.

Так, специалисты PROMT предлагают рассматривать в качестве критериев оценки целесообразности применения МП следующие: 1) эквивалентность перевода как по числу компонентов текста, так и по содержанию; 2) соответствие перевода предметной области, точность в передаче терминологии; 3) устойчивость соблюдения терминологии; 4) когезия текста – точность в передаче слов-связок, союзов и т.д. – и грамматическая связность – точное соблюдение форм слова, склонения, спряжения, согласования по роду и числу.

Комплексный анализ перевода по данным критериям дает наглядную картину объемов постредактирования. Так, обратившись к первому варианту перевода (PROMT), следует отметить проблемы эквивалентности в связи с отсутствием в словарях переводчика некоторых единиц, а также невозможностью учета машиной контекста при выборе соответствий, в

результате чего наблюдается буквальный перевод целого ряда единиц, несоответствие перевода некоторых терминологических единиц предметной области. Данные недостатки перевода, как может оценить редактор-человек, потребуют значительных корректировок текста.

Схожие проблемы наблюдаются в переводах, выполненных движками МП Microsoft with Feedback и Google, при этом статистически буквальный перевод, несоответствие предметной области при переводе терминов наблюдается в тексте от Google значительно чаще. Учитывая, что несколько лет назад переводы, выполненные машиной, часто отличались грамматической нестройностью, хотелось бы отметить, что практически полное отсутствие проблем с грамматической связностью перевода, свидетельствует о росте качества МП.

Обращаясь к переводу, выполненному переводчиком-человеком, можно отметить, что в подобной ситуации, при таком соотношении ошибок выполнение перевода на основе выполненного МП (PROMT или Microsoft with Feedback) вполне возможно. В случае работы с PROMT проблема правильной передачи терминов в объемном тексте и, соответственно, проблема длительной правки повторяющихся ошибок во всем тексте может быть устранена настройкой глоссария и вторичным переводом текста. Остальные проблемы перевода будут устраняться вручную.

На наш взгляд, главным фактором, определяющим выбор в пользу стратегии перевода с использованием МП с постредактированием или выполнение перевода вручную, является объем правок и время работы над текстом. И если объем правок является объективным показателем, зависящим в каждой конкретной ситуации от объективных факторов, то время внесения правок, технология настройки МП – вопрос навыка и подготовки. Именно регулярный практический опыт работы по редактированию МП на занятиях по письменному переводу, за счет подключения и использования движка МП на переводческих платформах, на которых студенты выполняют перевод, позволит им отточить этот полезный навык поиска ошибок МП и их быстрого устранения, научит более эффективно опираться на основу текста перевода, предлагаемую машиной, использовать семантические опоры, подбираемые машиной и доводить текст до совершенства, значительно сокращая время перевода. Очень важно, чтобы будущие переводчики опытным путем усвоили, что при благоприятных условиях использования МП, скорость постредактирования значительно (на 20-40 %) выше скорости чистого перевода (без опоры на черновой МП) и научились совершенствовать процесс перевода в том числе и за счет таких средств.

Список использованных источников

1. Гаврилова А. И. Casus Instrumentalis в русском и английском языках: применительно к возможностям автоматизированного перевода: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.21. МГЛУ. М., 2009. 25 с.

2. Гриф М. Г. Интерлингва в системах машинного перевода для жестовых языков // «Труды СПИИРАН». – 2012. – Вып. 1(20). – СПб: СПИИРАН. С. 116–137.
3. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 317 с.
4. Мирам Г. Алгоритмы перевода: Вступительный курс по формализации перевода (на англ.яз.). К.: Эльга, Ника-Центр, 2004. 176 с.
5. Попов С. А. Информационные технологии переводчика: учеб. Пособие. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. 234 с.
6. Семенов А. Л. Современные информационные технологии и перевод: учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. Заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 224 с.
7. Соловьева А. В. Профессиональный перевод с помощью компьютера. СПб.: Питер, 2008. 160 с.

УДК 81.253

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА МУЗЕЙНОЙ ЭКСКУРСИИ

Е. И. Вилькэн,

старший преподаватель кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Стабильность рынка туристических услуг России ставит перед его участниками необходимость повышения качества переводческих услуг. Проблема понимания текстов, созданных в рамках другой культуры, возникает при осуществлении межкультурной коммуникации. В этом случае можно выделить два основных направления: проведение экскурсии на иностранном языке и устный перевод в процессе экскурсии, который имеет ряд особенностей.

Ключевые слова: экскурсия, экскурсовод, гид-переводчик, туристический дискурс, межкультурная коммуникация, пересказ, региональная реалья.

Summary. The tourist services market stability in Russia needs the quality improvement of translation services. The problem of understanding texts created in the framework of another culture, arises during the cross-cultural communication. Two main ways can be used in this case: foreign language excursion and interpreting during the excursion. The last way has a lot of peculiarities.

Key words: tour, guide, guide-interpreter, tourist discourse, intercultural communication, paraphrase, regional reality.

Россия, несмотря на современную международную обстановку и экономические санкции, остаётся привлекательной на рынке туристических услуг. По данным Ростуризма, за первые девять месяцев 2016 года возросло

количество туров в Россию из таких стран как Швейцария (17%), Испания (5%), США (4%), Франция (4%), Германия (2%) [1].

Зарубежные гости охотно посещают Россию. Большой популярностью пользуются речные круизы по маршруту Москва – Санкт Петербург. Центрами зарубежного туризма являются также Сочи, Казань, Калининград, Ростов-на-Дону, города Золотого кольца.

Существуют различные виды туристических поездок, и в большинстве из них людей интересует информация о месте их пребывания, следовательно, возникает необходимость в различных типах экскурсий.

Экскурсия – это «заранее подготовленная прогулка или поездка одного человека или группы людей ради учебных, научных, развлекательных целей, имеющая точно обозначенное время и место для осуществления целей экскурсии» [1, с. 35].

Информация, которую экскурсовод сообщает туристу, может быть представлена в виде письменного текста, который в действительности приобретает устную форму. Это речь экскурсовода, аудиогид в больших музеях, закадровый текст в рекламном ролике об определённом туристическом объекте.

Контрольный текст экскурсии и индивидуальный текст экскурсовода являются частью туристического дискурса. В качестве базового определения возьмем тезис Т. А. ван Дейка: «Дискурс – актуально произнесенный текст», связанный с коммуникацией в той или иной профессиональной сфере [8, с. 75].

В. И. Карасик выделяет личностный и институциональный дискурс. Туристический дискурс – коммуникация в сфере туризма – связан с институциональным дискурсом, поскольку он представляет собой общение людей, принадлежащих к той или иной социальной группе, в типичной речеповеденческой ситуации [4].

По мнению Л. М. Михайловой, адресант и адресат туристического дискурса как субъекты коммуникации обладают институционально-дискурсивными характеристиками, влияющими на продуцирование дискурса [6, с. 618].

При рассмотрении части туристического дискурса – текста экскурсии – необходимо дать определение понятия «текст». Наиболее полным является, по-нашему, следующее определение: «под словесным произведением (сделанным текстом) понимается всякий отграниченный, языковой макрообъект, которому в результате целенаправленной коммуникативно-речевой и языковой деятельности придана определенная конструктивная организованность, внутренняя и внешняя форма» [2, с. 48].

Процесс глобализации расширяет возможности общения с представителями разных культур. Это общение стало объективной реальностью для многих стран и народов. Проблема понимания реципиентом одной культуры текстов, созданных в рамках другой культуры, возникает при осуществлении межкультурной коммуникации.

Процесс межкультурной коммуникации есть «специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует также знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т.д. в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации. Только сочетание двух видов знания – языка и культуры – обеспечивает эффективное и плодотворное общение» [3, с. 95].

Для межкультурной коммуникации необходим перевод, так как если носители родственных языков, например, русского, украинского и белорусского языков могут в большинстве случаев понять друг друга, то для коммуникации представителей различных языковых групп требуется перевод.

Текст любой экскурсии может быть представлен в письменной и устной форме на определённом языке. Этот же текст может быть переведён на другой язык, так как в качестве адресата коммуникации может выступать носитель любого языка. В этом случае можно выделить два основных направления: проведение экскурсии на иностранном языке и устный перевод в процессе экскурсии.

Первое направление является оптимальным, так как квалифицированные гиды-переводчики одинаково хорошо владеют как фактической информацией, так и иностранным языком, что в полной мере позволяет осуществлять коммуникацию в сфере туризма.

Второе направление – устный перевод в процессе экскурсии. Даже для профессионального гида-переводчика здесь могут возникнуть коммуникационные трудности, так как довольно часто экскурсоводы музеев, ведущие экскурсии только на родном языке, не учитывают адресата – иностранного туриста – и предлагают индивидуальный текст, который в силу ряда причин не может быть устно последовательно переведён. Рассмотрим это на примере фрагмента экскурсии в церкви Дмитрия на Крови в Угличе. Экскурсовод описывает события, изображённые на большой фреске. Для российского туриста следующий текст не представляет трудности для понимания:

Западную стену занимает огромная композиция «Убийство цесаревича Дмитрия». 15 мая 1591 года от Рождества Христова в солнечную, тёплую и пропахшую цветами и молодыми травами субботу, в шестом часу дня, царица с малым сыном возвратились из церкви и готовились обедать в своем каменном светлом тереме, построенном умелыми руками мастеровых. Слуги уже носили приготовленные в поварне разнообразные кушанья, источавшие аппетитный аромат, как вдруг, непонятно зачем, мамка Волохова, смотревшая за отроком в Угличе, куда был сослан малолетний царевич вместе с опальной матерью, позвала Дмитрия гулять во двор. Кормилица не отпускала царевича, но Волхова силой вывела Дмитрия вместе с кормилицей из горницы в сени и к нижнему крыльцу. Тут перед ними предстали Осип Волохов, Данила Битяговский и

Никита Качалов. Волохов, взяв Дмитрия за руку, злоеце сказал: «Государь! У тебя новое ожерелье!» «Да нет, старое...», - доверчиво улыбаясь, ответил Дмитрий.

Если этот текст необходимо последовательно перевести, то переводчику целесообразно прибегнуть к различным трансформациям. Это вызвано в данном случае рядом причин. Во фрагменте содержится большое количество реалий, архаизмов, имён собственных, качественных прилагательных, причастных оборотов. Всё это может быть переведено, но это часто требует использования дополнительных источников (словарей).

Для осуществления полноценной коммуникации в этом случае можно прибегнуть к пересказу – «весьма свободному (по сравнению с переводом) изложению содержания исходного текста, при котором оно может сокращаться (за счет опущения малосущественных или малопонятных для потребителя пересказа деталей, более лаконичного, в целом, способа изложения), расширяться (за счет введения пояснений), изменять свою структуру на более привычную для потребителя, модернизироваться в плане выражения (отказ от архаизмов, устаревшей манеры изложения), интернационализироваться (опущение узконациональных реалий) и т.д.» [5, с. 20–21].

Л. К. Латышев предлагает применять пересказ для произведений фольклора, но, по-нашему мнению, этот вид переводческой деятельности вполне применим в некоторых музейных экскурсиях, если она не рассчитана на специалистов, например, историков. Переводчик в данном случае, обладая фоновыми знаниями и умением осуществлять межкультурную коммуникацию, облегчает процесс восприятия данной информации иноязычным слушателям. Следующий фрагмент экскурсии может быть переведён на любой европейский язык без особых трудностей:

Западную стену занимает огромная композиция «Убийство цесаревича Дмитрия» 15 мая 1591. Особенностью этой композиции является изображение цесаревича и отдельных сцен, объединенных общим ритмом. Действия можно читать слева направо, и они охватывают некоторые события, которые происходили в разное время. Наверху в тереме можно увидеть сцену, в которой цесаревича одевают. Чуть ниже показана сцена убийства, а чуть выше показаны плачущие царица и кормилица над трупом цесаревича, окруженные жителями города, сбегавшимися на звон колокола.

Приведём немецкий вариант перевода:

Die Westwand nimmt die großartige Komposition „Ermordung des Zarensohnes Dimitri“ am 5. Mai 1591 ein. Ihre Besonderheit besteht in der großen Darstellung des Zarensohnes und einzelner Szenen, die durch einen gemeinsamen Rhythmus vereint sind. Die Handlung ist von links nach rechts abzulesen und umfasst einige Ereignisse, die zu verschiedener Zeit stattfanden. Oben im Gemach ist eine Szene zu sehen, in der der Zarensohn angezogen wird. Weiter unten an der Treppe sind die Szene der Ermordung und etwas höher die

von der Leiche des Zarensohnes weinenden Zarin und Amme zu sehen, umgeben von den Stadteinwohnern, die auf das Glockengeläut herbeigeeilt sind.

Следует отметить, что переводчик не должен в процессе перевода музейной экскурсии использовать пересказ, так как это в определённой степени ставит под сомнение его профессионализм. Если переводчик замечает, что экскурсовод использует индивидуальный текст экскурсии для русскоязычных слушателей, то он может тактично попросить его «сократить» этот текст, так как полный перевод удлинит время экскурсии, и иностранные туристы могут потерять интерес.

Переводчик должен учитывать адекватную меру переводческих трансформаций. Это, по мнению Л. К. Латышева, обеспечивает не просто некоторое, а максимальное семантико-структурное подобие исходного текста и переводного текста. Адекватная мера переводческих трансформаций – признак, отличающий хороший перевод [5, с. 51].

Определённую трудность в процессе перевода экскурсии представляют региональные реалии. В каждом отдельном случае гид-переводчик при составлении индивидуального текста на иностранном языке применяет различные трансформации. Приведем два примера:

Здесь находится богатая коллекция парадных портретов казаков, «донская парсуна», собрание портретов «сиятельных особ». – Es gibt einzige Sammlung der Paradeporträts von Kosaken "Don - Parsuna", Porträtsammlung von "erlauchten Personen". В данном примере переводчик применил транслитерацию и описательный перевод.

Донские казаки носили темно-синюю униформу с красными лампасами, их эполеты были темно-синие с красным, фуражки - темно-синие с красным околышком. Кубанские казаки, напротив, носили черную или сиреневую черкеску с нашитым патронташем, черные шаровары с малиновыми лампасами, папаху или кубанку (высокие шапки) с малиновым околышком. Эполеты были также малиновые. Все это дополнял башлык, т.е - капюшон. – Die Don-Kosaken trugen dunkelblaue Uniformen mit roten Hosenstreifen, ihre Schulterstücke waren dunkelblau und rot, die Schirmmützen – dunkelblau mit einem roten Mützenrand. Dagegen trugen die Kuban-Kosaken einen schwarzen oder fliederfarbenen Tscherkessenrock mit aufgenähten Patronentaschen, schwarze Pluderhosen mit himbeerfarbenen Hosenstreifen, eine Papacha oder Kubanka (hohe Mützen) mit himbeerfarbenem Mützendeckel. Die Schulterstücke waren ebenfalls himbeerfarben. Das alles ergänzte ein Baschlik – also eine Kapuze. В данном примере в качестве основных трансформаций выступают транскрипция и описательный перевод.

Лексическая безэквивалентность в переводе в основном имеет не абсолютный, а относительный характер, и связана с определенными и достаточно специфичными трудностями, о которых нужно знать и которые необходимо уметь преодолевать.

Переводчик выбирает тот или иной прием, полагаясь на свой переводческий инстинкт, опираясь на полученные знания и накопленный в

процессе работы опыт, поэтому окончательное слово, независимо от теоретических исследований, в большинстве случаев остается за переводчиком-практиком.

Список использованных источников

1. Алябьева Р. В. Методика проведения экскурсии. М.: Академия, 2004. 385 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. Москва «Прогресс-Традиция» «ИНФРА-М», 2004. 224 с.
3. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш.шк. 2005.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
5. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. Вузов и фак. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
6. Михайлова Л. М. Основы туристического дискурса в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. –№2. С. 618-620.
7. Ростуризм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russiatourism.ru/contents/statistika/>
8. Van Dijk T. A. Discourse as Structure and Process // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 1. – London, 1997. P. 63-111.

УДК 81'253-114:378.147

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ-СИНХРОНИСТОВ

Г. В. Витковская,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь;

В. Г. Ключева,

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье анализируются возможности использования инновационных технологий в процессе преподавания иностранных языков для будущих переводчиков-синхронистов, а также рассматриваются особенности применения данных инноваций. Подчеркиваются преимущества использования информационных технологий по сравнению с традиционными методами. Выделяются десять перспективных обучающих программ, которые способствуют повышению качества обучения.

Ключевые слова: образовательные ресурсы, инновационные технологии, обучающие программы, переводчик-синхронист.

Summary. The article analyzes the possibilities of using innovative technologies in teaching foreign languages for future simultaneous interpreters, and also describes the particular qualities of the usage. The benefits of using the information technologies compared to the traditional methods are emphasized. The ten promising educational programs which contribute to the enhancement of teaching are pointed out.

Key words: educational resources, innovative technologies, training programmes, a simultaneous interpreter.

Внедрение технических и технологических новшеств значительно сокращает затраты, упрощает производственный процесс и даже минимизирует участие в нем человека. Но, что касается работы переводчика, несмотря на то, что появляются сверхсовременные устройства, обойтись без переводчика-синхрониста на деловых встречах и переговорах, форумах и конференциях, по-прежнему невозможно.

Успешная организация работы с зарубежными партнерами во многом зависит от успешной работы переводчика, которая требует великолепного знания языка, умения переключаться с одного языка на другой, эрудиции, феноменальной оперативной памяти и умению вести себя в стрессовой ситуации. Кроме того, нужно быть изобретательным и находчивым человеком, чтобы успешно использовать приемы целостного преобразования и компенсации, а также методы интуитивной замены. Синхронный перевод является самым сложным видом устного перевода. Эта профессия требует постоянного самосовершенствования. Поэтому переводчиками-синхронистами могут работать единицы. Существует даже такое утверждение, что «Синхронистами или рождаются, или становятся в процессе напряженного обучения» [2], что полностью подтверждается на практике.

В мире существует множество переводческих школ, которые используют разные методики обучения, хотя и содержащие обязательный набор компонентов. Разница в подходах к обучению, в значительной мере, влияет на конечный результат. В популярных переводческих школах (Высшая школа перевода при Сорбонне, Женевская школа перевода, американский университет в Монтерее) в основе курса обучения главное внимание уделяется активизации словарного запаса иностранного языка.

Успешному переводчику недостаточно просто совершенствовать знание иностранного языка, нужно ежедневно читать разноплановую литературу на родном языке, смотреть разножанровые фильмы и телевизионные передачи, интересоваться новостями, читать газеты и журналы. Это значит повышать уровень эрудированности, пополнять и расширять свой словарный запас.

Переводчик – одна из профессий, где основой успеха является самостоятельная работа в процессе обучения, личный активный настрой на самосовершенствование. Не секрет, что многие всемирно известные

переводчики шли к своей известности самостоятельно, сами вырабатывали собственную методику освоения профессии [1, с. 4]. Неоценимую помощь при самоподготовке окажут электронные ресурсы Интернета, современные технологии и методологии.

Несмотря на то, что использование современных компьютерных технологий в образовании становится шире, однако, сами эти технологии подверглись лишь незначительным изменениям. Хотя, даже за последние несколько лет, онлайн-обучение и другие образовательные методики используются все чаще и чаще. Модернизация содержания образования на современном этапе связана с инновационными процессами в организации преподавания иностранных языков. Реализация инновационных технологий в образовательном процессе взаимосвязана с улучшением содержания и методов обучения в процессе преподавания иностранных языков в связи с потребностями современной жизни. Гуманистическая направленность образования стала приоритетным направлением развития современной школы; личность студента становится центром внимания. Таким образом, основная цель современного преподавателя – выбор форм и методов организации образовательной деятельности студента, оптимально соответствующих целям развития личности.

Наряду с практической целью курс иностранного языка устанавливает образовательные цели. Достижение образовательных целей обеспечивается в аспекте гуманизации высшего образования и означает расширение кругозора студентов, повышение уровня их общей культуры и образования, а также культуры мышления, общения и речи. «Под гуманизацией образования понимается процесс создания условий для самореализации, самоопределения личности студента в пространстве современной культуры, создания в вузе гуманитарной сферы, способствующей раскрытию творческого потенциала личности, формированию ноосферного мышления, ценностных ориентаций и нравственных качеств с последующей их актуализацией в профессиональной и общественной деятельности» [3]. Организация преподавания иностранных языков требует учета потребностей, интересов и личностных характеристик студента, когда студент выступает в качестве полноправного участника процесса обучения, основанного на принципах сознательного партнерства и взаимодействия с преподавателем, который непосредственно связан с развитием самостоятельности обучаемого, его творческой деятельностью и личной ответственностью за результат обучения. Это, в частности, является еще одним направлением реализации идеи гуманизации системы образования.

Использование инновационных форм обучения, в отличие от традиционных методов, предоставляет студенту главную роль в процессе обучения, при этом преподаватель, выступая в качестве активного помощника, организует, направляет и стимулирует образовательную деятельность. В процессе преподавания иностранного языка используются различные цифровые образовательные ресурсы, например, программа MS

Power Point для презентаций, онлайн-тесты, учебные программы и учебные пособия, образовательные интернет-ресурсы, которые мотивируют студентов на достижение успешных результатов. Сочетание видео- и аудиоресурсов, возможность использования интерактивной доски, обеспечивающие эффективность восприятия и запоминания учебного материала и экономящие время при обучении, являются преимуществами использования информационных технологий по сравнению с традиционными методами.

Компания The NMC (The New Media Consortium), которая специализируется на создании обучающих программ, выделила десять перспективных технологий:

- облачные вычисления (Cloud Computing);
- мобильное обучение (Mobile Learning);
- аналитика обучения (Learning Analytics);
- открытый контент (Open Content);
- 3D печать (3D Printing);
- массовый открытый онлайн-курс (Massive Open Online Courses);
- виртуальные и дистанционные лаборатории (Virtual and Remote Laboratories);
- игры и игрофикация (геймификация; геймизация) (Gamification);
- планшетный персональный компьютер (Tablet PC);
- носимые устройства (гаджеты) (Wearable Technology) [4].

Все чаще и чаще программное обеспечение для образовательных целей становится адаптивным. Например, программа Dreambox, которая позволяет задать последовательность заданий, основанную на том, что студенты, выполняя их, учатся в оптимальном для них темпе.

Одним из ключевых утверждений, выдвинутых в «Манифесте пути» Рика Левина (The Clue Train Manifesto) о рекламе в сети, является то, что «Рынки – это общение. Рынки – это люди, а не демографические секторы» [5], что знание создается и им делятся с помощью вопросов и ответов, в ходе диалога. Эта технология «речевого управления знаниями» (Conversational Knowledge Management) предполагает, что агрегация и абстракция информации помогают создать новую информацию.

Понятие «речевые технологии» не является новым, так как оно включает в себя множество типов систем, которые уже широко используются, в том числе электронную почту, видеоконференции и форумы, обмен мгновенными сообщениями, веб-страницы, видео- и аудиоконтент или потоковое мультимедиа, различные блоги. Во всем мире известна свободная энциклопедия «Википедия», основанная на системе «Wiki». Это веб-сайт, структуру и содержимое которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом.

«Wiki» – это многообещающая технология, которая поддерживает "разговорный" способ создания информации и обмена ею. Это коллективно созданный и многократно улучшенный набор веб-страниц, вместе с программным обеспечением, которое управляет веб-страницами. Благодаря своему уникальному способу создания и управления информацией, эта технология сочетает в себе лучшие элементы предыдущих речевых технологий, избегая при этом многих их недостатков.

Термин «конструктивистский инструмент обучения» также связывают с блогами и веб-сайтами, созданными по технологии «Wiki», поскольку они играют ключевую характеристику, позволяя пользователям разрабатывать и поддерживать свой собственный контент. Некоторые из характеристик конструктивистского обучения включают в себя взаимодействие, активное обучение, сотрудничество, как в реальном, так и в виртуальном мире, как часть процесса обучения.

Нет таких студентов, которые не знакомы с системой обмена мгновенными сообщениями (англ. Instant messaging, IM) Учитывая интерактивность, общение в режиме реального времени, сочетание синхронной связи с мгновенной реакцией, эта технология действительно является разговорной, которая позволяет общаться группам и отдельными лицами. Первоначально этот домен был создан для пользователей персональных компьютеров. Со временем уникальные преимущества и эффективность этой системы были по достоинству оценены, и ее приняли в качестве формы общения на предприятиях (особенно высокотехнологичных). В настоящее время в некоторых учебных заведениях проходит апробация данной системы применительно к сфере образования. Yahoo! Messenger, ICQ, AOL (AIM), MSN Messenger – основные системы обмена мгновенными сообщениями.

Блоги появились как средство для самовыражения. Первоначально это были только личные онлайн-дневники с фотографиями, в которых в хронологической последовательности описывались какие-то события или высказывались мнения по тому или иному поводу. Позже появились групповые и общественные блоги. Недавно была доказана их эффективность в процессе обучения, включая использование в качестве веб-журналов, которые создаются на сайте и используются в режиме онлайн. Это коммуникационный инструмент, обладающий такими свойствами, как интерактивность, мультимедийность, гипертекстуальность, и позволяющий свободно и оперативно обмениваться информацией через интернет. Есть программные пакеты, которые предназначены, чтобы помочь пользователям создавать блоги, в том числе Movable Type, Xanga, Blurty и Blogger.

Наконец, использование социальных сетей в образовательном процессе дает возможность студентам подключаться к сокурсникам и преподавателям, чтобы получить помощь, когда это необходимо.

Потенциал высококачественных образовательных технологий поможет преподавателям уделять особое внимание каждому студенту.

Инновационные технологии в процессе преподавания иностранных языков для переводчиков-синхронистов, особенно конструктивистские и речевые технологии, конечно, будут все шире использоваться в дальнейшем. Хотя в большей мере использование этих технологий основано на росте популярности, особенно в студенческой среде, существуют также концептуальные и теоретические основания для применения этих видов технологий на занятиях, а также в процессе самообразования.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург: Издательство «Союз», 2001. 288 с.
2. Ассоциация переводчиков Иркутской области [Электронный ресурс] <http://www.asperio.ru/node/8> (дата обращения 26.01.2017).
3. Педагогика и психология высшей школы [Электронный ресурс]: учебное пособие. URL: http://www.psichology.vuzlib.su/book_o350_page_8.html (дата обращения 28.01.2017).
4. Briggs S. 10 Emerging Educational Technologies & How They Are Being Used Across the Globe [Electronic Resource] – Mode of access: <http://www.innovationexcellence.com/blog/author/saga-briggs> (дата обращения 28.08.2016).
5. Levine R. The Cluetrain Manifesto [Electronic Resource] – Mode of access: <http://www.cluetrain.com> (дата обращения 28.08.2016).

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

А. В. Воеводина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки,
Донбасская юридическая академия, Донецк*

Аннотация: В работе затрагиваются проблемы обучения письменному переводу студентов юридического профиля. Одной из основных целей обучения студентов-юристов английскому языку является формирование у них умения осуществлять качественный перевод специальных текстов. В связи с этим перед преподавателями стоит важнейшая задача: научить студентов не только понимать содержание оригинального текста, но и выполнять письменный перевод, достигая при этом смысловой и стилистической адекватности. На основе анализа учебно-методических источников, предназначенных для подготовки студентов-

юристов, выделены основные виды учебных юридических текстов в зависимости от их функционального назначения.

Ключевые слова: перевод, дискурс, методика обучения, типы учебных текстов.

Summary: The paper addresses the problems of teaching law students written translation techniques. One of the main objectives of teaching law students is to develop their ability to do high-quality translation of special texts. In this regard, the teachers are faced the important task: to teach students not only to understand the content of the original text, but also to do the semantically and stylistically adequate translation. Teaching methodology sources were analyzed and the main types of the legal texts were identified according to their functional purpose.

Key words: translation, discourse, methodology of teaching, types of training texts

В современном мире владение иностранным языком является одним из необходимых требований, предъявляемых к специалистам разного профиля. Компании, ведущие бизнес с зарубежными партнерами, нуждаются в сотрудниках, которые могут не только работать с иноязычными источниками для получения информации, но и осуществлять качественный перевод экономической или юридической документации. Поэтому одной из основных целей обучения студентов-юристов английскому языку является формирование у них умения осуществлять качественный перевод специальных текстов. В связи с этим перед преподавателями стоит важнейшая задача: научить студентов не только понимать содержание оригинального текста, но и выполнять письменный перевод, достигая при этом смысловой и стилистической адекватности.

Существует достаточно большое количество исследований, посвященных обучению студентов лингвистических вузов навыкам перевода. С этой проблемой связаны работы В. В. Алимова, Н. И. Алмазовой, А. Я. Гайсиной, Л. М. Ежовой, Н. В. Кондрашовой и др. Несмотря на это она не утрачивает своей актуальности, поскольку письменный перевод текстов профессионального характера, как правило, осложняется тем, что такие материалы трудны для понимания как с точки зрения языковой насыщенности, так и с точки зрения профессиональной лексики.

Обучающие юридические тексты являются промежуточным звеном на пути познания, необходимым этапом в овладении языком профессионального общения.

Учебный юридический текст для письменного перевода формируется на стыке трех дискурсов – учебного, юридического и переводческого. Особенности юридического дискурса сформированы под влиянием области его функционирования, коммуникативных целей и состава участников. Переводческий дискурс трактуется как совокупность теории перевода и

переводческой практики, или, в более узком смысле, как разновидность профессионального дискурса. Под учебным дискурсом обычно понимается особая коммуникативная среда, возникающая в процессе обучения реципиента, а также непосредственно сам процесс интерактивного обучения, направленный на получение знаний и формировании необходимых навыков в определенной области. Одной из основных составляющих учебного, так же как и юридического, дискурса является текст правовых документов. Однако учебные юридические тексты довольно значительно отличаются от текстов профессиональной юридической коммуникации, прежде всего, своими коммуникативными и структурно-семантическими характеристиками, они также имеют различные области применения и характер адресации. При этом стоит отметить, что учебный текст всегда создается на основе оригинального текста-прототипа. Учебный текст – это результат «прагмалингвистического моделирования, под которым понимается приспособление/адаптация оригинальных речевых произведений ... к новой коммуникативной сфере (учебной деятельности) и новому адресату (учащемуся) с сохранением языковых норм исходного стиля речи, или создание на базе нескольких аутентичных произведений новых текстов учебного характера, воспроизводящих языковые и стилевые особенности моделируемых произведений с учетом прагматических факторов (адресата и ситуации учебной деятельности)» [1].

Сущность понятия «учебный текст» или «учебно-научный текст» может быть наиболее полно отражена в классификациях А. Э. Бабайловой, В. Н. Мещерякова и Е. А. Охомуш, В. И. Карасика и Л. М. Майдановой.

Классификация А. Э. Бабайловой предполагает деление учебных текстов согласно их происхождению (ориентации на оригинал) на 1) собственно учебные и 2) несобственно учебные (оригинальные) тексты. Первый вид текстов, в свою очередь, делится еще на три подвиды: 1) созданные авторами-составителями, 2) упрощенные, 3) трансформированные оригинальные тексты [2].

Исследователь В. И. Карасик предлагает следующую классификацию учебно-научных текстов:

1) **по признаку объема:** оригинальный текст подвергается трем видам трансформации – сокращению, перифразировке или расширению;

2) **по признаку сложности:** учебный текст предполагает различную степень адаптации;

3) **по признаку кода:** оригинал текста переводится на другой язык [4].

В классификации Л. М. Майдановой мы видим следующие типы учебных текстов:

1) **«воспроизведение первичного текста»;**

2) **«циклизация первичных текстов»:** учебный текст включает циклы оригинальных текстов;

3) **«завершение первичного текста»:** автор учебного текста завершает незаконченный оригинальный текст [5].

Проанализировав учебно-методические источники, предназначенные для подготовки студентов-юристов, мы постарались выделить основные виды учебных юридических текстов в зависимости от их функционального назначения: 1) информативные тексты; 2) учебные статьи; 3) типовые правовые документы.

Информативные тексты – это тексты, имеющие узуальную структуру, основу которой составляет принцип формирования основных юридических понятий. Как правило, в таких текстах можно обнаружить две или три условные составляющие: введение и основная часть, либо введение, основная часть и заключительная часть.

Учебные статьи имеют ту же структуру, которая определяется текстом оригинала и содержит три основные части: введение, собственно научную часть и выводы.

Типовые правовые документы имеют достаточно жесткую структуру, которая не предполагает отклонений от заданной формы. Сама же форма типового документа зависит от его функционального назначения и традиции оформления (типовой договор, таможенная декларация и т.п.).

Лексический состав данных видов учебных текстов отличается, главным образом, количеством и сложностью употребленной профессиональной терминологии. Так, например, в информативных текстах преобладает в основном общелитературная лексика, не имеющая экспрессивно-оценочных коннотаций. Постепенный ввод терминов производится с опорой на общую лексику и базовые юридические понятия (*law, legislation, constitution*).

Учебные статьи содержат большой объем предметной юридической терминологии (*Court of Appeal, National security agencies, smuggling*), в том числе на латинском языке (*absente reo* – в отсутствие ответчика, *actio civilis* – гражданский иск, *actio in personam* – личный иск), а также общелитературную лексику, отражающую профессиональные и культурные реалии. В учебных статьях можно также встретить цитаты и аббревиатуры (*MP* – *Member of Parliament*, *FSUE* – *Federal State Unitary Enterprise*). Следует отметить, что учебные статьи могут также содержать эмоционально-окрашенную лексику.

Типовые юридические документы, используемые в качестве учебных текстов, содержат значительное количество речевых клише (*submitted for Customs Inspection, Not renewable in case of loss*), аббревиатур, официально-книжной и профессиональной лексики.

Что касается стилистических особенностей, то здесь можно отметить существенное сходство первых двух типов текстов. И в информативных текстах, и в учебных статьях мы можем наблюдать все признаки научного (или научно-публицистического) стиля: четкость и последовательность изложения информации, а также точность и однозначность высказывания. Однако в учебной статье допускается некоторая экспрессивность.

Типовые юридические документы являются примером официально-делового стиля, который характеризуется однозначностью и нейтральностью высказываний, а также их точностью и краткостью. Стереотипность документов подчеркивает наличие большого количества речевых клише.

Следует отметить, что ввиду недостаточной сформированности у студентов-юристов лингвистического понятийного аппарата, необходимо в ходе занятий сосредоточиться на конкретных переводческих приемах (транскрипция, транслитерация, калькирование и т.д.), избегая общих лингвистических терминов. Примеры лексических и грамматических трансформаций при переводе следует приводить, основываясь на специально-тематических текстах.

Список использованных источников

1. Акулова Е. А. Типологические характеристики англоязычных учебных экономических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2008. 22 с.
2. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: Социопсихолингвистические аспекты. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 151 с.
3. Воеводина А. В. Особенности обучения переводу студентов экономических специальностей // Материалы I Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности». Изд-во Южного федерального университета, – 2016. – Т.5. Филологические и философские науки. С. 155–157.
4. Карасик В. И. Типы вторичных текстов // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания: Тезисы докл. научн. конф. Волгоград, 5–7 февраля 1997 г. / ВГПУ. Волгоград: Изд-во Волгоградского педагогического университета «Перемена». – 1997. С. 69– 70.
5. Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура: Коллект. монография / Под. ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – 1994. С.81–104.
6. Мещеряков В. Н., Охомуш Е. А. Типология учебных текстов. Днепропетровск, 1980. 78 с.

УДК 81'255.2

СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ БАЙРОНОВСКОГО СТИЛЯ В ПЕРЕВОДЕ Н. И. КОСТОМАРОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «SUN OF THE SLEEPLESS!»)

О. С. Воробьева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк

В. А. Ягушкина,

магистр, направление подготовки 45.04.02 – Лингвистика, профиль «Теория перевода и межкультурная коммуникация», факультет иностранных языков, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу изобразительно-выразительных средств стихотворения Дж. Г. Байрона «Sun of the sleepless!» и его перевода Н. И. Костомаровым на украинский язык. В работе прослеживается специфика передачи байроновского стиля, актуализируются особенности соотношения авторской и переводческой индивидуальности в произведении.

Ключевые слова: лирика, перевод, образ, мотив.

Summary. The article is devoted to comparative analysis of figurative and expressive means in G. G. Byron's poem «Sun of the sleepless!» and its Ukrainian translation by N. I. Kostomarov. Specific features of reproducing Byron's style in translation are traced and illustrated, peculiarities of correlation between author's and translator's personalities are studied.

Key words: lyric poetry, translation, image, motive.

Роль художественного перевода чрезвычайно важна для развития литературы и культуры, ведь это не только способ ознакомиться с наследием других народов, но и средство развития языка, возможность обогатить собственную культуру. Переводная литература, попадая в культурное пространство каждого народа, вступает в сложные отношения с его оригинальной литературой, дополняет литературный процесс, расширяя его тематические, жанровые, содержательные и эстетические границы.

Важным аспектом в изучении художественных переводов является соотношение стиля автора и переводчика в тексте переводного произведения. Так, Г. Гачечиладзе подчеркивает, что «художественный перевод есть вид художественного творчества, где оригинал выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность» [2, с. 95]. Следовательно, художественный перевод ученый трактует как «творчество» и утверждает, что каждый перевод отмечен индивидуальностью переводчика.

Осмысливая цель перевода поэтического произведения, А. Сандауэр подчеркивает, что «задача переводчика поэзии не в том, чтобы перевести слова, и даже не в том, чтобы воссоздать художественные достоинства оригинала, а в такой переработке темы, чтобы перевод производил впечатление, подобное оригиналу» [10, с. 174]. Тем не менее, трудности, связанные с адекватным переводом поэзии, возникают у переводчиков, поскольку автор оригинала связан только с содержанием, которое он хочет выразить, но остается свободен в выборе выразительных средств, в то время

как переводчик связан не только содержанием, но и формой переводимого произведения – он ищет выразительные средства такие же, как у автора.

Цель данной статьи – на основе стилистико-компаративного анализа исследовать эквивалентность передачи экспрессивно-выразительных средств произведения Дж. Г. Байрона «Sun of the sleepless!» в переводе Н. И. Костомарова, проследить особенности передачи поэтического стиля Дж. Г. Байрона украинским романтиком.

Данная проблема уже частично раскрыта в исследованиях М. В. Бородиновой [1], В. Л. Смилянкой [11] и других, но она не нашла системного анализа в трудах вышеперечисленных ученых. Тем не менее, именно Н. И. Костомаров был первым переводчиком поэзии Дж. Г. Байрона на украинский язык и открыл для украинского читателя красоту английской романтической лирики.

Стихотворение «Місяць» («Sun of the Sleepless!») входит в цикл переведенных стихотворений Дж. Г. Байрона «Єврейські співанки» и выделяется среди других произведений своей философской направленностью. По мнению О. В. Дзери, эту миниатюру Дж. Г. Байрон «считал своим наилучшим произведением» [3, с. 17], поскольку в нем раскрывается «процесс напряжённого осмысления целого комплекса чувств: разочарование, тоска, скорбь, отчаяние» [4], которые не являются сиюминутными, а уже осмыслены, выстраданы и обдуманы в течение длительного времени лирическим героем. Состоящее всего из двух четверостиший стихотворение, написанное дольником, который, по мнению В. И. Липиной-Березкиной, передает «напряжённую интонацию живой речи» [8, с. 67], выделяется из цикла своей ритмомелодической структурой: «*Sun of the Sleepless! – melancholy star! / Whose tearful beam glows tremulously far, / That show'st the darkness thou canst not dispel, / How like art thou to Joy remembered well!*» [12, с. 9]. Н. И. Костомаров при переводе не меняет объема произведения, но использует шестистопный ямб, переводя его в силлабо-тоническую систему: «*Несонним сонечко ти, зіронько мутная! / Як твій дрижачий світ далеко сумно сяє! / Твій блідий лик прогнати ніч не має власті, / Ой, як він схож на згадку про старинне щастя*» [6, с. 152]. В переводе первого четверостишья сохраняется явная в оригинале аллитерация (повторение свистящих «с», «з»), что придает произведению плавное, завораживающее звучание.

Центральным образом в первом четверостишии является образ «солнца бессонных», «меланхолической звезды», которую многие ученые трактовали как метафорический образ луны, тем не менее, не можем не согласиться с мнением Н. В. Мошкиной, которая акцентирует внимание на библейской составляющей произведения и цикла в целом. Звезда, в отличие от солнца и луны, символ многозначный и амбивалентный: «символ вечности, в европейской традиции с XVIII столетия – символ высоких стремлений, с конца того же столетия – эмблема счастья» [7, с. 211]. Звезда во многих мифологиях ассоциируется с ночью, но, с другой стороны,

воплощает силы духа, выступающие против сил тьмы. Учитывая всю многозначность образа, Н. В. Мошкина утверждает, что «“Солнце бессонных”, ясно видимое, но холодное и удаляющееся, символизирует смысл дел, «которые делаются под солнцем», вечно ускользающий смысл жизни» [9]. И поскольку человек лишь малое существо, то полнота смысла жизни для него недостижима, хотя и видится в призрачном отдалении: «чем больше стремится человек познать мир, тем больше познает себя, тайна устройства мира при этом ускользает от сознания» [9]. Именно тоска от понимания своей беспомощности в попытке что-то изменить является, по мнению исследовательницы, одной из ключевых идей этой медитативной поэзии. Н. И. Костомаров переосмысливает данный образ в русле народной украинской мифологии, в которой звезды «сопровождают человека от рождения до самой смерти» [5, с. 254], на что указывают присущие украинским народным песням уменьшительно-ласкательные суффиксы, которые способствуют интимизации чувств лирического героя, актуализируют глубину восприятия героем своей судьбы.

Важным аспектом, на который хотелось бы обратить внимание – соотношение «светлых» и «темных» образов в произведении Дж. Г. Байрона. Н. В. Мошкина в своем анализе обращает внимание на равное соотношение «света» и «тьмы», что, по ее мнению, «знаменует единство противоположных начал» [9]. У Н. И. Костомарова «светлые» образы («сонечко», «дрижачий світ», «сяє», «блілий лик», «щастя») преобладают над «темными» («зіронька мутная», «ніч»), что нивелирует пессимистический тон байроновского произведения, придает ему оптимистическое звучание.

Во второй строфе Дж. Г. Байрон переосмысливает свое отношение к прошедшим событиям, которые невозможно вернуть или исправить. Прослеживается осмысленная грусть автора об утраченном, но незабытом: «*So gleams the past, the Light of other days, / That shines, but warms not with its powerless rays; / A night-beam Sorrow watcheth to behold, / Distinct, but distant – clear – but, Oh how cold!*» [12, с. 9]. Автор акцентирует внимание на смене настроений ночью, когда уходит дневная суета, и лирический герой остается наедине со своими мыслями и может осмыслить всю трагичность земного бытия. В произведении Дж. Г. Байрона прослеживается динамика «угасания»: «*sun*» – «*star*» – «*beam*» – «*powerless rays*», которая актуализируется в образе «печали» – «*A night-beam Sorrow*» (символ вечного страдания человека), которая «сторожит» лирического героя, делает его пассивным, бессильным по отношению к художественной действительности. Н. И. Костомаров опускает данный образ в своем переводе, ослабляя эмоциональную напряженность оригинала: «*Так прошлеє горить, так першії дні мріють, / В безсильних променях хоч світяться, не гріють! / Туди підчас на них дивитися завгодно: / От-от вони! Ан ні! – хоч сяють, та холодні!*» [6, с. 152]. Для переводчика «прошлое» («*other days*»), осмысленное в оригинале Дж. Г. Байроном, не олицетворяет

трагизм необратимого, который постоянно гложет лирического героя. Н. И. Костомаров вкладывает в этот образ позитивное значение – «*першій дні*» ассоциируются с началом, чем-то новым и позитивным, что путеводной звездой светит в жизни лирического героя и придает оптимистический настрой всему произведению. В переводе отсутствует гнетущий образ грусти «*night-beam Sorrow*», благодаря чему лирический герой Н. И. Костомарова предстает активным, способным избавиться от гнета прошлого, что воплощается в наречии «*завгодно*», подразумевающим желание или нежелание лирического героя возвращаться к прошлому, возможность принять и изменить суровую действительность.

Как видно из вышеизложенного анализа, Н. И. Костомарову удалось воплотить идею Дж. Г. Байрона, заложенную в медитативно-лирическом произведении «*Sun of the Sleepless!*», хотя переводчик не смог полностью передать эмоциональную составляющую стиха, что, в свою очередь, является причиной утраты важных для произведения образов. Кроме того, Н. И. Костомаров привнес в произведение свое оптимистичное видение, являющиеся результатом интеграции произведения Дж. Г. Байрона в украинскую языковую среду.

Список использованных источников

1. Бородінова М. В. Біблійні образи, мотиви у поезії М. Костомарова // Актуальні проблеми української літератури і фольклору: зб. наук. праць. – Донецьк, 2007. – Вип. 11. С. 6-66.
2. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Сов. писатель, 1980. 254 с.
3. Дзера О. В. Індивідуально-авторське трактування біблійних мотивів як перекладознавча проблема (на матеріалі українських перекладів творів Дж.Г.Байрона). Автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.16. Нац. ун-т ім. Т. Шевченка. К., 1999. 21 с.
4. Дьяконова Н. Я. Лирическая поэзия Байрона. М.: Наука, 1976. 176 с.
5. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. К.: Довіра, 2006. 703 с.
6. Костомаров М. І. Твори: у 2 т. К.: Наук. думка, 1990. Т. 1. 637 с.
7. Королев К. М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. СПб.: Мидгард, 2005. 603 с.
8. Липина-Березкина В. И. Из истории переводов стихотворения Байрона "Солнце бессонных": стилистико-компаративный аспект // Вісник Дніпропетровського університету. – Серія: Мовознавство. – 2009. – Т. 17, вип. 15(3). С. 65-71.
9. Мошкина Н. В. Функционально-языковые возможности англо-русской морфологической модели (На материале лингвосемантических трансформаций лирики английского романтизма в русских переводах): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: Краснодар, 2003 206 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://31f.ru/dissertation/page,17,453-dissertaciya-funkcionalno->

yazykovye-vozmozhnosti-anglo-russkoj-morfologicheskoy-modeli-chast-2-iz-2.html

10. Сандауэр А. Заботы переводчика // Поэтика перевода: Сборник: Пер. с разных яз. / сост. С. Гончаренко. М.: Радуга, 1988. С. 172-179.

11. Смілянська В. Л. Літературна творчість Миколи Костомарова // Твори: у 2 т. – Т. 1. К.: Наук. думка, 1990. С. 5-37.

12. Byron G. The Hebrew melodies [Electronic resource]. Mode of Access: URL: https://petercochran.files.wordpress.com/2009/03/hebrew_melodies.pdf

УДК 373.5 +004.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

А. А. Георгиади,

кандидат педагогических наук, ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. В. Корсакова,

студент третьего курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования интернет-технологий для формирования навыков иноязычной письменной речи у учащихся средней школы. Целью работы является отбор интернет-технологий, позволяющих совершенствовать формирование навыков иноязычной письменной речи на разных этапах обучения в средней школе. В статье использованы логические и теоретические методы исследования: анализ и систематизация литературы по проблеме исследования; изучение работ методистов, занимающихся данной проблемой. В результате уточнения сущности понятия «письменная речь», основных подходов к формированию навыков письменной речи, представленных в зарубежной и отечественной педагогической науке, предложен набор основных интернет-технологий, имеющих потенциал для поэтапного формирования навыков иноязычной письменной речи учащихся средней школы.

Ключевые слова: интернет-технологии, обучение иноязычной письменной речи, навыки иноязычной письменной речи, этапы формирования навыков иноязычной письменной речи, учащиеся средней школы.

Summary. The paper dwells upon the possibilities of applying Internet technologies to form secondary school students' skills of foreign language writing. The aim is to select the Internet technologies enhancing the formation of foreign language writing skills at different stages of secondary school. Logical and theoretical research methods have been used to analyze and systematize the literature on the research problem. Relying on the essence of the concept of written speech, and considering the main approaches to the formation of writing

skills presented in foreign and Russian pedagogical works the authors offer a set of Internet technologies that have the potential for enhancing the formation of students' foreign language writing skills at different stages of secondary school.

Key words: Internet technologies, teaching foreign written speech, foreign language writing skills, stages of the formation of students' foreign language writing skills, secondary school students.

Возникнув относительно недавно (в конце XX в.), Интернет успел занять одно из важных мест в жизни человека. Ресурсы Интернета содержат большое количество информации, использование которой позволяет ответить на многие интересующие нас вопросы. Информационные технологии с огромной скоростью внедряются во все сферы деятельности человека, в том числе и в учебный процесс. На данный момент многие образовательные учреждения в Российской Федерации используют возможности Интернета для повышения уровня заинтересованности учеников, повышения эффективности обучения. Интернет является важным источником материалов для организации и проведения практических и теоретических занятий.

За последнее десятилетие зарубежными и отечественными педагогами проведены исследования, подтверждающие положительное влияние интернет-технологий на обучение иностранным языкам, однако многие аспекты остаются мало освещенными. Так, дальнейшего изучения требует потенциал интернет-технологий относительно совершенствования обучения различным видам речевой иноязычной деятельности. В методике преподавания иностранных языков выделяют четыре вида речевой деятельности: аудирование, чтение, говорение и письмо. Неоспорим тот факт, что письмо выполняет важную коммуникативную функцию в современном обществе. Поэтому в обучении иностранному языку оно представлено на всех этапах. Обучение письму направлено на формирование у учащихся навыков записи текстов на иностранном языке, так же, как это делает образованный человек на родном языке. В этом контексте широкий интерес учителей иностранного языка вызывают материалы интернет-ресурсов.

Целью исследования является отбор интернет-технологий, позволяющих совершенствовать формирование навыков иноязычной письменной речи на разных этапах обучения в средней школе. Задачи исследования: 1) раскрыть сущность понятия «письменная речь»; 2) изучить современные подходы к обучению иноязычной письменной речи; 3) охарактеризовать интернет-технологии, использование которых повысит эффективность обучения письму в средней школе.

Теоретические и логические методы исследования: 1) изучение, анализ, обобщение и систематизация научной и методической литературы по теме исследования; 2) изучение работ учителей-практиков, работающих над данной проблемой.

Результаты работы. «Письменная речь – форма речи, связанная с выражением и восприятием мыслей в графической форме» [1, с. 196]. Она является неотъемлемой частью учебного процесса. В большинстве случаев именно при помощи письменной речи накопленные знания, касающиеся любого рода человеческой деятельности, передаются следующим поколениям. Письмо служит надежным инструментом развития мышления, способствует формированию навыков говорения и чтения. Обучение письму является неотъемлемой частью процесса обучения как родному, так и иностранному языку.

В зарубежной и отечественной методической литературе существуют различные подходы к определению этапов формирования и развития навыков иноязычной письменной речи. Так, в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» выделяют три уровня владения языком:

I. А – элементарное владение: А1 – уровень выживания; А2 – предпороговый уровень.

II. В – самостоятельное владение: В1 – пороговый уровень; В2 – пороговый продвинутый уровень.

III. С – свободное владение: С1 – уровень профессионального владения; С2 – уровень владения в совершенстве [2].

Изучение иностранного языка в средней школе предполагает овладение уровнями А1, А2, В1. Рассмотрим умения и навыки иностранной письменной речи на каждом из данных уровней (таблица 1).

Таблица 1

Уровни владения навыками иностранной письменной речи в школе

<i>Уровень владения иностранным языком</i>	<i>Навыки иностранной письменной речи</i>
A1	Умение «писать простые открытки (например, поздравление с праздником), заполнять формуляры, вносить свою фамилию, национальность, адрес в регистрационный листок в гостинице» [2, с. 26].
A2	Умение «писать простые короткие записки и сообщения. Я могу написать несложное письмо личного характера (например, выразить кому-либо свою благодарность за что-либо)» [2, с. 26].
B1	Умение «писать простые связные тексты на знакомые или интересующие меня темы. Я умею писать письма личного характера, сообщая в них о своих личных переживаниях и впечатлениях» [2, с. 26].

В отечественной методической литературе обучение письму в средней школе включает три этапа: начальный, средний и старший, каждый

из которых имеет свои особенности [3]. Так, «на начальном этапе необходимо заложить прочные основы графических и орфографических навыков, чтобы обеспечить школьникам возможность пользоваться письмом на последующих этапах» [3, с. 168]. Для достижения необходимых результатов на уроках английского языка Е.Н. Соловова рекомендует использовать различные упражнения (написать буквы под диктовку; закончить буквы, начатые учителем; самодиктант и т.д.) [4]. «На среднем этапе продолжается работа по формированию орфографических навыков. Широко используется запись. Учащиеся записывают слова, сочетания слов, предложения, чтобы лучше их запомнить» [3, с. 168]. «На старшем этапе письмо используется как средство для лучшего усвоения лексико-грамматического материала» [3, с. 169], задания усложняются. На каждом из обозначенных этапов обучения письму в средней школе учитель может применять разные интернет-технологии, соответствующие целям обучения иностранном языку.

Таблица 2

Этапы формирования навыков иноязычной письменной речи

Этапы	Навыки иноязычной письменной речи	Интернет-технологии, используемые для совершенствования навыков письма
Начальный	Графические навыки	Видеохостинг YouTube
	Орфографические навыки	Онлайн-кроссворды
Средний	Орфографические навыки	Аудио-диктанты онлайн
Старший	Лексические и грамматические навыки	Электронная почта
		Социальная сеть Lang-8

На начальном этапе обучения формирование графических навыков иноязычной письменной речи у учеников будет осуществляться эффективнее при помощи *видеоуроков с YouTube*, наглядно объясняющих правильное написание печатных и прописных букв английского алфавита (таблица 2). Преимущество такого упражнения заключается в том, что внимание детей не рассеивается, вследствие чего они лучше запоминают пройденный материал. Кроме того, ученик всегда может использовать видеоурок, находясь вне класса.

Разгадывание *онлайн-кроссвордов* – это хороший способ развить навыки орфографии у детей на начальном этапе. В Интернете существует большое количество сайтов с готовыми кроссвордами на определённую тему (<http://onlinetestpad.com>, <http://time4crosswords.webtm.ru/> и др.). Однако с помощью программы «EclipseCrossword» каждый учитель может создать собственный кроссворд. Данная программа создает кроссворд

автоматически, после чего дает возможность опубликовать его как веб-страницу. Таким образом, вместо надоевшего ученикам словарного диктанта, можно провести проверку на знание слов, используя онлайн-кроссворд.

Использование *аудиодиктантов онлайн* на среднем этапе, помимо формирования орфографических навыков, помогает ученикам развить навык восприятия английской речи на слух. Отбор таких диктантов требует учета уровня восприятия устной речи учащимися, знания лексики, что означает необходимость дополнительной подготовки со стороны педагога. Результатом правильно спланированной работы будет параллельное формирование таких навыков, как аудирование, письмо и лексические навыки.

На старшем этапе с помощью *электронной почты* можно общаться с учениками на различные темы. Это не только поможет развить у детей лексические и грамматические навыки письма, но и сформировать навык официальной переписки (учитель – ученик). Кроме электронной почты в учебном процессе можно использовать социальные сети. Так, например, *Lang-8* – социальная сеть, которая обеспечивает возможность пользователей повысить уровень знаний и навыков написания писем. Ее суть заключается в том, что пользователь пишет текст на иностранном языке, после чего текст проверяет носитель данного языка. Эта интернет-платформа хороша для самостоятельного изучения языка, однако ее можно применить в учебном процессе, например, дав ученикам домашнее задание ознакомиться с сайтом и написать текст на заданную тему.

Таким образом, использование интернет-технологий в обучении письменной речи на разных этапах в школе имеет свою специфику. Если на начальном этапе внимание сконцентрировано на освоении правил написания букв и правописании отдельных слов, на среднем и старшем этапах письмо как вид продуктивной речевой деятельности зависит от уровня сформированности других речевых навыков. Поэтому при отборе технологий учитель должен учитывать готовность учащихся оперировать языковым материалом в рамках изучаемой тематики, что вызывает необходимость тщательной подготовки.

Список использованных источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. [Электронный ресурс]. // URL: <http://learnteachweb.ru/articles/eurcomp.doc> (дата обращения 10.12.2016)
3. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций: Пособие для студентов педвузов и учителей. М.: Просвещение, 2002. 239 с.

УДК 347.78.034

**ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛОВРЕЙ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА*****А. О. Герасимчик,****ассистент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Евпатория*

Аннотация. Целью статьи является исследование и оценка уровня готовности студентов факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского к использованию интернет-словарей. В статье приведены данные по анкетированию, проведенному среди студентов 1–2 курсов в 2011 году.

Ключевые слова: интернет-словари, образовательный процесс, информационные технологии.

Summary. The article sets as a goal investigation and evaluation of the level of readiness of students to use online dictionaries. The article presents the data of the survey among the students of the 1–2 courses of the Faculty of Foreign Languages of V. I. Vernadsky Taurida National University in 2011.

Key words: online dictionaries, educational process, informational technologies.

В современной образовательной среде словари являются не только изданиями со справочной информацией, но и элементами национальной культуры, ведь в слове отображаются многие стороны народной жизни. В словарях собрано всё богатство и разнообразие лексических запасов языка. Созданием словарей занимается лингвистическая наука – лексикография. По цели использования словари подразделяются на множество видов, однако более подробно стоит остановиться на филологических словарях.

Филологические словари содержат информацию о словах. Большинству людей известны иностранные словари: с ними мы работает при переводе с одного языка на другой, выявления лексического значения слова и других случаях.

Классифицировать филологические словари можно по-разному, но чаще всего выделяют следующие категории:

1. Переводные – это самые встречаемые билингвистические словари, без них невозможно в полной мере овладеть иностранным языком. В таких словарях приводятся все значения конкретного слова, включая употребление определенных слов в контексте.

2. Монолингвистические – это толковые словари, в которых приводится объяснение или толкование слова. Они подразделяются на несколько категорий и позволяют изучать синонимы.

3. Словари современного языка – это собрание устойчивых выражений, пословиц, сленговых выражений. Данный вид словарей используется при достаточном уровне владения иностранным языком.

4. Технические/специальные – такие издания рассчитаны на применение в узких отраслях сферы деятельности, для них характерен большой диапазон терминов.

Главной особенностью современного общества является развитие информационных технологий, которые формируют новый мир вокруг нас. В связи с этим одной из наиболее важных и устойчивых тенденций образования является применение информационных технологий в обучении. Информатизация учебного процесса существенно влияет на пути приобретения знаний. Об этом свидетельствуют данные исследования В. Е. Краснопольского: «использование информационных и коммуникационных технологий позволяет увеличить скорость восприятия, понимания и глубину усвоения огромных массивов знаний. Данные преобразования затронули и преподавание в вузе» [1, с. 15]. Традиционно полагают, что применение информационных технологий естественнее осуществляется в технических вузах, тогда как проблематичным является их внедрение в обучении студентов филологических специальностей. Однако все более широкое распространение и доступность интернет-ресурсов, ориентированных на изучение языков и гуманитарных дисциплин, влияет на характер обучения в языковом вузе.

Следует отметить, что в контексте проведенного исследования актуальной является классификация словарей по типу носителя. Д. С. Черешкин отмечает, что «энциклопедии и словари на данном этапе существуют в виде книг, CD/DVD-дисков и онлайн (интернет) ресурсов. Нередко они сразу выпускается в виде книги, диска и размещаются в Интернете» [2, с. 135]. Наиболее доступными пользователю являются словари, размещенные в Интернете. Среди их преимуществ можно выделить материальные: намного удобнее и дешевле скачать словарь в интернете вместо покупки недешевых в наше время тяжелых томов. Кроме того, обновление печатных изданий в условиях растущего объема является ресурсозатратным для издателя и дорогостоящим для пользователя. Гораздо быстрее обновляется информация в электронных ресурсах. Новые издания словарей и энциклопедий появляются в интернете за очень короткий период с момента их составления.

Стремительное развитие современной жизни прямо отражается в языке – возникают новые слова, термины и выражения, меняется содержание старых слов. Традиционные печатные словари не успевают меняться при таких быстрых темпах, поэтому на смену им приходят электронные и интернет-словари. Электронные словари могут использоваться для осуществления разнообразной научной деятельности: формировать ментальные структуры знаний пользователей, в полной мере и компактно представлять, а также визуализировать концептуальную

структуру знаний предметной области, дискретно инкорпорировать новые коллекции понятий и знаний для достижения профессиональных и других личных целей язык.

Для высшего образования в начале XXI в. необходим «бленд», то есть собрания способов обучения и разнообразных ресурсов: библиотеки, медиатеки (аудио, ТВ), компьютерного класса с его реальными и виртуальными компонентами (электронными и интернет-способами обучения, среди которых присутствует и электронный словарь).

Первый электронный словарь был создан производственным домом Longman. Электронный словарь Longman Interactive English Dictionary (LIED) вмещал в себе содержание четырех бумажных словарей.

В наше время на рынке образования России представлены следующие словари Cambridge Advanced Learner's Dictionary (3rd edition, 2008) [3]; Collins COBUILD Advanced Dictionary (2008) [4]; Longman Dictionary of Contemporary English (5th edition, 2009) [5]; Oxford Advanced Learner's Dictionary (7th edition, 2005) [6]; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2nd edition, 2007) [7], The Oxford Guide to World English (2002) [8].

В ходе проведенного анкетирования было выявлено, что 85% студентов 1–2 курсов факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского регулярно пользуются интернет-словарями не только в учебных целях, но вообще в повседневной жизни. В учебных или профессиональных целях ими пользуются 70% опрошенных. Общеизвестным статистическим показателем уровня готовности к внедрению инновации является наличие высокой степени готовности более чем у 20% испытуемых. Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне готовности к применению данных ресурсов в учебном процессе.

Уверенность в применении новых технологий делает их доступными и естественными в повседневной жизни, помогает обеспечить эффективное взаимодействие в учебной среде. В нашем случае более 50% опрошенных оценили свои навыки использования интернет-словарей высоко, поскольку они пользуются ими абсолютно свободно. Это позволяет рассматривать ситуацию на факультете иностранной филологии как более чем благоприятную для использования данного вида ресурсов. Однако на необходимость дополнительного обучения пользованию словарями указали 44% опрошенных. Это даже на фоне самых оптимистичных прогнозов делает актуальной разработку соответствующих рекомендаций. Очень низкую оценку своим навыкам дали 3% студентов. Это свидетельствует о необходимости оказания им консультативной помощи и поддержки.

Часть студентов, имеющих опыт использования лингвистических словарей, в основном полагаются на словарь Lingvo, более 50% студентов используют именно его. Около 18% анкетированных отдают предпочтение словарю Multitran. Среди причин обращения к данным словарям студенты выделяют возможность прослушивания слова и обширный запас слов.

Данные, полученные в результате проведенного исследования, позволили сделать ряд выводов: 1) применение интернет словарей и энциклопедий на современном этапе является наиболее приемлемым с материально-технической точки зрения; 2) применение интернет-словарей рассматривается большинством студентов как естественное явление в современных условиях, что подтверждено результатами анкетирования; 3) исследуемая группа респондентов продемонстрировала знакомство с интернет-словарями на достаточном уровне; 4) актуальной в сложившихся условиях является систематизация информации об интернет-словарях, ориентированных на изучение языков и гуманитарных дисциплин.

Список использованных источников

1. Краснопольский В. Е. Электронные приспособления для пополнения словарного запаса слов при изучении иностранного языка. Вестник ЛНУ имени Тараса Шевченко. – № 1 (188), 2010. 32 с.
2. Черешкин Д. С. Перспективы и проблемы развития информационных технологий // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1988. 330 с.
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2008.
4. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Electronic Resource] // АBBYU Lingvo x 5. Электронный словарь. 2008. (дата обращения 6.12.2016).
5. Longman Dictionary of Contemporary English. The Living Dictionary. Pearson. Longman, 2009.
6. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Ed. S. Wehmeier. 7-th ed. Oxford, 2005.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2007.
8. McArthur T. The Oxford Guide to World English. Oxford, 2002.

УДК 81'25

ПЕРЕВОД – ИГРА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ИСХОДОМ

Л. Н. Глухенькая,

студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Актуальной проблемой современной науки о переводе является переосмысление трех составляющих понятий переводческой

деятельности – переводческой задачи, переводческой проблемы и переводческой стратегии – с позиции игровой природы переводческой деятельности. Цель работы состоит в изучении теоретических положений игровой теории перевода, выявление и описание «переводческих игр». В результате, опираясь на исследования И. Леви, М. Кронина и Е. Куницыной, можно выделить шесть типов переводческих игр. В исследовании используются культурный, исторический и дескриптивный методы.

Ключевые слова: переводческая игра, игровая теория перевода, процесс принятия решений, переводческая задача, переводческая проблема, переводческая стратегия.

Summary. Reconsideration of the three constituent concepts of translation – translation task, translation problem and translation strategy – from the perspective of the game nature of translation has recently become a relevant issue in contemporary Translation Studies. This work is aimed to study the game theory of translation, to identify and describe «translation games». As a result, being guided by the researches conducted by J. Levý, M. Cronin and E. Kunitsyna, one can distinguish six types of translation games. In this research several methods are used, among them are cultural, historical and descriptive.

Key words: translation game, game theory of translation, the decision-making process, translation purpose, translation problem, translation strategy.

Впервые феномен игры привлек внимание мыслителей Древней Греции. Предметом научного познания это явление стало много позже – в конце XVIII века. Со временем сформировался целый ряд гуманитарных теорий игр (И. Кант [3], Й. Хейзинга [6], Р. Кайуа [2], Х.-Г. Гадамер [1]). В результате человек пришел к выводу о неоспоримой взаимосвязи игры и культуры, искусства и ремесла.

Во второй половине XX века перед теоретиками и практиками перевода встал вопрос об оптимизации переводческой деятельности. Родоначальник игровой теории перевода – чешский критик и переводчик **Иржи Леви** – изучал игровую природу перевода, взяв за основу положения теории игр математиков **О. Morgenштерна** и **Дж. фон Неймана**. Согласно теории игр в математике, «игры двух лиц с нулевой суммой, т.е. антагонистические игры, являются простейшими в теоретико-игровом смысле» [5, с. 656], игроки владеют полной информацией и действуют последовательно (часто оптимальная стратегия позволяет игроку, сделавшему первый ход, одержать победу). Нулевая сумма предполагает противоположность выигрышей игроков, т.е. игра всегда заканчивается определением победителя и проигравшего. Тем не менее, найдется немного игр (в том числе и перевод как таковой) с нулевой суммой и полной информацией. Помимо антагонистических (или некооперативных) игр, выделяют также кооперативные игры и игры со смешанной стратегией, когда «игроки» стремятся к оптимальной стратегии, владея неполной

информацией. Оптимальной стратегии достигают за счет т.н. платежной матрицы (формальный метод, позволяющий игрокам фиксировать все альтернативные решения и стратегии и оценивать возможные результаты). В результате «в качестве руководящего принципа оптимального поведения участника антагонистической игры фон Нейман и Моргенштерн предлагают принцип максимина (минимакса)» [5, с. 656], который заключается в том, что игроки могут свести к минимуму максимальные потери, нанесенные другими игроками. На основе данных положений Леви предложил свою **модель процесса принятия решений в переводе**.

Переводческая задача. Поскольку Леви не считает возможным существование оптимального решения для выполнения переводческой задачи: правильно понять содержание переводимого текста и адекватно передать его средствами переводящего языка, он предлагает новое применение принципа минимакса по отношению к переводческой задаче. По его мнению, нормативность теории перевода, реализующаяся в стремлении направить переводчика на принятие оптимального решения, оспорима, и «на деле процесс перевода оказывается прагматичным: переводчик делает выбор в пользу одного из возможных решений, которое предполагает максимальный эффект при минимальных усилиях. Другими словами, он интуитивно обращается к стратегии минимакса» (перевод наш. – Л. Г.) [10, с. 1179].

Переводческая проблема. Для Леви переводческая проблема – это ситуация, решить которую можно при помощи двух видов переводческих установок: дефинитивной и селективной. Дефинитивные (семантические) установки определяют парадигму, то есть класс возможных решений проблемы. При помощи селективной установки выбор делается в пользу одной из альтернатив из числа элементов парадигмы [10, с. 1171–1172]. Леви описывает взаимосвязь между дефинитивными и селективными установками так: «согласно дефинитивной установке есть некое ограниченное множество альтернатив, из которого благодаря селективной установке выделяется (методом исключения) некое подмножество альтернатив. Данное подмножество, в свою очередь, согласно дефинитивной установке, составляет некое множество, которое будет подвержено делению до тех пор, пока в парадигме не останется всего один элемент» (перевод наш. – Л. Г.) [10, с. 1173]. Варианты перевода в таком случае можно назвать «переводческими играми», и зависят они напрямую от выбранной переводчиком альтернативы.

Переводческая стратегия. Если чтение текстов принимать за диалог автора и читателя, то тексты формируются, с одной стороны, согласно авторским стратегиям писателя, а воспроизводятся согласно толковательным стратегиям читателя. В таком случае для переводчика характерны обе стратегии – переводчика-читателя и переводчика-писателя. «Таким образом, перевод как процесс восприятия и воспроизведения представляет собой две игры на уровне текста, последовательного (перевод

текста) или одновременного (толкование текста) характера» (перевод наш. – Л. Г.) [8, с. 92].

Недостатки теории игр. Во-первых, предположение, что все игроки (переводчики) действуют последовательно, постоянно подвергается опровержению, поскольку на выбор переводческих решений помимо лингвистических факторов оказывают влияние факторы экстралингвистические, такие как эмоциональные, идеологические и физиологические. Во-вторых, должным образом не рассмотрена проблема неполноты информации, которой владеют переводчики (отсутствие автора оригинального текста, большой временной промежуток от момента написания текста, трудности, возникающие при формулировке авторского намерения в целях определения смысла высказывания). Более того, переводчик никогда не может быть уверен в том, что перевод будет интерпретирован так, а не иначе. Теория игр рассматривала проблему полной информации путем определения альтернатив и создания платежной матрицы. В отношении переводческой деятельности трудность заключается в том, что эти матрицы могут быстро усложняться, а описание процесса перевода рискует стать не менее объемным, чем само «тело» перевода, в особенности, если речь идет о художественной литературе. С другой стороны, учитывая ограниченный набор лексики и синтаксических конструкций, для определенных типов текста можно разработать оптимальные стратегии в рамках машинного перевода [8, с. 92]. В-третьих, существует мнение, что понятие оптимальной стратегии в принципе несовместимо с понятием игры. По мнению Р. Кайуа, «с природой игры несовместимо заранее известное развитие, в котором невозможны ошибки неожиданности, которое с очевидностью ведет к неизбежному итогу... Эта свобода игрока, пространство для маневра, которым он располагает, – важнейшее свойство игры, и им отчасти объясняется доставляемое ею удовольствие» [2, с. 45]. Этот довод доказывает наличие многочисленных переводов одного оригинального текста, что в свою очередь указывает на людический потенциал самого оригинала и на людическую незавершенность каждого его перевода.

Тем не менее ограничивать исследование перевода исключительно обращением к математической теории игр означает игнорировать другие теории игр. Последователь И. Леви, профессор Дублинского университета **Майкл Кронин**, также обращается к исследованиям литературоведов (Э. Брасс), детских психологов (Дж. Брунер), психоаналитиков (Д. В. Винникот, А.-М. Пикар) и антропологов (Г. Бейтсон).

Так, **Элизабет Брасс** классифицирует игры между писателем и читателями способом Моргенштерна и фон Неймана. «Ценность любой читательской стратегии, безусловно, относительна по отношению к авторской стратегии. Да, роли автора и читателя взаимосвязаны, но в игре существует несколько видов такой взаимосвязи. Пользуясь терминологией теории игр, можно выделить взаимосвязь кооперативного,

некооперативного и смешанного характера» [7, с. 158]. В игре с нулевой суммой авторское взаимодействие с читателем минимально (напр., «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса), а в кооперативной игре – максимально (техническое руководство). В игре со смешанной стратегией наблюдается взаимодействие двух типов поведения [8, с. 92]. Кронин выделяет два отличительных преимущества в применении классификации по отношению к переводу: «первое преимущество – это удовольствие от выполняемой работы, второе преимущество – практическое обучение переводу» (перевод наш. – Л. Г.) [9, с. 236]. Удовольствие от работы у переводчика рождается в ходе т. н. «текстового сопротивления». Также такой подход позволит дифференцировать тексты в учебных целях для подготовки профессиональных переводчиков [8, с. 92–93].

Опираясь на исследования в области психологии, Кронин делает вывод, что умственные процессы, вовлеченные в процесс игры (напр., умение выдвигать предположения, предвидеть результаты и т. д.), актуально изучать и с точки зрения теории и практики перевода, так как «у переводчиков по большей части задействовано гипотетическое мышление (мышления типа «если бы...»). Они пробуют различные решения, выбирая одно и отвергая другое, обыгрывают варианты перевода текста и т. д. Двойственный процесс отождествления и воспроизведения характерен для всех видов людической (игровой) активности, в том числе для искусства перевода» (перевод наш. – Л. Г.) [9, с. 229–230], когда отождествление – это толкование оригинального текста, а воспроизведение – новый текст на переводящем языке.

Идея об игровой сущности языка особенно прижилась в исследованиях, посвященных переводу художественной литературы. Шекспировед **Евгения Куницына** пользуется не термином «переводческая игра», а более общим и глубоким – «игра перевода», которая «обладает двойным онтологическим статусом: игра – способ бытия перевода как творческой деятельности; игра – способ бытия перевода как духовного продукта творчества» [4, с. 13].

В заключение можно сделать вывод, что в научном знании за последние полвека существенно вырос интерес к вопросу о взаимосвязи феноменов игры и перевода. Это связано с необходимостью дать новое объяснение переводу как творческой деятельности и духовному продукту творчества. Так, положения теории игр фон Неймана и Моргенштерна нашли развитие в переводческих теориях И. Леви, М. Кронина и Е. Куницыной. Опираясь на исследования этих ученых, можно выделить шесть типов переводческих игр. Перевод как процесс восприятия и воспроизведения представляет собой две игры на уровне текста: одновременная текстовая игра (толкование текста), последовательная текстовая игра (собственно перевод текста). Игра вариантов перевода – это игра, в которой в качестве игроков с конфликтующими интересами выступает несколько переводчиков. Более того, выделяются три

разновидности игр автора (переводчика) и читателя: антагонистическая игра (минимальное авторское взаимодействие с читателем), кооперативная игра (максимальное авторское взаимодействие с читателем) и игра со смешанной стратегией. И если первые три типа игр потенциально запрограммированы самой сущностью перевода как процесса, ориентированного на множественность, вторые три типа продиктованы запросами времени и общества, а также литературными пристрастиями эпохи по принципу «здесь и сейчас» и могут взаимоисключать друг друга.

Список использованных источников

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. 304 с.
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
4. Куницына Е.Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Иркутск, 2011. 35 с.
5. Моргенштерн О., фон Нейман Дж. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970. 708 с.
6. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
7. Bruss E. The Game of Literature and Some Literary Games // New Literary History. – 1977. – Vol. 9. № 1. P. 153–172.
8. Cronin M. Game Theory and Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. N.Y.: Routledge, 2001. P. 91–93.
9. Cronin M. Keeping One's Distance: Translation and the Play of Possibility // TTR: traduction, terminologie, redaction. – 1995. – Vol. 8. № 2. P. 227–243.
10. Levý J. Translation as a Decision Making Process // To Honour Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. The Hague: Mouton, 1967. – Vol. 2. P. 1171–1182.

УДК 025.5:81`374

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ЗАПРОСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

В. В. Гончарова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Цель работы – краткая характеристика основных видов информационных запросов пользователей лексикографических информационных ресурсов (ЛИР), встречающихся в справочно-библиографическом обслуживании библиотек. В ходе исследования были

использованы следующие методы: библиометрический, сравнительный, статистической обработки информации, типологический и др.

На основе сформированной рабочей картотеки виртуальных выполненных справок социально-гуманитарной направленности с использованием отечественных лексикографических информационных ресурсов были выделены главные причины возникновения запросов лексикографической направленности у пользователей

К основным видам относятся запросы, связанные непосредственно с лексикографией, ЛИР, информацией о предмете лексикографирования и т.д. Следует отметить важность рассмотрения виртуального справочно-библиографического обслуживания как инструмента удовлетворения запросов лексикографической направленности у пользователей, повышения уровня лексикографической грамотности, компетенции, компетентности пользователей.

Ключевые слова: лексикография, лексикографический информационный ресурс, запрос, пользователь, справочно-библиографическое обслуживание, виртуальная справка.

Summary. The aim of the paper is a brief description of the main types of information requests of lexicography information resources users (LIR) at the reference and information service. The following methods are used in the course of the study: bibliometric, comparative, of statistical processing of data, typological etc.

The main causes of users` lexicographic field requests are determined on the basis of the collected working files of the virtual references of socio-humanitarian theme made using Russian lexicography information resources.

Requests are directly related to the lexicography, lexicography information resources, information about a subject of lexicographie etc. refer to the main types. It should be noted the importance of the reference and information service as a tool to meet users` lexicographic field requests, to increase the level of users` lexicographic literacy, competence, competency.

Key words: lexicography, lexicography information resource, request, user, reference and information service, virtual reference.

Информационные запросы пользователей лексикографических информационных ресурсов изучаются специалистами в области книговедения, лексикографии, информатики и т.д. Для проведения анализа запросов лексикографической направленности у пользователей, поступивших в виртуальные справочные службы библиотек, были взяты за основу работы С. Г. Антоновой [1], М. Л. Апажева [2], И. Г. Моргенштерна [5], М. Ю. Нещерет [6] и др.

Базой исследования послужили архивы выполненных справок виртуальных справочных служб (ВСС) библиотек разного типа Российской Федерации, материалы каталога библиотечных сайтов, насчитывающий 2514 наименований, расположенный на сайте «Library.ru» [7]. Более подробную

информацию о ходе исследования работы виртуальных справочных служб библиотек можно получить из работ В. В. Гончаровой [3, 4].

Традиционным адресным запросом лексикографической направленности можно считать: Имеется ли в наличии в библиотеке определенный ЛИР? Появились вопросы: Где можно найти ЛИР? Где можно скачать бесплатный ЛИР? и др.

К основным причинам возникновения адресных запросов лексикографической направленности следует отнести удаленность пользователя, экономия времени, отсутствие электронного каталога у библиотеки, неумение правильно пользоваться электронным каталогом, незнание или плохое знание русского языка при поиске в электронном каталоге и Интернете, отсутствие знаний Интернет навигации и т.д.

Из уточняющих запросов лексикографической направленности по уточняемому или недостающему элементу можно выделить следующие виды запроса: количество страниц; номера страниц, на которых размещена словарная статья; авторство словарной статьи; неправильный год издания; неточный перевод на русский язык и т.д.

Причины возникновения уточняющих запросов лексикографического характера разнообразны, перечислим некоторые из них: требование точного библиографического описания лексикографического ресурса при написании учебной, научной работы и т.д.; очень частое использование сокращенного библиографического описания в публикациях; незнание автора / авторов; путаница в типах словарных изданий; незнание пользователем правил оформления библиографического описания и т.д.

Адресно-уточняющие запросы такого типа возникают из-за вышеперечисленных факторов возникновения адресных и уточняющих запросов плюс непосредственно присущие только этому виду справки: ассоциативность восприятия фамилии; автор / составитель – очень часто автор словарного произведения указывается как составитель в других изданиях этого же словарного издания и наоборот, и соответственно на него пользователь не обращает внимание; указание в запросе только типа справочного издания; изменение названия одного и того же справочного издания при его переиздании; путаница в переводных словарных изданиях: двуязычный и многоязычный и т.д.

На появление тематических запросов лексикографической направленности у пользователей влияют неумение работать с электронными каталогами библиотек, Интернет-ресурсами; приоритет библиотеки как гаранту ликвидности информации; неуверенность в своих знаниях и навыках в поиске нужной информации; неумение анализировать информацию; отсутствие лексикографической и библиографической культур у пользователей; нежелание работать самостоятельно и т.д.

В настоящее время такие фактографические запросы как: правильно написать, поставить ударение, перевести на иностранный язык, установить происхождение слова, фразеологизма, термина, потребитель может

выполнить самостоятельно с помощью разнообразных ЛИР в электронной среде: on-line лингвистические словари, лексикографические сайты и порталы, лингвистические виртуальные службы и т.д. Однако фактографические запросы лексикографической направленности приблизительно составляют 45 % от общего количества запросов лексикографической направленности, поступивших в ВСС библиотек. Такое большое количество запросов одного типа позволило выделить основные виды фактографических запросов лексикографической направленности, представленные ниже в таблице 1.

Основными причинами возникновения фактографических запросов лексикографической направленности следует считать: неумение работать с Интернет-ресурсами; приоритет библиотеки как гаранту достоверности информации; неуверенность в своих знаниях и навыках в поиске нужной информации; языковая безграмотность; русский язык – неродной язык для пользователя; приём запросов только на русском языке – официальном языке Российской Федерации; отсутствие лексикографической и библиографической культур у пользователей; незнание потребителем механизма лексикографического поиска; отсутствие четкого и структурированного представления о системе ЛИР; большое количество и разнообразие ЛИР; ЛИР не успевают отражать новые изменения в языке; малый тираж ЛИР; уделение недостаточного внимания развитию лексикографической грамотности среди пользователей; непроведение занятий, факультативов, описывающих лексикографическое обеспечение определенных областей знания; отсутствие информационного материала, посвященного ЛИР на сайтах библиотек и т.д.

Цели запросов разнообразны: учебные (от средней школы до магистратуры), исследовательские, самообразовательные (в том числе познавательно-мировоззренческие) и досуговые.

Использование разработок лексикографов, касающихся пользовательских запросов, необходимо в современном СБО. Так, например, применение знаний о лингвометодическом запросе позволяет более оперативно, а самое главное более качественно, с дидактической точки зрения, удовлетворить лексикографический запрос, определенных групп пользователей, например, школьников, мигрантов и др.

Таблица 1

**Основные виды фактографических запросов
лексикографической направленности**

Текст запроса	Вид запроса
Не могу найти в словарях значение слова брутальный .	Дефиниционный
Откуда пошло выражение «потерпеть фиаско»?	Фразеологический
Происхождение имени Адольф.	Антропонимический
Название озера Белё.	Гидронимический

Почему во всех периодических изданиях слово «президент» написано по разному – где со строчной, где с заглавной буквы?	Ортологический (орфографический)
Значение на Русском Севере слова бессольный.	Диалектологический
В чём различия между коммерцией и спекуляцией?	Синонимо-терминологический
Максимальная информация по слову «устье».	Комплексно-лингвистический
Возникло затруднение с определением библиотечно-информационной деятельности.	Термино-дефиниционный
Перевод аббревиатуры ГИБДД на якутском языке.	Переводческий
Как правильно произносятся следующие фразы: вы неправы и Нюрнбергский процесс (как ставится ударение)?	Ортологический (орфоэпический)
Этнонимы сырьяне, зыряне – жителей Сибири XVII-XIX вв.	Этнонимический
Происхождение названия города Южно-Сахалинск?	Ойкономический
Где и когда появились первые онлайн словари?	Историко-лексикографический
Происхождение слов «победа» и «поражение» и их подробное толкование.	Этимологодефиниционный
Что означало слово «символика» в 19 веке?	Историкоэтимологический
Определение метафоры по словарю литературоведческих терминов О. С. Ахмановой	Источнико-фактографический
В стихотворении Баратынского Е. А. «Смерть» есть строчка «Согласье прям его лия». Не могу понять значение слова «лия».	Архаическо-дефиниционный

Учитывая столь важную профессиональную задачу – минимизация затрат библиографа, в массиве выявлены разновидности фактографических запросов. Благодаря такому подходу, библиограф легко наращивает личный опыт быстрого и точного выполнения этой масштабной группы запросов по простейшему алгоритму (разновидность запроса – источник). Такие алгоритмы для каждой разновидности запросов могут быть разработаны в виде методических схем в справочно-библиографических отделах библиотек. Они формируются с учетом наличия источника в справочном фонде. Отсутствующие источники можно восполнить их электронными версиями, указанием адреса их размещения в сети.

Формирование электронного справочно-библиографического фонда лексикографической направленности, состоящего из источников, имеющих и не имеющих аналогов, и доступный для широкого круга пользователей,

позволило бы более эффективно удовлетворять информационные запросы пользователей лексикографических информационных ресурсов.

Список использованных источников

1. Антонова С. Г. Васильев В. И., Жарков И. А. Редакторская подготовка изданий: учебник. М.: Издательство МГУП, 2002. 468 с.
2. Апажев М. Л. Типология словарей и читательских запросов к ним: Материалы к спецкурсу «Рус. лексикография»: учеб. пособие / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Кабардино-Балк. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик: Кабардино-Балк. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова, 1998. 39 с.
3. Гончарова В. В. Анализ лексикографических ресурсов, использованных при выполнении запросов в виртуальных справочных службах // Вестн. Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 2 (23). – С. 164–168.
4. Гончарова В. В. Виртуальная справка лексикографической направленности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7-3 (61). – С. 80-82.
5. Моргенштерн И. Г. Справочно-библиографическое обслуживание: теория и практика. М.: Либерия-Бибинформ, 2011. 176 с.
6. Нещерет М. Ю. Библиографический поиск: эволюция и современность. СПб.: Профессия, 2010. 256 с.
7. Library.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.library.ru> (дата обращения: 19.01.2017).

УДК 81'276.1=11

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОГО СОЦИОЛЕКТА)

Д. А. Гребенюк,

*студент первого курса магистратуры кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

А. Д. Петренко,

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ особенностей студенческого социолекта с позиции его грамматических и лексических особенностей.

Ключевые слова: студенчество, лингвистика, социолект, языковая вариативность, социолингвистика.

Summary. The article presents the analysis of students' sociolect characteristics taking into account its grammatical and lexical features.

Keywords: students, linguistics, sociolect, language variation, social linguistics.

Современная отечественная и зарубежная социолингвистика занимается изучением разнообразных вариантов существования языка, таких как литературная форма, функционально-речевые разновидности языка, разговорная речь, профессиональная лексика, а также территориальные и социальные диалекты.

Изучение социолекта позволяет проанализировать связь между языком, личностью, ее мышлением, культурой, а также практической деятельностью. Поэтому, социальный диалект представляет собой важную и перспективную область социолингвистического исследования.

В современной лингвистической науке студенческий вариант языка определяется по-разному: «язык студенчества», «студенческий сленг», «студенческий жаргон».

В данном исследовании для определения языка студенчества за основу принят термин «студенческий социолект», при этом язык рассматривается с позиции подсистемы национального языка, для которой характерно использование ее определенной возрастной категорией носителей немецкого языка (студенчества) в процессе коммуникации, преобладание эмоционально-окрашенной разговорной лексики, а также наличие общей для всех стилей системы фонетических, грамматических и лексических средств.

Как отмечают Д. А. Петренко и М. В. Чернышова, «в современном обществе возникла новая структура социальной дифференциации языка, в которой многие издавна используемые категории (такие, как, например, “диалект”) наполняются новым содержанием. В известной мере, оправданным представляется использование понятия “социолект” как основной единицы социальной стратификации языка. Несмотря на наличие различных формулировок в определении понятия “социолект” все их объединяет общий тезис о том, что это языковой вариант, типичный для определенной социальной группы носителей языка» [7, с. 189].

Со своей стороны, В. М. Жирмунский [1, с. 191] рассматривает понятие диалекта как территориальную, временную или социальную разновидность языка, употребляемую более или менее ограниченным числом людей и отличающуюся по своему строю (фонетике, грамматике, лексике и семантике).

В монографии «Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры» А. Д. Петренко отмечает, что «в современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с

необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих» [4, с. 491].

Варианты, проявляющиеся на всех микролингвистических уровнях, составляют специфику социального диалекта. Из этих вариантов, считает М. М. Маковский, образуется некая норма, характерная для определенной социальной группы говорящих [2, с. 21]. Специфические особенности в произношении, определенные лексические и семантические средства, своеобразная реализация грамматических структур, могут быть сведены на основании специфики и частотности их употребления в определенную модель, характерную для конкретной группы говорящих. Наиболее отчетливо языковые сходства и различия проявляются на уровне лексики, семантики и грамматики, сложнее прослеживаются они в области произношения. Тем не менее, как отмечает М. В. Панов, каждая произносительная черта языка находится в некотором «силовом поле» [3, с. 189]; данное поле образуют социальные факторы. Они могут поддерживать, укреплять эту черту либо ослаблять ее, снижать ее распространенность, сопротивляться ее стабилизации. Сам же социальный фактор характеризуется с точки зрения того, для скольких произносительных явлений он оказывается существенным, а отношение числа этих явлений к числу всех изучаемых произносительных особенностей представляет собой диапазон действия социального признака.

В монографии А. Д. Петренко «Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии» подчеркивается мысль о том, что произносительные навыки, являющиеся автоматизированными и, следовательно, неконтролируемыми (или недостаточно контролируемыми) в процессе коммуникации, в первую очередь подвержены социальному варьированию, и специфика социолекта проявляется на фонетическом (и семантическом) уровне в разнообразных ситуациях общения [5, с. 36].

Как отмечают А. Д. Петренко и Д. А. Петренко, при анализе вариативности произношения в социофонетике используется понятийный аппарат социолингвистики, позволяющий различать два измерения социальной вариативности – ситуативное и стратификационное [6, с. 155]. В языке представлены произносительные варианты, обусловленные стратификацией общества на различные слои, группы, страты. Ситуативная же вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств на произносительном уровне и связывается с противопоставлением различных стилей произношения. Данный вопрос до сих пор окончательно не решен и остается одним из ключевых в современной лингвистике. Принято считать, что каждый социальный тип говорящих обладает своим набором произносительных стилей, зависящим от ряда обстоятельств.

Наиболее репрезентативным и актуальным материалом, по нашему мнению, являются немецкоязычные студенческие форумы. С целью

фиксации единиц содержания и определения частоты их употребления в речи студентов в процессе анализа лексического и грамматического материала был использован контент-анализ.

Форум 1

На форуме обсуждается предвзятое отношение преподавателей к студентам и ученикам старших классов и вызванное этим недовольство учащихся.

С лексической точки зрения на форуме активно употребляется лексика разговорного стиля: *Handy, der Pisa-Studie, Hasspropaganda, Ghettokids, gucken*). В ходе анализа сообщений участников форума было выявлено употребление фразеологических единиц, имеющих свои эквиваленты в русском языке, например, *die Hölle heiß machen* – драть как Сидорову козу; *in den Hintern kriechen* – ходить на задних лапах; *sitzt im Knast* – места не столь отдаленные; *Rückgrat hat* – ходить по струнке; *den Tunnelblick gehabt* – свет в конце тоннеля; *im spontanen Frust* – во всю прыть. Большинство фразеологических единиц относится к разговорной речи. Некоторые фразеологические единицы представляют собой терминологические словосочетания из военной сферы, например, *keinen Rückzug machen*.

Наблюдается использование многочисленных заимствований из английского языка, таких как *Threads, Image, BUSTED, Post*.

Разговорная речь одного из пользователей форума выделяется тем, что он употребляет сокращение, заимствованное из английского языка, такого как *omg (Oh my God)*.

Материал данного форума позволяет отметить переосмысление значения лексических единиц с нейтральной стилистической коннотацией, относящихся к литературному немецкому языку. Например, *der Hausmeister* употребляется студентами данного форума не в значении «комендант, завхоз», а в значении «декан».

Используются также профессиональная лексика сферы образования, такая как *Reifezeugnis, Punktesystem*. Это обусловлено тематикой обсуждения. Участники форума обращаются друг к другу на «ты», что характерно для общения между незнакомыми людьми в неформальных ситуациях, к которым относится коммуникация на форуме.

Сопоставительный анализ

Таблица 1

Лексическая единица	Процент использования
Разговорная лексика	25%
Заимствования	25%
Профессиональная лексика	10%
Переосмысление лексического значения	5%
Фразеологические единицы	35%

Поскольку основными пользователями данного форума являются студенты и старшие школьники, наблюдается большое количество эмоционально окрашенных побудительных и вопросительных предложений: *Hättest es wie in nem Krimi machen müssen! Was macht eine 3 im Unterschied zur 4- in 12.2 im Abitur aus? Genug, um so etwas zu machen? Habt Ihr kein Punktesystem? BUSTED! Feigling!*

Для синтаксиса характерно обилие эллиптических предложений: *Mal im Ernst! Schlechte Idee von dir. BUSTED! Feigling!*

Для того, чтобы подчеркнуть пренебрежительное отношение к преподавателю, обучающиеся пишут существительное *der lehrer* с использованием строчной буквы.

Написание отражает редукцию артиклей существительных, свойственную неформальной устной речи: *Hättest es wie in nem Krimi machen müssen!*

Один из участников форума использует заимствованное из английского языка слово *Troll*, видоизменяя его с помощью немецкого суффикса *-erei*, т.е. *Trollerei*.

Сопоставительный анализ

Таблица 2

Грамматическая единица	Процент использования
Эмоционально окрашенные предложения	46%
Эллиптические предложения	31%
Использование строчной буквы	8%
Редукция артиклей	8%
Использование немецких суффиксов в словах других (иностраннных) языков	8%

В ходе лексического анализа было установлено, что наибольший процент в студенческом социолекте составляет разговорная речь. Также следует отметить степень влияния иностранных языков на развитие студенческого социолекта. Наиболее частым является употребление английского языка в речи немецкой молодежи. Немаловажная роль отведена и фразеологизмам, которые позволяют максимально точно передать эмоциональное состояние участников форума. Речи молодежи также свойственно изменение лексического значения слова, что выражает стремление к индивидуализации речи и к созданию собственного жаргона.

В ходе грамматического анализа материалов форумов нами было отмечено, что наибольший процент составили эллиптические предложения, целью использования которых является упрощение общения среди участников форума.

С целью передать эмоциональное состояние автора сообщения студенты включают в свою речь эмоционально окрашенные предложения и

повелительное наклонение; модальные глаголы используются для того, чтобы передать пожелание или же посоветовать что-либо собеседнику; конъюнктив – чтобы высказать свое желание или предпочтение.

Достаточно часто, желая ускорить процесс написания письма на форум, обучающиеся прибегают к редукции личных окончаний глаголов.

Употребление частиц позволяет выразить целую гамму эмоций, которую так легко отобразить в процессе общения и так сложно – на письме. Частицы могут подчеркивать не только положительное отношение собеседника к обсуждаемой теме, но также и отрицательное.

Достаточно редким, но очень интересным является использование немецких суффиксов в словах других иностранных языков. Это позволяет сделать вывод о том, что немецкие студенты склонны не только заимствовать слова из других слов, но и адаптировать их с помощью суффиксов к своему родному языку.

Список использованных источников

1. Жирмунский В. М. Проблема социальной дифференциации языка // Язык и общество. М.: Наука, 1968. 256 с.
2. Маковский М. М. Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высшая школа, 1982. 135 с.
3. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 241 с.
4. Петренко А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры: коллективная монография. М.: Изд-во «Перо», 2015. 491 с.
5. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. К.: Рідна мова, 1998. С. 34–48.
6. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. – № 4. – Ростов на Дону: ЮФУ, 2014. С.150–157.
7. Петренко Д. А., Чернышова М. В. О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка // Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – Т. 1(67), №1. – 2015. С. 189–196.

УДК 811.134.2:33

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ БИЗНЕС-КУЛЬТУРЫ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Н. А. Гулевец,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теория и практика перевода, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В данной статье автор изучает национальные ценности и особенности бизнес-культур стран Латинской Америки (на примере Мексики, Чили и Венесуэлы) и ставит цель определить степень их влияния на испанский язык. Результаты исследования говорят о глубокой

взаимосвязи языка народа и его национальной культуры, что необходимо учитывать в межнациональных деловых отношениях во избежание возможных коммуникативных ошибок.

Ключевые слова: язык, культура, бизнес-культура, национальные ценности, Латинская Америка.

Summary. In the article the author examines the national values and characteristics of the business cultures of Latin American countries (on the example of Mexico, Chile, and Venezuela), and aims to determine the extent of the influence they make on the Spanish language. The results of the study reveal a deep interrelation between language and national culture, which should always be considered in international business relations to avoid possible communication errors.

Key words: language, culture, business culture, national values, Latin America.

Общепризнанным является тот факт, что язык – это зеркало культуры, он зарождается и функционирует в тесной взаимосвязи с культурой народа. Развитие фундаментальной теории о взаимосвязи культуры и языка, основы которой были заложены в трудах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и других исследователей, активно продолжается и в наши дни.

Эпоха глобализации неизбежно стирает тонкие грани между нациями и их культурами, однако, с другой стороны, в наши дни общество остро нуждается в осмыслении и сбережении национальных нравственных, культурных и языковых ценностей с целью сохранения национальной идентичности народа.

В современном мире культура также «...неопровержимо определяет перспективы бизнеса... Мир стал значительно чувствительнее, чем раньше. И игнорирование правил должного поведения сегодня прощается гораздо реже, чем когда-либо. Ошибки очень дорого стоят» [4, с. 96–97].

Вышесказанное помогает выделить цели настоящего исследования: изучить национальные особенности бизнес-культур стран Латинской Америки, определить степень их влияния на язык и тем самым доказать неизбежность взаимосвязи языка народа с национальной культурой и важность учета этих особенностей в ведении международного бизнеса.

Материал исследования – тексты, опубликованные на корпоративных сайтах крупных компаний Мексики, Венесуэлы и Чили. Выбор не ограничивается определенной сферой деятельности компаний, главный критерий отбора – национальный признак.

Существует множество определений понятия «бизнес-культура» или «культура предпринимательства». Одно из наиболее полных определений было дано В. Г. Макеевой, которая под культурой предпринимательства понимает «систему ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию предпринимательской деятельности, а также восприятие ее обществом» [3, с. 9].

Очевидно, что история, традиции, а также ценности национальной культуры оказывают прямое влияние на формирование бизнес-культуры. Так, Мексика, Чили и Венесуэла – страны, сформировавшиеся на основе индейской и европейской (испанской) цивилизаций, поэтому основной набор культурных характеристик этих стран совпадает [1; 2].

Известные исследователи межкультурного взаимодействия (Г. Хофстеде, Р. Льюис, Э. Холл, Ф. Тромпенаарс и др.) заложили основы изучения существования национальных культур в межкультурном пространстве. Результаты их исследований до сих пор являются источником фундаментальных знаний о культурных различиях, в том числе в сфере бизнеса.

Так, например, Э. Холл в своей работе 1976 года «Beyond Culture» [6] впервые разделяет культуры на высококонтекстуальные (большая часть информации уже известна, только ее незначительная часть вербализуется) и низкоконтекстуальные (большая часть информации передается знаковым кодом).

Культуры стран Латинской Америки Э. Холл определяет как высококонтекстуальные, где основное значение придается неязыковым факторам – иерархии, статусу, личным отношениям, и явно прослеживаются коллективистские тенденции, например: *Nuestros valores: ... 6. Trabajo en equipo para lograr las metas de Petróleos Mexicanos. 7. Orgullo de pertenecer a Petróleos Mexicanos* [15]; *Trabajamos para que todos los chilenos sientan orgullo de Codelco y admiración por su historia de servicio al país, cuidando como propia la reputación de la empresa* [12]; *Valores Organizacionales. Solidaridad: Participación solidaria, manifestada en el desprendimiento personal, en el trabajo en equipo, en la colaboración recíproca, en el aprecio y respeto por lo que hace cada quien, y en la manifestación de la igualdad de todos* [13].

Р. Льюис [9, с. 29–31] описывает культуры Мексики, Чили и Венесуэлы как полиактивные, причем с максимальной степенью выраженности соответствующих признаков: высокая степень эмоциональности, импульсивность, крайняя важность семейных отношений, внимание к чувствам, отношениям, окружающим людям, планирование в самых общих чертах, ориентация на человека, преобладание чувств над фактами, выделение ключевой фигуры, сочетание социального и профессионального и т. д.

Так, например, представители всех трех культур эмоциональны, в Мексике и Венесуэле сила эмоций особенно подчеркивается [9, с. 532, 552], что непременно отражается в языке: *Valores: ...Buscar la Excelencia. Nuestra pasión por nuestro trabajo nos empuja a exceder expectativas, a retornos constantemente para mejorar y nunca darnos por satisfechos solamente con “lo suficiente”* [10]; *La nueva PDVSA es una empresa nacional, subordinada al Estado venezolano y profundamente comprometida con el auténtico dueño del petróleo: el pueblo venezolano* [14].

Однако чилийцы эмоционально более стабильны [9, с. 547]. Сравните: в то время как мексиканцы утверждают, что они – самые лучшие, чилийцы говорят, что они – одни из лучших: *Somos la empresa más grande e importante de México, referente internacional en materia de hidrocarburos* [15]; *Perseguimos la excelencia en todo lo que hacemos y practicamos el mejoramiento continuo, para estar entre los mejores de la industria* [12].

Эмоциональность характера приводит к использованию в тексте множества ярких эпитетов, что является одной из главных характеристик латиноамериканского корпоративного дискурса: *Somos una empresa sustentable, socialmente responsable, con estrictos estándares de seguridad, salud en el trabajo y protección ambiental* [15]; *Trabajar en Codelco es un orgullo, una gran responsabilidad y un enorme compromiso* [12]; *Este proyecto ha incorporado entre sus principales líneas de trabajo un fuerte énfasis en la extensión y difusión de conocimiento* [11]; *Estas iniciativas cuentan con recursos extraordinarios, su coordinación es interinstitucional e interministerial y uno de los elementos fundamentales para su planificación, ejecución y seguimiento es la participación activa y protagónica de las comunidades organizadas* [14].

Как для повседневной жизни, так и для деловых отношений характерна особая значимость личных отношений и семейных уз. Согласно классификации, Г. Хофстеде [7], Мексика, Венесуэла и Чили имеют крайне низкий показатель уровня индивидуальности (30, 12 и 23 пункта по столбальной шкале соответственно), что говорит о взаимозависимости членов общества, стремлении принадлежать к какой-либо социальной или профессиональной группе и ожидании верности и преданности со стороны всех членов этой группы. Р. Льюис связывает эту особенность с историческим культурным наследием: коренные индейские народы ценят поддержку группы и тесные связи внутри нее, твердость слова и преданность коллективу [9, с. 553].

В бизнес-культуре Мексики, Венесуэлы и Чили возможна презентация своей компании как семьи, а отношения между участниками делового процесса рассматриваются как очень близкие или даже семейные. Так, Ф. Тромпенаарс относит организационную культуру Мексики, Чили и Венесуэлы к типу «семья» [5, с. 322–338] и использует данное сравнение, чтобы подчеркнуть наличие тесных личностных отношений: *Valores: ...Enfocarse al Cliente. Al escuchar a nuestros clientes, entender sus retos, y ofrecerles soluciones valiosas, construimos relaciones cercanas que nos distinguen de nuestros competidores* [10]; *Viña Concha y Toro busca mantener relaciones cercanas y de respeto mutuo con sus colaboradores, mediante un diálogo fluido que permita desarrollar un buen ambiente laboral. Para ello, ha diseñado una estrategia de relacionamiento laboral que apunta a facilitar el diálogo y el entendimiento al interior de la organización* [11].

Объединенный коллектив-семья строго подчиняется начальнику – уважаемому лидеру. Особенно большое значение имеет выделение ключевой фигуры для Венесуэлы – это повышает статусность события и

придает вес словам [9, с. 551]: 2009. *El 30 de enero fueron reactivadas las operaciones del emblemático yacimiento Cerro Bolívar, ubicado en Ciudad Piar, en un evento dirigido por el Presidente Hugo Chávez Frías...* [13]; *¡Tú también eres Chávez!* [14].

По мнению Г. Хофстеде, уровень дистанции власти достаточно высок (81 пункт – для Мексики и Венесуэлы и 63 – для Чили) [7]. Это также можно считать наследием древнего индейского мировосприятия, где кастовость общества воспринималась как должное, низшие слои принимали свое подчиненное положение со смирением, а к высшим относились с уважением, почитанием и страхом [9, с. 533]. Как следствие, для современной бизнес-культуры данных стран характерно почтенное, дистанцированное отношение к начальству [9, с. 532, 548, 552]: *Formamos un equipo de hombres y mujeres comprometidos con el liderazgo de Codelco en la industria minera de Chile y el mundo, para contribuir al progreso del país* [12].

Изучение административных ценностей целого ряда стран Латинской Америки, проведенное американскими учеными Т. Ленартовичем и Дж. Джонсоном, предлагает набор дополнительных критериев описания культуры [8], среди которых следует выделить критерий «напористость». Изменяясь от низкого уровня (Чили) к среднему (Мексика, Венесуэла), данный показатель подтверждает бóльшую расположенность жителей данных стран к реализации краткосрочных проектов и получению быстрых результатов [см. также 7; 9, с. 548, 554]. Однако современные деловые отношения требуют долгосрочного планирования, чему обязаны подчиняться и латиноамериканские компании: *En ese sentido y considerando que la naturaleza de los proyectos del sector energético son de largo plazo, la Junta Directiva de Petróleos de Venezuela, S.A. ha decidido revisar y ajustar los pronósticos de demanda y precio del crudo, revisar la cartera de proyectos del Plan, y jerarquizar la cartera de proyectos considerando la demanda y oferta de recursos técnicos, financieros y de personal* [14].

В заключение хотелось бы отметить, что в ходе межкультурного общения следует всегда принимать во внимание отличительные черты культуры и национальные традиции страны, особенности менталитета и системы ценностей. Такая необходимость объясняется наличием сложных взаимосвязей между культурой и языком, а также стабильным отражением культурных особенностей в языковом материале.

Страны Латинской Америки и, в частности, Мексика, Чили и Венесуэла, имеют собственную уникальную культуру, поэтому знания о ее специфике помогут избежать коммуникативных ошибок и будут способствовать развитию успешной деятельности международных компаний в данном регионе.

Список использованных источников

1. Деловая культура Мексики. Этикет [Электронный ресурс] // Экспортеры России. Единый информационный портал. –

- <http://www.rusexporter.ru/business-etiquette/480/> (дата обращения 15.01.2017).
2. Деловая культура Чили. Этикет [Электронный ресурс] // Экспортеры России. Единый информационный портал. – <http://www.rusexporter.ru/business-etiquette/531/> (дата обращения 15.01.2017).
3. Макеева В. Г. Культура предпринимательства: Учеб. пособие для вузов по эконом. спец. М.: ИНФРА-М, 2002. 217 с.
4. Рубцова Т.И. Деловые культуры в международном бизнесе (о пользе бизнес-тренингов) // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – №8, Т. 2013. С. 96–115.
5. Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса. Мн.: ООО «Попурри», 2004. 528 с.
6. Cemex SA de CV, México [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <http://www.cemexmexico.com/> (дата обращения: 15.01.2017).
7. Concha y Toro, Chile [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <http://www.conchaytoro.com/> (дата обращения: 15.01.2017).
8. Corporación Nacional del Cobre de Chile (CODELCO), Chile [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://www.codelco.com/> (дата обращения: 15.01.2017).
9. Ferrominera Orinoco, Venezuela [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <http://www.ferrominera.com/> (дата обращения: 15.01.2017).
10. Hall E.T. Beyond Culture. NY: Anchor Press, 1976. 256 p.
11. Hofstede G. Country Comparison [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://geert-hofstede.com/mexico.html> (дата обращения: 15.01.2017).
12. Lenartowicz T., Johnson J.P. Comparing Managerial Values in Twelve Latin American Countries: An Exploratory Study // MIR: Management International Review. – 2002. – Vol. 42, No. 3. P. 279–307.
13. Lewis R.D. When Cultures Collide: Leading Across Cultures. Boston–L.: Nicholas Brealey International, 2006. 600 p.
14. Petróleos de Venezuela, Sociedad Anonima (PDVSA), Venezuela [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <http://www.pdvsa.com/> (дата обращения: 15.01.2017).
15. Petróleos Mexicanos (Pemex), México [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <http://www.pemex.com/> (дата обращения: 15.01.2017).

УДК 81'25

**THE PECULIARITIES OF POETIC LANGUAGE TRANSLATION
(BASED ON BORIS TEN'S CREATIVE PRACTICE)**

V. I. Humeniuk,

*Doctor of Philology, Professor, Head of Ukrainian Philology Department,
Slavic Philology and Journalism Faculty, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University*

Summary. The translation peculiarities of figurative system, intonation harmony, versification and others constitutive original features are analyzed in the article «The Peculiarities of Poetic Language Translation (based on Boris Ten's Creative Practice)» on the material of the Ukrainian interpretation of «Crimean Sonnets» by Adam Mickiewicz.

Boris Ten maintains solemn tonality, profound intellectuality and peculiar original picturesqueness in poetic edition of Polish romantic poet. If imagery accuracies are lost in some way, they are balanced by translator's artistic details, consonant with author's poetic peculiarities.

Contrasting combination of significant pictures and refined undertints, often pointed by eastern exotics, melodic mood of poetic narration and rhythmical tempo, expressive pauses are masterly kept by the translator in lapidary sonnet form.

Key words: poetic translation, figurative system, intonation harmony, alliterative devices, rhythmic, Boris Ten, Adam Mickiewicz.

Аннотация. В статье «Особенности перевода поэтической речи (из наблюдений над творческой практикой Бориса Тена)» на примере украинской интерпретации «Крымских сонетов» Адама Мицкевича рассматривается специфика передачи в воспроизводимом художественном тексте образной системы, интонационного строя, версификации и других конститутивных черт оригинала.

В версии поэтического цикла польского поэта-романтика Борис Тен воссоздает таинственную тональность, глубокий интеллектуализм, своеобразную образность оригинала. Если в отдельных случаях образная точность несколько утрачивается, то это преимущественно компенсируется благодаря находчивости переводчика, иным образным деталям, но не произвольно вымышленным, а подобранным в соответствии с особенностями авторской поэтики. Контрастное сочетание живописных образов и изысканные полутона, часто проникнутые ориентальным колоритом, мелодичность стиха и темпоритмические нюансы, красноречивые паузы – все эти черты оригинала мастерски переданы переводчиком в рамках лапидарной формы сонетов.

Ключевые слова: поэтический перевод, образная система, интонационный строй, звукопись, ритмика, Борис Тен, Адам Мицкевич.

Poetic translation is one of the most important forms of literary interrelation. Creation of translation itself is based on the original meaning and should be faithful to the original spirit. Poetry is a unity of ideas, meaning, images, rhythm, meter, rhyme, style, tone etc. Thus, poetry presents special challenges to translators. According to W. Frost, the main characteristic of poetic translation that distinguishes it from common discourse is that in poetry form and content cannot be separated [1, p. 65]. P. Newmark believes «the translation of poetry is the field where most emphasis is normally put on the creation of a new independent poem and where literal translation is usually condemned» [3, p. 70].

We should remember that poetic translation is completeness of artistic and aesthetic process.

The aim of the article is the analysis of the peculiarities of poetic translation on the material of Boris Ten's Ukrainian interpretation of «Crimean Sonnets» by Adam Mickiewicz. Boris Ten's translation maintains solemn tonality, intellectuality and peculiar original picturesqueness.

The translation of works by Adam Mickiewicz does not take such a prominent place in Boris Ten's work William Shakespeare's or Yuliusz Słowacki's ones. In Ukrainian two-volume edition of the most notable Polish poet edited in the 1950-s we have only one poem «Żeglarsz» («Swimmer»), fable «Osieł i pies» («Donkey and Dog») and spacious fragment of the third part of poem «Dziady» (Forefathers' Eve) «Improvisation» in master's interpretation, in which the romantic figure of bard appears, that audaciously aspires to come up with God in his influence on the people [4]. But the translator appreciated this small part of his masterpiece.

«Crimean Sonnets» («Sonety Krymskie») in Boris Ten's translation was published in his collection «Starlit Gardens» («Зоряні сади»), which contained mainly the original poems [6]. However, three sonnets, «Żegluga» («Voyage»), «Widok gór ze stepów Kozłowa» («Mountain Landscape from Kozlov Steppe») and «Bakczisaraj w nocy» («Bakhchisaray at Night»), did not appear in this collection (probably because of a technical oversight) and was published in the book «Жадань і задумів неспокій» («Desire and Purpose Worry») with noticeable editorial misplaced [5].

Mickiewicz's «Sonety Krymskie» begins with the sonnet «Stepy Akermańskie» («Akerman's steppes») which is a prelude to wide plot of traveling on which inscription points and is one of the organizing factors of all the series. Drawing near Crimea, covered by sea, is accompanied by the elation of the powerful width, that maritime steppes give them. The unique feeling of width of maritime and steppe clearly concentrates in semantic capacious image of «dry ocean» («сухого океану»), which, pointed to deference and kinship of two elements, unfold wild forbs before eyes. In the source language this paradoxical adjective attribute is far-off from noun («suchego przestwór oceanu»), but in the target language this one is near to it («просторами сухого океану»), that probably gives large significative and emotional resilience to key image of the sonnet. It is obvious that rhythmical picture that is not clearly in Polish syllabism like in Ukrainian syllabism and tonic, through it is appreciable, that gave unable to Mickiewicz make immediate approaching.

The key image of the first quatrain has obtained resourceful concentration which translator has found appropriate equivalents («Wóz nurza się w zieloność i jak łódka brodzi» – «човен-візок у зелень пірнає»; «śród kwiatów powodzi» – «в квітучій повені»). Mickiewicz's «koralowe ostrowy burzanu» has lost their maritime attribute («koralowe») and became for one island. But the importance of plural feeling keeps it capacious image in spite of omitting this island. The plural feeling increases though absence comparison weed island with purple abyss

in source language. The abyss image, which is absent in Mickiewicz's sonnet, coordinate with his poetry of sonnet, calling to express the impression of width. Epithet «багряна» used by the translator reminds of corals and prepares us to perceive the next strophe that contains nightfall.

The darkness, expressed by the starlights, river brilliance and Akerman's lamp (the second quatrain) and immense serenity (final tercets) determine consonant with the beginning strophe peerless tonality of poetic flow. These tonality and image of the source language were identical in target language.

The lyric character hears «*szyszę ciągnące żurawie, / Których by nie dościgły żrenice sokoła*» in Mickiewicz's sonnet. «*Żrenice sokoła*» is absent in Boris Ten's interpretation, but the feeling of height to where serenity spreads, is kept: «... в вишині, де ї сокіл не сягне, ключ журавлів курличе». In another case particular Mickiewicz's sound elements («*się motyl kołysa na trawie, wąż śliską piersią dotyka się ziola*») lose their clearness, but keep precise and poetic subtle. When we read the phrase «*I чую шелест я метеликів у сні*», we have association with butterflies on the grass. Thus, phrase «*у сні*» agrees with imagery of the author but not only for strict rhyme. Thus we can say about Boris Ten's «*змій ... у траві зивання таємниче*».

Mickiewicz's «*W takiej ciszy*» obtains peculiar emotional colouration in translation: «*в цій теплій тишині*» (warm serenity). The warm serenity is translator's invention, but this image remains in total relation with lyric character's mood, concord of poetry and put in frame in sonnet way as though becomes closing echo of the beginning image of «*dry ocean*» («*сухого океану*»).

Boris Ten, who followed tradition of Ukrainian translation practice, translates Mickiewicz's sonnet syllabism by iambic verse of twelve feet with caesura between lines, makes use of alternation of a single (masculine) rhyme and double (feminine) rhyme that is typical of Ukrainian poetry not of Polish one. It doesn't give to recreate in succession fanciful rhythmical picture of Polish original text, to keep peculiar Mickiewicz's pauses, syncopes and rhythmical repetitions in the same manner. But these means are preserved in the two Final lines of the second quatrain, on the beginning of tercet and in last line of the sonnet, which is important. The lyric character thinks that in feeling of immense serenity he could to hear the voice from Lithuania, the sweetheart's voice which he would like to hear at the moment in these far foreign lands. The spacious opinion about these develops from penultimate line into last one. After prominent pause the lyric character suddenly breaks off his dreamful mood and utters with resolute laconism: «*edźmy, nikt nie woła*». In translation this resolute emphasizes firm rhythm and is used in singular imperative form of encouragement for following travelling: «*Рушай, ніхто не кличе*».

The title of the next sonnet «*Cisza morska*» («*The Sea of Serenity*») in Boris Ten's translation «*Тиша на морі*» is directly related to the theme of serenity and calm. Subtitle «*Na wysokości Tarkankut*» («*On the peak of Tarkhankut*») denotes the place from where is opened poetic landscape. The translator finds peculiar equivalents to all author images which are meant to show gentle and

scope feeling of calm and united by common motif of slight breathing, swaying and waving and etc. The first line («*Już wstążkę pawilonu wiatr zaledwie tuśnie*») retains nearly important all nuances in translator's version («*Легенький вітерець вгорі стрічки колише*»). Unfortunately Boris Ten didn't reproduce the adverb «*Już*» that conceal significant movement which is consonated with typical feeling of maritime serenity in the sonnet. Decreased features («*zaledwie tuśnie*») are kept in target language and carried over to the subject («*Легенький вітерець*»), «*wstążkę pawilonu*» is replaced by less expressive «*стрічки*», but adverb «*wgori*» reveals making more precise what stripes are going on. There are a lot of relocations in translation. Mickiewicz's water «*Cichymi gra piersiami*» is translated as «*персами ледь-ледь похитує*». The wide simile of rolling sea with dreaming «*o szczęściu narzeczona młoda*» is translated with keeping spirit of origin and attained authentic Ukrainian euphonious which has timid sea elements, «*немов у мрійнім сні відданка молода*».

Tracing a line round picture of concerning calm is come to a conclusion by poetic parallelism in final tercets: in the first tercet presents polyp which sleeps on the bottom in a bad weather and during serenity «*довгі щупальця розвиває*», in the second one is about «*гідру споминів*» which takes a nap when person is seized with anxiety, an «*затоплює кігті*» in calm heart. «*О море!.. – О мисле!..*» – these parallel exclamation addresses are remained in target language, first of all «*полін і гідра спогадів*». Though sometimes these images lose their significant and harmony for poetic parallelism.

The sonnet «*Żegluga*» with its general tonality contrasts from the foregoing one and develops some of its essential motifs in translation. Violent, concealed in spanless of sea serenity, reminds itself and finds grateful response in restless human soul, which is seized grandeur excited element. Characteristic original emotional earnest is emphasized by translator in the first line, where comparison adjective («*Szum większy*») is replaced by verb («*Шум більшає*»). The increase sound of sea is associated with rising of excitement that is depicted in the next line «*gęściej morskie snują się straszydła*». But this phrase is slightly different from Mickiewicz's one – «*густіш морські снують страшидла*» (there image of waves is more precise). The image of winged horse is recreated much more precise in the source text which compared ship (it is important to hold in mind that of the horse is not directly stated in source and target languages, but we can guess it for the comparative attribute). Mickiewicz's romantic imagery is often connected with everyday. In this case the translator becomes more attentively to external texture of author narration:

«*Матрос на східці збіг – агей, готуйтеся, друзі!
Повис, чатуючи, між рей по виднокрузі,
Мов у сітях павук – вдивляється, затих...*».

There translator's aims are to emphasize the poetic emotional mood but not to keep word for word naturalness of Mickiewicz's images. Of course, it is not translation optimal way, we can notice that expressive action reaches much more strength in target language.

The sonnet «Burza» («Tempest») with its general tonality contrasts with «Żegluga» and develops some of its essential motifs. Both of these sonnets have expressive action, but in the first sonnet this action is determined by the feeling of joyful excitement, in the second one it is desperate hopelessness. But the despair and hopelessness may seem happiness for somebody and is relatively as concerning calm in the sonnet «Cisza morska». Thus we distinguish that the sonnet on the beginning of series is connected with the others on the principle of singular contrasting crescendo (such resourcefulness contexture is significant for all series).

Translator aspires to keep picturesque plasticity and emotional of the author poetic phrase in the sonnet «Буря» («Tempest»). «Здерто вітрило, стерно понівечено, рик вод, шум завії» («Zdarto żagle, ster prysnął, ryk wód, szum zawiei») is word for word translation of the first line that in Boris Ten's interpretation is «Стерно поламано і зірвано вітрила». This fragment shows us that translator reproduces the secondary components, and «szum zawiei» from the first original line appears in the sixth line of target text where «гори хвиль страшних здійсмаються під дикій завій бурі».

In poetics of «Sonety Krymskie» pauses and silence areas play the important function, calling to emphasize mysterious of Universe greatness. These pauses appear in every sonnets and translator always pays attention on them (for instance, changeable of rhythmic mood in sonnet «Stepy Akemańskie» that helps to create the serenity image).

Mickiewicz's «Sonety Krymskie» in Boris Ten's translation maintains solemn tonality, intellectuality and peculiar original picturesqueness. If clearness images are lost in some way, they are balanced by translator's artistic details, consonated with author's poetic peculiarities. Contrasting comparison of significant pictures at times filled epic and excitement at others making expressive dynamic, resourceful nuances, often pointed by eastern exotic, melodic mood of poetic narration and changeable rhythmical tempo, pauses and wide sub textual silence areas, which impossible out of expressiveness direct text phonation and recreation of imperceptible undertone are masterly kept by translator at the bound of lapidary and aphoristic sonnet form, its dramatic feature and significant contexture of whole sonnet series.

References

1. Frost W. Dryden and the Art of Translation. New Haven, CON: Yale University Press, 1969. 128 p.
2. Mickiewicz A. Wiersze wybrane. – Mode of access: <http://literat.ug.edu.pl/amwiersz> (дата обращения 10.12.2016).
3. Newmark P. A Textbook of Translation. Hertfordshire: Prentice Hall, 1988. 311 p.
4. Міцкевич А. Вибрані твори: у 2 т. – К., 1955. Т. 1.
5. Міцкевич А. Морська подорож. Гірський краєвид із степів Козлова. Бахчисарай вночі // Жадань і задумів неспокій: з творчої спадщини Бориса Тена. К., 1988. С. 245–246.
6. Міцкевич А. Кримські сонети // Б. Тен. Зоряні сади: сонети. К.: Рад. письменник, 1970. С. 74–88.

УДК 821.111

**РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Н. ГЕЙМАНА «CORALINE»
И ЕЕ ПЕРЕВОДА, ВЫПОЛНЕННОГО ЕЛЕНОЙ КОНОНЕНКО)**

М. Г. Дещенко,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель работы – анализ идиостиля Нила Геймана и проблемы его передачи в русском переводе. Исследователь исходит из того, что эмоционально-эстетический эффект художественного текста обеспечивается сочетанием лингвистических и экстралингвистических выразительных средств, а в задачи его перевода входит эквивалентная и адекватная передача специфики авторского воздействия на читателя средствами иной лингвокультурной системы. Автор приходит к выводу, что идиостиль автора – безэквивалентное художественное явление, которое поддается передаче путем применения ряда переводческих приемов, выбор которых обусловлен различиями лингвистического, культурологического и эмотивного характера. Для анализа путей решения творческой задачи переводчика исследователь использует метод лингвопоэтического анализа, когнитивный и сопоставительный подходы.

Ключевые слова: Нил Гейман, литературная сказка, художественный перевод, творческий метод, идиостиль, авторский замысел.

Summary. The article focuses on the analysis of the individual style of Neil Gaiman and the problem of its Russian translation. The emotional and esthetical effect of a literary text is based upon a combination of both linguistic and extra-linguistic expressive means; therefore, it is the primary task of a literary translation to retain equivalence and adequacy in planting the artist's intention into a different linguistic and cultural setting. The researcher concludes that author's individual style belongs to the domain of untranslatable features due to numerous cultural, linguistic and emotive differences. However, the article lists techniques that are helpful in rendering the individual stylistic features by means of the Russian language and culture.

Key words: Neil Gaiman, literary tale, literary translation, creative method, individual style, artist's intention.

Каждое произведение художественной литературы представляет собой уникальное сочетание лингвистических и образных средств выразительности, которые служат выражению авторской позиции и определяют специфику художественного своеобразия авторского текста. Феномен идиостиля писателя генетически связан с природой литературы

как вида искусства, материалом которого служит язык ввиду непосредственной связи между художественным образом и языковыми приемами, с помощью которых он воплощается в повествовании. «Создавая и воспринимая произведения искусства, человек передает, получает и хранит особую *художественную* информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга», – высказал мысль о единстве семиотического и метасемиотического планов художественного текста Ю. М. Лотман [7, с. 13].

Ключевым принципом творческого метода фантаста Нила Геймана является переосмысление литературной традиции [6]. Повесть «Coraline» представляет собой образец современной авторской сказки. Жанровая доминанта произведения обладает классическими признаками волшебной сказки (противопоставление реального и волшебного миров, волшебный помощник и волшебный антагонист, волшебный артефакт, мотив поиска, испытание героя и его воспитательный эффект), однако с ними соседствуют черты постмодернистской игры [3]. Само имя героини, появившееся, по признанию автора, в результате опечатки, является примером постмодернистского восприятия текста: «Я напечатал это имя – Коралина – с ошибкой, взгляделся в это слово и понял, что передо мной чье-то имя. Оставалось только узнать, чье именно и что с ней произошло» [1, с. xii].

Повесть предназначена для детей школьного возраста, и это первая детская книга, написанная Гейманом: история ее создания называет дочерей писателя как первых адресатов нарратива. Эстетическим принципом произведения является хоррор, выводя жанровую стилистику повести за рамки мейнстрима детской сказки и отсылая читателя к феномену страшилки, сосуществующий в детской поп-культуре с классическими литературными произведениями [8]. Выбор эстетики произведения обусловлен личными предпочтениями адресата: «Холли любила истории пострашнее: чтобы там были ведьмы и храбрые маленькие девочки; именно такие истории она мне рассказывала сама. Поэтому повесть для Холли должна была стать страшилкой» [1, с. xiii]. Дидактическим посылом произведения служит утверждение, что храбрость заключается не в бесстрашии, а в умении преодолеть свои страхи: «Я хотел написать такую повесть для дочерей, которая бы сообщила им то, чего я, к сожалению, не знал в собственном детстве: быть храбрым не значит не бояться. Это означает, что тебе страшно, очень страшно, но ты все равно делаешь то, что должен» [1, с. xiii].

Творческая задача, стоящая перед переводчиком этой повести, нетривиальна: не утратить адекватности при передаче нарочито небрежного тона повествования, придерживаясь его жутковатой эстетики и находя эквивалентные способы передачи идейно-тематического содержания повести «Coraline».

Рассмотрим основные приемы, использованные Еленой Кононенко, в переводе, выпущенном издательством «АСТ». Частотным переводческим приемом является перефразирование, которое может быть обусловлено лингвистически, культурологически и эмотивно [9].

Пример 1.

«Once upon a time Miss Spink and Miss Forcible had been actresses, **as Miss Spink told Coraline the first time she met her.**

“You see, Caroline,” Miss Spink said, getting **Coraline’s name** wrong, “both myself and Miss Forcible were famous actresses, in our time. **We trod the boards, luvvy.**”» [1, с. 3–4].

«**Как сообщила Коралине мисс Спинк при первой же встрече, они обе когда-то были актрисами.**

– Знаешь, Каролина, – сказала мисс Спинк, неправильно произнося **имя девочки**, – и я, и мисс Форсибл в свое время были **знаменитыми актрисами. Нас знали далеко за пределами Англии, милочка**» [2, с. 7].

В переводе приведенного отрывка содержится перефразирование нескольких типов: синтаксическое, направленное на перенос фразового ударения; лексико-грамматическое, осуществляющее замещение притяжательного прилагательного «Coraline’s (name)», несвойственного русскому языку, на словосочетание «имя девочки», и культурологически-эмотивное, передающее значение английского фразеологизма «tread the boards» (подвизаться на сценическом поприще) через гиперболическое описание ситуации известности. Переводчик вносит в русский вариант концепт «известность», лишь имплицитно присутствующий в оригинале, что обусловлено различиями двух культур: ситуация, когда при первом знакомстве акцентируется факт принадлежности к публичной профессии, нетипична для англичан, а для обеспечения адекватного восприятия русскоязычными читателями акцент на ключевой характеристике персонажа важно усилить.

Еще одним приемом, позволяющим преодолеть различия культурного характера, является умолчание. Переводчик пользуется им в случае, когда прямой перевод чреват непониманием, а объяснения излишне удлинит повествование; таким образом, умолчание избавляет текст от безэквивалентных элементов, не наделенных смыслообразующей функцией, облегчая его восприятие.

Пример 2.

«Coraline *sighed*. **Then she went to the freezer and got out some microwave chips and a microwave minipizza.**

“You know I don’t like recipes,” she told her father, while her dinner went **around and around** and the little red numbers on the microwave oven counted down to zero » [1, с.10].

«Коралина *кивнула*, достала из холодильника замороженную пиццу **и сунула ее в микроволновую печь.**

– Ты же знаешь, что я не люблю, когда ты готовишь по рецепту, – говорила она папе, пока ее ужин крутился в печи, а красные цифры на маленьком дисплее отсчитывали секунды до его готовности» [2, с. 15].

Переводчик подверг умолчанию смысловые группы различного характера: одна обеспечивает динамику деятельности, тогда как вторая отсылает читателя к концепту «популярный полуфабрикат». Так, если для англичанина замороженная картошка-фри – дежурное блюдо, то для русскоязычного читателя такое кулинарное явление чуждо, в отличие от интернациональной пиццы. Хотя «*minipizza*» в переводе потеряла характеристику блюда, рассчитанного на одного, это не противоречит основе замысла автора продемонстрировать самостоятельность героини в выборе еды. На наш взгляд, трансформация идеи неудовольствия («*sighed*») не вполне адекватно передается глаголом «кивнула»: в русском телесном языке кивок ассоциируется с согласием, принятием, тогда как в оригинале явно выражается обратное отношение. Интересен факт сочетания умолчания в начале отрывка с перефразированием в середине: «и сунула ее в микроволновую печь». Это описание действия отсутствует у автора, но переводчик посчитал необходимым обеспечить его присутствие в русском варианте; такая структура больше соответствует мелодике русской фразы.

Перед переводчиком художественного произведения стоит задача воссоздания идиостиля писателя средствами иноязычной и инокультурной семиотической системы. Эта задача имеет два плана, требуя от переводчика как полной передачи идейно-тематического содержания оригинала, так и выбора наиболее подходящих лингвистических средств, способных обеспечить эмоционально-эстетический эффект, максимально приближенный к авторскому замыслу. Поэтому типология трудностей перевода художественного текста включает как стилистический, так и прагматический аспекты, а основными критериями оценивания качества работы переводчика художественного произведения остаются адекватность и эквивалентность перевода [10, с. 241]. Фундаментальный принцип теории художественного перевода требует «рассматривать каждое предложение как часть целого, передавать не только то, что в нем говорится, но и работать над созданием художественного образа, общего настроения, характеристики атмосферы, персонажей и т. п. Здесь важен и выбор отдельного слова, и синтаксической структуры, и других элементов» [5, с. 60].

Комбинация приемов оказывается весьма полезной для сохранения идейно-тематического содержания оригинального повествования, оформленного в соответствии с законами русской речи: ее синтаксическими нормами, мелодикой и фразовым ударением. Таким образом, переводческие трансформации, когда они производятся в целях более полного выражения авторского замысла, способствуют адекватному восприятию читателем идиостиля иноязычного писателя.

Список использованных источников

1. Gaiman N. Coraline. Bloomsbury, 2013. 192 p.
2. Гейман Н. Коралина; [пер. с англ. Е. Кононенко]. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 59 с.
3. Дещенко М. Г. Литературная сказка: проблемы определения и задачи исследования // Текст в художественной литературе, публицистике и журналистике: Материалы XIX Шешуковских чтений. М: МПГУ, 2014. С. 157–164.
4. Дудочкина О. Г., Солуянова О. А., Губайдуллина А. Г. Особенности перевода сатирического фэнтези с английского языка на русский // Вестник ТГПУ, № 10 – Томск, 2016. С.84–86.
5. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999. 134 с.
6. Лозовик Е. Современная английская литературная сказка в творчестве Нила Геймана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 18 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
8. Соломонова М. В. «Страшный» жанр в современной детской литературе: жуткое, чудесное, комическое // Русская словесность. – 2015. – № 6 . С. 30–34.
9. Теучеж З.Г. Парафразирование в переводе [Электронный ресурс] // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – №44. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/parafrazirovanie-v-perevode> (дата обращения: 30.01.2017).
10. Фурсова И.Н. Специфика перевода художественного текста // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород, 2015. С. 237–243.

УДК 821.111

**ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ****В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОБЕРТА ГРЕЙВСА**

Э. К. Джапарова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена особенностям использования женских персонажей кельтской мифологии в творчестве английского исследователя древних религий и мифов Роберта Грейвса. Проведен анализ художественных текстов, в которых представлен мифопоэтический мир писателя. Выявлено, что персонажи кельтской мифологии обнаруживаются не только в литературно-критических работах ученого, но и в

художественных произведениях Роберта Грейвса. Особое внимание уделено интерпретации женских персонажей кельтской мифологии в творчестве Роберта Грейвса. Образ Богини-матери, которая является основным женским персонажем кельтской мифологии, изображен в мифопоэтическом наследии Роберта Грейвса в различных интерпретациях.

Ключевые слова: интерпретация, кельтская мифология, женские персонажи, мифопоэтический мир, Белая Богиня, образ.

Summary. The article is devoted to the peculiarities of the interpretation of female characters of Celtic mythology in the works of the English researcher in ancient religions and myths Robert Graves. The analysis of literary texts expressing mythopoetical world of the writer is presented. It was revealed that Celtic mythology characters are found not only in the literary-critical works of the scientist, but also in Robert Graves literary works. In the works of Robert Graves particular attention is paid to the interpretation of the female characters of Celtic mythology. The image of the Mother-Goddess, which is the main female character of Celtic mythology, is depicted by Robert Graves in various interpretations.

Key words: interpretation, Celtic mythology, female characters, mythopoetical world, White Goddess, image.

Проблемы мифа и мифокритики находятся в центре исследовательских интересов литературных критиков. Особенно привлекают внимание мифологические аспекты, связанные с интерпретацией мифов в художественных произведениях современных писателей и поэтов, с целью создания представлений о глубинных основах их творчества. В связи с этим актуально изучение творческого наследия выдающегося писателя, поэта, исследователя кельтской мифологии Роберта Грейвса. Несмотря на популярность Роберта Грейвса в зарубежном литературоведении, творчество Роберта Грейвса в плане всестороннего анализа его художественных и литературно-критических работ, оригинальная система художественного мировидения великого поэта практически не изучены.

Целью статьи является анализ интерпретации женских персонажей кельтской мифологии в художественных произведениях Роберта Грейвса.

Роберт Грейвс (1895–1985) известен как автор многочисленных критических статей, 147 сборников стихотворений, романов, а также как представитель Кембриджской школы мифологов, который является одним из ста популярных английских писателей XX века. Огромное влияние на творчество Роберта Грейвса оказали труды выдающихся теоретиков литературоведения М. Мюллера, Э. Тейлора, Дж. Фрейзера.

Закономерности функционирования традиционных сюжетов, образов, мотивов с мифокритической позиции, учитывая специфику изучаемых литературных явлений, исследуют О. Забужко, Г. Грабович, В. Наривская, Н. Наенко, А.Е. Нямцу и другие ученые.

Что касается кельтской мифологии, то она менее изучена, и данных о ней значительно меньше, чем о мифах Древней Греции и Рима. Это подтверждается также мнением исследователя мифов народов мира А.С. Токаревым, который отмечает «фрагментарность» сведений о мифологии континентальных кельтов, которые «черпаются преимущественно из археологических источников». Что касается античных авторов, то они «содержат и ограничиваются сообщениями о вере кельтов в переселение душ и жизнь после смерти» [3, с. 633–634]. Однако именно этот факт дает возможность исследователям, имеющим мощный творческий потенциал, среди которых достойное место занимает Роберт Грейвс, дополнить скудный материал своими оригинальными идеями.

Исследования, посвященные изучению творчества Роберта Грейвса, можно найти в работах А. С. Козлова, Дж. Смедза, Р. П. Грейвс. Анализ исследований по мифотворчеству Роберта Грейвса показал, что не все однозначно оценивают его творчество. Необходимы исследования не только критических работ, но и художественных произведений Роберта Грейвса.

Из отечественных ученых литературовед А. С. Козлов уделяет внимание мифокритическим взглядам Роберта Грейвса в ряде своих работ, но рассматривает их в общем контексте развития литературоведения Англии и США XX века [2]. Т. В. Шадринa отмечает символичность в интерпретации мифов, проявившуюся у Роберта Грейвса в образе Белой Богини [4].

Наиболее полный системный анализ творчества Роберта Грейвса представлен в работе английского исследователя Джона Смедза «Утверждение и рассказ: мифотворчество Роберта Грейвса» («Statement and story: Robert Graves's myth-making», 1997). По мнению Дж. Смедса, «Грейвс представляет собой интерпретатора мифов, который видит скрытый подтекст во многих читаемых им текстах, и аллегорический способ интерпретации, один из методов, которые Грейвс использует, создавая новый миф, включая его величайшее изобретение – миф о Белой Богине» [6, с. 41]. Дж. Смедс дает высокую оценку Роберту Грейвсу как поэту, прозаику, критику и интерпретатору мифов [6, с. 41].

Роберт Грейвс изучал разные древние источники, основным из которых стал «Мабиногион» – самое знаменитое собрание валлийских сказаний. Пристальное внимание к своей национальной мифологии, проработка огромного объема мифологического материала, настойчивое желание «разгадать загадку» и «узнать великую тайну», а затем дать ее оригинальное толкование, согласовывающееся с особо возвышенным отношением к женщине – все это способствовало тому, что Роберт Грейвс заинтересовался образом Матери-Богини в кельтской мифологии. Тот факт, что представление о «Великой Богине – матери богов» является широко распространенным и «довольно стойким» в кельтской мифологии, подтверждают современные исследователи [3, с. 637].

Роберт Грейвс создал оригинальную мифопоэтическую концепцию центральным мифическим образом которой является Белая Богиня, или Тройственная Богиня Луны, появляющаяся в самых разных воплощениях. Такие богини выступали как в роли единичного персонажа, так и в роли триипостасного божества. Матери-богини часто изображались на статуэтках и изваяниях облаченными в длинные одежды, нередко – с одной обнаженной грудью. Им обычно сопутствовали различные символы плодородия: изображения детей, всевозможных плодов и листьев. Чаще всего матери-богини изображались целыми группами, хотя нередки и единичные образы. Практически во всех стихотворениях образ Белой Богини, если не описывается явно, то ее присутствие ощущается, ее влияние прочитывается между строк. Анализ художественных произведений Роберта Грейвса показал, что мифы, легенды и сказания кельтов использовались автором и были оригинально интерпретированы. В его произведениях мы находим историю друидов и бардов, кельтские предания, сказания о короле Артуре, сказание о святом Граале, повесть о фее Моргане, Матери-Богине и другие.

Одним из наиболее значимых для понимания интерпретации женских персонажей кельтской мифологии в художественных произведениях Роберта Грейвса является стихотворение «Белая Богиня» («White Goddess»). Образ Матери-Богини в мифологии древних кельтов занимал важное место. Известно, что Матерь-Богиня часто выступала в роли триипостасного божества, ассоциируясь с плодovitостью и изобилием. У Роберта Грейвса Матерь-Богиня представлена в образе Белой Богини. Она выступает одновременно и Великой Матерью Природы, и Музой, и Богиней Любви, и Богиней Луны.

В стихотворении «Белая Богиня» образ Белой Богини обрисован довольно четко и обладает глубоким символическим смыслом. В описании Белой Богини актуализируются также ассоциации, характерные для кельтской мифологической традиции, где белизна и бледность являются характеристиками Богини Луны.

«Whose broad high brow was white as any leper's,

Whose eyes were blue, with rowan-berry lips,

With hair curled honey-coloured to white hips» [5, с. 154].

«Чей высокий лоб был бел, как лоб прокаженного (или смертельно бел)

Чьи глаза были сини, а губы красные, как ягоды рябины,

С вьющимися волосами медового цвета, доходящими до белых бедер.»

Образ Матери Богини интерпретирован и в стихотворении «Изменения Луны» («Turn of the Moon») [5, с. 189]. В основе данного поэтического произведения, которое является одним из основных в поэзии Роберта Грейвса, также лежит миф о Белой Богине. Здесь автор акцентирует внимание на ведущей роли Луны, Тройственной Богини, в природе и в мире. Поэт призывает никогда не забывать, «кто приносит дождь» («never forget who brings the rain»). В мифологическом сознании кельтов дождь считается

важнейшим фактором, от которого непосредственно зависит плодородие, он символизирует живительную влагу. Роберт Грейвс призывает помнить, кто является нашей покровительницей и дарительницей жизни всему живому, Великой Матерью, и утверждает, что только она всесильна и способна подарить жизнь умирающему и одарить любовью жаждущего.

Согласно древним мифам кельтов, Белая Богиня, принявшая облик Блодайвет в валлийских поэмах, сказаниях и легендах, является, по утверждению Роберта Грейвса, «цветочной ипостасью» Белой Богини [1, с. 47] и имеет магическое происхождение. Этот мотив нашел отражение в стихотворении Роберта Грейвса «Песня о Блодайвед» («The Song of Blodeuwedd») [5, с. 155]. Прекрасная Блодайвед была создана Гвидионом, «великим колдуном бритов», из побегов и цветов [1, с. 47]. При этом указывается, что плод-мужчина был сотворен из девяти плодов, а цветок-женщина – из девяти разных цветков [1, с. 47]. Ими стали цветки горной примулы (первоцвета), раkitника, таволги, опьяняющего плевела, бобов, цветков крапивы, дуба, терна и робкого каштана. В мифопоэтической системе Роберта Грейвса этим символам присуща глубокая имплицитная семантика. К примеру, горная примула – пятилепестковый цветок, посвященный Белой Богине [1, с. 256]. При этом «таинственное число» ее лепестков – знак женщины, а каждый из ее лепестков символизирует пять ее ипостасей: Рождение, Инициация, Совершенство, Покой, Смерть [1, с. 256]:

*«When he formed me from nine blossom,
Nine buds of various kind:
From primrose of the mountain» [5, с. 155]
«Когда он создал меня из девяти цветков,
Девяти бутонов разного вида:
Из примулы белого бука горы».*

Поэзия Роберта Грейвса насыщена мифологическими образами животных, почитавшихся кельтами. Так, в стихотворениях «Богини-кошки» («Cat-Goddesses») женщины описаны как кошки с острыми когтями («a cat with sharp claws»), коралловыми языками и берилловыми глазами («coral tongues and berl eyes»), чаще всего черные («black as coals»), длинноногие («long-legged»), гуляющие сами по себе, грациозные, пугающиеся крика («a shout will scare them»), прыгающие и хватаящие («when they springs they seizes»), провоцирующие на ревность («jealousy-provoking»), отдающиеся любовным экстазам [5, с. 154]. В книге «Белая Богиня» Роберт Грейвс пишет о том, что кошка часто фигурирует в валлийских поэмах и ирландских сагах. Кошки, как свиньи и волчицы, считаются животными Богини Луны. Причину этому Роберт Грейвс объясняет следующим образом: «У кошек глаза тоже светятся в темноте, они питаются мышами (символ чумы), открыто совокупляются и бесшумно передвигаются, они плодovиты, но пожирают свое потомство, и цвет шерсти у них самый разный, как у луны, от белого до рыжего и черного» [1, с. 283].

Краткий анализ интерпретации женских персонажей кельтской мифологии в произведениях Роберта Грейвса показал, что именно кельтская мифология оказала наибольшее влияние на художественное творчество Роберта Грейвса. Использование женских персонажей из кельтской мифологии в работах Роберта Грейвса в большинстве случаев служит для отображения матриархальной стадии развития общества, а с другой, согласно его теории генезиса «исторической грамматики поэтической мифологии», времени, когда власть находилась полностью в руках Белой Богини, выступающей в различных ипостасях, т.е. она была и Богиней-Луной, и Великой Матерью, и Тройственной Богиней, и, наконец, Богиней-Праматерью, и Музой, и Богиней Любви, которые были наделены нескончаемой силой и властью.

Таким образом, в мифологических произведениях Роберта Грейвса мы видим присутствие образов женских мифоперсонажей кельтской мифологии, которые оригинально интерпретированы автором.

Список использованных источников:

1. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии; [пер. с англ. Л.И. Володарской]. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 656 с.
2. Козлов А.С. Литературоведение Англии и США XX века. М.: Московский лицей, 2004. 256 с.
3. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. / [гл. ред. С.А. Токарев]. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1991. Т. 1. 71 с.: ил.179.
4. Шадрин Т.В. Кембриджская школа в литературоведении Англии: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2002. 210 с.
5. Graves R. Poems Selected by Himself. Edinburgh: Penguin Books, 1966. 22 p.
6. Smeds J. Statement and Story. Robert Graves's Myth-making. Åbo: Akad., 1997. XV, 341 p.

УДК 81'255.2

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ИГРЫ СЛОВ: ПЕРЕВОД ОДНОГО КАЛАМБУРА В «ПОВЕЛИТЕЛЕ МУХ» У. ГОЛДИНГА

А. В. Дзюба,

аспирант, преподаватель кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В настоящем докладе анализируются уже существующие переводы игры слов «*asthma/ass-mar*» из произведения У. Голдинга «Повелитель мух» на разные европейские языки, а также предлагаются три новых варианта перевода данного каламбура на русский язык.

Ключевые слова: игра слов, каламбур, Уильям Голдинг, «Повелитель мух», перевод, художественный перевод.

Summary. This paper provides analysis of the existing translations of W. Golding's pun «*asthma/ass-mar*» from «The lord of the flies» into different European languages. Three new Russian versions of this pun are proposed.

Key words: pun, wordplay, William Golding, Lord of the flies, translation, literary translation

Игра слов по праву является одним из самых сложных для адекватного перевода экспрессивных приемов. В то же время считается, что переводчик, делая примечание о «непереводимой игре слов», тем самым признается в своем бессилии [3, с. 199]. Переводу игры слов посвящено много работ и статей, в том числе, например, уже ставшие хрестоматийными главы из «Непереводимого в переводе» С. Флорина и С. Влахова [2, с. 311–339], и пособия «Романские языки: общие и лексические вопросы» В. С. Виноградова [1, с. 201–218]. При этом, на наш взгляд, каждый авторский остроумный каламбур зачастую представляет собой нечто особенное, не соответствующее стандартным шаблонам и, поэтому, требует индивидуального подхода при переводе.

В данной статье мы рассматриваем возможные варианты перевода одного каламбура, встречающегося в произведении У. Голдинга «Повелитель мух». Этот роман, один из признанных шедевров мировой литературы, на наш взгляд, к сожалению, был переведен не совсем адекватно на русский язык (в целом, об оценке перевода этого романа см. [6]).

Точно так же не вполне адекватно переведен рассматриваемый нами каламбур «*asthma/ass-mar*», встречающийся уже в первой главе романа. Во время диалога между Хрюшей и Ральфом, первый признается в том, что у него *астма* (*asthma*), на что Ральф переспрашивает *ass-mar*? (*царапина на заднице*):

англ. “My auntie told me not to run,” рус. – Мне моя тетя не велела
he explained, “on account of my бегать, – объяснил он, – потому что
asthma.” у меня *астма*.

“*Ass-mar*?” [11, с. 4] – *Ассы-ма-какассима?* [4, с. 4]

Хрюша, не понимая, что над ним посмеялись, говорит: «Да, астма», и разговор продолжается. В русском же переводе, выполненном Е. Суриц, мы видим реплику Ральфа «*Ассы-ма-какассима*», которая не только не имеет смысла, но и вызывает удивление у читателя, и должна была бы удивить Хрюшу, однако он, как ни в чем не бывало, продолжает диалог.

Для проверки потенциальной «непереводимости» этого каламбура нами были проанализированы переводы данного фрагмента на разные европейские языки. Так, в испанском (переводчик Кармен Вергара) и португальском (пер. Жералдо Калвао Ферраш) вариантах Ральф просто переспрашивает у Хрюши непонятное ему слово «*астма*»:

исп. – Mi tía me ha dicho que no debo correr – explicó –, por el *asma*. порт. – Minha tia disse-me para não correr – explicou. – É por causa da minha *asma*.

– *¿Asma?* [7, с. 5]

– *Asma?* [12, с. 13]

В польском (пер. Вацлав Непокульчицки) и французском (пер. Л. Транек-Дюбле) переводах слово *астма* уже раскладывается на «*ас... что?*» (возможно, переводчику на русский язык стоило принять хотя бы такое решение, а не выдумывать «какассыму»):

пол. – Ciocia mi nie pozwala biegać – wyjanił – ze względu na moją *astmę*. фр. – Ma tante m'a dit de ne jamais courir, expliqua-t-il. Rapport à mon *asthme*.

– *As... co?* [14, с. 4]

– *Топ as... quoi?* [13, с. 5]

В переводе на немецкий (пер. Херманн Штиль) вопросительная реплика Ральфа полностью игнорируется, а вот в румынском варианте (пер. Константин Попеску) возникает попытка разложить слово «*astmă*» на элементы «*aşa*» (*так*) и «*mă*» (*меня*). Подобное разложение сложно назвать игрой слов, но все же оно, хотя бы, передает удивление Ральфа незнакомому слову и попытку хоть как-то его осмыслить:

нем. »Meine Tante hat immer gesagt, ich soll nicht so rennen«, schnaufte er, »wegen meinem *Asthma* [8, с. 11]. рум. – Mătuşica mi mi-a spus să nu fug, fiindcă sufăr de *astmă*, explică el.

Ответ Ральфа отсутствует в переводе — *Aşa, mă?* [10, с.7]

В результате оказалось, что единственными переводами, попытавшимися передать игру слов оригинала оказались украинский (пер. Соломия Павлычко) и итальянский (пер. Филиппо Донини):

укр. – Тітуся заборонила мені бігати, – пояснив він. – через *дихавицю*. ит. «Mia zia m'ha detto di non correre,» spiegò, «per via della *mia asma*.»

- *Дихавицю-здихавицю?* [5, с.13] «*Miasma?*» [9, с. 8]

В украинском переводе используется рифмовка, которая формально напоминает русскую «*ассыму-кака-ссыму*», но при этом является вполне логичной и понятной. Возможно, стоило оставить в ответе Ральфа только «*здихавицю*» для большей естественности, ввиду того, что Хрюша говорит «*через дихавицю*».

Итальянская версия, в свою очередь, дает следующее: *mia asma* (*моя астма*)/*miasma* (*вонь*). Таким образом, здесь удастся передать и шутку Ральфа, незнакомым со словом «*астма*», и созвучие двух реплик, а также не вызывает удивление реакция Хрюши, не заметившего комичную трактовку «его *астмы*».

Принимая итальянский перевод за возможный достижимый идеал, в русском варианте мы должны стремиться сохранить три элемента: 1) созвучие, 2) естественность ответа и 3) шутливый характер интерпретации Ральфа. При этом, скорее всего, придется пожертвовать

исходной структурой каламбурного слова *ass-mar* в оригинале, представляющего собой контаминацию *ass* и *mar*.

Учитывая вышесказанное, нами предлагаются три возможных варианта перевода рассматриваемого каламбура на русский язык:

Вариант 1. – Моя тетушка велела мне не бегать. – Объяснил он. – Просто я *астматик*.

– *Маразматик?*

Здесь мы сохраняем рифму и комизм ответа, однако спорным может показаться вопрос об осведомленности Ральфа в слове «маразматик», которое для ребенка может быть таким же непонятным, как и лексема «астматик». Игра слов, таким образом, заменена рифмованным созвучием, приемом, обладающим схожим с игрой слов потенциалом.

Вариант 2. – У меня астма. *Болею*.

– *Блеешь?*

Здесь мы, возможно, сохраняем все необходимое, и подобный юмор выглядит более «детским» и подходящим к ситуации, чем в вар.1. При этом не возникает вопросов к естественности реакции Хрюши, и нет такого глубокого фонетического расхождения как в случае *астматик/маразматик*.

Вариант 3. – Меня астма *мучит*.

– *Пучит?*

Этот вариант еще более соответствует ситуации. Фонемы [м] и [п] одинаковы по месту образования, а само слово «*пучит*» соответствует юношескому характеру диалога, тем более в оригинале мы имеем обыгрывание лексемы «*ass*». Подобный выбор можно обосновать так же тем, что итальянское «*miasma*» входит в эту же лексико-семантическую группу.

Именно этот вариант перевода представляется нам наиболее адекватным в данном контексте. В дальнейшем в романе встречается, как минимум, одна отсылка к этой сцене и это «*пучит*» может вполне к месту использоваться и там.

Вполне вероятно, что можно найти еще более удачный вариант перевода этого непростого каламбура, с которым не смогли справиться многие профессиональные переводчики на разные европейские языки. Возможно, поиску соответствующего каламбура на своем языке помешали сроки сдачи перевода, или же были другие объективные причины для того, чтобы отказаться от передачи игры слов оригинала, однако опыт показывал, что для создания хотя бы близкого адекватного соответствия требуется не так много времени.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Романские языки: общие и лексические вопросы. М.: ИД КДУ, 2014. 238 с.
2. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Р.Валент, 2012. 406 с.

3. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2007. 592 с.
4. Голдинг У. Повелитель мух. М.: АСТ, 2009. 352 с.
5. Голдинг В. Володар мух. Киев: Основы, 2000. 253 с.
6. Дзюба А. В. К вопросу об адекватности перевода «Повелителя мух» У. Голдинга на русский язык // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Международный сборник научных статей. – Вып. 5. Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2015. С. 70-76.
7. Golding W. El señor de las moscas. Madrid: Alianza Editorial, 1978. 236 с.
8. Golding W. Herr der Fliegen. Frankfurt-am-Mein: S. Fischer Verlag, 1956. 268 с.
9. Golding W. Il signore delle mosche. Milano: Arnoldo Modadori Editore, 1980. 240 с.
10. Golding W. Împăratul muștelor. Humanitas, 2013. 236 с.
11. Golding W. Lord of the Flies. New York: Penguin Groups, 2014. 336 с.
12. Golding W. O senhor das moscas. Rio de Janeiro: Nova Fronteira Participações, 2011. 258 с.
13. Golding W. Sa Majesté des Mouches. Paris: Gallimard, 1978. 246 с.
14. Golding W. Władca Much. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 2012. 256 с.

УДК 81-25

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
И ИДИОМА СКОТС В РЕЧИ ШОТЛАНДСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Н. М. Евстафьева,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация: в данной статье обобщаются результаты социолингвистических исследований речи шотландской молодежи, носителей традиционных и городских диалектов скотс, приводятся данные макросоциолингвистического анализа распределения английского языка и идиома скотс по двум функциональным сферам, официальной и неофициальной, обобщенным по критерию степени подготовленности высказывания. Доминирование английского языка и функциональная ограниченность разговорных диалектов скотс объясняется влиянием факторов социального и ситуативного порядка, в частности, отношением говорящего к используемым языкам, которое формируется под воздействием социального окружения и корректируется в образовательных учреждениях. Выделяются такие функции элементов скотс как 1) поддержание неформального тона общения; 2) выражение национальной идентичности 3) создание образа маскулинности и групповой солидарности.

Ключевые слова: шотландский английский, скотс, язык молодежи, функциональная сфера, функции языка, контакт языков

Summary. The article summarizes results of previous sociolinguistic work on speech of adolescents and young adults from Scotland, being exposed to speech practices, comprising varieties of Scottish English, urban and rural dialectal forms. Functional distribution of English and Scots is investigated on the macrosociolinguistic level, whereas functional domains are distinguished based on the degree of formality of context and separated into official and unofficial domains that correspond with institutional and personal discourses. Prevalence of English and functional restriction of spoken Scots is explained through social and contextual reasons, namely through attitudes of speakers towards both language varieties, that is influenced by social surrounding and standardizing practices of school education. Such functions of spoken Scots in the speech of Scottish youth as maintaining informal tone of communication, expressing national identity as well as constructing masculinity and group solidarity are distinguished.

Key words: Scottish English, spoken Scots, youth speech, functional domain, functions of language, languages in contact

Одним из главных условий, во многом определяющим существование языка, является его возможность служить средством общения людей. Как справедливо отмечает Э. Косериу язык «синхронизирован» с говорящими, его историчность совпадает с историчностью говорящих и для того, чтобы продолжать функционировать, язык должен изменяться [1]. Истории известны примеры превращения литературного языка в код при прекращении его использования в речи сообщества. В функциональном отношении языки редко бывают равноправными, на что указывает Н. Б. Мечковская. Наиболее типичными являются несбалансированные языковые ситуации с различными сферами использования нескольких языков или подсистем одного языка [4].

Причины отказа от использования языка или изменения в его функционировании часто обуславливаются внешними, в том числе социальными и ситуативными факторами. Данное положение получило экспериментальное подтверждение в классических социолингвистических исследованиях (У. Вайнрайх, У. Лабов, Р. Маколей) и продолжает последовательно развиваться в русле отечественной школы социофонетики и фоностилистики (А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Т. В. Бридко, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, А. В. Пономарева, Ю. Б. Федотова Д. М. Храбскова).

Рассматривая механизм контакта языков в речи двуязычного индивида, У. Вайнрайх отмечает, что одним из наиболее важных аспектов, определяющих степень использования языка, а также его доминирование над другим языком, является вопрос о том, как относится данный двуязычный индивид к каждому из своих двух языков. Отношение индивида к используемым языкам формируется под воздействием его социального окружения, в частности, корректируется в образовательных учреждениях, которые «защищают» литературный язык, препятствуя

проявлениям интерференции, а также последовательно имплементируют официальную языковую политику государства [1, с. 131–132]. А. Нихтинен отмечает, что социальный престиж обуславливает функционирование стандартного шотландского варианта английского языка как произносительной и литературной нормы, используемой на всех уровнях государственного управления, в средствах массовой информации, а также в области образования. Исключение языка скотс из системы образования отрицательно воздействует на его социальный статус [12, с. 71].

Ученые рассматривают проблему определения сфер использования языка с различной степенью детализации и обобщения. С одной стороны, можно выделить множество сфер использования языка, к примеру, вслед за Г. Рор-Шмидтом, указать на такие сферы, как семья, место для детских игр, школа (с ее подразделениями), церковь, литература, печать, армия, суд, управление [13, с. 183]. С другой стороны, все сферы использования языка сводятся на основании критерия степени подготовленности высказывания к двум категориям официального и неофициального общения (Л. В. Щерба, А. Д. Петренко).

Коммуникативные подсистемы сосуществуют в условиях взаимопроницаемого функционального распределения, при этом недостаток функциональных возможностей одного языка компенсируется за счет средств другого языка. О. Б. Йокояма отмечает, что при переключении кода говорящий осуществляет выбор между синонимичными альтернативами, определенной дискурсивной ситуацией, отношениями между коммуникантами и самой их личностью, социальной, когнитивной и психологической. Данный выбор не всегда осознается говорящим, что отнюдь не исключает системность в процессе переключения с одного кода на другой [3].

Данные ряда социолингвистических исследований (R. Macaulay 1978; R. Lawson 2013; J. Stuart-Smith 1998-2015; O. Schuetzler 2011; Н. М. Евстафьева 2017) свидетельствуют, что речь молодежи наиболее крупных городских сообществ Шотландии в официальном и неофициальных сферах реализуется преимущественно в регистре английского языка и содержит элементы языка скотс. В терминологии П. Мэйскен [11] данный процесс обозначается как смешение кодов (code-mixing), т.е. использование элементов различных языков внутри одного предложения. На макроуровне отмечается преобладание английского языка в официальной и неофициальной (более 90% согласно данным Scottish Census 2011) сферах, при этом разговорными формами идиома скотс владеет 30% населения Шотландии (1,5 млн. чел.).

В крупнейшем городе Шотландии, г. Глазго, скотс преимущественно ассоциируется у местных жителей со сленгом [10]. В исследовании Дж. Стюарт–Смит обнаружено, что произношение подростков рабочего класса наиболее приближено к регистру городского диалекта скотс [14]. Изучение особенностей речи молодежи г. Глазго 16-24 лет в видеоблогах [2]

также показало, что лексические элементы городского диалекта наиболее часто используются в эмфатических выражениях, а также при вторичной номинации объектов (общеразговорный сленг). Скотс реализуется в эмфатических выражениях *anno, anno* (I know, I know), *am no* (am not), *tru?* (really?), *baltic* (cold), в фразе, характеризующих неформальное общение: *awrite* (allright, hi), *youse* (pl. you), *ginger* (carbonated drink), *gutties* (shoes), *differ* (remote controller). Кроме того, отмечено использование скотс для выражения этнической принадлежности и национальной идентичности говорящего.

В речи молодых шотландцев, потомков носителей традиционных диалектов, таких как диалект рыбацкого сообщества г. Питерхед в области Абердиншир (R. McColl Millar 2010) и диалект Шетландских островов (J. Smith, M. Durham 2012) сокращается использование диалектных форм. М. Дурхем указывает на поляризацию отношения подростков 13-16 лет к местному диалекту Шетландских островов, однако элементы скотс продолжают использоваться в молодежной среде при общении в социальных сетях и в процессе обмена текстовыми сообщениями [9, с. 314].

В ряде исследований (R. Lawson 2013; R. Macaulay 2005; V. Jones 2012, Н. М. Евстафьева 2017) имеются сведения о социальной маркированности лексических единиц скотс, а также об использовании некоторых из них для создания образа маскулинности и выражения солидарности в группе, на что указывает предпочтение использования формы *awrite* в однородном сообществе представителей мужского пола и смена приветствия при обращении к представителям женского пола [2]. Б. Джонз отмечает, что элемент скотс *ye ken* чаще используется представителями старшего поколения, представителями мужского пола, а также лицами, проживающими в сельской местности, в то время как его английский эквивалент *you know* используется представителями молодого поколения, лицами женского пола, а также городскими жителями [8].

Подводя итог текущего анализа особенностей функционального распределения единиц английского языка и идиома скотс в речи шотландской молодежи, следует отметить, что вышеперечисленные явления, зафиксированные учеными на произносительном и лексическом уровне англо-шотландского языкового континуума несмотря на определенную степень разрозненности и фрагментарности все же позволяют получить общее представление о тесной взаимосвязи двух близкородственных языков в речи данного сообщества.

Как в крупных городах, так и в областях распространения традиционных диалектов, прослеживается доминирование английского языка в официальной и неофициальной сферах. Несмотря на это, скотс, точнее отдельные его элементы, по-прежнему продолжает функционировать. Некоторые слова, такие как *aye* (да), *ken* (знать), *outwith* (снаружи), *aboot* (о чем-л.), *awrite* (итак), *bonny* (красивый), *youse* (вы, мн. ч.), прочно входят в повседневную разговорную речь шотландской

молодежи. Довольно обширную часть лексики составляет местный сленг: в г. Глазго молодежь использует в речи такие лексические единицы как *ginger* (сладкий газированный напиток), *gutties* (туфли), *differ* (дистанционный пульт управления). Кроме того, скотс по-разному используется представителями различных социальных групп, а также участвует в создании образа маскулинности и групповой солидарности.

Элементы скотс, обозначаемые в терминологии А. Эйткена [6] как «выраженные шотландизмы» (*overt Scotticisms*), служат для манифестации национальной идентичности и используются преднамеренно. К данной лексической группе Р. Миллар относит слово *dreich* (ужасный, серый монотонный) [9, с. 242]. Отдельную группу составляют «невыраженные шотландизмы» (*covert Scotticisms*), о региональной маркированности которых говорящим ничего неизвестно. Примером данной категории, согласно Р. Миллару, является слово *porseye* (разновидность отрезанной части мяса для стейка).

Функциональная ограниченность языка скотс в речи шотландской молодежи представляется весьма очевидной, и при сохранении современной языковой ситуации текущая тенденция может со временем усилиться.

Список использованных источников

1. Вайнрайх У., Жлуктенко Ю. А., Ярцева В. Н. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. К.: Вища Школа, 1979. 230 с.
2. Евстафьева Н. М. Социолингвистический аспект функционирования английского языка в Шотландии (на материале речи молодежи г. Глазго): дисс. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2017. 249 с.
3. Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
4. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика 2-е изд. М., 2000. 208 с.
5. Петренко А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / А. Д. Петренко, М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, К. А. Мележик, Т. В. Бридко, А. В. Пономарева, К. Г. Иштоян. Монография под общ. ред. проф. А. Д. Петренко. М.: Перо, 2015. 491 с.
6. Aitken A. Scottish English. // Tom McArthur (ed.) The Oxford Companion to the English Language, 903-5. Oxford: Oxford University Press, 1992.
7. Hance M. Inching forward—the development of language policy in devolved Scotland// Dialect. Two Days Conference & Public Debate on the Development of the Shetland Dialect. 2004. P. 35-37.
8. Jones B. E. “Ye Ken Fine Wha I Mean”: Variation Between YOU KNOW and YE KEN in Scottish Varieties of English: M. A. thesis. The University of New Mexico. – Albuquerque, New Mexico, 2012. 105 p.
9. Lawson R. Sociolinguistics in Scotland. Palgrave Macmillan, 2014. 358 p.

10. Menzies J. An Investigation of Attitudes to Scots and Glasgow dialect among secondary school pupils // *Scottish Language*, 1991. P. 30–46.
11. Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge University Press, 2000. – Т. 11.
12. Nihtinen, A. Scotland's Linguistic Past and Present: Paradoxes and Consequences. Department of Nordic History, Åbo Akademi, 2012. P.118-137.
13. Schmidt-Rohr G. *Die Sprache als Bildnerin der Völker* // *Schriften der Deutschen Akademie* 12. Jena, 1932.
14. Stuart-Smith J. Tweedie F. *Accent change in Glaswegian: A sociophonetic investigation* // Final Report to the Leverhulme Trust (Grant no. F/179/AX). 2000.

УДК 81.272

**LINGUISTIC MEANS OF CREATING AN IMAGE
IN ENGLISH-SPEAKING MEDIA
(THE IMAGE OF THE DUCHESS OF CAMBRIDGE)**

E. O. Zhukova,

*a third year student of Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

E. N. Mazina,

*candidate of Philology, Associate professor, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация: Основной целью исследования является определение языковых средств, используемых для создания образа знаменитости в средствах массовой информации. В статье рассматривается понятие «образ», его структура и функции, а также средства создания образа герцогини Кембриджа в англоязычных СМИ. Такие журналы, как «ELLE», «People», «OK», «Star», «Style», «Woman's day», «Life and Style», «Hello» послужили в качестве исследовательского материала (общее количество текстовых фрагментов -120).

Ключевые слова: имидж, имиджелогия, герцогиня Кембриджская

Nowadays mass media has become not only a source of necessary information, but also a means of making an impact on the minds of people, shaping up their way of thinking. The novelty of the present study consists in the analysis of various linguistic tools used to create the image of the Duchess of Cambridge, which has not been explored so far. Little attention has also been paid to the means of creating an image.

Summary: The main purpose of the research is to determine the linguistic means used to create an image of celebrity in the mass media. The article studies the «image» concept, its structure and functions, as well as the main means of creating an image of the Duchess of Cambridge in English-speaking media. Such magazines as «ELLE», «People», «OK», «Star», «Style», «Woman's day», «Life and Style», «Hello» served as a research material (the total number of text fragments is 120).

Key words: image, imageology (image making), Duchess of Cambridge.

In this article, we present the preliminary results of the study aimed at exploration of the «image» concept, determination of its structure and function, and identification of the means, which are used to create an image. The major goal of this study is to -order the notions about the essence of image, as well as to create own algorithm of analysis of an image evaluation in the English-speaking media.

To reach the goal of the study, the following methods were used: the descriptive method was applied to assess and describe the character and behaviour of the Duchess of Cambridge, the comparative method, which was used in order to juxtapose the images of the Duchess of Cambridge and Princess of Diana Wales, as well as the method of continuous sampling, the aim of which was to select the contexts that contain any information about the studied subject.

Currently, a lot of attention is paid by different scholars to various aspects of imageology due to the impact, which an image has on the professional and personal life of a person. However, the definition of the image itself is not clear-cut, and linguistic mechanisms for creating an image also require careful research. For these purposes, it is important to define the «image» concept.

According to the Oxford Dictionary, «image» is a noun that has such meanings:

1. A representation of the external form of a person or thing in art.
2. A visible impression obtained by a camera, telescope, microscope, or other device, or displayed on a computer or video screen.
3. An optical appearance or counterpart produced by light from an object reflected in a mirror or refracted through a lens.
4. Mathematics. A point or set formed by mapping from another point or set.
5. Computing. An exact copy of a computer's hard disk, made for backing up data or setting up new machines.
6. A mental representation or idea.
7. [in singular] A person or thing that closely resembles another.
8. [in singular] Semblance or likeness:
9. (in biblical use) an idol.
10. The general impression that a person, organization, or product presents to the public.
11. A simile or metaphor [7].

The semantics of the word shows that the term «image» is not only the concept of representation of a person or thing in art, but it also has such important meanings as an idol, a metaphor, and the general impression that a person, organization, or product presents to the public.

The image does not always show the real character of a person, as it is the result of conscious work of image-makers. It ascribes a person or a phenomenon certain properties and characteristics that are not peculiar to them.

Factors that depend on the personality characteristics of the image bearer are divided into external and internal.

According to R. B. Kvesko and S. B. Kvesko, external factors of personal (personal) image are:

- General physical data
- The face
- Figure
- Clothing
- Well-groomed hands, hair, etc.
- Oral and written language
- Manners
- Facial expressions
- The tone of voice
- Movements

Often, external image is the result of matching the person to the conventional representation of ideal beauty.

Internal factors include:

- Intelligent personality traits
- Sociability
- Ability to understand and feel the other person's problem – empathy
- An ability to show themselves in society [1, p.53-54].

Language has a great influence on people and determines the actions and behaviour of people, not only at the interpersonal but also at the public (up to the governmental) levels. That is why the language of media can be a weapon causing both harm and benefit.

To create the image of a famous person, the media uses the description of psychological and social characteristics of the individual, and by these means affects the audience.

The object of the present research is the image of Catherine Elizabeth Middleton – the Duchess of Cambridge, a woman without any title who has become part of the British Royal Family.

The importance of the Royal Family for the British people is undeniable. For these people their monarchs are a moral standard and an example to follow. Mass media is sure to play an important role in forming the image of the Royal aristocracy, including Kate Middleton, who has recently joined the Royal Family. Numerous British magazines use a variety of linguistic tools in order to display personal characteristics of the Duchess of Cambridge.

In one of the first publications about the future wife of William, Kate was described as «privileged, but not snobbish» [10, p. 122]. These words express the whole essence of public attitudes to Kate in the early years of her occurrence in the life of the royal Family. Not taken seriously, she was considered the next passion of Prince.

However, after a few years, the public got used to the presence of Kate in William's life and everyone waited for the Royal wedding. Naturally, mass media could not stay away, and this topic was discussed quite often. For example, the newspaper «The Mail on Sunday» published an article with the headline: «Will's

lady in wed» [6, p. 13], which referred to the wedding of their friends Emily and David Jardine D'Erlanger -Paterson. The author used the word «wed», which means to marry, instead of the expected noun «red», because Kate was in a red dress at the ceremony. This pun allowed to attract more attention to the subject and simultaneously represented Kate in an unfavorable light.

Finally, William proposed marriage to Kate, and this event made the whole country happy for Catherine. Various magazine and newspaper articles were full of bright and enthusiastic headlines. For instance, «People» dated from 29th of November, 2010 wrote: «They're Engaged! At last!».

Mass media is well aware that the origin is one of the most important components of the social characteristics of a celebrity. The whole country was interested in the family relations of William's future wife. Such information was published in the «Vanity fair» magazine in April 2011. To describe Catherine's parents, mass media used words and phrases with positive connotation; for example, in this article the mother is characterized with words like: «fun», «young in spirit», «great entertainer», and her father is described as «handsome man», «most comfortable in his country casuals», «he is never happier than when he is with his family» [11, p. 150].

Love relationships play an important role in creating the image of a celebrity, as by his/her attitude to love affairs people appreciate the famous person. That is why William and Kate's the relationships were discussed virtually by the entire British press. The magazine «Hello», for instance, wrote: «William and Kate spent almost more time gazing at each other than at the artists» [5, p. 49]. These lines show that the couple is really engrossed in each other and dismiss rumors about their forced marriage or a marriage without love.

The character of a celebrity can also affect the creation of his/her image. Personality traits of celebrities can be manifested in their attitude toward other people. Kate is a very open and empathic person. The newspaper «Daily Mail» published an article under the headline: «The day Kate became the Duchess of Hugs», which illustrates Kate's reaction to the boy's request to hug him: «When she saw him gesturing, she opened her arms and asked: Am I going to get a cuddle as well?» [8, p. 7]. «Without a second thought, she then leant over the steel barrier and embraced him» [8, p. 7]. The article shows Kate's incredible kindness and her attitude towards ordinary people.

Catherine's appearance also attracts particular media attention because often the external image is the result of comparing the person's looks and generally accepted ideas about perfect beauty. The magazine «Daily Express» published an article «Kate, the beauty queen», where the Duchess was named «the most naturally beautiful woman in Britain» [2, p. 8]. To create this image many expressions with positive connotations were used in the article, for example: «glossy chestnut locks», «bouncy curls», «well-groomed fuller eyebrows» [2, p. 8]. Besides, the Duchess is often characterized metaphorically through analogy with a beautiful flower: «a true English rose» [9, p. 1].

It is quite natural that the public love has only increased since the announcement of Catherine's imminent motherhood. She became a woman, who was going to give a new heir to the throne of England. «Hello» magazine posted the cover photo of a pregnant Kate signed «Kate Shines. The smile that shows she's ready to be a mum» [4, p. 1].

The comparison of Kate Middleton and Diana Spencer, William's mother, also affects the image of Kate.

Even when Kate was not the wife of the prince William of Wales, Duke of Cambridge, the similarity between Diana and the future wife of her son in their choice of dresses was constantly the subject of media discussion: «After seven years of dating and will-they, won't-they speculation, it was a headlong step into the glare of the spotlight. But that will be nothing compared with the scrutiny she'll undergo in the run-up to the wedding and the comparisons to the photogenic legend who would have been her mother-in-law especially when it comes to style» [3, p. 168]. These words written in the magazine issue «Harper's Bazaar UK», incredibly accurately determine what will happen to the future Duchess of Cambridge.

The images of Kate and Diana have been compared both in the aspect of their external as well as internal characteristics. Both elegant and beautiful princesses in the framework of their time. This comparison was used by the media to draw attention to Catherine. For example, to awaken a particular interest in the wedding of William and Kate, the magazine «OK!» published a photo of the newlyweds on the cover with the inscription: «William and Kate invite you to a wedding just like Diana's!» [12, p. 1].

Thus, the mass media applies both linguistic and extralinguistic means to create the image of the Duchess of Cambridge. The linguistic ones include the usage of lexical units with a positive evaluative meaning and tropes (metaphors, play on words, etc.). They are used, for the most part, with reference to the appearance of the Duchess, her clothing and character. The main extralinguistic means is Catherine's characterization through analogy with Princess Diana. The fact that Kate reminds British people of their deeply beloved Diana helps to make her image even more attractive.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Квеско Р. Б. Имиджелогия: учебное пособие. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. 253 с.
2. Chalk Natalie. Kate, the beauty queen // Daily express. 25.10.2012. P. 8.
3. Kate & Di. Princesses with style // Harper's Bazaar UK. 12.01.2011. P. 168.
4. Kate shines // Hello. 3.06.2013. P. 1.
5. Lacroix Natalie. Everyone loves William and Kate // Hello. 11.07.2011. P. 49.
6. Macfarlane Jo. Will's lady in wed // The Mail on Sunday. 18.04.2010. P. 13.
7. Oxford Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/image> (дата обращения 13.12.16).
8. Sims Paul. The day Kate became the Duchess of Hugs // Daily Mail. 11.10.2012. P. 7.

9. The Duchess of Cambridge is an English rose in pink for World Mental Health Day // Hello. 10.10. 2016. P.1.
10. The girl who would be princess? // People. 17.10.2005. P. 122.
11. Will and Kate's new life // Vanity fair. 09.04.2011. P. 150.
12. William and Kate invite you to a wedding just like Diana's! // ОК! 21.06.2010. P.1.

УДК 811.11'25

**ТЕРМИН КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА
И СТРАТЕГИИ ЕГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. Ю. Демченко,

студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть понятие «термин» как основную единицу терминологической системы, а также проанализировать особенности его функционирования в экономической терминологии немецкого языка. Определение специфики перевода специальных текстов позволяет установить конституирующие свойства термина и его особенности номинации в сфере профессионального общения. С применением принципов лингвистической теории перевода проанализированы стратегии перевода экономической терминологии с немецкого языка на русский язык.

Ключевые слова: термин, экономический термин, перевод, переводческие трансформации.

Summary. The aim of the article is to consider a term as a basic unit of the terminological system as well as specificity of its functioning in the economic terminology of the German language. The analysis of the specific characteristics of special texts translation helps to define the main constituting properties of a term and its ways of nomination in the professional sphere of communication. Having used the linguistic principle of translation, key strategies of economic terminology translation are pointed out.

Key words: term, economic term, translation, transformations.

Экономика как особый вид бытия обладает своим собственным сложным и многоаспектным понятийным аппаратом, в котором отражается развитие соответствующей научной мысли. Система экономических понятий характеризуется единством, целостностью, иерархической

организацией элементов, очень неоднородных по содержанию и роли, которую они выполняют. Специфика экономики отражается в экономической терминологии.

Принципиальное условие для успешной межъязыковой и межкультурной коммуникации – это эквивалентность определений, в особенности в ведущих языках в области мировой экономики, таких как немецкий и русский языки. В немецком языке выделяются несколько направлений в исследовании экономической лексики, которые имеют разные обозначения: экономическая германистика (*Wirtschaftsgermanistik*) в работах Х. Зибенштейна, экономическая лингвистика (*Wirtschaftslinguistik*) у Э. Мессинга, экономический немецкий язык (*Wirtschaftsdeutsch*) в трудах Ф. Хебеля, Г. Вольфа, язык экономики (*Wirtschaftssprache*) использует М. Хундт [1, с. 3]. В нашей работе мы подробнее остановимся на анализе единиц экономической терминологии немецкого языка с точки зрения теории и практики перевода. А именно, учитывая лингвистический принцип перевода, остановимся на изучении особенностей информативного (специального) перевода. Специальный перевод – это перевод текстов научного, делового, общественно-политического, бытового и иного характера. Как отмечает М. Г. Зеленцова, «перевод специальных текстов, как и любых других, требует от переводчика не только достаточно глубокого знакомства с описываемыми в тексте явлениями, наличие определенной теоретической подготовки в области лингвистики, переводоведения, стилистики, но и подготовки в области терминоведения» [6, с. 380].

Основной единицей любой терминологии является «термин». Многочисленные попытки лингвистов сформулировать подходящее всем определениям понятие «термин» оказались несущественными из-за многогранности этого явления. В современной лингвистике можно выделить три подхода к изучению термина: 1) нормативный (Д. С. Лотте, А. А. Реформатский, В. А. Татаринев): термин – это лексическая единица определенного типа, обладающая особой семантической и грамматической структурой, которая отличает его от слов общелитературного языка; 2) дескриптивный (Г. О. Винокур, Б. Н. Головин, В. П. Даниленко, А. С. Герд): данный подход трактует термин как слово в особой функции и придает особое значение функционированию терминологических единиц; 3) концепция «языкового субстрата» (В. М. Лейчик, Ю. Н. Марчук) [2]. Концепция «языкового субстрата» утверждает, что между термином и словом существует тесная взаимосвязь, так как терминология рассматривается как важная составная часть лексики современных литературных языков. Поэтому сегодня дать четкое определение данному понятию сложно. Однако, учитывая наиболее конструктивные идеи отечественных и зарубежных лингвистов, мы в нашей статье разделяем точку зрения И. В. Перловой, которая вкладывает в него следующее содержание: «термин – это основная единица науки, специальной отрасли

знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [4, с. 48].

Экономический словарь современного немецкого языка имеет ряд особенностей, которые отражаются на языковом уровне, а значит в языке, на котором формируется специальная экономическая терминология. Элементы этой подсистемы имеют все признаки терминов, а именно: системность, точность, однозначность, дефинитивность, независимость от контекста, отсутствие синонимов, соответствие правилам и нормам конкретного языка, экспрессивная нейтральность. Специфика экономической терминологии состоит в том, что ее терминологический аппарат широко используют в речи не только специалисты, но и широкие слои населения. Поэтому знания предметной области переводимого текста, понимание терминов на немецком языке и владение способами их передачи на русский язык трудно переоценить.

Среди проблем перевода специальных текстов можно выделить проблему классификации лексики научно-технических текстов, а именно деление на: общенаучные термины, межотраслевые термины, узкоспециализированные термины, а также аббревиатуры и сокращения. Общенаучные термины употребляются практически во всех отраслевых терминологиях, приобретая при этом новое терминологическое значение. Например: у слов *Strategie, f, Konzept, n, Struktur, f* значения конкретизируются за счет образования в немецком языке сложных существительных, а на русский язык переводятся словосочетанием: *Geschäftsstrategie, f* – стратегия бизнеса, *Konzernstrategie, f* – стратегия концерна; *Kapitalstruktur, f* – структура капитала; *Bilanzstruktur, f* – структура баланса и др. Межотраслевые термины (термины функционирующие в нескольких отраслях науки) зачастую характеризуются многозначностью (хотя это противоречит основным характеристикам термина в целом), которая, в свою очередь, приводит к трудностям в понимании реалий экономической сферы конкретной отраслевой терминологии на конкретном языке. Так, *Amortisation, f, Depression, f, Humanisierung, f* и т.д.

Узкоспециализированные термины (характерные для определенной отрасли науки и техники). Для понимания их содержания необходимы более глубокие знания той науки, понятия которой они отображают. Например: *Betriebswirtschaftliche Auswertung* – производственно-экономический анализ; *Erlösschmälerungen* – снижение (уменьшение) выручки; *Bestandsveränderung* – изменение величины запасов и т.д. Переводчику очень важно помнить, что в лингвистике существуют попытки размежевания «профессионального языка» и «терминологии». Статус профессионализмов является сегодня достаточно сложным, они не стандартизированы, представляют собой вторичные наименования тех или иных явлений и часто выступают в качестве синонимов специальной

терминологии, что, конечно, не может не отразиться на восприятии подобных единиц в процессе перевода.

Особые трудности в любой терминологии представляют аббревиатуры и сокращения. Процесс сокращения является своеобразной реакцией языка на появление большого количества многокомпонентных терминологических сочетаний, например: *MwSt (Mehrwertsteuer)* – налог на добавленную стоимость, *IHK (Industrie und Handelskammer)* – торгово-промышленная палата; *die Aktiengesellschaft (AG)* – акционерное общество (АО), *das Aktiengesetz (AktG)* – закон об операциях с ценными бумагами; *Die Gewinn- und Verlustrechnung (GuV)* – расчет прибыли и убытков. Заметим, что и здесь наблюдается несколько вариантов сокращений: *Sie./Co – Kompanie* – компания [5].

Стоит заметить, что и сам процесс перевода может способствовать появлению «новых» терминов в результате поиска эквивалента безэквивалентному термину оригинала на языке перевода. В большей степени это явление характерно для тех терминосистем, которые находятся в стадии формирования, и для их упорядочивания переводчики научной литературы пытаются связать национальные традиции языка перевода с мировым опытом. С точки зрения практики перевода можно выделить две группы терминов: 1) те, которые имеют соответствия (эквиваленты (по теории перевода)) в языке перевода; 2) те, которые (еще) не имеют соответствия в языке перевода (безэквивалентные единицы). Главный способ перевода эквивалентных терминов – поиск лексического соответствия в языке перевода. Оно обычно зафиксировано в словаре и точно отвечает значению данного слова. При переводе многозначных терминов переводчику необходимы навыки поиска адекватного для конкретной терминологии соответствия, точно отвечающего содержанию понятия. Поэтому переводчики как никто другой имеют возможность сравнивать терминологические эквиваленты языка оригинала и языка перевода. Так, большую группу составляют в немецкой экономической терминологии заимствования, где в составе немецкого термина есть компоненты латинского и германского происхождения. Например, *Lizenstätigkeit* – лицензионная деятельность и др. Однако наряду с таким терминам встречаются также его варианты с англоязычным компонентом вместо немецкого *Geschäftsstrategie*, f – «стратегия бизнеса» употребляется *Business-Strategie*, f, который уже переводится как «стратегия деловой деятельности»; *Mitarbeiterstruktur*, f используется и *Personalstruktur*, f в значении «структура персонала» и т.д. Возможно также вариативное наименование терминов внутри немецкой экономической терминологии: *Leistungsfähigkeit*, f или *Leistungsvermögen*, n в значении работоспособность; *Beschaffungskosten*, pl или *Aquisitionskosten*, pl – затраты на приобретение, закупку [3] и др. Самым распространенным способом перевода можно назвать калькирование, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего

языка: *Kreditmarkt*, *m* – кредитный рынок; *Grundkapital*, *n* – основной (уставной) капитал, *Bilanzanalyse*, *f* – балансовый анализ.

Среди лексико-семантических трансформаций, используемых при переводе терминов, можно отметить прием конкретизации: *Gesellschafter*, *n* – участник, учредитель, компаньон; *Gewerbe*, *n* – промысел, занятие; *Fustie* (pl.) – усушка, утруска; скидка за недоброкачественный товар; генерализации: *Güter* (pl.) – блага; товары; грузы. Среди лексико-грамматических – экспликацию (описательный способ), когда термин-слово исходного языка заменяется словосочетанием языка перевода: *Deckungsbeitrag*, *f* – отчисления на покрытие постоянных издержек, *Erwerbstätige*, *m, f* – лицо, имеющее самостоятельный заработок, доход; *Abschreibungsverfahren*, *n* – метод проведения амортизационных отчислений и др. Добавление (при переводе используются дополнительные лексические единицы для передачи имплицитных элементов содержания термина на языке перевода): *Einzelkaufmann*, *m* – частный предприниматель, *Lagerfähigkeit*, *f* – стабильность продукта при хранении; *Erwerbstätige*, *m, f* – работающий человек. В качестве реализации контекстуальной замены можно привести следующие примеры: *Buchführung*, *f* – ведение бухгалтерского учета, *Fremdkapital*, *n* – заемный капитал [5] и т.д.

Немецкий язык обладает потенциально безграничным словарным составом благодаря широким возможностям словообразования. Для осуществления качественного перевода специального текста необходимо выполнение, по крайней мере, таких условий: 1) переводчик должен хорошо ориентироваться в тематике тех текстов, которые он переводит, а это приходит с опытом; 2) избегать создания вариативных форм термина при существовании уже зафиксированных в терминологических словарях; 3) обращать внимание на понятийное содержание термина, отражающее экономические реалии изучаемого языка во избежание искажения его смысла.

Список использованных источников

1. Зарипова А. Н. Экономическая терминология в немецком, русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2004. Режим доступа URL : http://cheloveknauka.com/ekonomicheskaya-terminologiya-v-nemetskom-russkom-i-tatarskom-yazykah#ixzz4Xhedq0m1_ (дата обращения 10.01.2017)
2. Назаренко Н. А. Структурно-семантические и функциональные характеристики экономической терминологии (в рамках сегмента терминосферы «рыночная терминология»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 2005. Режим доступа: URL: <file:///D:/мой%20новые%20статьи%20и%20конференции%202015/диссеры/диссер%20рыночная%20экономика.pdf> (дата обращения 17.01.2017)
3. Менеджмент. Немецко-русский. Русско-немецкий словарь / Зиновьева А. Ф., Миляева Н. Н., Мешкова Л. А., Носова Р. А. М.: Р. Валент, 2004. 288 с.

4. Перлова И. В. К вопросу о переводе банковско-финансовой терминосистемы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2012. – №6 (45). – Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-bankovsko-finansovoy-terminosistemy> (дата обращения 13.01.2017)
5. Постникова Е. М. Business-Deutsch: Бизнес-курс немецкого языка. К.: А.С.К., 2005. 432 с.
6. Зеленцова М. Г. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах // Когнитивные основы экономического перевода (на материале терминологии менеджмента); материалы VIII Междунар. науч. конф., Челябинск, 20–22 апреля 2016 г. / отв. ред. Л. А. Нефедова. – Т. 1. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. С. 380–383.

УДК 811.111.42.25

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТ ПОНИМАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей восприятия англоязычной экономической терминологии в профессиональном языковом сознании с позиции когнитивной лингвистики и переводоведения. Впервые на основе британского и американского варианта английского языка и в результате детальному анализу специфики терминологической номинации, выявлена одна из характерных особенностей англоязычного экономического дискурса – межвариантная терминологическая номинация и определены ее предпосылки. Проанализированы 3 группы англо-американских межвариантных наименований, отражающие основное понятийно-терминологическое англоязычное пространство сферы экономики, влияющие в конечном итоге на поиск способа их перевода. Подобные межвариантные наименования помогут уточнить те национально-культурные различия вариантов английского языка, которые могут влиять на качество межкультурной коммуникации в целом и в экономической сфере в частности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, терминологическая номинация, экономический дискурс, межвариантная терминологическая номинация, национально-культурный компонент, перевод.

Summary. This article considers the peculiarities of English economic terminology perception in professional language comprehension from the stand point of cognitive linguistics, translation theory positions. On the basis of the British and American English standard varieties and as a result of detailed analysis of terminology nomination process a new phenomenon of English economic discourse named interviant terminological nomination is defined. Three groups of British-American interviant affecting the translation techniques are analyzed. Such interviant can specify those national and cultural differences of the given English variants that can influence the quality of intercultural communication as a whole and economic sphere in particular.

Key words: cognitive linguistics, terminological nomination, economic discourse, interviant terminological nomination, cultural component, translation.

Как известно, практическая переводческая деятельность требует постоянного саморазвития и совершенствования: для переводчика каждый новый текст – это стимул изучить новую предметную область, ознакомиться с последними направлениями развития и достижениями в той сфере науки, к которой принадлежит текст оригинала. «Для переводчика проблема материализации и понимания мысли имеет особый смысл, состоящий в том, что ему, в силу своей профессии, необходимо выполнять когнитивные операции более осмысленно, чем простому носителю языка. Если понимание информации человеком происходит чаще всего как восприятие, то для переводчика важен глубинный, истинный смысл, позволяющий ему адекватно представить полученное сообщение на другом языке» [6, с. 4]. Сегодня когнитивный подход к переводу приобретает особое значение с целью раскрытия сущности переводческого процесса, выявления основных закономерностей переводческих приемов, что позволяет перейти на качественно новый уровень осмысления перевода.

Известно, что исследователи выделяют два основных подхода к определению понятия «экономический дискурс»: 1) как система текстов, которые возникают под влиянием экстралингвистических, прагматических, социокультурных факторов и объединены одной тематикой; 2) как коммуникативное событие (с когнитивных позиций), как интегративная совокупность отдельных коммуникативных актов в сфере экономики, «в котором задействованы язык в его актуальном употреблении и ментальные процессы» [9, с. 3]. Необходимо отметить, что оба подхода имеют общую черту – экономический текст является доминантой экономического дискурса, который служит средством коммуникации в экономической сфере и имеет определенные особенности в зависимости от прагматики.

Язык англоязычного экономического дискурса отличается разнообразием не только грамматических форм, семантико-синтаксических структур сложных предложений, но и набором языковых средств, использованием экономической лексики, терминов, комбинации лексики разных жанров и т.д.

При переводе экономических текстов с английского языка на русский язык были отмечены трудности, которые связаны не столько с различиями в грамматике и экономической лексики, как с единицами, которые в данных текстах отражают особую специфику наименований реалий экономической сферы США и Великобритании. Дело в том, что одним из главных их трудностей заключалась в особом типе терминологического наименования, где главным являются различия в «британском и американском английском» [10]. Здесь речь идет не о вариативности терминологической системы, при которой восприятие одного и того же объекта обуславливает возникновение несколько его различных наименований, фиксируя различные его характерные признаки, и не о синонимии, и не о множественности терминологических обозначений одного и того же концепта. Стоит отметить, что применение вариантов терминов ограничено, поскольку они зачастую не являются взаимозаменяемыми в рамках одной терминосистемы.

В ходе анализа англоязычного экономического дискурса выявлены особые наименования, возникающие в процессе профессионально-научной деятельности, языковые формы которых, принадлежат к американскому английскому (далее – АЕ) или британскому английскому (далее – ВЕ). Такое явление предлагаем назвать межвариантная терминологическая номинация (термин введен нами). Данное явление имеет ряд специфических черт, обусловленных особенностями как английского языка в целом, так и особенностями номинации в экономической терминологии. Во-первых, на современном этапе развития английского языка его словарный состав в значительной степени пополняется не только за счет единиц специальных подязыков, а за счет разных форм номинации. В XXI веке в результате бурного развития наук, средств массовой информации наблюдается расширение старых и появление новых как областей, так и форм номинации. «В речевой деятельности в качестве основы акта номинации выступает сложное переплетение интенций говорящего и его личностных смыслов, так называемое индивидуальное смысловое задание говорящего. В соответствии с этим заданием и с учетом прагматических установок имяпорождающего субъекта проводится анализ именуемой ситуации, ее расчленение и детализации, выделения в ней отдельных фрагментов» [4, с. 37].

Одним из специфических способов номинативных процессов является терминотворчество. Проблема терминологической номинации еще недостаточно разработана, в основном ее рассматривают с общих позиций терминоведения, систематизируя основные положения, связанные с изучением термина. По мнению Ю. В. Сложеникиной, «терминологическая

номинация есть закрепление за специальным языковым знаком понятия-сигнификата, отражающего определенные признаки денотата – свойства, качества, отношения. ... Но поскольку каждый реальный предмет (в широком смысле слова) обладает набором как конкретных, так и предполагаемых его свойств, их фиксация в процессе терминотворчества (и дефинирования) может быть различной» [8, с. 226–227].

Во-вторых, наряду с общими принципами терминологической номинации, английский язык использует в сфере экономики внутренние языковые резервы в виде разных вариантов английского языка, в частности британского и американского английского. Как справедливо отмечает М. Н. Володина «понятийное содержание терминологической информации инвариантно, что, тем не менее, не означает ее независимости от языка, на котором эта информация выражается. Особенности информационно-языкового отражения у разных народов проявляются, прежде всего, в том, что в одном объекте нередко выделяются различные признаки терминологической номинации [3, с. 8]. Великобритании наряду с США имеют статус одних из самых сильных капиталистических держав мира. Однако Америка известна миру, как страна предпринимателей, где бизнес – это ежедневно развивающаяся сфера, которая основана на своих, отличных от других стран принципах и законах. Кроме этого экономическая наука сформировалась в Америке, где большинство научных направлений, школ, стратегий отражают американские реалии жизни, а значит, они отражаются и на выборе лексических единиц для ее описания. Например, в последнее время в экономическом лексиконе США появилось много новых слов-понятий и клише, постепенно вытесняющих общепринятую экономическую лексику. Сегодня необходимо отметить стремление отдельных авторов научных школ экономики США «заменить» своими терминами стиль экономической науки, что не может не породить обилия «новообразований» в области экономической лексики.

В-третьих, изменчивость внешней формы экономического понятия создает трудности восприятия слова как для носителей, так и для не-носителей языка. Так в составе подобных межвариантных наименований есть слова и выражения (фразеологизмы и идиомы), отражающие только экономические реалии США или Великобритании и не совпадают. По словам А. Паршина: «Языковое своеобразие любого текста, ориентированность его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими «фоновыми» знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой «воссоздано» на другом языке» [5, с. 5–7].

Все вышеперечисленные обстоятельства могут создать трудности и в межкультурной коммуникации. Применения адекватной стратегии и тактики перевода поможет их избежать. По словам А. Паршина: «перевод не предполагает создания тождественного текста и отсутствие тождества не может служить доказательством невозможности перевода» [5, с. 5–7].

На основе проведенного анализа англоязычного экономического дискурса можно выделить следующие группы межвариантных наименований. **В первой группе** – единицы, у которых внутренние формы тождественны по содержанию, но отличаются в плане выражения. Например: *местные налоги*: АЕ – local taxes; ВЕ – rates; *текущие расходы*: АЕ – operating costs; ВЕ – running expenses; *торговля/ продажа*: АЕ – handling; ВЕ – commerce; *менеджер по работе с кадрами\ персоналом*: АЕ – Human Resource Manager; ВЕ – Personnel manager и др. Как справедливо утверждает К.Я. Авербух: «если для общеупотребительной лексики варьирование знаковой формы возможно в пределах тождества этой формы самой себе, то для термина возможности варьирования плана выражения ограничены лишь способностью выразить то же самое понятие» [1, с. 38.]. Таким образом, инвариантом для двух и более терминов является понятие (концепт, сигнификат), которое они выражают. При переводе на русский язык данные наименования имеют либо зафиксированное в словаре однозначное соответствие, либо даны их варианты. Так, в словарях американское название *corporation* и британское *Public limited company* можно встретить как *корпорация*; *открытая акционерная компания* (или *акционерное общество открытого типа*) или *компания*; должность *Chief executive* в АЕ – Президент (компании); ВЕ – Исполнительный директор и т.д. В словарях есть (хотя и не всегда) пометки ВЕ и АЕ, указывающие на принадлежность слова в определенном варианте.

Ко второй группе можно отнести термины, в составе которых есть один компонент постоянный (общий), а второй компонент – варьируется. Например: *текущий счет*: АЕ – *checking account*; ВЕ – *current account*; *оплата при доставке*: АЕ – *collect on delivery*; ВЕ – *cash on delivery*; *полное товарищество*: АЕ – *General partnership*; ВЕ – *unlimited partnership*; *аудитор*: АЕ – *certified public accountant* (CPA); ВЕ – *Chartered accountant* и др.. При переводе знания национально-культурных различий экономической терминологии переводчику просто необходимы.

К третьей группе относятся фразеологические единицы, относящиеся к сфере экономики, которые также употребляются только в британском или американском варианте английского языка. Итак, ФЕ характерные только для британского варианта (ВЕ): *be mean with money* – быть жадным; *carry the can* – взять на себя всю ответственность; *get the push* – быть уволенным и др. В американском варианте (АЕ) можно встретить следующие ФЕ, которые почти не употребляются в британском варианте английского языка (АЕ). Например: *do a land-office business* – иметь много клиентов, *to snow someone* – блефовать перед кем-либо и др. [7, с. 66-67]. *Принципы репрезентации знаний об окружающей действительности, существующие в языковом сообществе, можно раскрыть только, изучая концептуальные структуры, лежащие в основе семантики языковых единиц.*

Специфика и сложность возникающих здесь проблем связана с тем, что коммуникация осуществляется в условиях несовпадающих (в большей или меньшей степени) национально-культурных стереотипов мышления и поведения в сфере экономической деятельности, в том числе и в ситуациях профессионального взаимодействия. Для переводчика такие явления – сигнал к действию, поиску эквивалентных и адекватных форм отображения этих новых реалий бизнеса для формирования и постоянного наполнения англоязычного экономического дискурса новыми лексическими единицами на языке перевода.

Список использованных источников

1. Авербух К. Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания, № 6. М., 1986. С. 38.
2. Борисова Л. И. Учебная экспериментальная программа по курсу «Теория и практика научно-технического перевода». Английский язык. Пенза: Приволжский дом знаний, 2003. 30 с.
3. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1998. 345 с.
4. Кубрякова Е. С. Номинативный акт речевой деятельности. М., 1986. Изд. 2 М.: URSS, 2008
5. Паршин А. Н. Теория и практика перевода. М.: Русский язык, 2000. 161 с.
6. Ремхе И. Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста : на материале текстов металлургической промышленности: авторефер. дис. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2007. 25 с.
7. Слепович В. С. Курс перевода (английский ↔ русский язык). Translation Course (English ↔ Russian) /В.С. Слепович. – 4-е изд., перераб. И доп. Мн.: «ТетраСистемс». 2004. 320 с.
8. Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция. Изд. 2-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 288 с.
9. Dijk van T.A. The Study of Discourse. Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London – Thousand Oaks – New Delhi: SAGE Publications. – 1997. – Vol.1. 352 p.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

УДК 81-26 347.78.034

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮМОРА, ИРОНИИ И САТИРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Л. А. Ходаковская,

*студент Института иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является исследование комического как эстетической категории, а также основных форм его выражения: юмора, иронии и сатиры. Рассматривается национально-культурная обусловленность юмора, типы его реализации в англоязычном и русскоязычном текстах. Определены способы его перевода.

Ключевые слова: перевод, комическое, юмор, ирония, сатира, прагматическое воздействие.

Summary. The article addresses the study of the comic as an aesthetic category and its main forms: humour, irony and satire. National-cultural conditionality of humour alongside with types of its realization in English and Russian texts and ways of its translation are also considered.

Key words: translation, the comic, humour, irony, satire, pragmatic influence.

Перевод художественной литературы – это особый вид перевода, так как он имеет ряд особенностей, резко отличающих его от всех прочих видов (научной, технической, юридической литературы и документации и т.д.). В наибольшей степени это обусловлено тем, что в художественном переводе главное место занимает проблема адекватной передачи эмоционального воздействия. Всякий текст обладает определённым прагматическим воздействием на читателя/слушателя, в этом и заключается его коммуникативный эффект. Однако художественные тексты отличаются в этом плане особым многообразием, так как, в зависимости от воли автора, они могут воздействовать на весь спектр человеческих эмоций. Более того, воздействие на чувства читателя – одна из основных задач художественного текста, следовательно, в художественном переводе передача прагматического воздействия – задача первостепенной важности.

Особое значение, с точки зрения прагматики, приобретает перевод комического в тексте. Юмор в общем смысле – это явление, которое уже не одно тысячелетие занимает умы деятелей искусства и учёных из разных областей человеческого знания.

Сегодня исследование юмора приобрело особый размах, так как его всесторонним изучением занимаются физиология, психология, социология, лингвистика, философия, эстетика и множество других наук. Отечественная переводческая наука также не обошла эту проблему своим вниманием. Исследованием особенностями перевода комического и его видов занимаются в настоящее время такие учёные как: М. А. Кулинич, Е. С. Абаева, В. Я. Задорнова, А. С. Кобяшова, К. А. Ланина, С. Е. Марченко, Е. К. Мирошник, Л. В. Молчанова, Д. А. Павлюк, Е. Г. Подгрушная, М. С. Сергеева, М. Н. Смирнова, О. В. Цепордей, Н. А. Абросимова, А. В. Гарамян.

Отличительной особенностью юмора является его двойственная природа: будучи явлением общечеловеческим, юмор в то же время строго национален, он неразрывно связан с менталитетом, картиной мира, условиями жизни той или иной нации, и даже с погодными условиями. Таким образом, необходимо отметить национально-культурную обусловленность юмора и его субъективность, что, в свою очередь, подразумевает некий особый подход, который необходим специалисту при переводе элементов комического в тексте.

Комическое – эстетическая категория, в основе которой находится понимание несоответствия между буквальным и подразумеваемым значением высказывания, т.е. между формой и содержанием, нарушение правильных пропорций. По сути, эта категория включает в себя все явления, которые способны вызвать у реципиента улыбку или смех. Как отмечает М. С. Сергеева [11, с. 97–98], данное несоответствие в художественном тексте может проявляться на трёх уровнях: языковой уровень (нелепица, алогизм, оговорка...), уровень сюжета (недоразумение, неузнавание, путаница...), уровень характера (противоречия между словом и делом, желаемым и действительным...).

Комическое имеет три основные формы выражения: юмор, ирония, сатира. На данный момент ещё не выведено универсальное определение юмора как категории комического. В «Словаре литературоведческих терминов» юмор определяется как «вид комического, в котором пороки осмеиваются не беспощадно, как в сатире, а доброжелательно подчеркиваются недостатки и слабости человека или явления, напоминая о том, что они часто лишь продолжение или изнанка наших достоинств» [12]. Кроме того, юмор также трактуется как «понимание комического, умение видеть и показывать смешное» [8, с. 101]. М. С. Сергеева [11, с. 100] также отмечает, что «в структуре юмора всегда заложены 2 параллельных сценария, 2 подтекста: обычный и неожиданный, находящиеся в некой оппозиции друг к другу. Эта особенность “второго дна” и создает особую специфику комического. В юморе всегда присутствует “слово-ключ”, либо своеобразный языковой “спусковой крючок”, переводящий настроение читателя на новый, юмористический лад».

Ирония – вид комического, который основан на имплицитно выражаемой субъективной оценке автора, как правило, негативного характера; чаще всего ирония содержит в себе неявное чувство превосходства/скептицизма. В отличие от юмора, ирония прячет смешное под личиной серьёзного; внешне положительное высказывание на деле содержит в себе критическую оценку. Ирония по своему эмоциональному диапазону занимает промежуточное место между юмором и сатирой.

Сатира – вид комического, с помощью которого автор изобличает и высмеивает слабости и пороки, как отдельных персонажей, так и общества в целом, резко высказывает своё неодобрение, зло насмехается над ними. Автором могут использоваться такие приёмы, как карикатурное

преувеличение, нелепые ситуации, вводимые автором с целью изобличения персонажей и т.п.

С точки зрения В. Я. Задорновой и А. С. Кобяшовой [3], можно выделить четыре типа реализации комического в тексте: ситуативное комическое; комическое, основанное на концептуальном несоответствии; языковое комическое; комическое, зависящее от фоновых знаний.

Итак, ситуативное комическое – это изображение в тексте смешной или нелепой ситуации. Обычно эта ситуация бывает смешной сама по себе, даже описанная нейтральным тоном, но часто автор усиливает юмористический эффект с помощью использования стилистически/эмоционально окрашенной, разговорной лексики и т.п. Как правило, при переводе ситуативного комического существенных трудностей не возникает. Зачастую переводчику не приходится применять специальные приёмы прагматической адаптации, так как данный тип является наиболее универсальным и не обладает специфическими национальными чертами: комичность ситуации может понять абсолютно любой человек.

Трудность для переводчика представляет комическое, основанное на концептуальном несоответствии, так как его основой является столкновение понятий. Оно включает в себя парадоксальные высказывания, нарушение сочетаемости слов, эффект обманутого ожидания, комические сравнения и т.п.

Ещё более непростой задачей является перевод языкового комического, так как к нему относятся элементы, неотделимые от ткани текста и утратившие в определённой степени связь с понятием как таковым: говорящие имена, каламбуры, окказионализмы, игра слов, стилистически неверные сочетания слов, использование экспрессивных слов и т.п.

Стоит отметить, что во многих случаях фрагменты текста, содержащие элементы комического, «помечены» определёнными лексическими маркерами. Однако в остальных случаях переводчик может рассчитывать только на свои фоновые знания. Недостаток такого рода знаний может привести, например, к тому, что переводчик просто не заметит аллюзию или переработанную цитату, создающую комический эффект.

На основании всего вышесказанного переводчику, столкнувшемуся с необходимостью перевода комического, можно дать следующие рекомендации:

1) прежде всего, переводчик может полностью исключить комический элемент из текста перевода, однако этот вариант предполагает существенную смысловую потерю, так как в этом случае текст перевода лишается того прагматического эффекта, который был в тексте оригинала;

2) переводчик с целью сохранения прагматического воздействия может адаптировать комический элемент к языку перевода; в этом случае он создаёт в тексте перевода атмосферу, аналогичную исходной.

Среди общих приёмов, которыми переводчик может воспользоваться при переводе текстов, отметим следующие: прием компенсации,

антонимический перевод, культурно-ситуативная замена, описательный перевод, лексические, грамматические и синтаксические трансформации, генерализация, конкретизация, использование сносок и комментариев и т.д. Но набор этих приёмов зависит от той стратегии и тактики, которую переводчик выбирает для перевода того или иного художественного текста.

Таким образом, несмотря на то, что наличие в тексте элементов комического существенно осложняет его перевод, то задача в большинстве случаев решаема благодаря обилию приёмов, в своей совокупности успешно помогающих переводчику решить задачу сохранения важнейшей для художественного текста категории – прагматического воздействия на читателя.

Список использованных источников

1. Абаева Е. С. Функциональные потери при переводе юмора // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2014. – № 6. С. 78–84.
2. Горбачевский А. А. Перевод: адекватный, эквивалентный, реалистичный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №11. С. 66–69.
3. Задорнова В. Я., Кобяшова А. С. Прагматический подход к переводу юмора // Вестник Московского университета. Сер.: Теория перевода. – 2013. – № 4. С. 66–83.
4. Ланина К. А. Гиперболизация как стратегия перевода английского юмора в художественных текстах на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 15(675). С. 113–121.
5. Луков В. А., Федотов О. И. Сатира // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. С. 312–316.
6. Марченко С. Е. Перевод стилистических средств сатиры // Наука и образование: проблемы и стратегии развития. – 2015. – № 1(1). С. 182–185.
7. Мирошник Е. К. Лингвистические средства выражения авторской иронии и их перевода // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2012. – № 4. С. 67–71.
8. Молчанова Л. В. Юмор и перевод: к проблеме адаптации юмористического текста к иноязычной культуре // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4(57). С. 101–104.
9. Павлюк Д. А. Особенности передачи британского юмора при переводе: лингвокультурологический аспект // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2015. – № 1. С. 123–125.
10. Подгрушная Е. Г. О переводе юмора в художественной литературе // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: Материалы 3-й междунар. науч.-практ. конференции. – 2013. С. 106–107.
11. Сергеева М. С. Специфика и воспроизведение иронии и юмора в англо-русском переводе // Вопросы литературоведения и теории перевода в

контексте изучения проблем языкознания: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. –2013. С. 97–101.

12. Словарь литературоведческих терминов: [Электронный ресурс]. – <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/yumor/?q=458&n=268> (дата обращения 16.02.2017).

13. Смирнова М. Н. Проблема передачи юмора и иронии при переводе англоязычных произведений // Вопросы филологического анализа текста. – 2016. С. 234–237.

14. Цатурян М. М. Норма и качество перевода // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – Т. 1. – № 20. С. 71–75.

УДК 81-26 347.78.034

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА КАМИНЕРА**

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. А. Шалыга,

старший преподаватель кафедры теории практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. Д. Марочкина,

студент 2 курса магистратуры кафедры теории практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается транскультурный характер эмигрантской литературы и проблематика ее перевода на примере произведений Владимира Каминера, немецкоязычного писателя русско-еврейского происхождения. Фоновые знания автора иноязычного оригинала шире, чем у его немецкоязычного читателя и чем у русскоязычного читателя перевода. Важнейшим условием для перевода такого рода произведений художественной литературы становится знание переводчиком как русской, так и немецкой культуры, ценностей, менталитета и стереотипов.

Ключевые слова: эмигрантская литература, Владимир Каминер, универсальный юмор, лингвистический юмор, юмор, основанный на компоненте исходной культуры.

Summary. Based on the data of works by Wladimir Kaminer, a German writer of Russian and Jewish origin, the article contributes to studies of the intercultural nature of literature of immigrants and the problem of its translation.

Background knowledge of the author of foreign original work is broader than that of a German and Russian reader of the translated version. The main demand for translation of literature papers of such kind is the translator's knowledge of Russian as well as German culture, values, mentality and stereotypes.

Keywords: migrant literature, Wladimir Kaminer, universal jokes, linguistic jokes, cultural jokes.

Эмигрантская литература в Германии, важнейшее явление современной немецкоязычной литературы, по сути транскультурна. Творчество представителей этого направления отражает взаимопроникновение разных культур. Авторы на неродном языке пишут для читателя с другой культурной идентичностью. Ассимилировавшись в новой культурной среде, они остаются представителями своей родной культурной традиции. В своих произведениях авторы зачастую воссоздают повседневные ситуации взаимодействия разных культурных идентичностей.

Так, Владимир Каминер, переехавший в Германию из СССР в 1990-ом году и ставший одним из наиболее читаемых современных немецкоязычных писателей, в сборнике рассказов «Russendisko» выступает в роли наблюдателя берлинской жизни. Поведение, привычки, разговоры и образ жизни «новых» жителей мегаполиса – все это находится под прицелом автора и описывается с легкой иронией. Писатель при этом иронизирует над стереотипами, сложившимися у немцев по отношению к другим национальностям, в частности к русским. Как отмечает А. Ваннер, писатель подыгрывает немецкому читателю, тот в свою очередь самого автора рассматривает как «типичного русского» [1].

Произведения Владимира Каминера являются юмористической прозой. Сохранение комизма литературного произведения в переводе представляет собой первостепенную и одновременно чрезвычайно сложную задачу. Очевидно, что воссоздание комического эффекта следует отнести к доминантам перевода [5; 9, с. 533].

Исследователи выделяют три вида юмора: универсальный юмор; лингвистический юмор; юмор, основанный на компоненте исходной культуры [10, с. 130; 11].

Считается, что универсальный юмор относительно легко определяется и переносится в другую языковую среду, так как основан на комизме общепонятной ситуации [10, с. 131; 11].

В основе другого вида юмора лежит игра слов, что в некоторой мере оправдывает и объясняет название «лингвистический юмор» [10, с. 131; 11]. Способы создания игры слов детально анализирует в своей статье С. С. Иванов [3]. Переводимости каламбура посвящена восьмая глава известной монографии С. Влахова и С. Флорина [2]. Авторы приходят к выводу, что перенесение исходной формы игры слов происходит лишь в исключительных случаях [2, с. 313–314].

Следующий вид юмора требует знакомства с исходной культурной средой, иначе при переводе может остаться непонятым [10, с. 132; 11]. Для нашего исследования юмор, основанный на компоненте исходной культуры, представляет особый интерес. Литературный текст создается в рамках определенной культуры, элементы которой могут быть неизвестны или непонятны носителям другого языка [7, с. 391]. Однако, специфика перевода произведений Владимира Каминера с немецкого языка на русский язык, родной для писателя, состоит в том, что и автор текста оригинала, и читатель перевода принадлежат одной лингвокультуре. В этой противоположной обычному положению вещей ситуации такой вид юмора может ускользнуть от читателя оригинала, не имеющего ни фоновые знания автора, ни читателя перевода.

Из интервью известно, что писатель не склонен заниматься авторским переводом [6; 8]. Свое предназначение он видит в роли рассказчика историй [8]. Хороший перевод, по мнению писателя, могут выполнить «либо профессионалы высокого уровня, ..., либо фанаты» [6; 8]. Сборник рассказов «Russendisko» переведен русскоязычным переводчиком. Этот факт находит отражение в использованных им методах перевода. Например:

«*Der Perser aus Aserbaidtschan versprach ihm, für DM 15 000 jede erdenkliche Scheinbraut zu besorgen. „Zwei Drittel des Geldes bekommt die Frau, ein Drittel bekomme ich. Komm mal bei mir vorbei, wir reden von Mann zu Mann“, lockte ihn der Perser. „Mein Büro ist im Forumhotel, und keine Angst, ich bin auch mit einer Deutschen verheiratet, sie ist sogar Rechtsanwältin, wir arbeiten zusammen.“*» [12, с. 40].

«*За 15 000 марок азербайджанец персидской национальности обещал снабдить его женой на любой вкус. „Жэницина палучаэт двэ трэти, я палучаю трэть. Приходи, дорогой, пагаварым как мужчина с мужчиной, — заманивал его лукавый перс. — У мэня йэсть офис в Форум-отеле. Да ти нэ бойса, у мэня самого йэсть жэна-нэмка. Она адвокат, мы вмэсте работаэм.“*» [4, с. 54].

Язык оригинального текста проще. Хотя речь персонажа и содержит как экспрессивные разговорные лексические элементы (*jede erdenkliche Scheinbraut, komm mal, von Mann zu Mann*), так и соответствующие элементы синтаксиса (*und keine Angst*), в основном предложения построены согласно литературной норме немецкого языка. Перевод получился «вычурным», более экспрессивным и эмоционально окрашенным. Нейтральное словосочетание «перс из Азербайджана» (*Der Perser aus Aserbaidtschan*) превращается в игру слов «азербайджанец персидской национальности», выражение, вызывающее у русскоязычных читателей стойкие ассоциации с фразой из советского прошлого «лицо еврейской национальности». Переводчик, в отличие от автора оригинала, использует также усиливающий комический эффект графон, чтобы передать типичный для перса-азербайджанца акцент, хорошо знакомый русскоязычному читателю. Кроме того, переводчик «эксплуатирует» стереотипы и предрассудки,

существующие у русских (*лукавый перс; ...Приходи, дорогой,...*), т.е. адаптирует перевод.

«Zur Hochzeit will die russische Braut ein weißes Kleid, eine Kirche, ein Standesamt und anschließend ein gutes Restaurant mit möglichst vielen Gästen. Dann will sie sich voll dem Familienleben hingeben, aber gleichzeitig auch etwas Schönes studieren» [12, с. 46].

«Русская невеста мечтает о свадьбе в белом платье, в церкви и в загсе, о ресторане и о гостях, и чем больше их будет, тем лучше. А потом она хочет погрузиться в семейную жизнь. Но не без остатка – параллельно она хочет учиться, и непременно чему-нибудь прекрасному» [4, с. 59].

В первом предложении высмеивается легкомысленная расточительность русских. Такую позицию автора практичный и экономный немецкоязычный читатель воспримет с одобрением. На русскоязычного читателя большее впечатление скорее произведет неожиданное завершение второго предложения.

«„Die Russen haben gegessen“. Dazu verteilte man den Kaviar und die Fische gleichmäßig über den ganzen Tisch und manschte darin herum, als wären Wildschweine darüber gelaufen. Zu guter Letzt schütteten sie den Champagner über die Bescherung, damit auch dem Dümmersten klar wird: Hier haben die Barbaren mitten im Krieg eine Orgie veranstaltet» [12, с. 106].

«„Русские позавтракали“. Рыбу и икру раскидали и размазали по столу — будто здесь пробежали дикие кабаны. Сверху все великолепие полили шампанским, чтобы даже дуракам было понятно: вот варвары устроили среди войны оргию» [4, с. 121].

Речь идет о подготовке к съемкам очередной сцены художественного фильма о Сталинграде. Автор гротескно высмеивает представления немцев о русских. Читатель русского перевода вместе с автором рассказа посмеется именно над укрепившемся в немецком сознании ассоциативном ряде «русские-икра-шампанское-оргия» и над несоответствием описываемой ситуации реалиям военного времени.

Данные примеры наглядно показывают, что важнейшим условием для перевода такого рода произведений художественной литературы становится знание переводчиком как русской, так и немецкой культуры, ценностей, менталитета и стереотипов. Фоновые знания автора иноязычного оригинала шире, чем у его немецкоязычного читателя и чем у русскоязычного читателя перевода. На первый план поэтому выдвигается вопрос, сможет ли и должен ли читатель перевода получить такое же впечатление, что и читатель оригинала.

Список использованных источников:

1. Ваннер А. Тройная идентичность: русскоязычные евреи – немецкие, американские, израильские писатели [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелрос. – 2014. – №27. – <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/127-2014/24385-troynaya-identichnost-russkojazychnye-evrei-nemeckie-amerikanskie-i-izrajskie-pisateli.html> (дата обращения 04.02.2017).

2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Иванов С. С. Игра слов и способы ее создания: смысловая и звуко-смысловая игра слов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – №6(2). С. 227–231.
4. Каминер В. В. Russendisko [Electronic Resource] // KnigoGid. – <https://knigogid.ru/books/113206-russendisko-rasskazy/toread> (дата обращения 01.02.2017).
5. Попёлышева Е. В. Сущность понятия «доминанта перевода» [Электронный ресурс] // STUDY-ENGLISH.INFO Теория перевода. – <http://study-english.info/dominant.php> (дата обращения 05.02.2017).
6. Попова Н. 7 историй Владимира Каминера про СССР, Матиаса Руста и поиски рая [Электронный ресурс] // РОССИЯ СЕГОДНЯ. – https://ria.ru/weekend_books/20131011/969340755.html (дата обращения 05.02.2017).
7. Сдобников В. В. Петрова О. В. Теория перевода [учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков]. М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. 448 с.
8. Смирнова Д. Владимир Каминер: «свой» где? [Электронный ресурс] // CABLOOK. – <http://www.cablook.com/inspiration/vladimir-kaminer-svoj-gde/> (дата обращения 03.02.2017).
9. Шалыга Д. А. Проблема передачи комического (на материале переводов приведений современной немецкоязычной литературы) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII Международной научной конференции. – 2016. – Т. 1. С. 533–535.
10. Raphaelson-West D. S. On the Feasibility and Strategies of Translating Humour // Meta: Translators' Journal. – Vol. 34. – 1. – 1989. P. 128–141.
11. Schmitz J. R. Humor as a Pedagogical Tool in Foreign Language and Translation Courses // Humor: International Journal of Humor Research. – Vol. 15.1. – 2002. P. 89–113.
12. Kaminer W. Russendisko [Электронный ресурс] // BookReader. – <http://bookre.org/reader?file=1398822> (дата обращения 01.02.2017)/

УДК 811.12

**ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. КРИСТИ «СМЕРТЬ НА НИЛЕ»)**

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

С. А. Шило,

студент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы воспроизведения на русский язык фразеологических единиц, которые подверглись окказиональному преобразованию в оригинале. Целью исследования является выявление приёмов окказиональных преобразований фразеологических единиц в романе детективного жанра, которые являются индивидуально-авторскими преобразованиями и направлены на достижение определенных стилистических целей. Проанализировав возможные способы перевода окказионализмов, можно сделать вывод, что для эквивалентного воспроизведения авторских ФЕ были использованы фразеологическое калькирование, фразеологический аналог и дескриптивный перифраз.

Ключевые слова: фразеологическая единица, перевод ФЕ, окказиональное преобразование, окказионализм, детективный жанр, Агата Кристи.

Summary. The article is devoted to the research of the problem of translation into Russian the phraseological units subjected to occasional transformations in the original text. The goal of research is to identify occasional transformation devices of phraseological units in the detective novel, which are supposed to be individual or author's ones and aimed to achieve definite stylistic goals. Having analyzed the possible means of occasional transformations, and in order to get equivalent transmission of author's occasional phraseological units, the phraseological calque, phraseological analogue and descriptive periphrasis were used.

Key words: a phraseological unit, translation of phraseologisms, an occasional transformation, an occasional unit, detective genre, Agatha Christie.

Неоспоримым является тот факт, что язык – это неиссякаемый источник сведений о культуре народа. Фразеологический фонд каждого языка содержит богатейшие средства речевой выразительности. Но часто фразеологические единицы воспринимаются как свободные словосочетания и неправильно передаются на другой язык при переводе, так как фразеологизмы могут встречаться в речи как в узуальной форме, так и окказиональной, преобразованной.

Исследование фразеологических единиц насчитывает большое количество научных трудов как отечественных, так и зарубежных ученых таких, как Н. Н. Амосова, Р. П. Зоривчак, А. В. Кунин, В. Л. Лысенко, А. М. Мелерович, А. С. Начисчионе. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемы перевода на русский язык окказионально преобразованных фразеологических единиц (ФЕ) английского языка на материале романа детективного жанра «Смерть на Ниле» Агаты Кристи.

Для того, чтобы объяснить причину сложности передачи ФЕ английского языка на русский язык, для начала необходимо определить, что понимается под «фразеологической единицей». В качестве рабочей дефиниции ФЕ в данной работе используется следующее, предложенное А. В. Куниным: «Фразеологические единицы – это устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [5, с. 89]. Существенной особенностью ФЕ является их устойчивость воспроизведения, которая зафиксирована в словарях, а также употребление данных единиц в речи. А. В. Кунин объясняет причину устойчивости ФЕ наличием «объёма инвариантности, свойственном различным аспектам фразеологизмов и обуславливающим их воспроизводимость в готовом виде» [5, с. 54].

Следует отметить, что фразеологические единицы могут образовываться в результате различных умственных процессов носителей языка. Так, М. Г. Зеленцова утверждает: «Фразеологизмы, как известно, являются самыми национально маркированными языковыми единицами; они, с одной стороны, являются результатом особенных ментально предопределенных метафорических переносов, особого этнического взгляда на явление или предмет, а с другой – это единицы, образованные по определенному алгоритму мышления со всеми логическими и алогичными принципами его построения» [3, с. 64].

На основании вышесказанного следует обратить внимание на классификацию фразеологических единиц, которую предложила Р. П. Зоривчак:

- фразеологические единицы, возникшие в результате осмысления компонентов (тропизация) – использование словосочетаний в переносном смысле из-за нарушения семантического поля, привычного для употребления слов в прямом смысле;
- фразеологические единицы, появившиеся в результате лексикализации – превращение свободного словосочетания во фразеологический эквивалент слова с целостным лексическим значением;
- фразеологические единицы, созданные лексическим послаблением значений компонентов – ФЕ приобретают переносно-всеобщее значение без полной потери собственных значений;
- фразеологические единицы, возникшие в результате внеязыковых факторов. [4]

В художественных произведениях писатели неоднократно прибегают к авторскому преобразованию не только простых слов и выражений, но и ФЕ для передачи содержательного и эмоционально-оценочного потенциала элементов языка. Так, окказионально преобразованная ФЕ, с точки зрения А. С. Начисчионе, является «речевой реализацией сочетания языковых единиц – базовой формы ФЕ и модели, по которой производится преобразование» [8].

Перевод фразеологических единиц, подвергшихся окказиональным преобразованиям, вызывает определенные трудности, которые связаны со следующими факторами: лексическими и грамматическими особенностями языков оригинала и перевода, отсутствием готовых эквивалентов и аналогов окказиональных фразеологизмов, ярко представленным национальным и культурным колоритом ФЕ.

Как указывает М. А. Шевчук-Черногородова, расхождения в двух языках объясняются «различными факторами: инертностью языковых традиций, различной символикой компонентов, межъязыковыми различиями на уровне лексической синонимии, особым семантическим членением картины мира, экстралингвистическими факторами» [6, с. 322].

На основании вышесказанного, необходимо обратиться к общеизвестным способам перевода фразеологических единиц: фразеологический эквивалент, фразеологический аналог, калькирование, описательный, антонимичный перевод, компенсация, контекстуальная замена. Однако, основываясь на иллюстративном материале, необходимо свести эти способы до трех, наиболее частотных:

- фразеологический аналог (полный или частичный);
- фразеологическое калькирование и окказиональный метод (фразеологическая калька-окказионализм);
- дескриптивный перифраз [3] (описательный оборот, при помощи которого явление, предмет или реалья называются не прямо, а описательно посредством характерных им черт).

Материалом исследования окказионально преобразованных ФЕ выступает роман детективного жанра Агаты Кристи «Смерть на Ниле». Агата Кристи признана «королевой детектива», поэтому ей чуждо мнение, что проявление излишней эмоциональности не характерно для детективного жанра. Стремясь придать языку детектива стилистическую окрашенность и выразительность, Агата Кристи употребляет не только узуальные формы фразеологических единиц, но и прибегает к такому приёму, как окказиональное преобразование ФЕ, которое выражено при помощи замены лексического компонента, изменения грамматической структуры ФЕ, добавления компонентов и стилистического повтора. Переводчики романа «Смерть на Ниле» В. Харитонов (1994) и Е. Васильева (1995) предприняли попытку передачи английских окказионально преобразованных фразеологических единиц на русский язык.

Для данной статьи в качестве примера мы выбрали несколько фразеологических единиц, которые подверглись окказиональным преобразованиям со стороны автора. Разберем первый пример, представленный в оригинальном тексте: «*I haven't heard anything of you for ages and ages!*» [7, с. 4]. Агата Кристи преобразовала ФЕ *haven't seen you for ages* в *haven't heard of you for ages and ages*. В данном случае автор обращается к замене лексического компонента *seen* на *heard of*, а также

усиливает стилистический эффект расширением словосочетания *for ages and ages*. В рассматриваемых нами переводах данный фразеологический окказионализм переведен фразеологическим калькированием и частичным фразеологическим аналогом: «Я ничего не знаю о тебе так давно, так давно!» [2, с. 2]; «Я не слышала тебя целую вечность» [1, с. 7].

В следующих примерах А. Кристи снова прибегает к замене смыслового компонента, который является составляющей в узуальных, устойчивых, словосочетаниях. Так, в английском языке есть ФЕ *to get one's own way*, который в романе был преобразован на *to like one's own way*. В процессе компонент *get* был заменен на *like* для того, чтобы усилить содержательный смысл и придать выразительности: «*But you like your own way*» [7, с. 11]. Е. Васильева перевела окказиональное словосочетание *to like one's own way* эквивалентом, который подходит для начальной формы ФЕ *to get one's own way*: «Но ты всегда добиваешься своего» [2, с. 7]. Переводчик В. Харитонов обратился к фразеологической кальке, чем смог передать эмоциональную окраску, задуманную автором произведения: «Но ты любишь настоять на своем» [1, с. 16].

Среди особенностей преобразования фразеологизмов в данном романе можно выделить и то, что А. Кристи прибегает к изменению грамматической структуры идиом и употреблению их в новой синтаксической роли. Например, известная поговорка *Old habits die hard*, имеющая в русском языке аналог «привычка – вторая натура», получила совершенно другой облик: «*Cheer up, old die-hard!*» [7, с. 15]. В переводе В. Харитонова это выглядит следующим образом: «Выше голову, пережиток прошлого!» [1, с. 20]. Пословица приобрела иную форму благодаря фразеологическому калькированию, позволившему сохранить коннотацию окказионализма. В тексте перевода Е. Васильевой вовсе отсутствует отрывок, в оригинале которого была употреблена данная фразеологическая единица.

Мы уже упомянули возможность изменения грамматической структуры ФЕ, которое также рассматривается в качестве формы окказионального преобразования. В английском языке существует идиома *All that glitters is not gold*. В тексте оригинала автор прибегает к изменению грамматической структуры ФЕ: «... *all is not the gold that glitters*» [7, с. 24]. Переводчики обратились к такому способу перевода, как полный фразеологический аналог, поэтому значение и форма фразеологизма не изменились: «... не всё то золото, что блестит» [1, с. 32].

И, наконец, рассмотрим один из многочисленных примеров дескриптивного перифраза, который был преобразован именно в значении, а не форме, как было отмечено в предыдущих примерах: «*Strong meat – that is what my books are – all important*» [7, с. 27]. Перевод Е. Васильевой выглядит так: «Мои книги – это мясо с кровью. В них всё важно» [2, с. 16]. А В. Харитонов передал это следующим образом: «На силе держатся все мои книги, важнее ничего нет» [1, с. 34]. Изначально ФЕ *strong meat* в русском

языке имеет эквивалент «орешек не по зубам», но в тексте оригинала и перевода он приобрел совершенно иное значение. Данное преобразование обуславливается контекстом, в котором употреблен данный фразеологизм.

Как видим, переводчики детективного романа Агаты Кристи при передаче окказиональных фразеологических единиц обращаются, прежде всего, к фразеологическому калькированию и фразеологическим аналогам, еще реже к дескриптивному перифразу. Использование данных способов перевода фразеологических единиц помогает адекватно воспроизвести эмоционально-экспрессивную картину текста оригинала. Необходимо также обратить внимание на то, что все авторские преобразования, не случайны, а стилистически и контекстуально мотивированные.

Таким образом, переводя окказиональные фразеологические единицы, переводчики не только адекватно передают их семантику, эмоционально-экспрессивное наполнение, но и сохраняют национально-культурный смысл и характер. Поэтому данное исследование позволяет сделать вывод, что среди большого количества способов перевода окказиональных фразеологизмов лучше всего для воспроизведения их этнической окраски подходят методы дескриптивного перифраза и фразеологическая калька. Каждое произведение требует особого подхода к передаче фразеологических единиц с одного языка на другой, так как, по сути, происходит перевод одной культуры и ментальности на другую.

Список использованных источников

1. Агата Кристи. Смерть на Ниле / Убийство на пароходе «Карнак» // пер. с англ. Е. Васильевой. 1995. 104 с.
2. Агата Кристи. Смерть на Ниле // пер. с англ. В. Харитонова. 1994. М.: Эксмо, 2015. 174 с.
3. Зеленцова М. Г. Анализ фразеологических номинаций концепта деньги (на материале фразеологизмов украинского, русского и английского языков) // Лінгвістичні дослідження: Зб. наук. праць ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. – 2011. – Вип. 32. С. 61–68.
4. Зорівчак Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. Львів: Вища школа, 1983. 172 с.
5. Кунин А. В. О фразеологической номинации // Фразеологическая семантика: Сб. науч. тр. – Вып. 211. М., 1983. С. 88-100.
6. Шевчук-Черногородова М. А. Цвет в языковых картинах мира французского и русского народов (на примере фразеологии) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII Международной научной конференции. Челябинск. 20–22 апреля, 2016. Т. 1. С. 318–322.
7. Agatha Christie. Death on the Nile. Great Britain : Fontana Books, 1977. 224 p.
8. Naciscione A. The Representation of Phraseological Metaphor in Verbal and Visual Discourse: A Cognitive Approach // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: Proceedings of ESSE9-2008 Conference in Aarhus. Arkhangelsk: Aarhus, 2009.

УДК 811.111'373.1

**THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN NEWSPAPER HEADINGS*****P. I. Zolotarenko,****student of Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol****L. Sh. Kubedinova,****candidate of Philological Sciences, Associate Professor of English Philology
department, Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию применения фразеологических единиц в заголовках к текстам публицистического стиля. Целью исследования является выявление закономерностей и характерных особенностей употребления фразеологизмов в заголовках к публицистическим текстам. Авторы подчеркивают важность использования фразеологических единиц для создания экспрессивных заголовков, поскольку, таким образом, новые формы широко известных фразеологизмов закрепляются в языке. В ходе исследования были применены методы контекстуального анализа и компонентного анализа.

Ключевые слова: фразеологическая единица, публицистический стиль, заголовок, модификации.

Summary. The purpose of this paper is to investigate the specific features of phraseological units in newspaper headings. It analyses functions, expressivity and influence on perception of the article performed by phraseological units. The authors underline the importance of phraseology in the process of creating newspaper headings, analyzing them as the source of new form of well-known phraseological units. The following methods were applied during the research: the method of the contextual analysis, the method of the component analysis.

Keywords: phraseological unit, newspaper, heading, modification.

The heading is the most informative part of the newspaper article in the ratio of language means to the volume of information contained. Authors of news articles are faced with a task to use language units which have much expressivity and accuracy. Each word in heading possesses high semantic value and is in a strong position to the main text of the article. This fact defines its function as attraction of reader's attention.

The Phraseological Units, due to their fundamental properties, represent the powerful tool for the creation of headings. Headings which not only draw attention of the reader, but also influence his perception of the article. This research is devoted to the study of phraseological units use and their functioning in newspaper headings.

In recent years researches have become interested in the role of phraseological units in newspaper style. This paper provides a detailed

investigation of phraseological units and their functions as a part of headings of the English-language periodicals issued in 2015-2016.

The aim of this research is to detect a consistent pattern in the use of phraseological units in the headings to newspaper articles and identify their functional value. 200 headings with phraseological units in the structure of the various English-language mass media issued in 2015-2016 served as the material for carrying out this research.

The following methods were applied during the research: the method of the contextual analysis used for identification of phraseological unit's functional value in the press; the method of the component analysis used for determining significant value of the phraseological unit.

Phraseological units are set phrases with complex structure which express a concept in figuratively descriptive way. Thus, a phraseological unit is based on the image which gives it uniqueness and which develops over time, getting new shades of meaning and connotations. Phraseological units are characterized by stability, semantic integrity of component structure, reproducibility and grammatical interrelationship.

They are actively employed in the language of newspaper style. The phraseology in the language of modern mass media carries out a role of the instrument for creation new, unexpected, expressive images. Thanks to phraseology, we see many interesting puns on the pages of the periodicals drawing our attention as readers. Use of phraseological units as a part of the headings allows author to save as much as possible language means without damage to meaning and expressivity.

It is possible to define the functions of headings:

- drawing attention to the concrete facts – checking the newspaper page or the news website, the reader first of all notices headings;
- laconic representation of article content – the heading is directly connected with the content of material. The main idea and the subject of article is presented in it;
- boost of reader's interest – heading of an article is also formed for the purpose of awakening reader's interest to the stated facts;
- emphatic influence on the reader – authors of articles select such form of heading which exerts impact on reader's prejudices, views and opinion equally as article material.

Phraseological units can be used to produce a positive image of a person as, for example, in the article “Sheriff Jones: ‘Trump has hit the nail on the head’ [11], where the positive connotation of the phraseological unit *hit the nail on the head* adds positive characteristic aspect of the candidate known for his contradictory statements. Framing of heading in the form of the quote of the high-ranking official “Brexit is characteristic of a political context: British PM tells Parliament UK can have ‘*best of both worlds*’ in EU” [7], “Graham on backing Trump: ‘I’ll cross that bridge when I get there’ (The Hill 24.2.2016). The language of mass media also contains phraseological units, which belong to special lexicon

of a certain discourse. “Article: Can the Fed *see eye to eye* with markets?: Expert” [6] – the article about opposition of two economic institutes.

The City Takes Blueprint Denver Back To The Drawing Board [17]. In this case, the author applies a partial pun. The internal form of the phraseological unit “*to take back to the drawing board*” (to begin to do something from the very beginning) interacts with literal value of heading. Such game of interpretation of the message positively influences interest of the reader. It increases the memorability as existence of this device assumes that the addressee of the message begins to decode the idea conceived by the author and is involved in the presented material. Use of this phraseological unit in the context of political resistance generalizes its value as the expression, indicating understanding of an incorrectness of earlier made decisions and readiness for their revision.

During adoption of the important decision for Great Britain on an exit from the European Union. The author skillfully picked up the phraseological unit *to sit on the fence* (to hesitate with the choice of the side) in this heading. Business chiefs cannot *sit on EU fence*, warns Cameron [15]. During adoption of the important decision for Great Britain on an exit from the European Union. It can be taken in figurative meaning, and in literal one with a shade of irony. As the Eurozone border will be removed from them, with which the author also associates a fence in the PU. Use of PU in a political context raises degree of importance of decision-making in the relation to which it is applied.

Semantic integrity of component structure of PU provides the authors of news articles with a possibility to use such stylistic device as pun, for example, in the article “Bookies fear Real McCoy payout at Grand National” [13] about the invincible jockey Tony McCoy whose surname coincides with a component of the phraseological unit. Therefore, it allows playing with literal and figurative meaning of the PU, creating ambiguity for the reader.

Language is the steadily developing system, and even such stable language elements as phraseological units are exposed to changes. It is possible to distinguish following phraseological modifications:

1) ***The expansion of component structure.*** Impermeability of a form is a major characteristic of phraseological units, but some new language units can penetrate the structure of PU adding a new side of meaning to the semantic core. Attributive elements can serve as examples of such modifications: *Two additional snowfalls to add chilly insult to injury* [12]. The attribute *chilly* which concretizes the meaning of the phraseological unit is added to the initial form *to add insult to injury* (to worsen), supporting the better understanding of the article.

2) ***The lexical substitution of a component.*** *The end of industry barriers means it's time to poke your nose into anyone's business* [8]. Replacement of the second part of PU with “anyone's” business increases expressivity due to strengthening of a negative connotation. The sphere of functioning of the phraseological unit with this modification – informal speech.

Spandau Ballet: To cut a long story short – gold [14]. The initial form *to make a long story short* (to put it briefly). The verb is replaced with the one that

has more vivid imagery, which in its turn increases expressivity level. The modified option is recorded in reference books and belongs to conversational level of lexicon.

3) ***The reduction of component structure.*** The heading is always limited by the size and therefore the author sometimes resorts to a reduction of the initial form. Such tool is especially efficient with phraseological units which are the part of everyday lexicon used in speech. *Odds are good for HE legislation, but do not count your chickens* [16]. The author omits the second part of the phraseological unit *do not count your chickens before they hatch*, preserving the level of expressivity and informational value. It is explained by the wide popularity of PU and simplicity of its image. *Killing two birds* [16]. Example of an unsuccessful use of the phraseological unit as heading. The cut variant of phraseological unit *to kill two birds with one stone* does not perform function of heading properly as it is not informative and does not draw attention of the reader.

4) ***The use of a phraseological unit as a set phrase and a free collocation at the same time.*** Such approach is often used in headings, creating contradictions in consciousness of the reader. Proceeding from it authors sometimes use phraseological units in a context which corresponds to the semantic sum of words in PU. It draws and keeps attention of the reader to sufficient time for reading an article. *Bernie rescued after barking up the wrong tree!* [10]. Article tells about the rescue of a dog from a high tree. The use of the phraseological unit *to bark up the wrong tree* perfectly suits the situation and gives the heading some comic effect. *Really? Australia Plans to Kill Feral Cats With "Curiosity" Poison* [9]. The phraseological unit *curiosity killed the cat* is used in literal sense in article about extermination of wild cats. The effect is achieved by the transformation of one of the elements *curiosity* in a proper name – the name of poison.

5) ***The use of a phraseological unit in an unusual form.*** The author of the newspaper article is like the sculptor looking for new forms for expression his ideas. Thus, having taken widely known phraseological unit as a basis, the new form of an old image is created. *Two Birds, One Milestone* [11]. Initial form of the phraseological unit: *to kill two birds with one stone*. Binding component is the image of a stone.

The phraseological unit is an effective tool of interaction between the author of an article and the reader due to its interlacing of etymological and urgent values. Processing information consciousness of the reader takes into account the meaning of components the phraseological unit known to it and connotations accompanying them. At the same time it allocates concrete elements of meaning which are implemented in particularly taken context. Phraseological units are perceived as the ready-made language units. Following from this, the modifications of PU, applied by creators of articles for the purpose of their best interaction with a context are also seen as carved in stone. Thus new forms and versions of the known phraseological units can enter the language pool.

Список использованных источников

1. Авалиани Ю. Ю. К семантической структуре и контекстуальным связям фразеологических единиц в разносистемных языках // Вопросы фразеологии романских и германских языков: Труды СамГУ им. А. Навои. Самарканд, 1981. С. 140–147.
2. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее описания. Л.: Просвещение, 1996. 191 с.
3. Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М.: Высш. шк., 1970. 343 с.
4. Ройзензон Л. И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма // Вопросы фразеологии. – УзССР: Ташкент: Наука, 1965. С. 63–70.
5. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
6. CNBC. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.cnbc.com/> (дата обращения 10.02.2016)
7. CNN. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://edition.cnn.com/> (дата обращения 23.2.2016)
8. The Conversation UK. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://theconversation.com/uk> (дата обращения 6.05.2015)
9. The Hill. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://thehill.com/> (дата обращения 24.02.2016)
10. ITV News. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.itv.com/> (дата обращения 12.02.2016)
11. Journal News. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.journal-news.com/> (дата обращения 09.07.2015)
12. Minneapolis Star Tribune. [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.startribune.com/> (дата обращения 4.02.2016)
13. Reuters of UK [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://uk.reuters.com/> (дата обращения 8.04.2015)
14. Sydney Morning Herald [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.smh.com.au/> (дата обращения 22.05.2015)
15. The Times [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.thetimes.co.uk/> (дата обращения 21.01.2016)
16. Times Higher Education [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <https://www.timeshighereducation.com/> (дата обращения 7.10.2015)
17. Westword [Electronic resource] // Mode of access: – URL: <http://www.westword.com/> (дата обращения 01.03.2016).

УДК 81'255.2

**О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА
(НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ)****К. Ю. Игнатов,**

*кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва*

Аннотация. В работе предпринята попытка продемонстрировать возможности оценки лексической составляющей перевода стихотворного текста с помощью коэффициента точности перевода и коэффициента вольности перевода, введённых М. Л. Гаспаровым и не получивших должного внимания со стороны переводчиков. Не претендуя на роль критерия удачности перевода, они характеризуют лексический строй оригинала и перевода. Представляется перспективным использование коэффициентов в лингвистических исследованиях. В качестве материала выбрано стихотворение М. Цветаевой «Неподражаемо лжёт жизнь...»

Ключевые слова: поэзия, перевод, коэффициент точности, коэффициент вольности, Марина Цветаева.

Summary. The paper demonstrates the possibility of using the translation accuracy quotient and the quotient of looseness of translation in the evaluation of a translated poetic work. The quotients were introduced by Gasparov a while ago, yet they haven't received enough attention among translators. Rather than using them for making a judgement on the acceptability of translation, one may employ them to characterise lexical layer of the poetic piece and its translation. A possibility of using them in linguistic research is discussed. A poem by Marina Tsvetaeva is used as material.

Key words: poetry, translation, accuracy quotient, quotient of looseness, Marina Tsvetaeva.

Перевод поэзии на иностранный язык представляет одну из тех особых областей перевода, где граница между эмоциональной выразительностью и стилистической эквивалентностью настолько зыбка, что сама постановка вопроса порой вызывает немалые споры.

Цель статьи – продемонстрировать перспективность количественной оценки поэтических переводов. В качестве материала исследования выбрано стихотворение М. Цветаевой «Неподражаемо лжёт жизнь...», написанное в 1922 году.

Тонкий ценитель русской поэзии и её опытный переводчик Питер Франс, поясняя в интервью свою мысль о том, что сложно судить о мастерстве И. Бродского по английским переводам, заметил: «До недавнего времени Цветаеву переводили неадекватно. У Элейн Файнстайн Цветаева – хороший поэт, но это не Цветаева. Как бы то ни было, возможно, их [Бродского и Цветаевой] богатство и сложность не соответствует

английскому вкусу» [4, с. 559]. Поясняя свою мысль, Франс говорит, что для русской поэзии важны формальные приёмы, которые в англоязычной поэзии представляются анахронизмом. Иначе объясняет проблему М. В. Цветкова, отмечая, что для англоязычного читателя непонятна «глубинная русскость, которая проявляется на всех уровнях ее [Цветаевой] художественного мира: от обилия специфически русских концептов, трудно поддающихся переводу, до фольклорных приемов и образов, лежащих в основе многих ее произведений» [3, с. 130–131].

№	Текст	Число
1	<i>Неподражаемо лжет жизнь:</i>	3
2	<i>Сверх ожидания, сверх лжи...</i>	2
3	<i>Но по дрожанию всех жил</i>	3
4	<i>Можешь узнать: жизнь!</i>	2
5	<i>Словно во ржи лежишь: звон, синь...</i>	4
6	<i>(Что ж, что во лжи лежишь!) – жар, вал</i>	6
7	<i>Бормот – сквозь жимолость – ста жил...</i>	4
8	<i>Радуйся же! – Звал!</i>	2
9	<i>И не кори меня, друг, столь</i>	4
10	<i>Заворожимы у нас, тел,</i>	3
11	<i>Души – что вот уже: лбом в сон.</i>	5
12	<i>Ибо – зачем пел?</i>	2
13	<i>В белую книгу твоих тишизн,</i>	4
14	<i>В дикую глину твоих «да» –</i>	4
15	<i>Тихо склоняю облом лба:</i>	4
16	<i>Ибо ладонь – жизнь.</i>	2
	Всего	54

Таблица 1. Знаменательные слова в стихотворении М. Цветаевой

На сегодня известны три перевода стихотворения «Неподражаемо лжёт жизнь...». Первый (Marina Tsvetaeva. *After Russia / Translated from the Russian by Michael M. Naydan with Slava Yastremski*. Michigan: Ardis, 1992) относится к «старым», которые Питер Франс считает представляющим интересного поэта, но не Цветаеву. Второй перевод – стихотворение современной британской поэтессы У. Коуп по мотивам Цветаевой (Wendy Cope. *If I Don't Know*. London: Faber and Faber, 2001). Именно он иллюстрирует своеобразную границу рубежа веков, начиная с которой появляются новые переводы и новые переводчики. «Новая волна» в переводе представлена работой Кэтрин Сипила (*Ciepiela, Catherine. The Same Solitude: Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva*. Cornwell University, 2006).

М. Л. Гаспаров ввел понятия **коэффициент точности перевода**, вычисляемый как доля сохранённых в переводе знаменательных слов от общего числа знаменательных слов оригинала и **коэффициент вольности перевода**, представляющий собой процентное отношение привнесённых в

перевод знаменательных слов от общего числа знаменательных слов оригинала [1, с. 130–133]. Первый показатель показывает, насколько автору вторичного текста удалось вложить в прокрустово ложе языка перевода семантику оригинала; второй коэффициент говорит о том, насколько переводчик сумел передать своеобразие оригинала, не прибегая вспомогательным семантическим единицам. Оба показателя дополняют друг друга. Стоит оговориться, что точность и вольность перевода – показатели лингвопоэтического анализа, не имеющие прямой связи с эстетической оценкой перевода, которая даётся, в соответствии с литературными традициями лингвокультуры и индивидуальным вкусом читателя, с учётом множеством факторов.

К знаменательным словам относим существительные, прилагательные (в том числе местоименные), числительные, местоимения (в том числе и вопросительно-относительные), глаголы, причастия, деепричастия, наречия и вопросительные слова.

К служебным словам относим глаголы-связки (в том числе фазисные и модальные), предлоги, союзы, частицы и артикли. Анализ оригинала представлен в Таб. 1. Знаменательные слова в тексте выделены курсивом.

N	Текст	Сохр-е	Новые
1	<i>Inimitably life lies:</i>		
2	<i>Beyond expectation, beyond lies...</i>		
3	<i>But by the quivering of all your sinews</i>		
4	<i>You can tell: life!</i>	10	2
5	<i>As though you lie in rye: a bell, blue...</i>		
6	<i>(What, why do you lie in a lie!) – heat, a rampart...</i>		
7	<i>The humming – through honeysuckle – of a hundred stings...</i>		
8	<i>Rejoice! “You called me!”</i>	16	4
9	<i>But do not reproach me, friend,</i>		
10	<i>We, bodies, have souls so capable of being bewitched,</i>		
11	<i>Souls – that already fall here: by the brow into a dream.</i>		
12	<i>For – why did you sing?</i>	14	4
13	<i>Into the white book of your quietudes</i>		
14	<i>Into the untamed clay of your “yes” –</i>		
15	<i>I quietly bow the break of my forehead:</i>		
16	<i>For the palm – is life.</i>	14	1
	Всего	54	11
	Коэффициент точности перевода	54/54 = 100 %	
	Коэффициент вольности перевода	11/54 = 20 %	

Таблица 2. Анализ перевода Майкла Нейдана (1992)

В Таб. 2, 3 и 4 представлен анализ трёх переводов и, собственно, полученные коэффициенты. Сохранённые знаменательные слова в тексте выделены курсивом, а привнесённые подчёркнуты. Подсчёт сохранённых и привнесённых слов ведётся по строфам, поскольку в переводах нет

построчного соответствия: сначала в тексте перевода выделяются знаменательные слова, потом среди них выбираются те, что имеют соответствие в тексте оригинала.

N	Текст	Сохр.	Новые
1	<i>Life tells us lies, inimitably,</i>		
2	<i>Beyond all expectations, outdoing other liars.</i>		
3	<i>You know, when all your veins are trembling,</i>		
4	<i>You recognise it – life!</i>	7	14
5	<i>It is as if you're lying in a field of rye,</i>		
6	<i>In ringing blueness, falling heat (and so what if it's lies</i>		
7	<i>You're lying in), the sound of bees through honeysuckle.</i>		
8	<i>Rejoice. You have been called.</i>	13	9
9	<i>No, don't reproach me, my dear friend –</i>		
10	<i>Our souls are easily bewitched,</i>		
11	<i>Already, now, my head is entering a dream.</i>		
12	<i>Why did you sing?</i>	9	9
13	<i>Your quietnesses are a clean, white book,</i>		
14	<i>Your 'yesses', savage clay.</i>		
15	<i>I bend my head towards them, quietly.</i>		
16	<i>The palm of my hand – life.</i>	12	7
	Всего	41	39
	Коэффициент точности перевода	41/54 = 76 %	
	Коэффициент вольности перевода	39/54 = 72 %	

Таблица 3. Анализ перевода Уэнди Коуп (2001)

Первый перевод демонстрирует абсолютную точность при минимальной вольности, второй наименее точен и наиболее волен, третий довольно точен и приемлемо волен. Интуитивно можно установить своеобразное «золотое правило», допустимые границы, для поэтического перевода по показателю точности – более 70%, а вольности – меньше 30%.

Коэффициенты характеризуют лишь лексический строй поэтического текста. С. Р. Хайрова обращает внимание: «Следует подчеркнуть важность адекватного синтаксического оформления перевода, поскольку нарушения в этой области не лежат на поверхности и могут недооцениваться» [2, с. 143]. Это в полной мере относится и к стихотворным текстам, в которых синтаксис не только участвует в формировании содержания, но и во многом определяет просодию.

N	Текст	Сохр.	Новые
1	<i>Life lies inimitably:</i>		
2	<i>Beyond expectation, beyond the lie...</i>		
3	<i>But by the trembling of every vein</i>		
4	<i>You know: it's life!</i>	10	2
5	<i>As though you lay in the rye: sound, azure...</i>		

6	(<u>So what if you're</u> in a lie!) – heat, hill...		
7	Murmur – through the honeysuckle – of a hundred veins...		
8	Rejoice! – <u>He called you!</u>	15	5
9	And don't reproach me, friend, so		
10	<u>Easily</u> are souls lured from us		
11	Bodies – that <u>here already</u> : I'm headfirst into a dream.		
12	For – <u>why else</u> did <u>he</u> sing?	14	5
13	Into the white book of your quietnesses,		
14	Into the untouched clay of your “yesses” –		
15	I quietly lean <u>my</u> fragment of brow:		
16	For <u>your</u> palm is life.	14	3
	Всего		
	Коэффициент точности перевода	53/54 = 98 %	
	Коэффициент вольности перевода	15/54 = 28 %	

Таблица 4. Анализ перевода Кэтрин Сипилы (2006)

Тем не менее, представляется перспективным использование коэффициента вольности и коэффициента точности перевода, например, в корпусных сопоставительных исследованиях. Уже сегодня разработаны достаточно надёжные средства машинного лингвистического анализа текстов, которые позволяют выделить знаменательные слова оригинала и перевода. Будучи дополненными словарём допустимых соответствий, методом перебора можно выделять в заданном окружении каждой единицы замены и добавления, что позволит характеризовать не отдельное стихотворение, а большие массивы текстов. Расширение использования количественных методов повышает объективности анализа как в переводоведении, так и в стиховедении, и обеспечивает возможность верификации выводов.

Кроме того, даже проведённое сопоставление текстов подталкивает к более детальному анализу переводческих решений – на уровне фоники, семантики и стилистики. Поэтому подсчёт коэффициентов вольности и точности может стать отправной точкой лингвопоэтического сопоставительного анализа.

Список использованных источников

1. Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 3 тт. Т II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. 501 с.
2. Хайрова С. Р. Стратегия перевода пресс-релиза. // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии (Сборник статей). Т. 9. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2016. 220 с.
3. Цветкова М. В. Рецепция поэзии Марины Цветаевой в Великобритании: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. М.: РГБ, 2003.
4. Polukhina Valentina. Brodsky through the Eyes of His Contemporaries. – Vol. 2. Boston, 2008. 604 pp.

УДК 81'25

ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ КАК СИСТЕМНЫЙ ДЕСКРИПТОР В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Т. А. Казакова

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Институт устного и письменного перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Понятие эквивалентности, широко используемое в переводоведении, отличается теоретической размытостью и носит преимущественно характер частной, эмпирически выводимой оценки свойств переводного (целевого) текста. В данной статье эквивалентность рассматривается как сложное многоуровневое отношение между языковыми единицами разных языков, связанными текстами, культурными ассоциациями и личными умозаключениями. Основными свойствами эквивалентности можно считать устойчивость и вариативность с учетом системного взаимодействия объектов в переводе. В качестве критерия для анализа эквивалентности применяется информационная репрезентативность, что позволяет определять степень, свойства и условия эквивалентности как системного дескриптора перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, информационная репрезентативность, языковая, связанная, ассоциативная и индивидуальная информация.

Summary. Theoretically, the equivalence, though amply used in translation studies, is a fuzzy concept of an empirical assessment of the target text quality when compared to the source text. This paper describes the equivalence as a complex multilevel relation between linguistic units of the involved languages, coherent texts, cultural associations and individual solutions. The major attributes of the equivalence are stability and variability with regard to systemic interaction between the components of translation. The informational representativeness is proposed as a formal criterion in the process of recognizing degrees, attributes and conditions of the equivalence as the systemic translation descriptor.

Key words: equivalence, informational representativeness, linguistic, coherent, associative, and individual information.

Одной из признанных универсалий перевода считается эквивалентность [3; 1; 18], однако теоретическая универсальность этого понятия имеет под собой довольно слабую доказательную основу и отличается противоречивостью, что закономерно вызывает разногласия как в среде переводоведов [19; 12; 15; 18], так и в среде переводчиков и менеджеров переводческой индустрии [см. об этом в: 6]. Попробуем рассмотреть это противоречивое, но эмпирически признаваемое понятие в свете системного анализа [8; 10]. Наиболее серьезный обзор точек зрения на эквивалентность в

западном переводоведении содержится в недавней работе Э. Пима «Exploring Translation Theories» (2014). Однако прежде чем обратиться к его комментариям, уточним, что мнения как отечественных, так и зарубежных исследователей по этому вопросу расходятся по весьма обширной шкале: от признания эквивалентности центральным понятием теории перевода [1; 5; 17; 12; etc.] до полного отрицания теоретической значимости этого понятия [19] или, по меньшей мере, рассмотрения его как сомнительного [см. длинный перечень синонимов данного термина в: 16, с. 5].

Разбросу взглядов, в сущности, положил начало американский библеист и переводовед Ю. Найда, с легкой руки которого в обиход переводоведения вошел как сам термин, так и его противоречивое истолкование. Оппозиция «естественная эквивалентность – динамическая эквивалентность» [17, с. 42] изначально трактовалась как мера совместимости языковых единиц (в основном, лексики) разных языков в условиях перевода. При этом естественной считалась совместимость (взаимозаменяемость) лексических единиц, если она удостоверяется словарем. Отклонения от совместимости рассматривались как случайные исключения, продиктованные существенными различиями между языками и (или) культурами, что требовало обходных путей при переводе, то есть динамической, или функциональной эквивалентности. Легко видеть, что, в отличие от естественной (словарной) эквивалентности, удостоверяемой авторитетом двуязычного словаря, динамическая равнозначность не удостоверяется ничем, кроме расплывчатых комментариев переводчика, поясняющих то или иное внесловарное решение. Характерно, что Э. Пим в связи с этим осложнением вводит понятие «направленной» (directional) эквивалентности, то есть такой совместимости, которая действительна в одном направлении и не работает в обратном переводе [например, перевод «Eton» на немецкий язык в виде описания «одна из элитных частных школ» вряд ли совпадет с исходным словом, поскольку элитных школ в Англии много: 18, с. 25]. Однако какого-либо внятного критерия «действенности в одном направлении» он не предлагает, и остается неясным, насколько вообще допустимы подобные формы эквивалентности с точки зрения точности перевода.

В последующие десятилетия теории и практики обнаружили, что «исключения» из правил естественной эквивалентности в разы превышают совпадения. Не случайно Я. И. Рецкер относил к числу эквивалентов только лексику, именуемую единичные, общие для всех объекты типа «солнце – the sun», тогда как все остальные случаи совмещения лексических единиц при переводе помещал в разряд контекстуальных вариантов или трансформаций, основанных на известных логических операциях включения, пересечения, аналогии и т.д. [4]. Впоследствии многочисленные попытки структурировать размытое понятие эквивалентности строились не столько на общелогической основе, сколько на соединении разнородных, внешних по отношению к процессу перевода условий вроде ситуации,

смысла, дискурса и т.п. [1; 12] Исключение, пожалуй, составляет семиотический подход А. Д. Швейцера, согласно которому эквивалентность обусловлена преимущественными функциями компонентов знака: соответственно определяются такие параметры совместимости, как синтаксическая, семантическая и прагматическая эквивалентность [11, с. 162]. В 1990-е гг. в обиход переводоведения вошли попытки заместить понятие эквивалентности более общим понятием изоморфизма [2, с. 19] или гомоморфизма [7, с. 34]. М. Снелл-Хорнби вообще скептически рассматривала полезность самого понятия для переводоведения, полагая, что оно «создает иллюзию симметрии между разными языками» [19, с. 76].

Выше уже говорилось о том, что понятие эквивалентности в переводоведении отличается противоречивостью. С одной стороны, это безусловно полезный инструмент, эмпирически осознаваемый как некая данность, практичный, хотя и расплывчатый ориентир. С другой стороны, двойственная природа этой данности делает ее весьма уязвимой, а потому не вполне пригодной для теоретического моделирования перевода. Ключом к решению проблемы, как ни парадоксально, является очевидная разнородность критериев эквивалентности. В сущности, говоря об эквивалентности перевода оригиналу, авторы, как правило, под переводом имеют в виду разные объекты, обладающие разными свойствами и, соответственно, связанные разными отношениями – иными словами, имеют в виду разные эквивалентности. Часть критериев равнозначности относится к языковым единицам как таковым (значение, коннотация, форма и т.д.). Однако такие критерии, как контекст, смысл, ситуация, переводческое решение, культурная традиция и ряд других, сами по себе требуют определения, а их применение носит явно субъективный характер. Например, кто знает, что такое «смысл», и как, пользуясь этим загадочным «смыслом», доказать легитимность перевода, когда языковые единицы исходного текста не обнаруживаются в виде словарных соответствий в тексте переводном? Можно, конечно, применить еще более лукавый термин «доместикация» [20, с. 92] и так обосновать необходимость отсутствия прямых языковых соответствий требованиями «культурного фильтра» [14, с. 251] или вообще личным фильтром, «когниосферой» (термин А. А. Сорокина) [7, с. 29] переводчика.

Эти и другие противоречия можно снять, обратившись к более общему критерию информационной репрезентативности [9, с. 98]. Следует признать, что, различая «уровни эквивалентности», переводоведение обращается к разным объектам, обладающим разными свойствами и связанным разными отношениями. В таком случае, эквивалентность можно представить как сложно структурированную систему информационных отношений, построенных на основе функций различных объектов. Конечно, следует помнить, что всякое отношение в той или иной мере субъективно, то есть выявляется посредством логических умозаключений: «Поскольку

отношения являются логическими функциями (...), то получается, что отношения не носят объективного характера, не существуют вне человека». [10, с. 81] Учитывая исходную субъективность отношения эквивалентности, рассмотрим доказательную базу выявления эквивалентности как системы информационной репрезентативности.

Как всякая сложная система, эквивалентность имеет свою зону бифуркации, то есть структурной уязвимости. В случае с эквивалентностью такая уязвимость возрастает по мере повышения уровня информационной репрезентативности: наиболее устойчивое отношение обеспечивается на уровне межъязыковых соответствий, определяемых двуязычными словарями и сопоставительной грамматикой для языковых единиц. Однако сами по себе языковые единицы не обеспечивают полноту информационной репрезентативности, поскольку, как известно, вступая во взаимодействие друг с другом в условиях высказывания (устного или письменного), они формируют более высокий уровень – связанной информации, в структуре которой какие-то свойства отдельных языковых единиц активируются, а какие-то утрачивают актуальность. Носитель английского языка не ошибется, распознавая значимость связки «his hair is blond», но в условиях перевода на русский язык эта значимость, по меньшей мере, допускает три решения: «у него *светлые волосы*», «он *белокурый*» и «он *блондин*». На уровне отдельных языковых единиц здесь наблюдается расхождение как лексическое, так и грамматическое, то есть отношение эквивалентности отсутствует. С точки зрения целого, все три решения потенциально эквивалентны, несмотря на то, что в них для обозначения одного и того же свойства объекта используются такие разные языковые ранги, как словосочетание, прилагательное и существительное. Что же делает их эквивалентными? Ответ очевиден – это связанная информация, в которой свойства двух языковых знаков сочетаются как общее свойство по отношению к внеязыковому объекту.

Уровень связанной информации может коррелировать с более высоким уровнем – ассоциативной информации, когда то или иное высказывание соотносится с разными объектами в пределах культурной традиции. В английском сказочно-мифологическом тексте сочетание «fair maiden» встречается достаточно часто – и так же часто сопровождается разными переводческими решениями: «прекрасная дева», «волшебная дева» и «белокурая дева». Оставим в стороне дискуссию о передаче мифонимов при переводе, ибо в данном случае нас интересует критерий, скажем так, предпочтительной эквивалентности. Если принять во внимание встречаемость этого выражения в «волшебно-сказочном пространстве», то очевидно, что эпитеты «прекрасная» или «белокурая» не вызывают отчетливой ассоциации с этим пространством. По критерию ассоциативной информации предпочтительным решением будет «волшебная дева», хотя для русского восприятия такая форма связи вызывает определенное

коммуникативное напряжение, поскольку эпитет «волшебный» обычно связан с предметами.

Можно отметить еще один уровень информационной репрезентативности – назовем его индивидуальной, или авторской информацией. Чаще всего это встречается при переводе художественных текстов высокой информационной насыщенности. Оказываясь в ситуации, когда межъязыковые соответствия допускают вариативное решение, а связанная и даже ассоциативная информация недостаточно определяют выбор, переводчик обращается к личному предпочтению. Если принцип точности (*allegiance*) неприменим, остается принцип творчества (*creativity*) [13, с. 47–53]. Переводческое творчество вносит в отношении эквивалентности дополнительный информационный ресурс, возможно, отсутствующий или нераспознаваемый в исходном тексте [7, с. 29]. Приведем еще один вариант со словом «*fair*»: известная фраза из заклинания ведьм в «Макбете» на английском языке имеет форму перевертыша «*fair is foul, and foul is fair*». В переводе Ю. Корнеева это передается посредством императива «Грань между добром и злом, сотрись!» Учитывая полисемический характер слов «*fair*» и «*foul*» и символичности языка Шекспира, легко допустить множество переводных вариантов, причем они, как правило, носят характер сентенций: «Зло станет правдой, правда – злом» (перев. М. Лозинский); «Зло есть добро, добро есть зло» (перев. Б. Пастернак); «Добро и зло – один обман» (перев. А. Фехт). Легко видеть во всех вариантах переводческую индивидуальность, однако внесение авторской информации во всех случаях упрощает игру слов, то есть теряет исходную авторскую информацию, которая прослеживается в разных эпизодах, когда эти пророческие заветы произносятся по разным поводам персонажи пьесы.

Подведем предварительные итоги. Рассматривая эмпирическое понятие эквивалентности как системный дескриптор перевода, логично представить его в виде сложного многоуровневого комплекса критериев, обеспечивающих репрезентативность информации. Информационные отношения в переводе соответственно могут быть рассмотрены в виде уровневой структуры, включая языковую, связанную, ассоциативную и индивидуальную информацию, которые в совокупности определяют степень информационной репрезентативности.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 421 с.
2. Найда Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе // Перевод и коммуникация. М.: Наука, 1997. С.8 – 19.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 318 с.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

5. Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: Лингвистический аспект. М.: Флинта; Наука, 2013. 224 с.
6. Сдобников В. В. Оценка качества перевода: Коммуникативно-функциональный подход. М.: Флинта; Наука, 2015. 108 с.
7. Сорокин Ю. А. Переводоведение: Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 159 с.
8. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ. К.: МАУП, 2003. 368 с.
9. Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 334 с.
10. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль 1978. 272 с.
11. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
12. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London; New York: Routledge, 1992. 314 p.
13. Boase-Beier J. A Critical Introduction to Translation Studies. London – New York: Continuum, 2011.
14. House J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // *Translators' Journal*, vol. 46, n° 2, 2001, p. 243–257.
15. Marco J. The terminology of translation: Epistemological, conceptual and intercultural problems and their social consequences // *Target*. 2007. –Vol. 19. Iss. 2. P. 255–269.
16. Newmark P. Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1993. 186 p.
17. Nida E., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 1982. 226 p.
18. Pym A. Exploring Translation Theories. London – New-York: Routledge, 2014. 386 p.
19. Snell-Hornby M. The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints?. Amsterdam: Benjamins, 2006. 221 p.
20. Venuti L. The Translator's Invisibility. London – New York: Routledge, 2004. 366 p.

УДК 81–115'373.7

**REFLECTION OF LANGUAGE WORLD PICTURES
OF THE ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOUR COMPONENTS**

L. A. Kazaryan,

*student of Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol*

L. Sh. Kubedinova,

*candidate of Philological Sciences, Associate Professor of English Philology
department, Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. Целью исследования является описать национальную концептуализацию в английском, французском и русском языках через фразеологические единицы с цветовым компонентом, применяя корпусный подход. В ходе исследования были применены следующие методы: описательный метод, метод фразеологической идентификации, компонентный анализ, метод корпусного анализа. Проведенное исследование показывает, что цвета имеют важное значение в жизни любого народа, так как разнообразный ряд цветов, их названия и символическое значение являются своего рода отражением национальной картины мира. Знания о национальных особенностях восприятия цвета также содействует коммуникации на международном уровне.

Ключевые слова: фразеологические единицы, цвет, корпус, картина мира, восприятие цвета, символ.

Summary. The goal of the research is to describe the national conceptualization in PhUs with the colour component in Russian, English and French in the aspect of the corpus. For the purpose of this study there were used: the descriptive method; the method of phraseological identification; the component analysis, the corpus analysis. In general this research shows that colour in the life of any people is very important, as numerous colours, their names and the symbolic meaning is a kind of reflection of the worldview of an individual. Knowledge of the national peculiarities of colour perception also helps to facilitate communication on the international level.

Key words: phraseological units, colour, corpora, worldview, colour perception, symbol.

It is generally accepted that the study of PhUs in different languages has a long tradition. Phraseology has been investigated by both Russian and foreign researchers for nearly a century and there is extensive literature on the subject (V. V. Vinogradov, L. V. Shcherba, V. N. Teliya, N. M. Shansky, N. D. Fomina, A. V. Kunin, M. A. Bakina, L. L. Nelyubin, J. Mlatsek, G. Boyadzhiev, etc). On the other hand, elaboration of PhU properties, their roles, semantic features and functions in the language still attract the attention of scientists [17, 15, 7, 8, 11].

Nowadays any research is impossible without IT and the Internet. That is why corpus linguistics which studies national corpora (information systems based on collecting texts in the electronic form) seems a very prospective science and many linguists are developing it [10, 12–14, 18, 2, 3, 5].

The material for the study is the national corpora of the Russian, English and French languages including 535 PhUs with colour components resulting from the conversion of the electronic version of the dictionaries of idioms and slang into the database.

This study of phraseological dictionaries proves that none of the three languages cannot be considered “poor” concerning functioning PhUs with colour components. All of the colours presented in the PhU structure are very symbolic. Their importance in the three languages is often similar, but in some cases we can

find no parallels in the symbolic meanings of particular colours, which, in our opinion, explains the uniqueness of the national perception of the world.

PhUs with the component “black” («черный», “noir”) function in large numbers in all the three languages. The negative meanings of this colour component are similar in all the languages, they are “evil”, “illegal”, “dark”, “dull”, “bad”. The black colour is the most popular among the other colours in PhUs and has a negative impact on the psyche and human spirits:

1) *English*: **black out, black as a skillet, blackball someone, pot calling the kettle black;**

2) *French*: **noire geline pond blanc oeuf, une poule noire pond un oeuf blanc, sur Dieu n'y a aucun seigneur, ny sur noir aucune couleur;**

3) *Russian*: **в черном теле, в черном свете, черная зависть, черный нал, черный юмор, черная бухгалтерия.**

PhUs with the component “white” («белый», “blanc”) are also rather numerous. Similarities in the symbolic meaning of this colour have been found in all the three languages. The analysis shows that the colour “white” is a symbol of purity, light, chastity, tenderness, honesty, peace:

1) *English*: **to be whiter than white, white hands, white hope;**

2) *French*: **voir la vie en blanc, une salle blanche, une magie blanche, être blanc comme un cachet d'aspirine;**

3) *Russian*: **белая кость, белый свет, белая зарплата, как белый человек, белые ручки.**

However, a number of meanings differ from each other in the languages. For example, some English PhUs with the white colour component are semantically associated with “cowardice” (for example **white-knuckle, white feather/liver, as white as a sheet, white as a ghost**, etc); in the French PhUs we have discovered the meanings of “futility” and “vain” (for example **c'est un coup blanc, tirer à blanc**, etc). It should be pointed out that such meanings are not typical for Russian PhUs.

As it can be seen from the received data the meanings of PhUs with the red component («красный», “rouge”) are quite similar in all the three languages: “solemn”, “violent”, “beautiful”. However, in some cases, this colour has different meanings in the languages. For example, the colour “red” in the English world picture sometimes acquires the specific meaning “criminal”, “false” and the French language has an additional meaning of “difficult”:

1) *English*: **like a red rag to a bull, paint the town red, to see red, red tape, red with anger;**

2) *French*: **ciel rouge le soir, être en rouge, bonnet rouge;**

3) *Russian*: **ради красного словца, красная тряпка на быка, красная цена, покраснеть до корней волос.**

As for the blue colour («голубой/синий», “bleu”) it has both positive and negative meanings in the languages. “Blue” is universally considered to be a symbol of nobility, dreams, strength, and romanticism. On the other hand, it is associated with diseases and low spirits. Specific meanings of this colour

component in PhUs can be found in the English (“dirty”, “vulgar”, “rare”, “unexpected”) and French (“inexperience”, “immaturity”, “alcohol”) world pictures:

1) *English*: **between the devil and the deep blue sea, a blue movie, once in a blue moon, out of the blue, blue devils;**

2) *French*: **sang bleu, rêve bleu, être bleu, se faire un, mettre son nez dans le bleu, être voué au bleu;**

3) *Russian*: **на блюдечке с голубой каемочкой, голубая мечта, голубая кровь, синий чулок, до посинения, синяя птица.**

In all the languages PhUs with the green («зеленый», “vert”) component mean “youth”, “freshness”, “spring”, “bloom”, “freedom”, “vitality”. Still we can find some semantic differences: in the French national world picture it takes the additional meaning of “rigor” and “sharpness”. Moreover, the symbolic meanings of “youth” in the French and Russian PhUs with the green component are different because in Russian it is synonymous with the concept of “inexperience”, “naivety” and in French – “freshness”, “vivacity”:

1) *English*: **green as grass, green behind the ears, have green fingers/have a green thumb, green belt;**

2) *French*: **un vieillard encore vert, verte jeunesse, être trop vert en paroles, du bois vert;**

3) *Russian*: **молодо-зелено, дать зеленую улицу (зеленый свет), елки зеленые, зеленый змей.**

According to our research the other colour components in PhUs are not frequently used in the above-mentioned languages. That is why we can't make any specific conclusions about their role in the reflection of the national language pictures of the Russian, English and French cultures.

Our research has also focused on the study of the paradigmatic and syntagmatic characteristics of PhUs with colour components and their distribution by area of activities in the English, French and Russian languages.

The research confirms that phraseological units play an important role in reflecting national linguistic pictures and we consider their study using national language corpora relevant and perspective.

There are different, sometimes controversial approaches in the study of PhUs but it is generally accepted that they reflect the objective picture of the world in the minds of native speakers and all researchers distinguish three main aspects in PhUs including significative, denotative, and connotative.

This picture of the world does not exist apart from the consciousness of native speakers; they are correlated with each other. This influence, in its turn, leads to semantic changes within PhUs adding new occasional meanings to their normative lexical meaning.

It is widely recognized that colours are very important in the life of all peoples, as numerous colours, their names and symbolic meanings reflect the worldview of different peoples. Due to this role the knowledge of national peculiarities of colour perception helps us to teach and study foreign languages

more effectively and deeply and take part in cross-cultural communication more successfully.

PhUs with colour components are closely interrelated with the national and cultural characteristics of social and spiritual life of peoples, their perception of the world, its historical, cultural, economic development, natural and geographical environment, national folklore, rituals and customs. To understand other cultures better we must learn how to interpret the meaning of the colour language correctly.

We can't but agree with S.G. Ter-Minasova who points out that the colour picture of the world is included in the cultural picture of this world which is specific and varies in different cultures. The colour picture can be defined as a reflection of the real picture through concepts formed on the basis of human images, received through senses which passes through minds, both collective and individual [4, p. 41].

Thus, colour being an object of interdisciplinary studies in different sciences and areas of human activity is an important part in the structure of the human experience and it is represented as a nationally specific colour system in the language.

The use of corpus data opens new possibilities in the study of semantic structures of words in both synchronic and diachronic aspects. Corpus approach in humanities research seems very fruitful as it allows to study in complex cognitive, linguistic and cultural changes in the meaning of words and PhUs which, in turn, reflect deep, mental, and philosophical changes, affecting the consciousness of native speakers.

Список использованных источников

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в современном русском языке. М., 1975. 286 с.
2. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Комкнига, 2005. 216 с.
3. Джалилова М. Т. Коррелятивные отношения в лексико-семантическом поле цветообозначения // Актуальные вопросы филологии. Вып. III. Душанбе: РТСУ, 2009. – С. 109–113.
4. Ефимова Р. М. Цветовые фразеологизмы в немецком, русском и английском языках. – [Электронный ресурс] – http://pglu.ru/upload/iblock/07d/uch_2014_iii_27.pdf (дата обращения 03.07.2016)
5. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: учебно-метод. пособие. СПб., 2003. 48 с.
6. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь переводчика. М., 2001. 776 с.
7. Кунин В. В. Фразеология французского языка. М., 1997. 519 с.
8. Кузнецова Ю. Л. Современные корпусные исследования языка: новые подходы // Вопросы языкознания. – 2010. – № 6. С. 108–124.

9. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1989. 318 с.
10. Плуноян В. А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. – 2005. – № 2. С. 12–32.
11. Рыков В. В. Корпус текстов как новый тип словесного единства // Труды международного семинара «Диалог-2003». М.: Наука, 2003. С. 15–23.
12. Сичинава Д. В. К задаче создания корпусов русского языка // НТИ. – Сер.2. – 2002. – №. 12.
13. Соснина Е. П. Корпусная лингвистика и корпусный подход в обучении иностранному языку. – [Электронный ресурс] – <http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature> (дата обращения 01.08.2016)
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М: 2000. 365 с.
15. Федосов И. В. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 608 с.
16. Фрумкина Р. М. Цвет. Смысл. Сходство. М., 1984. 174 с.
17. Чепасова А. М. Семантическое и грамматическое свойство фразеологизмов. Челябинск, 1993. 123 с.
18. Teubert W. My version of corpus linguistics. International Journal of Corpus Linguistics, 2005, vol. 10 (1), pp. 1–13

LANGUAGE CORPORA

1. Russian National Corpus. [Electronic resource] // Mode of access: URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 14.03.2016)
2. British National Corpus. [Electronic resource] // Mode of access: URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения 03.03.2016)
3. International Corpus of English. [Electronic resource] // Mode of access: URL: <http://ice-corpora.net/ice/> (дата обращения 04.02.2016)
4. National American Corpus. [Electronic resource] // Mode of access: URL: <http://www.americannationalcorpus.org/> (дата обращения 10.04.2016)
5. Corpus of the French language. [Electronic resource] // Mode of access: URL: <http://sites.univ-provence.fr/delic/corpus/index.html> (дата обращения 25.04.2016)
6. Corpus of spoken French. [Electronic resource] // Mode of access: URL: <http://www.llas.ac.uk/resources/mb/80> (дата обращения 17.03.2016)

УДК 372.881.111.1

ВИДЕОБЛОГ КАК ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. И. Казина,

*аспирант, Государственное образовательное учреждение высшего
образования Московской области «Государственный
социально-гуманитарный университет», Коломна*

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам использования метода ведения видеоблогов в контексте обучения иностранному языку.

Автор рассматривает применение данного метода на уровне повышения учебно-познавательной мотивации студентов, актуализации лексических и грамматических конструкций, роста уровня социокультурной компетенции обучающихся. В статье обобщается теоретический материал, посвященный видеоблогам, приводятся практические данные, полученные в ходе исследования, формулируется вывод о положительной динамике использования видеоблогов на уроках иностранного языка.

Ключевые слова: видеоблог, блогер, дискурс, жанр, учебный процесс, социокультурная компетенция

Summary. The article is devoted to the issue of learning foreign languages via video blogs. The author defines some specific features of this method: students' motivation, actualization of lexical and grammatical structures, the growth of socio-cultural competence. In the article an overview of theoretical and practical materials is given. Positive dynamics of the use of video blogs is drawn in conclusion.

Key words: video blogs, blogger, students' motivation, discourse, socio-cultural competence, teaching, learning

Гай Кук, в своей книге «Discourse» выделил два диаметрально противоположных типа языка в контексте обучения: язык, который мы преподаем абстрактно и язык, который используем в целях коммуникации (используемый порой без соответствия литературной норме), и именно его лингвист называет языком в использовании, дискурсом [5, с.1-2]. Но как сделать так, чтобы язык стал для студентов не только чем-то абстрактным, а «соединить текст с контекстом, сделать значимым» [2, с.76]?

Перед преподавателями иностранного языка традиционно стоят вопросы актуализации изученной лексики, грамматики, увеличения практики устной речи (как монологической, так и диалогической), повышения мотивации обучающихся и, безусловно, роста уровня знаний в социокультурном аспекте.

На наш взгляд, одним из наиболее перспективных методов обучения английскому языку, особенно такой возрастной группы, как подростки, выступает метод ведения видеоблогов. Не смотря на его новизну (первая конференция видеоблоггеров состоялась в Нью-Йорке в январе 2005 года), сегодня количество поисковых запросов на самых популярных блогеров России – Ивангая и Марьяну Ро составляет 998 813 и 703 014 соответственно [6]. Среди зарубежных блогеров первое место удерживает пользователь с ником PewDiePie с аудиторией 52 941 819 пользователей [7]. По данным социологического опроса, проведенного в группе студентов ГБПОУ МО «Колледж «Коломна», 34 из 35 студентов регулярно следят за обновлениями определенных видеоблоггеров (в том числе являются подписчиками англоязычных блогеров), 23 студента хотя бы раз задумывались о ведении собственного видеоблога, 7 из которых – имеют свой ютуб канал, который регулярно обновляется. Более того, в ходе

проведения практических занятий, стало очевидно, что студенты готовы уделять ведению блога гораздо больше времени, чем выполнению традиционного домашнего задания. Таким образом, можно предположить, что ведение собственного видеоблога будет иметь положительную учебно-познавательную мотивацию.

На первоначальном этапе создания видеоблога, студентам необходимо определиться со следующими факторами:

1. тематика видеоблога (обговаривается с преподавателем и другими студентами, если блог планируют вести в форме диалога, полилога);
2. установка на актуальное или долговременное использование сообщения (в зависимости от которой будет формироваться дальнейший контент);
3. факторы, связанные с экстралингвистическими параметрами (канал связи, аудитория, ограничение по времени, наличие или отсутствие рекламы и т.д.)

Следующий этап – это создание обучающимися контента на иностранном языке и начало ведения блога. Говоря о лексическом и грамматическом аспектах, преподавателям стоит быть особенно внимательными, поскольку существуют так называемые «точки роста» (намеренное нарушение языковых норм) и языковые игры [2 с. 242-245]. Порой студенты нарушают языковую норму, и тогда преподавателю важно понять, была ли данная ошибка совершена намеренно, с целью продемонстрировать свободное владение языком, пошутить, обыграть значение слова или же это недостаточное знание лексики или грамматики.

Перед студентами открывается возможность повлиять и на эстетическое восприятие комментариев представленного контента на уровне постижения смысла еще до начала чтения. Современные технологии, позволяют размещать в комментариях видеофайлы, изображения, аудиозаписи или поликодовый текст, обозначая тенденцию креолизованности текста, формируя не только общий смысл высказывания, но и его эстетику.

Преподавателям важно обратить внимание студентов на жанровые особенности ведения видеоблога. В. И. Карасик отмечает, что специфика жанра определяет прагматику общения, «существуют жанровые каноны, допускающие ту или иную степень вариативности, но выход за рамки таких канонов сводит общение на нет». Автор также указывает на необходимость владения речевым жанром, в связи с тем, что определенный жанр представляет собой ситуативный стандарт, с точки зрения социолингвистики [3, с. 132-134]. Таким образом, студенты могут закрепить некую модель общения. На данном этапе необходимо представить обучающимся некие успешные стратегии общения, которые применяются зарубежными блогерами в качестве примера. Следовательно, происходит и повышение уровня социокультурной компетенции обучающихся, т.к. выбор студентов не ограничен – блоги о путешествиях, науке, спорте широко представлены в интернете.

На завершающем этапе проводится рефлексия проделанной работы, обсуждается дальнейшая стратегия ведения блога.

На сегодняшний день, еще рано говорить о том, станет ли метод ведения блогов таким же успешным, как классические методы, применяемые в преподавании иностранного языка, однако сейчас уже можно говорить о положительной динамике в повышении мотивации, закреплении грамматических и лексических конструкций, а также росте уровня знаний в социокультурном аспекте.

Список использованных источников

1. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Издательство Прогресс, 1989. 312 с.
2. Володина М. Н. Язык и дискурс СМИ в XXI веке. М.: Издательство Академический проект, 2011. 332 с.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 334 с.
4. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Х.: Издательство «Гуманитарный центр», 2013. 264 с.
5. Cook G. Discourse [Electronic Resource]//Oxford University Press. 1989. – Mode of access: URL: <https://ru.scribd.com/doc/60773460/Discourse-Cook> (дата обращения 26.01.2017)
6. WordStat Yandex [Electronic Resource] Statistics Service. Mode of access: URL: <https://wordstat.yandex.ru/>
7. Youtube [Electronic Resource] an American video-sharing website. Mode of access: URL: <https://www.youtube.com>

УДК 378.147.811.133.1.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. В. Карпенко,

*кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков №3,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

О. В. Ермоленко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Авторы данной статьи рассматривают проблемы профессиональной лингводидактики, которая разрабатывает методологию преподавания иностранного языка профессиональной направленности и формирует методологию иноязычной коммуникативной компетенции, компоненты которой определяют языковую личность специалиста.

Ключевые слова: профессиональная лингводидактика, дискурс, межкультурная коммуникация, междисциплинарный подход, коммуникативная компетенция, иноязычное погружение.

Summary. The authors of this article examine the problems of professional linguadidactics, which develops the methods of teaching a foreign language and a professional orientation, creates the methodology of foreign language communicative competence, the components of which define the language identity of the specialist.

Key words: professional Language Didactics, discourse, intercultural communication, interdisciplinary approach, communicative competence, foreign language immersion.

В Российской Федерации реализуется актуализация задач подготовки высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда, а также, внедрение научных идей в производство через высшее образование, которое по сути своей профессионально ориентировано и является важнейшим фактором экономического роста и повышения благосостояния нашего общества. Конкурентоспособность России за счет улучшения качества образовательных услуг, соответствие международным стандартам образования, отражающимся в рейтингах международных университетов, на сегодняшний день являются главными тенденциями образовательного процесса в нашем государстве. Сегодня произошел переход к концепции компетентного подхода, характеризующегося подчинением всех элементов содержания и технологии идеи реализации комплекса профессионально значимых компетенций, прописанных в варианте ФГОС ВО (стандарта три и три плюс), где каждая учебная дисциплина должна прямо влиять на подготовку компетентного выпускника вуза, формировать личность профессионала, выступать как средство учебной среды для развития профессиональных компетенций.

Глубокие и разносторонние знания в области иноязычного профессионального и академического дискурса, а именно, навыки устной и письменной коммуникации на иностранных языках, умение показать результаты своих научных разработок и исследований должны восприниматься не как конкурентное преимущество при приеме на работу, а как базовый навык. Очевидно, что высокий языковой уровень выпускников неязыковых вузов является не только мерилком компетентности, но также влияет на успешное и динамичное экономическое развитие нашей страны.

Профессионально-направленное обучение иностранным языкам базируется на зарубежном направлении интегрированного междисциплинарного обучения иностранным языкам: «Английский для специальных целей» «English for specific purposes», когда знание английского и других иностранных языков превратилось в насущную потребность в сфере профессиональной коммуникации.

Профессиональная лингводидактика занимается разработкой методологии профессионально ориентированного обучения иностранному языку, формирующего иноязычную профессиональную коммуникативную компетенцию, компоненты которой характеризуют языковую личность специалиста [5, с. 2–11].

В настоящее время профессиональная лингводидактика чрезвычайно актуальна в связи с интенсивным использованием информации профессионального характера, получаемой из различных зарубежных источников, а также в связи с развитием внешнеэкономической деятельности и специальностей, требующих знания не только одного, но и двух, трех иностранных языков.

Актуальность отрасли профессиональной лингводидактики определяется еще и тем, что она играет решающую роль в процессе формирования профессиональной компетентности специалиста, как ключевого требования стандартов высшего профессионального образования в нашей стране.

Являясь многопрофильной дисциплиной, включающей дидактику, профессиональную педагогику; психологию, и психолингвистику и др.; профессиональная лингводидактика опирается на формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции обучающихся и имеет непосредственное отношение к лингвистике. Обучение иностранным языкам – это процесс общения, т.е. коммуникации, включающей профессиональный, деловой и межкультурный аспекты. Так, профессиональная лингводидактика направлена на иноязычную профессионализацию, которая невозможна без обращения к предмету специальности обучающегося, и нацелена на расширение знаний о специальности средствами иностранного языка. Обучение профессиональной коммуникации является основой профессиональной лингводидактики, которая занимается исследованием стратегии формирования профессиональной компетенции специалиста в период обучения иностранному языку. В процессе обучения профессионально-ориентированному иностранному языку происходит формирование профессиональной языковой личности, продиктованное объективными причинами развития науки на современном этапе. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что профессионалу не обойтись без владения высоким уровнем одного-двух иностранных языков. Следовательно, язык профессиональной направленности формирует не только способность к международному, межкультурному общению, но и способность к профессиональной коммуникации в мультикультурном пространстве.

Говоря о профессионально ориентированном обучении иностранным языкам, следует подчеркнуть его интегрированный характер. В ходе изучения языкового материала, правил грамматики, лингвокультурологических знаний, приобретения и развития языковых и речевых умений, происходит усвоение специальных профессиональных

знаний. Таким образом у обучающегося вырабатывается иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция формирующая умение комбинировать и адаптировать вновь приобретенный языковой материал в ситуациях профессионального общения.

Подчеркнем, что профессиональная коммуникация, по словам И. А. Зимней [2] и Е. И. Пассова [9], является одновременно и целью и средством обучения, обеспечивая «беспредельность», уникальность иностранного языка как учебной дисциплины, а профессиональную лингводидактику – как специальную отрасль науки лингводидактики. Таким образом, расширяя и углубляя знания в базовых для лингводидактики науках, можно выстроить современный процесс обучения иностранным языкам для профессиональных целей.

Изучение иностранных языков как средства коммуникации в сферах социальной и профессиональной деятельности в условиях межкультурной коммуникации является целью обучения. Оно предполагает получение и углубление всесторонних знаний: тщательное изучение мира носителей языка, их культуры, их образа жизни, национального характера, менталитета, с одной стороны, и глубокие знания самого иностранного языка, с другой. В соответствии с принципом диалога культур происходит синкопа (переакцентуализация) в интерпретации профессиональной направленности обучения иностранному языку. Это – язык делового взаимодействия на вербально-семантическом и невербальном уровне общения участников профессионального общения в условиях межкультурной коммуникации. Следует заметить, что учебный материал строится на типичных ситуациях общения. А именно, знакомство, приветствие/прощание, походы в театр, кино, ресторан, обмен мнениями по поводу увиденного, совместная подготовка и участие в работе семинаров и конференций, онлайн переговоры и т. д., ежедневные ситуации с учетом анализа типов культур и общих закономерностей их проявления. Они обнаруживают себя в сфере бытового и профессионального межличностного взаимодействия, там, где проявляются культурные переменные, что помогает включать в содержание обучения будущих специалистов определенной сферы деятельности тематику, отражающую ситуации реального межкультурного взаимодействия, в которых обнаруживается межкультурный компонент [8, с. 237].

Для работы такого характера на занятиях со студентами требуется определенный уровень знания иностранного языка (как минимум уровень знаний стандарта B1). Все исходные тесты, проведенные до настоящего времени на неязыковых специальностях в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского, говорят о том, что большая часть обучающихся, прошедших исходный тест, не имеют достаточного уровня языковой подготовки. В предыдущих своих публикациях авторы статьи утверждали, что процесс обучения иностранным языкам требует скорейшей перестройки и модернизации всего процесса обучения прикладным

иностранным языкам. «Иноязычное погружение» является, на наш взгляд, одной из таких методик. Эта методика предлагает форму «в основном, имплицитного обучения иностранному языку для профессиональных целей, интегрированного с изучением неязыковых учебных дисциплин, в которой, предметный, содержательный компонент явно доминирует по сравнению с языковым компонентом» [10, с. 2–8].

Сегодня речь идет об «иноязычном погружении» (методе, описанном украинским профессором О. Б. Тарнопольским [9] в ряде его работ), и о возможностях его внедрения в преподавание ряда специальных дисциплин не только на родном, но и на иностранном языке в высших учебных заведениях. Этот процесс должен быть обеспечен программами обучения иностранному языку в неязыковых высших учебных заведениях, где обучение профильным дисциплинам следует вести не только на родном, но и на иностранном языке. Погружение в язык обеспечит уровень, при котором будет возможно внедрение в обучение иностранного языка материалов профильных специальностей. А это, в свою очередь, усилит компетенции, востребованность и конкурентоспособность выпускников вузов, а также, интенсивное развитие научно-технического потенциала и экономики страны. К сожалению, Россия отстает от некоторых стран в плане внедрения программ иноязычного погружения. Хотя в бывшем СССР специализированные школы с углубленным изучением иностранного языка также начинали преподавать некоторые неязыковые дисциплины на иностранном языке, то есть фактически имело место то же самое погружение. Впоследствии уже наработанная практика преподавания в школе неязыковых предметов на иностранных языках не нашла своего продолжения и развития в учебном процессе неязыковых высших учебных заведений. [10, с. 2–3].

Итак, современная подготовка по иностранным языкам в неязыковых вузах характеризуется особым лингводидактическим фоном формирования профессиональной иноязычной компетентности. Поэтому процесс разработки и внедрения программ «иноязычного погружения» для неязыковых вузов России чрезвычайно важен и актуален в плане выхода на уровень, при котором обучающиеся смогут свободно ассимилировать программы интегрированного обучения иностранным языкам и овладеть языком профессионального общения. Таким образом, профессиональная лингводидактика, являясь отраслью лингводидактики, обосновывает содержание обучения будущих специалистов иностранным языкам специальной направленности.

Список использованных источников

1. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Издательство Academia, 2004. 334 с.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология [Текст]: учеб. Пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 480 с. С. 29–45.

3. Карпенко А.В. Лінгвістичний компонент літературної та професійно-спрямованої французької мови // Культура народів Причорномор'я. – 2006. – Т. 2, № 74. – С.77–79.
4. Карпенко А. В. Лингвистические основания методики преподавания языка делового общения // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». –2008. – Т. 21 (60), № 2. – С. 96–100.
5. Крупченко А. К. Введение в профессиональную лингводидактику: монография. М.: Издательство МФТИ, 2005. 310 с.
6. Крупченко А. К. Становление профессиональной лингводидактики как теоретико-методологическая проблема в профессиональном образовании: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2007. 460 с.
7. Пассов Е. И. Методика обучения иностранным языкам // Принципы обучения иностранным языкам. Воронеж: Издательство Интерлингва, 2002. № 4. 40 с.
8. Максимова В. Н. Межпредметные связи в процессе обучения. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
9. Методика англоязычного погружения в обучении английскому языку и специальным дисциплинам в экономических вузах. Монография / [О. Б. Тарнопольский, В. Е. Момот, С. П. Кожушко и др.]; под общей и научной редакцией О. Б. Тарнопольского, В. Е. Момота и С. П. Кожушко Днепропетровск: Издательство ДУЕП, 2008. 236 с.
10. Тарнопольский О. Б., Выселко А. Д. Понятие иноязычного погружения и возможности его внедрения в обучении английскому языку для профессиональных целей. [Электронный ресурс] // <http://www.sworld.com.ua/simpoz3/52.pdf> С.7(дата обращения 20.01.2017).
11. Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships // Interdisciplinarity. Problems of teaching and Research in Universities. Paris: OECD. 1972. P. 127–139.

УДК 821.111.25.7

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА САТИРИЧЕСКОГО ЖАНРА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Л. О. Каширина,

*студент 1 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь.*

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическим основам перевода сатирического жанра. Выявлены особенности перевода

сатирического жанра с английского языка на русский язык, определены различия между понятиями «сатирический эффект» и «комический эффект» с точки зрения современной теории перевода. Определены основные уровни и приёмы создания комического эффекта, характерные для языка художественных произведений.

Ключевые слова: сатирический жанр, перевод, сатирический эффект, комический эффект, экспрессивность, сатирический образ.

Summary. This article deals is devoted to the theoretical basis of translation of the satirical genre. Basic peculiarities of translation of the satirical genre from English into Russian are defined. The main distinctions between “satirical effect” and “comical effect” are pointed out as well as basic levels and means of creating comical effect in fiction texts.

Key words: satirical genre, translation, satirical effect, comical effect, expressiveness, satirical image.

Переводческая деятельность сегодня – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Переводимые тексты весьма разнообразны по тематике, языку, жанровой принадлежности. *Проблема перевода текста разных жанров – одна из центральных проблем теории перевода. Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе. Поэтому эта проблема привлекает к себе пристальное внимание ученых* (А. А. Белкин, Г. П. Бердников, Л. П. Громов, В. В. Голубков, А. Б. Дерман, В. В. Ермилов, М. Е. Елизарова, В. Я. Лакшин, Э. А. Полоцкий, А. И. Ревякин, И. Н. Сухих, А. П. Чудаков, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский) и многие другие.

Одним из самых неоднозначных и непредсказуемых жанров художественной литературы для переводчика является сатирический жанр. И это не случайно. Сегодня в мире существует достаточно много определений понятия «сатира», вследствие чего литературоведы не могут достичь согласия в выборе единого определения, которым необходимо пользоваться. Одним из актуальных определений понятия «сатира» является определение Н. И. Виноградова, согласно которому: «Сатира – это вид комического, отличающийся от других видов (юмора, иронии) резкостью обличения» [1, с. 1]. В результате появления научных работ по изучению особенностей перевода сатирического жанра все больше привлекают внимание ученых. Среди них можно назвать таких ученых как: О. В. Спачиль, Н. М. Щаренская, М. В. Арошидзе, А. М. Мирзабаева, И. Н. Чернышева, О. Г. Сидорова и др.

Характерными особенностями сатиры являются: обличение и смех, с помощью которых автор обличает недостатки, человеческие пороки; отрицательное отношение к объекту изображения и одновременно наличие положительного идеала, на фоне которого выявляются отрицательные

черты изображаемого. Кроме того, среди особенностей сатирического жанра также можно выделить такие, как свободное отношение к форме, нарушение бытовой достоверности и создание гиперболических и гротескных, шутливых и фантастических образов, наличие конфликта и сатирического образа. Так, сатирик Д. Николаев в своей работе отмечает: «Для того чтобы выявить конфликт – нужно подумать и о конфликте сюжетном» [3, с. 99]. В то время как Л. И. Тимофеев в «Основах теории литературы» характеризует сатирический образ как: «Сатирический образ стремится к отрицанию тех явлений жизни, которые в нем отражены, путем доведения до предела комизма, нелепости присущих им в жизни черт» [4, с. 219]. Я. Е. Эльсберг утверждает: «Особенностью сатирического образа выступает его историческая принадлежность. Все образы, характеры, явления сатирического произведения имеют черты, типичные для определения эпохи» [5, с. 219]. Отличительными признаками сатиры выступают ее публицистичность и заострение жизненных проблем. Комическими средствами проявления сатиры являются – ирония, сарказм, гротеск, пародия.

Сатирический жанр имеет свои ключевые особенности при переводе с английского языка на русский. Во-первых, сатиру как особый принцип изображения действительности нельзя передать при помощи дословного перевода. В подобных ситуациях переводчику приходится использовать лексико-семантические преобразования, в частности смысловое развитие, при помощи которого при переводе усиливается сатирический эффект. Во-вторых, переводчик может заменить слова автора на прямую речь, и тем самым оживить картину и создать яркие комические образы героев. В-третьих, для достижения сатирического эффекта переводчику необходимо поменять структуру всего предложения, прибегнув к грамматическим преобразованиям в тексте перевода.

Несомненно, при переводе сатирического жанра переводчик может использовать не только один конкретный переводческий прием, а целый комплекс переводческих приемов. К примеру, переводчик может сохранять смысл «говорящих» имен и фамилий, использовать способ грамматической трансформации и членения предложений, активно использовать восклицательные предложения для того, чтобы передать выразительную интонацию. Переводчик может придать предложению из текста оригинала при переводе эмоциональную, стилистическую окраску, может использовать много эмоционально окрашенных слов, а также передавать предложение с помощью фразеологического оборота не только для сохранения, но и для усиления сатирического эффекта. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одной из ключевых особенностей при переводе сатирического жанра является повышение экспрессивности.

Как известно, русский язык является более эмоциональным, чем английский, поэтому переводчику необходимо отбирать как можно больше

эмоционально окрашенных слов и выражений для того, чтобы как можно ярче передать комический эффект.

Кроме вышеперечисленных особенностей рассматриваемого жанра, необходимо уточнить содержание двух понятий, которые находятся в постоянном противоречии друг с другом. Так, прежде всего, комический эффект достигается игрой слов и абсурдностью ситуаций, выражается в добродушно – насмешливой шутке, не обладает оценочной функцией. Сатирический эффект направлен на резкое обличение пороков, влияет на формирование общественного сознания, достигается элементами гротеска и карикатурного изображения. Кроме того, сатирический эффект может быть достигнут преимущественно в жанрах художественной литературы, драматургии, публицистики.

Говоря об уровнях и приемах комического эффекта, используемых для языка художественных произведений, необходимо отметить, что их классификации разнятся в зависимости от материала, на примере, которого ученый изучает феномен комического.

Согласно классификации М. Р. Желтухиной, существуют определенные приемы на каждом языковом уровне, которые необходимы для достижения комического эффекта. Классификация представлена следующим образом [2, с. 219]. На фонетическом уровне применяются такие приемы, как звукоподражание, метатеза, аллитерация и ассонанс, которые способствуют созданию комического эффекта. На морфологическом уровне происходит обыгрывание некоторых морфем, которые основаны на игре с семантикой морфологических категорий. Словообразовательный уровень характеризуется такими приемами, как контаминация и аббревиация. На лексическом уровне главными приемами являются полисемия и омонимия. На семантическом уровне комический эффект может создаваться при помощи нарушений согласования фраз, поэтому главным приемом является обыгрывание положения ясности. На стилистическом уровне средствами создания комического являются метафора и метонимия (для всех его видов), а также для юмора – языковая игра, намек; для иронии – антифразис, контраст, иносказание; для сатиры – деформация, гиперболизация, гротеск; для сарказма – перифраз, инверсия.

Главной стратегией при переводе сатирического жанра с английского языка на русский является то, что переводчик должен уметь адекватно воспринимать те приемы подачи действительности, которые наиболее точно и согласно прагматике автора оригинала передают искрометность языка художественного текста, при этом не допустить искажения смысла или исчезновения сатирического эффекта.

Список использованных источников

1. Виноградов Н. И. Сатира и юмор. М.: Издательство Библиографические известия, 1916. С. 1.
2. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе. В.: Издательство Мир, 2000. С. 200.

3. Николаев Д. П. Смех – оружие сатиры. М.: Издательство Искусство, 1962. С. 99.
4. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М.: Издательство Просвещение, 1965. С. 219.
5. Эльсберг Я. Е. Вопросы теории сатиры. М.: Издательство Сов. писатель, 1957. С. 219.

УДК: 61(071):42-07-093.5

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК – ВРАЧ ИЛИ ЛИНГВИСТ: ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ

В. В. Киселев,

*кандидат медицинских наук, и. о. заведующего кафедрой судебной
медицины, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

К. А. Плеханова,

*ассистент кафедры нормальной анатомии, Медицинская академия
имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Л. В. Ягенич,

*кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных
языков №4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

С. В. Андрюхина,

*ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты перевода медицинского дискурса, разбираются особенности подготовки медицинского переводчика. Выделены группы специалистов в области медицинского перевода в зависимости от вариантов их профессиональной подготовки, оценивается достаточность переводческой компетенции в каждом из вариантов. Обсуждаются наиболее перспективные, по мнению авторов, пути обучения медицинского переводчика.

Ключевые слова: медицинский перевод, медицинский переводчик, медицина, лингвистика, переводоведение, обучение.

Summary. This article considers several aspects of translation practice of medical discourse. Specific features of medical translator's training are analyzed and the groups of professionals of different training variations in the field of medical translation are defined. The adequacy of translator's competency for each variant is evaluated. The authors discuss the most promising ways of medical translator's education.

Key words: medical translation, medical translator, medicine, linguistics, translation studies, education.

В 1986 году Генри Фишбах, бывший президент Американской ассоциации переводчиков (1965-1967 гг.), высказал такое мнение об особенностях медицинского перевода: «Медицинский перевод – это наиболее универсальная и древняя область научного перевода, что обусловлено повсеместным единообразием строения человеческих тел (они одинаковы в Монреале, в Момбасе и в Маниле) и уходящей вглубь веков историей медицины». [5, с. 16] Однако в наши дни медицинский перевод является востребованной высокоспециализированной отраслью, играющей ключевую роль в распространении медицинских знаний, результатов медицинских исследований, во взаимодействии международного научного сообщества и в выведении на рынок новой медицинской продукции, услуг и технологий. Именно поэтому к тем лицам, которые решают возможным для себя выбрать данный род деятельности, предъявляются многочисленные, весьма разнообразные по качеству требования.

Чтобы продолжить, определимся с тем, что мы будем подразумевать под терминами «медицинский перевод» и «медицинский переводчик». Сами по себе понятия «медицина» и «перевод» слишком обширны и многогранны, чтобы какое-либо из их определений могло претендовать на всеобъемлющую и непротиворечивую трактовку каждого из них. И все же, «медицинский перевод» – это процесс и результат полной, детальной передачи медицинской информации, выраженной средствами одного языка, посредством эквивалентных текста или устной речи на другом языке. «Медицинский переводчик» – это квалифицированный специалист, обладающий знаниями, умениями и навыками на уровне, достаточном для понимания целей и реализации задач медицинского перевода.

В настоящее время медицинский перевод зачастую причисляют к специальным видам научно-технического или технологического перевода. В этой связи распространено мнение, согласно которому медицинский переводчик должен являться специалистом в области медицины. Одновременно с этим, с другой точки зрения, основным занятием медицинского переводчика является собственно перевод с одного языка на другой, а подобная деятельность предполагает наличие специальных знаний в области переводоведения и лингвистики в целом. Переводческая деятельность предполагает использование тех знаний и умений, целенаправленное формирование которых не предполагается в курсе обучения медицинским специальностям. Равным образом, получаемые при обучении переводу и переводоведению знания не предполагают понимания даже основ медицинской науки. Для системного развития совокупности навыков необходима специальная подготовка.

Поэтому возникает парадоксальная ситуация, когда в условиях имеющегося на рынке труда в России высокого спроса на деятельность медицинских переводчиков, количество качественных услуг в данной сфере по-прежнему недостаточно. Значительный, если не преобладающий, объем

деятельности в области медицинского перевода приходится на фриланс-сектор, что имеет значительный ряд положительных сторон, но в целом способствует снижению требований к качеству подготовки медицинского переводчика. По нашему мнению, в настоящее время работников отрасли медицинского перевода в нашей стране по критерию полученного образования и подготовки можно разделить на следующие основные группы:

- группа 1 – специалисты, получившие базовое медицинское образование и обладающие самостоятельно достигнутым высоким уровнем владения одним или несколькими иностранными языками;

- группа 2 – специалисты с базовым филологическим образованием (не обязательно в области переводоведения), обладающие самостоятельно сформированной специальной составляющей переводческой компетенции в области медицинского дискурса;

- группа 3 – специалисты с базовым медицинским образованием, обладающие высоким уровнем владения иностранными языками, получившие второе образование в области лингвистики или филологии;

- группа 4 – специалисты с базовым медицинским образованием, обладающие высоким уровнем владения иностранными языками, прошедшие переподготовку по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» с профессиональной ориентацией в области медицинских или естественнонаучных знаний.

В литературных источниках нам не встречались верифицированные данные о количественном соотношении филологов и врачей среди занятых в области медицинского перевода специалистов, но можно предполагать, что, несмотря на довольно большое число филологов и лингвистов, количественно среди медицинских переводчиков преобладают медики. Причем среди медиков преимущественно встречаются представители группы 1 (особенно с учетом фриланс-сектора), т.е. лица, получившие медицинское или естественнонаучное образование и освоившие иностранный язык. Но, говоря о медицинском переводе как отрасли профессиональной деятельности, следует помнить, что в первую очередь это *перевод* в медицинском дискурсе, т.е. обладание специфическими переводческими навыками не просто желательно, но и обязательно для качественного выполнения функциональных обязанностей. Зачастую проблемой является недостаточно высокий уровень владения родным языком, который чаще всего и является языком перевода. Удивительно, но нередко, видя в знании иностранных языков путь к успеху, молодые специалисты уделяют изучению грамматики и лексики иностранного языка значительное количество времени и усилий, и в результате пишут, например, на английском языке даже более грамотно, чем на русском. В процессе перевода такой медицинский переводчик не всегда уделяет адекватное внимание точности перевода, часто гиперболизируя ее как

дословный перевод абсолютно всех встречающихся в исходном тексте терминов и выражений, что идет во вред естественному использованию языка перевода и затрудняет восприятие текста перевода заказчиком. Возможна и обратная ситуация, когда в силу своей высокой профессиональной квалификации в той отрасли, к которой относится исходный текст, медицинский переводчик позволяет себе «творчески переосмысливать» некоторые его «незначительные» моменты, что может вести к искажению результата перевода.

Указанных выше недостатков лишены специалисты лингвистического профиля, изучавшие переводоведение, понимающие цели и задачи, а также владеющие навыками и знанием средств перевода (группа 2). При этом, для них по-прежнему остается проблемой избыточность и синонимичность медицинской терминологии, с одновременной ситуацией несоответствия медицинских описательных систем, принятых в исходном языке и культуре, тем, которыми пользуется заказчик перевода. Особые проблемы вызывает перевод эпонимов и медицинских аббревиатур (справедливости ради необходимо отметить, что с подобной проблемой сталкиваются и переводчики с базовым медицинским образованием). Затруднения лингвистов также связаны с особенностями узуального и окказионального употребления медицинской лексики, с недостаточностью имеющегося у них базиса медицинской фразеологии. Безусловно, имеются и пути преодоления данной проблемы. Для этого лингвист вынужден осваивать медицинскую терминологию, структуру и особенности формирования медицинских терминов, особенности их произношения и употребления, уделить время изучению «ложных друзей переводчика» в медицинском тексте (справедливо и для специалистов-медиков), изучить основные особенности строения и функционирования организма человека, особенности формирования названий лекарственных препаратов, процедур и манипуляций, а также многое другое. В целом, освоение такого, весьма значительного, объема информации требует как значительных затрат времени и усилий, так и системной подготовки, говорить о которой не приходится ввиду ограниченной доступности специализированных образовательных программ.

Наличие полного профессионального образования в области как медицины, так и лингвистики, при условии его высокого качества, на первый взгляд кажется идеальным сочетанием для формирования профессиональной компетенции медицинского переводчика (группа 3). Однако, в данном случае, как и в предыдущей группе, возникает проблема избыточности такой подготовки. Не говоря уже о затратах времени (8 лет на подготовку в медицинском ВУЗе и 5-6 лет на получение лингвистической специальности), количество приложенных для такого обучения усилий, как со стороны обучающегося, так и со стороны системы образования, вряд ли представляется оправданным.

На наш взгляд, наиболее перспективным и экономически обоснованным является вариант подготовки специалиста в области «перевода в сфере профессиональной коммуникации» с профессиональной ориентацией в области медицинских или естественнонаучных знаний (группа 4). По имеющимся данным, в настоящее время ряд крупных ВУЗов России, таких как Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Казанский федеральный университет и другие, предлагают образовательные программы переподготовки по указанной специальности. Целевой аудиторией таких программ являются дипломированные специалисты в различных областях знания, корпоративные клиенты, реализующие обучение персонала с целью повышения квалификации своих сотрудников, студенты старших курсов, аспиранты. Нам представляется правильным использовать опыт таких ведущих организаций после внесения определенных модификаций и дополнений. Специальную подготовку в области медицинского перевода, сопряженную с изучением переводоведческих дисциплин, следует вынести во вновь сформированную программу магистратуры по специальности «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (медицинские науки)». Обучение в магистратуре медицинского ВУЗа не является столь распространенным явлением, как в иных специальностях. Поэтому врачи, поступающие в магистратуру, как правило более мотивированы к дальнейшему повышению своего образовательного уровня, а дополнительной мотивацией будет служить возможность получения еще одной востребованной специальности.

Список использованных источников

1. Елукова Ж. А. Ключевые аспекты перевода научного текста в рамках преподавания иностранного языка в вузе // Бюллетень Северного государственного медицинского университета. – 2015. – Вып. XXXV, №2. С. 14–15.
2. Красавина О. И. Информационная компетенция переводчика [Электронный ресурс] // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2012. – №1(15).
[http://www.hum.spbstu.ru/voprosy_metodiki/Voprosy_Metodiki_1\(15\)2012.pdf#page=34](http://www.hum.spbstu.ru/voprosy_metodiki/Voprosy_Metodiki_1(15)2012.pdf#page=34) (дата обращения 25.01.2017).
3. Поворознюк Р. В. Терминологическая вариативность как фактор медицинского перевода [Электронный ресурс] // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). – №4. – 2014. –
https://istina.msu.ru/media/publications/article/fc3/641/7028116/2014-07-25_Strelets_I.E._Sovremennyye_kontseptsii..._Evrazijskij_Soyuz_Uchenyih_Chast_11_4-2014_S._158-162.pdf#page=97 (дата обращения 25.01.2017).
4. Солнцев Е. М. Общие и частные проблемы перевода медицинских текстов [Электронный ресурс] // Вестник МГЛУ. – Выпуск №9 (588). – 2010.

– <http://cyberleninka.ru/article/n/obschie-i-chastnye-problemy-perevoda-meditsinskih-tekstov> (дата обращения 25.01.2017).

5. Fischbach H. Some Anatomical and Physiological Aspects of Medical Translation: Lexical equivalence, ubiquitous references and universality of subject minimize misunderstanding and maximize transfer of meaning [Electronic Resource] // Meta: journal des traducteurs/ Meta: Translators' Journal. – vol.31, #1. – 1986. – Mode of access: <http://www.erudit.org/revue/meta/1986/v31/n1/002743ar.pdf> (дата обращения 25.01.2017).

УДК 81 – 114.2

ЗНАЧИМОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА

Н. Н. Кислицына,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой
иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

К. Д. Герман,

*студент 1 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью статьи является определение понятия ключевого слова, описание его с междисциплинарной точки зрения и выявление его значимости для проведения комплексного анализа дискурса.

Ключевые слова: дискурс, ключевое слово, текст, информация, номинация.

Summary. The aim of the article is to define the concept of keyword, describe it according to an interdisciplinary point of view and identify its importance for a comprehensive analysis of discourse.

Key words: discourse, keyword, text, information, nomination.

Понятие «ключевое слово» мультидисциплинарно, с одной стороны, это свидетельствует о его высокой значимости, с другой – обуславливает «размытость» представления о его содержании и терминологическую неопределенность.

Так, в сфере психолингвистики ключевые слова могут сопоставляться со словами-стимулами и являться необходимой составляющей процедуры ассоциативного эксперимента, в психологии ключевое слово связано с понятием менталитета, в этнологии – с ментальностью. В лингвистике ключевое слово экстраполируется, в первую очередь, на анализ текста, поэтому ключевые слова часто называют «лексическими доминантами» и «смысловыми вехами», а «задачу извлечения ключевых слов» определяют,

как, «одну из труднейших задач лингвистики текста» [6, с. 48]. С точки зрения интернет-технологий, плотность ключевых слов является одним из важнейших параметров, определяющих, в конечном счете, позицию сайта в рейтингах. Как отмечает Т. Н. Москвитина «Помимо общенаучного понимания ключевых слов как определяющих содержание текста и передающих его основной смысл, данный феномен рассматривается такими научными и прикладными дисциплинами как психолингвистика, теория коммуникации, компьютерная и когнитивная лингвистика, информатика» [4, с. 270].

Основной целью данной статьи является определение значимости понятия «ключевое слово» в аспекте изучения дискурса.

1. Информационная ценность ключевых слов

Слово, а тем более ключевое – важнейшая единица языка, закрепляющая в соответствующих формах языковой материи идеальные значения, то есть всевозможные виды зрительного, слухового и пространственного представления вещей, предметов, явлений. Любое слово – это единица лексической системы, которая будучи открытой неравновесной средой, как ни одна другая подсистема языка связана с экстралингвистической действительностью.

С точки зрения объема и функционирования набор ключевых слов (англ. – key words) ближе всего соотносится с аннотацией, благодаря которой можно составить высокоуровневое описание содержания того или иного документа. Когда используют термин «ключевое слово» (далее КС), подразумевают несколько близких, но не сводимых друг к другу понятий.

Анализ предметной области показывает наличие различных подходов к определению понятия «ключевое слово». Ключевые слова должны быть общепонятными, способными предоставить читателю (реципиенту) высокоуровневое описание текста, именно поэтому в информационных технологиях ключевые слова играют важнейшую роль в поиске того или иного контента. По словам В. Д. Черняк «ключевое слово – это «слово – толчок к обогащению мысли»; оно, «всплыв на поверхность сознания, начинает вытягивать именно системно-релевантные для него... ассоциаты и связи» [8, с. 29], а Л. Р. Башкова подчеркивает важность такой характеристики ключевых слов как «многократная повторяемость в тексте за счет чего достигается не только локальная (межфразовая) связность, но и глобальная, охватывающая весь текст» [1, с. 97]. Данные факты позволяют сделать вывод об информационной значимости ключевых слов, которые несут особую смысловую нагрузку, отражают семантическое ядро любого текста/дискурса, емко и точно выражают тематику произведения.

Информационная ценность ключевых слов тесно связана с теорией номинации и номинативной функцией языка. Данная функция непосредственно обусловлена процессом когнитивного освоения мира человеком. Чем полнее и точнее познание, тем детальнее наименование. «Процесс наименования тесно связан с процессом узнавания, которое

основывается на сопоставлении объектов и представлений о них с целью выявления их общих и отличительных свойств и признаков» [7, с. 88]. В процессе номинации обязательно возникает семантическая микросистема, а новая номинативная единица маркируется по отношению к старой. «В ситуации наименования мы всегда имеем дело с перенесением по различного рода ассоциациям (метафорическим, метонимическим, по смежности, по сходству и т.д.), то есть по закону комплексного, а не логического мышления» [2, с. 194].

Слово – это основная номинативная единица, так как оно фиксирует избранные явления действительности. Номинативными частями речи являются существительное, прилагательное, глагол и наречие. Для существительных характерна абсолютная номинативная значимость, так как они обладают самой тесной связью со всеми другими частями речи. Поэтому существительные чаще всего выступают в роли ключевых слов.

Ключевое слово, как правило, характеризуется многозначностью, способностью образовывать вторичные номинации, дополнительные смыслы и ассоциации.

2. Значимость ключевых слов в тексте и дискурсе

Исследование значимости ключевых слов в дискурсе представляется особенно актуальным по ряду причин. Во-первых, КС включают в себя доминантное содержание коммуникации и наиболее точно вербализируют смысловое ядро общественного сознания. Во-вторых, КС символизируют состояние картины мира, систему ценностей носителей языка, закреплённую на концептуальном уровне.

Для дискурса ключевое слово представляет базовую тематическую единицу. Понятие КС в дискурсе отличается от понятия КС в тексте. В первом случае ключевое слово поможет сделать более глубокий и многосторонний анализ, так как дискурсы не являются завершёнными и замкнутыми – они постоянно изменяются. «Любой вид социальной практики (экономической, политической, эстетической и т. д.) дискурсивен, причём любые формы дискурсивных практик не имеют никакого глубинного смысла и именно они составляют всю объективную социальную реальность» [5, с. 78]. Из этого можно сделать вывод о том, что КС в дискурсе помогут не только осознать тематику дискурса, но проследить вектор его развития и составить определённые прогнозы его развития. В отличие от текста, который завершён, на дискурс влияют различные факторы, которые берут начало в менталитете общества и формируются под влиянием той или иной эпохи. С помощью КС текст приобретает целостность, поскольку КС соотносятся с идеей текста, передают его основную мысль. Исходя из этого можно сказать, что благодаря «неоднократному повторению в художественном тексте они (ключевые слова) образуют семантический стержень произведения, выступают в качестве своеобразных скреп, придающих тексту целостность и единство» [3, с. 69].

Дискурс отображает процессы языковой деятельности, а также является организацией системы речи. Для высокоуровневого описания содержательной стороны определенного дискурса необходимо определить ключевые слова. Одним из критериев, который позволяет выявить ключевое слово в дискурсе является частотность их употребления. Более того все ключевые слова в дискурсе как правило обобщены семантически и стилистически нейтральны. Так как дискурс в узком смысле слова выступает «как завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами» [9], то ключевые слова фигурируют здесь как наиболее точная его оценка.

Несмотря на значительное количество междисциплинарных и специальных работ, посвященных разработке теории и практики анализа и отбора КС, до сих пор не выявлена чёткая и однозначная методика их выявления. «Экспериментально подтверждено, что эта операция выполняется людьми интуитивно, и является личностно и даже гендерно обусловленной» [5, с. 167]. Исходя из этого, можно сказать, что ключевые слова в дискурсе являются основным материалом, благодаря которому мы определяем стиль, тематику дискурса и проводим всесторонний анализ.

Так, например, анализ текста английского анекдота (являющегося примером письменной фиксации дискурса) с целью определения ключевых слов, показал следующее: ключевыми словами в данном анекдоте являются значимые слова, которые характеризуются более высокой частотностью употребления, это – *dean department, money, need, pencils, paper*. Опираясь на семантическую связь, вариант которой можно воссоздать: «**Dean, to the physics department:** «*Why do I always have to give you guys so much money, for laboratories and expensive equipment and stuff. Why couldn't you be like the math department – all they need is money for pencils, paper and waste-paper baskets. Or even better, like the philosophy department. All they need are pencils and paper*».

Человек, не читавший этот анекдот, догадается о возможной информации, которую создал адресант по набору ключевых слов. Данный пример иллюстрирует способность ключевых слов нести основную смысловую нагрузку в дискурсе и оказывать особое влияние на адресата.

Ключевое слово представляет собой единицу несущую основную характеристику письменного текста, который в свою очередь является вариантом фиксации дискурса. Описание содержательной стороны ключевого слова можно получить, оперируя понятиями информация и номинация, которые связаны с процессом непрерывного познания мира и закрепления значений за определёнными словами. Ключевым словом может быть существительное, прилагательное, глагол или наречие, то есть значимые части речи, часто являющиеся многозначными и обладающие широким смысловым потенциалом.

Ключевые слова – важнейшая часть дискурса, дающая представление о базовых ценностях определенного лингвосоциума, служащая маркерами определённой культуры и позволяющая дать высокоуровневую характеристику тексту, изречению и всему что подходит под описание дискурса. Комплексный анализ дискурса невозможно сделать без изучения ключевых слов, извлечение которых происходит зачастую интуитивно. КС при проведении анализа дискурса играет большую роль, так как дискурс – это постоянно развивающийся процесс. По ключевым словам, можно сделать прогноз дальнейшего развития дискурса, а также охарактеризовать уже завершённые его этапы.

Список использованных источников

1. Башкова Л. Р. Вариативность/инвариантность ключевого элемента поэтического текста: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 309 с.
2. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1988. 520 с.
3. Кухаренко В. А. Ключевые и тематические слова в оригинале и переводе художественного произведения // Филологические науки. 1983. № 4. С. 68–71.
4. Москвитина Т. Н. Ключевые слова и их функции в научном тексте // Вестник ЧГПУ. – 2009. – № 11. С. 270–283.
5. Ноздрина Т. Г. Особенности восстановления текстов – оригиналов на основе ключевых слов // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–2. С. 167.
6. Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое: ключевые слова или термины // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. – 2008. – № 3. С. 48–54.
7. Суперанская А. В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
8. Черняк В. Д. Текстовые проекции глагольных синонимических рядов // Проблема исследования слова в художественном тексте. Л., 1990. С. 27–38.
9. Ван Дейк Т. К определению дискурса [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.rin.ru/doc/i/16583p.html> (дата обращения 30.01.2016).

УДК 811.111

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Н. А. Князева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Е. О. Байкова,

*студент бакалавриата кафедры английской филологии, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данное исследование направлено на то, чтобы показать факторы, влияющие на выбор трансформационных замен при переводе публицистического текста в зависимости от его функциональной установки. Представленный материал показывает, что реализация пропагандистской функции с воздействующим эффектом требует выбора специальных приемов, связанных с синтаксической целостностью переводимого текста, что способствует сохранению коммуникативного смысла, заложенного в его соответствующих синтаксических позициях.

Ключевые слова: перевод, публицистический текст, трансформация, преобразование, переводческий анализ текста.

Summary. The present study is focused on finding out the features of translation techniques based on syntactic transformations, under influence of functional setting of publicistic writing aimed at disseminating information with persuasive and evaluative effect. The given illustrative material proves that choice of methods of translation depends on factors influencing communicative replacement of the target text, its language and style. It requires certain translation solutions related with syntactic integrity of the translated text.

Key words: translation, publicistic style, transformation, translation analysis.

Одним из ведущих направлений теории перевода является методология перевода, построенная на теории межъязыковых преобразований и типологии трансформационных изменений. Возникает необходимость решения актуальной проблемы, связанной с полноценной коммуникативной заменой в структурно-содержательном и функциональном отношении переводимого текста (ИЯ), где особый интерес представляет перевод публицистики. Сочетание в публицистике когнитивной и эмоциональной информации усложняет коммуникативную задачу перевода, т.к. она не просто излагает факты, а дает их активную оценку.

Важным представляется выявление особенностей формирования переводческой стратегии в условиях межкультурного общения через перевод публицистического текста, где особую роль играют избранные переводчиком переводческие преобразования, трансформации. По определению А. Д. Швейцера, под переводческими трансформациями понимается «процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, трансформируется вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в форме языка перевода» [7].

Цель исследования, представленного в данной статье, заключается в том, чтобы с использованием методов трансформационного, контекстуального, коммуникативно-функционального анализа выявить и описать особенности переводческих преобразований на синтаксическом уровне в условиях перевода публицистики. Поставленная цель определила

решение ряда задач: показать специфику информативного перевода по принадлежности к жанру и функциональному стилю публицистики; выявить синтаксические преобразования в процессе перевода публицистического текста в зависимости от функциональной установки на распространение событийной информации с убеждающим воздействием через эмоциональность, субъективную оценку и образность. Особое место в исследовательском эксперименте занимает переводческий анализ, который представляет собой совокупность операций в ходе аналитического чтения и анализа текста, целью которого является создание предпосылок эквивалентного или адекватного перевода исходного текста на язык перевода [3]. В качестве иллюстративного материала используется публицистическая монография Роберта Дж. Рингера «Restoring the American Dream» [8] и предпринимается попытка представить свой собственный вариант перевода.

По утверждению М. П. Брандес [2], В. В. Алимова [1], Ю. В. Пиввуевой [4], А. Д. Швейцера [7], принадлежность текстов оригинала и перевода к определенному функциональному стилю предъявляет особые требования к переводчику и влияет на ход и результат переводческого процесса, поскольку от жанровой принадлежности зависят коммуникативная направленность текста и его языковые и стилистические особенности. Основу для анализа переводческих преобразований составляют публицистические универсалии, т.е. инвариантные черты, в частности, образ автора и оценочность. Именно они влияют на выбор языковых средств, способствующих созданию идеологической тенденциозности текста, его коммуникативной ценности. При этом очевидной является особенность переводческой деятельности, которая заключается в том, что переводчик выступает как интерпретатор содержания исходного текста, как его соавтор, который соблюдает функциональную установку, направленную на пропаганду, убеждение через распространение информации в объективно достоверной форме и по определенной оценочной шкале. Переводчик сталкивается не с самим реальным событием, а его оценкой со стороны автора, что привносит элементы полемики, агитации, анализа и порой иронии, сарказма.

Then it begins: the frustration, the utter and absolute frustration. When you try to share your newfound ability to think rationally, people either stare blankly back at you or return your words with abstract clichés. You talk about liberty; they answer with incoherencies about “the good of society.” You enthusiastically explain why everyone benefits from the virtues of individualism; they retort that your ideas are antiquated [8, p.17].

Ну и начинается: наступает разочарование, абсолютное и беспросветное. Так, при попытке продемонстрировать свои приобретенные навыки рационального мышления, на тебя смотрят с тупым недоумением, или же в ответ ты слышишь какие-то абстрактные клише. Начинаешь говорить о свободе – следуют какие-то несвязные

высказывания о “благах общества”. С энтузиазмом объясняю, каким благом для всех является личная свобода каждого, - мне возражают: вы мыслите старомодно.

При этом оценочность, являясь основным стилеобразующим фактором публицистического материала, проявляется в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в сопоставлении негативных и позитивных деталей, наличии специфических лингвистических средств, которые способствуют скрытому манипулированию массовым сознанием. Как отмечает Г. Я. Солганик, «функция воздействия, важнейшая для публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения. И публицистика берет из литературного языка практически все средства, обладающие свойством оценочности» [6, с.164]. Таким образом, сочетание точности, логичности, официальности, стандартизованности дает возможность автору публицистического текста реализовать его информационную функцию, а воздействующая функция может быть достигнута через оценочность, ярко выраженную авторскую позицию, эмоциональность и экспрессивность. На основе изложенных выше особенностей, переводчик, выполняя перевод публицистического текста, должен, прежде всего, определить меру информационной упорядоченности для переводного текста, когда нужно соблюсти не столько языковой состав ИЯ, сколько содержательное значение, логическое и эмоционально-эстетическое. Очевидным является то, что при таком переводе требуются специальные приемы преобразования, связанные с синтаксисом, точнее с семантико-синтаксической связностью текста. Следует обратить внимание на то, что любое предложение обязательно связано и обусловлено авторской установкой, которая разнообразна по своей коммуникативной предназначенности в зависимости от идейно-тематической направленности всего текста. Необходимо отметить важность соблюдения правил построения синтаксической структуры простого предложения в ИЯ и ПЯ, поскольку интерпретация определенной части текстового содержания обусловлена использованием словесных и фразовых единиц в определенной последовательности через синтаксические связи. Далее, в оригинальном тексте наблюдается абсолютная логическая последовательность изложения информации, которая выражается в порядке слов через логико-синтаксические функции подлежащего, сказуемого, дополнения, обстоятельства. В переводе невозможно достигнуть соответствия логических компонентов и синтаксических форм через синтаксическое уподобление, что нарушит гибкость состава русского предложения и логику подачи информации. И в том, и другом случае нужно сохранить стандарты расположения известного и неизвестного, соблюдая нормы логической и смысловой целостности. Актуальным в таком случае является преобразование на основе перестановки, расщепления/объединения,

функциональной замены. Отметим перестановку, применение которой обеспечивает сохранение коммуникативного смысла, заложенного в соответствующих синтаксических позициях. Сравним:

Dispense with any notion you may have that your neighbours' material success is somehow a loss to you [8, p.333].

Материальное благополучие соседа не должно быть причиной для ощущения вашего провала.

В предложении оригинала показано, что коммуникативно значимые компоненты, несущие новую информацию, расположены в начальной позиции, в то время как в русском предложении их расположение фиксируется в конце для того, чтобы усилить их коммуникативную нагрузку информативной новизны. Таким образом, несмотря на внутреннюю свободу синтаксических построений в ПЯ, наблюдается формальное закрепление места слова в конце для обеспечения информационной упорядоченности и авторской оценки, что и достигается перестановкой и функциональным соответствием слова «*dispense with*» (значение которого «*обходиться без*» не подходит данному контексту). Проанализировав определенный объем иллюстративного материала, приходим к выводу, что синтаксическая перегруппировка в виде расширения, свертывания, расщепления, объединения часто сочетается с лексико-семантическими преобразованиями, когда переводчик стилистически адекватно воспроизводит смысловой инвариант оригинала в соответствии с авторской интенцией. В таких случаях структура синтаксического целого приобретает особую значимость и выразительность. Приведем в качестве примера вариант перевода одного из текстовых фрагментов:

If we were to be taken seriously, "all power to the people" would have to mean each person's having power over his own life, which certainly would be proper. What it really means to most of those who uses it, however, is that some people desire power over the lives of others [8, p.305].

Давайте задумаемся над словами "власть должна принадлежать людям"; более правильно следовало бы сказать так: человеку дана власть, чтобы распоряжаться своей собственной жизнью. Несмотря на существующее, к сожалению, злоупотребление тем, кто испытывает желание обладать властью над жизнью других.

Перевод текста ИЯ был ориентирован на передачу денотативного (информационного) значения и экспрессивной коннотации при помощи переводческих преобразований, чтобы последовательно передать логическую аргументацию в трактовке идеологического концепта «*power*» (власть), отражающего авторское отношение. Налицо скрытое манипулирование важными национальными ценностями: свобода, демократия, жизнь. Адекватность перевода достигается: модуляцией коммуникативного типа предложения (*If we were to be taken seriously \ давайте задумаемся*); перестановкой (*which certainly would be proper-* в

начале \ более правильно следовало бы сказать так- в конце); объединением, сжатием (*What it really means to most of those who uses it, however, is...* \ Несмотря на существующее, к сожалению, злоупотребление); расширения в «*all power to the people*» за счет информативно значимых слов «должна», «принадлежать»; функциональной замене на основе конкретизации словосочетания «*to be taken seriously*» на «*задуматься*».

Изложенный выше материал подтверждает тезис о том, что трансформация на синтаксическом уровне обусловлена необходимостью логичного обеспечения центра сообщения, соблюдения важных для автора причинно-следственных отношений, недопущения избыточности изложения авторской мысли, соблюдения правил смысловой сочетаемости и многозначности. Переводческий анализ конкретного публицистического текста позволяет выявить некоторые принципы использования закономерностей лексико-синтаксического перефразирования, определяемых различиями в морфологической парадигме, а также синтаксической сочетаемости в двух языках. Установка публицистики на информацию и убеждения, проявляемых в денотативных и экспрессивных характеристиках, требует соответствующих переводческих решений для достижения адаптации по стилю.

Список использованных источников

1. Алимов В. В. Теория Перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. М.: КомКнига, 2009. 160 с.
2. Брандес М. П. Стиль и перевод. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 128 с.
3. Нестерова И. А. Переводческий анализ текста [Электронный ресурс] URL: <http://odiplom.ru/lingvistika/perevodcheskii-analiz-teksta.html> (дата обращения: 10.01.2017)
4. Пиввуева Ю. В. Пособие по теории перевода (на английском материале). М.: Флинта, 2004. 304 с.
5. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода: Учебное пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 448 с.
6. Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 256 с.
7. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988. 216 с.
8. Ringer R. J. Restoring the American Dream. New York: Fawcett Crest, 2003. 346 p.

УДК 811.111

**РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В ДОСТИЖЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА****Н. А. Князева,***кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь***Л. П. Симахина,***студент бакалавриата кафедры английской филологии, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению основных аспектов экспрессивной эквивалентности, в терминах Е. В. Бреуса, проявляемых через эмфатичность и эмотивность на лексическом и лексико-синтаксическом уровне художественного произведения. Цель работы заключается в том, чтобы дать характеристику переводческим преобразованиям, направленным на достижение данного типа эквивалентности, что показывает способы реализации в переводе экспрессивного потенциала исходного текста в рамках художественного перевода.

Ключевые слова: экспрессивная эквивалентность, трансформации, художественный текст, художественный перевод.

Summary. The present study is concerned with the achievement of expressive equivalence in the fictional text under translation with the help of certain types of transformations. Their necessity is determined by the specific features of the source text, its artistic style and expressiveness. The study is based on the conception and theory of equivalence by Y. V. Breus.

Key words: expressive equivalence, transformations, fictional text, fiction translation.

Л. С. Бархударов, один из основоположников отечественной теории перевода, определяет перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» [1, с. 51]. «Когда переводчик приступает к переводу, – констатирует Р. К. Миньяр-Белоручев, – он через язык текста должен выяснить для себя глобальные вещи – в каком речевом жанре выполнен текст и в каком функциональном стиле этот текст существует» [4, с. 62]. Из этого положения следует, что переводной текст, являясь производным от исходного, создается на основе определенных характеристик оригинального текста и воспроизводит их в рамках структуры, содержания и потенциала воздействия, где существенное значение имеет жанровая принадлежность, от которой зависит коммуникативная направленность текста, его языковые и стилистические

особенности. Очевидной является особенность переводческой деятельности, которая заключается в том, что переводчик выступает как интерпретатор содержания исходного текста и как его соавтор, соблюдающий определенную функциональную установку через поиск и принятие переводческих решений, а также осуществление переводческих действий. При переводе авторская картина сталкивается с представлениями переводчика, и это приводит к проблеме допустимости изменений переводчиком смысловой системы текста. Возникает необходимость решения актуальной проблемы, связанной с полноценной коммуникативной заменой в структурно-содержательном и функциональном отношении, которая подчиняется нормам языка перевода в целом, нормам речевого жанра, а также индивидуальной стилистике автора. Целью данного исследования является обоснование переводческих преобразований, обеспечивающих установление экспрессивной эквивалентности в рамках художественного перевода. Цель направлена на решение следующих задач: охарактеризовать понятие эквивалентности, определить специфику перевода художественного текста на примере иллюстративного материала, охарактеризовать особенности экспрессивной эквивалентности и ее подвидов. В качестве иллюстративного материала послужил текст романа Р. Хайнлайна «Stranger in a Strange Land» [9] и его перевод, выполненный А. В. Арганович и В. Н. Чернышенко [8].

Специфика текста художественного произведения заключается в его определении как объекта художественного перевода по принадлежности к одному из видов искусства, художественной литературе. Поэтому фактор адекватности эстетического воздействия оригинала (ИЯ) и перевода (ПЯ) считается одним из важнейших критериев художественного перевода. В связи с этим Ю. П. Солодуб обращает внимание на форму образного отражения действительности в соответствии с замыслом автора и ряда художественных приемов, которые наиболее адекватно подходят для создания экспрессивного и эмоционального эффекта [7]. Достижение степени адекватности требует от переводчика сосредоточиться на понимании идейно-тематической направленности оригинала, авторской интенции, образной системе и идиолекте, под чем подразумевается совокупность формальных и стилистических особенностей авторской речи [6, с. 24]. Сопоставление текстов ИЯ и ПЯ позволяет раскрыть внутренний механизм перевода на основе соответствующих способов воспроизведения образной системы текста для сохранения идейно-художественной близости с оригиналом. Главную задачу, таким образом, мы рассматриваем в обобщении и систематизации выводов из наблюдений над определенными переводческими преобразованиями в тексте перевода, направленными на воспроизведение образного фона подлинника через переход на уровень функциональной, экспрессивной эквивалентности.

Проведение исследования в данной области связано с категорией эквивалентности как свойством текста перевода, основанного на степени

функционального соответствия тексту оригинала. Обобщая существующие трактовки, отметим деление эквивалентности на типы и уровни, различающиеся степенью детализации и полноты, в переводческих моделях Л. С. Бархударова [1], В. Н. Комиссарова [3], Ю. А. Найды [5], А. Д. Швейцера [7], Е. В. Бреуса [2]. Несмотря на терминологические различия, обнаруживается общий подход к тому, между какими аспектами перевода устанавливаются соответствия на различных уровнях эквивалентности, что предполагает полную передачу коммуникативно-функционального инварианта оригинала: денотативном, референтном, сигнификативном (семантическом), прагматическом (по цели коммуникации), синтаксическом. Так как коммуникативная установка автора художественного произведения выдвигает на первый план экспрессивную функцию (экспрессивную оценку обозначаемого), то можно предположить о проблематичности достижения эквивалентности при переводе оригинального текста, что требует поиска таких языковых средств в ПЯ, которые выполняли бы аналогичную смысловую и художественную функцию в системе целого текстового образования с учетом не только денотативного значения, но и экспрессивной коннотации. Следует отметить особую предназначенность экспрессивности как прагматической категории, которую нельзя воспринимать как некую чувственную оценку; экспрессивность, имея прагматическое значение, ориентирована на адресата с целью выделения, подчеркивания, концентрации внимания на определенных фрагментах текста для оценки их смысловой значимости. Изложенные выше факторы определяют стратегию переводчика, ориентированную на поиск переводческих соответствий, связанных с лексическими и грамматическими преобразованиями как средств реализации речевой экспрессии через различные типы эмфазы на примере перевода романа Р. Хайнлайна «Stranger in a Strange Land».

Главной функцией художественного стиля является функция эстетического воздействия, которая обуславливает широкое употребление средств выражения, обладающих свойством оценочности. То как главный герой воспринимает мир вокруг него и то как окружающие его персонажи помогают ему в этом, предполагает насыщенное эмоциональной лексикой повествование, наличие экспрессивности на протяжении всего романа. При эквивалентном переводе текста достигается равносильное воздействие с помощью воссоздания формы оригинала в соответствии с его эстетическими, стилистическими и семантическими параметрами.

Эмфаза, как подвид экспрессивности, призвана подчеркнуть наиболее значимые элементы структуры произведения, сфокусировать внимание читателя на самом важном, усилить эмоциональность восприятия. Как следствие, можно утверждать, что эмфаза обладает определенным эффектом воздействия, характеризующимся следующими свойствами: иконичность, броскость, эмоционально-оценочная функция, образность и впечатляемость.

<p>Smith relaxed and <i>let the room fade away</i>. He <i>felt sober triumph</i> that he had somehow comported himself so that it was not necessary for them to die ... but <i>there was much to grok</i>. The woman's last speech had contained symbols new to him and those which were not new had been arranged <i>in fashions not easily understood</i>. But he was <i>happy</i> that the <i>flavor had been suitable for communication</i> between water brothers — although <i>touched with something disturbing and terrifyingly pleasant</i>. He thought about his new brother, the woman creature, and <i>felt odd tingles</i>. The feeling reminded him of the first time he had been allowed to be present at a discorporation and <i>he felt happy without knowing why</i> [9, с. 12].</p>	<p>Смит расслабился, <i>комната начала блекнуть</i>. Он <i>испытывал спокойный триумф</i> от того, что вел себя как надо и поэтому исчезла необходимость в их совместном расоединении... но <i>надо было грокнуть еще очень многое</i>. Последние слова женщины содержали новые понятия, а те, что были не новы, употреблялись таким образом, что <i>их трудно было понять</i>. Но он был <i>счастлив</i>, вспоминая <i>сладкий вкус общения водных братьев</i>... хотя и <i>тронутый чем-то тревожным и очень-очень приятным</i>. Он думал о новом брате, о женском существе и <i>чувствовал странную дрожь</i>. Примерно то же он испытал, когда ему впервые разрешили присутствовать при расоединении: <i>он чувствовал себя счастливым и не знал, почему</i> [8, с. 14].</p>
--	--

Данный отрывок текста передает сразу несколько свойств воздействия эмфазы: описание фантастической ситуации, развитие образного представления героя, создание эмоционального тона, восприятие необычных событий, формирование атмосферной обстановки произведения. Экспрессивность в романе Р. Хайнлайна создается различными лексическими, синтаксическими эмфатическими средствами и их объединением. Приведем в качестве примера фрагменты иллюстративного материала.

<p>I don't <i>enjoy</i> snake dances, I <i>despise</i> crowds, and I do not let <u>slobs</u> tell me where to go on Sundays [9, с. 189].</p>	<p>Мне не <i>нравятся</i> змеиные танцы, я <i>недолюбливаю</i> толчею и не позволю всякой <u>дряни</u> указывать, где мне проводить воскресенье [8, с. 246].</p>
--	--

При переводе данного предложения была потеряна часть экспрессивности, так как русский глагол *недолюбивать* недостаточно эмоционально насыщен, чтобы передать значение слова *despise*. Отдельно следует выделить лексическую единицу *slobs*, обладающую таким свойством оценочности как презрение, что в свою очередь оправдывает использование *дряни* в качестве эквивалента.

Наиболее ярким примером эмфазы можно считать авторский неологизм «to grok», укоренившийся в сленге научной фантастики в

значении «разбираться в чем-либо, быть знатоком». На русский язык это слово переводится с помощью лексического приема, в основе которого лежит транскрипция: английское слово транскрибируется и становится корнем глагола «грокнуть», к которому добавляются исключительно характерные для русского языка суффиксы и который спрягается по правилам русского языка.

<i>Born, as he was, on another planet, every aspect had to be recalculated</i> [9, с. 56].	<i>Рождение, как в его случае, на другой планете, требует пересчета буквально всех положений</i> [8, с. 72].
--	--

При переводе такого уступительного предложения прямой перевод просто недопустим в силу отсутствия аналогичной конструкции в русском языке. Переводчик полностью изменяет структуру предложения, а именную часть сказуемого, выраженную причастием, с помощью конверсии выражает существительным.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что переводчику необходимо зафиксировать особенности оригинального текста на соответствующем уровне и передать их в тексте перевода, сохранив степень упомянутых категорий равноценной. Достижение экспрессивной эквивалентности предписывает воспроизведение всего эмоционального потенциала воздействия фантастического и философского своеобразия в романе. Для передачи смысловой и эмоциональной информации произведения переводчик обязан использовать, насколько возможно, эквивалентные средства выражения экспрессивности в переводе. Рассмотрение специфики художественного перевода и экспрессивного уровня эквивалентности на материале романа Р. Хайнлайна «Stranger in a Strange Land» и его перевода показало, что употребление переводческих трансформаций является необходимым методом достижения адекватности перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. М.: Р.Валент, 2007. 320 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
5. Найда Ю.А. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – 1978. С. 114–137.
6. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
7. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

8. Хайнлайн Р.Э. Чужак в чужом краю. Дверь в лето: Романы. – Т.4. Ростов н/Д.: Гермес, 1992. 576 с.
9. Heilein R.A. Stranger in a Strange Land. Moscow, 1995. 320 p.

УДК 811.13

**ЛЕКСИКО–ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ПРОФЕССИОНАЛЬНО–ОРИЕНТИРОВАННОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛЕЙ МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦИИ)**

Н. П. Кóзел,

*старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий
в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Данная статья сосредоточена на выделении некоторых особенностей перевода текстов, относящихся к конкретной сфере деятельности. Были использованы сравнительно–сопоставительный метод, метод сплошной выборки, метод словарной дефиниции, компонентный анализ значения слова, элементы количественного анализа. Мы проследили историю формирования терминологии медицинской и фармацевтической отраслей в испанском языке, определили её содержание и описали ряд трудностей и ошибок, возникающих у начинающих переводчиков при работе с текстом, насыщенном специальной лексикой.

Ключевые слова: терминосистема, переводческая ошибка, классификация.

Summary. The purpose of this article is to specify some peculiarities of the professionally-oriented text translation. We used some investigative methods: a comparative one, continuous sampling method, a method of dictionary definitions, a componential analysis and elements of quantitative analysis. We retraced the history of medical and pharmaceutical Spanish terminology, defined its content and described some difficulties and errors that novice interpreters face when work on the special vocabulary text.

Key words: terminological system, translation mistake, classifications.

Перевод в сфере медицины и фармации – один из самых востребованных на современном рынке перевода, поскольку постоянно увеличивается объем публикаций отчетов, научных статей, ввозятся товары производства медицинской, фармацевтической, химической промышленности, для которых нужна лицензированная документация и т.д. Заказчики переводов врачи и пациенты, отдельные лица и организациями.

Д. В. Самойлов считает, что отраслевой переводчик должен сочетать в себе следующие качества: обладание широкими знаниями по теме переводимого текста; способность понимать язык, который он переводит, настолько, чтобы не сомневаться в смысле авторского высказывания; умение передавать смысл прочитанного на другом языке в манере понятной и соответствующей нормам языка [3].

Для ознакомления с предметом нашего исследования, рассмотрим этапы формирования языка медицины и фармации, как предлагает J. M. Remes [7]:

I. Эпоха греческого языка: самые старые из дошедших до нас письменных источников западной медицины – это записи Гиппократов, сделанные задолго до рождения Христа. Римляне заимствовали греческую медицину, а также множество греческих слов (например, *pyloros* (привратник–выход из желудка в кишечник), *eileos* (заворот кишок), *ciego* (слепой), полученное при переводе греческого термина *typhion*. Параллельное использование латинского и греческого языков является характерной чертой языка медицины и фармации и в настоящее время.

II. Эпоха латинского языка. Формирование медицинской терминологии на латинском языке началось в I в. н.э. с участия Корнелия Цельса, Плиния Старшего, Скрибония Ларга, а также ученых Древнего Рима, которые провели огромную работу по переводу на латинский язык греческих трудов по медицине. Они подыскивали эквиваленты к греческим терминам или просто латинизировали их [1, с.7]. Поскольку основу терминосистемы медицинского дискурса составляет латинский язык, у студентов, специальностью которых является испанский язык, априори есть преимущества перед изучающими другие языки.

III. Эпоха арабского языка. Заслуга арабских ученых и медиков заключается в том, что они перевели на арабский язык медицинские сочинения известных греческих и римских авторов, сохранив, таким образом, для последующих поколений богатейшее наследие медицины античного мира. Арабские врачи много занимались химией, обогатив медицинскую науку рецептами и новыми наименованиями лекарственных веществ (*камфора, калий, бура, сироп, эликсир, зашеек, мигрень, спирт* и др.) [1, с.8].

IV. Эпоха национальных языков: в качестве замены латыни как средства международной коммуникации, начинают использоваться в медицине национальные языки: французский, немецкий и английский, большинство из них только на уровне своей страны. В XVIII и IX веках наиболее весомый вклад в большинство медицинских дисциплин внесла немецкая интеллигенция. Новые слова создавались на основе древних латинских корней. Слова *citoplasma, fagocytosis, toxina, embolia* и многие другие – немецкого происхождения. Французский язык также оказал большое влияние на формирование медицинского языка Испании, в первую очередь, суффикс *-age*, сменивший букву *-g-* на *-j-* (*cerclaje, drenaje* и т.п.).

V. Эпоха английского языка. Английский язык – язык германской группы, но половина его вокабуляра имеет латинское происхождение, и английский медицинский дискурс стремится следовать шаблону романских языков. До середины 20 века немецкий, английский и французский языки действовали как языки–посредники или вспомогательные языки для всех случаев, когда требовалась международная коммуникация. После второй

мировой войны английский становится языком–посредником или *lingua franca*. Выбор такого языка зависит от взаимных договоренностей или от политических, экономических и других факторов [7].

Поскольку любая сфера человеческого знания нуждается в собственной терминологии, необходимой для осуществления коммуникации и передачи информации внутри профессионального круга, есть она и у отраслей медицины и фармации.

Цель медицинской терминологии – выразить в точных терминах сложные понятия и идеи из мира медицины. Как отмечает E. S. Ambulódegui, «каждый термин должен иметь единственное значение, принятое научным сообществом, облегчая, таким образом, обмен информацией на международном уровне» [6, с. 3]. Мы соглашаемся с Я. С. Циммерман в том, что «смысловое значение того или иного термина в медицине только тогда становится всеобщим достоянием, когда оно зафиксировано точным термином, не допускающим различных толкований, простым, однозначным [4, с. 59].

Как мы уже отмечало, основу (свыше 1000 элементов) испанской медицинской терминологии составляют греческие и латинские корни, от которых, используя греческие же и латинские суффиксы и префиксы, иногда и то и другое в разном порядке, образуются или составляются новые термины, которые всегда можно «дешифровать» по корню или корням.

На основе учебника «Manual de Terminología Médica» перуанского профессора E. S. Ambulódegui [6] мы систематизировали греческие и латинские корни по разным системам организма и получили:

а) в опорно-двигательной системе – всего 36 элементов, например: *acro*, *cefal(o)*, *palato* и т.д.; б) в дыхательной системе – всего 14 элементов, например: *faring(o)*, *osmia*, *sinus* и т.д.; в) в кровеносной и лимфатической системах всего 13 элементов, например: *angi(o)*, *cardi(o)*, *leucocito* и т.д.; г) в пищеварительной системе – всего 39 элементов. Ввиду их многочисленности Ambulódegui рекомендует уделить особое внимание этим корням: *celia*, *fago*, *prandium* и т.д.; д) в мочевыделительной системе – всего 6 элементов, например: *vesic(o)*, *nefr(o)*, *uretr(o)* и т.д.; е) в репродуктивной системе мужчины – всего 9 элементов, например: *andr(o)*, *didimo*, *vas(o)* и т.д.; ё) в репродуктивной системе женщины – всего 6 элементов, например: *cervix*, *galacto*, *salping(o)* и т.д.; ж) в нервной системе – всего 14 элементов, например: *estesia*, *mnema*, *timia* и т.д.; з) в эндокринной системе – всего 8 элементов, например: *aden(o)*, *timo*, *tiro* и т.д.; и) для обозначения процессов беременности, родов, послеродового периода, развития и роста – всего 7 элементов, например: *gest*, *puerper*, *toco* и т.д.; к) корни для обозначения органов слуха – всего 4 элемента, например: *acusia*, *ot o*, *toco* и т.д.; л) для обозначения органов зрения – всего 10 элементов, например: *blefar(o)*, *coria*, *opt* и т.д.; м) для обозначения органов осязания – всего 4 элемента, например: *derm*, *mixo*, *trico* и т.д.; н) для

обозначения инфекционных и паразитарных заболеваний – всего 10 элементов, например: *etio*, *filaxia*, *toxis* и т.д.

Мы также анализировали сферу использования греческих и латинских суффиксов и префиксов. Отметим, например, что в испанский медицинский дискурс перешли латинские числительные в роли приставок: *semi-* (полу–): *semidescremado* – полуобезжиренный; *uni-* (одно–), *unicelular* – одноклеточный; интересно, что в других случаях, например, *одноглазый*, *одноухий*, используется греческая приставка – *mono-*, *monocular*, *monótico*; *bi-* (дву–), *biceps* – двуглавая мышца, но двунатрий – *disodio*; *tri-* (три–, трёх), *tricéfalo* – трехглавый; *quadr(i)-* (четырёх–), *cuadriceps* – четырёхглавая мышца [6, с.20-34].

Изготовители фармацевтической продукции для удобства потребителя на рецептах, этикетках, в аптечной торговле используют так называемые «тривиальные» названия, не содержащие точной химической информации, но доступные, благодаря своей краткости [1, с.142]

«Условные наименования лекарственных средств составлены на основе словообразовательных элементов (приставок, корней, суффиксов), выделенных из их полного химического названия: *димедрол* — от *диметиламиноэтиловый эфир бензгидрола*» - отмечает Капитула Л. С. [1, с. 143]. Частотные отрезки несут информацию о составе лекарственных средств, их принадлежности к фармакологической группе и др. Например, название *mentol* состоит из двух частотных отрезков, т.е. корней *ment-* (мята) и *-ol-* (масло), так как данное лекарственное средство получают из мятного масла.

В задачи переводчика не входит детальное изучение медицинской или фармацевтической информации, содержащейся в частотных отрезках, ему лишь необходимо выделить их в термине, затем правильно перевести на соответствующий язык.

Отдельной группой в медицинском дискурсе представлены знаменитые изречения и афоризмы. Особой трудности для переводчика они не представляют, поскольку: а) их количество ограничено; б) при необходимости их легко найти в любом словаре иностранных слов или в любой поисковой системе. Приведем несколько общеизвестных примеров: *medica mente, non medicamentis* – лечи умом, а не лекарствами; *medice, cura aegrotum, sed non morbum* – врач, лечи больного, а не болезнь; *natura sanat, medicus curat morbos* – природа оздоравливает, врач лечит болезни; *tempus vulnera sanat* – время лечит раны [2, с.137]

Кроме того, существует ряд профессиональных выражений, употребляющихся в латинском написании. Например, информация о способе или количестве приема лекарств: *ad usum externum* – для наружного употребления; *dosis pro die* – суточная доза; указание на место проведения эксперимента: *in situ* – в месте нахождения. Иногда такие выражения используются, если, например, нежелательно, чтобы пациент раньше времени услышал заключение врачей: *carcinoma in situ* – начальная стадия

развития рака; *morbus insanabilis* – неизлечимая болезнь; *sine mora* – без промедления. На наш взгляд, для понимания таких выражений помощь переводчика не требуется.

Д. В. Самойлов самой распространённой причиной переводческих ошибок называет «ложных друзей переводчика»[3].

С фонетической точки зрения «ложными друзьями переводчика», например, могут выступать транслитерированные термины, передаваемые буквами русского алфавита, в которых неправильно поставлено ударение в вошедшем в употребление русском эквиваленте: *ampolla* и *ампула*, *próstata* и *простáта*, *rólipó* и *полúп*, *síndrome* и *синдрóм*, *síntoma* и *симптóм*.

Излишнее увлечение транслитерацией приводит к абсурдным калькам: дефиницирует (определяет); симультаные (одновременные); денотатирует (обозначает); интеракция (взаимодействие); реплицировать (воспроизводить) [5]. Таких нелепостей не следует допускать.

Начинающим переводчикам профильных текстов, помимо освоения терминологии, при переводе на испанский язык следует помнить о расхождении в грамматических системах испанского и русского языков: ставить знак графического ударения и на заглавных буквах; в отличие от английского и других европейских языков писать заглавные буквы только в именах собственных, топонимах, названиях организаций, некоторых аббревиатурах, названиях лекарственных средств, лекарственных растений; не использовать герундий при переводе на испанский язык, если только не выражается действие, одновременное с действием основного глагола; при первом появлении аббревиатуры рядом в скобках давать полное развернутое написание, поскольку в случае неправильного перевода множественные аббревиатуры, относящиеся к разным отраслям медицины, могут быть предметом врачебной ошибки.

Развитие медицинской науки и техники происходит стремительно, появляются новые личности, предметы, объекты, понятия, инструменты, вещества и т.д. Процесс пополнения отраслевой терминосистемы нельзя замедлить, но быть к курсе происходящих в ней изменений практикующий переводчик обязан.

Список использованных источников:

1. Капитула Л. С. Латинский язык с основами медицинской терминологии: учеб. Пособие. 2-е изд. Мн.: БГМУ, 2003. 241 с.
2. Петрова Г. В. Латинская терминология в медицине. М.: Астрель, АСТ, 2002. 157 с.
3. Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста. [Электронный ресурс]. Практика, 2011. Режим доступа: (<http://practica.ru/Articles/medical.htm>.)
4. Циммерман Я. С. Терминологические проблемы в кардиологии и других разделах медицины. Клиническая медицина 1998; 3: 58–62.
5. Шкарин В. В., Григорьева Ю. В., Горохова Н. М. О культуре использования научной медицинской лексики (терминологии).

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: (<http://www.medicum.nnov.ru/nmj/2004/1/31.php>)

6. Ambulódegui E. S. Manual de terminología médica. Recurso electrónico. // Edwin Saldaña Ambulódegui. Disponibilidad y acceso: (<https://glossarissimo.wordpress.com/2015/07/24/es-pdf-manual-de-terminologia-medica-edwin-saldana-ambulodegui/>)

7. Remes J.M El inglés: la quinta era del lenguaje de la medicina. Recurso electrónico. // J.M.Remes –Troche: Revista de gastroenterología de México, vol. 77 nº. Disponibilidad y acceso: (<http://www.revistagastroenterologiamexico.org/es/el-ingles-quinta-era-del/articulo/S0375090612000390/>)

УДК 81-26.347.78.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКОГО СТИЛЯ ДЖОАН РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ОРДЕН ФЕНИКСА»

Л. А. Коломиец,

*студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

М. В. Норец,

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности перевода авторского стиля, поэзии и художественного перевода. Раскрываются такие понятия, как индивидуальный стиль, имя собственное, топоним, антропоним. Исследуются и анализируются средства выразительности, представляющие особый интерес для переводчика: метафоры, реалии, диалектизмы, фразеологизмы. В статье затронуты вопросы следования стилю, культуре и эпохе повествования при переводе и особенностям перевода религиозных цитат.

Ключевые слова: авторский стиль, перевод, индивидуальный стиль, художественный перевод, перевод поэзии, переводчик, стиль, автор, оригинальное произведение, адекватный перевод.

Summary. The article deals with some features of the author's style translation, poetry, and literary translation. Here such concepts as individual style, proper name, toponym, anthroponym are considered. The article examines and analyzes the means of expressiveness which are of particular interest to the translator: metaphors, realia, dialect, idioms. The article touches upon the questions of the style, the culture and the era of the narrative in translation and the peculiarities of religious quotations translation.

Keywords: the author's style, translation, individual style, literary translation, translation of poetry, translator, style, author, original work, an adequate translation.

Авторский стиль представляет собой некую характерную черту, отличающую творение данного писателя от работ других авторов. Индивидуальный авторский стиль придает каждому произведению свою оригинальность и неповторимое своеобразие. Одним авторам свойственно соблюдать персональный и неповторимый стиль абсолютно во всех своих творениях, другие, напротив, придерживаются тактики разнообразия в своих трудах и отнюдь не следуют канонам постоянства. Но, несмотря на некоторые различия в каждом произведении одного писателя все – же остаются отдельные особенности его стиля.

Синонимом авторского стиля является понятие индивидуального стиля. Блистательный академик В. В. Виноградов в своем труде «О языке художественной литературы» дает свое толкование индивидуальному стилю: «Это система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств художественно-словесного выражения, а также система эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов» [1, с. 85].

И. Ю. Подгаецкая в своей статье «Границы индивидуального стиля» считает, что «индивидуальный стиль писателя можно определить как способ организации словесного материала, который, отражая художественное видение автора, создает новый, только ему присущий образ мира» [4, с. 32].

Справедливо полагают, что художественный перевод является наиболее трудным. При переводе произведения, написанного в уникальном стиле конкретного писателя переводчик должен быть предельно внимателен, соблюдать все отличительные черты личного стиля, сохранить замысел самого автора, и, что немало важно, уловить смысл всего произведения. Искусный переводчик, равно как и музыкант или же артист должен в точности изобразить эмоции и переживания героев посредством перевода на другой язык, при этом ему необходимо сохранить благозвучность всего произведения, не прибегая к многочисленным искажениям текста. Но, с другой стороны, опытный переводчик должен избегать дословного перевода и найти так называемую «золотую середину», где его мастерство проявится в высшей степени, когда и все авторские особенности будут сохранены, и перевод будет написан красивым и правильным языком с соблюдением всех стилистических и лексических особенностей.

Особое внимание необходимо обратить на следующие средства выразительности, которые часто встречаются в художественных произведениях, написанных в индивидуальном авторском стиле.

Первое, что представляет собой особый интерес для переводчика, – это диалектизмы. Каждый язык уникален, и каждый автор, безусловно, считает своим долгом использовать в своем произведении хотя бы несколько диалектизмов для придания тексту особого колорита. В этом случае переводчик должен обладать отличным знанием культурных особенностей страны и даже местности, в которой обитал создатель произведения.

Далее следует отметить фразеологизмы и устойчивые выражения. Знающему переводчику просто необходимо обладать обширным словарным запасом и при переводе обязательно иметь при себе словарь фразеологизмов.

К переводу говорящих фамилий, имен и названий следует подходить с особой осторожностью, так как имя героя или же наименование какого-то понятия зачастую несет за собой положительную либо отрицательную коннотацию. Виноградов В. С. делит имена собственные на: антропонимы - единичное имя собственное, характеризующее определенную личность; имена литературных героев - в художественных текстах можно часто встретить имена персонажей других произведений, которые характерны для той или иной культуры [3]; топонимы - имена собственные, обозначающее название географического объекта. [2, с. 224]. Самыми общеупотребительными способами перевода имен собственных, безусловно, являются транслитерация и транскрипция.

Искусный переводчик должен уметь мастерски обыгрывать игру слов, иронию и юмор и экспрессивно передать именно эти средства выразительности, которые подразумевал виду автор. Перевод неологизмов - слов, сравнительно недавно появившихся в языке, требует тщательного подхода и наличие словаря неологизмов и специальной литературы. Перевод заимствований, в свою очередь, требует наличие словаря заимствований, и перевод осуществляется согласно общепринятым наименованиям тех или иных слов. Для перевода метафор необходимо иметь значительный словарный запас и мастерски владеть как языком оригинала, так и языком перевода.

К примеру, в пятом романе Джоан Роулинг «Гарри Поттер и Орден Феникса» переводчики искусно обыгрывают метафору «*the terrible weight of grief*» и переводят ее как «раздавленный бременем вины», далее они умело переводят «*any great sense of fear*» как «никакого особенного страха».

Приведем пример отрывка оригинального текста: «And yet sitting here on the edge of the lake, with *the terrible weight of grief* dragging at him, with the *loss of Sirius* so raw and fresh inside, he could not muster *any great sense of fear*» [6, 367]. Теперь приведем пример отрывка в переводе В. Голышева, Л. Мотылева, В. Бабкова: «И все-таки, сидя здесь, у кромки воды, раздавленный бременем вины и измученный тоской по Сириусу, которую еще не успело смягчить время, он не замечал у себя в душе никакого особенного страха» [5, 458].

Еще одним очень удачным примером перевода из этого же произведения справедливо является перевод словосочетания «*He-Who-Must-Not-Be-Named*», переведенного как «*Том-Кого-Нельзя-Называть*». Приведем пример оригинального текста: «In a brief statement Friday night, Minister of Magic Cornelius Fudge confirmed *that He-Who-Must-Not-Be-Named* has returned to this country and is active once more» [6, 363]. Теперь приведем пример отличного перевода: «В кратком заявлении, сделанном в пятницу вечером, министр магии Корнелиус Фадж подтвердил, *что Том-Кого-Нельзя-Называть* вернулся в нашу страну и вновь принялся за старое» [5, с. 463].

Любопытно отметить, что словосочетание является одновременно и перифразом, и эвфемизмом, так как «*Том-Кого-Нельзя-Называть*», некий Лорд Волан-де-Морт символизируется как настоящий сатана, жаждущий захватить власть над всем миром. Переводом книги занимались трое профессиональных переводчиков: В. Гольшев, Л. Мотылев, В. Бабков. Перевод по праву признан самым удачным из всех существующих.

Следование стилю, культуре и эпохе играет немаловажную роль для переводчика, так как соблюдение этих важных факторов должно быть неотъемлемой частью правильного и адекватного перевода. Переводчик должен прочувствовать время и события написания произведения и поставить себя на место героев, тем самым позволив читателю максимально ощутить эмоции, переживания и жизнь персонажей. К примеру, если для перевода предоставлено произведение, связанное с событиями, допустим, Первой мировой войны, то, прежде всего опытный переводчик должен изучить основные предпосылки и хронику событий данного исторического эпизода.

При переводе религиозных цитат переводчик сталкивается, с одной стороны, с проблемой соблюдения всех религиозных особенностей, а с другой стороны, ему просто необходимо перевести текст максимально доходчиво для понимания читателя, принадлежащего к другой культуре. В таком деликатном деле как перевод религиозной литературы очень важно предварительно ознакомиться с основными положениями конкретного вероисповедания, чтобы при переводе ни в коем случае не обидеть чувства верующих людей неосторожным словом или неучтивым слогом.

Абсолютно в любом художественном произведении иностранного автора переводчик сталкивается с проблемой перевода реалий, значение большинства из которых могут быть не только туманным, но и вовсе непостижимым для читателя. Опытному переводчику известно более чем достаточно способов перевода реалий, но самыми употребительными способами являются транскрибирование, перевод с добавлениями и пояснительный перевод. Необходимо помнить, что отдельные реалии со временем приобрели статус международных, и стали известны огромному количеству стран, более того, были внесены в словари. Это такие реалии, как ковбой, космонавт, рубль, доллар, евро.

Особый интерес для переводчика представляет собой перевод поэзии. Перевод поэзии – очень деликатный процесс, требующий особого

творческого подхода и предполагающий наличие не только переводческих, но и поэтических талантов и способностей, зачастую позволяющих создавать абсолютно новое творение на основе оригинального произведения. Ведь даже В. А. Жуковский писал, что «переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник».

Конфронтация личности автора – создателя оригинала и переводчика представляется или сотрудничеством, или же противоречием. Кропотливая работа переводчика является важной составляющей, так как профессиональный переводчик должен четко понимать, что ему необходимо создать не свое собственное, уникальное произведение, а перевоплотиться на время в истинного автора и передать посредством одного языка творческий замысел и образ мыслей создателя произведения на другом языке.

В заключение стоит отметить, что все вышеперечисленные аспекты, несомненно, вызывают некоторые затруднения при переводе даже для искусного переводчика и требуют детального рассмотрения и тщательной обработки.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы М.: Гослитиздат, 1959. С. 85.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Лигостаева О. А. Никитина Т. Г. Особенности передачи индивидуального авторского стиля при переводе [Электронный ресурс] №38 (октябрь) 2016 раздел лингвистика sci-article Электрон. текстовые дан. – Тольяти: 2016. – Режим доступа URL : <http://sci-article.ru/stat.php?i=1476298877> (дата обращения 29.01.2017).
4. Подгаецкая И. Ю. Границы индивидуального стиля // Современные аспекты изучения: теория литературных стилей. М.: Высш. шк., 1982. С. 32.
5. Роулинг Дж. Гарри Поттер и Орден феникса. М.: Росмэн, 2004. Р 458–463.
6. Joanne Rowling «Harry Potter and the Order of the Phoenix» V.: Raincoast, 2003. Р 363–367.

УДК 811.111'25

ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Т. И. Кушнарeva,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обучения письменному переводу в неязыковых высших учебных заведениях, предлагаются методические указания по подготовке к письменному

переводу и его непосредственному выполнению; приводятся критерии оценки работ по переводу.

Ключевые слова: письменный перевод, указания по подготовке, оценивание.

Summary. The paper focuses on the problems of written translation. Basic methodical instructions for the teaching of written translation are singled out. The author pays attention to the peculiarities of written translation of the texts. Translation criteria are assessed by the author.

Key words: written translation, instructions for the teaching, assess.

В процессе подготовки обучающихся неязыковых специальностей важное значение имеет владение иностранными языками. Знание иностранного языка дает возможность обучающимся углубить свои знания не только в языковом отношении, но и расширить общий кругозор в эстетическом плане, приобщившись к лучшим образцам иностранной художественной литературы, публицистических произведений, научных достижений. Умение правильно переводить тексты также является тем способом получения прочных знаний по определенной профессии, который открывает перспективу дальнейшего профессионального роста молодых ученых. Умение правильно переводить различные виды информации способствует взаимообогащению культур.

Цель нашей работы состоит в разработке методических указаний по подготовке к письменному переводу и его непосредственному выполнению в неязыковом высшем учебном заведении и определению критериев оценки работ по переводу.

В учебной деятельности обучающихся на неязыковых факультетах высших учебных заведений понятия «перевод» трактуется как процесс и результат создания на основе исходного текста на одном языке равноценного ему в коммуникативном отношении текста на другом языке. Коммуникативная эквивалентность дает возможность полноправного замены оригинала его вариантом перевода.

Известно, что если цели и методика работы над такими аспектами, как аналитическое и домашнее чтение, разговорная практика в специальных языковых вузах определены, то в обучении переводу на неязыковых факультетах, в разработке задач и методов работы над данным аспектом овладения иностранным языком существует много проблем.

Многочисленные пособия и известные работы (И.С. Алексеевой, Л.С. Бархударова, М.П. Брандеса, В.Г. Гака, Т.А. Казаковой, В.Н. Комиссарова, Л.К. Латышева, Р.К. Миньяр-Белоручева, Я.И. Рецкера, А.В. Федорова, А.Д. Швейцера, а также Ю. Найды, Д. Кэтфорда, М. Ледерер, Д. Селескович и др.) на эту тему рассматривают лишь отдельные стороны работы над переводом, не включая его в общий комплекс преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах высших учебных заведений, разработана система билингвальных

упражнений при обучении переводу с английского языка на русский [1], рассматривались вопросы по обучению переводу текстов по отдельно взятым специальностям [2; 5].

Работа по переводу проводится на первом и втором курсах неязыковых высших учебных заведений. Занятия по переводу имеют свои особые цели и задачи, такие, как знакомство с основными лингвистическими и стилистическими трудностями перевода, с особенностями и принципами перевода текстов различных жанров с иностранного на родной язык; знакомство с приемами анализа перевода.

Считаем, что необходимо уделить особое внимание текстотипологической модели обучения письменному переводу, которая разработана авторским коллективом кафедры теории и практики перевода Волгоградского государственного университета [4]. Разработчики полагают, что при разработке такой модели следует учитывать следующее:

– с первого занятия студенты должны понять, что обучаются не учебному или подстрочному переводу, а профессиональному переводу, являющемуся межъязыковым и межкультурным посредничеством;

– учебные материалы должны быть «условно теоретическим», то есть содержать необходимые теоретические знания, которые затем через соответствующие тексты и задания должны переплавляться в практические знания и умения;

– модель должна строиться не по тематическому принципу, поскольку тема текста в наименьшей степени влияет на специфику перевода, а по принципу охвата коммуникативных ситуаций и соответственно типов текстов, релевантных для профессиональной деятельности;

– модель должна опираться на аутентичные тексты, запечатлевающие национальную культурно-историческую специфику лингвосоциума, поскольку общность определенного минимума фоновых знаний является обязательным условием адекватного взаимопонимания коммуникантов;

– модель должна быть ориентирована на выработку умений интерпретировать и продуцировать тексты, соответствующие конвенциям текстопорождения в обоих языках, участвующих в переводе;

– студенты должны научиться использовать переводческие приемы не на уровне языка, а в соответствии с речевой задачей, то есть с тем типом и жанром текста, который подвергается обработке.

Исследователи и практический опыт рекомендуют процесс письменного перевода строить в три этапа:

- 1) анализ оригинала до начала перевода;
- 2) собственно перевод;
- 3) общее редактирование.

Сущность первого этапа заключается в уточнении коммуникативной ситуации. Данный анализ позволяет выявить наиболее важные моменты содержания и стиля оригинала, которые могут служить основанием для применения регулярных и нерегулярных соответствий на втором этапе

перевода. Обращение к словарям и справочникам на этом этапе должно ограничиваться рамками общего анализа текста.

Содержание второго этапа составляет последовательный ряд операций по переводу отдельных небольших отрезков оригинала, которым, с одной стороны, присуща достаточная синтаксическая и смысловая самостоятельность, а с другой стороны, они не представляют собой особых сложностей для запоминания. Обычно таким отрезком является одна фраза – простое или сложное предложение умеренной длины. Обращение к словарям и справочникам целесообразно в тех случаях, когда содержание отрезка не достаточно понятно с опорой на весь контекст фразы, или когда количество закономерных соответствий для тех или иных единиц недостаточно.

На третьем этапе письменного перевода корректируются недостатки, которые определяются после прочтения всего текста перевода.

На занятиях предлагаются такие виды работ, как самостоятельный перевод с предшествующим лингвистическим анализом текста и последующим обсуждением в аудитории в форме свободной дискуссии, сравнительный анализ варианта перевода обучающегося и перевода-образца; сопоставительный анализ нескольких переводов с родного языка на иностранный.

Обучающиеся также знакомятся со специфическими трудностями перевода публицистических и информационных текстов. В начале работы над газетным материалом даются краткие теоретические сведения, необходимые для практической работы над текстами, характеристика стиля газетных сообщений, заголовков и объявлений, которые составляют сущность публицистического стиля. Как известно, «для публицистических материалов характерно сочетание особенностей научных материалов (например, значительное количество терминов, элементы книжной лексики и синтаксиса) стиля художественной речи (наличие элементов образности и эмоционально-экспрессивной окраски). Перед переводчиком подобных материалов стоит задача отразить все эти особенности, конечно в том случае, если они есть в оригинале, в своем переводе» [3, с. 239].

В условиях учебной деятельности необходимо определить критерии оценки студентов при выполнении письменного перевода. Коммуникативная эквивалентность нового текста по отношению к оригиналу обеспечивается соответствием трём основным требованиям:

- текст перевода должен в полном объёме передавать содержание оригинала;
- текст перевода должен соответствовать нормам языка перевода;
- текст перевода должен быть сопоставим с оригиналом по своему объёму.

Выполнение выше указанных требований предлагаем оценивать по 10-бальной шкале (Табл. 1).

Таблица 1. Критерии оценки перевода текста

Баллы	Показатели оценки
10	Полный перевод. Отсутствие смысловых и терминологических искажений. Творческий подход и абсолютная точность передачи содержания и характерных особенностей стиля переводимого текста.
9	Полный перевод. Отсутствие смысловых и терминологических искажений. Правильная передача содержания и характерных особенностей переводимого текста.
8	Полный перевод. Отсутствуют смысловые искажения. Правильная передача содержания текста. Имеют место незначительные неточности.
7	Полный перевод. Соблюдается точность передачи содержания. Отсутствуют смысловые искажения. Допускаются некоторые терминологические неточности и незначительные нарушения характерных особенностей переводимого текста.
6	Не совсем полный перевод. Отсутствуют смысловые искажения. Допускаются незначительные терминологические искажения. Имеют место неточности в передаче содержания текста.
5	Неполный перевод. Допускаются незначительные искажения смысла и терминологии. Нарушается в отдельных случаях содержание переводимого текста.
4	Неполный перевод. Допускаются грубые терминологические искажения. Нарушается правильность передачи содержания переводимого текста.
3	Неполный перевод текста. Допускаются грубые смысловые и терминологические искажения. Нарушается правильность передачи содержания переводимого текста.
1-2	Неполный перевод текста. Допускаются грубые искажения в передаче содержания переводимого текста.
0	Отказ от перевода текста.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что работа по письменному переводу способствует углубленному и осознанному изучению иностранного и родного языков, развитию навыков перевода, закреплению навыков стилистического анализа, знакомит обучающихся с научной литературой и культурой народа, язык которого они изучают, развивает у молодых людей чувство научного стиля и красоты языка, совершенствует вкус к творческой работе.

Список использованных источников

1. Аксёнова Е. Е. Система билингвальных упражнений при обучении переводу с английского языка на русский // Филологические науки в МГИМО. М.: Московский государственный институт международных

отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2015. – № 1. С. 106–118.

2. Буковский С. Л. Особенности обучения специальному переводу студентов сельскохозяйственных специальностей // Вестник Университета Российской академии образования. М.: Университет РАО, 2015. – № 5. С. 13-16.

3. Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И. Пособие по переводу с английского языка на русский. – Ч.2. М.: Высш. шк., 1965. 288 с.

4. Королькова С. А. К вопросу о методике обучения письменному переводу // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2009. – № 3. С. 23-33.

5. Наугольных Е. А. К вопросу о методике обучения переводу аннотаций на лекарственные препараты // Индустрия перевода. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 2016. – Том 1. С. 224–228.

УДК 81'255'112'.2'161.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНТОНОМАСИЙ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ФУТБОЛЬНЫХ ОТЧЕТОВ

В. Ф. Лазарева,

*обучающаяся кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранный филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

А. В. Пономарёва,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является исследование способов перевода антономасий в немецких футбольных отчетах на русский язык. Были использованы такие методы, как структурно-семантический, контекстуальный и количественный анализ выбранных лексических единиц. Результаты, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что антономасийные онимы переводятся при помощи таких приемов, как калькирование, перестановка, комплексная трансформация, лексическое добавление, транскрибирование, компенсация, смысловое развитие и лексическая замена. Безэквивалентность при переводе преодолевается посредством синонимии.

Ключевые слова: антономасия, футбольный отчет, переводческий прием, эквивалент.

Summary. The aim of this work is to examine ways of translation of antonomasia into Russian on the material of German football reports. Such approaches as contextual, structural and semantic analysis of selected lexical units as well as statistic analysis were used during the research. The results of the study indicate that cases of antonomasia can be translated by means of loan translation,

transposition, lexical addition, transcription, compensation, explicatory translation and lexical substitution. Translation problems could be overcome using synonyms.

Key words: antonomasia, football report, translation method, equivalent.

Футбол, как самый популярный вид спорта, широко представлен в средствах массовой информации. Более того, особые подвиды языка футбола можно выделить как в рамках языка прессы, так и в сфере радиовещания [6, с. 142]. Для этих подязыков свойственны, наряду с объективностью и грамматической полнотой, импровизация и креативность.

В сфере спортивных репортажей профессиональный язык футбола смешивается с футбольным жаргоном, который активно употребляется как на футбольном поле, так и на трибунах, и образует промежуточное явление между профессиональным языком и арго. Одной из типичных особенностей текстов спортивных репортажей, представленных в виде газетных и журнальных статей, является антономасия.

Антономасия является своего рода переименованием объекта и рассматривается как «одна из разновидностей метонимии, при которой денотат заменяется названием какой-либо существенной особенности предмета или его отношения к чему-либо». Также к случаям употребления данного тропа можно отнести клички и прозвища, которые часто замещают оригинальное имя [2, с. 135].

Л. В. Разумова отмечает, что в основе антономасии лежит асимметрия плана содержания и плана выражения. Таким образом, слово, которое обозначает некий элемент в реальности, может быть использовано для наименования другого элемента [3].

Публицистический стиль предполагает определенные отношения между читателем и предназначенным для него текстом. Такая прагматика основывается на формировании мнения и отношения к описываемой действительности, и оценка явлений будет зависеть от того, как сам автор оценивает предмет описания. По мнению М. А. Арутюнян, антономасия может служить инструментом формирования мнения читателей [1]. Поэтому при переводе антономасийных единиц важно передать идею и смысловую нагрузку имени.

В статьях о футбольном клубе (далее – ФК) «Бавария Мюнхен» или немецкой национальной сборной по футболу можно встретить такие антономасии, как *der Bayern-Kapitan* («капитан Баварии»), *der Rekord Keeper* («рекордсмен»), *der Torwart-Titan* («громила на воротах»), *die ehemalige Nummer 1* («бывший номер 1») в отношении Оливера Кана. Что касается названий команд, то журналисты стараются избегать употребления одной и той же лексической единицы в тексте чаще одного раза. Вместо названия *FC Bayern München* в спортивных репортажах предпочитают такие перефразы, как *der Bundesligist* («бундеслигист»), *die Münchner*

(«мюнхенцы»), *der deutsche Rekordmeister* («немецкий рекордсмен»), *der 20malige deutsche Meister* («двадцатикратный чемпион») и *die Mannschaft von Trainer Felix Magath* («команда Феликса Магата»). Когда речь идет о командах или сборных, спортивные журналисты очень часто используют следующие жаргонные перифразы: *die Knappen* (досл. «горняки») или *die Königsblauen* («кобальтовые») о клубе «Шальке 04», *die alte Dame* («старая дама») о ФК «Герта» [5, с. 78].

Антономасии, указывающие на клубный герб или цвет спортивной формы, часто способствуют образованию прозвищ, например: *die Löwen* («львы») – ФК «Мюнхен 1860» или «Айнтрахт Брауншвайг», *die Roten* («красные») – ФК «Ганновер 96», *die Zebras* («зебры») – ФК «Дуйсбург». Спортивные журналисты также могут прибегнуть к перефразированию, связанному с названиями городов или регионов. Так, например, для наименования ФК «Вольфсбург» используется сокращенная форма названия города – *die Wölfe* («волки»).

В рамках данного исследования комплексному анализу подверглись антономасийные онимы, в количестве 70 единиц, выявленные в текстах футбольных отчетов нескольких электронных ресурсов: sport.bild.de, kicker.de, fcbayern.de, bvb.de и bundesliga.de. В ходе переводческого анализа выяснилось, что наиболее продуктивным методом перевода подобных лексем является **калькирование**, т. е. заимствование посредством буквального перевода лексем, например: *der langjährige Münchner* – «великовозрастный мюнхенец», *die Lilien* – «лилии» (ФК «Дармштадт»), *der Weltmeister* – «чемпион мира» (употребляется как в отношении сборной, которая победила мундиаль, так и в отношении игрока, играющего за эту сборную).

Такой переводческий прием, как **перестановка** (изменение расположения языковых элементов) также используется при переводе антономасий, например: *die Klublegende* – «легенда клуба», *Real-Verteidiger* – «защитник “Реала”», *Sevilla-Angreifer* – «нападающий “Севильи”».

При переводе некоторых лексем применяется метод **лексического добавления**: *der Nationalspieler* как «игрок национальной сборной Германии» и *der Nationaltorhüter* «вратарь национальной сборной Германии».

С целью передачи национального колорита в немецких футбольных отчетах находит применение такой прием, как **транскрибирование**, т. е. передача фонетической стороны лексемы, например: *Säbener Straße* – «Зебенер Штрассе» (местонахождение тренировочного лагеря и штаба ФК «Бавария Мюнхен»), *Fußballgott* – «Фусбальготт» (обычно употребляют при упоминании футболиста Бастиана Швайнштайгера).

Описательный перевод, или **экспликация**, используется для передачи труднопереводимых элементов, например: *der Torwart-Titan* – «громила на воротах», *der Sturmstar* – «лучший бомбардир». Немецкие спортивные журналисты часто употребляют аббревиатуры, однако, при переводе на

русский язык в таких случаях следует также пользоваться описательным переводом. Так, к примеру, *FCB* в зависимости от контекста будет переводиться либо как «Бавария Мюнхен», либо как «Барселона».

С целью исключения потери смыслового элемента при передаче лексем на русский язык используется метод **компенсации**, например: *die Mourinho-Elf* – «подопечные Моуринью» (дословно «одинадцать игроков Моуринью»), *Underdog* – «аутсайдер» (дословно «неудачник»).

При переводе отдельных лексических единиц в футбольных отчетах наблюдаются такие лексико-семантические замены, как **генерализация** (расширение значения) и **конкретизация** (сужение значения), например: *der Jungspund* – «молодой талант» (исходное значение: «малец, сосунок»), *der Allrounder* – «универсальный игрок» (исходное значение: «мастер на все руки»).

В ходе анализа были выявлены единицы, подвергшиеся в процессе перевода на русский язык комплексным трансформациям, например, сочетанию калькирования и перестановки: *Ex-Bundesligaspieler* – «бывший игрок Бундеслиги», *Champions-League-Sieger* – «победитель Лиги Чемпионов», *der englische Nationaltorhüter* – «вратарь национальной сборной Англии».

Существуют также антономасии, эквиваленты которых отсутствуют в русском языке. К таким относится, например, лексема *die Werkself* («рабочая группа, концерн» или «дочернее предприятие»), которая обычно употребляется в отношении ФК «Байер Леверкузен». Так называют команды, которые принадлежат каким-либо крупным фирмам или концернам, в данном случае компания «Байер». В некоторых случаях лексема *die Werkself* может применяться в отношении клуба «Вольфсбург», поскольку владельцем клуба является концерн «Фольксваген». ФК «Айнтрахт Франкфурт» имеет прозвище *launische Diva vom Main* (досл. «капризная примадонна из Майна»), которое можно встретить в немецких спортивных отчетах, но в российской спортивной журналистике это выражение не употребляется по отношению к данному клубу, что обуславливает необходимость подбора адекватного синонима. При обозначении ФК «Кёльн» в спортивных отчетах используется номинация *die Domstädter* (досл. «соборцы»), в основе которой лежит лексема *Dom*, обозначающая Кёльнский собор, главную достопримечательность города.

К «проблемным» антономасиям также относится единица *die Hanseaten* (досл. «ганзейцы»), которая может использоваться в отношении сразу несколько футбольных клубов, а именно «Гамбург», «Вердер Бремен», «Ганза Росток». Внутренняя мотивация данной единицы обусловлена политико-экономическим союзом между торговыми городами на севере Германии под названием «Ганза».

При сравнительном анализе немецкоязычных и русскоязычных спортивных отчетов были также выявлены другие прозвища футбольных команд, например: «Волки» (для ФК «Вольфсбург»), «Орлы» (для ФК

«Айнтрахт Франкфурт»), «Динозавры» (ФК «Гамбург»), «Музыканты» (ФК «Вердер Бремен»).

Интерес также представляет употребление в немецких футбольных отчетах лексической единицы *der Abwehrchef* (досл. «шеф защиты») в отношении игрока, который задаёт игру защитникам команды и может занимать различные позиции на передней или задней линии обороны. При переводе на русский язык компонент «шеф» либо нивелируется, либо же замещается громоздкими описательными конструкциями.

Переводческий анализ электронных ресурсов спортивной тематики показал, что частое использование англицизмов является характерным для футбольных отчетов Английской Премьер-лиги, что придает этим текстам национальный колорит, например: *die Red Devils* – «Красные дьяволы» (прозвище ФК «Манчестер Юнайтед»), *die Blues* – «синие» (о клубе «Челси»), *Matchwinner* – «победитель матча», *The Special One* – «Особенный» (прозвище тренера Жозе Моуринью, которое появилось после его высказывания на первой пресс-конференции с ФК «Челси»: «Пожалуйста, не называйте меня высокомерным, ведь я чемпион Европы и, думаю, я особенный» [4]). В указанных примерах используется преимущественно метод калькирования, а в случае с лексемой *Matchwinner* – калькирование в комбинации с перестановкой, что, в свою очередь, затрудняет сохранение национального колорита в процессе перевода.

Количественный анализ исследуемых лексических единиц показал, что посредством калькирования было переведено 38 номинаций (54,2% от общего числа исследуемых лексем), комплексным трансформациям подверглись 10 единиц (14%), перестановке – 7 лексем (10%), лексическому добавлению, транскрибированию, компенсации, смысловому развитию и лексическим заменам подверглись по 2 единицы (3%) соответственно. Отсутствие равноценного эквивалента в русском языке было обнаружено у 5 лексических единиц (7%).

Результаты проведенного анализа позволяют расширить представление о характере трудностей, возникающих при переводе антономасий в немецких отчетах футбольной тематики на русский язык, а также о путях их преодоления.

Список использованных источников

1. Арутюнян М. А. Структура, семантика и прагматика стилистического приема «антономазия» на материале немецкого языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки», 2010. 21 с.
2. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. – 1986. – № 4. С. 34–40.
3. Разумова Л. В. Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2002. 156 с.

4. Шпаковская Ю. Почему Жозе Моуринью – «особенный»? [Электронный ресурс] // Wemberley. – 2016. <http://wemberley.com/texts/why-is-jose-mourinho-the-special-one/> (дата обращения 21.01.2016).
5. Burkhardt A. Der deutsche Fußball und seine Sprache // Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg. – 2008. S. 68–87.
6. Hackforth J., Weischenberg S. Sport und Massenmedien. Limpert, Frankfurt, 1978. 265 S.

УДК 81

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАКУРСЕ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА**

М. В. Ласкова,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Я. Г. Беликова,

студент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-грамматические характеристики спортивного дискурса как вида институционального дискурса, специфика которых, в свою очередь, обуславливает некоторые особенности переводческой деятельности в данной сфере. Авторы анализируют лексико-семантическое содержание и грамматическое воплощение англоязычного спортивного дискурса, освещая минимальный набор фоновых знаний, требуемых для адекватного понимания и перевода текстов соответствующей тематики.

Ключевые слова: спортивный дискурс, институциональный дискурс, перевод, терминологическая система, параллельные конструкции, эмфатические конструкции, инверсия.

Summary. The article deals with the lexical-grammatical characteristics of sports discourse as a type of institutional discourse, which, in turn, underlie some peculiarities of translation activities in this domain. The authors analyze the lexical-semantic content and grammatical manifestation of English sports discourse, illuminating the minimal set of background knowledge required for adequate comprehension and translation of texts of relevant subject matter.

Key words: sports discourse, institutional discourse, translation, terminological system, parallel constructions, emphatic constructions, inversion.

Дискурс представляет собой сложную исследовательскую проблему, анализ которой порождает разнообразные интерпретации и дефиниции данного понятия в работах как зарубежных, так и отечественных ученых.

В самом общем смысле дискурс рассматривается как когнитивный процесс, связанный с сознанием речевого поведения и включающий в себя коммуникативные намерения автора, характерные черты эпохи или конкретной сферы его существования, особенности адресатов, жанра и стиля. При этом важной особенностью дискурса является его адаптирующийся характер, обуславливающий зависимость процесса речепроизводства от контекстуальных и жанровых особенностей ситуации общения.

Важной разновидностью дискурса представляется дискурс институциональный, осуществляемый в установленных рамках статусно-ролевых межличностных отношений между коммуникантами. При этом анализ институционального дискурса подразумевает изучение особенностей взаимодействия его участников – как языковых, так и экстралингвистических.

В данной статье предпринимается попытка узконаправленного анализа лексико-грамматических характеристик спортивного дискурса как вида институционального дискурса, специфика которых, в свою очередь, обуславливает некоторые особенности переводческой деятельности в данной сфере.

Являясь важным компонентом деятельности современного социума, спорт обогащает язык специфическими лексическими единицами, формирующими систему спортивной терминологии. Под термином в настоящей статье понимается слово или словосочетание, создаваемое для выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [1, с. 474]. Термины, являющиеся частью спортивного дискурса, могут быть классифицированы по сфере использования, формальной структуре и передаваемому значению (Рисунок 1).

Учитывая, что британские «корни» прослеживаются у многих популярных командных игр (таких, например, как футбол, гольф и регби), многие англоязычные термины выступают сегодня основой для формирования спортивных терминологических систем в рамках других языков (например, в русском – *тайм, спарринг, плей-офф, форвард*, и др.). Семантическая составляющая спортивного дискурса зачастую основывается на оппозиции «победа – поражение», и эти реалии спортивной жизни неизменно находят отражение в языке, особенно в его лексической системе. Так, тексты спортивного дискурса оперируют обширным синонимическим рядом таких лексем как *to win* и *to lose*. К числу наиболее распространенных синонимов данных лексем относятся, например, *to beat, to defeat, to overthrow, to thrash, to outpoint, to score off, to fight down /out, to outperform, to win the field, to come in first, to draw the winner; to come off a loser, to bite the dust, to play out; to miss the boat; a victory, a triumph, a big game; a lay-down, a failure, a knockout* и др.

В семантике многих слов, входящих в лексическую систему спортивного дискурса, заложено значение, выражающее необходимость

совершения усилий, использования физической силы, задействования дополнительных ресурсов организма, продвижения вперед, преодоления препятствия. В связи с этим одной из лингвистических особенностей рассматриваемого типа дискурса является широкое использование таких предлогов как *over* (например, *to barge over, to win over* и др.) и *through* (например, *to get through, to push through* и др.) Кроме того, глаголы, характерные для текстов спортивного дискурса, зачастую выражают отношения конкуренции между соревнующимися, вследствие чего возникает необходимость реализации значения превосходства. Данная задача решается в языке спортивного дискурса при помощи приставки *out-* (например, *to outplay, to outperform* и др.).

Рисунок 1. Классификация терминов спортивного дискурса

Принимая во внимание идею соперничества, лежащую в основе спорта как социокультурного феномена, языковое воплощение соответствующих реалий часто оказывается связанным с выражением определенных эмоций. Поэтому тексты спортивного дискурса нередко оперируют экспрессивными лексемами, выражающими эмоциональные переживания (например, *to suffer a defeat* и др.). Согласно результатам нашего исследования, в спортивном дискурсе эмоциональный компонент чаще всего реализуется посредством: 1) междометий (например, *thumbs up!*

и др.); 2) наречий меры и степени (например, *on too many occasions, a really hard match to win* и др.); 3) прилагательных, используемых в качестве эпитетов, усиливающих эмоциональную компоненту высказывания (например, *wretched 45 minutes, phenomenal game, lax performance* и др.); 4) разговорной лексики (например, *to splash out, to stroll in* и др.); 5) фразеологизмов (например, *to scratch one's head* и др.); 6) идиом (например, *to hit the headlines* и др.); 7) сленговых единиц (например, *to strike in the ears* (в гандболе) – «бить по ушам», направлять мяч в «мертвую зону»; *fall in the back* (конькобежный спорт) – «сработать в спину», приблизиться к впереди идущему спортсмену для уменьшения сопротивления воздуха); *to sweep the slot* (хоккей) – «чистить пятачок», вытеснить соперника из зоны перед воротами).

Анализ грамматических особенностей построения высказываний в рамках спортивного дискурса позволил нам выделить ряд соответствующих характеристик, отличающих тексты данной тематики.

Так, согласно проведенному исследованию, элементы терминологической системы спортивного дискурса в английском языке чаще всего образуются на основе словообразовательной модели «существительное + *er*» (например, *golf – golfer, football – footballer*, и др.). Другим распространенными способами словообразования в сфере спортивного дискурса являются модель «прилагательное + *ing*» (например, *sporting success, cricketing moments* и др.), а также использование субстантивированных прилагательных (например, *friendly – a friendly* – «товарищеский матч»). Генерирование новых лексем позволяет расширить понятийный аппарат языка спорта с целью экономии языковых средств и пополнения спортивной терминологической системы как самостоятельного «организма», присущего узусу спортивного дискурса.

В качестве превалирующей характеристики спортивного дискурса выступают также сокращенные слова и словосочетания, а также аббревиатуры, использование которых также позволяет реализовать принцип экономии языковых средств. Согласно результатам нашего исследования, англоязычный спортивный дискурс оперирует двумя видами сокращений: буквенными сокращениями (например, *football club – f.c.* – «футбольный клуб»; *head coach – h.c.* – «главный тренер» и др.) и усеченными словами (например, *goalkeeper – keeper* – «вратарь»).

Анализ сокращений, используемых в англоязычном спортивном дискурсе, показал наличие большого количества омонимических конструкций, что указывает на возможность возникновения соответствующих проблем перевода. Например, *FT – full time* («полное время игры»); *FT – free transfer* («свободный переход»); *FT – first time* («первый тайм»). Кроме того, при переводе различного рода сокращений необходимо учитывать и тот факт, что английская спортивная терминология не всегда представлена соответствующими сокращенными эквивалентами в

языке перевода, что зачастую говорит о необходимости ее развернутого обозначения [2, с. 102].

Отдельного рассмотрения заслуживает анализ лексико-грамматических особенностей структуры заголовков к статьям спортивной тематики. Согласно результатам нашего исследования, к основным грамматическим особенностям газетных заголовков к текстам спортивного дискурса можно отнести следующие:

1) призывная семантика, образованная через использование повелительного наклонения (например, «*Let Us Win!*»);

2) лаконичность, достигаемая путем оформления заголовка в виде одного слова (например, «*Winner*», «*Disaster*», «*Wreck*», «*Ambition*», «*Victory*») или посредством использования односоставных предложений (например, «*The Voice of Boxing*», «*Ready for the Challenge*»); 3) обращение к читателю (например, «*And Who Are You Betting On?*») или спортсмену (например, «*Is That What You're Going With, Ronaldo?*») посредством использования вопросительных предложений;

4) отсылка к спортсмену через упоминание его имени, часто при помощи притяжательного падежа (например, «*Jordan's Golden Palace*»);

5) экспрессивность, достигаемая через использование рифмы (например, «*Ashley's New Name is Game*»), разделение неделимого слова при помощи дефиса (например, «*Real-ly Bad*») или оперирование усилительными наречиями (например, «*Too Slow*», «*Too Aggressive*»).

В качестве наиболее продуктивных грамматических конструкций, используемых в текстах спортивного дискурса, нами также были выделены параллельные конструкции, эмфатические конструкции и инверсии.

Параллельные конструкции подразумевают однотипное оформление отдельных частей предложения. Например, в предложении «*None will be left out to satisfy club managers demands, none will be included to satisfy any national demands, and no one will be selected because he is called David Beckham*» [5] автор прибегает к данному приему с целью придать экспрессивность предложению и привлечь внимание читателя.

Схожие цели достигаются и при использовании **эмфатических конструкций**, которые определяются как синтаксические конструкции, ориентированные на «выделение какого-либо элемента высказывания посредством интонации, повторения, синтаксической позиции и т.п.» [6, с. 114]. Например, «*It is the second match this month that has left Hughes angered by officials*» [3].

Инверсия, под которой понимается нарушение обычного порядка слов в предложении, также помогает перенести акцент на некоторые элементы высказывания в соответствии с интенцией автора и добавить экспрессивный компонент в его общую семантику. Например, «*Not only did they pull through twice this year, but they displayed real nerve to keep this fortune going*» [4].

Как видно из проведенного в статье анализа, пласт лексики, используемой в текстах спортивного дискурса, зачастую отличается специфичностью и узкой направленностью, вследствие чего понимание и перевод спортивного дискурса нередко требует наличия определенных фоновых знаний. Грамматические средства в текстах англоязычного спортивного дискурса используются с целью создания новых единиц, предназначенных для экономии времени и пространства. С помощью словообразовательных морфем от спортивных терминов образуются производные лексические элементы, пополняющие состав терминологической системы спортивного дискурса. Экспрессивность, присущая текстам спортивного дискурса, достигается посредством применения разнообразных синтаксических конструкций, таких как параллельные, эмфатические и инверсированные конструкции. Учет указанных особенностей, в конечном счете, оказывается важным условием успешного перевода текстов спортивной тематики.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
3. Sky Sports [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.skysports.com>. (дата обращения 3.01.2017).
4. The Guardian [Электронный ресурс]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/international>. (дата обращения 3.01.2017).
5. The Observer [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.theobserver.com>. (дата обращения 3.01.2017).
6. Whitfield A. Lost in syntax: Translating voice in the literary essay // Translator's Journal. – No. 45 (1). – Pp. 113-126.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РАДИООБМЕНА В ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ АВИАЦИИ

М. В. Ласкова,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

А. А. Калмыкова,

студент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей и специфики перевода радиообмена в гражданском и военном авиационных дискурсах. Отражены основные типичные ошибки, возникающие при

радиокоммуникации между пилотами гражданской авиации, а так же приведены основные правила, которых придерживаются военнослужащие всех стран во время проведения операций. Наряду с представленными трудностями радиообмена, даны некоторые рекомендации при общении в эфире.

Ключевые слова: гражданский авиационный дискурс, военный авиационный дискурс, радиообмен.

Summary. This article deals with the characteristics and specific character of the radio traffic translation in the civil aviation discourse and military aviation discourse. There are some typical mistakes highlighted in this article. They occur during radio communication between pilots of the civil aviation. There are also basic rules, which are used by military men in all countries during the operations. Along with the difficulties presented by the radio traffic, some guidance recommendations in communicating on the air are given.

Key words: civil aviation discourse, military aviation discourse, radio traffic communication.

На сегодняшний день мировая авиация представляет собой важный пласт государственной деятельности, целями и задачами которого является решение широкого спектра жизненно важных задач. Именно авиационная деятельность способствует росту и развитию промышленно-экономического потенциала страны, развитию культурной, научной деятельности, а также предотвращению угрозы государственной безопасности.

Неотъемлемой частью специальной профессиональной деятельности мировой авиации является коммуникация. В связи с этим возникает необходимость комплексного изучения авиационного гражданского и военного дискурсов.

Одной из важных составляющих военного авиационного дискурса является радиообмен, так как он представляет собой важный и весьма актуальный способ коммуникации. Кроме того, с помощью радиообмена осуществляется управление и взаимодействие на всех уровнях авиационной сферы деятельности. С технической точки зрения, радиообмен представляет собой процесс двухсторонней радиосвязи, в ходе которого сообщения передаются и принимаются посредством использования портативных радиопередатчиков, работающих в УКВ диапазоне.

Одна из основных задач, стоящих перед командиром любого звена – это четкая координация действий своих подчинённых. Чем лучше командующий управляет вверенными ему частями, тем быстрее он сможет отреагировать на быстро изменяющуюся ситуацию [1, с. 84].

Ведение военного радиообмена регламентировано определенными правилами, которые в разных странах имеют свои особенности. Однако есть определенные базовые принципы, которых придерживаются военные всех стран во время проведения операций.

1. Военный радиообмен – это короткие фразы по существу. Требования краткости высказываний в радиообмене вызвано как техническими ограничениями, так и зависимостью степени понимания от длительности высказывания. Кроме того, это может быть сигнал к немедленным действиям, от которых зависит жизнь людей [5].

2. Радиограмма имеет определенную схему построения, а именно:

1) кому говорят; 2) кто говорит; 3) текст сообщения.

3. При завершении своего сообщения, передающий информацию обязан дать знать об этом своим абонентам. Это необходимо сделать, в первую очередь, во избежание того, чтобы вас прерывали, и так же условить конец своего сообщения с целью получения ответа. При осуществлении военного радиообмена, несомненно, используется определенная терминология. Например: если вы ждете ответа, то используется термин «*over - прием*», если диалог закончен – «*out - отбой*», что означает «покинул канал связи».

Для более понятного и наглядного представления сообщения радиообмена, приведем пример:

«*Uran9, thisisSena-1-actual, comein, over*» - «Уран-девять, говорит Сена-один лично, ответьте, прием».

В часто повторяющихся ситуациях для упрощения коммуникации и понимания сообщения, используются типовые терминологические клише.

Примеры:

Affirmative – термин обозначающий подтверждение какого-то сообщения.

Break – *Брейк* –используется для разделения частей сообщения, т.е. первая часть переговоров завершена, но начавший ее, открывает новый сеанс связи и не освобождает канал для всех остальных.

Correction – *Поправка* – т.е. употребление этого термина актуально тогда, когда допущена ошибка в сообщении и говорящий намерен это исправить.

ROGER – «Вас понял, сообщение получено».

TIME – *ВРЕМЯ* (передается точное время).

WAITONE – *ПАУЗА, Я ПРЕРВУСЬ НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД.*

Wilco - «Так точно», «есть», «выполняю».

Кроме того, существуют термины касательно специфики военных действий, которые употребляются в языке радиообмена. Например:

FIRE – *ОТКРЫТЬ ОГОНЬ.*

FIREATWILL – *ОТКРЫТЬ БЕГЛЫЙ ОГОНЬ*, стрельба ведется по любым целям.

CEASE FIRE – *ПРЕКРАТИТЬ ОГОНЬ.*

WEAPONSHOLD – *ПРИМЕНЯТЬ ОРУЖИЕ ТОЛЬКО В ЦЕЛЯХ САМОЗАЩИТЫ*, разрешается применять оружие только в целях самозащиты.

WEAPONSSAFE – НЕПРИМЕНЯТЬ ОРУЖИЕ, применять оружие не разрешается.

FRIENDLY – СВОЙ, союзник.

ENEMY – ЧУЖОЙ, противник.

AMBUSH – ЗАСАДА, атака с заранее подготовленных скрытых позиций.

Радиообмен также применяется в гражданской авиации, занимая особое место в связи с тем, что представляет собой весьма важный компонент коммуникации между участниками авиационного дискурса. Однако, чтобы в полной мере понять и представить особенности радиообмена гражданской авиации, рассмотрим определение данного понятия. Согласно М. Б. Казачковой, радиообмен гражданской авиации (далее – РГА) представляет собой профессиональное коммуникативное взаимодействие пилотов и наземных служб, а именно обмен и передачу сообщений, осуществляемые посредством радио на воздушных судах [5, с. 254].

С лингвистической точки зрения, РГА является совокупностью фонетических, грамматических и лексических единиц языка, обеспечивающий речевое общение участников воздушного движения (авиадиспетчера и летчика) во время выполнения полета и представленная в диалогах «пилот – авиадиспетчер». Дискурс РГА представляет для лингвистов немалый интерес в различных аспектах деятельности. Ученые неоднократно пытались исследовать данный тип дискурса в русле разных направлений, акцентируя внимание на сопоставительном, прагмалингвистическом и стилистическом ракурсах. В связи с этим, дискурсу РГА посвящены множество сопоставительно-терминоведческих (М. М. Москалева, Д. Р. Фахрутдинова), сопоставительно-словообразовательных (О. В. Акимова), сопоставительно-лингвокультурологических (М. Б. Казачкова), прагмалингвистических (Т. А. Мальковская), стилистических (В. З. Высоцкий, М. И. Солнышкина) исследований [4, с. 119–124]. Однако наибольший интерес лингвистов вызывает исследование нарушений в восприятии русскоязычными пилотами англоязычных сообщений РГА. В связи с высоким темпом передачи информации по радиоканалам, а также различными техническими факторами и, несомненно, спецификой лексики самого радиообмена, возникает большая вероятность появления ошибок, допускаемых участниками коммуникации.

В дискурсе радиообмена гражданской авиации необходимо учитывать полный спектр особенностей процесса радиообмена. В этом заключается специфика РГА. Соответственно, пренебрежение правилами имеет отрицательный результат, поскольку уровень владения нормами орфографии прямо пропорционален уровню внимательности при выборе слов. Радиосвязь обеспечивается посредством обмена репликами с очень большой скоростью. И коммуникантам не предоставляется времени для

обдумывания ответа. Предвосхищение речевых поступков диспетчера говорит о быстрой ориентации пилота в профессиональном дискурсивном пространстве РГА.

Возможность предугадывать последующие коммуникативные события является одним из главных навыков успешной коммуникации в РГА. В этом случае пилоты, заранее поняв смысл фразы, а не заиклившись на ее звучании, могут вставить собственные синонимические замены. Например:

CALL WHEN REACH < *call on reaching*;

CROSSING 5000 FEET < *passing 5000 feet*;

SPEEDBIRD 937 WE HAVE PUSH BACK < *Speedbird 937 is pushing back*;

При нарушении восприятия англоязычных сообщений возникают, так называемые, коммуникативные сбои, которые представляют собой неполное, частичное понимание между партнерами по коммуникации по причине невнимательного отношения к собеседнику, недостаточно высокого уровня владения языком, неадекватной трактовки слушающим языкового знака или высказывания говорящего в целом.

Основными факторами непонимания между участниками коммуникации или «коммуникативные сбои» возникают из-за:

- факторов профессионального характера: недостаточное знание фразеологии. Например, *Go ahead* часто переводят как «Двигайтесь вперед» вместо правильного «Продолжайте»;

- факторов информационного характера (сложность информации, влекущая за собой непонимание; неадекватное или размытое изложение информации собеседниками);

- факторов языкового характера: например, существование двуязычной среды при управлении воздушным движением. Это не лучшим образом влияет на обеспечение безопасности полетов. Кроме того к факторам языкового характера относятся: наличие у говорящего сильного акцента; наличие грамматических и лексико-стилистических нарушений в речи коммуникантов; нечеткое произношение или некорректное произнесение слов английского языка; активное использование междометий;

- технические факторы: проблемы со связью, обуславливающие наличие помех и плохую слышимость в эфире.

Наряду с представленными трудностями радиообмена, авиационные специалисты вывели некоторые рекомендации при общении в эфире: точное соблюдение установленных правил и использование стандартной фразеологии; регуляция темпа речи; прослушивание и проверка корректности повтора сообщения пилотом со стороны авиадиспетчера.

В заключении хотелось бы отметить, что краткость, четкость и точность передаваемого сообщения являются залогом успешного процесса радиообмена. Соблюдение вышеупомянутых правил позволит эффективно использовать радиообмен как в целях обеспечения коммуникации служб

гражданской авиации, так и применение радиосвязи в условиях боевых действий в рамках действия военной авиации.

Список использованных источников

1. Авиационный английский: радиообмен «воздух-земля»: учебник / Лысенко С. В., Плотников В. В.; Московский авиационный ин-т (гос. технический ун-т); Ин-т иностранных языков. М.: Цифровичок, 2009. 84 с.
2. Акимова О. В. «Термин как единица терминологического поля и профессионального дискурса в разноструктурных языках» (На материале терминологии макрополя «Радиообмен гражданской авиации» в русском и английском языках): дис. канд. филол. наук: Казань: Казанский гос. пед. ун-т, 2004. 254 с.
3. Нелюбин Л. Л. Военный перевод и его особенности. // Нелюбин Л. Л., Дормидонтов А. А., Васильченко А. А. Учебник военного перевода. Английский язык. Специальный курс. М.: Воениздат, 1984. 440 с.
4. Щетинина Н. А. Радиообмен гражданской авиации как профессиональный язык: векторы исследования // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2011. С. 119–124.
5. Taylor J., Zeter J. Command and Control. “Express Publishing”, 2011

УДК 811.11 – 112

ДИСКУРС И ПЕРЕВОД

А. Э. Левицкий,

доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В статье с позиций современной антропоцентрической лингвистики анализируется соотношение понятий *дискурс* и *перевод*. Цель работы состоит в выявлении перспектив использования когнитивно-дискурсивного подхода для повышения качества перевода и его оценки. Анализ теоретических источников по переводоведению и языкознанию, а также практический опыт работы стали основанием для получения результатов. Выявлена роль дискурсивных факторов в ходе транскодирования информации переводчиком; раскрыта важность антропоцентрического аспекта в процессе перевода.

Ключевые слова: язык, дискурс, перевод, антропоцентризм, транскодирование, передача информации, текст, инвариант, репрезентативность перевода.

Summary. The article deals with the analysis of the notions of *discourse* and *translation* within the framework of present-day anthropological linguistics. The aim of the paper is to shape the perspectives for further application of cognitive-and-discursive approach attributed for improving the quality of

translation as well as its further evaluation. The review of theoretical sources on translation studies and linguistics with regard to certain practical investigations served as a ground for obtaining the results. The role of the discursive factors while transcoding the information by the translator as well as the importance of anthropocentricity in the translation process have been pinpointed.

Key words: language, discourse, translation, anthropocentricity, transcoding, information transfer, text, invariant, translation representativeness.

В лингвистике начала XXI века значительное место уделяется исследованиям, связанным с передачей информации любого рода (см., напр., [5; 6; 10]). Именно дискурс как «текст, погружённый в жизнь» [1, с. 136] является наиболее удобной формой «упаковки» вербализованной информации в историческом и социокультурном контексте. Таким образом, дискурс отражает «дух времени», который определяет его структуру и позволяет адекватно его декодировать. Кроме того, индивид и его дискурс выступают мощным фактором, влияющим на развитие языка и формирующим коммуникативный и когнитивный стили, которые присущи социуму, этносу и человечеству в целом на определённом этапе развития. Не вызывающая сомнений антропоцентрическая сущность продуктов дискурсивной деятельности человека, выраженная в отражении его личностных начал, с одной стороны, и адресованности, с другой, является определяющей в современном лингвокогнитивном понимании дискурса.

Лингвокогнитивный аспект современных дискурсивных исследований позволяет внедрить более широкий подход к проблемам категоризации вербализованной информации и её последующей концептуализации [3; 4; 9]. Проблема вербального отражения получаемой индивидом информации получает новое разрешение в аспекте взаимодействия не только языка и мышления, но и языка и действительности, что позволяет вернуться к особенностям познавательной деятельности как отдельно взятого индивида, так и определённого лингвосоциума.

Сейчас дискурс как одно из основных понятий антропоцентричности используется параллельно с такими терминами, как речь, текст, функциональный стиль.

Дискурс воспринимается как жизнь текста в нашем сознании, как наложение информации, которую мы получаем из этого текста, и нашего знания об обстоятельствах, причинах его порождения на ментально-чувственное информационное поле нашего индивидуального «я» [12, с. 13]. Дискурс как объективно существующая вербально-знаковое устройство сопровождает процесс социально-значимого взаимодействия людей [11, с. 7–8] и развивается в определенных социокультурных условиях [13, с. 3].

Конечным результатом дискурса является текст, который выступает в таком коммуникативно ориентированном виде, как «законченный» дискурс [2, с. 13–14]. Одной из основных единиц дискурса выступает текст [8, с. 14].

Дискурс как вербализованная рече-мыслительная деятельность содержит не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты.

Именно антропоцентрическая (социально-когнитивная) сущность дискурсивных исследований позволяет по-новому раскрыть проблемы перевода. Отметим также, что антропоцентризм переводческой деятельности является весьма очевидным. В этом смысле нельзя не согласиться с С. В. Тюленевым: «Оригинал нацелен на читателя, владеющего языком, на котором оригинал и написан, в то время как перевод рассчитан на реципиента, который, не владея языком оригинала, нуждается в посредничестве перевода, с помощью которого он и знакомится с оригиналом» [14, с. 132]. Нельзя не признать, что дискурсивный аспект переводческой деятельности полностью связан с человеком, как в ходе кодирования, так и декодирования получаемой информации (вне зависимости от того, идет ли речь о языке оригинала или языке перевода). Такой взгляд позволяет нам несколько расширить подход Р. О. Якобсона к процессу перевода, в котором задействованы продуцент оригинала, рецептор и переводчик. Не случайно, на этом основании с использованием текстоцентричного подхода можно говорить о трансформации исходного текста в целевой текст. «Перевод представляет оригинал иноязычному читателю. Говорят, что перевод *репрезентирует* оригинал в иноязычной культурной (в широком смысле) среде» [14, с. 132]. Даже «самый плохой перевод остается "переводом", поскольку он предназначен для репрезентирования (полноправной замены) текста оригинала» [7, с. 20].

Итак, перевод обеспечивает взаимосвязь между исходным (Т1) и переводным (Т2) текстами, а следовательно, данными на исходном языке (Я1) и языке перевода (Я2), с помощью которых происходит репрезентация инварианта (*verbalized message*) (И1). Безусловно, перевод лишь тогда следует считать успешным, если сохраняется инвариант исходного текста, т.е. в результате языковых трансформаций не появляется некий И2, а в Т2 полностью сохраняется И1. Хотя по сути *verbalized message* (VM1) никогда не будет полностью тождественным VM2 из-за отличий в языковом оформлении. Сохранение инварианта (И1) является основной задачей переводчика, которую можно и нужно достичь. Именно транскодирование, включающее декодирование информации, закодированной в исходном тексте, и её новое кодирование (*re-coding*) для создания Т2, что является простейшей задачей для переводчика. Вместе с тем, данная задача отнюдь не является единственной [14, с. 146 – 147]: речь идет также об отражении цели создания оригинала; воспроизведении тона и стилистических особенностей оригинала; донесении до реципиента авторского отношения к идее исходного текста.

Следовательно, «перевод — это репрезентация оригинала средствами иного языка. Именно как репрезентация оригинала, адресованная реципиенту, перевод должен осуществляться и оцениваться. В этом смысле

репрезентативность позволяет не требовать от перевода текстуальной полноты, не всегда нужной в силу коммуникативно обусловленных задач. Кроме того, установка на репрезентативность позволяет сконцентрироваться на процессе осуществления переводческой деятельности именно с точки зрения сохранения в окончательном тексте перевода важнейших черт оригинала, а ошибки (помехи) нужно оценивать, исходя из того, насколько они мешают достижению изначально поставленной оригиналом цели» [14, с. 150].

Дискурсивный же подход позволяет выделить в переводе две зоны: зону ввода (input area) и зону вывода (output area). Первая из них основывается на дискурсе (Д1), в рамки которого вписывается Т1, написанный на Я1. Задачей переводчика в освоении Д1 является декодирование текстовой информации (И1) – поверхностное понимание, а также дискурсивной информации – глубинное понимание. Именно дискурсивная информация позволяет переводчику понять цивилизационные, исторические, культурно-этнические, социумные и индивидуально-личностные основы создания и функционирования оригинала (Т1). Таким образом, данный текст несет на себе отпечатки эпохи, когда создавался Т1, особенности культуры этноса и социума, частью которого является автор Т1, а также его индивидуально-личностные особенности. Собственно, Т1 и создаётся для передачи информации членам определенного этноса, социума и каждого из их членов. Так называемый идеальный читатель, к которому обращается автор посредством Т1, понимает все нюансы Д1. Он легко декодирует фоновые знания, пресуппозиции, прецедентные феномены (имена и ситуации), средства идиоматики, аллюзии, явления интертекстуальности, сленгизмы, профессионализмы и прочие языковые маркеры, которые способны вызывать у переводчика проблемы в процессе декодирования Т1. В данном смысле переводчик в зоне ввода никак не отличается от читателя, к которому обращался автор и для которого создал Т1. Конечно, декодирование Т1, удалённого во времени, также способно вызвать определенные трудности, т.к. современный читатель не полностью «вписан» в контекст Д1, если произведение написано два-три века тому назад и более.

Зона вывода, в свою очередь, основывается на данных зоны ввода, т.е. фиксирует результаты декодирования переводчиком Т1. Она содержит продукт его новой кодировки информации, содержащейся в Т1. Таким образом, переводчик замещает автора Т1, становясь автором Т2. В этой зоне проходит полная подмена Т1 иным Т2, а Я1 заменяется Я2. В лучшем случае И1 не поддается существенным изменениям. Его сохранение выступает основным критерием оценки качества перевода.

Отметим, что в силу отмеченных радикальных изменений теряет свою актуальность Д1. Его место занимает Д2. Новая языковая составляющая однозначно и оправданно создает облик Д2, но переводчик (автор Т2)

повторяет «путь» автора Т1 и должен обращаться к своему собственному читателю, понимая какую информацию можно «одомашнивать», а какую «форенизировать», что нужно комментировать, а что калькировать и т.д. Переводчик обязан создать Д1, в которую он «вписывает» свою аудиторию, отличную от тех, к кому обращался автор Т1. В Д1 включаются возможно иные цивилизационные, исторические и этнокультурные показатели. Именно от них зависит, какие фрагменты Т1 следует переводчику комментировать, какие модифицировать, а какие давать без изменений. Особо следует отметить индивидуально-личностные особенности переводчика. Нельзя подвергнуть сомнению креативность переводчика. Однако, данная черта его творческого процесса скорее должна проявляться в детальном изучении и осмыслении особенностей Д1. В том числе, ему необходимо глубоко осознать индивидуально-личностные черты автора Т1 и пропустить их сквозь призму своего сознания, т.е. представить себя на его месте – как бы он «видел» мир, в котором живут реципиенты Т2.

Итак, основная трудность работы переводчика связана с осмыслением Д1 и своеобразным его воссозданием в форме Д2. Только в этом случае можно говорить о полном отражении И1, достижении репрезентативности перевода (причем речь идет о репрезентативности, как на макроуровне, так и на микроуровне в понимании С. В. Тюленева [14, с. 151]). Антропоцентрический подход (с учётом дискурсивного и лингвокогнитивного аспектов) призван сделать более осмысленной деятельность переводчика и повысить её эффективность.

Список использованных источников

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // ЛЭС. М.: Сов. энц., 1991. С. 136–137.
2. Бацевич Ф. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. Львів: ПАІС, 2005. 264 с.
3. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. 2014. С. 20–28.
4. Демьянков В. З. О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. 2015. С. 39–51.
5. Дик У. Эффективная коммуникация. Приёмы и навыки / Пер. с нем. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2007. 188 с.
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
7. Комиссаров В. Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
8. Красных В. В. Матрица коммуникативного акта // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. М.: «МАЛП», 1997. С. 14–22.
9. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира, пространства и время. М.: МГУ, 1997. С. 15–26.
10. Переверзев В. Н. Теория коммуникации: металогический подход // Методы современной коммуникации. Вып. 1. М.: МГЛУ, 2003. С. 5–16.

11. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
12. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалі сучасної газетної публіцистики). К.: Вид-во КНУ, 2002. 392 с.
13. Скопинцева Т. А. Речевые стратегии британских парламентариев в ходе обсуждения бюджета: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. А. Скопинцева; Иркутский государственный лингвистический ун-т. Иркутск, 1998. 19 с.
14. Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 336 с.

УДК: 372.881.1

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
(ПСЕВДОИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ)
КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ**

С. А. Логвина,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Е. М. Сахно,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт
иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Сегодняшние реалии диктуют необходимость частого обращения к научному дискурсу, где самым распространенным вторичным жанром является перевод кратких аннотаций к научным докладам и статьям. Сложность такой работы обуславливается проблемами, связанными с выбором корректного употребления и перевода терминов (псевдоинтернационализмов, межъязыковых омонимов, паронимов и т.д.). В данной работе авторы демонстрируют аналитический подход к процессу выбора корректного эквивалента русскому термину в сфере медицины.

Ключевые слова: псевдоинтернационализмы, ложные друзья переводчика, медицинские термины, межъязыковые паронимы, омонимы.

Summary. Today's life makes it necessary to refer frequently to scientific discourse, the most common genre being a translation of abstracts of scientific reports and articles. This activity is complicated by a phonetic but not semantic similarity of a number of terms in different languages, such as pseudo-international words, interlanguage homonyms, paronyms, etc. In this article, the authors display the analytical approach to the selection of the correct equivalent of the Russian term in the field of medicine.

Key words: pseudo-international words, misleading words, medical terms, paronyms, homonyms.

В настоящее время многие специалисты сталкиваются с необходимостью освещать результаты своих научных исследований не только на родном, но и на иностранном языке. При этом самым распространенным жанром в этой области является перевод кратких аннотаций для научных работ. Следует отметить, что, к сожалению, достаточно часто язык подобных переводов безграмотен и содержит множество ошибок и неточностей. В нашей работе мы сосредоточились на анализе лексических ошибок, которые могут привести к серьезным последствиям, вплоть до полного искажения смысла первоначального сообщения.

При переводе текстов такой жанровой специфики следует учитывать, что тексты медицинской направленности сочетают в себе различные функциональные стили. Этому жанру свойственно наличие большого количества неологизмов и разного рода дефиниций. Также одной из основных причин существования лексических трудностей перевода есть такое субъективное явление, как интерференция лексики родного языка переводчика на язык перевода.

Ложные друзья переводчика – это слова, имеющие одинаковую или похожую форму, но разные значения в двух языках. Также ложные друзья переводчика можно назвать межъязыковыми синонимами (слова, совпадающие в одном или более значениях; *concert* – *концерт*), омонимами (одинаковое звучание, но разное значение; *accord* (с англ. букв. «согласие» – *аккорд*), паронимам (близкие по звучанию и написанию, но разные по значению; *example* – с англ. букв. «пример» – экземпляр).

Существует множество определений понятия «ложные друзья переводчика», нередко не только дополняющих, но и противоречащих друг другу. При таких разногласиях в трактовке исследуемой дефиниции лингвисты, изучая это явление, часто применяют лексикологические термины, например, «межъязыковые омонимы и паронимы» [11, с. 12]. Межъязыковую омонимию легко перепутать с так называемой интеромонимией, при которой наблюдается омонимия слов, похожих по форме и содержанию, внутри нескольких языков.

Часто исследователи относят ложных друзей переводчика к псевдоинтернационализмам (Л. И. Борисов, В. В. Акуленко, Ю. Н. Марчук и др.). Однако такая точка зрения вызывает возражение, потому что «псевдоинтернационализмы – лексемы, образованные из интернациональных морфем в каком-либо определенном языке и не вошедшие в другие языки, то есть лексемы международного характера, которые употребляются только в одном языке, в котором созданы» [3, с. 108]. В отдельных случаях (например, случаях полисемии, контекстуальных употреблений и т.д.) «фальшивые друзья» могут выступать своего рода «истинными друзьями» переводчика. В связи с тем, что важнейшим условием интернациональности лексем является

существенная общность их значений, а для «ложных друзей переводчика» – наоборот – отсутствие общих черт в семантике, В. В. Дубичинский в своей работе «Лексические параллели» советует не смешивать эти понятия. Автору представляется не вполне удачным употребление термина «ложные друзья переводчика», и он предлагает объединить дискуссионные понятия «интернациональная лексика», «ложные друзья переводчика», «межъязыковые омонимы» и др., чтобы избежать разночтений и ошибок, в единый терминологический аппарат, который описывает лексические единицы сравниваемых языков [3, с. 71]. Согласно трактовке Дубичинского, «лексические параллели» – это лексемы, совпадающие в плане выражения и сходные/несходные в плане содержания. Однако понятие «лексические параллели» по своему содержанию значительно шире понятия межъязыковой омонимии и не отображает, на наш взгляд, природу называемого явления [3, с. 63]. В других работах термин «лексические параллели» употреблялся в узком смысле. Так, Е. Опельбаум лексическими параллелями называет лексемы родственных языков, «которые находятся в определенных генетических отношениях в плане выражения и в плане содержания» [6, с. 54].

В. В. Дубичинский в своей работе «Лексические параллели» объясняет появление «ложных друзей переводчика» таким явлением, как «лексико-семантические лакуны»: то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в иных не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения [3, с. 58]. Процесс адаптации каких-либо фрагментов одной лингвистической и культурной общности при восприятии его носителями некоторой другой культуры, по сути, сводится к процессу элиминирования лакун, которое осуществляется, по мнению Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной, двумя основными способами: заполнением и компенсацией, где заполнение лакун – это процесс раскрытия смысла некоторого понятия-слова, которое принадлежит незнакомой реципиенту культуре [7, с. 11].

В. В. Акуленко считает, что «ведущие к ошибкам разногласия содержания в ассоциированных словах связаны с различиями реалий, лексических значений, лексической сочетаемости и экспрессивно-стилистического согласования слов» [1, с. 62].

Таким образом, мы рассматриваем не только взаимодействие двух знаковых систем, но и столкновение культур. И как следствие такого взаимодействия, наличие ложных ассоциаций.

Поскольку медицинский перевод занимает одну из центральных позиций среди тематических разделов переводческой деятельности, то комплексный подход к анализу лексических особенностей перевода является достаточно актуальным в современных условиях.

В нашей работе будем рассматривать особую группу слов, известную как псевдоинтернационализмы, так как именно здесь, по нашему мнению, совершается наибольшее количество ошибок, связанное с тем, что носители

русского языка воспринимают слова иноязычного происхождения как интернационализмы, полагая, что для перевода подобных терминов достаточно транслитерировать русское слово и придать ему «англоподобный» вид. Данная проблема является актуальной еще и потому что, несмотря на наличие большого количества самых разных переводных словарей, от академических до созданных пользователями Интернета, сложно найти источник, который бы обеспечивал стопроцентную точность перевода медицинских терминов с русского языка на английский.

В нашей работе мы предлагаем алгоритм перевода на английский язык медицинских терминов-псевдоинтернационализмов, которые мы понимаем как межъязыковые омонимы, ассоциируемые (по своей графической и/или фонетической форме) со словами интернациональной лексики и вызывающие разного рода трудности при переводе: полная или частичная трансформация высказывания, нарушение лексической сочетаемости или стилистического согласования слов в высказывании.

Итак, для перевода подобных терминов с русского языка на английский мы предлагаем выполнить следующие шаги.

- 1) Перевод термина с помощью стандартного русско-английского словаря;
- 2) Проверка распространенности термина в английском языке с помощью словаря частотности.
- 3) Проверка значения более распространенного термина в англо-английском толковом словаре.

Рассмотрим данный механизм на примере перевода слова «терапевт». Самый популярный on-line словарь АБВУД Lingvo Live предлагает два варианта перевода: “therapist, physician”. Первым шагом проверки соответствия английского перевода русскому оригиналу является обращение к Корпусу английского языка. Обнаруживаем, что в этом списке слово “physician” имеет показатель частотности 9567, в то время как для слова “therapist” он равен 0. Очевидно, что слово “therapist” практически не используется в английском языке. Следующий шаг – проверка значения слова “physician” в англо-английском толковом словаре, например, <http://oxforddictionaries.com>. Находим: «Physician: a person qualified to practise medicine, especially one who specializes in diagnosis and medical treatment as distinct from surgery: our family physician». После подобной проверки велика вероятность того, что перевод будет точным и грамотным.

Для более наглядной демонстрации аналитического подхода к процессу выбора корректного эквивалента русскому термину, представим таксонометрическую схему (Таблица 1) перевода псевдоинтернационализмов в сфере медицины.

Таким образом, можно сделать вывод, что для выбора максимально точного перевода медицинских терминов на английский язык необходимо пользоваться не только русско-английскими словарями, но и активно применять Британский национальный корпус слов английского языка, что

позволяет избежать употребления малочастотных и не существующих в английском языке слов, а также сэкономить время, не проверяя в толковых англо-английских словарях значение каждого из предложенных русско-английским словарем вариантов перевода.

Таблица 1

Русское слово	Перевод в русско-английском словаре	Индекс в British National Corpus	Значение в англо-английском толковом словаре (ABBYY Lingvo Live)
терапевт	therapist	0	—
	physician	9 657	Physician: a person qualified to practise medicine, especially one who specializes in diagnosis and medical treatment as distinct from surgery: <i>our family physician</i>
рахит	rachitis	18	—
	rickets	406	Rickets: A disease of children caused by vitamin D deficiency, characterized by imperfect calcification, softening, and distortion of the bones typically resulting in bow legs.
стоматолог	stomatologist	0	—
	dentist	594	Dentist: a person who is qualified to treat diseases and other conditions that affect the teeth and gums, especially the repair and extraction of teeth and the insertion of artificial ones
стенокардия	stenocardia	0	—
	angina	403	Angina: a condition marked by severe pain in the chest, often also spreading to the shoulders, arms, and neck, owing to an inadequate blood supply to the heart.

Список использованных источников

1. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика // Сост. В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л. Юхт. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 384 с.
2. Борисова Л. И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского на русский: Метод. пособие // Под ред. В. Н. Комиссаров. М.: ВЦП, 1979. 135 с.
3. Дубичинский В. В. Лексические параллели. Харьков, 1993. 155 с.

4. Затовканюк М. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) // Русский язык за рубежом. – 1973. – №2. С. 74–77.
5. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. М.: Наука, 1985. 201 с.
6. Опельбаум Е. В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. К.: Наукова думка, 1971. 271 с.
7. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Текст и его национально-культурная специфика // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. С. 46–78.
8. АBBYY Lingvo Live – он-лайн словарь от АBBYY [Electronic Resource] – Mode of access: URL: [http:// www.lingvolive.com/ru-ru](http://www.lingvolive.com/ru-ru) (дата обращения 23.01.2017).
9. British National Corpus [Electronic Resource] – Mode of access: URL: [http:// www.natcorp.ox.ac.uk/quick.xml](http://www.natcorp.ox.ac.uk/quick.xml) (дата обращения 23.01.2017).
10. Davies J. Glossary of Russian Medical Terms [Electronic Resource] // Articles on adoption, foster care, & paediatrics. – Mode of access: URL: [http:// adoptmed.org/topics/glossary-of-russian-medical-terms.html](http://adoptmed.org/topics/glossary-of-russian-medical-terms.html) (дата обращения 23.01.2017).
11. Sipka D. Recnik srpsko-poljskih medjujezickih homonima i paronima: Slownik serbsko-polskich homonimow i paronimow. Poznan, 1999.

УДК 82. 02/.09

SENSORY IN RAY BRADBURY'S NOVEL «DANDELION WINE»

M. D. Lukashuk,

*a third year student of Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

E. N. Mazina,

*Candidate of Philology, Associate professor, Taurida Academy, V. I. Vernadsky
Crimean Federal University, Simferopol*

Summary. The current research studies the reflection of sensory perception of reality in Ray Bradbury's novel "Dandelion Wine". The aim of this article is to explore the essence of the "sensory" concept, its structure; to study the peculiarity of the author's creative method; to analyse the key sensory images of the novel.

The study reveals how R. Bradbury achieves the sensory effect by using different stylistic means, such as epithets, similes, metaphors, personifications.

Key words: Ray Bradbury, sensory, sense perception, «Dandelion Wine», stylistic device.

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу особенностей отражения сенсорного восприятия действительности в романе Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков». Цель данной статьи состоит в изучении сущности понятия «сенсорика», его структуры, в определении специфики творческого метода писателя, в исследовании основных сенсорных образов романа. Анализ демонстрирует стилистические механизмы создания сенсорного эффекта.

Ключевые слова: Рэй Брэдбери, сенсорика, чувственное восприятие, «Вино из одуванчиков», стилистический прием.

In this article, we present the results of the study aimed at the «sensory» concept analysis and determination of the artistic means employed in Ray Bradbury's novel to create different images related to sense perception (taste, smell, sound associations, tactile sensations).

To reach the goal of the study the following methods were used:

- general philosophical methods of analysis and synthesis, which were applied to analyze the novel and define what stylistic means the author uses in order to express different senses;
- systematic structural and descriptive methods were used in order to describe different images created by the author;
- cultural-historical approach the aim of which was to define the concepts of «sensory» and «sense perception» in the historical and literary contexts.

Nowadays, the concept of «sensory» is not sufficiently studied. Sensory means the focus on the perception of the material world: the information coming from the sensory organs «here and now», the control of the surrounding area.

We learn about the world around us through the senses: vision (eyes), hearing (ears), taste (tongue), smell (nose), touch (skin).

Sensory perception is «a holistic reflection of the objects, situation, phenomena and events resulting from direct influence» [2, p. 200] of real-world objects on the senses. It has properties of selectivity and contrast.

How does sensory perception happen? First, we feel, perceive the subject using the senses, and then analyze the data and compare to what we have already seen, heard, felt earlier, and then draw up an idea about the subject. The more information we have about the subject, the fuller and deeper our understanding of it becomes. The more we hear, see, touch, feel, the more complete and real idea of the world around us we have.

We perceive the reality in the form of sensory image of the object. In contrast to the sense reflecting the individual properties of things, perception gives information about the object in its entirety with the direct impact of the object on the senses. The objective basis of perception as «a holistic image» is the unity of various properties of the object. The process of perception involves detection of the object in the perceived field, distinguishing its objective characteristics and their synthesis.

The worldview, including the linguistic one, is based on the study of human ideas about the world. If the world is a person and the environment in their interaction, the picture of the world is the result of processing of the information about the environment and the person. There is no consensus as to who was the first to introduce the term "view of the world ". View of the world is the fundamental concept, which is the body of knowledge about the world and

expressing the specificity of man and his existence, man's relationship with the world, the most important condition of its existence in the world.

A specific feature of the sense is its active nature. This property is due to the peculiarities of human interaction with the outside world. It is about using sensitive abilities as consciously directed human activity. The results of the process of perception: sensory impressions, ideas and perceptual images are related, this relation is based on the experience gained. "It is pretty hard to say what in our perception is due to the immediate sensation, and what is the result of the experience and training" [1, p. 25]. Feeling as an element of knowledge stands in close unity with abstract thinking. Perception of the sensory and the mental is a separate category, but its independence is valid only within the framework of the dialectical unity, because the sense assumes the logic and vice versa. «Sensual and rational can be considered as two steps of cognition, not only genetically, but in a purely logical, static plan it is two points, penetrating cognition in all its forms, in all language units, in all stages of its development» [3, p. 82]. Perceptive human activities are focused on the world of objects, which serves as an initial stimulus in this activity: it acts on our senses, sending messages to the subject of perception. «Sensitivity is the ability of a living organism to perceive the action of stimuli from the external and internal environment: temperature, light, taste sensitivity» [4, p. 718].

Sensory language is able to enhance the emotion and artistry of any discourse. That is why a writer's ability to skillfully reflect his character's perception of the world, largely, contributes to the aesthetic-cognitive value of his book. In «Dandelion Wine», Ray Bradbury masterly reproduces the discovery of the world by a 12-year-old boy with sharp sensitivity: «... there were some days compounded completely of odor, nothing but the world blowing in one nostril and out the other. And some days, he went on, were days of hearing every trump and trill of the universe. Some days were good for tasting and some for touching. And some days were good for all the senses at once. This day now, he nodded, smelled as if a great and nameless orchard had grown up overnight beyond the hills to fill the entire visible land with its warm freshness. The air felt like rain, but there were no clouds. Momentarily, a stranger might laugh off in the woods, but there was silence...» [2, p. 10].

Among the sensory images of the book, visual ones are predominant which is understandable as 90% of information about the world is said to be perceived through the eyes. The author creates striking visual images, which never fail to impress the reader: «The world slipped bright over the glassy round of his eyeballs like images sparked in a crystal sphere. Flowers were sun and fiery spots of sky strewn through the woodland. Birds flickered like skipped stones across the vast inverted pond of heaven» [5, p. 11]. The use of genuine metaphors, an inverted epithet and a simile helps to visualize the picture of the forest. This convergence of stylistic devices is quite typical of the author's style and is widely applicable when some conspicuous objects, meaningful for the boy, are depicted.

This is how Bradbury describes a dandelion from which the wine is made: «... the golden flowers. The flowers that flooded the world, dripped off lawns onto brick streets, tapped softly at crystal cellar windows and agitated themselves so that on all sides lay the dazzle and glitter of molten sun» [5, p. 12-13]. The metaphors used in this passage show dandelions as a symbol of summer and sunshine. «Dandelion Wine. The words were summer on the tongue. The wine was summer caught and stoppered» [5, p. 13].

Assessing sound matter in the novel, we can identify many examples of sound symbolism:

« ...Wild strawberries, followed by bees which were, no more, no less, said Father, the world humming under its breath ...» [5, p. 10].

«The grass whispered under his body. <...> his toes creaking in his shoes. The wind sighed over his shelled ears» [2, p. 18].

The use of direct onomatopoeia creates the acoustic effect, while the personification enhances the boy's interpretation of the world as a living being.

Genuine similes not only characterize various sounds through their analogy but also show Doug's individual auditory perception: «The rocking chairs sounded like crickets, the crickets sounded like rocking chairs» [5, p. 20]. In this context, the author uses chiasmus and repetition of words to attract the reader's attention to the acoustic features of things.

Transfer of tactile sensations is one of the most difficult, but the author copes with this task. Expressive and surprising to the reader, not previously described tactile images can go together with visual impressions, at the same time highlighting and reinforcing them:

«The tennis shoes felt like it always feels the first time every year wading in the slow waters of the creek and seeing your feet below, half an inch further downstream, with refraction, than the real part of you above water» [5, p. 15].

«Like menthol on your feet! » [5, p. 16].

«The boy looked down at his feet deep in the rivers, in the fields of wheat, in the wind that already was rushing him out of the town» [5, p. 18]. This is how the author describes the sensations experienced by the boy, wearing the new tennis shoes.

It is known that the smell has a more complex brain projection, rather than sight. Up to thousands of neurons can participate in recognizing one smell. The author focuses on the smells that surround the boy every day: «the smell of fields of wheat and new popcorn and bending hay» [5, p. 28], «a smell of grass and water» [5, p. 29], «a dark-sewer, rotten-foliage, thick-green odor» [5, p. 52] of a wide ravine nearby, etc. Smells help to learn about the world and create the mood.

Quite often, instead of giving a simple description of the smell, the author resorts to metaphors, which enhance the sensory effect: «From every window blows an incense, the all-pervasive blue and secret smell of summer storms and lightning» [5, p. 115]. And that is how, with the help of similes, the writer depicts an old rug: «Smells just like a desert, I bet. All hot and sandy, like inside a mummy case, maybe» [5, p. 80].

The taste is not the first in the sensory list (sight, hearing, touch, smell, taste), but it is also very important.

«Hold summer in your hand, pour summer in a glass, a tiny glass of course, the smallest tingling sip for children; change the season in your veins by raising glass to lip and tilting summer in» [5, p. 26].

There are not many descriptions of taste in the novel because taste perception generally receives less attention.

In conclusion it can be stated that the boy's sensory perception of the world receives the author's special attention in the novel. The writer abundantly uses epithets, metaphors and similes to build up bright and transparent visual images, to reproduce tactile sensations. Onomatopoeias and personifications are applied to create aural images. Smells are reproduced by means of both literal images and figurative ones, based on tropes. The author's unusual descriptions remind readers of something in their own childhood, cause some sensory associations. Ray Bradbury did a great job reflecting sense perception of a child, because it gives the text liveliness and strikes a chord in the hearts of those who read the novel.

References

1. Гельмгольц Г. О. О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия. М.: ЧеРО, 1993. С. 21–46.
2. Маклаков А. Г. Общая психология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2008. 583 с.
3. Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 5–80.
4. Ярцева В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
5. Bradbury R. Dandelion Wine. New York: Bantam Books, 1957. 239 p.

УДК 81'25

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении оптимального подхода к интерпретации классики в современном обществе переходного периода, учитывая накопившийся опыт и динамику сегодняшнего дня. Автор предпринимает попытку, объединив филологический, социально-философский и эстетический аспекты на базе гуманистической аксиологии, обеспечить междисциплинарный подход к переводческой деятельности, принимая во внимание ее амбивалентный характер. Методологической основой послужило рассмотрение амбивалентности как определенного культурно-семиотического феномена, предложенного в работах М. М. Бахтина.

Ключевые слова: амбивалентность, переводческая деятельность, бинарные оппозиции, «остранение», интерпретация.

Summary. The purpose of the article is to identify the best approach to the interpretation of classic literature in a modern society in transition, taking into account the accumulated experience and the dynamics of today. The author attempts to provide the interdisciplinary approach to translation work, taking into account its ambivalent character by combining philological, social, philosophical and aesthetic aspects on the basis of humanistic axiology. The methodological basis is the consideration of ambivalence as a specific cultural and semiotic phenomenon, proposed in the work of M. Bakhtin.

Key words: ambivalence, translation activities, binary opposition, «estrangement», interpretation.

Художественная литература – это фактор формирования мировосприятия и мировоззрения индивида любого социума в условиях любой исторической эпохи, ибо в литературном наследии нашло свое выражение осмысление актуальных проблем общества и предложение возможных путей их решения. Жизнь художественных произведений, как правило, продлевается с помощью интерпретационного пересоздания на другие иностранные языки. Особая роль в этом процессе принадлежит переводческой деятельности, ориентированной на проникновение в инокультуру, что обеспечивает вечный диалог всего человечества. В этом смысле переводческая деятельность располагает неисчерпаемыми возможностями предложить уникальный неповторимый материал для гуманитарных исследований диалога культур с точки зрения амбивалентности.

Объединив филологический, социально-философский и эстетический аспекты на базе гуманистической аксиологии, можно обеспечить поиск оптимального междисциплинарного подхода к переводческой деятельности, принимая во внимание ее амбивалентный характер. Заявленная цель обуславливает необходимость решить задачи: 1. сравнить художественные переводы классических произведений, учитывая наработанный опыт и нестандартную динамику сегодняшнего дня; 2. исследовать потенциал амбивалентного характера переводческой деятельности; 3. актуализировать перспективу воссоздания и сохранения литературного наследия в художественных переводах.

Проведенное исследование подтверждает актуальность заявленной темы. Переводческая деятельность должна рассматриваться через ее амбивалентность, принимая во внимание идеальный авторский замысел и задавая ценностные ориентиры перевода как «высокого искусства слова» и основы для последующих интерпретаций.

С давних пор переводчики обогащают национальные культуры, обеспечивая переводы лучших художественных произведений, вошедших в сокровищницу мирового наследия. Перевод по своему предназначению

изначально ориентирован на расшифровку, трансляцию, истолкование, интерпретацию канонических текстов и ретрансляцию авторского замысла. Поэтому он имеет сложный, плюралистический характер, находится в динамическом развитии, реагируя на изменения в общественной жизни.

Перевод – понятие историческое. Эпохи становления и развития европейской цивилизации вкладывают в него различное содержание и по-разному понимают и оценивают его взаимоотношение с оригинальным источником. История художественного перевода рассматривается как постоянное колебание между «буквализмом» и «вольностью» в поисках меры, отвечающей требованиям текущего момента. В этом смысле можно говорить о проблеме амбивалентности в переводе, включающей бинарные оппозиции: «непереводимости» и «всепереводимости» (от А. Шлегеля до Ф. Шлейермахера); «своего» – «чужого»; стратегий «одомашнивания» – «остранения»; старой - новой шкал ценностных ориентиров в переломные эпохи.

История русской школы перевода показывает, что большинство русских поэтов, занимающихся переводами, имели европейское образование, были адептами европейской цивилизации, носителями ее культуры и стремились пропагандировать общеевропейское наследие. Любовь к европейской литературе вызывала желание и необходимость приблизить их подлинники к русскому читателю, доказав идею переводимости, причем задача русских поэтов состояла не только в том, чтобы просто перевести произведение иноязычных авторов на родной русский язык, а сделать их явлением русского языка и литературы. Инокультурные плоды должны пройти своеобразную культурную адаптацию, «чужое» должно было стать чем-то узнаваемым, близким, «своим». Перевод в этом случае сводится не к простой передаче константного сообщения, а к преодолению иногда весьма значительных трудностей, к определенным потерям и одновременно обогащению текстов, несущих чужую точку зрения [4].

Переводческая деятельность в рамках бинарной оппозиции реализуется в различных переводах одного и того же произведения, которые дополняют друг друга и дают наиболее полное представление об оригинальном произведении. Практическим применением этой идеи к работе профессиональных переводчиков XX в., их издателей, редакторов, литературных критиков, читателей, выступает своеобразная «мистика (недостижимого) оригинала» и, вместе с тем, «единственно верного, окончательного (и столь же недостижимого) перевода». За обоими этими идеями-полюсами стоит образ культуры как хранения эталонных образцов в пространстве и времени. Но если оригинал, по определению, идеален и неизменен, неприкосновенен и неповторим, то переводчик, взявшийся его уберечь от забвения и принести новым временам и народам, неизбежно становится ... предателем. Проблема перевода формулируется как бинарное

раздвоение текста (на оригинал и перевод или переводы) и двойственность переводчика (то ли со-творца, то ли копииста) [2].

Термин «остранение» был введен русскими формалистами. В. Шкловский в статье «Искусство как прием» так определяет «прием остранения»: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание видения его, а не узнавания». Это особое восприятие создается «затруднением формы» художественного произведения. Прием имеет своей целью «вывод вещи из автоматизма восприятия». «Целью искусства, – говорит Шкловский, – является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием остранения вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен» [5].

В основе стратегии «остранения», в противовес «одомашниванию», т.е. приближению оригинального текста к нормам переводящего языка, лежит гипотеза Д. М. Бузаджи. Она заключается в том, что «ряд стилистически релевантных языковых явлений в английском и русском языках, не вполне укладывающихся в рамки традиционно выделяемых стилистических приемов, обладают общим семантическим инвариантом и могут быть рассмотрены как частные случаи реализации семантической модели «остранения». Автор описывает «остранение» как «стилистически релевантную семантическую модель, реализующуюся разными средствами на разных уровнях языка». Механизм «остранения» определяется как «замена ожидаемого в данном контексте наименования вещи, процесса или явления на неожиданное в данном контексте наименование с более широким экстенционалом и той же референцией. Получившееся в результате данной замены наименование выполняет особую стилистическую функцию, обогащая исходное понятие определенной экспрессивно-оценочной окраской» [1].

Потеря «остранения» и его немотивированное создание неизбежно приводят к переводческим ошибкам. Потеря «остранения» происходит из-за того, что создающие его стилистически релевантные элементы воспринимаются переводчиком как коммуникативно нерелевантные (избыточные) элементы структуры оригинала, которые не подлежат передаче в переводе. Немотивированное создание «остранения» возникает из-за того, что переводчик (зачастую под воздействием коммуникативно нерелевантных элементов структуры оригинала) непреднамеренно использует в тексте перевода острающие конструкции, создающие эффект, не предусмотренный автором оригинала.

Компромиссное решение может быть найдено на основе использования амбивалентного подхода. Амбивалентность как определенный культурно-семиотический феномен была впервые предложена в работах М. М. Бахтина. Можно выделить два типа

семиотических систем, ориентированных на передачу примарной и вторичной информации. Первые могут функционировать в статическом состоянии (авторские тексты), для вторых (переводов), наличие динамики, является необходимым условием «работы». Таким образом, авторские тексты реализуются в настоящем или прошлом, а их интерпретация с помощью перевода направлена в будущее. Из этого следует, что один и тот же текст может быть тем или другим, отличаясь по функции в общей системе исторической жизни данного социального коллектива. Синтез бинарных структур в переводческой деятельности помогает выйти на новый тезис постбинарной структуры, где снимается противоречие. Интрига переводческого творчества заключается в попытке снять позитивные или негативные качества каждой из рассмотренных бинарных структур.

Долгосрочность текстов определяется константностью основных структурных моментов и внутренним динамизмом – способностью изменяться, сохраняя при этом память о предшествующих интерпретациях.

В качестве соавтора и участника современного литературного процесса переводчик, как субъект переводческой деятельности, подвержен влиянию постмодернизма, ибо он продукт своего времени. Двойственность постмодернистского искусства проявляется в утрате наследия европейских художественных традиций и чрезмерной зависимости от культуры кино, моды и коммерческой графики, превращение искусства в товар – «симулякр» (тень) общества потребления. С другой стороны, постмодернистское искусство провоцирует острые вопросы и ответы на них, затрагивая самые насущные проблемы морали, что полностью совпадает с исконной миссией искусства как такового. Влияние постмодернистской идеологии на переводческую деятельность осуществляется в рамках парадигмы отказа от ценностных ориентиров вчерашнего дня в условиях, когда новая шкала ценностей еще не сложилась. В этом проявляется «ахиллесова пята» постмодерна, способного на блестящую критику, но испытывающего дефицит конструктивизма.

Изучение амбивалентности переводческой деятельности через обращение к предыдущему опыту перевода требует аксиологической интерпретации через призму гуманистических ценностей, которые помогают формировать современные для каждой эпохи читательские интересы. Так появляется много образов одного и того же творения, которые могут служить «идеями второго ряда», способствующими приближению к Идее оригинала.

В универсальных философских категориях Платона схему создания новых образов переводного произведения можно представить как амбивалентные отношения общего – особенного/частного и единичного. Под категорией общего понимается канонический текст оригинала, универсальная Идея, под категорией единичного выступают множественные результаты процесса перевода, несущие на себе «отблески Идеи». Категория особенного/частного является той неповторимой,

творческой и уникальной переводческой интерпретацией со своей установкой, коммуникативным эффектом и ориентацией на аудиторию. Эта интерпретация звучит по-новому для каждой новой эпохи, реализуя при этом духовный потенциал оригинала через призму гуманитарных ценностей и осуществляя диалог поколений, обеспечивающий связь прошлого, настоящего и будущего состояния человечества.

Воссоздание классического литературного наследия представляется эффективным лишь с учетом междисциплинарного взаимодействия филологической, социально-философской, аксиологической и межсемиотической интерпретаций, где акцент ставится на адекватности восприятия. Такой подход дает возможность исследовать восприятие классики с точки зрения идеологии прошлого и настоящего.

Список использованных источников

1. Бузаджи Д. М. «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе: на материале английского и русского языков [Электронный ресурс] // автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2007. – <http://search.rsl.ru/ru/record/01003350545> (дата обращения 02.02.2017).
2. Дубин Б. Перевод как стратегия литературной инновации [Электронный ресурс] // НЛО. – 2015. – №2 (132). – <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/13d.html> (дата обращения 02.02.2017).
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс] <http://www.psyoffice.ru/1280-ambivalentnost.html> (дата обращения 02.02.2017).
4. Шкловский В. Искусство как прием [Электронный ресурс] // сб. «Поэтика». П.: 1919. – http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3525 (дата обращения 02.02.2017).

УДК 81'255.2=03

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Г. И. Лушникова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии
и методики преподавания Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта*

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении переводческих проблем, возникающих при переводе заглавий художественного текста. Компаративный анализ произведений современных американских авторов и их переводов на русский язык показал основные причины, вызывающие трудности перевода их заглавий. К ним относятся многозначность и несовпадение семантических объемов слов оригинала и перевода, омонимия, интертекстуальный характер заглавий,

наличие разнообразных коннотативных значений и некоторые другие. Исследование демонстрирует тот факт, что перевод заглавия художественного произведения представляет собой переводческую проблему, требующую особого внимания к концептуальным смыслам слов заглавия, глубокого осмысления паратекстуальных отношений заглавия и текста, изучения ассоциативных связей, обращения к широкому лингвокультурному контексту.

Ключевые слова: художественный перевод, заглавие художественного текста, компаративный анализ, интертекстуальность.

Summary. The article deals with the literary translation of the titles of the works of fiction. Comparative analysis of the contemporary American literary works and their translations into Russian demonstrates a wide specter of translation challenges. They are the following: word polysemy, difference in the semantic volumes of the English and Russian words, homonymy, intertextuality and diversity of connotations of the titles. The analysis proves that the translation of the titles implies special attention to the conceptual semantics of the word, thorough investigation of the relations between the title and the text, consideration of general linguistic and cultural context.

Key words: literary translation, title of the work of fiction, comparative analysis, intertextuality.

Заглавие художественного текста, будучи его сильной позицией, находится в фокусе внимание междисциплинарных исследований – литературоведения, лингвистики текста, психолингвистики, переводоведения.

Нельзя утверждать, что проблема заглавия малоизученна, такие выдающиеся исследователи как И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, Н. А. Кожина, С. Д. Кржижановский, В. А. Кухаренко, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, З. Я. Тураева, Н. А. Фатева и многие другие посвящали свои работы изучению проблемы заглавий в разных аспектах и на разных уровнях.

Г. Я. Солганик справедливо замечает, что «книга – своеобразное послание во времени, пространстве и обществе» и задает риторический вопрос: «Как же ориентироваться в этих океанах книг?» [5, с. 84]. В его работе речь идет о классификации текстов, различных типах каталогов. Рядовой читатель ориентируется в большинстве случаев по заглавию книги, которое является ее именем. Книги и живут в мировой литературе под своими заглавиями-именами. А. Ф. Лосев проводит параллель между толкованием понятия «имя» и заглавием текста: «Именем мы и называем энергию сущности вещи», делая вывод о том, что имена есть проявления сущности вещей. Заглавие имеет подобное свойство, оно может «говорить о сущности (смысле) именуемого объекта (текста)» [1, с. 768].

З. Я. Тураева главной спецификой заглавия считает его двунаправленность: «его внешнее начало обращено вовне и представляет

произведение в языковом и культурно-историческом плане, а внутреннее начало обращено непосредственно к тексту. Заголовочный комплекс – это, с одной стороны, компрессированное, нераскрытое содержание текста, а с другой стороны, он содержит историю порождения текста автором, возможную связь с другими произведениями литературы или искусства, а также будущую широкую возможность различных интерпретаций. Ввиду двойственной природы заголовочного комплекса полное осмысление его возможно лишь в вертикальном контексте, на широком историко-филологическом фоне, так как многие заглавия содержат аллюзии и требуют от читателя знания мифологии, истории литературы, истории религии» [7, с. 54].

Заглавие определяется как некий доминирующий и господствующий элемент, при помощи которого осуществляется построение всего художественного произведения, смысл и название его частей, дается с необычайной сжатостью основная идея, конденсат образа [2, с. 15]. Находясь в неразрывной связи с текстом и занимая предшествующую позицию, заглавие выполняет смыслообразующую функцию, оно может давать абстрактное представление о сути повествования, главном концепте произведения, главных героях, месте и времени действия, говорить об авторской модальности и прагматике произведения, маркировать жанр, литературное направление, время и место создания, эксплицитно или имплицитно указывать на интертекстуальные связи.

Все эти и некоторые другие моменты определяют значимость заглавия литературного произведения для его интерпретации, осмысления, декодирования, а также требуют особого внимания при переводе с одного языка на другой.

Трудности перевода заглавия художественного текста обусловлены, прежде всего, тем, что в данном случае многие переводческие приемы трудно применимы. Если в самом тексте возможны разного рода компенсации, приемы расширения, сужения, в каких-то случаях переводческий комментарий-пояснение, то перевод заглавия практически исключает их использование.

Проблема перевода заглавий касается как перевода текстов, которые не были ранее переведены, так и нового перевода текстов, которые уже были переведены ранее. Как известно, в мировом культурном пространстве существуют так называемые «сильные» тексты, которые вызывают непрекращающийся интерес читателей, критиков, переводчиков. По справедливому замечанию В. А. Разумовской, «сильный» текст занимает сильную культурную позицию и является регулярным объектом художественного перевода [4, с. 289].

Появление новых переводов может быть обусловлено экономическими, идеологическими или творческими причинами, переводчик может обращаться к уже существующим переводам и вносить свои коррективы, возможно, переосмысливая оригинал, ведя таким образом

творческую полемику, либо намеренно не знакомиться с вариантами перевода предшественников, чтобы избежать влияния существующих образцов, тем более, если эти образцы выполнены общепризнанными авторами. В любом случае переводчик предлагает новые варианты каких-то отрезков текста, осуществляет свои модификации, которые в новом переводе обязательны, иначе пропадает весь смысл его появления. Это относится к любому фрагменту текста, за исключением заглавия, поскольку правомерность и возможность его изменения остается проблематичной, особенно если книга широко известна, и ее «имя» уже хорошо знакомо.

Переводимые впервые произведения это, как правило, современные произведения. Следует отметить, что современные произведения в настоящее время достаточно быстро переводятся на другие языки, т.е. по сравнению с предшествующими эпохами быстрее становятся достоянием мировой читательской публики. Как и каждое явление, быстрота перевода оригинала на другой язык имеет свои положительные и отрицательные стороны. Безусловный «плюс» заключается в том, что гораздо быстрее образуется общее филологическое пространство, *shared code*, становится возможным общее знание произведений литературы читателями разных стран в отличие от предыдущих лет, когда книги писателей проходили долгий путь до иноязычных читателей. «Минус» видится в том, что иногда страдает качество перевода, что может привести к созданию ложного представления о произведении, к искаженному его восприятию.

Компаративный анализ произведений американской литературы и их переводов на русский язык позволил выделить несколько типов переводческих проблем, возникающих при переводе заглавий. Сюда относятся многозначность лексических единиц и несовпадение семантических объемов слов оригинала и перевода, омонимия, интертекстуальный характер заглавий, наличие разнообразных коннотативных значений и некоторые другие.

Приведем примеры, иллюстрирующие сложности перевода заглавий художественного текста с английского языка на русский.

Роман современной американской писательницы Кэтрин Стокетт «*The Help*» [9] повествует о жизни афроамериканских женщин в Америке 1960-х годов. Одна из белых женщин решает издать книгу, состоящую из дневниковых записей афроамериканских горничных, в которых они пишут о своих отношениях с белыми хозяевами и их детьми, о трудностях, с которыми они сталкиваются, о своем бесправном положении. По мысли автора романа, такого рода книга должна внести лепту в улучшение положения афроамериканцев, привлечь внимание к их проблемам, прозвучать как призыв о помощи. Роман характеризуется таким типом повествования, как «внутренняя множественная фокализация», когда повествование ведется от лица разных героев произведения, когда автор «дает слово» то одному, то другому персонажу, показывая одни и те же события с разных точек зрения [3, с. 365]. Данный тип повествования

коррелирует с основной идеей произведения, поскольку дать кому-либо слово, возможность высказаться – это уже шаг к оказанию помощи.

На русский язык книга переведена М. Александровой под заглавием «Прислуга» [6]. Такой перевод вполне оправдан, поскольку одно из значений многозначного слова «*help*» – «*прислуга*». Другие общие значения этого существительного – 1. «*поддержка*», «*помощь*», «*содействие*», 2. «*спасение*», «*средство*», «*источник помощи*», 3. «*помощник*», «*наемный работник*». Концептуальное содержание романа позволяет говорить о реализации всех перечисленных значений этого слова, так как книга о жизни чернокожей прислуги – это попытка оказать им поддержку, которая может содействовать их спасению, являясь тем самым средством и источником помощи. Очевидно, что семантические объемы слов в русском и английском языках не совпадают, поэтому сохранить при переводе несколько семантических вариантов слова очень сложно. Когда в художественном тексте актуализируются два или более значений слова, потери такого рода при переводе неизбежны, особенно это касается заглавий произведений. Помимо неизбежных потерь следует заметить, что выбранный переводчиком вариант «*прислуга*» не имеет оттенка политкорректности, которым обладает слово оригинала.

Казалось бы, перевод заглавий, представляющих собой имена собственные, не должен вызывать особых сложностей, от переводчика требуется лишь выбор приема транслитерации либо транскрипции. Однако и в данном случае могут возникать проблемы, так как имя собственное может быть омонимом имени нарицательного, может быть осложнено коннотативными значениями, обладать интертекстуальными смыслами.

Так, в романе Адлера Уоррена «*The War of the Roses*» [8] речь идет о супругах Роуз, находящихся в процессе развода. Автор показывает сложные взаимоотношения некогда любивших друг друга людей – их нежелание идти на малейшие уступки, отказ от каких бы ни было компромиссных решений, острую неприязнь друг к другу, откровенное выражение ненависти, что приводит к трагической развязке.

Перевод на русский язык выполнен Е. Ивановой [10]. Заглавие передано практически дословно – «*Война Роузов*» и, на первый взгляд, не вызывает никаких сомнений в его точности и полном соответствии оригиналу. Лексическая единица «*war*» представляет собой традиционную метафору, которая имеет эквивалент в русском языке – «*война*», подразумевающий значения «*вражда*», «*враждебные отношения*». Однако обращение к историческому контексту наводит на мысль об аллюзии на событие 15 века, известное как Война Алой и Белой Роз. Так именуется серия вооруженных конфликтов между группировками английской знати в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии. Английское имя собственное «*Rose*» и имя нарицательное «*rose*» являются омонимами, единственный различительный признак – заглавная буква – в данном случае не работает, так как согласно традиции каждое слово в английских

названиях пишется с заглавной буквы. Аллюзия в переводе на русский язык не сохраняется, что вполне объясняется отсутствием в русском языке идентичной пары омонимов. Образное сравнение вражды супругов с долголетней войной открывается только знающим английский язык и английскую историю.

Приведенные в статье и многие другие примеры показывают, что перевод заглавия художественного произведения представляет собой сложную переводческую проблему, требующую особого внимания к семантике слова, его ассоциативным связям, глубокого осмысления паратекстуальных отношений заглавия и текста, обращения к широкому лингвокультурному контексту.

Список использованных источников

1. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: ЭКСМО–Пресс, 1999. 1024 с.
2. Лушникова Г. И. Интертекстуальность художественного произведения: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 1995. 82 с.
3. Лушникова Г. И., Герасименко Е. В. Специфика фокализации в романе *The Help* Кэтрин Стокетт // Концепт и культура: Диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс. Сборник статей. – VI международная научная конференция. Кемерово–Ялта, 2016. С. 364–369.
4. Разумовская В. А. Многоязычие «сильных» текстов литературы: продолжение строительства Вавилонской башни // Концепт и культура: Диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс. Сборник статей. – VI международная научная конференция. Кемерово–Ялта, 2016. С. 287–293.
5. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 256 с.
6. Стокетт К. Прислуга. М.: Фантом Пресс, 2010. 512 с.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. 126 с.
8. Уоррен А. Война Роузов. М.: Крон–Пресс, 1996. 416 с.
9. Stockett K. *The Help*. New York: Penguin Books, 2009. 451 p.
10. Warren A. *The War of Roses*. New York: Warner Books Inc. 263 p.

УДК 82-1/-9

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ШПИОНСКОГО РОМАНА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН

В. С. Любеев,

старший преподаватель Крымского университета культуры, искусств и туризма, Симферополь

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данное исследование посвящено историко-литературному осмыслению американского шпионского романа в период первой и второй мировых войн. В статье предпринимается попытка провести периодизацию развития шпионского романа в контексте мирового литературного процесса.

Ключевые слова: американский шпионский роман, историко-литературная рецепция, первая мировая война, вторая мировая война

Summary. The given piece of work is devoted to historical-literary comprehension of the American spy novel during the First and Second world wars. The attempt to present periodization of the development of spy novel in the context of world literary process is taken.

Key words: American spy novel, historical-literary comprehension, the First World War, the Second World War.

Среди литературоведов – теоретиков постсоветского литературного пространства, обращавшихся к жанру шпионского романа можно выделить А. Саруханян [16] («американский шпионский роман»), Ю. Уварова [11–12] («французский шпионский роман»), О. Федунину, А. Кузнецову («советский шпионский роман»). Литературные критики М. Хоста, А. Верховский, О. Лапчинский [13] («советский», «американский», «английский шпионский роман») внесли весомый вклад в формирование литературной рецепции.

К особой рецептивной группе можно отнести и самих авторов шпионских романов, намечающих векторы читательского восприятия романов, выходящих за рамки детективного жанра, в предисловиях к своим романам: Дж. Бакен, Дж. Конрад, Г. Грин, Л. Дейтон, Дж. Ле Карре, Я. Флеминг. Восприятие жанра шпионского романа в западной литературоведческой традиции, на наш взгляд, ещё не сформировано, что подтверждается отсутствием комплексных методологических исследований с чёткой идентификацией жанровой принадлежности, за исключением отдельных критических статей, которые не дают целостного видения эволюции нового литературного феномена.

Не вызывает сомнений тот факт, что процесс жанроформирования не являлся процессом «замкнутым», изолированным в мировом литературном пространстве, однако, в рамках нашего исследования не представляется возможным отразить его динамику в литературных системах всех стран одновременно, поэтому, согласно поставленной цели, рассмотрим критическое восприятие эволюции **американского** шпионского романа, и, с учётом взаимозависимости исторических и литературных процессов, шпионского романа наиболее ярких стран – США, Англии и Франции.

Исходя из критической рецепции шпионского романа, выше названные исследователи к жанру шпионского романа в период его становления и развития в англоязычном литературном пространстве относят: Ф. Купера «Шпион» (1821), Э.А. По «Золотой жук» (1843)

Е. Ф. Оппенхайма «Таинственный мистер Сабин» (1899), Р. Киплинга «Ким» (1901), Э. Чайлдерса «Загадка песков» (1903), С. Макнила «Служака Драммонд: приключения демобилизованного офицера, которому мирная жизнь показалась скучной», А. К. Дойла «Рассказы» (1907-1915), С. Моэма «Эшенден, или Британский агент» (1928), К. Маккензи «Три курьера» (1929), Дж. Хаусхолда «Негодяй» (1939), Г. Грина «Ведомство страха» (1943), А. Маклина «Пушки острова Наварон» (1957), Я. Флеминга «Цикл романов о Джеймсе Бонде» (1953-1966), Дж. Ле Карре «Шпион пришедший с холода» (1961), Л. Дэвидсона «Роза Тибета» (1962), Д. Лена «Дело «Ипкресс» (1962), Э. Эмблера «Яркий свет» (1963), «Грязная история» (1967), Дж. Хиггинса «Орёл приземлился» (1968), Ф. Форсайта «День Шакала» (1971), К. Фоллетта «Ключ к Ребекке» (1975), «Гибель титанов» (1982), Т. Себастиана «Особые связи» (1994), С. Фолкса «Дьявол не любит ждать» (2008), Ч. Камминга «Шпион по природе» (2001), «Скрытый человек» (2003), «Испанская игра» (2006), «Тайфун» (2008), «Три из шести» (2010) и др.

В меньшей степени и менее ярким процесс формирования жанра шпионского романа представляется во французской литературе, однако, прослеживаются заметные всплески интереса к нему перед второй мировой войной и в период «холодной» войны. Ю. Уваров, М. Хоста, А. Верховский, О. Лапчинский в своей работе «Шпионский роман. Попытка краткого обзора» [13], увидевшей свет 9 декабря 2002 года отмечают творчество следующих авторов, оказавших заметное влияние на становление и развитие жанра в указанные временные промежутки: Пьер Нор «Двойное преступление на линии Мажино» (1936), «Мои друзья убиты» (1947), Жан Брюс «В нейтральной стране» (1949), Поль Кенни «Нет выхода» (1963), Жерар де Вилье «САС в Стамбуле» (1965), «Пираты!» (2009), Пьер Немур «Ваше здоровье, господин генерал!» (1978).

С учётом отсутствия комплексных исследований шпионского романа на уровне жанра, в общем хронологическом контексте разработки поставленной проблемы, логичным представляется рассмотрение теоретико-литературных основ шпионского романа в его динамике. Нами будут выделены следующие этапы эволюции в рецепции жанра шпионского романа упомянутыми теоретиками: истоки жанра шпионского романа; шпионский роман в период первой мировой войны; вторая мировая война и жанр шпионского романа; холодная война как идеологическая основа жанра шпионского романа; современный шпионский роман. За основу будет принята единственная системная рецепция шпионского романа на уровне жанра А. П. Саруханян [16] в диахроническом аспекте.

Возникновение жанра шпионского романа. Первым, относящимся к данному жанру романом, в мировом литературном пространстве принято считать «Шпион» (1821) американского писателя Ф. Купера [5]. Катализатором написания шпионского романа послужили исторические события в США, последовавшие за оглашением в 1776 г Декларации

независимости – сражения при Бункер-Хилле, под Саратогой, Принстоном и Трентоном. Наиболее принципиальным моментом в зарождении американского шпионского романа является отказ американского разведчика от денег, предлагаемых ему Вашингтоном. Ф. Куперу важным представлялся основополагающий принцип – «преданность, а не деньги». По утверждению историков, повстанческая армия США того времени представляла собой «жалкое зрелище» и постоянно отступала, до тех пор, пока не была предложена хоть и невысокая, но оплата за их риски. Таким образом, Ф. Купер изображал патриотично настроенного протагониста с целью реабилитации «оплаченных» героев войны за независимость.

Возникновение шпионского романа как литературного явления в Великобритании вызвано атмосферой шпиономании периода бурного строительства Британской империи на рубеже 19-20 вв., когда «небольшая, страдающая клаустрофобией нация ринулась в дальние края» (Дж. Ле Карре [6-7]). Оформление этого жанра (его генеалогию возводят к мотиву «тройского коня») А. П. Саруханян [16] связывает с созданием секретных правительственных организаций и приданием государственного статуса разведывательным операциям. До этого времени шпион как профессиональный лжец и шантажист, использующий слабости других людей, не годился на роль протагониста. Важным в контексте нашего исследования представляется факт, что на развитие английского шпионского романа решающее влияние, по мнению А. П. Саруханян, оказал Р. Киплинг. «Ким» [4] был написан в период расцвета Великобритании как мировой империи. Он определил метафору шпионажа как «Большой игры», рядовые участники которой беззащитны: «Умрём так умрём, и тогда наши имена вычёркиваются из книги» [4, с. 155]. Отличительные черты английского шпионского романа имеют в своей основе национальную составляющую. Так как процесс зарождения шпионского романа совпал с политическим процессом деколонизации в Британской империи и изменением статуса Великобритании как сверхдержавы можно предположить, что компенсация данных процессов отразилась в подъеме национальной идеи и проявления «британскости» во всех сферах жизни, а особенно в духовных, например, в литературе.

С высокой долей достоверности можно утверждать, что «прародителем» шпионского романа во Франции стал Роман Пьера Нора «Двойное преступление на линии Мажино» [1] (1936). Ю. Уваров в предисловии к данному роману, изданному в Москве в 1992 г. констатирует: «Во Франции книги этого жанра раньше не появлялись. Детектив как жанр удовлетворял все потребности литературного общества» [1]. Национальная специфика французского шпионского романа определяется собственно типичными характерными чертами французов как нации в целом: чувственностью, в некоторых случаях возможно излишней, юношеской порывистостью и невзвешенностью в суждениях.

Первая мировая война. Следующий этап формирования жанра – период первой мировой войны. И преддверие, и окончание Первой мировой войны стимулировали выход шпионских романов в Англии и Франции. В первом случае сыграла свою роль шпиономания (по принципу единства литературы и жизни), во-втором, после наступления мира – появилась возможность рассказать о многочисленных реальных эпизодах «тайной войны», которые обильно дала «открытая» война, пусть и в беллетризованной форме. США вступила в первую мировую войну только в 1917 году, поэтому явление шпиономании не наблюдалось в столь ярком проявлении в обществе и, соответственно, транспонировалось в литературе гораздо позже и в меньшей степени. Рядовые граждане были озабочены гораздо больше экономическими последствиями нежели идеологической борьбой и не считали Германию «глобальным мировым идеологическим злом», следовательно, потребность общества в идеологической «подпитке» в литературе и героизации нации отсутствовала.

Только лишь в начале 30-х низкопробные шпионские триллеры стали печататься с продолжением в дешевых сериях бульварных романов. Американская литература дала англоязычному читателю ныне совсем забытую серию «Оператор 5 из Секретной службы» (или «Оператор Z7»).

В указанный период А.К. Дойл [2–3] издаёт цикл рассказов со всем известным героем – Шерлоком Холмсом. В данный сборник вошли рассказы и повести, написанные автором с 1908 по 1917 годы. Рассказ «Его последний поклон», давший название всему сборнику, стал одним из двух произведений о Шерлоке Холмсе, в котором повествование ведется от третьего лица. Сыщик предстает перед нами в несколько не привычном виде, однако как всегда отлично справляется с ответственной миссией.

Пафосную шпионскую героиню к концу 20-х гг. потеснило изображение будничной работы секретного агента. Первой реалистической шпионской историей А.П. Саруханян, М. Хоста, А. Верховский и О. Лапчинский считают «Эшенден, или Британский агент» ("Asheden, or The British Agent", 1928) С. Моэма. Основываясь на собственном опыте, он показал рутинную работу шпиона-чиновника. В повестях К. Маккензи [17], примерно в то же время, что и Моэм, состоявшего на секретной службе, изображение разведывательных операций демонстрирует абсурдность происходящего.

Реалистичные шпионские романы выпустил перед войной, по мнению М. Хосты, А. Верховского, О. Лапчинского британский автор Эрик Эмблер [14-15]. Среди них «The Dark Frontier» («Темная граница», 1936), «The Uncommon Danger» («Необычная опасность», 1937), «Epitaph for a Spy» («Эпитафия шпиону», 1938), «Cause for Alarm» («Причина тревоги», 1938), «The Mask of Dimitrios» («Маска Димитриоса», 1939).

Процесс формирования жанра шпионского романа во французской литературе, как отмечал Ю. Уваров [11-12], обозначился перед началом второй мировой войны, когда исторический фон актуализировал проблемы

изображения ведения «тайной» войны, которые невозможно было отразить в рамках детективного жанра.

Вторая мировая. В развитии жанра американского шпионского романа в период второй мировой войны можно обозначить лагуну. По нашему мнению, причиной подобной литературной «паузы» являются экономические «заботы» по обеспечению американской армии и населения продуктами питания и вывода страны из «великой депрессии». Социального заказа на подобную литературу пока еще не было - многие люди решали социальные проблемы и литературное пространство заполняется романами на социальную тематику. Кроме того, «театр» военных действий второй мировой войны, в силу географического расположения США, разворачивался на Евразийском континенте и напрямую не касался американских граждан, создавая иллюзию «мирного» времени и добавляя дополнительных экономических трудностей.

В годы второй мировой войны в английской литературе главенствовал тип шпионского романа, созданного Дж. Бакеном. Шпионский роман в его понимании, проникнут патриотизмом, служением имперской идее, воспринимаемой как защита цивилизации от варварства. Морализаторство в духе Пути паломника Джона Беньяна сочетается в романах Дж. Бакена с напряженным действием приключенческих романов Роберта Стивенсона. Неправдоподобные события в них развиваются в границах возможного. Подобный подход Дж. Бакена к шпионскому роману видится резким, монохромным, тем не менее, данный тип определил вектор развития шпионского романа в годы второй мировой войны.

К шпионской теме в это время обращались многие авторы детективов, на время забыв о налагавшемся ими же «запрете» на международные заговоры. Их герои выслеживали немецких агентов. Примером может служить серия романов А. Кристи с молодыми и энергичными супругами Томми и Таппенс Бересфорд в роли секретных агентов – «Таинственный противник» (1922), «Партнёры по преступлению» (1929), «Н или М» (1941), «Врата судьбы» (1973). В традициях Бакена написан «Секретный отряд» («The Secret Vanguard» (1940) Майкла Иннеса (псевдоним литературоведа и романиста Дж. И.М. Стюарта), также заметно отличавшийся от его же детективов. К этой же линии шпионского романа А.П. Сарухян относит приключенческую историю «Негодяй» («Rogue Male», 1939), завершённую в «Суде над негодяем» («Rogue Justice», 1982) Джеффри Хаусхолда (Household Geoffrey, 1900-1988), и авантюрные романы Алистера Маклина (MacLean Alistair, 1922-1988) о конвоях, сопровождавших в годы второй мировой войны суда с оружием в Мурманск («Корабль Его Величества «Улисс»» – «H.M.S. Ulysses», 1955; «Пушки острова Наварон» – «The Guns of Navarone», 1957 и др.).

В то же время, отмечает М. Хоста, А. Верховский, О. Лапчинский, молодой и начинающий Грэм Грин пишет свои романы «Наемный убийца» («A Gun for Sale», 1936) и «Тайный агент» («The Confidential Agent», 1939),

которые впоследствии станут «эталонами» жанра на определённый период и окажут принципиальное влияние на жанровую архитектуру шпионского романа.

Во французском литературном пространстве во время второй мировой войны преобладают романы, повествующие о деятельности подпольных организаций, на оккупированных территориях. Появление романов, которые можно было бы отнести к жанру шпионских, в указанный период литературными теоретиками не отмечено.

Таким образом, возникновение и бурное развитие американского шпионского романа происходит как в преддверие глобальных военных конфликтов в качестве пропаганды с обеих сторон, так и во время войн, культивируя героизм на национальной основе.

Список использованных источников

1. Двойное преступление на линии Мажино [предисловие Уваров Ю.]. – М.: Политиздат, 1992. 412 с.
2. Дойл А.К. Полное собрание произведений о Шерлоке Холмсе в одном томе / А.К. Дойл. М.: Альфа-книга, 2009. 1152 с.
3. Дойл К. Этюд в багровых тонах [электронный ресурс] – Режим доступа URL: <http://adelanta.info/library/detective/957.html?part=2&lan=&>
4. Киплинг Р. Ким / Р. Киплинг. – М.: Вита Нова, 2009. – 205 с.
5. Купер Ф. Шпион, или Повесть о нейтральной территории / Ф. Купер. М.: Альфа-книга, 2011. 491 с.
6. Ле Карре Д. Война в Зазеркалье. Романы / Д. Ле Карре. М.: Центрполиграф, 1994. 357 с.
7. Ле Карре Д. Свободная энциклопедия Википедия. [электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Ле_Карре,_Джон
8. Моэм У. Эшенден, или Британский агент / У. Моэм. М.: Астрель, 2010. 315 с.
9. Норец М. В. Роман Р. Киплинга «Ким» – вектор эволюции жанра шпионского романа // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Філологія. Маріуполь. – № 9. – 2013. С. 50–55.
10. Норец М. В. Типологическая трансформация шпионского романа первого десятилетия XX века: Первая мировая война – рефлексия в литературе // Вопросы русской литературы: [межвуз. науч. сб-к.] – Симферополь: Бизнес-информ. – 2014 – Вып. 30 (87). С. 200–206.
11. Уваров Ю. П. Современная зарубежная литература. М.: Высш. школа, 1968. 92 с.
12. Уваров Ю. П. Современный французский роман (60 - 80-е годы): учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / Ю.П. Уваров. М.: Высшая школа, 1985. 93 с.
13. Хоста М. «Шпионский роман» (Попытка краткого обзора) Шпиономания. / М. Хоста, А. Верховский, О. Лапчинский. – Режим доступа: <http://spymania.narod.ru/articles/spynovell.htm>.

14. Эмблер Э. Биография. [электронный ресурс] – Режим доступа: <http://agentura.ru/dossier/uk/people/ambler/>
15. Эмблер Э. Свет дня: Детективные романы [перевод. Мансуров И. И.]. М.: Центрполиграф, 2003. 463 с.
16. Энциклопедический словарь английской литературы XX века / [отв. ред. А. П. Саруханян]. М.: Наука, 2005. 541 с.
17. MacKenzie C. The Three Couriers. London: Cassell, 1929. 314 p.

УДК 82-9

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА «ТРАВЕЛОГ»

Е. Б. Мартынюк,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского*

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В статье предпринимается попытка предварительного очерчивания контуров весьма интересного и активно развивающегося жанра современной литературы – жанра травелога. Ввиду отсутствия четких дефиниций и существования параллельных, часто взаимоисключающих определений, целью статьи является обзор и анализ определений жанра травелог в диахронном аспекте с последующей дефиницией его оптимальных жанровых критериев. Эти критерии стали основой для определения жанровой доминанты травелога, что является основным результатом исследования. В зависимости от цели применялись соответствующие методы исследования: описательно-сопоставительный метод анализа данных и метод критического анализа теоретических работ.

Ключевые слова: травелог, жанр, литература путешествий, дискурс

Summary. The paper attempts to delineate the contours of the interesting and rapidly developing genre of modern literature – the travelogue genre. Due to the lack of clear definitions and the existence of parallel, often conflicting definitions, the purpose of the article is the review and analysis of the definitions of the travelogue genre in the diachronic aspect, with the subsequent definition of its optimal genre criteria. These criteria can serve as a basis for the determination of the travelogue genre and stylistic dominant, which is the main result of the study. Depending on the purpose of the relevant research the following methods were used: descriptive and comparative data analysis method and method of critical analysis of theoretical works.

Key words: travelogue, a genre of travel literature, discourse.

Понятие «травелог» совсем недавно вошло в научный оборот и поэтому не имеет четких и строгих дефиниций. Это связано с «разнообразием феноменов художественного и научного творчества, охватываемых общим термином "травелог"» [2, с.1].

Многие исследователи (Е. Н. Деремедведь, А. А. Майга, Е. И. Пономарев, В. М. Русаков, В. А. Шачкова, Й. Фрейзер и др.) отмечают, что проблема определения термина «травелог» связана с тем, что он широко применяется в английской научной традиции, но на русскую почву был перенесен примерно лет 10–15 назад [1, 5, 9, 2, 14, 12]. Для обозначения сочинений писателей о путешествиях в отечественном литературоведении параллельно с этим термином существуют и используются такие термины как «путевые записки, путевые дневники, путевые заметки или очерки», не говоря уже о «литературе путешествий». Соответственно, можно говорить о том, что не существует четкого разграничения терминов и однозначного определения термина «травелог». В. А. Шачкова, рассматривая литературу путешествий как «жанр художественной литературы», также отмечает наличие подчас «взаимоисключающих определений» этого жанра [14, с. 277].

Некоторые исследователи определяют «травелог» как «просто путешествие», другие – как «повествование или лекцию о путешествии, зачастую сопровождаемые иллюстрациями и географическими картами». Многие придают этому слову еще более широкое значение: «отчет о путешествии», в который входит не только сама хронология поездки, но и рефлексия и переживания увиденного. Современный травелог объединяет в себе «искусство интеллектуального путешествия со способностью проникать в жизнь и культуру чужой страны, обнаруживая ее не сразу очевидные, но прочные связи со всем миром» [5, с. 256].

Интересное объяснение термина дал петербургский литературовед Е. Пономарев в интервью «Травелоги как жанр», опубликованном на сайте радио «Свобода». Он считает, что термин «травелог» имеет ряд преимуществ по сравнению с очень общим понятием «путешествие или литература путешествий»: «...русское слово "путешествие" слишком объемно для того, чтобы обозначить то, что имеется в виду под "травелогом". Дело в том, что путешествие, с одной стороны, сразу наводит на мысли о поездке, которую человек совершает, а травелог сразу указывает ...на письменную фиксацию того, что в этой поездке произошло. То есть, путешествие... обозначает одновременно и поездку, и книгу о поездке. А вот травелог обозначает исключительно книгу о поездке, и в этом отношении он удобнее, чем слово "путешествие"» [9].

Кроме того, термин «литература путешествий», используемый в отечественной научной традиции, по мнению Е. Пономарева, является довольно расплывчатым. Травелог в этом отношении точнее» [9].

Венгерский ученый Георгий Твердов считает, что травелоги принадлежат в первую очередь «так называемой литературе эпической, то

есть длинному разножанровому повествованию: они рассказывают о приключениях движения, чередующихся с впечатлениями и размышлениями» [цит. по 5, с. 256].

Термин «травелог» в некоторых энциклопедиях трактуется вообще не как литературный жанр, например, Большой англо-русский и русско-английский словарь, Этимологический словарь, определяют травелог как «короткометражный фильм-путешествие, или лекцию о путешествии с диапозитивами». Считается, что травелог возник как жанр в 1910-е годы. В нём зрителям на образовательных лекциях, ярмарках, в программах варьете в небольших кинотеатрах показывались заграничные пейзажи, жители, промышленность и туристические достопримечательности. «Объект изображения оставался постоянным, объединяя особенности изображаемого места с обобщёнными вневременными понятиями о прекрасном и экзотическом» [7, с. 15].

В электронной энциклопедии Википедия и English terms dictionary, наряду с уже упоминавшимися значениями, появляются понятия «литературы путешествий», книги о путешествиях, путевого дневника и т.п.: «Travel literature, a work of literature describing a journey. A travel journal, a diary written during a journey» [13, p. 16].

Йен Фрейзер, один из постоянных авторов журнала *New Yorker*, писатель, являющийся, по мнению *Washington Post*, одним из лучших авторов своего поколения, написавший в 2010-м году книгу «Путешествия по Сибири» («*Travels in Siberia*»), понимает под жанром травелога историю, «которая начинается в некоем географическом пункте А и заканчивается в некоем географическом пункте В и рассказывается автором». Йен считает этот жанр вполне гибким и податливым, предоставляющим много пространства для творчества. «У травелога нет четкого канона, формулы и каждая книга-путешествие индивидуальна по форме, также как и каждый автор индивидуален и не похож на другого». Метод работы Фрейзера над своими травелогами – путешествие и исследование, сначала в мире природы, потом – в мире библиотек. «... мною движет любопытство. А любопытство, вступая во взаимодействие со смелостью, превращается уже в личную борьбу, награда за которую – удивительные факты, невероятные истории и победа над всеми страхами. Самая главная цель всегда ясна, она всегда мерцает на горизонте – замечательная книга, которую ты напишешь» [12]. В ходе путешествия именно оно само рождает сюжет. «Я следую за внешним миром, и он сам поставляет мне события. Модернизм потряс привычное нам повествование из 19 века, он фрагментировал рассказ, мы часто не понимаем, что происходит. Травелог же даёт писателю убежище от модернизма: ты можешь продолжать рассказывать историю» [12].

Фрейзер также отмечает, что эпоха глобализации оказывает существенное влияние на развитие травелога и изменяет этот жанр. К примеру, его книга «Путешествия по Сибири» («*Travels in Siberia*») и книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» совершенно

разные, хотя написаны в одном и том же жанре [12]. Изменения двадцатого века повлекли развитие старой формы и отчасти её разрушение, вызванное новыми технологиями. «Теперь путешествие необязательно должно лежать прямо из пункта А в пункт В. Сегодня современность так или иначе вторгается в повествование.... И это как раз элементы, которые сейчас нужно включать в текст. ... Ещё важно, что есть очень тонкая грань в написании травелога: нужно знать, когда тебе как автору нужно отстраниться» [12].

Травелог как жанр продолжает активно развиваться сегодня, оказывается все более популярным и востребованным, поскольку люди хотят знать и понимать, что происходит в реальном, а не в виртуальном мире. В интернете очень популярны сайты, предлагающие советы по написанию своих собственных травелогов, анализ и редактирование текстов, даже он-лайн курсы и мастер-классы. Например, курс Владимира Потапова «Travelog. История путешествия» или «Как писать травелоги» [8, 3]. «Травелог заново пробуждает в нас знания о мире, одомашнивает технологию, одомашнивает географию и одомашнивает высокий модернизм. Он делает его как бы человекоразмерным. Травелог – это жанр, который работает в масштабе человека» [12].

И действительно, современные проявления травелога весьма разнообразны – сюда относят и отчеты об экспедициях географов и путешественников, и приключенческую (а иногда и фантастическую) художественную литературу, и так называемые «странствия души», всевозможные путеводители и справочники по странам и континентам, и даже блоги в Мировой Паутине. В современных исследованиях дискурса травелога можно встретить понятие педагогического травелога, паломнического путешествия, травелога как форму освоения мира, даже травелога как формы конструирования музейных экспозиций на примерах археологических выставок. Также заслуживают внимания исследования журналов-травелогов, где помимо традиционных журналов, таких как Вокруг света, National Geographic, Geo и др., рассматриваются новые виды – бортовые журналы (инфлайты), партворки, прагмапутеводители и т.п. Их тоже относят к категории травелогов [4]. Эти произведения рассчитаны на очень широкую аудиторию, воспринимаются как версия путевой прозы, они сопровождают читателей в путешествиях и не только, развлекают, поучают, информируют и воспитывают.

Несомненным компонентом, присутствующим во многих определениях, является принадлежность травелога как жанра к художественной литературе (А. А. Майга, Н. А. Никитина, Н. А. Тулякова, Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов, Й. Фрейзер и др.) [5, 8, 6, 12].

Еще одной особенностью травелога, которую представляется возможным отметить, является соединение всех видов повествования и дискурсов. Поэтому травелог можно ассоциировать с различными литературными жанрами как собирательную литературную форму.

«Путешествие по своей природе находится на грани искусства и науки. В нем сочетается то, что, казалось бы, несовместимо: документы, цифры, статистика и мир образов, включающий в себя все его элементы: портрет, пейзаж, интерьер, а главное, самого повествователя как обязательный элемент, формирующий структуру любого текста в жанре путешествия» [14, с. 278].

В ходе исследования были выделены следующие доминантные критерии жанра травелога: собирательная литературная прозаическая форма, включающая:

1. различные повествования и дискурсы, такие как исторический, образовательный, развлекательный, воспитательный, культурологический, исследовательский, фантастический, приключенческий и др.;
2. вторжение реальной действительности в повествование;
3. рефлексии и переживания автора;
4. отстранения автора от повествования в определенный момент.

Список использованных источников

1. Деремедведь Е. Н. Жанровые особенности английской женской литературы путешествия конца XVIII первой половины XIX века (на материале произведений о Крыме): дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2008. 220 с.
2. Дискурс травелога. Сборник статей. О. Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, Издательский дом «Дискурс-Пи». 2008. 184 с.
3. Как писать травелоги [Электронный ресурс] <http://mirishem.livejournal.com/62354.html> (дата обращения: 27.01.2017).
4. Лучинская С. Ю. Журналы-травелоги в условиях глобализации масс-медиа: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 165 с.
5. Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. – 2014. – № 3 (37). С. 254–259.
6. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Личность автора – путешественника в травелоге нового времени // Культура и текст. – 2014. № 3. С. 6–8.
7. Мюллер В. К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. М., Издательство Эксмо, 2015. 1008 с.
8. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель [Электронный ресурс] <http://elibrary.ru/item.asp?id=25354890> (дата обращения: 27.01.2017).
9. Потапов В. И. Travelog. История путешествия [Электронный ресурс] – <https://theoryandpractice.ru/courses/19042-travelog-istoriya-puteshestviya> (дата обращения: 27.01.2017).
10. Советские травелоги: Западная Европа устами писателей 1920–30-х годов / Поверх барьеров с Иваном Толстым [Электронный ресурс] // Svoboda.org: Радио Свобода. 2014. <http://www.svoboda.org/content/transcript/24551956.html> (дата обращения: 30.01.2017).

11. Тимофеев Л., Венгеров Н. Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Учпедгиз, 1963. 511 с.
12. Травелог работает в масштабе человека / Интервью с Йеном Фрейзером [Электронный ресурс] // Siburbia: электрон. журн. 2013. – <http://siburbia.ru/geo/yen-freyzer-travelog-rabotaet-v-masshtabe-cheloveka> (дата обращения: 29.01.2017)
13. Травелог/ электронная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс] <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.01.2017)
14. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2008. – № 3. С. 277–281.
15. Этимологический словарь английского языка [Электронный ресурс] <http://allstuds.ru/etimologicheskie-slovari-angliyskogo-yazika> (дата обращения: 27.01.2017).
16. English-Russian dictionary of linguistic terms [Электронный ресурс] <http://docslide.us/documents/english-russian-dictionary-of-linguistic-terms.html> (дата обращения: 27.01.2017).

УДК 811.111'373.23

БИБЛЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Е. В. Михайлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Е. С. Солодова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и германской филологии, Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию христианских онимов в топонимической лексике Великобритании и США. Выявлены особенности функционирования библейских антропонимов на географических картах двух стран. Установлены причины миграции библейских антропонимов с выявлением на географических картах мест их наибольшего сосредоточения.

Ключевые слова: топонимическая лексика, христианский оним, библейский антропоним.

Summary. The article is devoted to the complex research of Christian onyms in the toponymic lexicon of the United Kingdom and the United States of America. The features of the functioning of the biblical personal names on the maps of the two countries are revealed. The causes of the biblical personal names migration are defined, identifying the places of their largest concentration on the maps.

Key words: toponymic lexicon, Christian onym, biblical anthroponym.

Вопрос миграции топонимической лексики издавна изучается как географами, так и лингвистами, например, Н. А. Бендер [3], С. Р. Варшавский [4], Г. Я. Рылюк [6]. На карте мира широко представлены имена путешественников, царей, полководцев, политических деятелей и др., которые до сих пор вызывают интерес у исследователей языка. В современных лингвистических исследованиях наблюдается возрастающий интерес к изучению международной топонимики, возникшей в результате распространения христианства.

Отдельные аспекты проблемы влияния библейских сюжетов и библейских персонажей на топонимическую лексику в разных странах мира рассматриваются в работах В. В. Алпатова [1], А. Э. Левицкого [5], А. Л. Белогуб [2] и др. Однако процесс топонимообразования и заимствования географических названий из текстов Библии все еще не нашел полного и всестороннего описания, поэтому он представляется нам интересным и актуальным.

Задача работы – выявить на физических картах Великобритании и США географические названия, образованные под воздействием на сознание людей библейских персонажей. Цель работы – показать влияние христианства на развитие топонимической лексики этих двух стран. Фактический материал был получен выборочным методом из библейского словаря. Полученные данные проверяются с помощью «Атласа мира» и прилагаемых к нему географических карт.

Список библейских антропонимов достаточно большой. Они часто встречаются в исторических и религиозных документах. Рассмотрим наиболее известные мужские и женские имена, обнаруженные нами в топонимической лексике Великобритании и США: *Авраам (Abraham)*, *Моисей (Moses)*, *Давид (David)*, *Гомер (Gomer)*, *Иосиф (Joseph)*, *Петр (Peter)*, *Меса (Mesa)*, *Мара (Mara)*, *Ада (Ada)*, *Рахиль (Rachel)*, *Руфь (Ruth)*.

Имя Авраам вошло в состав антропонимики межнационального социума, поскольку оно попало во многие страны вместе с христианским вероучением. Сначала оно присваивалось духовенству, а потом и детям крестьян. Бог изменил имя библейского персонажа Авраама – «отец величия» на христианское имя Авраам со значением «отец множества людей», «великий отец народов». От этого имени было образовано несколько географических названий.

На территории США в штате Кентукки расположен национальный парк, который носит имя президента *Авраама Линкольна (Abraham Lincoln)*. В штате Мэн возвышается гора *Авраам (Abraham)*, название которой восходит к имени библейского персонажа Авраама. Населенный пункт *Абрам* расположен на северо-западе Англии, а залив *Абрахам* – у берегов северной Канады. Небольшие отклонения в названиях географических объектов (*Аврам – Авраам – Абрам – Абрахам*) связаны, по-видимому, с

особенностями произношения этого имени жителями разных стран и континентов, разными лингвокультурными сообществами.

Не менее известно широким слоям населения во многих странах мира имя пророка Моисея. Он исключительно популярен у евреев, чтящих его как создателя законов правосудия. Имя библейского пророка *Mouсей (Moses)*, заимствованное из греческого языка, могли завезти еврейские эмигранты, спасающиеся в Америке от своих врагов, а потом оно было переведено на английский язык и присвоено горе, озеру и городам в Америке. Название *Мозес (Мойсей)* носит гора высотой 2637м в Америке, в Калифорнии. На берегу озера *Мозес (Mouсей)*, США, Вашингтон расположен город *Мозес-Лейк (The Moses Lake)*. На севере Аляски, на полуострове Сьюард лежит город *Мозес-Пойнт (Moses-Point)* [2, с. 75].

Давид (David) – неординарный библейский персонаж, наиболее сложная и многогранная личность в Писании, младший сын Иессея, рожденный в Вифлееме около 1085 года до Рождения Христова, царь израильский и иудейский (1Цар. 16:1 – 13). Он стал олицетворением многих образов, как в самой Библии, так и в последующей литературе. В пуританском образе *Давид (David)* выступает как реформатор – истинный сын Божий, сопротивляющийся нападкам тиранического царя (Саула); воина, боровшегося с врагами Бога, реформировавшего страну и установившего поклонение на праведном основании [7, с. 255]. Для пуритан Великобритании и Америки именно данный образ лег в основу географических названий. В США, в штатах Небраска и Кентукки, есть населенный пункт, который называется *Давид Сити (David City)*. Кроме города, многие улицы в Северной Америке и Великобритании названы *Давид Стрит (David Street)*, например, в Ливерпуле и Глазго, а также в штатах Техас и Нью-Йорк.

Имя *Гомер (Gomer)* не раз упоминается в тексте Библии. *Гомер (Gomer)* – первый сын Иафета (Быт. 10:2), праотец киммерийцев (Аскеназ, Рифат и Фогарма), живших к северу от Чёрного моря, по имени которых полуостров Крым получил свое название. На карте США, в штатах Огайо и Миссури есть достаточно маленький населенный пункт, который называется *Гомер (Gomer)*. Стоит также обратить внимание, что многие улицы в Северной Америке названы *Гомер Стрит (Gomer Street)*: в городе Даллас (Техас), Лос-Анджелес и Вестминстер (Калифорния). В свою очередь, на карте Великобритании мы можем обнаружить только названия улиц – *Гомер Стрит (Gomer Street)* в городах Уолсолл и Таунхилл.

Следующий библейский персонаж – *Иосиф (Joseph)* – одиннадцатый сын патриарха Иакова и первенец от Рахили, после её четырнадцатилетнего бесплодия. Имя *Иосиф (Joseph)* означает: «он собирает и он добавляет». История *Иосифа (Joseph)* нам известна из Ветхого Завета. Он был любимцем отца, за это братьями был продан в рабство (Быт. 37:3–28), впоследствии стал начальником над всей землей с титулом Цафнаф-панеах, то есть Спаситель мира (Быт. 41:45).

На современной карте США, в штатах Орегон и Юта, найдено несколько названий населенных пунктов с антропонимом *Джозеф* (*Joseph*). В штате Аризона есть очень маленький городок *Джозеф Сити* (*Joseph City*), а в штате Миссури – *Сент Джозеф* (*Saint Joseph*). Улица *Джозеф Стрит* (*Joseph Street*) встречается в Новом Орлеане (Калифорния), Питтсбурге (Пенсильвания), Сомервилле (Массачусетс), Прескотте (Аризона), а в Великобритании в разных городах Англии (в Лондоне, Бадфорде, Олдбери, Лидсе). В Лондоне и Галифаксе есть *Проспект Джозефа* (*Joseph Avenue*).

Апостол Иисуса Христа, *Петр* (*Peter*), нередко упоминается первым, когда речь идет об апостолах (Мат. 10:2; Мар. 3:16; Лук. 6:14; Деян. 1:13). Его настоящее имя было Симон. Он первый почитал Иисуса Мессией, Сыном Божиим (Мат. 16:16), и Иисус назвал его новым именем Кифа (от араб. – «камень»), или Петр (от греч. – «камень»), поскольку сказал: «...на сем камне Я создам Церковь Мою...» (Мат. 16:18). Неслучайно, видимо, в Северной Америке, штат Мэн, в городах Джефферсон и Стоунхэм горы названы этим именем – *Петр Маунтин* (*Peter Mountain*). Еще одна гора с таким названием находится в городе Естил, штат Кентукки. Единственный населенный пункт *Петр* (*Peter*) расположен в штате Юта. В Великобритании нет ни одной горы, ни населенного пункта с таким названием. На карте Англии данный антропоним встречается только в названии улицы – *Петр Стрит* (*Peter Street*) – в таких крупных и известных городах, как Манчестер, Лондон, Блэкпул, Ливерпул и Данди.

Следующий библейский персонаж – Моавитский царь – *Меса* (*Mesa*), который отказался заплатить израильскому царю Иораму дань. Иорам, в союзе с Иудеями и жителями Едома, напал на него, запер его в его главной крепости Кир-Харешет. Когда Меса, сделав неудачную вылазку, принес своего первородного сына в жертву на городской стене, израильтяне возмутились таким поступком, возвратились домой, и осада окончилась (4 Цар. 3:27). Данное имя присутствует на карте США. В штатах Аризона, Колорадо, Калифорния и Вашингтон есть город *Меса* (*Mesa*), численность населения которого очень низкая.

Взрослые люди, согласно существовавшему в древности обычаю, иногда переименовывали себя. Одна из женщин по имени *Ноеминь* (*Naomi*) – «приятная» просила называть себя *Мара* (*Mara*), что означает «горькая», так как после смерти мужа и сыновей она осталась без средств к существованию и ей выпала горькая доля от Всевышнего. Именно второе имя, прозвище Мара, используется в целях номинации на разных континентах. Так, например, одноименные населенные пункты *Маратон* (*Marathon*) находятся в США в штатах Висконсин, Нью-Йорк, Техас, Флорида, а также в Канаде. На карте Англии можем встретить под название города *Уэстон-Супер-Мара* (*Weston-Super-Mara*).

Город под названием *Ада* (*Ada*) есть в штатах Оклахома и Мичиган, США. Имя *Ада* (*Ada*) упоминается в Ветхом Завете следующим после первого женского имени Ева. Ада становится своеобразной праmaterью тех,

кто жил в шатрах со своими стадами (дети её сына Иавала) и тех, кто играл на гусях и свирели (дети её второго сына Иувала). Можно предположить, что большая часть населения этих городов в штатах были скотоводами и музыкантами, что, вероятно, и нашло своё отражение в названии городов.

Согласно библейскому сюжету, *Рахиль (Rachel)* – любимая жена Иакова, которую он получил в жены за четырнадцать лет работы. Она, после долгого ожидания, стала матерью Иосифа и Вениамина и умерла вскоре после рождения последнего (Быт. 30:24; 35:18). Могила Рахили находится недалеко от Вифлеема, к северу от Иерусалима. В штатах Виргиния и Невада есть населенные пункты – *Рахиль (Rachel)*, численность которых очень низкая. В таких городах, как Сан Луис Обиспо (Калифорния), Шарлот и Бельмор (Нью-Йорк), Тупело (Миссисиппи) можно встретить отдельные улицы – *Рахиль Стрит (Rachel Street)*. На карте Великобритании улица с таким названием встречается в таких городах, как Манчестер, Ливерпуль, Абердэр.

Достаточно известным библейским персонажем является *Руфь (Ruth)*, моавитянка, которая ушла в Иудею вместе с Ноеминой, сказав: «...народ твой будет моим народом и твой Бог моим Богом» (1:16), впоследствии стала праматерью Христа (Мат. 1:5). Города, названные в честь моавитянки *Руфь (Ruth)*, находятся в штате Невада, Миссисиппи, Мичиган, Калифорния и Северная Каролина. В некоторых городах США также есть улица – *Руфь Стрит (Ruth Street)*, а именно: Афины (Джорджия), Прескотт (Аризона), Лос-Анджелес (Калифорния), Филадельфия и Питтсбург (Пенсильвания). В Великобритании улицу *Руфь Стрит (Ruth Street)* можно встретить в таких населенных пунктах, как Баргойд, Олдем, Манчестер, Чатем и Хаддерсфилд.

Проведенный анализ позволил установить, что мужских библейских имен представлено в топонимической лексике больше, нежели женских, вероятно, из-за того, что до второй половины XX столетия в обществе превалировала маскулиноцентричная парадигма. Мужчина играл главенствующую роль в обществе (политике, экономике, искусстве, семье и т.д.). Женские имена используются в целях номинации реже, однако доброе имя женщины, её хорошая репутация высоко были оценены читавшими Библию христианами, что и послужило основанием для использования этих имен в топонимике межнационального социума.

Имена библейских персонажей встречаются, главным образом, в ойконимах и урбанонимах на территории США, в западной и юго-восточной части страны, поскольку их заселяли протестантские фундаменталисты, образовав так называемый «Bible Belt» (Библейский Пояс). В Великобритании, в северной части Англии, а также в столице – Лондоне, библейские антропонимы чаще присутствуют в названиях улиц. Географию распространения можно объяснить тем, что христианство проникало в Великобританию двумя путями: под влиянием римлян на юге и кельтским христианством на севере страны.

Дальнейшее изучение топонимии, представленной христианскими онимами, в лингвокультурологическом аспекте представляется, на наш взгляд, интересным и перспективным.

Список использованных источников

1. Алпатов В. В. Английские метафорические топонимы с христианскими ассоциациями // Вопр. ономастики. 2010. – № 2 (9). С. 86–94.
2. Белогуб А. Л. Отражение библейского имени Моисей в географических названиях // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Серія романо-германська філологія. – 2005. – № 649. С.73–76.
3. Бендер Н. А. Имена русских людей на карте мира. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1948. 158 с.
4. Варшавский С. Р. Увековеченная слава России: Топонимические следы русской Америки на карте Аляски. Магадан: Кн. изд-во, 1982. 206 с.
5. Левицкий А. Э. Глобализация по-американски (анализ номинаций городов США) // Культура народов Причерноморья. – Т. 2. – 2008. С.12–14.
6. Рылюк Г. Я. Русские топонимы на карте Северной и Южной Америки // Вестник Белорус. гос. Университета. Серия 2. – 1992. – №3. С. 80–82.
7. Словарь библейских образов / Под общ. ред. Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана. СПб.: Библия для всех, 2008. 1424 с.
8. King James Version [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.kingjamesbibleonline.org> (дата обращения 5.01.2017).

УДК 81'253

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД: ДИСКУРС И ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

М. В. Михайловская,

старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Как показывает практика, теория вертикального контекста может успешно применяться в процессе подготовки устных переводчиков. В настоящей статье поднимается вопрос о глобальном вертикальном контексте дискурса политических деятелей. Для полноценного понимания и, следовательно, адекватного перевода речи конкретного оратора, важно уметь воспринимать глобальный вертикальный контекст его дискурса.

Ключевые слова: звучащий текст, устный перевод, дискурсивный подход, дискурс, контекст.

Summary. The theory of vertical context proved to be relevant to educating interpreters. The article raises the issue of global vertical context of discourse of a politician. An interpreter should perceive the global vertical context of discourse of a specific speaker in order to be able to fully understand the oral texts delivered by them and, ultimately, interpret them adequately.

Key words: oral text, interpreting, discursive approach, discourse, context.

Разработкой теории вертикального контекста на материале письменных текстов, как художественных, так и нехудожественных произведений занималось несколько поколений ученых, принадлежащих к школе англистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Сам термин «вертикальный контекст» был введен О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет в середине 70-х годов XX века [1, с. 47-49]. В дальнейшем Л. В. Полубиченко уточнила и конкретизировала данный термин, сделав акцент на том, что это «историко-филологическая и – шире – общекультурная информация, которая объективно (но часто как бы в скрытом, «свернутом» виде) заложена в том или ином литературном произведении и восприятие которой не может основываться ни на знании непосредственного лингвистического окружения соответствующих языковых единиц, ни на контексте ситуации, – иными словами, на изучении всего того, что можно представить себе как контекст «горизонтальный», лежащий как бы на уровне данного произведения, заключенный в нем самом» [3, с. 4].

Впоследствии оказалось, что данная концепция, изначально разработанная филологами с позиций понимания литературно-художественного текста, может быть полезной для исследования текстов любого характера и природы. Как показывает практика, вышеупомянутая теория может успешно применяться в процессе подготовки переводческих кадров [2, с. 261–265]. Назрела необходимость более детально изучить вертикальный контекст текстов, предназначенных для перевода, и разработать методы и способы подготовки будущих переводчиков к его восприятию, правильной интерпретации и адекватному воспроизведению при переводе. Соответственно, целесообразно в очередной раз уточнить и расширить понятие «вертикальный контекст», включив в него историко-филологическую и социокультурную информацию, объективно заложенную в конкретном *письменном или звучащем тексте любого типа, принадлежащем к любому виду дискурса*, полноценное восприятие, интерпретация и передача которой при переводе возможны лишь при наличии у реципиента соответствующих фоновых знаний.

Такая постановка вопроса позволяет подойти к исследованию вертикального контекста как актуальной проблемы перевода и переводоведения. Очевиден тот факт, что правильное восприятие элементов вертикального контекста, то есть цитат, пословиц и поговорок, аллюзий, идиом, реалий, иноязычных внесений, вплетенных в ткань конкретного произведения речи, а также культурно-специфических коннотаций «обычных» слов, среди которых в ходе проведенного анализа интересующих нас текстов была выделена группа «идеологемы», помогает обеспечить быстрый и адекватный перевод с максимальным сохранением воздействия оригинала.

Особый интерес данная концепция представляет для устного перевода, поскольку проблема быстрого и адекватного понимания является ключевой для этого вида деятельности. Соответственно, выявление факторов, определяющих полноценное восприятие объективно заложенной в звучащем тексте информации, является первостепенным для обучения будущего специалиста принимать эффективные переводческие решения в условиях ограниченного времени.

Исходя из обоснованного нами выше расширительного толкования вертикального контекста, учитывающего потребности перевода и подготовки переводчиков (в том числе устных), представляется логичным более широко поставить вопрос и о глобальном вертикальном контексте (под которым в филологии понимают «контекст эпохи, соотнесенный с системой взглядов и оценок писателя» [4, с. 161]), не ограничивая исследование рамками художественных произведений или даже письменных текстов иных функционально-стилистических разновидностей, а включив в его сферу также и устные произведения речи во всем многообразии их типов. Иными словами, при такой постановке вопроса изучение вертикального контекста переводится из узко-текстовой в широкую дискурсивную плоскость, где под дискурсом понимается «вербализованный идеологический посредник между индивидуальной речью (идиолектом) и языком-кодом, это вербализованное мировоззрение, говорящее бессознательное, это речь, направляемая субъективными представлениями о мире, в которых обнаруживаются инварианты картины мира (обыденная, научная, философская, религиозная и поэтическая)» [5, с. 13]. Продемонстрировать дискурсивный подход к изучению вертикального контекста можно на примере дискурса общественных деятелей общегосударственного масштаба, поскольку эти личности у всех на виду, много выступают как письменно, так и устно, внося свой вклад в развитие политического дискурса и видоизменяя уже сложившиеся лингвокультурные традиции в этой сфере.

Говоря о подготовке устных переводчиков, необходимо упомянуть о том, что их навыки восприятия и перевыражения звучащей речи закладываются и отрабатываются на материале общественно-политического дискурса, как правило, в исполнении ключевых фигур, определяющих международную и внутреннюю политику государств. Соответственно, первостепенное внимание необходимо уделить вертикальному контексту общественно-политического дискурса в целом и создающих его видных политических деятелей, в частности.

Наряду с вышесказанным следует отметить тот факт, что русскоязычный общественно-политический дискурс за последние сто лет уже несколько раз претерпевал революционный, резкий слом и коренную перестройку (царская Россия начала XX века – постреволюционный СССР 1920–1930-х годов – «зрелый» советский период – новая постсоветская Россия), тогда как англоязычный общественно-политический дискурс

развивался гораздо более плавно, эволюционно, но тоже, вероятно, существует сегодня в нескольких национальных вариантах. Различия «норм» общественно-политического дискурса, несомненно, затрагивают и его вертикальный контекст.

У общественно-политического дискурса новой России сегодня есть хорошо осязаемое индивидуальное лицо – это конкретно путинский дискурс, который определяет, по существу, настрой и развитие «норм» русскоязычного общественно-политического институционального дискурса.

Разберем особенности некоторых лексических единиц в ответах Президента В. В. Путина на ежегодной пресс-конференции, состоявшейся 23 декабря 2016 года.

<i>Исходный текст на русском языке</i>	<i>Синхронный перевод на английский язык в прямом эфире телеканала «Russia Today»</i>
1. Если говорить о так называемых информаторах, которые <i>убежали за границу</i> и <i>сдают</i> всё подряд или чего-то придумывают, может быть, уже хотел бы что сказать.	1. You mentioned some informers that <i>fled</i> to some other countries and <i>report</i> .
3. Приезжал в Россию и, будучи назначенным на высокую должность, <i>таскал</i> сюда всякую <i>гадость</i> .	2. He came to Russia, and he was appointed to a high position, and he used this <i>to bring all sort of bad things</i> to Russia.
3. Он <i>удрал</i> и начал там, защищая себя и гарантируя себе <i>место под солнцем</i> , всё <i>сливать</i> , имея в виду, что ему там создадут условия для нормальной жизни.	3. And then he <i>fled</i> to some other country, and he has a nice life there, and he <i>complains</i> about Russia hoping that they will provide nice conditions for him there.

В первом примере интерес представляет глагол «сдать». В «Словаре современной лексики, жаргона и сленга»¹ можно найти следующее значение: «сдать (уголовный жаргон): 1) выдать на допросе». Переводчик использовал стилистически нейтральный глагол «to report», который имеет соответствующие определения: 1) to give a spoken or written account of something that one has observed, heard, done or investigated 2 (Oxford Dictionary); 1) to tell someone in authority that something has happened, especially an accident or crime; 2) to complain about someone's behaviour to someone in authority 3 (Cambridge Dictionary). Данное переводческое решение представляется неудачным, так как едва ли способно передать всю образность и эмоциональность русского аналога.

¹ URL: <http://slovonovo.ru/term/Сдать> (дата обращения 03.02.2016)

² URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/report> (дата обращения 03.02.2016)

³ URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/report_2 (дата обращения 03.02.2016)

Обратим внимание на то, что словосочетание «таскать гадость», глагол «удрать», относящиеся к разговорной лексике были переведены на английский язык с помощью лексических соответствий, не передающих эмоциональность и образность выражений, прозвучавших в оригинале: “to bring all sort of bad things”, “to flee”. Переводчик значительно смягчил исходные высказывания и не передал интенции говорящего.

В последнем примере жаргонизм «слить» (об информации) был передан с помощью глагола “to complain”, что представляется ошибочным, поскольку при таком переводе полностью искажается смысл. Также был опущен перевод фразеологизма «место под солнцем». На наш взгляд, данное решение является неоправданным и неприемлемым.

Важно отметить, что вышеприведенные примеры в очередной раз свидетельствуют о том, что публичные выступления В. В. Путина являются органичным смешением разных языковых стилей. Его речи представляют собой логично выстроенные, порой лаконичные высказывания с четкой аргументацией своей позиции, которые изобилуют не только общественно-политическими и экономическими терминами, но и жаргонизмами, просторечиями, молодежными сленговыми выражениями, фразеологизмами, что придает им яркость, эмоциональность и образность, привлекает внимание общества, российской и мировой прессы, дополняет имидж Президента и повышает его популярность среди разных слоев населения, становится своеобразной «визитной карточкой». Сниженный регистр делает его выступления более понятными и доступными для обычных людей. Многие выражения становятся афоризмами или, как их стали называть, «путинизмами». Можно сделать вывод о том, что благодаря глобальному вертикальному контексту его текстов В. В. Путин предстает перед слушателями спокойным, уверенным в своих действиях политиком, который близок к своему народу и говорит с ним на одном языке, что, бесспорно, повышает доверие общества к его словам.

В вышеупомянутых случаях для переводчика чрезвычайно важно уметь воспринимать глобальный вертикальный контекст не только текстов, но и дискурса данного политического деятеля для того, чтобы лучше понимать и интерпретировать его намерения для обеспечения максимально адекватного перевода. Хотя надо признать, что в полной мере воспроизвести глобальный вертикальный контекст в устном переводе вряд ли удастся, в чем заключается его принципиальное отличие от перевода письменного. Тем не менее, полностью утратить или существенно исказить содержащиеся в конкретном звучащем тексте смыслы недопустимо. Совершенно логично встает вопрос о «необходимом и достаточном» минимуме, реперных точках, которые необходимо сохранить при переводе для обеспечения должного воздействия высказывания и которые призваны не передать создаваемый образ в деталях, а помочь избежать его искажения в целом.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что переводчики, особенно устные, прежде всего должны быть обучены восприятию и перевыражению вертикального контекста не отдельных текстов, а индивидуально-авторского и институционального дискурса, в рамках которого личности, выступления которых переводят, проявляют себя вербально.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С., Гюббенет И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – №3. С. 47–54.
2. Михайловская М. В. Вертикальный контекст как основа понимания звучащего текста в синхронном переводе // Сопоставительные исследования 2016. Продолжающееся научное издание. – Вып. 13. Воронеж: «Истоки», 2016. С. 261–265.
3. Полубиченко Л. В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. 213 с.
4. Черезова Т. Л. О сопоставительном изучении вертикального контекста художественных произведений (на материале творчества Энтони Троллопа и Ч. П. Сноу): дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 175 с.
5. Чернейко Л. О. Базовые понятия в когнитивной лингвистике и их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей /Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – 2005. – Вып. 30. С. 43–73.

УДК 81.271

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

В. Е. Мордвинов,

студент 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Э. Ш. Исаев,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме социолингвистики – изучению социальных аспектов языковой вариативности. Целью данной статьи является анализ основных аспектов теории вариативности. Для решения задач применяются следующие методы социолингвистического исследования: индуктивно-дедуктивный метод, метод сопоставительного анализа и описательный метод.

Ключевые слова: языковая вариативность, социальная вариативность, стратификационная вариативность, варьирование языка, языковая норма.

Summary. The article is devoted to the study of a significant problem in sociolinguistics – the research of the social aspects of the language variability.

The purpose of this article is to analyze the basic aspects of variability theory. To solve these problems the following methods of linguistic research have been used: the inductive- deductive method, the method of comparative analyses and descriptive method.

Key words: linguistic variation, social linguistic variation, stratificational linguistic variation, language variability, linguistic norm.

Развитие системы любого языка связано с модификациями в области его фонетики, лексики и грамматики. Развитие социального направления в языкознании вполне закономерно, поскольку, в таком случае, возникает новая возможность трактовки ряда вопросов, давно привлекающих внимание лингвистов. Одним из таких является вопрос о причинах языковых изменений, которые с течением времени фиксируются на всех уровнях языковой системы. Нужно отметить, что в конце 20 века А. Д. Петренко справедливо отмечал, что «в сферу проблем изучения включены такие крупные темы, как двуязычие и многоязычие, языковая вариативность и социальное расслоение говорящих, развивающиеся языковые изменения. Одним из главных стимулов данного развития являются те социальные процессы и явления, которые происходят буквально на глазах нынешнего поколения. Основной задачей лингвистов, представляющих социолингвистическое направление, становится анализ функционирования языка в обществе» [5, с. 3].

Одним из ключевых при исследовании проблемы языковой вариативности является вопрос о соотношении нормы и варианта / вариантов. От нашей исходной позиции зависит решение последующих, связанных с этим процессом проблем: насколько оправдано выделение национальных вариантов таких языков, как английский, немецкий, испанский, французский, каковы механизмы возникновения и функционирования вариантов языка, можно ли говорить о прогрессе и регрессе в языковой системе, насколько оправдан языковой пуризм, какое место занимает формирование вариантов в процессе эволюции отдельных языков, насколько закономерны инновации в речевой деятельности и нужно ли препятствовать их проникновению в языки.

Основы теории вариативности в языкознании были заложены в 60–90 годы XX в. Ведущими специалистами в области романского и германского языкознания являются Г. В. Степанов, А. Д. Швейцер, А. И. Домашнев, А. Д. Петренко, Л. И. Прокопова и др. Как справедливо отмечает К. А. Мележик, «исходной точкой исследования вариативности языковой ситуации в той или иной стране является понимание того факта, что изменение социальных условий функционирования литературного языка и диалектов связано с растущей проницаемостью границ между ними. Перераспределение сфер и сред употребления языка, появление новых типов социальной и территориальной дифференциации языка приводит, в частности, в Англии к формированию сбалансированной эндогlossной

ситуации. Составляющие её коммуникативные подсистемы сосуществуют в условиях взаимопроницаемого функционального распределения и равнозначны в социальном и культурном отношении» [6, с. 72].

Социальная вариативность языка и речи проявляется на двух уровнях – стратификационном и ситуативном. Стратификационная вариативность следует из социальной структуры общества. А. Д. Швейцер определяет предмет социолингвистического анализа в узком смысле «как членение языка и его функционирование, которое намечается в плоскости социальных групп и общественных слоёв коллектива» [7, с. 76]. «Если стратификационная вариативность находит своё выражение в тех языковых и речевых различиях, которые обнаруживаются между представителями различных социальных слоёв и групп, то ситуативная вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств – отдельных единиц, их вариантов или целых систем или подсистем – в зависимости от социальной ситуации. Такого рода вариативность может проявляться и в смене языка, и в чередовании диалектов или регистров» [7, с. 76–77].

У. Лабову удалось выявить «регулярную модель» двух видов вариативности: с одной стороны, была установлена прямая зависимость между некоторыми речевыми показателями и социальной структурой, информанты, принадлежащие к низшим социальным слоям, шире использовали в тех же речевых контекстах некодифицированные формы, например, [t] вместо [θ], чем информанты из высших слоёв городского общества, а, с другой стороны, у всех информантов наблюдалось заметное возрастание числа кодифицированных форм в ситуациях, соответствующих официальному регистру. Таким образом, была обоснована тесная связь между понятиями социальной ценности, ценностной ориентации и социальной ситуацией применения языка. Коммуниканты отдают предпочтение социально детерминированным формам речевого употребления в тех социальных ситуациях, которые характеризуются более близкими отношениями между ними. «Разумеется, ценностная ориентация в отношении тех или иных норм речевого поведения не является постоянной величиной и варьируется от коллектива к коллективу» [7, с. 84]. Нужно отметить, что вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации – от владения средствами разных языков (и, следовательно, варьирования, использования единиц каждого из языков в зависимости от условий общения) до осознания говорящим допустимости разных фонетических или акцентных вариантов [3]. Для того, чтобы более полно представить картину варьирования языка и речи, приведём некоторые примеры варьирования в Шотландском и Британском вариантах. Рассматривая основные составляющие части Великобритании, такие как Шотландия, Ирландия, Уэльс и Англия, можно уверенно говорить, что повсюду существуют региональные отличия в языке. Например, носители шотландского варианта часто используют в своей речи переднеязычный

заальвеолярный средний щелевой сонант [r], в то время как в других частях Великобритании данный вариант встречается редко. В кодифицированном стандарте английского языка данный вариант фиксируется в определенных позициях, например, во фразовых сочетаниях, в которых есть фонетическая связка согласного + гласного: *or else, for ever, the car is black*. Что касается лексического уровня, то здесь можно привести следующие примеры: *aye* вместо *yes*, *wee* вместо *little*, *I dinna ken* вместо *I do not know*, *mon* вместо *man*, *laddie* вместо *boy*, *lassie* вместо *girl*, *bairns* вместо *children*, *ye* вместо *you*.

Во многочисленных работах А. Д. Петренко и представителей научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко [4] указывается, что исследования в области социальной лингвистики оказали в последнее время большое влияние на фонетику и фонологию. Лингвисты большинства стран активно разрабатывают проблемы соотношений нормативности и варьирования с учётом всего комплекса факторов, регулирующих реализацию сегментного состава языка. Л. И. Прокопова подчёркивает, что в дискуссиях о перспективах и основных направлениях развития литературной нормы неизбежно возникает вопрос о формировании орфоэпической нормы языка [2].

Социолингвистический анализ даёт возможность лингвистам «выявить особенности варьирования речи в различных коммуникативных ситуациях», «обобщить особенности в распределении литературных, разговорных, диалектных и других языковых форм в речи представителей различных социальных групп», «установить набор дифференциальных признаков», «определить набор переменных языковых правил для речи», «сопоставить характер варьирования речи говорящих мужского и женского пола (сексеолект)», «установить особенности языковой вариативности на произносительном уровне в идиолекте», «ответить на вопрос о причинах и характере языковых изменений», «описать основные тенденции звуковых изменений, которые происходят в настоящее время в языке» [2, с. 10]. По мнению А. Д. Петренко, самым главный прорыв осуществил У. Лабов, одним из первых на практике доказавший «тесную взаимосвязь социальных и языковых структур на примере анализа некоторых произносительных форм в речи носителей английского языка в Нью-Йорке» [2, с. 10]. «Необходимость поиска источников языковых изменений, а также возможность их объяснения с помощью постоянных элементов или переменных признаков социальной системы привели лингвистов к исследованию более тесных и тонких взаимоотношений языка и общества» [2, с. 11]. А. Я. Алексеев отмечает, что «языкознание неразрывно связанное, прежде всего с индивидом и обществом в целом, разумеется, извечно: оно родилось, развивается и умрёт вместе с homo sapiens. Поскольку язык развивается в тесной связи с развитием общества, то всегда будут возникать новые аспекты и новые проблемы языка, требующие своего изучения и решения. В практическом плане это, в первую очередь, лексико-

семантические проблемы, поскольку структурно-системные изменения в языке происходят медленно и в основном на фоне глубоких исторических катаклизмов, например: революции, смены социально-политических формаций. Закономерно также и то, что одни и те же языковые явления, например: категория рода, числа, глагола или субстантив, словообразовательная морфема или губные согласные, диалог или монолог, продолжают оставаться предметом конкретных изысканий в различных языках [1, с. 8–9].

Языковая вариативность любого развитого языка является его нормальным состоянием, не препятствующим, а способствующим расширению сферы функционирования данного языка. Необходимо рассматривать и анализировать различные формы проявления вариативности языка. Поскольку всё это в целом даст возможность изучить эту проблему в широком спектре, не только расширить наши представления о языке и его полной структуре, но и определить всевозможные векторы функциональной сущности языковой системы, его дальнейшего развития в современном мире.

На данном этапе работы были представлены материалы по анализу понятия вариативности, как одного из ключевых понятий современной социолингвистики, исследованы некоторые региональные особенности произношения английского языка. Рассмотрены ключевые подходы к анализу проблемы варьирования языка и его влияния на развитие общества.

Список использованных источников

1. Алексеев А. Я. Отечественное языкознание: состояние и перспективы // Международная конференция по функциональной лингвистике. «Язык. Культура. Общество»: матер. конфер. / Ин-т языковедения им. А. А. Потебни, ТНУ им. В. И. Вернадского, фонд «Москва – Крым». Ялта: CLC, 2000. С. 8–9.
2. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. Саки: Издательство ПП «Предприятие Феникс», 2011. 274 с.
3. Беликов И. В., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. Москва: Юрайт, 2016. 337 с.
4. Научная школа социофонетики и фоностилистики профессора Петренко А. Д. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL : <http://ta.cfuv.ru/struktura/institut-inostranoj-filologii/nauchnaya-shkola-sociofonetiki-i-fonostilistiki-professora-petrenko-a-d> (дата обращения 30.01.2017).
5. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. Киев, 1998. С. 3.
6. Социальные аспекты языковой вариативности: монография / А. Д. Петренко, К. А. Мележик, Д. А. Петренко, Т. В. Бридко,

Д. М. Храбскова. Саки: Издательство ПП «Предприятие Феникс», 2013. 276 с.

7. Швейцер А. Д. Введение в социолингвистику: учеб. пособ. для ин-тов иностр. яз. Москва: Высшая школа, 1978. 216 с.

УДК 811.12

ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ЖАНРОВОЙ МОДИФИКАЦИИ «ФЭНТЕЗИЙНЫЙ СТИМПАНК»

М. А. Начинкина,

*студент 3-го курса магистратуры кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

М. В. Норец,

*доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено определению жанрово-стилевых особенностей романа Чайны Мьевиль «Вокзал потерянных снов». В исследовании автор акцентирует внимание на жанровой идентификации фэнтезийного стимпанка. В результате исследования предложена жанровая доминанта фэнтезийного стимпанка.

Ключевые слова: жанр, стиль, роман, научная фантастика, фэнтезийный стимпанк.

Summary. This study focuses on the definition of genre and stylistic features of the China Tom Miéville novel “Perdido Street Station”. In this article the author pays much attention to the identification of the genre of fantasy steampunk. As a result, the genre dominant of fantasy steampunk is suggested.

Key words: genre, style, novel, science fiction, fantasy steampunk.

В современном литературоведении проблема жанра и его формирования находится в научном фокусе ряда исследователей (М. Бахтин [1], Н. Тамарченко [2], Ц. Тодоров [3], М. Норец [4]).

Ученые литературоведы относят художественные произведения к дивергентно мотивированному жанру научной фантастики – «стимпанку». Стимпанк (от англ. steampunk) – это направление научной фантастики, моделирующее цивилизацию, в совершенстве освоившую механику и технологии паровых машин.

Фэнтезийный стимпанк описывает фантастические миры, технологически напоминающие Европу XIX в. В этих мирах с паровой машиной вполне уживаются магия и фэнтезийные расы: гномы, орки, эльфы и т.д.

Стимпанк, как термин образовался при соединении двух понятий: «steam» (от англ. пар) и «punk» (от англ. панк, мусор). Данный поджанр предоставляет вниманию читателя вариант альтернативного развития человечества. Своего рода маркером для стимпанка является отображение в произведении освоения обществом технологии паровых машин и механики. Через описания городов, поселений и улочек красной нитью проходит стилизация под Викторианскую Англию. Общая картина произведений зачастую пессимистична и цинична.

На данный момент существует классификация, подразделяющая данный поджанр на четыре категории:

- 1) альтернативно-исторический стимпанк;
- 2) вестерн-стимпанк;
- 3) постапокалиптический стимпанк;
- 4) фэнтезийный стимпанк.

Альтернативно-исторический стимпанк представляет собой стилизацию альтернативного вымышленного мира под реальный исторический мир периода XIX – начала XX веков. Чаще всего за основу берётся Англия викторианской эпохи. Действия в произведениях развиваются либо в действительности существовавшую эпоху пара с присутствием в ней фантастических технологий, либо в более поздний период истории, лишенный всех преимуществ науки и техники XX века.

Работы в поджанре вестерн-стимпанк аналогично повествуют о событиях настоящего или вымышленного мира во времена «эпохи пара», однако события, место действия и герои воплощены в стилистике Дикого Запада.

Среди ученых-литературоведов (А. Н. Бирюков [5]) постапокалиптический стимпанк считается скорее пародией на литературу апокалиптической и постапокалиптической направленности сюжета, нежели самостоятельным подвидом.

Для данного исследования тема фэнтезийного стимпанка особенно актуальна, так как имеет непосредственное отношение к выбранному нами произведению.

Маркерами принадлежности произведения к данному поджанру являются:

- 1) развитие событий в фантастическом мире;
- 2) стилизация картин города под Европу XIX века;
- 3) паровые машины, как основной вид добычи энергии;
- 4) элементы магического;
- 5) сосуществование множества фэнтезийных рас.

Таким образом, из вышесказанного следует, что роман Чайны Мьевиль «Вокзал потерянных снов» прямого отношения к жанру фэнтези не имеет, а насчитывает лишь некоторые признаки присущие данному жанру, такие как:

- персонажи – сказочные существа и представители фэнтезийных рас;

- магия

Финальным пунктом в классификации жанровой принадлежности выбранного нами произведения является категория романа.

Роман – это жанровая форма эпической литературы, произведения которой имеют большой объём. Сюжет робот данных сосредоточен на судьбах отдельной личности, в ее отношении к миру, на становлении, развитии ее характера и самосознания чаще всего в кризисный нестандартный период его жизни. Содержание романа охватывает значительный временной отрезок и описывает судьбы многих действующих персонажей. В романе широко изображена жизнь, гладко выстроен ряд событий, обычно используется большое количество героев, которые участвуют в событийном ряде произведения.

На данный момент не существует классификации этой жанровой формы, подразделяющей произведения к тому или иному виду в зависимости от конкретных признаков. Причиной тому послужило конфликтное положение романа по отношению к литературным тенденциям прошлых столетий. Все время, меняя способы повествования, роман заимствовал элементы стиля у драмы, журналистики, массовой культуры и кино, никогда, однако, не утрачивая традицию репортажа, идущую из XVII в.

Однако разграничить труды писателей по чертам сходства всё же считается возможным. Различают социальный, культурно-исторический, психологический, экспериментальный, приключенческий романы, роман с интригой, роман поисков, роман идей.

Основываясь на представленной выше классификации, а также принимая за основу жанровую матрицу шпионского романа, предложенную М. В. Норцем в его монографии «Генезис жанра шпионского романа в английской литературе», мы предприняли попытку представить матрицу фэнтезийного стимпанка, рассматривая её компоненты на примере, на наш взгляд, наиболее репрезентативного романа представителя данной жанровой модификации – романа Чайны Мьевиль «Вокзал потерянных снов».

Жанровая модификация фэнтезийного стимпанка.

Компоненты	Жанровая матрица фэнтезийного стимпанка
Протагонист	Человек либо представитель внеземной рассы; крепкий умом, духом и телом; ведет борьбу со злом.
Социальный статус протагониста	Как правило, учёный, специалист по физике, математике, контргеотропной магии и единой теории поля, разрабатывает теорию «кризисной энергии».
Антагонист	Персонаж, любящий телесные модификации, посредством которых пытается стать идеальным с

	физической и эстетической стороны существом. Множественные преобразования затрудняют его отнесение к какой-либо расе, существующей в романе; крайне нарциссичен и эгоистичен.
Социальный статус антагониста	Самая влиятельная персона в городе, крупнейший наркоторговец.
Повествование	Повествование в романе ведется от лица автора и от лица протагониста. Личность автора не прослеживается: нет ни отсылок к биографии ни к собственному опыту, эмоции и рассуждения автора по поводу происходящего также отсутствуют.
Событие	Противостояние сразу трёх сторон: городских властей, сказочных существ из другого измерения, терроризирующих город и его жителей, а также главного героя с его сподвижниками.
Мотив события и ответственность	Желание спасти город от существ, высасывающих из него жизнь. Герой постоянно испытывает душевные терзания от поступков и решений, которые ему приходится совершать и принимать.
Персонажи	Количество персонажей неограниченно. С вновь открывающимися обстоятельствами автор привносит всё больше сюжетных линий и персонажей.
Окружающая обстановка	Полноценно функционирующая альтернативная реальность.

В процессе отпочкования жанровой модификации фэнтезийного стимпанка от материнской матрицы фантастического романа, жанровая матрица фантастического романа оставила генетический след принадлежности жанровой модификации «фэнтезийный стимпанк» к жанру фантастики. Способ выражения данной принадлежности заключается в одном из генетических кодов – полноценно функционирующей альтернативной реальности. Таким образом следует, что полученная нами структура жанровой модификации фэнтезийного стимпанка может быть применена для идентификации жанровой принадлежности романов, определяемых в литературной рецензии как фэнтезийный стимпанк путем анализа их жанрового своеобразия.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Эпос и роман // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 447–483.
2. Теория литературы. В 2 т. Под ред. Тмарченко Н. Д. М.: 2004. – Т.1 512с., Т.2. 368с.

3. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Перев. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1997. 144 с.
4. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 364 с.
5. Бирюков А. Н. Mode of access: [Electronic Resource]. Режим доступа URL: <http://peroman.blogspot.ru/2012/03/blog-post.html>. (дата обращения 15.10.2015).

УДК 82.09

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ ПИТЕРА АКРОЙДА

Т. А. Негляд

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье представлен анализ романа современного английского писателя Питера Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна», который относится к постмодернизму, к жанру твердой научной фантастики, и является объектом научного наблюдения. В статье используются культурно-исторический, сравнительный, автобиографический, интертекстуальный методы. Рассмотрены интертекстуальные связи с романом Мэри Шелли «Франкенштейн». Сделан вывод о том, что Акройд использует изящную литературную игру, отличную стилизацию, историческую метапрозу, пастиш и заканчивает свое произведение фабуляцией. Отдельное внимание в исследовании уделяется теме Лондона.

Ключевые слова: твердая научная фантастика, интертекстуальность, постмодернизм, историческая метапроза, пастиш, фабуляция.

Summary. The article analyses the novel of modern English writer Peter Ackroyd “The Casebook of Victor Frankenstein”, which refers to postmodernism and to hard science fiction. This novel is the object of investigation. The intertextual relations between Ackroyd’s and Mary Shelley’s novel “Frankenstein” are distinguished. It is concluded that Ackroyd uses refined literature game, wonderful stylization, historical metafiction, pastiche. The topic of London is a separate one in the novel.

Key words: hard science fiction, intertextuality, postmodernism, historical metafiction, pastiche, plot.

Как отмечает С. В. Андрюхина [1, с. 4], «современные тенденции в литературоведении и культурологии направлены на изучение человека и общества в процессе познания и преобразования окружающего мира в условиях исторического развития, обусловленного политическими и экономическими изменениями. Интерес современной науки сосредоточен

на глубоком изучении каждого феномена культуры в динамике его исторического развития».

Питер Акройд – английский писатель, поэт, а также литературный критик.

В своих исследованиях проанализировали сочинения Питера Акройда в зарубежном литературоведении С. Онега, Дж. Гибсон и Дж. Волфрей, У. Ханнинен. В научных статьях анализ его творчества принадлежит таким ученым как Б. Финни, Б. Эпплеярд и другие.

В. В. Струков [4, с. 48] впервые в отечественном литературоведении занялся изучением творчества писателя. В книге «Художественное своеобразие романов П. Акройда» рассматривается понятие «роман-саморефлексия». Автор дает определение данному термину, обозначая его, как работу о творческой личности, открыто завлекающую читателя в процесс его создания».

Акройд является недостаточно изученным в отечественном литературоведении автором. Существующие переводы не передают истинное отображение писателя русскоязычным читателем, и именно это не разрешает справедливо охарактеризовать масштаб его творчества. Произведения англоязычного автора являются примером постмодернистского письма, обозначенного рядом престижных национальных премий. В своих произведениях П. Акройд исследует биографии, творчество, психологию личностей хрестоматийных для английской культуры (от Чосера до Элиота).

Специфику произведений Акройда, которые посвящены исследованию знаменитых исторических фигур, определяет несколько характеристик. Сначала автор продумывает героя биографии, его роль в культуре нации. Он активно совмещает мир реальности и вымысла, соединяя в своем романе факты и игру художественного воображения. Именно эти черты произведения помогают так удачно сочетать жанры романа и биографии. Писатель применяет личностно-окрашенные повествовательные модели: дневник, исповедь, и стилистические каноны, такие как завещание, житие [2, с. 12].

Семь романов П. Акройда можно отнести к жанру научной фантастики: «Хоксмур», «Первый свет», «Дом доктора Ди», «Процесс Элизабет Кри», «Мильтон в Америке», «Повесть о Платоне», «Журнал записи пациентов доктора Франкенштейна». Биографии Томаса Мора и Эдгара По также имеют характерные черты научной фантастики.

Научная фантастика – жанр в современном литературоведении, один из видов фантастики. Научная фантастика базируется на фантастических допущениях в области науки, включая точные, естественные и гуманитарные отрасли. Научная фантастика обрисовывает выдуманные технологии и научные открытия, контакты с инопланетным разумом, невозможное будущее или альтернативный ход истории, а также влияние этих допущений на человеческое общество и личность [5, с. 1].

Роман П. Акройда «Журнал Виктора Франкенштейна» – пример современной научной фантастики в английской литературе. Произведение относится к жанру твердой научной фантастики. «Журнал Виктора Франкенштейна» – захватывающее произведение, знаменитая история с точки зрения современного времени.

Книга Мэри Шелли "Франкенштейн, или Современный Прометей" прославилась в свое время на весь мир. П. Акرويد созидательно переиграл историю Мэри Шелли. Рассказ ведется от лица главного героя – творца легендарного монстра.

В романе повествуется жизненный путь студента Оксфорда, Виктора Франкенштейна. В XIX веке он применяет последние достижения науки и замышляет научный эксперимент: он пытается с помощью электричества реанимировать мертвое тело. В итоге он сотворил создание, которое располагает сверхчеловеческими силами и потенциалами, и оно собирается свести счеты со своим создателем.

В основе произведения лежит естественнонаучное допущение: главный герой романа Виктор Франкенштейн считает, что может объединить в себе знания и желание сделать мир лучше, победить смерть, создать гармоничное существо и с помощью электричества придать ему жизнь, тем самым спасти его: «Гальвани доказал, что электричество имеется в окружающем нас мире повсюду. Сама природа есть электричество. Путем простой уловки с электрической нитью он вернул к жизни лягушку. Почему бы не достигнуть того же с электрической оболочкой?» [6, с. 25].

Уже само название романа обладает яркими чертами интертекстуальности, поскольку именно оно предлагает читателю отсылку к произведению Мэри Шелли «Франкенштейн». Однако стоит отметить, что роман Акройда написан с гораздо большей степенью занимательности. Автор умело использует пастиш. Сначала не стиль написания заинтересовывает читателя, а то, как подробно автор описывает все происходящее, используя множество стилистических приемов.

Изменения по сравнению с сюжетом романа М. Шелли у П. Акройда не значительные, а второстепенные. П. Акرويد играет с цитатами и аллюзиями. У него действие происходит в Оксфорде, у М. Шелли – в Германии. Автор создает друга Франкенштейну – Биши Шелли, который в действительности являлся супругом М. Шелли. Автор умело использует историческую метапрозу. Он вводит в повествование, упоминает или цитирует известные исторические личности: Байрон, М. Шелли, Б. Шелли, доктор Полидори, лорд Ливерпуль, поэты озерной школы: Кольридж и Водсворт. Все эти герои – реальные исторические личности, которые сосуществуют с вымышленными. П. Акرويد опирается на определенные факты из биографий известных личностей. Предмет эксперимента – Джек Кит – прообраз великого поэта романтика Джона Китса. Оба персонажа студенты медицинского факультета. И Джек Кит в романе, и Джон Китс в жизни умерли от чахотки.

Также следует отметить, что важную роль в композиции произведения имеет тема Лондона. П. Акройд очень натуралистично описывает Лондон начала XIX века (грязь улиц, нищету, опасные кварталы), расположение улиц и городской пейзаж.

Автор романа использует изящную литературную игру, умелую стилизацию и заканчивает свое произведение фабуляцией. П. Акройд проводит связь и смешивает вымышленное с реальным, прославляет вымысел и включает в реалистическое повествование фантастические элементы. В финале творец и его творение оказываются одной и той же личностью. Роман заканчивается так: «Нет, не я – существо разорвало его на куски голыми руками. И мы, существо и я, побрели прочь, в мир, где взяты были стражею.

Получено мной от пациента Виктора Франкенштейна 1822 года пятнадцатого дня, в среду. Подписано: Фредерик Ньюман, надзиратель Хостонского приюта для неизлечимых душевнобольных» [3, с. 147].

Книга П. Акройда живая, реалистичная, с подробным описанием деталей, обстоятельств, событий. Автор, с одной стороны, пересказывает уже известную миру историю, но в то же время, демонстрирует нам зеркало того века. И отражение в этом зеркале чудовищно и пугающе. П. Акройд так вспоминает об обстоятельствах рождения романа: «Все помышления мои были о методе, который позволил бы создать разумное человеческое существо, не отягощенное бременем своего происхождения, общественного положения и религии. Я задумал, если угодно, воплотить в жизнь мечту Биши о человеке, свободном от любых мелочных предрассудков, что терзают общество» [3, с. 90].

Франкенштейн пытался понять суть и законы жизни. Он воссоздает существо, именно существо, потому что от прежнего черноволосого весельчака Джека Китса ничего не остается. Желтые волосы, напоминающая смятую бумагу кожа, горящие глаза, нечеловеческая сила. Он любит жизнь, как животное, отнимает ее у других и перекладывает вину на своего создателя. Он аморален, жесток, не имеет никаких человеческих качеств и сам себе противен.

В романе «Журнал Виктора Франкенштейна» П. Акройд демонстрирует читателю черты постмодернизма и современной научной фантастики. Произведение относится к жанру твердой научной фантастики. Писатель умело использует литературную игру, комбинацию стилей, интертекстуальные связи. В романе присутствует множество стилистических приемов. П. Акройд вводит в повествование реальных исторических персонажей и истинные биографические факты. Отдельное внимание автор уделяет теме Лондона. Он очень реалистично описывает Лондон XIX века. П. Акройд берет за основу уже давно известную миру историю, но рассказывает ее по-своему. Попытка победить смерть и создать человека, свободного от моральных принципов, оказывается неудачной. С

помощью фабуляции П. Акройд создает свой собственный, неожиданный финал всемирно известной истории о Франкенштейне.

Список использованных источников

1. Андрюхина С. В. Исторический дискурс в творчестве Артуро Переса-Реверте // *Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций*. Симферополь: «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», 2016, с. 4.
2. Зверев А. Ф. Питер Акройд «Английская мелодия». – М.: Диапазон, 1994. С. 12.
3. Питер Акройд. «Журнал Виктора Франкенштейна». – А.: Corpus, 2010. С.1–147.
4. Струков В. В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда. Воронеж, 2000. С. 48
5. Aldiss B., Asimov I., Bradbury R. *Definitions of Science Fiction*. P.: London, 1986.
6. Del Rey Lester. *The World of Science Fiction*. – P.: Garland Publishing, 2006. P. 3

УДК 016:908(477.75)«1920/1930»

К ИСТОРИИ КРЫМСКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: ДВЕ НЕИЗВЕСТНЫХ СТАТЬИ Б. С. БОДНАРСКОГО

А. А. Непомнящий,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Восстановлена история организации в Крымской АССР библиографического научного общества. Главным организатором Общества стал крупный советский библиограф Виктор Васильевич Симоновский. На основе малоизвестных публикаций Б. С. Боднарского и архивных документов раскрыта история научной жизни крымской библиографии той эпохи.

Ключевые слова: Крымское библиографическое общество, В. В. Симоновский, Б. С. Боднарский, крымоведение.

Summary. The history of bibliographic scientific society in Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic was restored. The Society was run by a major Soviet bibliographer Viktor Simonovsky. The history of scientific life of the Crimean bibliography of this epoch on the basis of obscure publications of B. S. Bodnarskiy and archival documents was disclosed.

Key words: Crimean bibliographic society, V. V. Simonovsky, B. S. Bodnarskiy, Crimean studies.

В последнее время в научный оборот вводятся новые комплексы документов о развитии справочно-библиографической работы в Крыму на

рубеже 20–30-х годов прошлого века [1]. Интересными библиографическими находками стали две неизвестных ранее в крымоведении статьи крупного деятеля в области библиографоведения Богдана Степановича Боднарского (1874–1968), в которых раскрывается история создания этой общественно-научной организации. Выпускник Московского университета (1901) и Археологического института (1910) Б. С. Боднарский в 1920 году стал директором Российской книжной палаты, проработав на этой должности всего год. С этого же времени он – председатель Русского библиографического общества при Московском университете (до 1929 г.) Одновременно ученый редактировал издававшийся при этом обществе единственный в стране профильный журнал «Библиографические известия». Благодаря использованию этих публикаций стало возможным проследить попытку местного научного сообщества организовать на полуострове библиографический центр.

Весной 1929 года ведущий крымский библиограф В. В. Симоновский выступил с идеей создания при Крымском педагогическом институте имени тов. М. В. Фрунзе первого в Крыму библиографического общества. Начальную информацию об этом удалось получить из неизвестной статьи В. В. Симоновского [2] «В Крыму нужно создать Библиографическое общество», опубликованной на страницах главной газеты Крымской АССР – органа обкома ВКП(б) и Совнаркома республики – «Красный Крым». Автор сообщал о своей идее организовать при Крымском педагогическом институте имени М. В. Фрунзе такого научного объединения. Задачи Общества он видел в том, чтобы объединить библиографическую работу на полуострове и упорядочить библиографические штудии; «выяснить судьбу, характер и содержание тех известных книжных собраний, посвященных Крыму» которые имели с досоветских времен широкую известность в научных кругах, но по различным причинам не попали после установления Советской власти в общественные библиотеки; «представить точный перечень книжной продукции всеми языками и во все времена»; составить картотеки по различным сюжетам и направлениям крымоведения; подготовить к печати сводный указатель крымоведческой литературы по всем отраслям знания на всех языках, «собирать материалы для библиографического словаря крымских авторов»; разностороннее изучение книг по Крыму; проводить справочную консультационную работу в области крымоведения [3].

Какую роль играл Виктор Васильевич Симоновский (1869–1933) в научной жизни Крыма тех лет и почему именно он взялся за столь объемный проект? Его биографию удалось восстановить по крупным сохранившимся архивным документам, которые составили личный архивный фонд исследователя в Государственном архиве Республики Крым. Некролог В. В. Симоновскому, подписанный Б. С. Боднарским – единственный уникальный источник, значительно дополнивший эти данные. Подвижник развития крымской библиографии родился в местечке Сорочинцы

Полтавской губернии в семье священника. После окончания духовной семинарии с августа 1893 до мая 1894 года учился на медицинском факультете Томского университета, который оставил, не окончив курс, из-за болезни и отсутствия средств. Вынуждено поменяв направление своей карьеры, Виктор Васильевич работал учителем в местечке Хорол под Полтавой. Как свидетельствует лично его хорошо знавший Б. С. Боднарский, Симоновский был «передовым учителем, прибегавшим к методам лучших педагогов наших дней: в его школах процветали живые беседы, полезные игры и экскурсии» [4]. Параллельно с педагогической деятельностью на Полтавщине Симоновский активно занялся кооператорством, организовав в деревне Кругляки земледельческую артель. Стремясь все-таки получить университетское образование, молодой педагог в 1900 году стал студентом юридического факультета Юрьевского университета, который также вынужден был оставить в 1901 году из-за отсутствия средств для оплаты продолжения обучения [5, л. 1 об.]. Перипетии судьбы, забросившие Симоновского в Крым не ясны, но из сохранившихся его личных документов известно, что в 1913 г. он приступил к работе в Отделе народного образования Таврической губернии. В период 1914–1918 гг. – время деятельности В. В. Симоновского на ниве народного образования – он неоднократно выступал в периодической печати с интересными публикациями [6].

В тревожном 1919 г., при очередной смене власти, В. В. Симоновский был назначен экспертом по народному образованию и заведующим Музеем наглядных и учебных пособий, руководителем Центральной педагогической библиотеки Крымского отдела народного образования [7, л. 2–4]. Начало работы в библиотеке значительно поменяло сферу общественных интересов педагога. С этого периода он активно включился в библиографическую работу, вел учет публикаций современной ему местной печати.

Именно В. В. Симоновскому принадлежало ставшее известным циркулярное обращение в Книжную палату СССР по поводу необходимости создания центрального библиотечного органа печати. Симоновский предложил назвать его «Всесоюзный библиотекарь»: «На территории Советского Союза, составляющей шестую часть света, до отчаяния мало периодических изданий, посвященных библиотечному делу. Маленькая Болгария имеет их 2, Германия – 7, идущие впереди других государства Соединенные Штаты Америки – 14. Наша страна, долженствующая создать новый строй жизни и воспитать социального человека, в отношении развития библиотечной периодики плетется в хвосте, имея лишь один журнал» [8].

Первые основательные историко-краеведческие отраслевые библиографии В. В. Симоновского относятся к 1926 г., когда в «Бюллетене Крымского центрального статистического управления» была помещена «Библиография по крымскому табаководству и табачной промышленности»

и увидел свет наиболее известный его указатель – «Библиография по крымоведению» [9]. В справочник вошли наиболее значительные труды о Крыме, изданные в 1917–1926 годы (720 позиций). При учете книжных изданий значительное место занимают публикации на русском и крымскотатарском языках [10]. Работая библиотекарем в различных научных и учебных заведениях, В. В. Симоновский стал составителем ряда систематизаций местных краеведческих изданий [11].

Виктор Васильевич вошел в историю библиографии и как первый летописец истории развития библиографии крымоведения. В 1929 году он отмечал в специальном очерке, что «Крым издавна привлекает к себе внимание многих выдающихся ученых. “...” Наследство, оставленное различными научными ассоциациями и отдельные исследования в области изучения Крыма громадно. “...” Многие ценные труды по изучению края до сих пор остаются неизвестными широкому кругу читателей и не могут быть использованы» [12, с. 118]. Впервые библиограф дал в одном очерке сжатую оценку библиографического наследия досоветской эпохи и подробно остановился на развитии библиографических изысканий в Крыму в конце 20-х годов XX века. Статья является уникальным источником о развитии библиографии в Крымской АССР.

При создании Крымской секции научных работников была организована библиотечная группа, в которой В. В. Симоновский активно сотрудничал. В неподписанной заметке «Проект Крымского библиографического общества», размещенной в разделе «Хроника», охватившем мероприятия 1929 года и напечатанной в журнале «Библиографические известия», кратко пересказано содержание заметки В. В. Симоновского в «Красном Крыме» [13, с. 167–168]. Атрибутировать статью удалось благодаря некрологу В. В. Симоновскому, написанному Б. С. Боднарским, опубликованном в 1933 году [14]. Являясь тогда председателем Русского библиографического общества, Б. С. Боднарский не мог не отреагировать на движение по организации такой структуры в Крымской АССР. Б. С. Боднарский отметил важность проблемы организации такой структуры в Крыму и связал это с решениями Первого Всероссийского библиографического съезда, поставившего вопрос о необходимости активизации развития библиографии на местах. Б. С. Боднарский раскрыл цели и задачи будущего общества, но закончил заметку так: «Всецело разделяя мысли В. В. Симоновского, мы лишь по поводу одной детали выражаем свое недоумение: почему Общество предполагается прикрепить к Педагогическому институту?» [15, с. 168].

Идея создания Общества на базе пединститута объяснялась серьезной базой справочно-библиографической работы вуза. Руководивший Академической библиотекой вуза Василий Михайлович Марков (1881–1962) сам активно занимался библиографией, разрабатывая ориенталистическую составляющую крымоведения. В действительности Общество было организовано при Крымском областном бюро краеведения

– аморфной и во многом формальной организации, куда для массовости записывали рабочих, учащихся и студентов [16, с. 292–300]. Вся работа участников этой научно-практической организации сосредоточилась вокруг подготовки материалов для написания «Полного описания Крыма», «Крымской советской энциклопедии».

Список использованной литературы

1. Непомнящий А. А. Неизвестные проекты крымоведческих справочных изданий 30-х гг. XX в. // Библиография и книговедение. М., 2016. – № 6. С. 80–87.
2. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. С. 566–568.
3. Симоновский В. В. В Крыму нужно создать Библиографическое общество // Красный Крым. – 1929. – 16 мая.
4. Боднарский Б. С., В. В. Симоновский // Советская библиография.– Москва, 1933.– Вып. 1/3. С. 322.
5. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. Р-3318, оп. 1, д. 22.
6. Непомнящий А. А. Малоизвестные исследования по изучению крымоведческой библиографии в последней трети XIX – первой трети XX века // Solanus: New ser. London. – 2002.– Vol. 16. P. 77–84.
7. Симоновский В. В. Библиография по крымскому табаководству и табачной промышленности // Бюллетень Крымского центрального статистического управления. Симферополь, 1926.– № 6. С. 124–134.
8. Боднарский Б. С., В. В. Симоновский // Советская библиография.– Москва, 1933.– Вып. 1/3.– С. 322. Фамилия в названии некролога указана с буквой А. Правильное написание – Симоновский.
9. ГАРК, ф. Р-3318, оп. 1, д. 14, л. 1–224; д. 15, л. 1–205.
10. Непомнящий А. А. Рукописные крымоведческие списки и картотеки 1920–1930-х гг. // Библиография и книговедение. М., 2016.– № 4. С. 44–51.
11. Симоновский В. В. Систематический указатель статей, помещенных в «Бюллетене Крымского центрального статистического управления», №№ 1–10 (1923–1928) // Бюллетень Крымского центрального статистического управления. Симферополь, 1929.– № 10. С. 52–60.
12. Симоновский В. В. Очерк библиографической работы в Крыму // Библиография. М., 1929.– № 4. С. 118–120.
13. Боднарский Б. С. Проект крымского библиографического общества // Библиографические известия. М., 1929.– № 1/4. С. 167–168.
14. Боднарский Б. С., В. В. Симоновский // Советская библиография.– Москва, 1933. – Вып. 1/3. С. 322.
15. Боднарский Б. С. Проект крымского библиографического общества // Библиографические известия. М., 1929.– № 1/4. С. 167–168.
16. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. К.: Стилос, 2012. 464 с.

УДК 811.133.1-398.21

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
И АДЕКВАТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА
ФРАНЦУЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК)*****М. С. Никитина,****специалист кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема переводческой эквивалентности и адекватности. Основные методы исследования, применяемые в данной работе: сравнительно-сопоставительный и концептуальный. Рассмотрены понятия эквивалентность и адекватность, выявлены их различия. Определены цели адекватного и эквивалентного переводов. Особое внимание уделялось интерпретации французских народных сказок на русский язык: переводу названий сказок, традиционных сказочных формул, реалий. Описываются способы их перевода. На основе проанализированного материала автором установлено, что адекватный перевод является основополагающим компонентом в переводе фольклорного текста. Материалом исследования являются французские народные сказки.

Ключевые слова: французская народная сказка, перевод, адекватность, эквивалентность.

Summary. This article examines the problem of equivalence and adequacy in translation. Basic research methods used in this paper are contrastive-comparative and conceptual. The concepts of equivalence and adequacy are examined, their distinctions are found. The aims of appropriate and equivalent translation are identified. Particular emphasis is placed on the interpretation of French folk tales into Russian: translation of the titles, traditional fairy formula and realia. The methods of their translation are described. On the basis of the analyzed material the author reveals that adequate translation is a fundamental component in the translation of the folk text. The material for study is French folk tales.

Key words: French folktale, translation, adequacy, equivalence.

Многие ученые, представляющие зарубежные школы переводоведения, долгое время работали над проблемой достижения эквивалентности в переводе. Понятие эквивалентности встречается в работах по сравнительной стилистике Вине и Дарбельне, стоящих у истоков теории перевода. Под термином «эквивалентность» подразумевается, что оба текста отражают аналогичную ситуацию, реализуя совершенно разные стилистические и структурные средства [11].

А. Нойберт различает понятия «эквивалентность» и «адекватность». Немецкий ученый Г. Егер согласен с утверждением А. Нойберта. Он придерживается той же точки зрения: текст перевода должен быть

эквивалентен оригиналу на коммуникативном уровне. Наиболее основательно теория эквивалентности была исследована и разработана российским ученым В. Н. Комиссаровым. Он говорит о многогранности понятия «эквивалентность», которое несет в себе представление о различных степенях единства между текстами перевода и оригинала (на уровне цели коммуникации, описания ситуации, синтаксических структур, значения словесных знаков) [2, с. 52].

Переводчик же выступает в качестве интерпретатора, который совершает не просто буквальный перевод, а работает над достижением единства между исходным и переводным текстом. Специалисту не нужно искать эквивалентность в языках. Наоборот, чем больше подобранное выражение интерпретатора соответствует его собственному языку, тем лучше оно воспринимается [9, с. 33–34].

Принимая во внимание такой подход, предлагается разграничивать понятия «адекватность» и «эквивалентность» перевода. «Адекватный перевод – это перевод, который соответствует поставленной цели» [3, с. 82]. Термин «адекватность» несет в себе более широкое понятие и гарантирует необходимую полноту межъязыковой коммуникации в определенных условиях [6, с. 46]. В свою очередь, в понятии «эквивалентность» заключается соответствие текста перевода тексту оригинала с функциональной точки зрения. Если говорить об «эквивалентности перевода», то стоит отметить, что данное понятие относится в большей степени к результату перевода. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода [3, с. 82].

Адекватный перевод осуществляет прагматические задачи переводческого акта на наиболее возможно высоком для достижения этой цели уровне эквивалентности и исключает несоблюдение норм переводимого языка. Прежде всего, адекватный перевод должен транслировать содержание оригинала или имеющуюся в нем информацию (когнитивную, экспрессивную и др.) с максимально достижимой степенью полноты и точности, воссоздавая при этом и тот коммуникативный эффект, который автор своим сообщением (текстом) планировал произвести на адресата. Переводчику следует соблюдать нормы переводящего языка и нормы переводческой речи: лексические, грамматические, жанрово-стилистические и узуальные (нормы речи).

Достижение адекватности перевода французских народных можно проследить путем анализа интерпретаций характерных черт сказочного текста на язык перевода: названий сказок, традиционных сказочных формул, реалий. Адекватный перевод производит должное положительное впечатление, привлекает внимание и побуждает к прочтению произведения. При переводе названий сказок необходимо обращать особое внимание на гармоничную комбинацию означаемого и означающего с целью сохранения своего глубинного смысла в тексте перевода [1, с. 768]. Например, в случае

совпадения названия сказки с именем главного героя, может использоваться транскрипция, транслитерация: «Ropiquet» («Ропике»), «Firosette» («Фирозет»), «Jean et Pierre» («Жан и Пьер»). Более распространенным является применение калькирования. Этот прием можно встретить в переводе таких сказок, как «Jean de l'ours» – «Жан Медведь», хотя, в этом случае пример трансформации не представлен в чистом виде, так как дословно это название переводится «Жан от медведя», т.е. «Жан – медвежий сын». Последний вариант мог бы быть предложен в качестве альтернативы заглавия этого фольклорного произведения, так он вызывает ассоциацию с названиями русских народных сказок (напр., «Иван – крестьянский сын», «Иван – вдовый сын») и может вызвать больший интерес у читателя, побудить его к знакомству с этой сказкой. Добавим, что переводчики избегают использование таких приемов, как модуляция и смысловая адаптация, когда работают над интерпретацией названий французских народных сказок.

Помимо перевода названий сказок, специалисту следует уделить особое внимание интерпретации сказочных формул, которые делятся на три типа: инициальные, медиальные, финальные. Их задачей является оформление произведения, и указание его начала и конца. Инициальные формулы фиксируют действие во времени [5, с. 20]. Посредством медиальных формул рассказчик привлекает внимание слушателей [5, с. 88–89]. Финальные формулы представляют собой «заклучение», которое может быть различным в зависимости от сюжета сказки, традиций народа, сказителя и самих слушателей [5, с. 54–55].

Классическим вариантом употребления инициальной формулы во французских народных сказках является выражение «Il était une fois...» В нашем случае можно перевести эту формулу как «жили-были». Инициальная формула французской народной сказки предполагает развитие событий с самого начала произведения. Например, в сказке «Барбовер Зелёная Борода, или Сказка о принце, который проиграл свою голову», инициальная формула по своему строению больше схожа с присказкой:

«Voici un conte dans lequel il n'y a pas de mensonge,
Si ce n'est, peut-être, un mot ou deux» [10].

Особенно это проявляется в переводе на русский язык:

«Вот вам сказка, где нет вранья,
А если есть, так слова два» [7].

Переводчики стремятся сохранить особенность инициальных формул, но подвергают изменениям с целью сохранения рифмы в четверостишии, а также приближения их по композиции и звучанию к формулам русских сказок. При переводе же медиальной формулы для проверки внимания слушателей «Крик!» («Cris»), специалист сохраняет ее звучание. Прием транскрипции является адекватным, так как употребление этого выражения встречается во французских народных сказках и является их отличительной характеристикой. Переводчик сохраняет его во избежание применения

более сложных, а в этом случае лишних приемов, что приведет к искажению смысла. Специалист мог бы найти аналог выражения, привлекающего внимание читателей на русском языке и являющегося для них более привычным, но тогда это бы повлияло на колорит фольклорного произведения. Финальные формулы во французских народных сказках многочисленны и являются достаточно разнообразными, и их перевод также требует использования различных приемов трансформаций и вызывает определенные трудности. Приведем пример таких формул: «Depuis lors, il vécut heureux...» – «С тех пор он жил счастливо». В этом случае так же недопустим дословный перевод и необходимо прибегнуть к переводческим трансформациям: морфологические преобразования в условиях сходства форм, переводческая конверсия «depuis lors» – с тех пор и «il vécut heureux» – он жил счастливо – морфологические преобразования в условиях различия форм, структурная замена.

При переводе реалий, выбранные стратегии не должны наносить ущерб ни смыслу, ни своеобразие оригинального текста. За основу берется не столько дословный перевод, сколько делается акцент на сохранение культуры, создающейся веками, и на грамотную интерпретацию слов, представленных в тексте-источнике, но отсутствующих в переводящем языке [8, с. 91–92]. Одним из приемов перевода реалий является транскрипция, предполагающая механическое перенесение реалии из исходного языка в язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме. Например, «un sou» – «су» (пять сантимов; ист. – двадцатая часть ливра), «Penn-an-Roc'hou» – «Пенанроку», «Lectour» – «Лектур». С одной стороны, применение транскрипции обуславливает сохранение особенностей культуры, традиций, быта французского народа, но вызывает определенные сложности в осуществлении перевода: в зависимости от ориентации текста перевода на определенного читателя, от уровня его осведомленности о традициях и просто особенностях страны, специалист либо прибегает к дополнительной экспликации в тексте этих понятий или же к применению еще одного приема перевода – переводческий комментарий, что предполагает толкование, разъяснение смысла реалий. Также для грамотного и более адекватного перевода используют такой прием как калька – заимствование путем дословного перевода слова или словосочетания [4, с. 73]. Например, перевод словосочетания «l'île d'Ouessant» – «остров Уэссан». Помимо этого, при переводе могут использоваться такие переводческие стратегии, как заимствование, замещение, опущение, добавление, описание. Заимствование, иногда называемое «культурной трансплантацией», предполагает полное или аппроксимативное восстановление сигнификата. Например, в сказке «Les morgans de l'île d'Ouessant» [10] («Морганы на острове Уэссан»), главная героиня была дочерью «морган» (согласно сказке, это существо, живущее

в море). Переводчик не стремился заменить это слово понятием, более близким к нашей культуре, а прибег к заимствованию.

Итак, анализ переводов названий сказок на русский язык показывает, что переводчики не стремятся прибегать к радикальным изменениям и трансформациям, а считают оптимальной тенденцию к сохранению и переводу оригинальных названий с целью избежать потери своеобразия и колорита французских народных сказок. При переводе традиционных сказочных формул, специалист в основном находится в поиске соответствий на русском языке, свойственных нашим сказкам. В случае, когда это невозможно, переводчик стремится прибегнуть к таким преобразованиям, которые бы сохранили специфику повествования французской народной сказки. Реалии имеют специфическую коннотацию, следовательно, транскрибирование и калька являются наиболее подходящими приемами передачи реалий, в то время как приблизительный перевод не в полной мере создает стилистическое и семантическое содержание реалий.

Таким образом, основываясь на анализе переводов названий, традиционных сказочных формул, реалий французских народных сказок на русский язык, можно сделать вывод о том, что адекватный перевод является основополагающим компонентом в реализации перевода художественного текста, французских народных сказок в частности, так как он направлен на реализацию прагматических задач и ориентирован на передачу коммуникативных ценностей, что и является целью специалиста на данном этапе развития переводоведения.

Список использованных источников

1. Гудакова, Е. В., Т. А. Зиновьева. «Сказочные» приемы переводчика. «Молодой учёный», 2014. – № 21 (80). С. 767–770.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо, 1999. 36 с.
4. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
5. Рошияну, Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974. 215 с.
6. Серебрякова, А. Ю. Параметры нормативной оценки адекватного перевода [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика», 2014. – Т. 11. – № 1. Режим доступа URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/parametry-normativnoy-otsenki-adekvatnogo-perevoda> (дата обращения 17.01.2017).
7. Французские народные сказки. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://www.rodon.org/other/fns.htm> (дата обращения 15.01.2017)
8. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
9. Kambaja, E. M. Approche pragmatique et son application au processus de la traduction français – cilubà. Cas de la constitution de la 3ème République en

R.D.Congo : thèse de doctorat. l'Université de Lubumbashi pour l'obtention du grade de Docteur en Langues et Littératures, 2009. 420 с.

10. Luzel, F.-M. Contes populaires de Basse-Bretagne [Version électronique] // Paris : Maisonneuve et Ch. Leclerc, 1887. – Mode d'accès: https://fr.wikisource.org/wiki/Contes_populaires_de_Basse-Bretagne (Consulté: 09.01.2017).

11. Zumthor, P. Introduction aux problèmes de l'archaïsme. Cahiers de l'Association internationale des études françaises, 1967. – № 19. P. 11-26.

УДК 141.339

РУННЫЕ НАДПИСИ НА КАМНЯХ ШВЕЦИИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. А. Новикова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В сообщении анализируются социальные и филологические проблемы перевода историко-культурных памятников мирового значения – рунных надписей Швеции Века Викингов (IX-XI вв. н.э.). Отмечаются их версификационные, контентные и языковые реалии. Дается их полиаспектная интерпретация; предлагаются модели их трансляции в славянские языки и культуры. Учитывается личное участие автора в т.н. «рунных экскурсиях» и контакты с рунологами Швеции во время Нобелевского симпозиума по теории и практике перевода (1998).

Ключевые слова. Швеция, Век Викингов (IX-XI вв. н.э.), рунные надписи, их версификационные, контентные и языковые реалии, проблемы их интерпретации и трансляции в славянские языки и культуры.

Abstract. The paper suggests social and philological approaches to the historical and cultural documents of global value – the runic inscriptions in Sweden of the Viking Era (IXth-XIth cc. AD). The author marks their versification, content and language peculiarities, giving their interpretation and translation versions for Slavic verbum and culture. Personal experience of 'runic trips and contact with the Swedish runologists at the Nobel Symposium' 1998 are also taken into regard.

Key words. Sweden, the Viking Era (IXth-XIth cc. AD), the runic inscriptions, their versification, content and language, problems of interpretation and translation, Slavic verbum and cultures.

Прелиминарии. В теории и критике перевода объектами анализа становились тексты разного типа. Одни из самых редко анализируемых – тексты фольклорные, а среди фольклорных – тексты магические. Этот тип, с одной стороны, охраняется носителями исходной культуры (далее – ИК) наиболее ревностно и потому доходит до нас наиболее аутентично. С другой стороны, магические тексты веками преследовала христианская Церковь; их

месидж забывался. Переводились подобные тексты не часто. Трудности их перевода обсуждались ещё реже. Восполнение названного пробела составляет цель нашего сообщения.

Материалом для нас послужили шведские рунные надписи, высеченные на камнях. Они были сделаны на староскандинавском языке (Old Norse), алфавитом futhark. Относятся эти надписи в основном к IX-XI вв. н.э. – к т.н. Веку Викингов. Всего их обнаружено на территории Швеции и сопредельных земель около 3.500. Нами были переведены 25 текстов, связанных с экспедициями викингов на Восток: в Северную Русь (земли Новгорода и Старой Ладogi) и в Поднепровье (вплоть до Северного Причерноморья), а также с паломничеством в Иерусалим. Переводы делались с оригинальных текстов, изученных и опубликованных специалистами-рунологами Швеции и Англии [9, 11]. Наши переводные версии доступны пока лишь в электронном виде [8].

Алфавит, надписи: историко-культурный и пиктографический аспекты. Формально – переводчик не обязан знать культурно-историческую генеалогию самой «фактуры» переводимого материала. Фактура эта, однако, может содержать сведения/признаки, обязательные для воспроизведения [7].

Первые рунические надписи, обнаруженные на территории современной Швеции, учёные относят к III веку н.э. Сделаны они ещё не на валунах, а на предметах из захоронений (короткие, т.н. «скандинавские» мечи, серебряные заколки-фибулы для плащей-пледов и др.). Использовались эти руны в ритуальных целях для магического оберега воинской одежды и магического же «усиления действия» боевого оружия. Расположены захоронения с рунами также в особых местах: на о. Готланд и неподалёку от Скуны (Scane). Остров Готланд – в Средние века «купеческий рай», богатейший центр международной торговли Ганзейских городов (г. Висби). Этот же город был центром религиозной жизни европейского Северо-Запада. Между прочим, собор в Висби (664 г.) решил судьбу всей Кельтской церкви [2]. Но гораздо раньше не менее знаменитым языческим центром уже была Скуна. Там хранился вещей Скунский камень, на котором короновали вождей-королей-конунгов. Первые надписи недаром могли состоять из одного только имени (заказчика) или двух имён (ещё и мастера, эту надпись вырезавшего). По сути имя в архаике приравнивалось к целому тексту. Оно исполняло роль молитвы об «удаче» своего носителя. (Ср. позднейшие христианские «записочки на помин» в Церкви). Следовательно, для переводчика рунных надписей имена входят в число ядерных (облигаторных) элементов.

Однако личное имя для носителей ИК, современников и соплеменников этой надписи, было важным и по своему прямому значению. Возьмем реальное имя одного из персонажей рунных надписей – Unwod. Какую информацию могли из него извлечь? Во-первых, после боя или абордажа, среди изувеченных трупов, по имени на одежде и/или оружии

узнавали: кто погиб? Далее, по имени-прозвищу («un» – негативный префикс; wod или «wad», – индоевропейская основа со значением «возбуждённый», «обуреваемый», «по-вЕд-енный»). Выходит, Унвад носил прозвище «Спокойный», «Уравновешенный». Прозвище давал род. Значит, тело павшего можно было отвезти домой и похоронить в родовой земле. И, следовательно, мёртвый мог спокойно отойти в мир предков, чтобы вернуться потом оттуда при рождении родственника-потомка. Иначе он был обречён бродить «живым мертвецом», которому одинаково закрыта «прописка» и в мире живых, и в мире мёртвых [6].

Где же может переводчик разместить эти сведения, без которых читатель-носитель другой культуры, культуры перевода (далее – ПК), может понять текст перевода (далее – ПТ) неверно – или не понять его вовсе? Если по условиям текста оригинала (далее – ИТ, такого рода сведения можно включить непосредственно в ПТ, переводчики это и делают. Зачастую, однако, сделать этого нельзя. Например, ни лезвие меча, ни брошь на плаще, ни даже каменные валуны – длинных текстов на своей поверхности не допускают. Тогда соответствующие данные можно поместить в мегатексте: в предисловиях, послесловиях, сносках, других видах околотекстового комментария. Можно сопроводить имя переводом-расшифровкой: «Унвад Спокойный». А можно создать в ПТ имя-аналог, типа «НЕбеш», «НЕбех». (О семантике славянского «беха», «бешенного» см. [4]. Ясно, т.о., что перевод магических текстов требует иной стратегии, чем перевод текстов собственно научных или собственно фольклорных и художественных.

Адресаты. Рунные камни дают богатую картину семейных отношений Века Викингов. 72% обследованных нами ИТ содержат данные о семьях заказчиков надписей. По убывающей мемориальные надписи заказывали: родители (36 %), дети (16 %), супруги – (12 %), братья и/или сёстры – (8 %). 2 человека заказали прижизненные надписи о самих себе. Эти двое собирались в далёкое и опасное паломничество в Иерусалим. Кстати, камни с инскрипциями были поставлены в честь мёртвых лишь в 64 % случаев. 36 % надписей рассказывают о памятных деяниях живых. Однако среди этих надписей нет ни единой, заказанной родителями. Возможны два объяснения. 1) Родители к этому времени уже умерли. 2) Родители боялись надписями «сглазить» своих детей. И боялись они не даром. Из общего числа уехавших умерли или погибли, согласно надписей, около 20 %. Среди них первыми идут погибшие на море. Следом идут павшие в наземных сражениях. Замыкают ряд не вернувшиеся по неизвестным причинам (возможно, умершие от болезней, в т.ч. моровых).

Переводчику необходимо составить список формул-клише, сообщающих об адресатах и адресантах рунных надписей. Варианты их перевода должны быть лаконичными. Старинные термины родства предпочтительней современных (скажем, «деверь» уместней, чем «брат мужа», а «шурин» – чем «брат жены»).

Стиль и стих. Благодаря долговечности своего материала (чаще – гранита, реже – твёрдых пород известняка), руны сберегли образцы древних стиховых систем Скандинавии и германского мира в целом. Сохранили они и наиболее магичный скальдический стих. Отличительная особенность этого стиха – кеннинги: аллитерированные метафоры, превращающие текст в сплошное иносказание, загадки, доступные только посвященным. Переводчику полезно, опять-таки, составить список подобных кеннигов в ИТ, а к нему – список постоянных соответствий для ПТ [3].

Заслуги. Среди заслуг, достойных постоянного напоминания, рунные надписи повторяют качества не только воинские, но и мирные. По частности первое среди них – щедрость. А среди вариантов этой щедрости доминирует хлебосольство, щедрость на пищу (*matar : gofan*). Переводчику целесообразно (снова заранее) подобрать для ПТ формулы-клише, подчеркивающие это качество с помощью насыщенной аллитерации или рифмы. Например: «щедро угощающий», «пищу подающий всем» или «поилец наш, кормилец наш» (аллитерация заменена на рифму).

Второе по частотности из упоминаемых достоинств – красноречие. Красноречие это – особенное. Оно формулируется через композит, как «мудрость в словах» (*in : ma : sbaka*). При переводе можно воспользоваться церковно-славянскими композитами или формулами-аналогами («велемудрый», «мудрословный», «великий ветия» или формулой древнерусской «ведал речи вещи»).

Христианские мотивы. «Век Викингов» одновременно можно назвать веком миссионеров. Как раз в IX-XI вв. в Скандинавии не только пропагандируется, но и утверждается христианство [1]. Даже на сопредельных территориях (к примеру, в Шотландии) сама топонимика отражает этот процесс. Целые острова (и, конечно, отдельные пещеры, часовни, церкви, монастыри) носят имена скандинавских святых: Св. Олафа и др. [1]. Как же отразился этот процесс в рунных надписях?

Переводчику полезно помнить, что, например, рунная формула-клише «*i hvitavarum*» («в белых одеяниях») для живых означала новокрещённых. Относительно надгробий зарубежные рунологи предполагают, что подобная надпись оповещала: людей этих крестили перед самой смертью. Полагаем, это может быть не совсем так. Обычай сохранять крестильный (как и свадебный) наряд до следующего важного события в жизни человека был распространен не только среди германцев, но и среди славян (скажем, среди русинов на Карпатах или поморов на Севере). Такими событиями (и соответствующими обрядами) были рождение (или духовное рождение, крещение), свадьба («рождение» полноправного, семейного члена общины) и смерть (понимавшая как переход-«рождение» в иномирии предков – для язычества, или в вечности – для христианства). «Белые одеяния» могли, т.о., сохраняться годами и повторно использоваться при новом переходе в новую жизнь.

Другие следы христианизации в рунах – реалии-конфессионализмы: Христос (kristr), Богородица (gups moþir), Архангел Михаил (santa mikel) и т.п., а также то, чего от этих персонажей ожидают: духовная помощь. Без церковнославянизмов («помози», «просвети», «ущедри» и др.) переводчику тут не обойтись. К вершинам такого нового мироощущения и к шедеврам поэтическим можно отнести надпись на Эггбийском камне (начало XI в.): «Помози, Господи, духу и душе его более, нежели он [того] заслужил» (bitr: þan: on: kr þl: til). Стоит отметить также некую «революцию топоса». Рунные камни начали помещать на кладбищах возле церкви, а не на родовых участках, языческой «земле предков» [8].

Заключение. 1. Перевод и анализ рунных надписей на скандинавских камнях-мемориалах может дать очень многое и филологам, и культурологам, и историкам разных направлений: регионального, глобального, концептологического, стилистического. Не говорим уже о направлениях наиболее универсальных: социальном (включая социолингвистику), религиозном (включая мифопоэтику), патриологическом (включая кросс-культурные исследования).

2. При этом (что вообще характерно для теории и практики перевода) любая дополнительная научная информация становится толчком для обновления и/или расширения круга переводов. Верно и обратное: любые новые переводческие опыты добавляют нечто новое в широкий круг социально ориентированных дисциплин.

3. Так, выполненный нами анализ и практический опыт переводов средневековых рун позволяет по-новому взглянуть на взаимодействие Северной и Южной Руси и Скандинавии, на сочетание процессов христианизации и межкультурных коммуникаций в Восточной и Западной Европе. Результаты работы подтверждают целесообразность их использования при модернизации вузовских образовательных стратегий в новых российских, общемировых и крымских условиях.

Приложение 1. Рунные надписи Швеции. Пер. со старошведского Марины Новиковой (2017). 1.1) Сьютский камень. Руна, с нею Сигурда / Отыскали Опира, / Чтобы руны высек он / В память четверых сынов / Руниных – вдова она, / Ей невестка – Сигурда, / Спялбуду жена была, / Ныне же вдова. / А Спялбуд, и Свен, и с ним, / Андват брат и Рагнар брат, / Смерть сыскали в Хольм-гарде, / В Новгороде встретили. / В храме похоронены / В честь Святого Олафа. 1.2) Гордбийский камень. Столп Гертруда ставила / В память сына Свена, / В битвах благородного. / Хильдеборген, брат его, / Спит в Руси-ГардАрике. / Резал эти руны Бренд, / Чётко чтоб читались. 1.3) Веда камень. Труд сей Торстен выполнил / В память сына Эрнмунда, / Сыну своему сваял. / Деньги на надел земли / В деле дальнем он нажил / На Руси – в ГардАрике. 1.4) Березанский камень. Гранил гроб гранитный / Гране для товарища. / Карлу компаньону, / Другу делал верному. 1.5) Альмаре-Стакский камень. Руны резать заказала / Ингеруна, Харде дочь, / В память о самой себе. / На Восток намерилась / Ехать во Ерусалим. / Резал эти руны Фальт. 1.6) Тюрингский камень. Были братья brave, / В первых поля пахари, / И в походах первые. / А своих содружников / Содержали хорошо. 1.7) Сьон-Хемский камень. Родовисл со РодлАвою / Валуны воздвигли тут / В память сыновей троих, / А один в

честь Родфоса, / Предан он в походе был / Воинами влахами. / Боже, дух его прими, / Боже, отступись от тех – / От его отступников [9].

Приложение 2. Эста камень. han : fial : i : hulmkarþi : skaiþar : uisi : miþ : skibara : Сьюиста камень. an : uar : taubr : i : hulmkarþi : i : olafs : krikí : Веда камень. þurtsain : klarþif : tir : irenmuni : sun : sin : aukaubti : pinsa : bu : auk : afiaþi : austr : i : karpum : Березанский камень. krani : kerþi : half : pisi : iftir : kal : fi : laka : sin : [12].

Список использованных источников.

1. Бахметова А.Н. История Церкви: Рассказы из истории Христианской Церкви: От I-го века до половины XI-го. В 2 частях. Часть 2-я. – Изд-е Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 218.
2. Бондаренко Г., Корандей Ф., Королев А. и др. Кельтская церковь. М.: Деловой ритм, 2006. С. 82.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. С. 38– 42, 47– 49.
4. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. [Репринт изд. 1880-1882 гг.]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. С. 158.
5. Левицкий Я.А. Образование раннефеодальных скандинавских государств – Дании, Норвегии и Швеции // Всемирная история в 10 т. Т. III. Под ред. Н. А. Сидоровой и др. М.: Гос.издат. полит. лит-ры, 1957. С. 691– 693.
6. Новикова М. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина. М.: Наследие, 1995. С. 63 (Серия «Пушкин в XX веке». Вып. 1.)
7. Пашуто В.Т. Древняя Русь конца IX – начала XII в. // Всемирная история в 10 т. Т. III. Под ред. Н.А. Сидоровой и др. М.: Гос.издат. полит. лит-ры, 1957. С. 258-260.
8. Ротенберг Е. Искусство Скандинавских стран и Финляндии. Искусство Швеции // Всеобщая история искусств. Т. II. Кн. I. Искусство Средних веков. Под общ. ред. Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского. М.: Госиздат, «Искусство», 1960.
9. Рунные надписи Швеции. Пер. со старошведского М. Новиковой (2017) // Режим электронного доступа: <http://www.kfu.org.com>
10. Arne T.J. Den svenska runstenen från ön Berezan utanför Dnjepermynningen // Fornvännen, 1914. 44 f.
11. Haswell-Smith, Hamish. The Scottish Islands: A Comparative Guide to every Scottish Island. – Fully Rev. Edition. Canon Gate, Edinburgh, New York, Melbourne. 2004. P. 406– 497.
12. Jansson, Sven B.F. Runes in Sweden. Transl. Peter Foote. Gidlunds: Royal Academy of Letters, History and Antiquities, Central Board of National Antiquities, 1987. 187 p.

УДК 811.133

**АББРЕВИАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТ
ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ*****Т. М. Норец,***

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистика, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Е. Н. Дмитриева,

*студент I курса магистратуры, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является изучение формирования и функционирования аббревиации в современной печатной прессе Франции и определение места и значимости неологии. Для реализации поставленной цели были использованы следующие методы: теоретический анализ лингвистической литературы, сравнение, описание, наблюдение. В ходе работы была определена роль аббревиации при написании публицистических текстов, ее функции, виды и основные отрасли, в которых она используется. Изучение многофункциональности аббревиации позволяет сделать вывод о том, что данный способ сокращения является неотъемлемой частью современной французской прессы и в настоящее время процесс аббревиации обретает все большую популярность в печатных изданиях.

Ключевые слова: аббревиация, пресса, сокращения, язык, экспрессивность, краткость.

Summary. The purpose of this work is to study the formation and the functioning of abbreviation in the modern print press of France, and to determine the place and the importance of neology. To achieve this goal, such methods as theoretical analysis of linguistic literature, comparison, description, observation were used. As a result of work the role of using the abbreviation in publicistic texts, its functions and main branches where it functions were determined. The study of multi-functionality of abbreviation allows to draw a conclusion that this method of reduction is an integral part of the modern French press and, nowadays, the process of abbreviation becomes more and more popular in printing editions.

Key words: abbreviation, press, reductions, language, expressivity, brevity.

Современная французская пресса отражает все изменения, происходящие в окружающем мире и социуме. С ее помощью люди имеют возможность получить актуальную информацию, относящуюся к большому количеству отраслей и сфер общественной, политической, экономической жизни социума. Однако печатные издания отражают не только социальные изменения, но также языковые нововведения и тенденции французского

языка. Газеты и журналы Франции служат своеобразным «индикатором» для лингвистов, так как именно язык печатных изданий чаще всего первым фиксирует и вводит в употребление новые слова и выражения. По мнению Е. М. Чекалиной: «...язык газеты отличается наибольшей восприимчивостью к различным языковым инновациям...» [4, с. 6]. С помощью текстов прессы исследователи, изучающие становление и развитие языка, отмечают новые языковые образования и трансформации.

Анализируя границы стилевых жанров в печатной прессе, необходимо обратить внимание на тот факт, что они недостаточно четко определяются, и, в связи с этим, язык, который используют авторы при написании статьи, обладает некоторыми стилевыми особенностями. Во-первых, газетный стиль характеризуется наличием большого количества штампов, клише, профессиональных и жаргонных слов, узконаправленной лексики и т.д. Во-вторых, язык печатных изданий является подвижным, обладает экспрессивностью и лаконичностью. Чтобы заинтересовать читателя, журналисты стремятся использовать как можно больше выразительных средств языка: «Среди стилистических средств изобразительности и выразительности используются тропы, сравнения, гиперболы, аллегории, эвфемизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, цитаты. Очень сильным средством создания публицистичности выступают авторские обновления стилистических средств, т.е. намеренное изменение формы этих средств. Для выделения и подчеркивания тех или иных слов или словосочетаний применяется намеренное нарушение обычного порядка слов в предложении – инверсия, антитеза, риторический вопрос, вопросно-ответная структура высказывания» [1].

Главной целью всей французской прессы является максимально кратко и информативно передать актуальные новости, поэтому в текстах статей используются приемы, способствующие достижению данной цели. В число таких приемов входит процесс аббревиации. Термин «аббревиация» определяется Большим Энциклопедическим словарем как: «особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами» [5, с. 9]. Из этого следует, что главной характеристикой аббревиатуры является ее краткость относительно исходного слова. Процесс аббревиации в публицистических текстах выполняет сразу две функции: сокращение объема текста и экономия места на письме, а также придание экспрессивности представленному материалу. Краткость характеризует форму аббревиатур, в то время как экспрессивность характеризует содержание представленной информации.

Аббревиация подразделяется на несколько видов и основные из них активно используются журналистами при написании текстов статей. Исследователь-лингвист И. А. Цыбова предлагает следующую классификацию аббревиатур: «1) сокращение слов путем усечения (*truncation*); 2) сокращение словосочетаний (*siglaison*); и 3) словослияние

(*télescopage*)» [3, с. 92]. В текстах печатных изданий широко распространены все три типа представленных аббревиатур.

Первый вид аббревиации – усечение – характеризуется тем, что в лексических единицах отсекаются буквы или слоги. Такой тип сокращения подразделяется на два подвида: апокопа – отсечение нескольких последних букв или слогов в слове и афреза – отсечение начальных букв или слогов слова. Например, во французской газете «*Monde*» встречаются такие усечения: «...le prix de cent soixante *bus* électriques...» (autobus) [8]; «...les étudiants étrangers déjà présents dans le pays avant le *bac* ne sont plus pris en compte...» (baccalauréat) [8]; «...au classement général dans la catégorie *auto*» (automobile) [8]; «Et, en plus, il est très *sympa*...» (sympathique) [8]. Сокращение лексических единиц путем усечения не очень популярно на страницах печатных изданий, так как подобные слова считаются фамильярными и сленговыми, однако широко употребляются в разговорной речи жителей Франции. Тем не менее, в настоящее время наблюдается тенденция к возрастающему употреблению усечений в печатной прессе.

Следующим видом аббревиации, употребляющейся в печатной французской прессе, является сокращение словосочетаний. Такие сокращения пришли во французский язык из латинского и активно используются журналистами в текстах статей. Сокращенные словосочетания также называют инициальными сокращениями и они разделяются на две основные группы: алфаветизмы – сокращения, которые читаются и произносятся побуквенно, где каждая буква соответствует начальной букве сокращенного слова и акронимы – сокращения, которые читаются и произносятся как слова. Их различие состоит в том, что алфаветизмы, как правило, не имеют в своем составе гласной буквы, поэтому их чтение и произношение представляет затруднения для читателя.

Обе группы аббревиатур активно функционируют в текстах статей печатных изданий: «La direction et les syndicats de la *SNCF* sont d'accord sur le constat...» (Société nationale des chemins de fer français) [7]; «Les équipes du *SAMU* sont ainsi régulièrement invitées à travailler les différents gestes» (Service d'aide médicale d'urgence) [7]; «L'Occitanie et les *DOM* ont créé beaucoup d'emplois» (Département d'outre – mer) [7]. В некоторых случаях, авторы статей предоставляют расшифровку аббревиатуры, если данное сокращение не является общеизвестным и широкоупотребимым: «...plusieurs dirigeants du parti *Les Républicains (LR)* considèrent Emmanuel Macron...» [8].

Словослияние это вид сокращения, характеризующейся соединением основ двух слов в одну лексическую единицу. Подобные аббревиатуры чаще всего используются авторами статей для создания игры слов, придают тексту экспрессивности и выражают отношение автора к представленной информации. Газета «*L'Humanité*», например, использует такие сокращения: «Les «*mobinautes*» sont majoritairement des hommes...» ([*mob*]ile + [*inter*]nautes) [6]; «...une *foultitude* de dossiers apparaît...» ([*foul*]e + mul[*titude*]) [6]; «...laissant derrière elle des villages fantômes, dont les

orpailleurs hors-la-loi ont été expulsés...» ([or] + har[pailleur]) [6]. В некоторых случаях аббревиатуры, образованные с помощью словослияния, также расшифровывают: «La nouvelle boisson est un « *alicament* », aliment censé faire du bien, améliorer la santé» ([ali]ment + médi[caments]) [6]. Особенностью данного вида сокращения является возможность объединения абсолютно произвольных частей лексической единицы. Достаточно лишь того, чтобы в выбранной части слова можно было безошибочно определить исходную лексическую единицу.

Процесс аббревиации является достаточно продуктивным способом образования неологизмов. С расширением сфер употребления аббревиатур, в текстах печатных изданий все чаще употребляют именно сокращенный вид слов. Подобные сокращения укореняются в языке и используются в качестве новых обозначений тех или иных явлений или предметов. Образованные неологизмы постепенно вытесняют исходные лексические единицы и регистрируются в словарях.

Таким образом, можно отметить, что процесс аббревиации играет важную роль для печатной прессы Франции. Аббревиатуры широко распространены, как в устной, так и в письменной речи, позволяя избегать объемных лексических конструкций, тем самым экономя время при диалоге, место на бумаге и делая текст более выразительным и экспрессивным. К преимуществам аббревиации также можно отнести способность образовывать производные слова и неологизмы. Все перечисленные преимущества делают процесс аббревиации достаточно востребованным среди журналистов, поэтому в настоящее время он обретает все большую популярность в печатных изданиях.

Список использованных источников

1. Газетно-публицистический стиль [Электронный ресурс] // ДипломБА: информационная база студенческих учебных работ. 2016. URL: <http://diplomba.ru/work/81276>. (дата обращения: 12.01.2017).
2. Соколов В. С. Периодическая печать Франции: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 140 с.
3. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке: учебное пособие для ин-тов и фак. ин. яз. М.: Московский Лицей, 1996. 128с.
4. Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы: Лексико-семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 168 с.
5. Языкознание. Большой Энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
6. L'Humanité [Электронный ресурс] // Journal électronique. 2011 – 2016. URL: <http://www.humanite.fr/> (дата обращения: 05.01.2017).
7. Le Figaro [Электронный ресурс] // Journal électronique. 2016. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 08.01.2017).
8. Le Monde [Электронный ресурс] // Journal électronique. 2016 –2017. URL: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 10.01.2017).

УДК 811.133

**АРГОТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ*****Т. М. Норец,***

кандидат филологических наук, доцент, кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь.

А. В. Каминская,

студент I курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь.

Аннотация. Статья посвящена изучению арготических фразеологизмов во французском языке. Они употребляются в различных сферах деятельности человека, что придает динамическое развитие фразеологии современного французского языка.

Целью исследования является рассмотрение функционирования данных фразеологических единиц в литературе, СМИ, текстах песен современных исполнителей и определение значимости арготических ФЕ во французском языке. В ходе работы использовался комплекс лингвистических методов: метод частичной выборки лексических единиц, описательно-аналитический и индуктивно-дедуктивный методы. На основе представленного материала сделан вывод о том, что арготические фразеологизмы являются активным источником пополнения современного французского языка. Писатели, публицисты часто обращаются к этому лексическому пласту в поисках реалистических красок при описании окружающей действительности, поскольку употребление арго придает речи живость и образность.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеология, арго, арготизм, сниженная лексика, лингвокультурология, социолект.

Summary. The problem of the analysis of slang phraseological units as individual object of the phraseology is considered in the article. The purpose of this research is examining of the functioning of these phraseological units in the literature, media and French modern performers' lyrics is viewed. To achieve the purpose, such methods as partial selection of lexical units, description, analytical, inductive and deductive were used. As a result of the research slang phraseological units as an active source of the augmentation of the French modern language are determined. Writers and publicists often use this lexical rang in search of real paints describing appropriate sides of the surrounding reality, because the usage of argot makes language livelier and more figurative.

Key words: phraseological unit, phraseology, argot, argotism, subnormal lexis, linguo culturology, sociolect.

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью лингвокультурного фонда. Мы используем различные пословицы, поговорки, речевые штампы в повседневной жизни, и, не зная данный аспект языка, невозможно понять иностранную речь. Фразеология, как совокупность фразеологических единиц данного языка, является своего рода нишей, которая аккумулирует культурно-национальный опыт и традиции людей. Без знания фразеологизмов порой невозможно понять шутку или эмоции собеседника.

Поскольку язык является достаточно гибкой и нестабильной системой, на уровне лексики, происходят постоянные изменения, которые отображают и фразеологизмы, в силу своих социокультурологических свойств. Фразеологический состав языка фиксирует изменения, закрепляет систему образов, которые отображают специфику языка.

В связи с изменениями в языке в последние десятилетия, демократизация сознания привела к пополнению фразеологического фонда языка с помощью перехода просторечных, фамильярных и арготических единиц в язык общего употребления.

Арго выступает постоянным источником пополнения экспрессивного фонда современной фразеологии. Как отмечает В. С. Елистратов, необходимо убрать рамки в изучении арго, вывести данный социолект на более широкое поле исследования в области лингвокультурологии и лингвофилософии [4]. Он определяет арго как «единицу взаимодействия языка и культуры», а арготизм – как «коллективную языковую интерпретацию кванта культуры» [4, с. 80]. Данные положения В. С. Елистратова небезосновательны, поскольку за последние годы функционирование арготизмов значительно распространилось.

В настоящее время возрастает тенденция к использованию «субстандартных фразеологизмов» (В. М. Мокиенко), которые во многом связаны с культурой конкретного социума, субкультурой. Данные единицы составляют значительную часть фразеологического фонда французского языка. Они соединяют в себе специфику как фразеологизма, так и субстандартной (жаргонной) лексики.

Существуют различные интерпретации термина «субстандартный фразеологизм»: «жаргонный фразеологизм» [5], «арготический фразеологизм» [1]. Дефиниция данного термина также варьируется, например, В. Г. Гак предлагает определение, согласно которому арготический фразеологизм представляет собой неразложимую единицу, основанную на вторичной номинации объектов [3]. О. В. Степанова поддерживает данную характеристику неразложимости арготического фразеологизма, дополняя определение характеристикой компонентного состава. По мнению автора «арготический фразеологизм - это неразложимая единица языковой подсистемы вторичной номинации объектов, состоящая как минимум из двух знаменательных слов, одно из которых является арготизмом» [6; с. 81]. Э. М. Береговская отмечает парадоксальность арготического фразеологизма. «Как и всякий фразеологизм, он обладает

устойчивостью, а как арготизм – он весьма неустойчив» [1, с. 55]. В нашей работе используется термин «арготический фразеологизм», поскольку, по нашему мнению, он более четко отображает специфику данного исследования, а именно, лексема «арготический» связывает с лингвистическим понятием «арго» как видом социолекта, распространенным в современном французском языке. В данной работе понятие «арготический фразеологизм» определяется следующим образом: «неделимое словосочетание, созданное путем переосмысления компонентов, в состав которого входит лексема сниженного регистра языка».

Фразеологические единицы арго охватывают различные стороны повседневной деятельности, могут описать многие явления, характеризуют самые разные предметы, дают оценку внешних и внутренних качеств. Сфера распространения арготических фразеологизмов достаточно широка. Данные единицы употребляют многие слои населения, люди различного возраста и всевозможных профессий. Все больше арготические фразеологизмы употребляют СМИ (телевидение, радио, газеты), авторы литературных произведений и исполнители современных французских песен.

Лидирующие позиции в использовании арготических фразеологизмов занимают СМИ и современные французские авторы текстов песен. В данных сферах употребление ФЕ с арготизмом является провокационным элементом воздействия на народ. Авторы произведений используют данные фразеологизмы в качестве установления контакта с населением, для оценки жизненных реалий.

Например, современный французский исполнитель Стромэ, в своей песне «Кармен» («Carmen») изображает погоню за всемирным трендом – твиттером. Стромэ утверждает, что социальные сети захватили сознание людей. Человек проводит большое количество времени в виртуальном мире, с придуманной популярностью, «искусственными» друзьями, которые скрываются за ненастоящими улыбками, и в итоге, человек все равно остается одиноким. Стромэ предостерегает людей от потребления этого продукта прогресса:

«On est bleu de lui» – «Мы от него зависим» [11].

В другой песне «И мы танцуем!» («Alors on dance») Стромэ описывает рутинную жизнь офисного работника, который находится в состоянии стресса и хочет отдохнуть. Исполнитель говорит о том, что у каждого в жизни есть проблемы, люди погрязли в них и не могут найти времени для того, чтобы отвлечься от рутины:

«Qui dit taf te dit les thunes.» – «Кто говорит о страхе, говорит тебе о деньгатах», «Ca t'prends les trips ca te prends la tête.» – «Это унесет тебя, это снесет тебе голову» [11].

Употребление арготических единиц в СМИ позволяет более точно и быстро передать смысл и оценку, более того, довольно часто данные

арготизмы не имеют аналога в общеупотребительном французском языке. В основном арготические единицы используются журналистами в определенных тематических рубриках. Эти разделы связаны чаще всего с популярными трендами в жизни молодежи, новинками в сфере моды, инновациями техники, с проблемами в жизни людей. Достаточно часто арготические единицы используются для отображения действительности, передачи жизненных реалий, которые окружают общество:

«avoir la peau de qqn» – «прикончить кого-либо»: «Les Mousquetaires ont eu la peau de leur chef» [9].

«s'en foutre» – «наплевать»: «Trier, recycler, manger bio ? Non. L'écologie, je m'en fous» [8].

Анализ источников показал, что среди сфер функционирования арготических ФЕ, художественная литература, в силу своей консервативности, в наименьшей мере заимствует данные фразеологические единицы. Использование арготических фразеологизмов в литературных произведениях служит стилистическим инструментом, дополняющим внешнее описание и эмоциональную характеристику героя. Например, наличие арготизмов особенно заметно в литературных произведениях, посвященных современным проблемам: культуры, самоопределения, денег и т.д. Например, в детективном романе Ж. Сименона:

« avoir un verre dans le nez» – « быть под хмельком»: «P'tit Louis revenait sans ses bottes mais avec quelques verres dans le nez une casquette de voyou sur la tete, des savates aux pieds», «se flanquer la cuite» – «устроить себе пьянку»: «Cette fois-ci, ils ont peut-etre d'autres raisons de se flanquer la cuite... » [10].

Писатель стремится быть как можно ближе к простому, среднестатистическому читателю, употребляя эмоциональную, обиходную лексику. Эмоционально-экспрессивная и контактоустанавливающая функция арготических фразеологизмов увеличивает интерес носителей к их использованию для привлечения внимания собеседника, достижения взаимопонимания.

Таким образом, арготические фразеологизмы все больше употребляются в различных сферах деятельности человека, что придает динамическое развитие фразеологии современного французского языка.

Исследование фразеологизмов сниженного регистра расширяет свои границы. Работы по данной теме пишут такие исследователи как О. В. Степанова, В. М. Мокиенко, Э. М. Береговская [1, 2, 5, 6, 7]. Однако арготический фразеологический фонд является наименее изученной стороной фразеологии, и до сих пор не был рассмотрен как самостоятельный объект исследования. Тем не менее, все функции, выполняемые арготическими фразеологизмами, дают основание полагать, что изучение данного пласта фразеологического фонда является перспективным направлением в социолингвистике. С одной стороны,

данные единицы отражают изменчивость живого французского языка, с другой стороны, представляют социокультурное видение мира общества, закрепленного в лексических единицах данной подвижной и изменчивой специфической подсистемы языка.

Список использованных источников

1. Береговская Э. М. Фразеологизмы арго как специфический взгляд на мир // Фразеология в контексте культуры. М.: Яз. Рус. культуры, 1999. С. 108–113.
2. Береговская Э. М. Французское арго: эволюция его восприятия // Филологические науки. М., 1997. – № 1. С. 55–65.
3. Гак В. Г. Фразеология, образность и культура // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. 260 с.
4. Елистратов В. С. Арго и культура. М., 1995. 232 с.
5. Мокиенко В. М. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Фразеология в контексте культуры. Ма, 1999. С. 80–85.
6. Степанова О. В. Синонимическая субституция во фразеологии французского арго // Проблемы идиоэтнической фразеологии: Сб. докладов. СПб, 2000. С. 81–86.
7. Степанова О. В. Культурологический аспект фразеологии французского арго. Дисс. канд. фил. наук. М., 2002. 174 с.
8. Deffontaines C. [Resource électronique] // L'OBS.2015. – Mode d'accès: URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/planete/cop21/20151113.OBS9404/trier-recycler-manger-bio-non-l-ecologie-je-m-en-fous.html> (дата обращения 19.11.2016).
9. Capital [Resource électronique] – 2002. – № 133 – Mode d'accès: URL <http://www.capital.fr/> (дата обращения 10.12.2016).
10. Simenon G. Au rendez-vous des Terres-Neuves [Resource électronique] – 2003. – Mode d'accès: URL: <https://ru.scribd.com/document/237756140/Maigret-09-Au-Rendez-Vous-Des-Terre-Neuves-Simenon-George> (дата обращения 15.10.2016).
11. Paroles de chansons [Resource électronique] – Mode d'accès: URL <http://www.paroles.net> (дата обращения 15.12.2016).

УДК 82-31

ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ШПИОНСКОГО РОМАНА ДЖЕФРИ АРЧЕРА «ОДИННАДЦАТАЯ ЗАПОВЕДЬ»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная работа посвящена анализу жанровой матрицы шпионского романа Джеффри Арчера «Одиннадцатая заповедь».

В исследовании предпринимается попытка проанализировать развитие жанра шпионского романа в начале XXI века, в контексте происходящих исторических событий, с учётом факта причастности автора тем или иным образом к деятельности британских спецслужб. Автор анализирует шпионский роман Джеффри Арчера с точки зрения его жанровой идентификации, наличия жанровой матрицы и дальнейшего влияния на развитие жанра английского шпионского романа в целом.

Ключевые слова: шпион, жанр, жанровая доминанта, роман, герой.

Summary. This research is dedicated to the analysis of the genre matrix of the Jeffrey Archer spy novel “The Eleventh Commandment”. In the investigation the attempt is taken to analyze the development of the spy novel genre at the beginning of the XXI st century in the context of historic events, taking into account the Jeffrey Archer’s work in the state intelligence service. The author analyzes Jeffrey Archer’s spy novel from the point of view of its genre identification, genre matrix and its further impact on the development of the English spy novel.

Key Words: spy, genre, genre dominant, novel, protagonist.

В период тотального переформатирования мироустройства и реидентификации государств на мировой арене необходимо уделить внимание творчеству наиболее ярких представителей жанра шпионского романа в современном литературном пространстве. **Джеффри Арчер** [1] родился в городке Марк (графство Сомерсет) в семье профессионального военного. Учился в оксфордском колледже Брейсноуз, затем получил диплом спортивного тренера. С 1968 года, практически со школьной скамьи, стал председателем правления собственной фирмы «Эрроу Энтерпрайзиз», год спустя был избран в английский парламент, где провел пять лет. Впоследствии занимал ряд не менее значительных должностей, в том числе был в 1985-1986 году заместителем председателя партии консерваторов (по протекции Маргарет Тэтчер – большой поклонницы творчества Арчера). В указанный период, до его возвращения в большую политику, принимал участие в аналитических разработках политического геопланирования мировых территорий после распада СССР. Указанный отдел является одним из ведущих подразделений разведки Великобритании. Примечательным событием стало появление его романа «Одиннадцатая заповедь» [1], **протагонистом** которого автор изобразил Коннора Фицджеральда. Протагонист представлен автором как: «... образцовый американец, кавалер Почетной медали Конгресса, хороший семьянин. Но последние двадцать восемь лет он ведет двойную жизнь: мало кто знает, что он – сверхсекретный агент ЦРУ. Совсем скоро Фицджеральд уходит в отставку. Ему осталось выполнить одно, последнее задание» [1, с. 25]. Автор визуализирует его образ так: «белый мужчина, за 50, рост сантиметров 185, вес около 95 килограммов, небрит, темные, непослушные, вьющиеся волосы, одет как иностранец, говорит с иностранным акцентом,

но не американец» [1, с. 42]. Протагонист – физически развит, силен, обладает цепкой памятью и острым умом. Его социальный статус достаточно высок – он офицер спецподразделения американской разведки: «Вернувшись с войны, Коннор начал искать работу. Он уже прошел собеседование в чикагском отделении ЦРУ, когда бывший командир взвода капитан Крис Джексон пригласил его в специальное подразделение, создаваемое в Вашингтоне. Коннора предупредили, что его деятельность будет иметь такой характер, что он никогда не сможет обсуждать ее ни с кем, в том числе и с собственной женой» [1, с. 18]. Отдел в ЦРУ, в котором работает протагонист официально вообще не существует. Вся его деятельность обусловлена приказами вышестоящего начальства. Таким образом, «эпосным» признаком в романе выступает протагонист, который спасает мир от сил Зла, тем самым приводя в равновесие Порядок и Хаос, выступая при этом на стороне порядка. Протагонист получает задание: «Коннор появился на площади Лафайетта первым и уселся на скамейку лицом к Белому дому. Через несколько минут на другой ее конец опустился Ник Гутенберг. – Президент лично потребовал, чтобы вы взяли за эту работу, – чуть слышно произнес Гутенберг. – Он хочет, чтобы ей занялся лучший специалист. – Коннор, исход выборов в России будет иметь далеко идущие последствия для всего свободного мира. Если выберут параноика Зеримского, мир на следующий день вернется к холодной войне. – В этом нет необходимости, – ответил Коннор. – Я возьмусь за это задание, но при одном условии: мне нужны доказательства того, что операция санкционирована президентом» [1, с. 51]. Неофициальное прикрытие протагониста – страховая компания «Мерилэнд иншуранс». «Социальные маски», которыми пользуется протагонист, – разнообразные: от уличного попрошайки до псевдо политика.

Антагонистом в романе выступает Хелен Дэкстер. Несмотря на тот факт, что антагонист женщина, она является достойным противником для него. Автор изображает её следующим образом: «Это была миловидная хрупкая девушка, образ которой никак не вязался с директором центрального разведывательного управления. На Хелен Декстер был элегантный темный костюм, под которым виднелась простенькая кремовая блузка. Драгоценности она надевала очень редко. Президент Форд, назначая ее, тридцатидвухлетнюю, на пост заместителя директора ЦРУ, думал, что это временно – лишь бы потрафить феминистскому лобби за несколько недель до выборов 1976 года. Но где он теперь, этот Форд?» [1, с. 37]. Целью антагониста является компрометация президента США, с целью его дальнейшего свержения с поста. Силы, для осуществления запланированного переворота были задействованы внешнеполитические: представители спецслужб Российской Федерации, которые своим присутствием должны были отвести от неё подозрения. **Повествование** в романе во многом обусловлено эмпирическим опытом биографического автора, который детально описывает методы и принципы работы

спецслужб. Его аналитические изыскания в прогнозировании событий и моделировании ситуации невероятно точны. Документальность в повествовании в жанре шпионского романа является характерной чертой и достигается с помощью искусного сплетения вымысла и исторических фактов.

Событие встречи протагониста и антагониста реализовано автором в виде сговора союзников и антагониста против протагониста. Возможно, характерной чертой шпионских романов конца XX начала XXI столетия является скорее информационное и технологическое противостояние, чем открытое физическое. В данном романе протагонист встречается с антагонистом не напрямую, а через информационную войну, создание ложных информационных пространств с помощью третьей стороны: «– Вы абсолютно уверены, что не останется никаких следов его работы на нас? – спросила Хелен Декстер. – Абсолютно, – ответил Гутенберг. – Не забывайте, что, будучи нелегалом, он не числится ни в каких списках» [1, с. 285]. Представленная цитата подтверждает не прямое событие встречи.

Мотив события обусловлен профессиональной компетентностью протагониста, для которого приказ вышестоящего начальства не подлежит обсуждению, соответственно все жертвы, полученные в ходе проведения операции – оправданы. Подобным мотивом руководствуется и антагонист, однако, при этом, помимо выполнения приказа, она преследует глубоко завуалированные корыстные личные мотивы, превращаясь в банального «злодея», но только мирового масштаба.

Персонажная парадигма романа представлена в полиполярном виде: представители протагониста – его друг и сочувствующие ему персонажи, представители антагониста, представители ГРУ Российской Федерации. Полиполярная сюжетная организация является характерной для современного шпионского романа, так как является логичным следствием изменения политической картины мира.

Сюжет романа организован как нравственная эволюция протагониста, который, пройдя весь путь от младшего офицера, до профессионального специалиста достигает апогея своей эволюции в указанном романе. Его последнее дело перед выходом на пенсию становится его высшей моральной точкой. Эволюция в глазах окружающего мира и социума становится основополагающей единицей сюжета. Понимание протагонистом опасностей, на пути к высшей точке делают его победу ещё более значимой. **Любовная линия** в романе представлена в духе «чистых» викторианских семейных традиций. Протагонист боготворит свою жену, которая стала смыслом его жизни и той связующей нитью, которая держала Коннора во время вьетнамского плена: «С этого момента Коннор никогда больше не смотрел на других женщин. Они поженились через две недели после того, как Мэгги с отличием закончила университет. Но их медовый месяц длился лишь четыре дня – в июле 1972 года младший лейтенант Фицджеральд отбыл во Вьетнам» [1, с. 36].

Окружающая обстановка изображена автором в серых тонах, по сути, определяющих шпионские будни. Автор не задействует фон событий как дополнительный литературный инструмент воздействия или создания определённой атмосферы.

Таким образом, по нашему мнению, проанализировав роман с позиции наличия в нём жанровых кодов жанровой матрицы шпионского романа, можно утверждать, что роман Джеффри Арчера «Одиннадцатая заповедь» является шпионским романом. Роман Арчера не выходит за рамки формирующейся традиции написания шпионских романов указанного периода. В идентификации образа протагониста явно прослеживается типологическое сходство с собирательным образом героя – шпиона – разведчика английских шпионских романов конца XX – начала XXI века.

Список использованных источников

1. Арчер Дж. Одиннадцатая заповедь. М.: Захаров, 2008. 349 с.
2. Норец М.В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. 364 с.
3. Норец М.В. Теоретико-методологические основы формирования жанра шпионского романа в современном литературоведческом дискурсе // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: науч.-практ. конф., 2-4 окт. 2015 г.: тезисы докл. Севастополь, 2015. С.60–62.

УДК 82.091, 801.733, 81'22: 347.78.034

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА АЛЛЮЗИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ

Е. Э. Овчарова,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента энергетики и природопользования, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья основана на материале перевода аллюзий в тексте статьи Ш. Бодлера «*Petrus Borel*», входящей в цикл «*Réflexions sur quelques de mes contemporains*». В тексте Бодлера есть отсылки к библейским текстам, известным в его время историческим анекдотам, жаргонным словечкам, бытовавшим среди романтиков, а также к литературным мистификациям, о которых мало что достоверно известно. Достаточно сложно, если вообще возможно, сделать понятным перевод реалий, практически неизвестных российскому читателю, что влечет за собой необходимость использования комментария переводчика.

Ключевые слова: аллюзии, литературный перевод, романтизм.

Summary. The paper concerns some problems which occurred in the translation process of Ch. Baudelaire's paper «*Petrus Borel*» (from «*Réflexions sur quelques de mes contemporains*»). There are some references which are impossible to translate directly. Baudelaire used links to biblical texts, historical anecdotes, jargon words of adepts of romanticism, literary hoaxes, practically

unknown to modern readers. In this case the translator's comments are absolutely necessary although they encumber the text of translation.

Key words: allusions, literary translation, romanticism.

В тексте небольшой статьи Ш. Бодлера «Петрюс Борель» («*Petrus Borel*»), которая была впервые опубликована опубликована в «Ревю фантазист» («*Revue fantasiste*») 15 июля 1861 г., можно отметить сразу несколько аллюзий, заслуживающих при переводе особого внимания. Разумеется, что лучше всего было бы по возможности избегать комментариев и стараться передать смысл прямо в тексте перевода. Однако в некоторых случаях это может привести к неоправданным дополнениям оригинального текста, что нежелательно. Ниже перечислены несколько случаев, когда без комментариев к переводу обойтись не удастся.

Говоря о продажности современных ему писателей, Бодлер употребляет выражение *le champ du potier* (земля горшечника): «Il a, en somme, une couleur à lui, une saveur *sui generis*; n'eût-il que le charme de la volonté, c'est déjà beaucoup ! mais il aimait férocement les lettres, et aujourd'hui nous sommes encombrés de jolis et souples écrivains tout prêts à vendre la muse pour le champ du potier» [1, с.760]. «Резюмируя, отмечу, что ему свойственен некий особый колорит, пикантность *sui generis*; даже если бы он обладал только обаянием силы воли, уже этого было достаточно! но он неистово обожал литературу, тогда как сегодня предостаточно авторов, изворотливых и приятных публике, готовых продать свою музу за землю горшечника» (здесь и далее – перевод Овчаровой Е. Э.).

Это выражение восходит к Евангелию от Матфея: «И они взяли тридцать сребреников, цену, которой оценили сыны Израиля оцененного, и отдали их за землю горшечника, как и сказал мне Господь» (Мф. 27: 9–10). Одна из трактовок этого эпизода состоит в том, что первосвященники не могли взять обратно деньги Иуды, и они на эти деньги купили землю под кладбище для странников, «поле горшечника» (в традиции русского канонического перевода – «земля горшечника»).

Русскоязычному читателю «земля горшечника» практически неизвестна. Речь, конечно, не идет о тех, кто хорошо знает Новый Завет, но таких сейчас не очень много, хотя бы оттого, что новая волна религиозности в России не связана, большей частью, с изучением религиозных текстов. Возникает проблема, как передать эту фразу. Напрашивается замена «земли горшечника» на «тридцать сребреников», тогда фраза становится понятна любому образованному читателю. Соколова Татьяна Викторовна в своей вступительной статье к готовящемуся изданию романа П. Бореля «Мадам Потифар» пишет: «И все-таки он [Бодлер – Е.О.] признает за писателем своеобразное очарование, «свой колорит, вкус *sui generis*» и противопоставляет его множеству «приятных и податливых авторов, готовых продать Музу за тридцать сребреников». И добавляет в

примечаниях: «Там же, с. 759. Во французском тексте – «pour le champs du rotier» (как землю горшечника) – намек на библейский эпизод (Матф., 27, 5-10): земля горшечника была куплена первосвященниками на тридцать сребреников Иуды после того, как он, раскаявшись, бросил их в храме; так как эти деньги были получены за предательство, их нельзя было положить в церковную сокровищницу и на них купили землю для погребения странников».

Речь действительно идет о продаже таланта за деньги, что Бодлер действительно рассматривает как высшее предательство, подобное предательству Иуды. Но «тридцать сребреников» в данном конкретном случае означает прямо отрицательную коннотацию в данной фразе по отношению к этим ловким писателям. Надо учесть, что «тридцать сребреников» были известны Бодлеру также хорошо, как и «земля горшечника», но он выбрал второй образ. Можно предположить, здесь есть оттенок совершенно напрасной и трагической **растраты** таланта, а не **предательства**, которую однозначно означает перемена на «тридцать сребреников». Так что вполне правомерен буквальный перевод фразы с одновременным пояснением переводчика в примечаниях, что и было выбрано при публикации перевода статьи Бодлера.

Нуждается в существенных пояснениях и упомянутый в конце статьи Табарен (Tabarin). Надо отметить, что это весьма примечательный сюжет, который выводит на почти детективное расследование.

Табарен – псевдоним известного парижского комического актера XVII в., выступавшего в уличном театре. Он был также и комедиографом, предшественником Мольера. Двухтомник его пьес издавался многократно и хорошо известен специалистам.

Бодлер говорит об этом персонаже в связи со своей уверенностью в предполагавшемся и анонсированном автором последнем романе Бореля «Табарен»: «Comme nous achevions, l'an passé, d'écrire ces notes, trop sévères peut-être, nous avons appris que le poète venait de mourir en Algérie, où il s'était retiré, loin des affaires littéraires, découragé ou méprisant, avant d'avoir livré au public un *Tabarin* annoncé depuis longtemps » [1, с. 760]. «Когда год назад мы заканчивали писать эти заметки, возможно, слишком резкие, мы узнали, что поэт недавно умер в Алжире, куда он, удалился от литературных дел, полный презрения и утратив всякую надежду на понимание, оставив нам «Табарена», давно уже анонсированного».

Следы существования этого романа обнаружить непросто. А. Мари, биограф Бореля, в своей книге, изданной в 1922 году [5, с. 195–196], помимо подробного описания изданий Бореля, перечислил несостоявшиеся проекты этого автора, куда Мари относит и Табарена. Л. Дером, автор известной книги [2, с. 127], сообщает, что Табарен никогда не выходил, также, как и не была опубликована отдельным изданием заявленная там же «Jeanniketta» (опубликована [3]).

Вполне можно утверждать, что, по крайней мере, в XIX в. это издание никогда не выходило в виде отдельной книги, заявленного двухтомника – а, скорее всего, вообще никогда не публиковалось, хотя его название, как было сказано выше, вместе с выходными данными приводится на последних страницах первого издания «Мадам Потифар».

Надо заметить, вопрос о несостоявшихся проектах Бореля до сих пор не привлекал в должной мере внимания исследователей. Причина этого неясна. Здесь чрезвычайно много интригующих тем для обсуждения. Интересна, например, дискуссия в библиофильском издании «Le Petite revue» 1863 г. между биографом Бореля Ж. Кларети (1840–1913, Claretie) и неким библиофилом, скрывшемся под псевдонимом Z. и пожелавшем остаться неизвестным, по поводу изданного в Бельгии двухтомника, где автором первого тома под заглавием «Мадам Изабель» был заявлен Борель. По поводу этого издания приводится письмо Z., убедительно доказывающего, что эта книга не принадлежит Борелю и не повторяет парижское издание 1837 года под тем же названием. Здесь надо заметить, что тема дискуссии представляется загадкой, поскольку среди заглавий изданных книг Бореля «Мадам Изабель» не встречается, да и 1837 год для Бореля ознаменован работой и изданием его самого известного художественного творения, романа «Мадам Потифар» [6].

Заслуживают также отдельного комментария и употребляемые Бодлером словечки *Bousingots* или *Bousingo* из лексикона «малых романтиков». Эти названия вошли в лексикон «малых романтиков» из английского морского жаргона (*bousin* – «трактир самого дурного пошиба», «шум», а также «матросский картуз»), и были частью рефрена популярной в их среде серенады. В 1830-х годах служило как наименованием тех, кто входил в круг «малых романтиков», так и обозначением для человека демократических взглядов. Бодлер пишет: «Plus tard, la mélancolie prit un accent plus décidé, plus sauvage et plus terrestre. Un républicanisme misanthropique fit alliance avec la nouvelle école, et Pétrus Borel fut l'expression la plus outrecuidante et la plus paradoxale de l'esprit des *Bousingots*, ou du *Bousingo* ; car l'hésitation est toujours permise dans la manière d'orthographier ces mots qui sont les produits de la mode et de la circonstance» [1, с.759]. «Позже, меланхолия обрела гораздо более определенное звучание, свободное и более современное. Мизантропический республиканизм соединился с новым течением, и Петрюс Борель стал выражением наиболее дерзкого и парадоксального духа *Bousingots* или *Bousingo*; допускалось разное написание этих названий, что диктовалось всегда модой и обстоятельствами». Об этом термине биографы и библиографы пишут достаточно много, чтобы оно стало темой отдельного исследования.

Когда Бодлер говорит о затейливой орфографии Бореля, в тексте статьи возникают вдруг некие мифические кухарки Вольтера: «Enfin, la bizarre orthographe qui se pavane dans *Madame Putiphar*, comme un soigneux outrage fait aux habitudes de l'œil public, est un trait qui complète cette

physionomie grimaçante. C'en'est certes pas une orthographe mondaine dans le sens des cuisinières de Voltaire et du sieur Erdan, mais, au contraire, une orthographe plus que pittoresque et profitant de toute occasion pour rappeler fastueusement l'étymologie» [1, с.758]. «Наконец, «Мадам Потифар» украшена весьма странной орфографией, весьма продуманной, но непривычной глазу читателя, вызывающей, похожей на странно гримасничающую физиономию. Не то, чтобы это была орфография как для известных кухарок Вольтера или фонографическая система господина Эрдана, напротив, это орфография более чем выразительная, она дает простор для самой роскошной этимологии».

Можно предположить, что здесь идет отсылка к историческому анекдоту, описанному в книге [7], который никак нельзя объяснить читателю иначе, чем отсылкой к комментарию. Речь идет о том, что книга о природе должна быть написана так просто, чтобы ею заинтересовались и смогли прочесть кухарки. Упомянутый же Бодлером А. Эрдан (1826-1878, Erdan), в свое время был знаменит как защитник фонографического принципа в орфографии.

Acknowledgements

Автор выражает глубокую благодарность Татьяне Викторовне Соколовой, доктору филологических наук, профессору Санкт-Петербургского университета, за помощь и поддержку, без которых данная работа никак не смогла бы состояться. Также выражаю благодарность Георгию Александровичу Велигорскому, редактору издательства «Ладомир», за чуткое и доброжелательное отношение, в немалой степени способствовавшее успешной работе над переводом.

Список использованных источников

1. Baudelaire Ch. Pétrus Borel /Curiosité esthétiques. L'Art romantique, XVI : Réflexions sur quelques-uns de mes contemporains. Paris: Classiques Garnier. 1999. XCI. 958 p.
2. Derôme L. Les éditions originales des romantiques. Bio-bibliographie romantique. Première partie. Paris: Edouard Rouveyre. 1887. 224 p.
3. La Presse, 23-24 juillet, 1839.
4. Les éditions originales de Romantiques, I-II. Genève: Slatkine reprints, 1968. 452 p.
5. Marie A. Petrus Borel le lycanthrope : sa vie et son oeuvre: suivie d'une bibliographie, 1922. 232 p.
6. Steinmetz J.-L. Pétrus Borel: un auteur provisoire. Lille: Presses universitaires de Lille. 1986. 224 p.
7. Mazure F.-A.-J. Vie de Voltaire. Paris: Alexis Eymery, 1821. 345 p.

УДК 82-344

**СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ
РОБЕРТА ЭНТОНИ САЛЬВАТОРЕ «ДВА МЕЧА. ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ»****В. В. Панычев,***студент 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь***М. В. Норец,***доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является определение своеобразия системы образов в саге Роберта Сальваторе «Два меча. Темный эльф». Для достижения поставленной цели автором были применены следующие методы: аналитический метод, метод исследования научной литературы, метод системного анализа текста, структурный анализ. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу об относительности ролей героя и антигероя, а также акцентирует внимание на описании окружающей обстановки, в которой находятся герой и антигерой в литературном мире. Автор рассматривает жанр фэнтези, как один из малоизученных жанров. Данный подход объясняется отсутствием комплексных исследований жанровой структуры фэнтези, а также отсутствием историко-литературной рецепции предложенной автором теоретической проблемы.

Ключевые слова: образ, система образов, Сага, Р. А. Сальваторе, «Два меча. Тёмный эльф».

Summary. The aim of this work is to determine the identity of system of images in Robert Salvatore's saga "Two swords. Dark Elf". To achieve the goal the author used the following methods: analytical method, the study of the scientific literature, the method of the text system analysis and structural analysis. As the result of the work the author reaches conclusion about the relativity of roles of the hero and anti-hero and focuses on the description of the environment in which hero and anti-hero appear in the literature world. The author considers the fantasy genre as insufficiently explored. This approach is explained due to the comprehensive studies of the fantasy structure genre and the lack of literary-historical reception of theoretical problems offered by the author.

Key words: mage, System of Images, Saga, R.A. Salvatore, Two swords. Dark Elf.

Определение термина «образ» является одним из наиболее сложных и противоречивых вопросов в современной теории литературоведения. Данный термин используется в нескольких значениях. В наиболее широком понимании образом называют специфическую форму отражения и познания

действительности в искусстве, в отличие от тех форм отображения, которые используются, например, в науке, где акцент переносится на максимально общие, повторяющиеся свойства реальности (понятия), а с другой – в повседневной жизни, где важны, в первую очередь, конкретно-ситуативные характеристики явления. Кроме того, от повседневных форм представления действительности художественный образ отличается, во-первых, своей эмоциональностью, точнее, установкой на подчеркнуто-эмоциональный характер выражения той мысли, формой проявления которой является чувственный образ. Во-вторых, художественный образ отличается обобщённостью своего значения, иначе говоря – это не копия действительности, а воплощение более общего, чем конкретно-фактологическое значение.

Классическим является определение художественного образа, которое дал в свое время Л. И. Тимофеев: «Образ – это конкретная и одновременно обобщённая картина человеческой жизни, которая создана при помощи вымысла и имеет эстетическое значение» [3, с. 60].

Группа вторичных значений понятия «образ» появляется в связи с необходимостью обозначения внутренней специфики конечного результата форм образного мышления, то есть его материального воплощения с помощью красок (живопись), звуков (музыка), слов (литература).

Относительно литературно-художественного произведения с этой точки зрения образами называют как отдельные словесные представления, так называемые «микрообразы» или «словесные образы», под которыми понимают тропы и синтаксические фигуры, так и более значимые смысловые единицы текста, к которым относят изображенных в произведении людей и животных (образы-персонажи), их природное (образы-пейзажи) и вещественное (образы-интерьеры) окружение.

В особую группу образов литературного произведения выделяют образ автора и образ читателя. Под образом автора понимают явление воплощения самого автора-творца в созданном им тексте. Под образом читателя – явление включенности его в текст, учета и предугадывания автором потенциальных читательских оценок того, о чем рассказывается в тексте.

Обобщив все выше сказанное, можно сделать вывод, что художественный образ в его наиболее общем значении представляет собой систему конкретно-чувственных средств воплощения художественно освоенной реальности, которая не просто воспроизводит единичные факты, а сгущает, концентрирует существенные для автора стороны во имя их оценивающего осмысления.

В данном исследовании в фокус исследователя попадает образ только в одном из его узких значений, а именно: образы-персонажи через их внешнюю характеристику, частичное описание внутреннего, духовного мира, а также взаимоотношение с другими образами-персонажами.

В монографии «Генезис жанра шпионского романа в английской литературе» М. В Норец [2] предлагает термин «протагонист», которое, на наш взгляд, не несёт необходимого коннотативного значения, что является принципиальным для жанра фэнтези. Слово «герой» имеет ярко выраженный позитивный подтекст, подчёркивает необычность, исключительность изображаемого субъекта. Изначально термин «герой» («heros» – греч.) означал «защищать и служить» и обозначал полубога или обожествленного человека. В Античности героями были либо полукровки, родившиеся у земных женщин от небесных богов, либо выдающиеся мужи, прославившиеся своими военными подвигами или путешествиями.

Художественный образ представляет собой конкретную картину отдельной человеческой жизни, центром которой является определённый субъект, а главными элементами – все события и обстоятельства его существования. Так, яркими примерами образа могут быть Шерлок Холмс и Арамис, Том Сойер и Евгений Онегин. Литературный герой – лицо ярко индивидуальное и в то же время однозначно социальное, то есть он порожден общественной средой и межличностными отношениями. Когда он вступает в отношения с другими персонажами художественного произведения, возникает многообразие образов или система.

Однако как нет однозначности в толковании понятия «образ», так до сих пор не существует и развернутого определения системы образов. Такого определения не дают ни «Краткая литературная энциклопедия», ни учебные пособия по теории литературы, исключая только учебник «Введение в литературоведение» под ред. Г.Н. Пospelова, где мы можем прочитать следующее: «Персонажи, в своей совокупности составляющие систему, – это, как видно, сторона литературно-художественного произведения, наиболее тесными узами связанная с содержанием. И при уяснении идеи эпического или драматического произведения важно понять, прежде всего, функцию системы персонажей – ее значение и смысл. Именно с этого естественно начинать рассмотрение новеллы или романа, комедии или трагедии» [1, с. 161]. Однако как мы видим, здесь также не хватает академической чёткости в определении.

На некоторых аспектах системы литературных образов останавливается советский специалист по русской литературе XIX века, уделявший особое внимание проблемам литературного мастерства, А. Г. Цейтлин в своей книге «Труд писателя». Во-первых, образы-герои всегда действуют и взаимодействуют. Кроме того: «Писатель стремится... к тому, чтобы душевное состояние героев стало бы понятно из его действий» [4, с.375–377].

Иначе говоря, система образов – это совокупность образов персонажей в художественном произведении, их взаимодействие между собой, а также их роль в сюжете произведения и раскрытии авторского замысла. Последнее, пожалуй, является основным мотивом «выведения» того или иного персонажа «на сцену» произведения. Например, система

образов романа «Преступление и наказание», по словам самого автора, служит для раскрытия главной идеи, которую можно представить библейской заповедью – «Не убий».

Как известно, Дж. Р. Толкиен писал свои произведения на основе глубоких познаний в мифологическом наследии народов, населяющих Великобританию, где тесным образом переплетены кельтские, древнегерманские и скандинавские представления о мироустройстве. При этом нельзя забывать, что кельтские мифы композиционно почти всегда представляют цепь событий-приключений, происходящих с множеством героев, в то же время как древнегерманское влияние проявляет себя в необычайной эпичности повествования, в особой торжественной героике, когда жизнь героев разворачивается на фоне драматических военных и исторических коллизий.

Роберт Сальваторе в композиции своего романа «Темный Эльф. Два меча» остается полностью верным канонам, заданным отцом-основателем жанра фэнтези, поэтому структура его романа сохраняет эпическую последовательность, особое внимание к описанию событий «исторической реальности», включая необычайно тонко проработанные батальные подробности, в частности, при описании боевых столкновений во время осады столицы дворфов клана Боевых Топоров Мифрил Холла.

Одновременно здесь же, в художественных описаниях эпизодов батального характера проявляет себя и авторское новшество, когда вместо классического для фэнтези мира магических столкновений появляются технологические подробности (например, объемный взрыв подземного газа, мнимая дверь-ловушка, начиненная жидким взрывчатым веществом с шрапнельными убийными элементами, каток-имитатор кавалерийской атаки и т.д.), что вносит в произведение нотки технологического панка.

В романе события разворачиваются в хронологической последовательности, однако рассмотрение происходит в рамках отдельных тактических эпизодов, которые увязаны в общую схему не судьбой главного героя (как это обычно происходит в произведениях фэнтези, и соответствует древнегерманским мифологическим канонам с их ментальной склонности к индивидуальной эпической героике), а самим ходом войны, сражающимися сторонами в которой выступают две стороны – светлая (светлые эльфы, люди, дворфы, гномы) и темная (эльфы-дроу, орки, гоблины, болотники, снежные великаны и тролли).

При этом темная сторона отличается не только определенными чертами отрицательной эстетики (тролли, орки и гоблины, болотники – чрезвычайно уродливы и смрачны), но также и определенным внутренним разделением на «чистых темных» (дроу, снежные великаны и т.д.), и «нечистых» (орки, тролли, болотники).

Главный антигерой романа – Обальд Многострельный – это не просто король орков, а настоящий злой гений, который отличается от всех своих предшественников невероятными способностями, удивляющими всех.

Любопытно отметить и то, что орки впервые возникают в произведениях фэнтези не как некие неразумные и мерзкие твари, а как существа, наделенные суммой вполне оригинальных чувств.

Образ антигероя в виде Обальда Многострельного так же умело вплетен в общую композицию романа. Он не просто олицетворение некоего разрушительного начала, он, если внимательно проанализировать происходящее – умный и талантливый руководитель, активный защитник интересов своего народа, который вынужден вести довольно убогое существование в горных норах, будучи вытесненными более политически организованными расами – эльфами, людьми и дворфами.

Основной движущий мотив Обальда – это построение собственного королевства для расы орков, королевства Черных Стрел, которое бы позволило избежать постоянных усобиц и помогло бы оркам занять достойное место в истории мира. Обальд постоянно ощущает несправедливость исторической судьбы своего народа, его угнетенное положение, стремясь отстоять для него место под солнцем.

Помимо основных действующих лиц, в произведении огромное количество второстепенных и эпизодических персонажей, что задает особую эпичность повествования с одной стороны, с другой стороны – осложняет восприятие текста, так как читателю сложно уследить за всеми деталями происходящих действий. Тем не менее, именно второстепенные и эпизодические персонажи создают ощущение относительной реальности происходящего, создавая всю гамму фоновых красок.

В целом, система образов в романе Роберта Сальваторе достаточно сложная, хотя основной вектор противостояния по линии герой – антигерой хорошо структурирует сюжетно-образные связи.

Список использованных источников

1. Введение в литературоведение / Под ред. Г.Н. Пospelова. М.: Высш. шк., 1976. 528 с.
2. Норец. М. В. «Генезис жанра шпионского романа в английской литературе». Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 363 с.
3. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: учебное пособие для университетов и педагогических институтов. М.: Просвещение, 1976. 448 с.
4. Цейтлин А.Г. Труд писателя. М.: Сов. писатель, 1962. 564 с.

УДК 811.111

НАБОКОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается эволюция взглядов В. В. Набокова на переводческую деятельность. Изучение переводов

В. Набокова представляет несомненный интерес для специального изучения, поскольку не только демонстрирует способы и формы переноса всех смыслов на иную культурную почву, но и способствует углублению рецепции произведений, переведенными художником слова В. Набоковым. Мы можем констатировать факт существования пристального внимания писателя к переведённым на другой язык произведениям. Принципиально требовательное, строгое отношение к результату для В. Набокова было главным, отсюда – неизменное стремление автора добиваться точного содержательного наполнения в тексте перевода.

Ключевые слова: переводческая деятельность В. Набокова, концепция перевода, эволюция взглядов, «рабская тропа».

Summary. The article concentrates on the evolution of V. Nabokov's views on translation. The study of V. Nabokov's translations is of undoubted interest for the special study because his translations do not only demonstrate new methods and forms of transfer of meanings to different cultures, but also contribute to the deepening of the reception of his translations. The author admits the existence of writer's focused attention to works translated into another language. Strict attitude to the result was significant for Vladimir Nabokov, therefore the author's will is to achieve precise content in the translated text.

Key words: Nabokov's translation activity, the translation concept, evolution of views, «servile path».

Переводческая деятельность вообще и, тем более, перевод художественных текстов на другой язык, как поиск формы инобытия произведений одной языковой среды в другой, вызывает безусловные трудности. В этой связи изучение переводов В. Набокова представляет несомненный интерес для специального изучения, поскольку не только демонстрирует новые способы и формы переноса всех смыслов на иную культурную почву, но и способствует углублению рецепции произведений, переведенными художником слова В. Набоковым.

Целью настоящего исследования является отражение эволюции взглядов В. Набокова на перевод художественных произведений.

Достижение этой цели предопределило постановку и решение ряда задач:

1) охарактеризовать эстетические взгляды В. Набокова, касающиеся специфики языка художественного произведения, а также переводческой деятельности;

2) рассмотреть концепцию перевода В. В. Набокова.

В работе используются историко-генетический, сравнительно-типологический методы.

В. Набоков воспринимает художественную литературу исключительно сквозь призму и в ракурсе личного восприятия, ведь литература для В. Набокова – не область общих идей, а область определённых слов. Набоков разделял мнение философской критики,

которая считала, что именоваться художественной литературой может лишь то, что отвечает высоким художественным требованиям. В. Набоков подчёркивал, что «писателя можно оценивать с трёх точек зрения: как рассказчика, как учителя, как волшебника. Все трое – рассказчик, учитель, волшебник – сходятся в крупном писателе, но крупным он станет, если первую скрипку играет волшебник» [1, с. 28]. В. В. Набоков успешно соединяет свое представление о непосредственном восприятии произведения с задачей непосредственного исследования художественного текста, а затем и его выражение на другом языке.

Переводы В. Набокова переросли в новое художественное единство, объединившее, по меньшей мере, две культуры. В процессе перевода идет переосмысление произведения. «Художественное произведение, созданное для одного народа, переносится в иную читательскую среду, меняется адресат, при этом в той или иной степени происходит нарушение (отход, углубление, замена, полный отказ и т. д.) жанровой, стилевой специфики, идут поиски путей приближения произведения к эстетическому восприятию читателя, воспитанного в традициях одной культуры, отличной от культуры переводимого языка» [7, с. 99].

Но при каждом случае переводческого опыта многозначительным и, порой, определяющим для интерпретации литературного текста становится тот факт, что при переводе с одного языка на другой всегда меняется адресат и вступает в силу иной языковой и культурный компонент, который становится существенно зависимым от личности переводчика. Особенно значительной становится фигура и роль переводящего произведения. По мнению многих переводоведов, переводчик является единственным внимательным читателем текста, старающимся осмыслить каждую его деталь, пусть даже и незначительную на первый взгляд. Однако при этом следует стремиться к тому, чтобы эстетическая ценность перевода не уступала эстетической ценности оригинала.

О том, как нужно переводить, В. Набоков задумывался неоднократно на протяжении всей своей творческой жизни, причем его взгляды претерпевали существенные изменения.

В течение многих лет Набоков-переводчик пропагандировал «servile path» («рабская тропа») – буквальный перевод, применяемый Набоковым прежде всего при переводе образцов русской классической литературы (А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь). Свои теоретические размышления, касающиеся перевода, Набоков изложил в своих статьях («Искусство перевода», «Проблемы перевода», Заметки переводчика, Заметки переводчика II», «Тропую рабства»), написанных в разное время, начиная с 1941 по 1957 годы.

Для понимания позиции Набокова как переводчика важно, на наш взгляд, обратить внимание на заявленное кредо переводчика, прозвучавшее в цитируемом предисловии к английскому переводу романа «Приглашение на казнь». В. Набоков подчеркивает, что «главное – верность своему автору,

как бы ни ошеломлял результат» [4, с. 47]. Вспомним подтверждающие данный тезис и слова самого В. Набокова из статьи «О хороших читателях и хороших писателях»: «Нужно всегда помнить, то во всяком произведении искусства воссоздан новый мир, и наша главная задача – как можно подробнее узнать этот мир, впервые открывающийся нам и никак напрямую не связанный с теми мирами, что мы знали прежде. Этот мир нужно подробно изучить – тогда и только тогда начинайте думать о его связях с другими мирами, другими областями знания» [5, с.23].

В. Набоков считает неприемлемым формальное замещение элементов оригинала без внимания к образной системе. Писатель и переводчик В. Набоков скрупулезно относился к языку, его философия близка к философии М. Бахтина, который считал, что «язык <как основная особенность литературы> здесь не только средство композиции и выражения изображения, но и объект изображения». Ученый утверждал, что литература – не просто использование языка, а его художественное познание, и что «основная проблема ее изучения» – это «проблема взаимоотношений изображающей и изображаемой речи» [2, т. 1, с. 287-289].

Для создания идеального перевода, пишет в работе «Искусство перевода» В. Набоков, переводчик, прежде всего, «должен быть столь же талантлив, что и выбранный им автор, либо таланты их должны быть одной природы» [3, с. 395]. Далее, переводчик, считает В. Набоков, должен прекрасно знать языки, поэтологические особенности авторского стиля и метода художника слова, чей текст подвергается переводу, специфику происхождения слов и особенности словообразования, исторический и культурологический аллюзивный код, историю народов и их культур, в недрах которых то или иное произведение было создано. И последнее, необходимое важное свойство переводчика, по Набокову, – обладать «способностью к мимикрии, действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [3, с. 395].

Поэтому столь принципиальным для писателя становится выбор переводческой стратегии и тактики. Набоков демонстрирует способность находить точные эквиваленты на лексическом уровне в другом языке, сохраняя точность национальной специфики произведения и индивидуального стиля автора.

Набоков-переводчик в своей деятельности руководствовался осознанием невозможности до конца передать мысль и чувство, отражающие систему мышления, духовно-социальное содержание национального характера, особенности взаимодействия среды, общества и человека, его отношения к миру и глубину самопознания. В. Набоков пишет о невозможности писателя / переводчика адекватно передать, а читателя – прочувствовать высокую степень психологического напряжения содержательного аспекта текстового материала.

По утверждению В. Набокова, в переводе должна обязательно сохраниться специфическая для каждого художника «кривизна» литературного стиля, поэтому задача переводчика заключается в том, чтобы воспроизвести коммуникативную относительность оригинального текста – целостную систему идей, тем, героев и образов произведения, реализованных в языке, которые должны перекодироваться выразительными средствами принимающего языка. В предисловии к изданию английского перевода лермонтовского «Героя нашего времени», осуществлённому писателем и его сыном Д. Набоковым в 1958 г., В. Набоков отказывается от расхожего мнения, утверждающего, что «перевод „должен легко читаться“ и „не должен производить впечатление перевода“ вот комплименты, какими встретит всякий бледный пересказ наш критик-пурист, который никогда не читал и не прочтёт подлинника). <...> Единственным достоинством добротного перевода следует считать его верность и адекватность оригиналу. Будет ли он легко читаться, это уже зависит от снятой с него копии» [6, т. 1, с. 531]. Набоков верен своему желанию приблизить читателя к переводу, а не наоборот.

Рассмотрев и проанализировав некоторые аспекты переводческой деятельности В. Набокова, мы можем констатировать факт существования пристального внимания писателя к переведённым на другой язык произведениям. Принципиально требовательное, строгое отношение к результату для В. Набокова было главным, отсюда – неизменное стремление автора добиваться точного содержательного наполнения в тексте перевода.

Список использованных источников

1. Анастасьев Н. Феномен Набокова. М., 1992. 316 с.
2. Бахтин М. М. Язык и художественная литература. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 287-289.
3. Набоков В. Интервью данное Альфреду Аппелю // Вопросы литературы. – 1988. – № 10. С. 161-188.
4. Набоков В. Лекции о «Дон Кихоте» / Пер. с англ.; Предисл. Ф. Бауэrsa, Г Дэвенпорта. М.: Издательство Независимая Газета, 2002. 328 с.
5. Набоков В. Лолита. Тверь: Бином Пресс, 2005. 544 с.
6. Набоков В.В.: Pro et contra. Том 2. Сост. Б. Аверина, библиогр. С.А. Антонова. СПб.: РХГИ, 2001. 1064 с.
7. Перхин В. «Открывать красоты и недостатки...» Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век. СПб.: Лицей, 2001. 256 с.

УДК 81-26:347.78.034

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

С. Е. Перепечкина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. В. Якубова,

студент магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются немецкоязычные рекламные тексты, содержащие лингвокультурологическую информацию. Цель исследования заключается в определении способов перевода рекламных текстов, созданных на основе фразеологизмов с национально-культурной спецификой. В статье раскрывается возможность перевода такого рода текстов с применением фразеологического и нефразеологического методов.

Ключевые слова: рекламный текст, фразеологическая единица, национально-культурная специфика, методы перевода.

Summary. The paper considers the German advertising texts containing linguocultural information. The main aim of the study is to define the ways of translation of the advertising texts, based on phraseological units with national and cultural specifics. In the article the possibility of the translation of such type of texts with application of phraseological and non-phraseological methods is examined.

Key words: advertising text, phraseological unit, national and cultural specifics, methods of translation.

Язык рекламы не относится к особой форме языка, но этот язык может воздействовать на подсознание человека, следовательно, у него есть определённые цели и конкретные закономерности его функционирования. При переводе рекламных текстов возникают не только проблемы из-за различий в семантической структуре языка оригинала и языка перевода, но и проблемы социокультурной адаптации текста. Необходимо учитывать различия культур разных народов, которые отображаются также и в языке, чтобы целевая аудитория без затруднений понимала посыл рекламного сообщения и реагировала на него.

Исследованию языка рекламы как феномена, прочно вошедшего в современную жизнь, уделяется сегодня особое внимание. Так, описанию структуры и языка рекламных текстов, их психолингвистическим особенностям посвящены работы Н. Н. Кохтева [2], Н. М. Масловой [6], Е. В. Медведевой [7], Н. В. Мещеряковой [8], С. В. Орлова [10] и мн. др. Имеется также ряд исследований по переводу рекламных текстов на

материале немецкого языка. Рассматриваются, в частности, вопросы использования различного рода трансформаций или способы передачи безэквивалентной лексики (см., напр., [4], [9]). В работах немецких переводоведов (А. Нойберта [11], К. Венер [12]) представлены некоторые положения о природе рекламы и общие рекомендации по ее переводу, определяются отличия перевода рекламного и художественного или технического текстов. Проблема перевода отдельных видов рекламных текстов, обусловленная национально-культурными различиями немецко- и русскоязычных целевых аудиторий, изучена еще не достаточно глубоко.

Целью данного исследования является анализ культурно маркированных немецкоязычных рекламных текстов, созданных на основе фразеологизмов, и выявление способов их перевода. Источником материала послужили современные немецкие периодические издания („Der Spiegel“, „Focus“, „Die Zeit“, „Stern“).

Яркое отражение ментальности в рекламных текстах является эффективным психологическим рекламным воздействием. При создании рекламы учитываются менталитет и образ жизни потребителей с тем, чтобы привлечь их внимание и побудить к покупке товара. Реклама обращается к ценностным ориентирам, которые характерны для культурных традиций того или иного социума, в ней используются образы и ассоциации, которые имеют особое значение для целевой аудитории.

Как подчеркивает В. А. Маслова, «каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира» [5, с. 67]. Национальное своеобразие в языке запечатлено в лексике, фразеологии, грамматике. Следовательно, немецкая реклама, в текстах которой содержатся фразеологические единицы, обладает национально-культурной спецификой.

Специфика национальной картины мира в немецкоязычной рекламе проявляется в первую очередь в результате активного использования фразеологических единиц, которые придают рекламному тексту особый колорит. По словам Д. Г. Мальцевой, «язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя: фразеологические единицы и отдельные слова фиксируют в себе те или иные смыслы, восходящие, в той или иной мере, к условиям жизни народа – носителя языка» [3, с. 12].

Создание рекламного текста по аналогии с различными фразеологическими единицами (идиомы, крылатые выражения, пословицы, поговорки, афоризмы) – это придает рекламе образность и эмоциональную окраску – один из наиболее распространенных способов в немецкоязычном социокультурном пространстве. Фразеологические единицы подвергаются в рекламных сообщениях трансформациям, при этом их яркость и узнаваемость сохраняется: в структуре фразеологизма креативно меняются слова, добавляются названия торговых марок, на которых акцентируется внимание, в ряде случаев происходит сокращение структуры

фразеологической единицы, или значение фразеологизма заменяется противоположным. Основной особенностью фразеологизмов является то, что они основываются на переносном значении, т. е. базируются на ассоциативно-семантических связях, именно это и является ценным для достижения рекламных целей.

Вопросы перевода фразеологических единиц подробно рассматриваются в книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» [1]. Авторы различают фразеологический (использование эквивалента и аналога) и нефразеологический (калькирование, описание) переводы, которые, как показало исследование, применимы и к рекламным текстам. Проиллюстрируем это на примерах.

Варианты фразеологического перевода:

1. Значительному числу фразеологизмов в рекламе на немецком языке можно найти полные соответствия в русском:

(1) Wissen ist Macht (Focus Abbo) – Знание – сила. (*Здесь и далее перевод наш – С.П.*) (Рекламируется подписка на журнал Focus.)

(2) Alle Wege führen zur Roma («Roma» Pizzeria) – Все дороги ведут в «Roma». (Пиццерия «Roma»; в основе – поговорка времен Средневековья «Alle Wege führen nach Rom».)

(3) Umschlag macht die Zeitschrift (Spiegel) – Встречают по обложке. Или: Журнал встречают по обложке. (Реклама журнала строится по аналогии с фразеологизмом «Kleidung macht den Meister».)

(4) Was du heute kannst verpacken, das verschiebe nicht auf morgen (IKEA) – Не откладывай на завтра то, что можешь упаковать сегодня. (Слоган торгового центра по аналогии с пословицей «Was du heute kannst besorgen, das verschiebe nicht auf morgen».)

(5) Guter Rat ist teuer (Bordeaux) – Хороший совет дорого стоит. (Реклама дорогого французского вина, слоган повторяет известную пословицу.)

Приведенные примеры указывают на возможность достижения полного семантического соответствия. При прочтении данных рекламных сообщений в представлении немецкоязычных и русскоязычных реципиентов возникает одна и та же предметная ситуация, одна и та же картина отражения действительности. На грамматическом уровне основные различия заключаются в порядке слов (4) и опущении глагола-связки, что характерно для русского языка (1).

2. Перевод фразеологизмов при помощи подбора эквивалента. От первоначальной фразеологической единицы эквивалент может отличаться составным компонентом, который заменяется синонимом, либо может быть изменён синтаксис или морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п.:

(1) Seien sie vernünftig. Hören sie auch mal auf ihren Bauch (Skoda Octavia) – Поступайте правильно. Порой стоит довериться интуиции. (Bauchgefühl – интуиция, auf ihren Bauch hören (досл.: прислушаться к животу) – прислушаться к интуиции).

(2) Das schwarze Schaf unter den Colas! (Jolt Cola – Getränke) – Белая ворона среди других напитков Cola. (Das schwarze Schaf (досл.: чёрная овца) – белая ворона).

(3) Mit neuem Porsche Cayenne ist es möglich hinter den sieben Bergen sein (Porsche) – С новым Porsche Cayenne можно уехать за тридевять земель. (Hinter den sieben Bergen (досл.: за семь гор) – за тридевять земель).

Варианты нефразеологического перевода:

1. Калькирование, или дословный перевод, применим в тех случаях, когда с помощью других приёмов, в том числе и фразеологического способа, оказывается невозможным перевести фразеологическую единицу, сохранив при этом её семантико-стилистическое и экспрессивно-эмоциональное значение:

(1) Zu allem bereit sein, nur nicht zu Kompromissen (Dunlop-Reifen) – Готов на всё, кроме компромиссов (реклама шин марки Dunlop).

(2) Wahre Kunst ist unvergänglich. Wahre Farben auch (Schwarzkopf) – Настоящее искусство вечно. Настоящие краски тоже (рекламируется качество красок от Schwarzkopf).

(3) Nichts ist unmöglich (Toyota) – Ничего невозможного! (реклама передовых технических достижений корпорации).

(4) Es muss Liebe auf den ersten Blick sein. Mehr Zeit gibt er Ihnen nicht (Smart forfour Brabus – Verkehrsmittelwerbung) – Это должна быть любовь с первого взгляда. Больше времени он Вам не даст (т.е., больше времени Вам и не потребуется); (реклама спортивного автомобиля).

Калькирование возможно, когда дословный перевод может передать истинное содержание всего фразеологизма. Оно применимо в отношении образных фразеологизмов, устойчивых сравнений – в случае, если они совпадают в языке оригинала и языке перевода.

2. Описательный перевод фразеологических единиц – толкование фразеологизмов, не имеющих эквивалентов в переводящем языке. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие исходную семантику фразеологизма:

(1) Wissen, wer die Fäden zieht (Sport Bild) – Знать, кто главный (die Fäden ziehen (досл.: дёргать нити) – быть главным).

(2) Gute Karten für Ihre Linie (Nestle Fitness) – Хороший рецепт быть в форме (gute Karten für etwas haben (досл.: иметь хорошие карты) – преуспевать в чем-либо).

(3) Zusammen mit Skoda machen Sie sich auf die Socken (Skoda) – Отправляйтесь в путь вместе с Skoda (auf die Socken machen (досл.: приняться за носки) – отправляться в путь).

Подводя итог, отметим, что фразеологические единицы немецкого языка, как и любого другого, содержат в своей семантике национально-культурный компонент, который обусловливается национальной культурой прошлого. Перевод рекламных текстов, созданных на основе таких лексических единиц, представляет особую трудность. Переводчику

предстоит выяснить, существует ли концепт, лежащий в основе исходного рекламного сообщения, в языковой картине мира носителей языка, на который осуществляется перевод. В случае наличия и совпадения концептов у реципиентов возникают сходные ассоциации, и тогда возможен дословный или почти дословный перевод. При отсутствии или несовпадении концептов переводчику необходимо создать новый рекламный текст, используя иные фразы, способные передать смысл и образную составляющую оригинала.

Исследование показало, что эквивалентность при переводе немецкоязычных рекламных текстов, основанных на фразеологизмах, на русский язык достигается путем применения двух основных методов: фразеологического перевода (использование эквивалента или аналога) и нефразеологического (калькирование, описание).

В перспективе актуальным остается изучение проблемы адекватного перевода немецкоязычных рекламных текстов, содержащих диалектизмы и разговорные формы.

Список использованных источников

1. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. М.: МГУ, 1997. 254 с.
3. Мальцева Д. Г. Страноведение через фразеологизмы. М.: Высшая школа, 1991. 173 с.
4. Мамедов А. Н. Основные лексико-грамматические трансформации при переводе текстов печатной немецкоязычной рекламы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – №1. С. 97–108.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений М.: Издательский центр «Академия», 2001. 477 с.
6. Маслова Н. М. Язык и стиль рекламы. М: Просвет, 1997. 137 с.
7. Медведева Е. В. Рекламный текст как переводческая проблема // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 4. С. 23–42.
8. Мещерякова Н. В. Стилистические и прагмалингвистические особенности рекламных текстов социальной направленности: дис. ... кандидата филол. наук. М., 2012. 241 с.
9. Митрофанова Е. А. Безэквивалентность при переводе немецких рекламных текстов // Гамбургский университет, 2006. – №8. С. 50–52.
10. Орлов С. В. Психолингвистические и психологические факторы воздействия рекламного текста: дис. ... кандидата психол. наук. М., 2012. 252 с.
11. Neubert A. Pragmatische Aspekte der Übersetzung // Grundlagen der Übersetzungswissenschaft. Leipzig, 1996. S. 36–82.
12. Wehner Ch. Übersetzungsstrategien in der Werbung. Opladen, 1996. 256 S.

УДК 81'34

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ
ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА***Д. А. Петренко*

*кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая
академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Социальная лингвистика как один из разделов науки о языке во многом зависит как от развития социума в целом, так и от конкретных социальных условий, стимулирующих проведение тех или иных социолингвистических исследований. В условиях функциональной стратификации большинство национальных языков рассматривается в качестве организованных систем различных форм существования.

Целью статьи является изучение социально обусловленной вариативности современных литературных языков на национальном уровне. К основным задачам работы относятся: 1) характеристика социолингвистической проблематики современных исследований в данном направлении, 2) рассмотрение основных теорий и гипотез социальной стратификации языка, 3) анализ ряда аспектов дифференциации современного немецкого языка.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, функциональная дифференциация, территориальный диалект, формы существования языка, языковая система, национальный язык.

Summary. The language situation in the modern world determined a special role of sociolinguistics. It is proved by a great number of theoretical and empirical works and also by the current discussion of issues related to the interaction of the social system and language. Under the conditions of the functional stratification the majority of the national languages are considered as the organized systems of different forms of existence.

The aim of the article is to study socially conditioned variability of modern literary languages at the national level. The main objectives of the work are: 1) the characteristics of the sociolinguistic perspective of current research in this area, 2) consideration of the basic theories and hypotheses of social stratification of language, 3) analysis of some aspects of the differentiation of the modern German language.

Key words: sociolinguistics, the language situation, functional differentiation, territorial dialect, forms of existence of the language, language system, national language.

В современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения

проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих». Как отмечает А. Д. Петренко, «актуальным проблемам социально обусловленной вариативности современных литературных языков на национальном уровне посвящено большое число фундаментальных трудов современных лингвистов, представляющих крупнейшие научные центры России и ряда зарубежных стран» [6, с. 4].

По мнению Д. М. Храбсковой «современная гуманитарная мысль концентрирует внимание на вопросах роли вербальной коммуникации в становлении индивида, личности, социума, этноса, цивилизации» [6, с. 102].

Нынешним языковедам приходится констатировать тот факт, что лингвистика сильно рассеяла свое внимание: исследователи, занимающиеся, к примеру, грамматическими категориями, не имеют ничего общего с теми, кто занимается гендерной проблематикой в языке; еще менее схож предмет исследования у фонологов и специалистов по теории произносительных стилей. Осознавая такой ход развития лингвистики, Э. Бенвенист несколько десятков лет тому назад писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для целостной лингвистики» [3, с. 45].

Вполне понятно, что такие «целостные лингвистики» начали возникать со второй половины XX-го столетия. Это социолингвистика и психолингвистика, антропологическая лингвистика и этнолингвистика, лингвокультурология, этнопсихолингвистика и социопсихолингвистика.

Интерес к проблеме многообразия языковых возможностей уходит своими корнями в эпоху ее осознания человеком и не ослабевает на протяжении тысячелетий. Все попытки создания «универсальных грамматик» и другие эксперименты в направлении поиска «совершенного языка» неизбежно оказались обреченными на неудачу. В 1994 году вышла в свет монография Умберто Эко: «В поисках совершенного языка», посвященная историко-философскому осмыслению этих вопросов. В заключительной главе автор высказывает простую в своей очевидности мысль о том, что расчленение языка вызвано не созданием новых языков, а тем, что праязык «уже содержал в себе все языки» [10, с. 356]. Варьирование на любой стадии развития языка с неизбежностью ведет к его расчленению на отдельные разновидности. Процесс этот шел во всех языках и приводил всегда к формированию социально-, регионально- и коммуникативно-обусловленных языковых разновидностей.

Термин «социолингвистика» впервые был употреблен в 1952 году Г. Карри, однако новое направление исследований в этой сфере определилось только в 1963 году. За истекшие десятилетия состоялось множество научных конференций по социолингвистике, выполнены обширные программы исследовательских работ, основано несколько журналов – «Language in Society», «International Journal of the Sociology of Language», «Journal of Phonetics» и др. Социолингвистическая научная проблематика заняла одно из

центральных мест в крупнейших лингвистических исследовательских центрах мира. Различные теории и гипотезы социальной стратификации языка нашли свое отражение в исследованиях У. Лабова, С. Эрвин-Трипп, Дж. Фишмана в США; У. Эвермана, Х. Яхнова, Б. Шлибен-Ланге в ФРГ; Л. Бринка, Й. Лунда в Дании; Й. Фонадя во Франции; Б. Мальмберга в Швеции и во многих других.

В современной фонетике активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования в произношении с учетом всего спектра факторов, которые регулируют звуковую реализацию. Лингвисты столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих. Для выявления отклонений от нормы в рамках того или иной вариации применяется сопоставительный анализ, позволяющий выявить тождественные (интегративные) и различающиеся (дифференциальные) признаки сравниваемых фактов языка. Данный метод дает возможность исследовать структурные особенности определенных речевых разновидностей, на основании которых может быть разработана классификация фонетических стилей. Как полагает Л. И. Проколова, все классификации стилей языка страдают одним недостатком: они основываются на неадекватном признаке членения [7, с. 41]. Это признается в настоящее время многими исследователями, но наиболее ярко об этом пишет М. М. Бахтин: «Нет общепризнанной классификации языковых стилей. Авторы классификаций часто нарушают основное логическое требование классификации – единство основания. Классификации чрезвычайно бедны и недифференцированы» [2, с. 50]. Само собой разумеется, что если рассматривать книжную речь как некое единство и попытаться рассмотреть в этих рамках произведение Михаила Шолохова, то единство распадется.

Первым выступил за демократизацию национальной нормы немецкого языка Г. Крех, который считал, что норму следует приблизить к широким массам населения и снять все нереальности и гиперкорректности сценической речи. Г. Крех осуществил аудитивный анализ большого количества магнитофонной пленки с записями образцов дикторской речи на радио, и обнаружились потрясающие результаты, которые показали детально нереальность сценической речи для радио [11, с. 134]. Большинство постулатов Т. Зибса были опровергнуты. Возникает вопрос: как сочетаются лексические, грамматические и фонетические особенности различных стилей. Иными словами – существуют ли определенные корреляции между этими уровнями [7, с. 41]. По мнению В. А. Хомякова, социальная норма литературного языка противостоит норме разговорного языка. Обе нормы сосуществуют в пределах национального языка [8, с. 50]. Изучение социально обусловленной вариативности немецкого языка на фонетико-фонологическом уровне исходит из понимания национального языка как целостной структуры.

Подобный подход позволяет объединить три аспекта дифференциации современного немецкого языка – а) диатопическую (вертикальную) – формы существования языка; б) диастратный (горизонтальный) – характеризующийся взаимодействием социальных факторов и проявляющийся в существовании таких вариаций как, например, социолекты, сексолекты, аннолекты, идиолекты; в) диафазный (функциональный), обусловленный ситуативными факторами и подразумевающий наличие различных стилистических уровней. Среди первооткрывателей в области исследования произносительных особенностей разговорной немецкой речи можно считать Готфрида Майнхольда, монография которого «*Deutsche Standardausssprache. Lautschwächungen und Formstufen*» посвящена реализации фонем в разных стилях речи. В результате проведенных исследований Г. Майнхольд пришел к выводу о том, что индикатором определенного произносительного стиля может служить степень редукции конечных слоговых структур – [ɔn], [ɔm], [ɔl], [ɔr]; фрикатизация смычных согласных, оглушение звонких и озвончение глухих согласных, выпадение звуков, а также распространенность в речи т. н. «слабых форм». [12, с. 147]. Анализ произношения дикторов радио, проведенный с опорой на кодифицированную норму позволил, например, Ф. Шиндлеру установить отклонение от произносительной немецкой нормы в среднем на 17–19%. [13, с. 79]. А. Д. Петренко, отмечает, «что материалы современных научных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, вопросов их социальной стратификации и территориальной дифференциации, намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» [5, с. 157].

Как подчеркивает В. М. Бухаров, особый интерес в данном плане представляет фонологическая система немецкого языка, формирование стандартной вариации которой проходило и проходит практически на глазах исследователей [4, с. 3–4]. Диалектная разобщенность буквально вынудила озабоченных этой проблемой деятелей театра и фонетистов разработать в конце прошлого столетия предписание для единой нормы.

О. С. Ахманова утверждает, что в реальном человеческом обществе не существует идеальных носителей языка. При этом разные социальные группы, общественные слои, различные национальности оказываются в противоречивых отношениях, которые находят непосредственное отражение в явлениях языка, например, при отборе той или иной формы или варианта, противопоставлении друг другу различных национальных языков, искусственном стимулировании одних и подавлении других [1, с. 140].

По мнению А. Д. Петренко «в последние десятилетия в языкознании произошел поворот в сторону социологизации явлений языка, углубленного изучения форм связи с реальной действительностью. Результатом

исследований являются формирующиеся ныне новые отрасли науки о языке – социолектология и контрастивная социалингвистика [6, с. 4–5].

Учеными Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского накоплен в данном научном направлении значительный теоретический и практический опыт. Материалы научных работ убедительно свидетельствуют о том, что языковая норма постоянно меняется, что неизбежно ведет к уточнению ряда явлений, вплоть до новой кодификации стандартного произношения и составления нового «реального» словаря произношения.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. (рец. на книгу) W. Labov: The Social Stratification of English in New York City. Вопросы языкознания. – №6. М., 1967. С. 140–142.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1968. 445 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
4. Бухаров В. М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Нижний Новгород, 1995. 138 с.
5. А. Д. Петренко, Д. А. Петренко Социофонетические аспекты языковой вариативности. Научный журнал «Известия Южного федерального университета» – № 4. Ростов на Дону: ЮФУ, 2014. С.150-157.
6. Петренко А. Д. Социалингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. / Под ред. А. Д. Петренко. – Коллективная монография. М: Перо, 2015. 491 с.
7. Прокопова Л. И. О фонетических стилях в немецком языке. Культура народов Причерноморья. – №19. – 2001, С. 41–43.
8. Хомяков В. А. Социальные варианты речи в функциональной системе языка. Проблемы вариативности в германских языках. М., 1988. С. 4–18.
9. Храбскова Д. М. О социалингвистическом статусе коптского языка в контексте древней ближневосточной этнокультуры // Социалингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / Петренко А.Д., Храбскова Д.М. М.: Перо, 2015. С. 102–143.
10. Eco U. Die Suche nach der vollkommenen Sprache. München, 1994. S. 360.
11. Krech H. Beiträge zur deutschen Ausspracheregulung. Berlin: Henschelverlag, 1961. S. 134.
12. Meinhold G. Deutsche Standardsprache. Lautschwächungen und Formstufen. Jena: Friedrich Schiller Universität, 1973. 147 s.
13. Schindler F. Beiträge zur deutschen Hochlautung. Hamburg, 1974. S. 380.

УДК 81'34/811.581

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ВОКАЛИЗМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ)

А. Д. Петренко,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социалингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. М. Храбскова,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Теоретические исследования в области фонетики, основанные на контрастивной методике, начинают активно развиваться с середины XX в. Привлечение материала силлабических языков к исследованиям по фонематическому структурированию позволяет не только определить ряд общих тенденций в системе ностратических языков, но и унифицировать механизмы звукового восприятия типологически отличных языков. Цель работы заключается в определении базовых вокальных звукотипов китайского языка, путем использования методики контрастивного анализа и перцептивного синтеза. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках по контрастивной психолингвистике и теории речеобразования.

Ключевые слова: китайский язык, сопоставительный метод, фонема, силлабема, звукопредставление.

Summary. The theoretical research in the sphere of phonetics, based on the contrastive methodology, have been broadly used since the middle of XX c. The usage of the material of the syllabic languages in the works on the phonematic structuring allows not only to define a row of general tendencies in the system of the nostratic languages, but also to unify the mechanisms of the sound perception of the typologically different languages. The purpose of the work is in defining the basic vocal sound types of the Chinese language by means of using contrastive analysis and perceptive synthesis methods. The obtained results can be used in the further theoretical work-outs on contrastive psycholinguistics and theory of speech production.

Key words: the Chinese language, comparative method, phoneme, syllable, phonetic image.

Теоретические аспекты фонематического членения естественных языков, впервые систематизированные в исследованиях Н. С. Трубецкого, являются актуальными и на современном этапе развития лингвистической научной мысли. Поскольку до нынешнего времени дискуссионными остаются базовые понятия фонетики, как науки о звуковом строе языка, нельзя говорить о статичном представлении его сегментного и суперсегментного состава. В данном контексте практическую ценность приобретает термин «фонологическая переменная», конкретизированный Д. А. Петренко как «показатель вариативности сегментного состава языка, единица произносительных вариантных структур» [6, с. 72]. Приведенное определение отображает динамическую сущность абстрактного понятия «фонема». Нематериальная природа «фонемы» как лингвистической субстанции самопроизвольно фиксируется в сознании исследователя,

поскольку, невзирая на бесспорность существования денотата, его невозможно наблюдать. Таким образом, фонология, как раздел научной отрасли, по предметной ориентации, структуре и методологическим подходам приближается к логическому позитивизму и квантовой механике.

Представление о фонеме сформировалось в лингвистической науке в работах европейских языковедов, вследствие чего четко прослеживается апперцепция понятийного ряда и параллелизм методик сегментирования. Впервые термин «фонема» ввел в научный обиход французский лингвист А. Дюфриш-Деженетт в 1873 г. Ф. де Соссюр использует его в своих лекциях, что обеспечивает «фонеме» всеобщее научное распространение. И. А. Бодуэн де Куртенэ четко противопоставляет «звук» как преходящее, нестабильное во времени акустико-физиологическое явление и «фонему» как устойчивое представление о звуке – психический эквивалент звука. Одновременно, по аналогии с атомарным фактом, Н. С. Трубецкой рассматривает фонему как «совокупность существенных признаков, свойственных определенному звуковому образованию» [8, с. 94].

У. Вайнрайх в книге «Языковые контакты» указывает, что фонемы разных языков несоизмеримы друг с другом [1]. Тем не менее, реальные звуки, представляющие фонемы языка в речи, обладают набором определенных физических характеристик. Число этих характеристик для звуков речи строго ограничено, что неизбежно приводит к использованию различными языковыми системами звуков с пересекающимися характеристиками. Э. Хауген считает, что «именно физическое сходство склоняет двуязычного носителя к отождествлению двух фонем, несмотря на пропасть между языками» [10, с. 279–280]. Постепенно переосмысливаемое и дополняемое Р. И. Аванесовым, И. А. Бодуэном де Куртенэ, Ф. де Соссюром, Н. С. Трубецким, Л. В. Щербой, понятие фонема на современном этапе представляется как минимальная единица звукового строя языка, выполняющая функцию распознавания и различения значимых единиц – морфем, в состав которых она входит как наименьший сегментный компонент, а через них – и для распознавания и различения слов [4]. Смыслоразличительная или сигнификативная функция фонемы рассматривается как одна из основных при определении фонемного состава языка. Принимая данное положение как лингвистическую универсалию, можно заключить, что фонемный состав любого естественного языка устанавливается при основополагающей роли указанной функции. Также при сегментации фонематического строя языка следует учитывать атомарную структуру фонемы, представленную дистинктивными признаками.

Проблема сегментации фонетического уровня в языках так называемого «слогового строя» [5], становится постоянной областью лингвистических исследований, в первую очередь, в пределах синологии [5, 9, 11]. Профессор Лю Фу, в работах по фонетике китайского языка не разграничивает понятия фонемы и звука, называя термином «фонема» знаки

азбуки чжуинь цзыму, независимо от того, обозначают ли они отдельные звуки или сразу несколько звуков. Синолог Чжао Юань-жэнь рассматривает фонему как абстрактный звукотиптип, ограничивающийся акустико-артикуляционным образом, вариативность которого не зависит от функциональной нагрузки. Исходя из установки Г. Пальмера и Д. Джоунза в учении о фонеме, он фактически отрицает наличие определенной, объективно существующей системы фонем в том или ином языке, полагая, что для каждого языка можно установить не одну, а ряд систем фонем и что следует ставить вопрос не о правильности или неправильности таких систем фонемного состава, а лишь о степени их пригодности для существующих целей [2, 3, 5].

В советском языкознании была выдвинута и получила широкое распространение теория диффузного звукового состава китайского языка. Эта теория представлена в разработках Н. Я. Марра, постулирующего, «что на начальных ступенях развития языка в плане глоттогонического (языкотворческого) процесса звуковой язык был нерасчлененным, диффузным» [Цит. по: 3, с. 118]. На данном основании можно сделать вывод о том, что звуковой состав китайского языка должен быть диффузным. О диффузном характере «словозвуков» в китайском языке пишет Л. В. Щерба в статье «О диффузных звуках» [12]. Диффузность трактуется как нечленораздельность звука. К диффузным Л. В. Щерба относит такие звуковые комплексы, как «тьфу», «фу», «брр», «тпру» и т.п.

Еще более широким распространением, чем теория «диффузности» китайских звуков, среди лингвистов пользуется теория слогофонемной структуры, изложенная Е. Д. Поливановым. Согласно его точке зрения, элементарная фонетическая единица в китайском языке равна «слогопредставлению» [7]. Слогопредставление, в свою очередь, состоит из трех одновременных по своему осуществлению, но принципиально различных в качественном отношении представлений: «во-первых, представление о слоге как об определенной последовательности известного числа гласных и согласных, т.е. силлабического представления слога; во-вторых, мелодического представления слога и, в-третьих, силовой ударяемости» [3, с. 29]. Такое понимание взаимосвязи характеристик китайского слога позволяет Е. Д. Поливанову приравнивать китайское «слогопредставление» к «звукотипу» (или фонеме) европейских языков.

Китайский язык рассматривается в работе как типологически отличный от индоевропейского языковой континуум сино-тибетского ареала, стандартизированный в форме путунхуа.

Результаты применения элементов дистрибутивного анализа в процессе исследования эмпирического материала позволяют сделать заключение о том, что для изменения значения китайского слова необходимо произвести замену одного звука другим. Таким образом, доказывается лингвистическая универсальность фонемы как сегментной

единицы естественных языков, в том числе и силлабических. В путунхуа можно выделить группы слов с одинаковыми тонами, но отличающиеся лишь одним звуком: [píŋhéh] – *равновесие* / [píŋhé] – *спокойный*; [píŋhán] – *одного разряда* / [píŋtsán] – *обычный*. И. Н. Гальцев указывает, что «нельзя подходить к установлению фонем только с точки зрения легкости их подсчета (выявления). Известно, что во всех языках наиболее легко выделяется именно слог, а не фонема» [2, с. 106]. Фонемы языка, по определению, устанавливаются на основе корреляции смыслоразличительных признаков в соответствующем языке.

Одна из особенностей китайской фонетической системы состоит в том, что необходимым фонологическим признаком слов и морфем выступает тон. П. С. Кузнецов в статье «О фонологической системе сербохорватского языка» [Цит. по: 2, с. 108] доказывает, что наличие тональности в качестве фонологического средства, реализующегося в слове или морфеме, не исключает существования отдельных звукофонем в языке. Характерным примером этому утверждению может служить и фонетическая система латинского языка классического периода. Классической латыни присуще музыкальное или тоновое ударение, вследствие чего в вокалической системе данного языка дистинктивным признаком выступает высота тона (при наличии сопутствующего второстепенного признака – долготы). Таким образом, в классическом латинском языке выделяют пять пар гласных фонем монофтонгов [a, e, i, o, u]. Составные единицы каждой из которых различаются лишь высотой тона. Пример коррелятивной пары: *vĕnit* – 3 лицо, ед. ч., настоящего времени, изъявительного наклонения, действительного залога, образованное от основы инфекта глагола *venire* («приходить») / *vĕnit* – 3 лицо, ед. ч., прошедшего законченного времени, изъявительного наклонения, действительного залога, образованное от основы перфекта того же глагола. Тон, как и звукофонемы – смыслоразличительное средство, но иного (более дробного) системного уровня. В ряде случаев тон выступает единственным средством смыслоразличения, а, следовательно, единственным дистинктивным признаком, различающим фонемы языка. Китайский язык располагает достаточным количеством примеров подобного рода: [màj] – *продавать* / [mǎj] – *покупать*. Зачастую тоны восполняют недостаток, связанный с ограниченной возможностью сочетания фонем. Как указывают синологи, «слог китайского языка характеризуется определенной структурой: количество звуков не превышает четырех, и их последовательность строго закономерна» [2, с. 96].

Несмотря на позиционную обусловленность звуков в слоге, сопоставление слов и морфем позволяет сделать вывод, что китайскому языку свойственна развернутая система отдельных звукофонем, противопоставленных друг другу по ряду материальных признаков и дифференцирующих его смысловые единицы.

В китайском языке основные гласные самостоятельно образуют звуковую оболочку соответствующих слов и морфем-омонимов и, следовательно, могут быть непосредственно связаны со значением. Такие слоговые гласные признаются самостоятельными независимыми вариантами звукофонем. Иными словами, если непроемная морфема, как наименьшая значимая единица в китайском языке, в звуковом отношении равна одному звуку, то этот звук принимается за самостоятельную фонему. Эти гласные фонемы входят в качестве слогообразующих звуковых единиц в состав всех других слогов, возможных в китайском языке, выступая в виде позиционных вариантов фонем.

Исходя из вышеизложенного, вокализм современного китайского литературного языка может быть представлен пятью гласными фонемами [a, e, i, u, y], число которых увеличивается в четыре раза при определении тона как фонологического дистинктивного признака. (Пекинский диалект китайского языка, являющийся общенациональным официальным языком Китая, различает четыре тона: ровный, восходящий, нисходяще-восходящий, нисходящий). Каждая из этих фонем самостоятельно образует ряд слов и морфем:

[ī] – единица; [i] – стул;

[ū] – комната; [ǔ] – пять; [ù] – туман;

[y] – дождь; [ý] – рыба;

[ā] – междометное слово, выражающее крик при испуге или удивление;

[è] – голод; [é] – лоб.

В фонологической системе китайского языка слоговый гласный [o] считается одним из вариантов фонемы [e]. В зависимых позициях звук [o] появляется лишь там, где возникают условия, способствующие лабиализации слогового аллофона [e]: в открытом слоге непосредственно после губных согласных [b, p, m, f], при этом слоговый гласный [o] нигде не противопоставлен [e], так как нет форм [be, pe, me, fe]. Тем не менее, следует привести и факты другого рода, позволяющие отметить некоторую, хотя и ограниченную, фонологическую значимость гласного [o]. В словах [dwo, two, tswɔ], проходной полугласный [w] имеет тенденцию к синкопированию, вследствие чего вместо [dwo] появляется [do], вместо [two] – [to]. В результате звук [o] из позиционного варианта фонемы [e] после полугласного [w] трансформируется в самостоятельную слогообразующую фонему, противопоставляемую [e] как смысловозначимая единица, поскольку ряд слов и морфем, произносимых [do, to], отличается по смыслу от [de, te]. Несмотря на то, что синкопа полугласного [w] постепенно прогрессирует, данный процесс не получил завершения. В независимой позиции, по данным Хуан Шуин, «гласный [o] выступает лишь однажды, как второе чтение междометного слова [wò]» [3]. Поэтому целесообразно говорить лишь о тенденции к закреплению фонологической самостоятельности слогового гласного [o].

Принимая во внимание непроизвольную природу апперцепции, в том числе в научном восприятии, а также теоретическую обоснованность понимания фонемы как лингвистической универсалии, можно сделать вывод о фонематической самостоятельности отдельных звуков китайского языка, являющихся его наименьшими единицами, образующих систему по сходству и различию материальных признаков и используемых для построения и различения смысловых единиц – слов и морфем. Гласные фонемы китайского языка дифференцируются по следующим признакам:

а) по признаку ряда:

переднего – [i, y], среднего – [a, e], заднего – [u, (o)];

б) по признаку подъема:

узкой разновидности высокой степени подъема – [i, y, u], широкой разновидности высокой степени подъема – [e, (o)], средней степени подъема – [a];

в) по признаку лабиализации:

огубленные – [y, u, (o)], неогубленные – [i, e, a].

Возможность фонематического членения силлабических языков позволяет на практическом материале подтвердить научную состоятельность объединения типологически разнотипных языков в макросемьи.

Список использованных источников

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – К.: Высшая школа, 1979. 263 с.
2. Гальцев И. Н. Введение в изучение китайского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1962. 318 с.
3. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. М.: Наука, 1993. 271 с.
4. Кочерган М. П. Загальне мовознавство. Київ: Академія, 1999. 284 с.
5. Маслов Ю. С. Введение в языковедение. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
6. Петренко Д. А. Проблемы социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. – Под ред. А. Д. Петренко. М.: Перо, 2015. С. 18–103.
7. Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языковедению. М.: Наука, 1991. 623 с.
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 351 с.
9. Фаукес Р. А. Английская, французская и немецкая фонетика и теория субстрата // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 333–343.
10. Хауген Э. Проблемы двуязычного описания // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 277–289.
11. Щерба Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука, 1983. 155 с.
12. Щерба Л. В. О „диффузных” звуках // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 147–149.

УДК: 378.14:811

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Д. А. Петренко,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. В. Чернышова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ю. О. Маркова,

студент 1 курса магистратуры, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В ходе работы была уточнена сущность и особенности применения инновационных технологий в обучении иностранным языкам.

Включение метода обучения иностранным языкам при помощи инновационных технологий (медиа материалов) в содержание урока английского языка позволяет школьникам лучше понять культуру, традиции и жизнь в англоязычных странах, создает условия для участия учителя и учеников в совместных исследовательских заданиях, развивает любознательность и формирует речевые навыки детей.

Ключевые слова: инновационные технологии, медиа, медиатекст, методы, иностранный язык, образование.

Summary. During the research one has specified the essence and peculiarities of using the innovative technologies in teaching foreign languages. Inclusion of the method of teaching foreign languages by means of innovative technologies (media materials) into the content of the lesson of English allows pupils to understand better the culture, traditions and life in the English-speaking countries. It creates the conditions for the teacher's and pupils' participation in joint research projects develops inquisitiveness and forms children's speech habits.

Key words: innovative technologies, media, mediatext, methods, foreign language, education.

В настоящее время инновационные технологии обширно используются во всех сферах человеческой жизни. Они предназначены для повышения усвоения материала. Работая с разными видами информации, применяя ее и повышая квалификацию, человек становится грамотнее.

Под инновационными технологиями понимаются наборы методов, а также средств, которые поддерживают уровни реализации и внедрения нововведений [1].

Использование инновационных технологий в обучении отражается в понятии «медиаобразование».

По мнению И. В. Чельшевой, «в процессе медиаобразования учащиеся и студенты получают новые знания, выходят на более высокий осознанный уровень понимания медиа информации, знакомятся с различными областями ее применения, анализа, синтеза и т.д. Среди основных приемов работы здесь наиболее продуктивными нам представляются мозговой штурм (мозговая атака), решение эвристических и проблемных задач, дискуссия, игровая деятельность и т.п.» [6, с. 127].

К медиа-образовательным целям относят следующие аспекты: 1) переработка информации, получаемой благодаря СМИ; 2) развитие критического мышления, способности оценивать полученную информацию, формировать свое мнение о ней, а также находить скрытый смысл сообщений; 3) внедрение дополнительной информации в содержание общего базового образования; 4) формирование способностей находить, подготавливать, передавать и воспринимать необходимую информацию, включая использование различных технических средств (компьютеры, модемы, факсы, мультимедиа и др.) [3, с. 28].

Г. М. Коджаспирова трактует понятие «инновационные процессы в системе образования» как «управляемые процессы создания, восприятия, оценки, освоения и применения педагогических новшеств» [4, с. 44].

На современном этапе развития общества вне иноязычной среды работа с информационными технологиями дает возможность создать необходимый контекст для формирования рецептивных **речевых навыков**. В рамках информатизации общества создаются оптимальные условия для насыщения учебно-воспитательного процесса по английскому языку аудио и видео текстами, расположенными на бесплатных образовательных Интернет-ресурсах.

Важным для нашего исследования является уточнение качественных характеристик речевых навыков. К данным характеристикам относят: «автоматизированность (характеризует определенную скорость протекания действия, его целостность и плавность, низкий уровень напряженности обучаемого, готовность обучаемого к включению в деятельность); устойчивость (прочность); гибкость (готовность обучаемого включать речевые навыки в новые ситуации, распространять речевые навыки на новый речевой материал); сознательность (способность сознательного контроля со стороны обучаемого в случае возникновения затруднений при построении высказывания или допущения ошибки)» [5].

Важное место в формировании навыков занимает проведение нетрадиционных уроков. Для проведения подобных занятий необходимо расширение содержания образования, и внедрение новых методов и

приемов повышает интерес учащихся к предмету и делает обучение более доступным [7].

С точки зрения дидактики образовательного процесса применение технологий медиа образования требует: специальной подготовки преподавателя в области мультимедийных технологий, приемов педагогики, связанных с особенностями применения технических средств в процессе обучения, как способов достижения более активного взаимодействия учителя с учеником с использованием определенной технологии проведения занятия. В ходе урока педагогу необходимо не только излагать материал, но и контролировать использование мультимедийных средств, обращая внимание на малейшие изменения в состоянии аудитории [2].

Использование медиатекста в обучении иностранному языку создает оптимальные условия для обучения произношению, интонированию в соответствии с нормами языка. Осуществление же действий оперирования требует выверенного методического подхода со стороны учителя.

Применение данного метода очень важно при обучении иностранному языку. У учащихся формируется креативность, способность общаться и работать в команде, умение логически и аналитически мыслить, толерантность и способности к самообучению, что сможет обеспечить успешность профессионального и карьерного роста учащихся.

Список использованных источников

1. Академик [Электронный ресурс] // http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23283 (дата обращения 26.01.2017).
2. Бондаренко, Е. Н. Экспериментальная реализация применения мультимедийных технологий в учебном процессе по педагогическим дисциплинам // Вища школа: Гуманізація навчально-виховного процесу. – Слов'янськ, 2010. – Вип. L. С. 105 – 113.
3. Зазнобина, Л. С. Стандарт медиаобразования, интегрированного с различными школьными дисциплинами // Стандарты и мониторинг в образовании. – 1998. – № 3. С. 26–34.
4. Коджаспирова, Г. М. Словарь по педагогике / под ред. Г. М. Коджаспировой. М.: ИКЦ «Март», 2005. 448 с.
5. Центр современных методик образования [Электронный ресурс] // <http://www.dioo.ru/sistema-uprazhneniy.html> (дата обращения 26.01.2017).
6. Чельшева И. В. Методика и технология медиаобразования в школе и вузе. Таганрог: Изд. центр Таганрог гос. пед. ин-та, 2009. 320 с.
7. Чернышова Т. Г. Об интенсивных методах обучения иностранным языкам на экономическом факультете (в группах с углубленным изучением иностранных языков) // Научные труды Южного филиала Национального университета биоресурсов и природопользования Украины «Крымский агротехнологический университет». Экономические науки. – 2011. – № 140. С. 355–358.

УДК:61(071):42-093.5-03

СПЕЦИФИКА УСТНОГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРЕВОДА***К. А. Плеханова,****ассистент кафедры нормальной анатомии, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****В. В. Киселев,****кандидат медицинских наук, и.о. заведующего кафедрой судебной медицины, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****С. В. Андрюхина,****ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****В. М. Щербакова,****старший преподаватель кафедрой судебной медицины, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматривается проблема медицинского перевода как сферы деятельности на стыке двух областей - медицины и лингвистики. Предполагается, что его осуществлением должны заниматься специалисты-медики, получившие дополнительное филологическое образование.

Ключевые слова: перевод медицинских текстов; сопоставительный анализ в переводоведении; медицинский перевод с английского языка на русский.

Summary. The article deals with the problem of translation and interpretation in medicine as an activity of medical practitioners with additional philological education.

Key words: medical translation, medical interpretation from English into Russian, comparative analysis, theory of translation.

Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения [1].

Соответственно, медицинский перевод будет заключаться в передаче смысла информации медицинского характера с языка оригинала на язык адресата. Мы живем и работаем в то время, когда на стыке различных дисциплин возникают новые перспективные направления. В этом смысле медицинский перевод может рассматриваться как разновидность технического перевода [3].

Медицинская техника становится все точнее и эффективнее. Новые технологии внедряются во все сферы медицины: от стоматологии до пластической хирургии. Каждый день появляются новые медицинские

приборы, инструменты и аппараты. Что-то из них приобретается за рубежом, а некоторые отечественные изобретения интересуют иностранных специалистов. На основании всего вышеизложенного, можно сказать, что медицинский технический перевод с каждым днем становится все более и более востребованным видом перевода. Чаще всего устный медицинский технический перевод требуется на научных конференциях и различных международных медицинских форумах, что легко объяснить, учитывая необходимость непрерывного обучения в профессии врача [2].

Это достаточно молодая отрасль устного перевода. Впервые о потребности в профессиональном устном переводе заговорили лишь в 80-х годах двадцатого века.

В 1986 г. в США была основана Международная ассоциация устных медицинских переводчиков (англ. International Medical Interpreters Association, IMIA), объединяющая свыше 2000 переводчиков с 70 рабочими языками. Членами ассоциации являются не только профессиональные переводчики и лингвисты, но и медики: врачи, медсестры, главные врачи учреждений здравоохранения. Ассоциация разработала «Этический кодекс переводчика IMIA» для устных переводчиков в 1987 г., который был пересмотрен в 2007г. и переведен на русский язык.

Весной 2011 года открыто российское отделение ассоциации. Его президент – профессор Сергей Александрович Попков [4].

Устный медицинский перевод, кроме того, востребован в учреждениях социального типа, в страховых компаниях. Часто потребность в переводе возникает в аптеках, особенно в городах, представляющих интерес для иностранных туристов либо же имеющих ВУЗы, в которых обучаются иностранные студенты. Здесь, кстати, вполне осуществим устный перевод с использованием средств коммуникаций – в частности, телефона [5, 6].

Сложности устного медицинского перевода сопряжены с необходимостью учитывать как лексические особенности речи собеседников, так и ее стилистические моменты. Здесь может возникнуть трудность с интерпретацией т.н. «речевого регистра», если участники разговора принадлежат к различным социальным кругам, что особенно актуально в странах, где врач занимает достаточно высокое социальное положение. Усугубляется такая ситуация тем, что устный медицинский перевод выполняется в условиях цейтнота, абсолютно исключая возможность обращения к справочной литературе, и тут момент коллегиальности может сослужить добрую службу переводчику-медику.

Значимым является и степень ответственности передачи смысловой нагрузки переводчиком с медицинским образованием и без такового. При устном медицинском переводе важно передать даже ту информацию, которая, по мнению переводчика – не медика, не несет очевидной смысловой нагрузки. Этот момент приобретает особую важность при сборе анамнеза у пациента с подозрением на психическое заболевание.

Особняком стоит проблема перевода фразеологизмов медицинской направленности. Так, *head shrinker* - вовсе не «охотник за головами», а мирный психотерапевт; человек «*under the weather*» не метеозависим, а слегка простужен, употребление выражения *to get a black eye* говорит отнюдь не о применении цветных контактных линз, а о подбитом глазе.

Конечно же, следует помнить и о т.н «ложных друзьях переводчика». Это, пожалуй, первое, о чем следует предупреждать при подготовке специалиста в области медицинского перевода. Тут и классический *cellulitis*, лечение которого придется осуществлять в отделении гнойной хирургии, и *vector*, с которым придется работать инфекционисту, а не физику.

Существует и проблема перевода эпонимов. Эпонимы в медтерминологии делят на следующие группы: мифологизмы; библеизмы; термины, включающие имена литературных персонажей; термины, включающие имена больных; термины, включающие имена ученых и врачей. Так, в текстах по стоматологии, представляющих, наряду с текстами медицинских анализов, наибольшую сложность для переводчика, могут встречаться термины, с которыми врач-стоматолог знаком в силу профессиональных обязанностей, но найти их в общеупотребительных словарях, таких как Мультитран, не представляется возможным, что составляет довольно значительное препятствие для переводчика - не медика.

Так, например, *fusospirochetal disease* – это не «фузоспирохетное заболевание», а язвенно-некротический стоматит Венсана; *simple glandular cheilitis* – хейлит Пуэнте – Асевéдо, большой афтоз Турена звучит как *Behcet's disease*, хотя является одним симптомом из триады.

В условиях современной клиники нередко отсутствует возможность приглашения лингвиста-переводчика в ходе лечения, обследования и особенно оперативного вмешательства (в первую очередь – амбулаторного). Это связано как с санитарно-гигиеническими требованиями, так и со специфической «медицинской» атмосферой лечебного учреждения, предполагающей определенные психоэмоциональные нагрузки. Исходя из своего опыта, мы можем сказать, что переводчик, не являющийся медиком, в такой ситуации нередко теряется, вследствие чего польза от него стремится к нулю, а вред, обусловленный присутствием «лишнего» человека при медицинских манипуляциях, определенно имеет место. Нельзя исключить и столь же важный, сколь и неуловимый фактор «шестого чувства», базирующийся на принципах медицинской этики и деонтологии, в разговоре с пациентом. Кроме того, в ходе послеоперационной реабилитации возможность неограниченного общения на родном или хотя бы понятном больному языке существенно улучшает его психоэмоциональное состояние, что, в свою очередь, способствует скорейшему выздоровлению. Приглашение с этой целью лингвиста-переводчика, кроме вышеперечисленных недостатков, имеет еще и экономическую подоплеку – услуги устного переводчика довольно дороги.

В связи с этим мы считаем целесообразным лингвистическую подготовку специалистов-медиков, как необходимое звено оказания медицинской помощи в условиях современной ситуации на рынке медицинских услуг.

Мы уверены, что высочайшая личная мотивация, позволившая специалистам-медикам овладеть своей профессией, позволит им без особых сложностей освоить и область медицинского перевода.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
2. Компьютеризованная история болезни и системы классификации медицинских терминов. [Электронный ресурс] // Компьютерные технологии в медицине. – № 2, 1997. – <http://www.ctmed.ru> (дата обращения 28.01.2017).
3. Маджаева С. И. Неологизмы в медицинской терминологии. – 2010 [Электронный ресурс] <http://www.lib.csu.ru/vch/203/015.pdf> (дата обращения 28.01.2017).
4. Самойлов Д. В. О переводе медицинского текста. [Электронный ресурс] <http://www.practica.ru/Articles/medical.html> (дата обращения 28.01.2017).
5. Сметанина-Болдвин Ю. В. Кросс-лингвистическое межкультурное общение и роль переводчика в преодолении вербальных и невербальных коммуникативных барьеров // Вестник Моск.ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №4. С. 144–151.
6. Сметанина-Болдвин Ю. В. Коммуникативные тактики хеджирования в современном англоязычном дискурсе «доктор–пациент» // Вестник Пятигорск.гос.лингв.ун-та. –2009. – №3 (Июль–Сентябрь). С. 151–154.

УДК 81'255.2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА «ФУТУРИЗМОВ» В РОМАНЕ АЛАНА ДИНА ФОСТЕРА «ХРОНИКИ РИДДИКА»

Н.С. Приймак

студент 3 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация: Цель данной статьи – исследовать характерные черты футуризма в литературе, феномен словотворчества как достижение футуризма, проанализировать понятие «футуризма», рассмотреть способы образования «футуризмов», особенности их перевода на русский язык применительно к роману «Хроники Риддика».

Ключевые слова: футуризм, словотворчество, словообразовательная деривация, конверсия, заимствования, транскрипция.

Summary: The aim of the article is to determine futurism in literature and its significant characteristics. The term «futurism», the way in which «futurisms»

are formed and the aspects of their translation are discussed, with examples taken from the novel «The Chronicles of Riddik».

Key words: futurism, word creation, word-formative derivation, conversion, borrowing, transcription.

Исследования футуристического подхода к новому словотворчеству, изучение места и роли индивидуально-авторских новообразований в футуризме, важно для понимания индивидуального стиля авторов, выполняемых ими функций, а также актуально с точки зрения обогащения литературного языка в целом.

Кроме того, анализ способов образования «футуризмов» демонстрирует существующие тенденции развития деривационной системы языка, а также определяет выбор переводческих методов.

Футури́зм (лат. *Futurum*-будущее) – общее название художественных авангардистских движений 1910-х – начала 1920-х годов, получившее распространение в Италии и России. Автором понятия является итальянский поэт Филиппо Маринетти, который в парижской газете «Манифест Футуризма», опубликованной в 1909 году, изложил основополагающие принципы модернистского течения [11].

Футуризм проповедовал создание искусства будущего, выражая полное отрицание предшествующих художественных традиций. Указанное течение охватило многие сферы искусства – литературу, живопись, скульптуру, музыку [10].

Характерными особенностями футуризма являются:

- неприятие существующего мира и достижений культуры, устремленность в будущее, создание новой авторской картины мира, проектирование нового будущего;
- отказ от старых ценностей и традиций в литературе и искусстве, активные поиски новых художественных средств и литературных форм [5; с. 72];
- разрушение общепринятого синтаксиса, создание теории «слов на свободе», освобождающей слова от линейных, логических и синтаксических связей;
- активное словотворчество;
- создание эффекта динамической смены событий, скорости с помощью уничтожения прилагательных, наречий и знаков препинания, употребление глаголов в неопределенном наклонении, опущения союзов;
- введение в литературу «восприятия по аналогии» и максимум беспорядка;
- воспевание достижений цивилизации, процесса урбанизации и технического прогресса, технократическое мышление;
- взгляд на человека как на слабое существо, которое не представляет интереса для искусства [10];

- прославление идеи насилия, агрессии, жестокости, бунта и войны (как гигиены мира);
- культ героя сверх-человека преобразователя и создателя мира.

Чтобы избежать ярма литературных и языковых традиций прошлого, как в стихах, так и в прозе, футуристы разрушали морфемную структуру слова, вводили лексические единицы, которые противоречили фонетическим законам языкового строя языка, занимаясь своего рода «лингвистической инженерией». Языковое творчество футуристов было «не столько лексикологично, сколько грамматично» [3; с. 24].

«Футуризмы» – это новые, ранее не используемые в литературе слова, созданные автором художественного произведения, которые могут обозначать как существующие в мире предметы/явления, так и несуществующие, которые имеют значение в контексте данного произведения. В отличие от неологизмов «футуризмы» не пополняют словарный запас языка, а остаются предметом изучения языковедения и литературоведения. Часто не имея лексического значения, смысла, «футуризмы» могут лишь вызвать индивидуальные ассоциации [8; с. 119]. Таким образом, автор вовлекает читателя в поиск смыслов, своеобразное сотворчество.

Использование «футуризмов» способствует созданию колоритных образов, придают тексту яркость и выразительность.

Перевод «футуризмов» во многом определяется особенностями словообразования. В ходе изучения романа Алана Дин Фостера «Хроники Риддика» выявлены наиболее часто употребляемые автором способы образования новых «футуризмов»:

- 1) Словообразовательная деривация – образование новых слов посредством сложения двух основ в одно сложное слово [2; С. 58] (spaceport, organalyzer, cryosleep); путем добавления суффикса (lensor); префиксальным способом (Quasi-Deads).
- 2) Конверсия, т.е. функциональный переход слова из одной части речи в иную (Elementals);
- 3) Заимствования из латинского языка. Использование данного языка для обозначения терминов обусловлено тем, что он издавна считался языком науки и ученых. Так, в тексте романа используется вымышленный термин «Urzo giganticus» или «urzo», обозначающий мохнатое дикое животное, имеющее формы и размеры человеческого существа, обитающего на Планете 6.

Перед тем, как приступать к переводу «футуризмов» необходимо сначала определить значение слова из контекста, а затем приступать непосредственно к переводу текста и выбору способов передачи смысла данного слова [1, с. 265].

Перевод методом транскрипции состоит в воспроизведении звучания английского слова [6, с. 134]. Например, necromonger – некротанангер, necroism – некроизм.

Для перевода при помощи калькирования характерна замена лексической единицы языка оригинального текста при помощи соответствующей ей лексической единицы в языке перевода [3; с. 26].

При калькировании сохраняется внутренняя формы слова, зачастую при переводе на русский язык используется соединительная гласная -о-: -spaceport – космопорт, cryosleep – криосон, organalyzer – органализатор, Quasi-Deads – Почти-Мертвецы, UnderVerse – Андерверс.

При осуществлении перевода посредством телескопии новое слово возникает путем слияния усеченной основы одного слова с полной основой другого либо путем слияния двух усеченных основ. При этом, значение нового слова включает в себя значение формирующих его структурных компонентов – cryosleep tubing – крио-аппаратура.

Латинские заимствования (термин «urzo giganticus») в тексте романа не переведены, оставаясь написанными латинскими буквами.

Функциональная замена применяется в случае, если ни одно из соответствий, предлагаемых словарем, не подходит к данному контексту [4; с. 76]. Подбор функционального эквивалента имеет целью вызвать у читателя перевода такие же ассоциации, как и у читателя оригинального текста. К примеру, «the lensors scanned everything in range or sight of their enhanced senses» – «ходячие сканнеры проверяли ее с помощью своих искусственно усиленных чувств».

«Футуризмы» в художественном тексте создаются автором с целью выражения языковыми средствами новых образов, нового индивидуально-авторского художественного мира.

Поиск и анализ «футуризмов» в литературном произведении не только раскрывает элементы индивидуального стиля его автора, но и расширяет представление о словотворчестве в футуризме. Перевод «футуризмов» на русский язык носит творческий, нестандартный характер и призван приводить читателя к правильному пониманию исходного текста.

Список использованных источников

1. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 14–22, 263–271.
2. Никульцева В. В. Деривационное гнездо как фундамент словотворчества русского футуризма // Семантика слова и семантика текста: Сб. научн. тр. Вып. XI. М., 2011. С. 58.
3. Никульцева В. В. Владимир Хлебников и Владимир Маяковский: параллели словотворчества // Русская речь. – 2014. – №4. С. 23–27.
4. Полухина Я. П. Словотворчество В. Каменского: дис. канд. филолог. наук. Тюмень, 2002. 143 с.
5. Русская литература XX века: школы, направления, методы творческой работы. Учебн. для студ. вузов / Под ред. С. И. Тиминой. – СПб.: Издательство «Logos»: М.: Высшая школа, 2002. 586 с.

6. Филипова Д. Некоторые аспекты перевода авторских неологизмов в фантастических произведениях (на материале произведений С. Лукьяненко) // Вестник ПНИПУ. – 2015. - № 8. С. 132–136.
7. Фостер А. Д. Хроники Риддика: роман / Алан Дин Фостер; [пер. с англ. Н. Власовой, П. Киракозова, Н. Кузовлевой]. Спб.: Ред Фиш. ТИД Амфора, 2004. 415 с.
8. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. Редактор М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 462 с.
9. http://www.any-read.net/read/The_Chronicles_of_Riddick/index.html (дата обращения - 14.01.2017).
10. <http://slova.org.ru/n/futurizm/> (дата обращения – 12.01.2017).
11. <http://libelli.ru/works/marineti.htm> (дата обращения - 13.01.2107).

УДК 82,2

IVAN BUNIN AS A TRANSLATOR OF BYRON'S MYSTERY PLAYS

N. Prozorova,

candidate of philology, associate professor of literature department. Kaluga State Tsiolkovsky University, Kaluga

Аннотация. Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать подход Бунина к художественному переводу и наметить его переводческую стратегию, а также практические результаты его переводов пьес-мистерий Байрона «Каин» и «Небо и Земля», в которых он, возможно, внес наиболее успешный вклад в «высокое искусство» (К. Чуковский) перевода. Статья предлагает исторический подход к анализу художественного перевода. Как выбор переводчиком произведения для перевода, так и его переводческие стратегии и практика определяются эстетическими тенденциями определенного периода развития литературы. Применительно к Бунину речь идет об эстетической атмосфере культуры Серебряного века, которая обусловила интерес писателя к метафизическим проблемам и его ностальгию о русской литературе Золотого века. Таким образом, двойственность бунинского эстетического кредо традиции/новаторства обнаруживается не только в его оригинальных, но и в переводческих работах. Бунин являет собой пример неразрывной целостности оригинального поэта и поэта-переводчика в их взаимодействии и взаимозависимости.

Ключевые слова: пьесы-мистерии, поэтическая вольность, переводческая стратегия, исторический подход, культура Серебряного века, целостность, метафизические проблемы, Библейское бедствие, традиция, новаторство.

Summary. The paper's aim is to trace Bunin's approach to translation and to outline his translation strategy and practical results in his translation of Byron's Mystery plays *Cain* and *Heaven and Earth* where he made probably his best contribution to a "high art" (K.Chukovsky) of translation.

The paper offers a historical approach to the analysis of literary translation. Both translator's choice of work to translate and his strategy and practices of translation are defined by aesthetic tendencies of some definite period of literature development. In the case of Bunin it was the aesthetic atmosphere of Silver Age culture that defined Bunin's interest to metaphysical problems and his yearning for Russian Golden Age literature. Thus, Bunin's double aesthetic credo of tradition/innovation is revealed not only in his original but in his translated works.

Bunin's example is that of integral unity of original poet and poet-translator and of their interaction and interdependence.

Key words: mystery plays, poetic license, translation strategy, historical approach, Silver Age culture, integrity, metaphysical problems, Biblical disaster, tradition, innovation.

Ivan Bunin is known primarily as an outstanding Russian writer, poet and Nobel Prize winner. Far less he is known as a major figure in the national culture of translation. But the situation might be changed after the recent publication of the complete collection of his verse translations in the bilingual edition, which took place in Moscow [5].

My intention is to trace Bunin's approach to translation as an organic part of the literary process and to outline his strategy and practical results in his translations of Byron's mystery plays *Cain* and *Heaven and Earth* where he made probably his best contribution to "the high art" of translation [1].

Let me first outline some general principles of the literary translation. To be very brief, the last century theories and practice offered two main approaches to the methods of literary translations. One is aimed at approaching of the original work to a reader, another – at approaching a reader to the original work. In the first case translation is marked by poetic license and in the second one translation may be called more faithful. As for Bunin, his translation strategy was aimed at the middle way – between Scylla of poetic license and Charybdis of literal translation.

I'd like to pay your attention to the obvious fact: if an original work is always one and the same, its translations are inevitably multiple and changeable depending not only on the individual talent of a translator but on the historical time of translation. That is why a historical approach to the analysis of literary translation might be the most productive one. Both the translator's choice of works to translate and his strategy and practices of translation are defined by aesthetic tendencies of some definite period of literature development. In the case of Bunin, it was the aesthetic atmosphere of the Silver Age culture with its interest to metaphysical problems and with its keen sense of imminent catastrophe. Like any transitional period of history, Russian Silver Age was the time when, by Donne's famous words, "all coherence gone" [2, p. 221]. It is no wonder then that the Silver Age Russian writers were interested in the eternal problems of Good and Evil and experienced a keen nostalgia for the lost paradise of integrity.

Ivan Bunin shared that interest to metaphysical problems of his time. Moreover he was more deeply than many of his contemporaries sank into them due to some peculiarities of his attitude of mind. From his youth he was possessed by somewhat childish offence at death and by existential tragedy of man doomed to decay and oblivion. Thus, Byron's mystery plays were consonant in many ways to Bunin's outlook.

Byron's two mystery plays *Cain* and *Heaven and Earth* may be called a Biblical dilogy. The first concerns the aftermath of one Biblical disaster, the Fall, the second is the prelude to another, the Flood. In one we witness the origins of human race; in the other we witness its destruction. But in both dramas human values are contrasted with larger creational values of the kind which govern the universe, not the world. Byron followed there the medieval Mystery play tradition where eternity is seen from a temporal point of view and where the depiction of good and evil is done in absolute forms, as God and Satan.

It is important to note that Bunin was always interested in spiritual problems. The Bible as well as the sacred books of Islam and Buddhism was among his constant reading. He shared with Romanticism the mystical consciousness that is the keen sense of divine present in our world. These tendencies increased by the beginning of the Twentieth century when Bunin began to translate Byron's mystery plays. Bunin's original works of that time were characterized by the motives of the mysterious essence of life and death, of fatal force of love, of doomed power of memory.

Byron made his Cain yearn for Enlightenment value of knowledge "as being the road to happiness" [5, p. 262]. But his Lucifer depressed Cain by showing him a catastrophic history of the previous incarnations of the earth and even more catastrophic history of its future.

Lucifer

First born of the first man!

Thy present state of sin – and thou art evil,
Of sorrow – and thou sufferest, are both Eden
In all its innocence compared to what
Thou shortly may'st be; and that state again,
In its redoubled wretchedness, a Paradise
To what thy sons' sons' sons, accumulating
In generations like to dust (which they
In fact but add to), shall endure and do [5, p. 260].

As Richard Lansdown suggests, "perhaps it was the drama's profound pessimism, rather than its nonconformity, which really upset readers in Byron's own day – certainly its pessimism proved enormously influential in the remainder of the nineteenth century, among Continental thinkers in general and Russian ones in particular" [4, p. 124].

It is important to note that eschatological notes of Byron's *Cain* were consonant with general philosophical and aesthetic atmosphere of the Silver Age Russian culture. Being the epoch of *fin de siècle* with its revaluation of values, the

Silver Age inclined to interpret Byron's works through the mediation of the philosophical ideas of Nietzsche, the only philosopher who acknowledged the influence of Byron.

The blank verse that Byron used for his mystery plays is one of the most difficult verse forms for translation. It demands the scrupulous choice of words and their strict instrumentation. The main poetical means of Byron's mysteries are lyrical monologues marked with hyperboles, antitheses and anaphors. One of the most striking examples of Bunin's art of translation is the monologue of Cain in the second act of the mystery play, the description of Adah's beauty. First, I give it in the original:

Cain

... All the stars of heaven,
 The deep blue noon of night, lit by an orb
 Which looks a spirit, or a spirit's world –
 The hues of twilight – the sun's gorgeous coming –
 His setting indescribable, which fills
 My eyes with pleasant tears as I behold
 Him sink, and feel my heart float softly with him
 Along the western paradise of clouds –
 The forest shade – the green bough – the bird's voice –
 The vesper bird's, which seems to sing of love,
 And mingles with the song of cherubim,
 As the day closes over Eden's walls, -
 All these are nothing, to my eyes and heart,
 Like Adah's face... [5, p. 264]

And the same monologue in Bunin's translation:

Каин

... Все звезды,
 Вся красота ночных небес, вся прелесть
 Вечерней тьмы, весь пышный блеск рассвета,
 Вся дивная пленительность заката,
 Когда, следя за уходящим солнцем,
 Я проливаю сладостные слезы
 И, мнится, вместе с солнцем утопаю
 В раю вечерних легких облаков,
 И сень лесов, и зелень их, и голос
 Вечерних птиц, поющих про любовь,
 Сливающийся с гимном херувимов,
 Меж тем как тьма уж реет над Эдемом, -
 Всё, всё ничто пред красотой Ады... [5, p. 265]

The long poetical period is marked with sculptural vividness. The strength of feeling and clarity of mind are in perfect harmony there. One of the most effective means of creating the impression of majestic Byron's style was

connected for Bunin with introducing archaisms and the words derived from the Bible in his translated texts. But he never overused them, orientating himself to the widely known ones and to those without which the Biblical plot of the play couldn't exist.

Following the original text Bunin caught the individualized speech characteristics of mystery play heroes. It is obvious, for example, in monologues of Lucifer that are marked by his inclination to abstract thought and at the same time by aphoristic expressiveness:

I will not say,
Believe in *me*, as a conditional creed
To save thee [5, p. 220].

In Bunin's translation these lines are even more aphoristic and laconic:

Я веры, как условия спасенья,
Не требую [5, p. 221].

As for the second mystery play *Heaven and Earth*, Bunin translated it as abridged version of the unfinished original. He finished his translation work in 1914. Thus, Biblical plot of Great Catastrophe coincided with the historical catastrophe of the First World War. This fact contributed to some extent to translator's interpretation of the play which was marked with "passionate participation" (the expression by Umberto Eco who claimed the passionate participation to be the necessary condition of successful translation) [3, p. 218].

Heaven and Earth is more lyric than dramatic and its focal problem is the nature of love as the only human value that is common with the divine. The range of its understanding is rather diversified. Noah's conception of love is that of absolute faith and absolute obedience to God: "Live as He wills it – die, when He ordains" [5, p. 367]. Aholibamah resumes her forefather's idea, demanding "a God of love, not sorrow" [5, p. 360]. And Japhet brings Aholibamah down to earth with an aphoristic cue: "Alas! What else is Love but Sorrow?" [5, p. 360]. But it is Japhet who demonstrates one of the most important values of love – the readiness for sacrifice. At the fragment's conclusion he prefers to share the death in the Flood together with her beloved and with all other people: "Why, when all perish, why must I remain?" [5, p. 375].

The most expressive scenes of *Heaven and Earth* are those where Byron describes the imminent Biblical disaster, using the great diversity of rhythm and intonation. And Bunin demonstrates his high art of translation uniting beauty and faithfulness. I'll give you only one example. It is a fragment from *Chorus of Spirits*:

Hark! Hark! already we can hear the voice
Of growing ocean's gloomy swell;
The winds, too, plume their piercing wings;
The clouds have nearly filled their springs;
The fountains of the great deep shall be broken,
And heaven set wide her windows; while mankind

View, unacknowledged, each tremendous token –
Still, as they were from the beginning, blind.

.....

All die!

And to the universal human cry
The universal silence shall succeed! [5, p. 351-352]

And now Bunin's translation:

Чу! Голос вод – угрюмый гул зыбей!

Они идут, растут среди молчанья.

Раскрылись крылья острые ветров;

Набухли влагой недра облаков;

Ключи великой бездны бьют во мраке,

И хлябь готова хлынуть; но слепцам

Дано ль понять и видеть знаки,

Что зримы нам?

Не избегнуть миру страшной доли!

И скоро гробовая тишина

Поглотит все укору и проклятья [5, p. 393].

Rhythmical and lexical exactness of that translation doesn't prevent it from naturalness of sound in Russian.

Vladislav Khodasevitch once called Bunin archaist-innovator. This oxymoron paradoxically unites Bunin's opposite artistic purposes. On the one hand, he aimed at Russian Golden Age poetry (primarily that of Pushkin) with its strict laconism and transparency of images. And on the other, he was absorbed, like many of his poets - contemporaries, in searches of new means of artistic expression. That double aesthetic credo of tradition/innovation is revealed not only in Bunin's original but in his translated works.

Thus, Bunin's example is that of integral unity of original poet and poet-translator and of their interaction and interdependence.

References

1. Chukovsky, Korney 2008. *Visokoye iskusstvo. Prinzipi khudozhestvennogo perevoda* [The High Art. The Principles of Art Translation]. Saint Petersburg: Azbuka-klassica.
2. Donne, John. *The Complete English Poems*. London: Penguin Classics, 1976.
3. *Historia perevoda: Mezhdunarodnye podhody k izucheniy. Materiali mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moskva 15-17 September 2011. [The History of Translation: Cross-Cultural Approaches to the Research. The Materials of International Symposium]. Natalia Reinhold (ed.). Moscow: RGGU.
4. Lansdown, Richard. *The Cambridge Introduction to Byron* 2012. Cambridge: Cambridge University Press.
5. *Zhemchuzhiny mirovoy poesii v perevodah Ivana Bunina*. [The Pearls of World Poetry in Ivan Bunin's Translations]. Juri Friedstein (ed.). Moscow: Rudomino, 2013.

УДК 821.512.161

**ТУРЕЦЬКИЙ ДРАМАТУРГІЧНИЙ ТЕКСТ
У СВІТЛІ УКРАЇНСЬКОЇ РАМПИ*****І. В. Прушковська,****доктор філологічних наук, доцент, доцент кафедри тюркології, Інститут
філології, Київський національний університет імені Тараса Шевченка,
Київ*

Аннотація. Исследование привлекает внимание к перспективе восприятия достижений современной культуры Турции путем ознакомления с творчеством мастеров турецкой литературы. Цель исследования состоит в выявлении форм функционирования турецкого драматургического текста в Украине на современном фактическом материале. В работе задействованы методы анализа и синтеза, культурно-исторический и функциональный методы. Отдельное внимание уделяется роли искусства переводчика и особенностям художественного перевода историко-культурных текстов. Рассмотрены особенности жанра биографической турецкой драмы (наиболее благодатной в современном творчестве турецких драматургов) и перечислены произведения, которые характеризуют национально окрашенные образы государственных, культурных или религиозных деятелей исторического прошлого Османского государства. Подчеркнута особенность творчества Тунджера Джюдженоглу и исключительное новаторство его драматического таланта. Описаны встречи в свете украинской рампы популярных пьес Т. Джюдженоглу.

Ключевые слова: турецкая драма, художественный перевод, тематика, образ, суфийский «текст», Т. Джюдженоглу.

Summary. The article pays attention to the prospect of Turkey's perception of the achievements of modern culture through the presentation of the works of Turkish literature masters. The purpose of the study is to show the forms of the functioning of the Turkish drama text in Ukraine using the modern plays. In the article we use methods of analysis and synthesis, cultural-historical and functional methods. Special attention is paid to the role of art and features of literary translations of historical and cultural texts. In this article we examined the features of the Turkish drama's genre (the most fertile in the contemporary works of Turkish playwrights) and lists the products which characterize national painted images of public, cultural and religious figures of the past of the Ottoman state. The study also noted about presenting plays of T. Dzhyudzhnoglu on the Ukrainian scene.

Keywords: Turkish drama, literary translation, theme, image, Sufi "text", T. Dzhyudzhnoglu.

Турецька драматургія як самобутній літературний і театральний фенотип постає сьогодні одним із помітних конститuentів світової

драматургії. Зосередження уваги на прочитанні турецької авторської драми сприяє розширенню уявлень про парадигму літератури як історико-культурного явища, а також збагачує сучасний літературний процес тими неповторними у своїй національній унікальності художніми явищами, що дозволяють спостерегти своєрідність як сучасної турецької драми, так і турецької літератури загалом. Мета розвідки полягає у спостереженні форм функціонування турецького драматургічного тексту в Україні.

Своє уявлення про той чи інший народ ми формуємо, насамперед, через уявлення про його культуру. Література містить в собі певні культурні коди та подає дані про рівень інтелектуальної та духовної розвиненості народу чи нації, літературу ми мусимо сприймати через призму художнього перекладу. Перекладач стає співавтором письменника або поета, дає його твору друге життя, вже в іншій мові відроджує, відтворює його засобами цієї мови [3, с. 25].

Знайомлення українських читачів з турецькою літературою почалося на початку ХХ ст. завдяки численним перекладам А. Кримського і В. Дубровського. Українське прочитання оповідань Омера Сейфеддіна, Халіде Едіп Адивар, Халіда Карая доповнило літературну картину воєнних часів України.

Друга половина ХХ – початок ХХІ ст. багаті на українські переклади турецької романістики і новелістики (Р.Н. Гюнтекін, Ф. Ердинч, Н. Хікмет, О. Памук, Б. Карасу, Т. Кіремітчі, А.Е. Перкер). Також український читач має уяву про турецьку драматургію у перекладах М. Гонт, Г. Бегічевої, О. Кучми, Д. Пасічник, І. Прушковської: Назим Хікмет «Перший день свята», «Празькі куранти», «Я буду жити», Тунджер Джюдженоглу «Лавина», «Матрьошка», «Вертоліт», Н. Джумали «Криниця», Р. Більгінер «Мевляна», Т. Озакман «Мевляна», Г. Дільмен «Наше кохання – найбільша пожежа в Аксараї», У. Кьоксал «Далекі», Б. Ак «Два помножити на два» та ін. [4]. Враховуючи специфіку драми як унікального виду мистецтва, що вже за своєю художньою природою орієнтований на візуалізацію найбільш характерних і репрезентативних для духовного і культурного життя національних процесів, варто окремо зупинитися на приявності турецької драми в Україні у двох форматах: візуальному/сценічному і текстовому.

Переважає більшість турецьких п'єс, про які йшлося вище, існують в українському культурному просторі лише як текст і сприймаються умовно як «п'єси для читання», чекаючи на візуалізацію/прочитання українськими театральними постановниками. Безумовно, навіть такий формат присутності має місце і, завдяки зусиллям українських перекладачів, сьогодні ми поглиблюємо уяву про країну-сусідку. Близькою здаються тематика турецьких драм: опозиція місто-село, родинно-побутове коло тем, становище жінки у суспільстві, міфологічно-історична проблематика [2], жанрова специфіка: драма абсурду, історико-біографічна, епічна драма [2]. Попри те, що турецька драма має успіх у багатьох країнах, до турецького драматургічного тексту не поспішає придивитися споживач культури. І це

не через брак перекладів, а, певно, через глибоку національну специфіку, розкриття якої потребує масивних «міжрядкових» коментарів. Наприклад, жанр біографічної драми, який є одним з найпродуктивніших у сучасній турецькій драматургії. Кожна окрема п'єса (Т. Нара «Божевільне дерево (Юнус Емре)», «Крила у вогні душі», Т. Озакман «Я – Мімар Сінан», Т. Офлазоглу «Божевільний Ібрагім», «Мурат IV», «Молодий Осман», «Візантію зруйновано: Фатіх», «Селім III. Меч і Ней», «Джем Султан», «Кануні Сулейман», «Явуз Селім», «Сінан», О. Юла «Несправжня Гюррем», «Шемсе, не забувай», Р. Озчелік «Ібн Сіна», О. Асена «Юнус Емре», «Хюнкар Бекташ Вели» та ін.) презентує національно марковані образи дежавних, культурних чи релігійних діячів історичного минулого Османської держави, сприйняття яких потребує вільної орієнтації у фонівій інформації. Схожа ситуація із суфійським «текстом», який утворюють суфійські мотиви та образи біографічної драми. Звернення до суфійського «тексту» зумовлює своєрідність поетики турецьких драматичних творів, на яку накладається суфійська символіка і містика. Мотив ініціації героя, одухотворення, метаморфози, надприродні здібності персонажів та інші елементи казково-міфологічного характеру перетворюють твори (наприклад, Н. Ас'яли) у драми-феєрії. На тісний зв'язок із містичним світобаченням суфіїв та спробою автора художньо осмислити постать одного з найвеличніших суфіїв – Мевляни в характерній для вчення стилістиці вказують і образи-символи драми Т. Нара «Крила у вогні душі». Образ дороги символічно характеризує міфічну подорож Мевляни у пошуках Шемса й усвідомлення свого «я». Шлях Мевляни символізується образом нічного метелика, який літає навколо вогню неіснування і обпалює крила об неминучість смертельного кінця. Класичні суфійські образи трояндового саду, сопілки-нея, колодязя таємниць, вогника любові, кружляння дервішів не є ізоморфними стосовно зовнішньої форми прототипу. Вони містять прихований зміст, який розкодовується за умови заглиблення у суфійську сутність. Засобами бриколажу у текст вводяться імена різнопланових і різнорідних особистостей, значимих для культури всього ісламського світу (Халладж-Мансур, Омар Хайям, Ферідюддін Аттар, Сеїд Несімі, Зердюшт, Менночіно). Такий симбіоз підсилює вагомість суфійського «тексту» у сучасній турецькій драмі, трактування якого лягає на плечі перекладача, інакше суть «тексту» лишиться поза увагою реципієна. Тоді як для самих митців цілком природнім, очевидним та чи не найважливішим є кінцевий адресат, читач, реципієнт [5, с. 12].

Разом із тим варто відзначити, що турецькі культурно марковані елементи за останні роки набули ширшого потрактування і сприйняття в українській культурі завдяки знову ж таки перекладам, але вже перекладам текстів медійних (багатосерійних фільмів «Величне століття», «Сила. Повернення додому», «У чому вина Фатмагюль», «Асі», «Уламки щастя»).

Тому існує вірогідність, що і турецька національно забарвлена драматургія стане бажаним гостем на українській сцені.

Розглядаючи сценічне втілення турецького драматургічного тексту в Україні, варто віддати належне оригінальності драмопису Тунджера Джюдженоглу – одному з найвідоміших в Туреччині та за її межами сучасному драматургу, а також перекладачеві Олександрові Кучмі, який не лише вкладає вміння й душу у прагненні створення діалогу між українською і турецькою культурами [1], але й не байдужий до сценічної долі творів турецького митця.

Талант Т. Джюдженоглу проявляється у творах різних жанрів (трагедія, комедія, трагікомедія, мюзикл, політична драма, фарс, історико-біографічна драма). Художня оригінальність, увага до людини як такої, розуміння світу як єдиного цілого, універсальність тем принесли йому широку популярність на батьківщині та за кордоном, зокрема в Україні.

Так, у національному центрі театрального мистецтва імені Леся Курбаса у квітні 2011 р. відбулося театралізоване читання-репетиція п'єси Тунджера Джюдженоглу «Безвихідь». 28 січня 2012 р. відбулася прем'єра «Лавини» на сцені Чернівецького муздрамтеатру ім. Ольги Кобилянської. «Лавина» стала політичним гімном боротьби з тоталітаризмом у багатьох країнах, де на сценах театрів яких вона йшла з великим успіхом. Приміром, у театрі «Аксарай» ставили «Лавину», щоб зібрати кошти для постраждалих під час масових заворушень у Жанаозен 2011 року. Улітку того ж року трупа знову грала «Лавину», щоб привернути увагу до долі свого засновника, Болата Атабаєва, який потрапив за ґрати через політичні підозри [6].

28 грудня 2014 р. у Львівському академічному обласному музично-драматичному театрі ім. Юрія Дрогобича у присутності автора п'єси відбулася прем'єра «Лавини», присвячена «Небесній сотні». У «Лавині» Т. Джюдженоглу часто вдається до абстрактизації матеріалу. Образ самої лавини набуває гротескних рис: щось невідоме, страшне, незрозуміле, небезпечне, таке, що заважає дев'ять місяців на рік жити повноцінним життям: радіти, сумувати, народжувати і помирати. Автор виокремлює кілька груп персонажів: ті, хто обирає мовчання; ті, хто залякує і змушує мовчати; ті, кого мучить совість через бездіяльність (як, наприклад, старий чоловік); ті, які прагнуть кращого майбутнього й готові боротися з утисками та усталеними правилами (це молодий чоловік і його вагітна дружина) [2, с. 304]. Перемагає молодь, нові віяння, новий устрій. Події, зображені в «Лавині», видаються, на перший погляд, комічно-трагічними, нереальними: настає ранок, пташки, кури, півні, домашні тварини – усі мовчать, бо бояться наближення лавини. Разом із тим немає відчуття ірреальної казковості, адже читач/глядач упізнає в сюжеті страшну реальність. Т. Джюдженоглу вміло моделює у своїй творчій уяві психологічний експеримент, який призводить до поглибленого психологізму драми «Лавина», закладаючи код інформації для майбутніх поколінь [2, с. 304].

У грудні наступного, 2015 року, театр ім. Ю. Дрогобича триумфально представив на своїй сцені «Вертоліт», сюжет якого нагадує реалії української політики. У цій п'єсі Т. Джюдженоглу, майстер політичної сатири, говорить про вади політиків, бюрократів, представників мас-медіа. В образах головних героїв будь-який читач/глядач з легкістю впізнає міністрів, радників, секретарів, охоронців, журналістів своєї країни з особливим кодексом поведінки. З метою зацентувати на універсалізмі теми твору, автор замість імен персонажів називає їх посади. «Безіменність» героїв «Вертольота» формує категорії типовості, «безособовості», які прокладають шлях до кожного, хто цікавиться суспільною проблематикою [2, с. 292].

Наступним, і, сподіваємося, не останнім кроком стають театральні читання українською «Візитера» Т. Джюдженоглу в театрі «Арабески» (17 грудня 2016 р., м. Харків). Отже, перших прихильників в Україні турецька драматургія вже здобула. Залишається чекати на зацікавлення творчістю турецьких драматургів, а тим часом перекладачі продовжують плідно співпрацювати з сучасними авторами і плекають надію, що їхня праця не для «шухляди», а заради яскравого світла української рампи.

Список використаних джерел

1. Прушковська І. В. До питання перекладу українською мовою п'єс турецького драматурга Тунджера Джюдженоглу / І.В. Прушковська // Нова філологія: зб. наук. пр. Запоріжжя: ЗНУ, 2012. – №54. – С.99-102.
2. Прушковська І. В. Незамкненість канону: поетика турецької драматургії. К.: Український письменник, 2015. 392 с.
3. Прушковська І. В. Роздуми про художній переклад (на матеріалі турецькомовних літературних творів): науково-публіцистична монографія. К.: Укр. пропілеї, 2016. 132 с.
4. Прушковська І. В. Сучасна турецька драма: антологія / пер. з турец. І.В. Прушковської; передмова Л.В. Грицик. К.: Український письменник, 2014. 478 с.
5. Червінська О. В. Рецептивна поетика. Чернівці: Рута, 2001. 56 с.
6. Казахстан: театр с политическим оттенком [Електронний ресурс] – режим доступу: <http://russian.eurasianet.org/node/6008> (дата звернення 28.01.2017).

УДК 821.111-34

ELEMENTS OF COMEDY IN R. KIPLING'S AND L. CARROLL'S FAIRY TALES

T. A. Radchenko,

assistant of English Philology department, Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol;

A. V. Derevyanko,

student of Foreign Philology Institute, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В статье представлены результаты исследования элементов комического в английской авторской сказке в ключе сопоставительного анализа, а также системного анализа лингвистических и стилистических средств, характерных для этого жанра. Актуальность исследования определяется специфичностью средств выражения комического в авторской сказке и необходимостью дальнейшей разработки уже существующих механизмов передачи «комического» как на вербальном уровне, так и на уровне сюжета и персонажей.

Ключевые слова: элементы комического, авторская сказка, лингвистические приёмы, Редьярд Киплинг, Льюис Кэрролл.

Summary. The relevance of the research is due to the necessity of studying the specificity of the elements of comedy in the English literary fairy tale as well as due to the lack of the systemic analysis and classification of linguistic and stylistic techniques which are specific to the literary fairy tale genre. The research requires further elaboration of methods of comedy elements transmission on the verbal level and is marked by the increased interest to this genre as a type of the language game.

Key words: elements of comedy, literary fairy tale, linguistic and stylistic techniques, Rudyard Kipling, Lewis Carroll

The major task of this research is the comprehensive and systematic identification of linguistic means responsible for the creation of the comic effect in the English literary fairy tale as well as linguistic and stylistic techniques that serve to implement the comic potential of the fictitious text.

This article has in focus the following issues:

1. elements of comedy at the level of plot and structure;
2. elements of comedy at the level of characters;
3. linguistic and stylistic techniques used to create a particular comic effect in the English literary fairy tale.

The research has been carried out in the comparative paradigm on the material of J. R. Kipling's fairy tales *Just So Stories* and L. Carroll's fairy tale *Alice's Adventures in Wonderland*.

British writer and poet J. R. Kipling was the first Englishman to receive the Nobel Prize for literature. His works are peculiar for the use of rich metaphorical language. R. Kipling's collection *Just So Stories* was first translated and published in Russian in 1903 and has a well recognizable author's style along with his other famous works, such as *Wee Willie Winnie*, *Rikki-Tikki-Tavi* and *Captains Courageous*. The collection was first published in 1902 after R. Kipling's trip to South America in 1899 where he began to collect materials. The fairy tales are written in a funny way, comprehensive for a child's imagination. The storyline evolves around different legends about the world and its inhabitants: animals and prehistoric men. The collection consists of 12 parts, each making a separate little story. As far as the fairy tales are primarily intended for children's reading, they tend to be interesting, educational and entertaining and, hence, are filled with kind

humour and irony. Externally comic and improbable interpretations of different episodes correlate with their interior seriousness. The title of the collection (*Just So Stories*) itself appears to hint at the double nature of the writing, disguising the author's attitude to his own stories as 'nothing serious' [2].

Charles Dodgson, known all over the world as Lewis Carroll, was one of the most talented and famous figures of the Victorian England. The writer is generally known to children and adults as the author of *Alice's Adventures in Wonderland* and *Through the Looking-glass, and What Alice Found There*. Among his other appraised works are *Bruno's Revenge*, *A Tangled Tale*, *Phantasmagoria*, and *Other Poems* and others. In his lifetime L. Carroll's books had nearly all the elements that would be attributable to the English fairy tale in the nearest future: elements of laughter and game, humour, lightness of narrative, phrase juggling and play on words. In L. Carroll's works for the first time a child appears as the main character of the English fairy tale.

In terms of plot, R. Kipling's fairy tales are connected by the common themes and narrative style; some characters (Taffy, Tagumai and Teshumai) move from one tale to another, but, in general, events in the stories do not unfold in a certain sequence and there is no development of the overall storyline. In L. Carroll's *Alice's Adventures in Wonderland*, which makes an extensive and integral work, the storyline is a pivotal element. From the beginning to the end the narrative is submerged into a series of oddities and paradoxes. Alice begins her trip to Wonderland unexpectedly. Suddenly, she sees a rabbit, which is rather miraculous, but hardly surprising for her, apart for the fact that the Rabbit is not only a speaking creature but also the owner of a pocket watch, and is always in a hurry. Throughout the tale the White Rabbit appears before Alice and she follows him to find herself in different unimaginable places and situations [3], [4].

In R. Kipling's fairy tales the author explains and comments on the actions of the characters through funny words in such a manner that a number of questions should appear before the reader, aimed at stimulating the cognitive functions of consciousness (like 'how?' and 'why?'). At first glance, in *Alice's Adventures in Wonderland*, the logic is completely absent, the narrative is presented in the form of an ordered absurdity, which creates the unique humour and atmosphere of Carroll's works.

As well as the narration style, L. Carroll's and R. Kipling's fairy tales characters are naturally different and marked by a number of specific features. L. Carroll inhabits his fictitious world with magic creatures and Alice gets acquainted with this world by accident. Wonderland is an incomprehensible place giving her numerous astounding experiences but at the same time she quickly adapts to the new conditions. The heroine manages to coexist with this world rather harmoniously as only a child with the power of imagination and ability to perceive everything new and unexpected without prejudice is capable of explaining the unexplainable. That is why, everything that happens in the magical world does not seem strange or unreasonable to Alice. All the characters bear their individual aura, have a certain role in the narrative and make a successful travesty

on their own. The White Rabbit serves as a guide, like a magic ball of wool in Russian fairy tales. One of the most interesting and controversial characters of *Alice's Adventures in Wonderland* are Cheshire Cat (an always smiling creature telling Alice strange things and disappearing while leaving his smile in the air), the March Hare (also called The Mad March Hare, feels obliged to remind everyone that it is time to drink tea; every piece of furniture in his house is shaped as a hare, which ensures Alice that the Hare is really mad) and the Hatter (during the performance at the Queen of Hearts' festival he was sentenced to beheading, which he escaped, so the Time put himself at a halt, and he got stuck at six o'clock forever). All Carroll's characters are complex, imaginatively created and diverse, they are parodies on people, something that cannot be. These images are absurd and paradoxical, which greatly contributes to their perception as being funny [3].

In comparison to L. Carroll's characters, R. Kipling's characters seem simple and one-dimensional; there is no need to interpret these images in two ways as few of them are ambiguous. The images of animals are simply allegoric. Some of them are endowed with the gift of speech, they wear their own skins, have friends, acquaintances and enemies, but these characters are easier to be imagined as a part of the human world, they are less eclectic and paradoxical. The prehistoric men are presented in their natural habitat and seem to behave appropriately. The characters do not become a part of the narrative at random; they blend in it according to the development of the storyline and contribute to the didactic function of the narrative.

One of the main elements of the author's fairy tale is the language as a game, which has been incarnated in lexical and stylistic features of R. Kipling's and L. Carroll's works. The most common lexical and stylistic techniques include:

1) **enumeration, rhyme and polysyndeton:** *"He ate the starfish and the garfish, and the crab and the dab, and the skate and his mate..."* [4, p. 3]; *"...he jumped and he bumped, and he pranced and he danced, and he hit and he bit, and he leaped and he crept, and he hopped and he dropped, and he cried and he sighed..."* [4, p. 5]; *"He took that skin, and he shook that skin, and he scrubbed that skin, and he rubbed that skin..."* [4, p. 19].

2) **pun:** *"Humph! Humph!"* (which later became a real hump) [4, p. 11]; *"he wants to be popular and wonderfully run after"* [4, p. 49]; *"... Sure, it's an arm, yerhonour! (he pronounced it «arrum»...)"* [3, p. 49]; *"Mine is a long and a sad tale! Said the Mouse... It is a long tail, certainly", said Alice... "but why do you call it sad?"* [3, p. 36] (built on homonyms – "tale – tail").

3) **personification:** The rhinoceros has eaten the primitive man's cake, and he, in turn, decided to take revenge by taking the skin of a rhinoceros, to pour dust, crumbs, etc. *"And he got very angry, but it didn't make any difference to the cake-crumbs..."* [4, p. 20]; *"... cake-crumbs were inside his skin and they tickled..."* [4, p. 20]; *"The Rhinoceros took off his skin. In those days he had three buttons on his skin and could easily put it on and take it off..."* [4, p. 18]. *Alice has eaten a pie, and grown to such an extent that it has become to say goodbye to his feet, remaining somewhere far below. She thought she should now be good to*

him, because there was nobody to take care of them: "... I must be kind to them, or perhaps they won't walk the way..." She even wanted to write them letters: "... and how funny it'll seem, sending presents to one's own feet! And how odd the directions will look! Alice's Right Foot, Esq., Hearthrug, near the Fender. (with Alice's love)..." [3, p. 16].

4) **non-standard epithets:** "...full of trees and bushes and stripy, speckly, patchy-blatchy shadows..." [4, p. 24].

5) **mixture of styles:** when the animals have gone from the desert to the forest, the primitive man was surprised by their disappearance: "... where the aboriginal Fauna has migrated..." [4, p. 25]; "My young friend, if you do not now, immediately and instantly, pull as hard as ever you can, it is my opinion that your acquaintance in the large-pattern leather ulster' (and by this he meant the Crocodile) 'will jerk you into yonder limpid stream before you can say Jack Robinson" [4, p. 40].

6) **graphon:** Elephant went to the crocodile, to ask what he eats for dinner, and the crocodile clearly showed him, bit his nose, thereby pulling it (making it look like it does to these days), the elephant says as if he has a stuffy nose, "Led go! You are hurtig be!" "This is too butch for be!" [4, p. 40–41].

7) **parallelism:** "... I know all sorts of things... I'll try if I know all the things I used to know. Let me see: four times five is twelve, and four times six is thirteen, and four times seven is – oh dear!... the Multiplication Table don't signify: let's try Geography. London is the capital of Paris, and Paris is the capital of Rome, and Rome – no, that's all wrong..." [3, p. 19–20].

As we may conclude from the examples, both authors resort to pun, Carroll's style being more original and at the same time frustrating, whereas Kipling's puns are easy to comprehend and digest. Personification is another technique of major importance since both authors largely personify a variety of phenomena through images of animals; R. Kipling even goes as far as personifying objects (cake-crumbs), which is still not on a par in uniqueness and unconventionality with the personification of Alice's legs. Other lexical and stylistic devices which contribute to the comical effect of the narrative are graphon, rhyme, repetition, parallel constructions, non-standard epithets and mixture of styles. Another original stylistic technique introduced by L. Carroll is element of metatextuality which creates a rather overwhelming effect on the reader while Alice ponders if it might be a good idea to write a book about her adventures: "... There ought to be a book written about me, that there ought! And when I grow up, I'll write one..." [3, p. 46].

In conclusion, it is necessary to note that alongside with their writing style and writing purpose, R. Kipling and L. Carroll attributed peculiar elements of comedy to their fairy tale narratives. R. Kipling's fairy tales are characterized by mild humour generally exposed at the level of characters and language, the main purpose of the narrative being entertaining education; whereas L. Carroll's *Alice's Adventures in Wonderland* complies to the full extent with the goal outlined by the author himself; that is of pure entertainment. It is an embodiment of everything

that makes a successful modern comedy – a great combination of random and odd characters, intricate but well-processed plot and most refined language and style of paradox.

References

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. 1112 с.
2. Ильина О. К. Особенности английской шутки // Россия и Запад: Диалог культур. Сборник статей XIII международной конференции 26–28 ноября 2009 года. – Вып. 15. – Ч. 1. М., 2010. С. 154–162.
3. Carroll L. Alice`s Adventures in Wonderland. Volume One Publishing Chicago, Illinois, 1998. A Book Virtual Digital Edition, – Vol. 1.2, November, 2000. 192 p.
4. Kipling R. Just So Stories. – М.: Airis-press, 2010. 152 p.

УДК 821.161.1

ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

О. В. Резник,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и межъязыковых коммуникаций, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь

Аннотация. Умение воспроизводить лирическое переживание в контексте литературного процесса является неотъемлемым качеством профессионального переводчика. Цель статьи – показать особенности лирического героя в новом культурном пространстве – в Интернет-дискурсе. В статье представлен автор, который достаточно репрезентативен для современной Интернет-поэзии – Джо Россо. На примере ряда стихотворений рассматриваются ключевые концепты, стилистические индивидуальные приемы, литературная игра с читателем. Автор статьи проводит подробный стилистический анализ нескольких лирических миниатюр, что позволяет сделать рекомендации по переводу интернет-поэтов.

Ключевые слова: Интернет-поэзия, культура, русская литература, лирический герой.

Summary. The ability to reproduce the lyric experience in the context of the literary process is an essential quality of a professional translator. The purpose of the article is to show features of the lyrical hero in a new cultural space - in online discourse. In the article the author, which is representative enough for the modern Internet poetry is Gio Rossi. On the example of a poem the key concepts, stylistic individual techniques, literary game with the reader are under consideration in this investigation. The author carries out a detailed analysis of several stylistic lyrical miniatures, that allows you to make recommendations while translating Internet poets.

Key words: Internet poetry, culture, Russian literature, lyrical hero.

Сегодня переводчик оказывается так или иначе включен в достаточно широкое культурное поле современного литературного процесса. Ему уже недостаточно владеть только техникой перевода, потому что читателя интересует, как правило, индивидуальность автора, а не только объем информации, который несет то или иное произведение. Уже на протяжении двадцати лет постоянно звучит парадоксальное суждение о том, что читателей стало меньше, чем писателей. О. Аронсон в своей статье обозначил это как «каждый получает право быть поэтом» [1, с. 4]. Поэтому задача переводчика сегодня – формировать читательский интерес, прививать вкус к хорошей и сложной литературе, к русскоязычной поэзии, находить такие имена и произведения, которые смогут вернуть аудиторию к процессу сотворчества с автором, сопереживания лирическому герою. В этом и заключается актуальность данной статьи.

При анализе различного рода публикаций невольно отмечаешь все возрастающую роль самиздата в процессе знакомства с лирикой. Эпические произведения, как правило, игнорируются читателем ввиду большого объема. Поэзия же, напротив, жанр более локальный и мобильный. В силу повышенной эмоциональности, нередко социальной или романтической направленности, лирика оказалась более востребована. Особенно данное обстоятельство проявилось в многочисленных (нередко анонимных или под псевдонимами) публикациях в сети Интернет. Е. Б. Ракитина так определяет этот феномен: «особый способ бытования текстов и комментариев к текстам [...] формирует специфическую творческую и литературно-критическую среду, которая, в совокупности, и может быть названа Интернет-поэзией» [6, с. 4].

По мнению Ирины Васильевны Рудик, «Интернет-поэзия завоевывает все большую популярность среди авторов. Нельзя не согласиться с тем, что это явление нуждается в исследовании» [7, с. 144]. Публикации О. Аронсона [1], М. Н. Бондаренко [2], У. Веринной [3], Е. Б. Ракитиной [6] и других демонстрируют самые различные точки зрения на сетевую поэзию. Первая крайность в оценках – это вообще не литература, не поэзия, потому что можно сконструировать механическую рифмовку, потому что нет ответственности (в силу анонимности) поэта перед аудиторией. Другая крайность – советы менеджера по продвижению на различных сетевых площадках своих стихов. Однако существуют авторы-явления, отрицать уровень и значимость которых бессмысленно. Поэтому цель данной публикации – показать на примере одного из авторов особенности лирического героя в новом культурном пространстве – в Интернет-дискурсе, выявить индивидуально-авторскую специфику и типичные черты, которые необходимо учитывать переводчику данного феномена.

Научная новизна заключается в том, что впервые изучается поэзия такого автора, как Джио Россо, в контексте медийной (вторичной) поэзии Интернета. Екатерина Борисовна Ракитина в своей кандидатской диссертации указывает: «Интернет-поэзия является способом бытования текстов и комментариев к текстам, специфической культурной средой со

своими правилами поведения и ценностями. [...] Интернет-авторы чувствуют себя обитателями специфического пространства: во-первых, сетевого, виртуального, в котором личность тоже обретает виртуальное измерение, а во-вторых, – поэтического» [6, с. 4]. М.С. Дорофеева, исследовавшая «синергетические алгоритмы сравнительно-переводческого и предпереводческого анализа специальных текстов, с помощью которых достигается повышение качества специального перевода, а также объективность оценки результатов перевода» [5, с. 14], отмечает роль субъективного фактора в формировании читательского и переводческого интереса. Поэтому в качестве объекта исследования нами были выбраны стихотворения автора, которого предложили первокурсники творческой профессии – будущие режиссеры, обучающиеся в Крымском университете культуры, искусств и туризма. Объяснялось это следующим образом: «очень честные стихи», «насыщенные смыслом», «искренние», «настоящие», «все про меня» и т.п. Естественно, такая читательская рефлексия и выбор во многом случаен. Отчасти интерес к Джио Россо продиктован и надлитературным фактором: поэт вступает в диалог(переписку) с читателями, выделяет кого-то из них, тем самым создается «сюжет в сюжете», то есть комментарий выступает как продолжение лирического переживания, добавляет мировоззренческие или личностные коллизии, важные для понимания творчества.

Олег Аронсон указывает: «Оказываясь в Сети, а особенно на специализированном поэтическом сайте, стихотворение становится особым явлением. Окруженное читательскими комментариями, откликами, оно представляет собой некий коммуникационный сгусток, где форма вторична по отношению к тем общим образам, благодаря которым поэт распознается не в данном конкретном авторе, но в самом сообществе читателей» [1]. Поэтому наш выбор тоже случаен (отчасти) и продиктован, в первую очередь, субъективными предпочтениями.

Стихи Джио Россо ошеломляют при первом прочтении. Явная избыточность образных средств, оксюморонность (заданная даже в статусе В Контакте: «Добрый злой сказочник»), тяготение к парадоксу и лиризму. Его баллады, как правило, написаны в строчку, подобно эпосу, а внутренняя рифма не ослабляет, а только усиливает впечатление спонтанного и искреннего монолога. Отзыв Лилии Токаревой передает впечатление наиболее точно: «Джио просто берет ваши чувства и описывает их и поддерживает всех и каждого, но кажется, что лично тебя...» [4] В стихотворении «Когда увидишь мой смятый след...» [4] (свыше 12 тысяч лайков за год!) присутствуют все атрибуты романтического героя: выстрелы за спиной, «против меня весь свет, поймешь, что мир на меня войной», «меня, стоящего в стороне. Меня, потерянного в себе и вечно спорящего с тобой». Большое количество устойчивых сочетаний («следовать по пятам», «продрогшего до костей», «горят глаза и щеки») и скрытых цитат («пока не продан последний смех» – «Проданный смех», «буревестник взлетает

вверх» – «Песня о буреветнике» и т.п.) создает своеобразный культурный контекст, затягивает в пространство текста. Несомненно и игровое начало – лирический герой обращается к конкретной любимой (он даже знает, что у нее есть кот), описывает себя (начиная с портретной характеристики – «приметы: родинка на щеке и раздражающие шаги» [4] и завершая целым рядом мировоззренческих примет: «я – всего лишь сказка, безумный миф, мозг пожирающий страшный яд» [4]), вспоминает знакомые обоим места, просит верить в него и не отпускать руки. Только в финале раскрывается тема стихотворения: поиск друг друга в этом непростом мире. Любовь возможна, но она еще лишь предчувствуется. Потому что заканчивается лирический монолог героя двумя значащими строками:

Ищи.

Я тоже тебя ищу. [4]

Отдельного рассмотрения заслуживает художественное пространство текста: мир, который против героя, строится преимущественно через антитезы (выстрелы – тишина, космос – снег, льдины – песок, «Пускай плывут под водой киты, а буреветник взлетает вверх») и олицетворения («кусает ветер поверхность щек»). Это создает эффект глобальности героя, его всеохватности и трагизма. Стихотворение изобилует рядами однородных членов, бессоюзными предложениями, перечислением определений и глаголов, отчего ритм становится сбивчивым, как бы ускоряющимся от строки к строке. Вначале это только след, потом – стоящая в стороне фигура, опять следы, а за ними – быстрый бег, заметающие пески и ... последний вздох. Надо только идти, чтобы этот процесс жизни, то убыстряющийся, то почти замирающий, не прервался. Надо искать, чтобы совпасть в своей вере друг в друга: «пока ты веришь в меня – я жив».

Тема жизни и смерти – одна из любимых у данного автора. Это вполне объяснимо: романтическая антитеза наиболее сюжетобразующая. В балладе «Сегодня очень странная луна» [4] лирический герой с героиней наблюдают картину прихода Смерти за душой очередного грешника из окна, из-за занавески. Такая позиция создает хрупкую иллюзию защищенности. Жанр, метрика произведения достаточно традиционные, что вступает в противоречие с нешаблонным изображением Смерти в мужском облике:

И глаз его единственный, кривой, вращается, осматривая местность. И полушубок на худых плечах, и драная шапчонка из овчины, всё утлое, и кажется сейчас лицо его ваянием из глины. [4]

В этом описании образ создается и яркой деталью – единственным кривой глаз, и литотой «шапчонка», и эпитетом «всё утлое», т.е. в переносном значении (а также устаревшем) – «убогий, бедный, жалкий». Может, поэтому пафосное сравнение с изваянием снижается упоминанием материала – «из глины», а не из бронзы или металла. Не менее несчастным выглядит и его антипод:

стоит унылый ангел в белой робе. [...] И колокольцы на его руках звенят печальной погребальной песней, он весь – не жизнь, а будто пыль и прах [4]

Сходство подчеркнуто даже на уровне звукописи: утлый – унылый, шапчонка из овчины – печальной... песней. Вестник блаженства и радости тоже не жизненный образ, он тленный и печальный. Встреча Смерти и ангела поэтому не перерастает в конфликт или жестокий поединок за душу пьяного хлыща, душу из него Смерть тянет, «как из подружки ты слухи вынимаешь по чуть-чуть», т.е. медленно, без сопротивления и интереса. Возможно потому, что у умирающего юноши есть лишь соль души и прогорклость чувств, то есть никакой прелести и новизны, и ангел (он, в отличие от Смерти, номинируется с маленькой буквы) уже играет погребальную песню, чтобы затем закурить со своим антиподом и спокойно разойтись. Так обрисовывается главная тема – бренность жизни.

Тема этого стихотворения еще ярче раскрывается во второй части, интонационно напоминающей «Падаль» Ш. Бодлера, импровизацию на тему *vita brevis*. По-бодлеровски звучат авторская сентенция: «Как всё бессмысленно и как легко!», мысль о «черве-короле», пожирающем тленное тело, а обращение к возлюбленной «Но разве мы не созданы любить?//А впрочем, знать ли мне творенья тайны?» быстро перерастает в публицистическое рассуждение о том, что судьба и жизнь изменчивы и превратны, что люди ведут поединок со злом, ненавистью, пустотой существования. В читательских откликах преобладает оценка «тяжелое» стихотворение, которую не снимает даже тот факт, что все происходит Рождественской ночью. Напротив, строфой выше было упоминание о покойницах-ёлках, о мусорных баках, о повседневном супе. Атмосфера хрупкого и недолговечного счастья в «кривом» городе – печальная и неверная – создаёт ощущение грустной Рождественской истории с относительно счастливым концом (герои остались живы и любят друг друга).

В творчестве этого поэта есть и мажорные стихотворения, например, посвященные весне или Мэри. Но переводчику важно было бы услышать в них надрыв, преходящий в крик, выкрик в пространство.

Выводы. Интернет-поэзия – сложное и неоднородное по качественному составу явление. Но этот феномен, несомненно, заслуживает исследования и популяризации. В нем заложены смысловые потенциалы, мощный и актуальный энергетический посыл. Поэтому, как показывает стилистический анализ лирики только одного из авторов, каждый переводческий труд должен включать в себя и анализ подобных произведений и комментариев к ним.

Список использованных источников

1. Аронсон О. Народный сюрреализм // Синий диван. 2006. Вып. 8. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: polit.ru/article/2006/08/04/aronson/ (дата обращения 03.03.2017).

2. Бондаренко М.Н. Текущий литературный процесс как объект литературоведения // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 62. – С. 57–75.
3. Верина Ульяна. Интернет-поэзия и фольклор // [Электронный ресурс]. Режим доступа: [elib.bsu.by/.../Ульяна%20Верина.%20Интернет-поэзия%20и%20фольклор%20\(дата обращения 03.03.2017\)](http://elib.bsu.by/.../Ульяна%20Верина.%20Интернет-поэзия%20и%20фольклор%20(дата%20обращения%2003.03.2017)).
4. Джио Россо. В контакте // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club73634582> (дата обращения 03.03.2017).
5. Дорофеева М.С. Моделирование системы в синергетике специального перевода: практический аспект // European Journal of Literature and Linguistics. – 2017. – № 1. – С.18–22.
6. Ракитина Е.Б. «Поэтический народ» в контексте русскоязычной Интернет-поэзии: диссертация ... канд. филол. наук. Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2008. – 147 с.
7. Рудик И.В. Есенинские традиции в интернет-поэзии// Современное есениноведение. – 2006.–№4. – С.144–148.

Приложение 1

Когда увидишь мой смятый след, услышишь выстрелы за спиной, поймешь, что против меня весь свет, поймешь, что мир на меня войной, оставь дела и запри в сундук, вели соседке кормить кота, рассеяв выдохом тишину, иди к знакомым тебе местам.

Лови сигналы на частоте, чужие сбрасывая звонки, (приметы: родинка на щеке и раздражающие шаги). ищи меня в сводках новостей, в строке бегущей, в пустом окне, меня, продрогшего до костей, меня, стоящего в стороне. Меня, потерянного в себе и вечно спорящего с тобой, пускай меняется континент и пояс движется часовой. пускай плывут под водой киты, а буревестник взлетает вверх, пока ты видишь мои следы, пока не продан последний смех, иди за мной, отыщи меня, в открытом космосе, среди льдин, от бега быстрого пусть горят глаза и щеки, и нет причин, чтоб защищать меня от судьбы и слепо следовать по пятам. и пусть на куртке осядет пыль, и пусть ботинки сотрутся в хлам, пока ты веришь в меня — я жив, и пусть тебе говорят, что я — всего лишь сказка, безумный миф, мозг пожирающий страшный яд, пускай меня отрицает свет, пусть от меня отказался бог, пусть я безмолвен, и глух, и слеп, и с губ слетает последний вздох, пускай меня замели пески, пусть под ногами дрожит земля, не отнимай от меня руки, не отрекайся, держи меня. и до тех пор, пока ты со мной, пока ты веришь в меня еще, и на губах твоих моря соль, кусает ветер поверхность щек, а сердце гулко стучит в груди, и твой румянец затмил зарю, иди за мной, лишь за мной иди.

Ищи.

Я тоже тебя ищу.

Джио Россо С сайта <http://www.inpearls.ru/>

УДК 81

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. БУЛГАКОВА)****М. Д. Рыжикова,**

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

А. В. Полянин,

*сытудент 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и
социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая
академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Статья написана в рамках научных разработок, посвящённых особенностям художественного перевода русскоязычных реалий средствами английского языка. Цель данного исследования заключается в определении способов межъязыковой передачи реалий в англоязычных переводах произведений М. А. Булгакова. В работе использованы следующие методы: анализ словарных дефиниций, сопоставительный метод, метод прагматической интерпретации. Реалии представляются как носители национального своеобразия подлинника, благодаря своей ярко-выраженной национальной и исторической окраске. Перевод авторских слов-реалий предполагает разностороннюю – культурную, страноведческую и лингвистическую – подготовку переводчика, составляющую его/ее фоновые знания. Сопоставление переводов исследуемых произведений показало, что автор использует такие приёмы передачи реалий, как: транскрипция, транслитерация, калькирование, лексико-семантические трансформации, экспликация, затекстовый комментарий.

Ключевые слова: перевод, реалия, проблема переводимости, переводческий приём, художественный текст, М. А. Булгаков.

Summary. The article relates to scientific studies of peculiarities of literary translation of Russian realia by means of the English language. This research aims at determining the interlingual ways to render realia in the works by M.A. Bulgakov translated into English. The following methods are used to solve the task: analysis of dictionary definitions, contrastive method, technique of pragmatic interpretation. Realia are considered to imply national identical features of the original script due to their explicit national and historical character. The proposed comparison proves that the interpreter translates Russian realia in M.A. Bulgakov's novels with the help of transcription, transliteration, replication, lexico-semantic transformation, explication, and endnotes.

Key words: translation, realia, problem of translatability, translation techniques, fiction, M.A. Bulgakov.

В художественном тексте для создания детальной картины реальной или вымышленной действительности автор использует, как правило, понятия, прямые соответствия которым едва ли можно найти в переводимом языке. С. Влахов справедливо отмечает, что «...понятие “перевод реалий” дважды условно: реалья, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и опять-таки как правило, она передается (в контексте) не путём перевода» [5, с. 79]. В то же время, в отношении словарного перевода А. В. Фёдоров указывает: «... нет такого слова, которое не могло бы быть переведено на другой язык, хотя бы описательно, т.е. распространённым сочетанием слов данного языка» [10, с. 182]. Контекстуальный перевод исследователь описывает так: «То, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого» [10, с. 144]. Таким образом, проблема переводимости реалий представляется не в выявлении самой возможности перевода данной реалии, а в том, *как* переводить реалию в условиях отсутствия эквивалентов переводимых понятий и потребности передавать их семантический колорит, что, безусловно, определяется как трудности перевода [5, с.80]. Установление таких приемов способствует успешной реализации коммуникативной интенции не только переводчика, но и автора оригинала.

Так, актуальность изучения способов передачи реалий в художественном тексте как средств определения переводческой стратегии обусловлена необходимостью воспроизводства национальной самобытности, воссоздания предметного мира, раскрывающего специфику мировидения и глубины уникального, национального психотипа [9].

Материалом данного исследования служат оригинальные тексты повести «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова [2; 3], а также переводы этих работ на английский язык Майклом Гленни [11; 12]. Цель сопоставления заключается в определении способов передачи советских культурно-исторических реалий.

Анализ теоретических и практических разработок исследуемой области (например, труды О. Б. Кушлиной, Ю. М. Смирнова [7]) показал, что трудности перевода работ М. А. Булгакова, в частности, романа «Мастер и Маргарита» могут быть связаны с его культурной многоплановостью: «В романе “Мастер и Маргарита” слиты воедино несколько культурных и историко-религиозных традиций: античное язычество, иудаизм, элементы раннего христианства, западноевропейская средневековая демонология, славянские мифологические представления... И всё это пропущено через гротескный, сатирический, густой быт московский жизни. Совершенно естественно, что каждая из этих традиций влечёт за собой определённые устойчивые ассоциации сразу в нескольких культурных контекстах» [7, с.153]. В повести «Собачье сердце» проблему для переводчика могут представлять имена собственные – в особенности, имена главных героев, в которых сокрыта культурно-историческая и социальная информация, указывающая на ироническое коммуникативное

намерение автор. Так, фамилия профессора Преображенского – одного из главных героев повести – происходит от названия почитаемого православного праздника – Преображения Господня; антигерой Шариков носит фамилию, «унаследованную» от бездомного пса Шарика.

Определение способов передачи безэквивалентной лексики в исследуемых произведениях основывается на подходах, предложенных В. С. Виноградовым [4], А. Н. Бессоновой [1], С. Влаховым, С. Флориным [5] и Г. Д. Томахиным [9].

В результате сравнения установлено, что транскрипция и транслитерация являются самыми лаконичными приёмами создания определённого экспрессивного потенциала произведения: в контексте слов родного языка транскрибированное слово выделяется как чужое, придаёт определяемому предмету или явлению коннотацию оригинальности. В переводческой практике, с целью достижения максимальной степени адекватности перевода, часто применяется комбинация приемов транслитерации и транскрипции, такой способ принято называть практической транскрипцией. Наиболее уместно использование транскрипции при передаче топонимов и антропонимов, например: *Охотный ряд* – *Okhotny Ryad* («Собачье сердце»). Однако передача с помощью транскрипции семантически значимых имён собственных приводит к соответствующим «потерям». Поэтому М. Гленни в переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» не транскрибирует, а калькирует топоним *Воробьевы горы* – *Sparrow Hills*.

Следующий выявленный способ, использованный в переводах, – это калькирование, позволяющее воссоздавать не только внутреннюю форму слова, но и структуру образного переноса значений, способствующую активизации словообразовательных средств для создания семантически содержательных неологизмов [6]. В ходе анализа были обнаружены как случаи употребления точной кальки (полное совпадение с оригиналом в лексико-семантическом аспекте), так и частичной. Примерами первого вида служат такие реалии: *Домком* – *house committee*, *Акустическая комиссия московских театров* – *Acoustical Commution of the Moscow Theatres* («Мастер и Маргарита»). Второй вид иллюстрирует лексема «судомойка» – *dishwasher-woman* («Мастер и Маргарита»).

Кроме указанных основных приемов перевода, при передаче реалий достаточно широко применяются лексико-семантические трансформации (гипо-гиперонимические замены), например: *баланда* – *soup*, *столовка* – *canteen* («Мастер и Маргарита»). Указанный прием приводит к потере части передаваемой информации [4, с.118], в связи с чем, он не акцентирует внимание собственно на реалии. Другими словами, такой метод может рассматриваться как нейтральный, например: *червонцы* – *money* («Мастер и Маргарита»). Вероятно предположить, что такой прием допустим в том случае, когда текст изобилует реалиями.

Еще один способ, используемый в переводах анализируемых литературных работ, - описательный перевод. Вслед за В. Н. Комиссаровым, такой метод рассматривается как громоздкий и многословный [6, с. 185]. Сравним: *кальсоны* – *long knitted underpants*, *штиблеты* – *patent-leather boots*, *торговцы с Сухаревки* – *black-market traders* («Собачье сердце»). Как справедливо отмечает исследователь, «поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением» [6, с.185], например: *самокрутка* – *hand-rolled cigarette* («Мастер и Маргарита»).

Как показало сравнение, наиболее полная адекватность перевода реалий достигается с помощью *затекстового комментария*, например: *fortochka* – *a small hinged pane found at the top of Russian double windows, opened in winter to let in a small amount of fresh air* («Мастер и Маргарита»).

Таким образом, при передаче культурной специфики советских реалий на английский язык используются такие приемы: транскрипция, транслитерация, калька (полная и частичная), лексико-семантические трансформации, описательный перевод (экспликация), затекстовый комментарий. Каждый из приемов имеет свои достоинства и недостатки и не предлагаются как абсолютные, поскольку перевод, будучи творческим процессом, требует использования оригинальных путей донесения до читателя семантики, как правило, непереводаемых реалий. Переводя художественный текст, содержащий реалии, необходимо руководствоваться не только фоновыми знаниями, но и учитывать контекст, связь реалий с другими словами в тексте, а также с их референтами и понятиями в обоих языках.

Список использованных источников

1. Бессонова А. Н. Комплексные лексико-грамматические трансформации как способ решения общелингвистических проблем перевода [Электронный ресурс] // Наука и современность. – 2011. – №13–3. – <http://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnye-leksiko-grammaticheskie-transformatsii-kak-sposob-resheniya-obschelingvisticheskikh-problem-perevoda> (дата обращения: 21.01.2017).
2. Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита». Спб.: Азбукаклассика, 2004. 416 с.
3. Булгаков М. А. «Собачье сердце». М.: Художественная литература, 1989. 155 с.
4. Виноградов В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. 174 с.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

7. Кушлина О. Б., Смирнов Ю. М. Магия слова: заметки на полях «Мастера и Маргариты» // Памир. – 1986. – №5. – С. 152–167.
8. Мюллер В. К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 450000 слов и словосочетаний. М.: ООО «Дом Славянский книги», 2011. 960 с.
9. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре//ИЯШ. – 1997. – №3. С. 13–18.
10. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
11. Bulgakov M. The Heart of a Dog / Transl. by Michael Glenny. London: Collins and Harvill Press, 1989. 128 p.
12. Bulgakov M. A. The Master and Margarita / Transl. by Michael Glenny, with an introduction by Simon Franklin. New York: Knopf, 1992. 446 p.

УДК 811.111:81'42=111

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ
В СФЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

М. Д. Рыжикова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии,
Таврическая академия, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Автор ставит целью описание лингвистических черт англоязычной туристической коммуникации методом анализа дискурса и прагматической интерпретации. На материале экскурсионных проспектов характеризуются участники, хронотоп, коммуникативные цели, концепт и тематика исследуемого вида дискурса. Иллюстрируется реализация стратегий и тактик в анализируемом жанре.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, туристический дискурс, конститутивные признаки.

Summary. Using methods of discourse analysis and pragmatic interpretation the author aims at describing linguistic features of English touristic communication. On the data of English touristic prospects participants, time and place, communicative purposes, concept and themes are characterized. Realization of strategies and tactics in the genre under research is illustrated.

Key words: discourse, communication, touristic discourse, constitutive elements.

Лингвистические исследования коммуникации в сфере туризма выявляют социальные характеристики, обуславливающие перемены в развитии этой области. Кроме того, такие разработки отражают и изменения в языковой системе, которые становятся объектом изучения лингвистов в прагматическом, социолингвистическом, дискурсивном и других аспектах. Так, актуальность исследования связана с проблемами взаимосвязи языка и

речевой деятельности, а также с вопросами влияния социолингвистических факторов на формирование успешной коммуникации, в частности в сфере туризма. На сегодняшний день накоплен обширный теоретический и практический материал в исследуемой области (например, труды Н.В. Филатовой, Н.А. Тюленевой, Л.Р. Сакаевой, Л.В. Базаровой, С.А. Погодаевой, Е.И. Панченко, Л.М. Михайловой, В.А. Митягиной, Л.Н. Киселевой, О.С. Насоновой, Ю.В. Приваловой и др.), однако освещенность англоязычного туристического дискурса представляется недостаточной.

Цель данного исследования заключается в определении лингвистических характеристик туристического дискурса на материале англоязычных экскурсионных проспектов.

В настоящей работе англоязычный туристический дискурс характеризуется согласно параметрам, которые предложил В. И. Карасик, а именно: участники, хронотоп, тематика, коммуникативная цель, прецедентные феномены, жанры, коммуникативные стратегии и тактики, лингвистические средства их реализации [2].

Статусно-ролевые отношения участников исследуемого вида дискурса определяются условиями, в которых происходит коммуникация. Как правило, адресантом являются туроператоры/экскурсоводы, а адресатом – либо конкретная целевая аудитория, либо любой человек, проявивший желание путешествовать. В некоторых случаях, адресатом считаются туристические фирмы, которые перекупают туристические пакеты товаров и услуг. Анализ показал, что на реципиента в тексте экскурсионных брошюр указывает лексика с соответствующей тематикой. Например, в предложении «*Your custom tailored tour of Ireland is a golfer's delight, taking you beyond the world-famous landscape into the tangible realities crafted from distinguished golfers' imaginations*» целевой аудиторией считаются любители гольфа. В другом примере – «*Be you nature buff or shopaholic, history enthusiast or whisky connoisseur, art lover or fierce outdoorsmen, the stunning scenery, captivating cities and charming people of Scotland are sure to make you feel right at home*» – коммуникация не направлена на какую-то определенную категорию туристов. Автор акцентирует внимание на том, что в предлагаемом путешествии учтены разные виды организации свободного времени и экскурсий, учитывающие разнообразные пристрастия и интересы потенциальных клиентов. Для того, чтобы определить круг потребителей, говорящий использует лексические единицы с семантикой *увлечения*, при этом перечисляя их различные виды.

Исследование показало, что хронотопом коммуникационной деятельности может выступать виртуальное или текстовое пространство. Посредством второго реализуется коммуникация – адресант в письменных жанрах излагает сообщение в виде текста, с которым в дальнейшем и знакомится адресат. Первое же возникает, благодаря апелляции к легендам и/или приданиям, а также к прецедентным феноменам. В связи с этим

реципиент при ознакомлении с тем или иным экскурсионным объектом может представлять определенные пейзажи или воспроизводить целые события. В доказательство этому служит следующий пример, в котором отмечается употребление лексики с семантикой легенд: «*Legends abound and the entire country seems to have been derived from tales out of a storybook*». Использование конструкции «сложное подлежащее» с перфектным инфинитивом подчеркивает таинственность и загадочность объекта.

Говоря о коммуникативных целях, вслед за О. С. Иссерс [1], разграничивается первостепенная и второстепенная задачи. Прежде всего, адресант намерен продать экскурсионное предложение с целью получения прибыли. Для этого он/она предоставляет информацию о предлагаемых товарах и услугах, таким образом, выполняя информативную функцию. При этом данные должны носить убедительный характер, следовательно, еще одной второстепенной целью можно назвать аргументацию в пользу покупки туристического товара. Например, в предложении: «*Whether you've been searching for medieval castles or modern luxury, the whispers of the past or the songs of the present, search no more: it's all right here*» средствами аргументирования являются способы выражения альтернативы («*Whether ...or*»), противопоставление («*medieval ...modern; past ... present*»), повтор («*search*») и повелительное наклонение глагола.

Ключевым концептом англоязычного туристического дискурса представляется *путешествие* [5], который представлен тематическими полями *жилье, питание, экскурсия, транспорт* и другими понятиями, отражающими туристическую деятельность. Например, в предложении «*Channel the spirit of Downton Abbey as you stroll around London, visit country manors, enjoy elegant meals, sip afternoon tea and luxuriate in refinement*» указанный концепт выражен посредством глаголов с семантикой движения («*stroll, visit, enjoy, sip, luxuriate*»), передающих разные виды деятельности, возможные во время отдыха, а также имена существительные, указывающие на неторопливое принятие пищи и наслаждение роскошью. Примером реализации концепта «путешествие» с помощью лексики с семантикой «транспорт» является предложение «*Double-decker busses roam through the streets and the family wanders through hidden tunnels beneath an ancient city*». Автор также использует имена существительные, обозначающие элементы инфраструктуры населённого пункта. Глаголы с семантикой движения («*roam, wander*») в данном случае также подчеркивают размеренное времяпрепровождение. В объявлении «*From the enduring walls of Stirling Castle to the delicate stylings of the High Kirk of Edinburgh, from the wild beauty of the Highlands to the elegant grandeur of Europe's best hotels, from the serene mornings to the nights of Scottish revelry: while this may be your first vacation to Scotland, you can be sure it won't be the last*» ключевой концепт реализуется посредством тематической лексики со значением «достопримечательность» и «природа». В данном случае с помощью риторического приема градации автор передает величественность рекламируемого объекта.

Коммуникативные стратегии и тактики в англоязычном туристическом дискурсе определяются как информативно-аргументативные, экспрессивно-апеллятивные и оценочные [4]. Среди них следует выделить использование стратегии дифференцирования [3], которая, согласно С.А. Погодаевой, служит преодолению «языкового напряжения» [3]. Например, в предложении «*Scotland is an image of classic legend emanating from the highlands and drifting off of reflective lakes known as lochs*» такой прием реализуется метафорой, прозопопеей и сравнением, которые снимают «завесу» неизведанного и смягчают возможный страх перед неизвестным, вероятно, препятствующий успешной межкультурной коммуникации. С.А. Погодаева отмечает, что для этой же цели могут также использоваться эпитеты, устойчивые фразы и фразеологические обороты [3], что нашло подтверждение и в настоящем исследовании. Так, в предложении «*The stolid structures of Edinburgh and the graceful facades of Glasgow, the sight of tartan kilts flapping in the breeze, the smell of the sea air whipping along the shore, the taste of a world-class single malt whisky: All these things and more are waiting for you in Scotland*» насыщенность эпитетами и метафорами не только красочно воссоздает описываемые объекты и явления, но и располагает адресатов (представителей разных культур, имеющих свои собственные взгляды и интересы) к покупке тура.

Как показал анализ, туристической коммуникации присуще тематическое разнообразие. Информацию, представленную в проспекте для восприятия, можно подразделить на такие категории: страноведческая, искусствоведческая и историческая информация, временная организация тура, жильё, питание и др. Раскрытию той или категории служат лексические единицы соответствующей тематики. Например, в предложении «*From the shores of the River Avon to the banks of the River Thames, from the elegance of 17th-century Bath to the undeniable charm of Tudor Stratford-upon-Avon to the might of modern London*» прослеживается историческая и страноведческая тема. На первую указывает прецедентное имя собственное (*Tudor*), а на вторую – лексика с семантикой «природа» (*banks, River*) и конкретными географическими названиями, которые относятся к Великобритании (*the River Avon, the River Thames, Stratford-upon-Avon, London*). Историческая тематика представлена и в предложении «*The castles of Scotland are as stunningly impressive as they are gloriously unique, ranging from the fortresses of the Middle Ages to the elegant manor houses that saw the births of royalty*». Автор называет определённую эпоху, к которой реципиенту предлагается прикоснуться во время экскурсионного тура.

Как показало изучение экскурсионных проспектов, «ценностями в туристическом дискурсе считаются гостеприимство, стабильность (безопасность), семейный отдых, свободное время, удовлетворение информационной потребности, толерантность, уважение, мобильность, обучение, природное и культурное наследие, культ красоты и здоровья,

удовольствие и др.» [4]. Например, в предложении «*Music filled pubs, scenery to inspire odes and lauds, a people as welcoming and enchanting as the place they call home, Ireland is truly a magical nation*» автор апеллирует к гостеприимству и радушию ирландцев, что выражено словами с соответствующей семантикой. В предложении: «*Family comes first on this 10-day Scottish ancestry tour, tracing the historic footsteps of your family heritage*» автор использует лексику с семантикой «семья», благодаря чему можно понять, что в данном случае семейные узы представляются главной ценностью. Культурное и природное наследие считаются основными ценностями в туристической Великобритании, что иллюстрирует предложение «*The River Thames winds peacefully beneath London Tower Bridge and the waters of Loch Ness ripple against the reflection of the surrounding hills*». Автор использует имена собственные, которые определяют основную тему. В предложении «*From architectural splendor to dramatic skies, castle grandeur to palatial opulence, and even the pleasures of a cozy evening with a seaside view; you will find that on this vacation you can have it all*» ценностями выступают красота и удовольствие, на которые указывает лексика с семантикой «роскошь» и «наслаждение».

Разноплановая тематика и структура текстов туристического характера обуславливают жанровое разнообразие англоязычного туристического дискурса. Общее деление всех видов речевой деятельности – на устные и письменные – осуществляется согласно классификации У. Чейфа [7]. Примером первого типа считается экскурсия, тогда как путеводитель является письменным жанром. Однако, один и тот же жанр может одновременно относиться к обоим типам (например, аудиогид). Более детальную классификацию жанров туристического дискурса предлагает Н.В. Филатова, рассматривая данную речевую деятельность на материале русского языка [6].

Так, англоязычный туристический дискурс определяется коммуникацией, в которой участники сквозь призму виртуального и текстового пространства реализуют характеристики концепта «путешествие» для удовлетворения персональных потребностей на речевом уровне.

Список использованных источников

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 390 с.
3. Погодаева С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.05 – Романские языки. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2008. 234 с.
4. Рыжикова М. Д. Социолингвистический анализ коммуникативных стратегий американских рекламных экскурсионных проспектов // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных

практик. Материалы Первой международной научно-практической конференции (Москва 14-16 апреля 2016г.) / Под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. 620 с.

5. Тюленева Н. А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англоамериканской рекламе: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Омск, 2008. 269 с.

6. Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса. М.: Вестник. Серия «Филологические науки», 2012. № 2. С. 76-82.

7. Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в заруб. лингвистике. М., 1983. № 12. С. 35–74.

УДК 070

ПРОБЛЕМА ФАКТА И ВЫМЫСЛА В АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ

Е. Н. Сердюк,

ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В литературном процессе второй половины XX века наблюдается тенденция слияния художественной и документальной прозы, что приводит к смешению форм и стиранию границ между беллетристикой и документализмом. В результате взаимопроникновения жанров создаются новые формы прозаического повествования, соединяющие в себе элементы формальной структуры романа и актуальность документальной хроники. В данном исследовании рассматривается процесс взаимопроникновения документализма и художественной прозы в американской литературе, а также предпринимается попытка выявления средств, с помощью которых авторы решают проблему взаимодействия факта и вымысла. Для реализации поставленной цели использовались приёмы функционального, системного и контекстного подходов.

Ключевые слова: факт, документ, художественный вымысел, «новый журнализм», «макрейкеры».

Summary. Literary process of the second half of the 20th century is noticeable for its tendency to merging fiction and nonfiction, that leads to a confusion of forms and blurring of the lines between belles-lettres style and journalism. As a result, this interpenetration of genres promotes the creation of new forms of prose works, which combine the elements of the formal structure of the novel and the relevance of the documentary chronicles. This study examines the process of interference between fiction and non-fiction in American literature. Attempts are made to identify the means with the help of which the authors try to solve the problem of interaction between fact and fiction. In order to accomplish

the objectives the techniques of functional, systematic and contextual approaches are used.

Key-words: fact, document, fiction, new journalism, muckrakers.

Пристальное внимание к «литературе факта» было отмечено ещё в начале XX века, но и на современном этапе вопрос взаимосвязи художественного и документального, синтеза факта и вымысла в рамках одного текста остаётся открытым. Одной из причин данного феномена является весьма противоречивая природа художественно-документальной литературы. Тенденция к соединению художественного и документального в едином текстовом пространстве характерна практически для всех национальных литератур, но наибольшее распространение получила в литературе США, которая всегда демонстрировала тяготение к передаче фактографической достоверности действительности.

Актуальность данного исследования обуславливается выявлением некоторых тенденций, наблюдающихся в современной американской литературе, в частности, сближения и смешения художественных форм романа и документализма.

Целью данного исследования является изучение и анализ процесса взаимопроникновения документализма и художественной прозы в американской литературе.

Методика исследования. Для реализации поставленной цели использовались приёмы функционального, системного и контекстного подходов.

Научная новизна объясняется рассмотрением и анализом сочетания двух дискурсов (беллетристического и документального) в одном литературном направлении.

Вторая половина XX века, а именно 60-е годы, отмечена бурным процессом вытеснения художественной прозы документальной, в ходе чего происходит смешение форм и стирание границ между беллетристикой и документализмом. В чисто беллетристическое произведение включались реальные факты, описывались реальные люди, а документальное повествование, публицистика и журналистика устремились к художественной прозе и использованию беллетристических приёмов письма. Закономерным результатом такого взаимопроникновения жанров являлось создание новых форм прозаического повествования, соединяющих в себе элементы формальной структуры романа и актуальность документальной хроники, что представляло собой своего рода гибрид журналистики и литературы. Данное явление в американской литературе было определено Томом Вулфом как «новый журнализм», где художественное моделирование действительности происходит не только базируясь на подлинных фактах, но и при помощи самих фактов. Теория данного направления была представлена в манифесте, сформулированном Т. Вулфом в предисловии к антологии «Новый журнализм». По мнению

Вулфа, причиной кризиса современной литературы является «игнорирование традиций реализма, в отстранении от жизни», в результате чего «американская действительность остаётся не изученной писателями» [1, с. 52].

Особое место в художественно-документальных произведениях занимают документы и факты, добытые с помощью интервью или изъятые из писем, дневников или других документальных материалов. В данной ситуации не происходит разграничение вымысла и реальности, а скорее наблюдается фиксация изменяющегося сознания страны или нации под воздействием всего происходящего. Содержанием таких работ становятся разнообразные жизненные формы американского (и не только) общества: молодёжные субкультуры (Т. Вулф «Электропрохладительный кислотный тест», 1968 и Х. Томпсон «Ангелы Ада. Странная и ужасная Сага мотоциклетных банд», 1967), война во Вьетнаме (Н. Мейлер «Армии ночи», 1967), национальные контрасты (Дж. Болдуин «Имени его не будет на площади», 1972) и т.д. Следует отметить, что знакомство писателей с этими реалиями происходит не понаслышке, а при непосредственном участии автора в изображаемых событиях. Примечательно, что автор практически всегда включается в произведение; повествование может вестись либо от первого лица (своего рода автобиографизм), либо от третьего (третьим лицом может выступать сам автор). Другими словами, автор может отстраниться от подаваемого материала и выполнять функцию наблюдателя и комментатора, или представить себя в качестве одного из героев.

Появление художественно-документальной прозы является своего рода реакцией на господствующее положение модернистской литературы, которую Т. Вулф и его сторонники обвиняли в искажённой подаче действительности и пренебрежении социальной проблематики. Отсюда, возникновение предпосылок к поиску новых форм и средств художественной интерпретации действительности с помощью конкретных фактов, документов, изображения реально существующих лиц и событий. В результате синтеза художественности и документальности рождается новый вид литературы, в котором стиль и метод повествования, ассоциируемые с художественной литературой, помогают легко осмыслить суть изображаемого, сделав читателя непосредственным участником.

Стремление к документальности изображения наблюдалось ещё во времена становления американской литературной жизни, ведь история национальной словесности, как и всякой литературы, начиналась с документальных жанров. Так, О. О. Несмелова в ранг национальной особенности американской литературы возводит «документальную традицию, документализм, фактографичность, репортажность, синтез документального и художественного» [3].

Очень часто «литературу факта» сравнивают с движением макрейкеров («разгребателей грязи», *англ.* muckrakers) рубежа XIX–XX вв.

«Разгребателями грязи», как правило, называли группу писателей и публицистов, ставящих своей задачей привлечь внимание широких кругов общественности к различного рода злоупотреблениям и коррупции во всех сферах социальной жизни. Собранный разоблачительный документальный материал «макрейкеры» интегрировали в художественный текст. Поэтому очевидно, что данное явление в американской литературе и журналистике внесло солидный вклад в дальнейшее развитие документальных жанров в США, в частности появление «новой журналистики».

Многие представители художественно-документальной прозы (в частности Том Вулф) убеждены, что наличие факта в произведении способствует глубокому изображению событий. Но не «голый факт», а факт передуманный, перевоссозданный и переведённый в область художественной литературы способен реализовать авторскую задумку. Другими словами, авторы пытаются по-своему организовать материал, «художественно расширить» его и высказать прямо или косвенно свою точку зрения. Именно субъективизм, способствующий выражению собственного мнения, соучастию и «эффекту присутствия», является отличительной чертой «литературы факта». Документ, факт взаимодействуют с воображением автора, воображение привязано к конкретному событию и должно помочь в истолковании данного события во всех его многообразных значениях. Как утверждает А. Б. Гвоздев «образное и документальное пребывают не как отдельные, самостоятельные художественные виды, а в симбиозе, слитными воедино» [2]. Залогом истинности и достоверности изображаемой действительности есть предшествующий написанию произведения процесс скрупулёзного изучения фактов реальной жизни. Свободное обращение с фактом и усиление элемента домысла делают возможным использование таких видов наррации как внутренний монолог, поток сознания и др.

В зависимости от того, какую цель поставил себе писатель, обращаясь к документу, факты могут нести композиционную нагрузку или же информационную, познавательную. В произведениях, базирующихся на вымысле, присутствие достоверных, реальных фактов способствует подкреплению авторского видения мира. Наличие фактического материала, хронологически точных дат, времени, места и т.д. помогают переубедить читателя в правдоподобности изображаемого, связать вымышленный материал с непосредственными реалиями жизни. Авторы «небеллетристических» романов тоже прибегают к художественному отбору и выбирают наиболее характерные факты и детали, которые должны соответствовать общему замыслу писателя. Между тем, такой «отбор», в отличие от беллетристического произведения, обусловлен реально существующей действительностью. Писатели выбирают, объединяют и монтируют факты не для подкрепления своей концепции реальности, а чтобы найти наиболее адекватную повествовательную форму для изображения определённого события.

Так, например, в своём первом «документальном романе» с причудливым названием «Электропрохладительный кислотный тест» (The Electric Kool-Aid Acid Test, 1968) Т. Вулф описывает так называемых «Весёлых Проказников» (Merry Pranksters) – группу вдохновенных приверженцев психоделической культуры, объединившихся вокруг своего идеологического наставника Кена Кизи, и задавшихся своей целью нести в массы идеалы расширения сознания путём экспериментирования с ЛСД и другими психотропными веществами. Документальной основой произведения стала жизнь коммуны хиппи, «восстановленная» с помощью писем К. Кизи, а также сорокачасовой фильм, снятый самими хиппи во время их путешествия по стране, магнитофонные плёнки, дневники, фотографии и интервью с членами коммуны. С натуралистической точностью автор фиксирует образ жизни, мысли, психологию, язык, быт, одежду хиппи, ярко создаёт их характеры. Для достижения необходимого эффекта Вулф целый месяц провёл в компании «Весёлых Проказников». Для передачи внутреннего состояния героев, практически постоянно находящихся под действием наркотиков, автор прибегает к использованию многочисленных диалогов, монологов и потока сознания. На страницах романа встречаются такие культовые персонажи, как Джерри Гарсия со своей группой «Grateful Dead», Тимоти Лири («отец психоделической революции», один из основателей трансперсональной психологии), «The Beatles» и даже коллега Вулфа по «новому журнализму» Хантер Томпсон. Двигателем сюжета был, безусловно, К. Кизи, который помимо своего романа «Пролетая над гнездом кукушки» (One Flew Over the Cuckoo's Nest, 1962), прославился психоделическими экспериментами над своими товарищами.

Следует отметить, что некоторые критики были немного сбиты с толку подчёркнутой «литературностью» основанного на фактах журналистского исследования: найденная Вулфом форма оказалась слишком необычной, чтобы не вызвать, с одной стороны, нареканий рецензентов, с другой – пристального интереса исследователей. Тем не менее, в основном критика восприняла роман хорошо, он быстро стал «важной» книгой и существует в этом качестве до сих пор, шокировав в своё время «основы американской культурной чувствительности» (*the sensibility of American culture*) [4, с. 53]. «Электропрохладительный кислотный тест» регулярно переиздается, оставаясь одним из лучших «ознакомителей (*introductions*) с периодом американской культуры, который не подлежит восстановлению» [5, с. 19].

Таким образом, популярность «литературы факта» в США является следствием обострения социальных проблем в стране и во всём мире. Разнообразные потрясения в США 1960-70-х годов вызвали чрезвычайный интерес американцев к политике и общественной жизни, и как следствие, к документальной литературе, к непридуманным героям, к изображению реального факта, который выносится в широкий социальный,

национальный и мировой контекст. Литература должна была представить читателю новые формы, способные откликнуться на животрепещущие события повседневности, волнующие Америку. Именно документальная литература оказалась способной удовлетворить этот интерес.

Список использованных источников

1. Вулф Т. Новая журналистика и Антология новой журналистики. Спб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 574с.
2. Гвоздев А.Б. Исторические романы Гора Видала в контексте «нового журнализма»: дис. ... кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2007. 342с.
3. Несмелова О.О. Проблемы развития художественной прозы США XX века в восприятии отечественного литературоведения (20-80-е годы): дис. ... доктора филологических наук. М., 1999. 512с.
4. McEneaney K. Tom Wolfe's America. Heroes, Pranksters, and Fools. Praeger: Westport, Connecticut, 2009. 181p.
5. Ragen B. A. Tom Wolfe. A Critical Companion. Greenwood Press: Westport, Connecticut, 2002. 190p.

УДК 81'23

НЕКОТОРЫЕ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДИКТОРОВ БРИТАНСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА «DISCOVERY»

Е. А. Сирица,

преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Социолингвистика как наука, изучающая влияние социальных явлений на функционирование языка в обществе, значительно расширила предмет своих исследований, обогатившись новой информацией о факторах социальной вариативности языка. Главным аспектом социальной дифференциации языка является отношение социальной структуры общества и структуры языка. Проблема языковой коммуникации является одной из областей исследования фоностилистики. Таким образом, решающим фактором, влияющим на стилистическое оформление текста речи дикторов, является коммуникативное намерение отправителя речи и ряд других внеязыковых факторов.

Ключевые слова: фоностилистика, социолингвистика, языковая вариативность, фонетические данные, темп, громкость, предшкала, речь дикторов, аудитивный анализ, программа.

Summary. Sociolinguistics as a science that studies the impact of social phenomena on the functioning of language in society, has significantly expanded its research subject and filled with new information about the factors of social variation of language. The main aspect of social differentiation of language is the attitude of the social structure and the structure of language. The problem of language communication is in the field of sociophonetics research. Thus, the

decisive factor is a communicative intention of the sender of speech and a number of other extra-linguistic factors.

Key words: sociolinguistics, TV programme, phonostylistics, speech, phrases, auditive analysis, approach, social factors, linguistic, Discovery Channel.

Целью данной статьи является изучение речи дикторов британского телеканала «Discovery» и выявление характерных для речи дикторов фоностилистических особенностей.

Актуальность темы обусловлена интересом лингвистов к социолингвистическому аспекту исследования речи, вопросам стратификации фоностилей с учетом социальных факторов.

В задачи исследования входили:

- 1) сбор и анализ теоретического материала по исследуемой проблематике;
- 2) выявление характерных особенностей речи дикторов телевизионных программ;
- 3) учет действия внеязыковых факторов на особенности организации речи дикторов телевидения.

Социолингвистика как наука, изучающая влияние социальных явлений на функционирование языка в обществе, значительно расширила предмет своих исследований, обогатившись новой информацией о факторах социальной вариативности языка. Главным аспектом социальной дифференциации языка является отношение социальной структуры общества и структуры языка. Поэтому социолингвистический анализ средств массовой коммуникации включает в себя лингвистическую и социолингвистическую оценку исследуемых объектов.

Профессор А. Д. Петренко считает, что «в современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих» [5, с. 4].

Перцептивный аспект фонетического описания, являясь необходимым звеном в характеристике свойств звукового сегмента, наиболее тесно связан с функциональными свойствами звуковой единицы, обусловленными ее социальной функцией.

Проблема языковой коммуникации является одной из областей исследования фоностилистики. Анализ фоностилистической вариативности неразрывно связан с изучением внешней ситуации общения. Практика современных экспериментальных исследований показывает, что наиболее значительную роль в формировании фонетических стилей играют такие факторы, как установка (коммуникативное намерение говорящего и предмет высказывания), общие условия общения, социальные характеристики говорящих.

Особое внимание в фоностилистике уделяется исследованию интонации как важнейшего средства коммуникации. Говоря о коммуникативно-стилистической роли интонации в речи, следует отметить, что на использование языковых средств в общении влияют внеязыковые факторы, которые теснейшим образом связаны со стилем.

Существуют различные классификации фонетических стилей или стилей произношения.

Л. В. Щерба различал два стиля произношений: полный и разговорный в зависимости от быстроты и степени чёткости или небрежности произношения [6, с.77].

Г. Майнхольд в зависимости от сферы общения и ситуативного фактора различает высокий стиль и разговорный стиль, которые, в свою очередь, подразделяются на переходные ступени от одного стиля к другому. Основное отличие между произносительными стилями автор видит в степени чёткости и ясности произношения, которая определяется информативной загруженностью элементов речевой цепи и темпом речепроизводства [2, с.143]. Важным фактором, по мнению Г. Майнхольда, является не изменение темпа вообще, а варьирование темпа на отдельных участках речевой цепи, что ведет к появлению, наряду с полными формами, редуцированных форм [2, с.144].

Одним из возможных критериев подхода к классификации фонетических стилей является трактовка вариативности в выборе языковых средств под влиянием внеязыковых факторов социально-психологического плана. Такой подход предлагает анализ социального содержания условий общения и степень их влияния на выбор способа выражения. Так, например, на основе характера отношений между собеседниками выделяется официальный, нейтральный и непринужденный стили произношения.

Общим для всех современных классификаций фонетических стилей является то, что в их основе лежит один и тот же тезис: появление в речи тех или иных фонетических особенностей как на сегментном, так и на просодическом уровне, обуславливается определенной внеязыковой ситуацией, при которой происходит общение [4, с.83].

Существует несколько классификаций внеязыковых факторов, оказывающих влияние на характер реализации сегментных и просодических единиц. Г. А. Вейхман, например, делит все внеязыковые факторы на первичные:

- цель и задача общения;
 - общественная сфера общения;
- и второстепенные:
- форма общения (устная или письменная, диалогическая или монологическая);
 - условия общения;
 - функция сообщения;
 - отношение к теме;

- спонтанность, неподготовленность;
- факторы, связанные с ситуацией общения [1, с. 103].

Исследуемые типы устных высказываний (информационные программы британского телевидения «Discovery Channel») в соответствии с этими классификациями можно характеризовать как информирующую речь, которая располагается в диапазоне от неофициальной до официальной речи, и от неформальной до формальной ситуации общения.

Согласно проведенной статистической обработке данных исследования, программы «Discovery Channel», «Shark Gordon» и «Weapons Of War» характеризуются интонационным своеобразием - в них встречаются все типы шкал: нисходящая, восходящая, ровная, скандентная и скользящая. Превалирующими типами шкал являются нисходящая и восходящая. Употребление ровной и скандентной шкал являются менее характерными для этого вида высказываний.

Анализируемые фразы характеризуются умеренным, ускоренным и частично быстрым темпом произношения в первой программе, и замедленным, умеренным и частично ускоренным темпом произношения во второй программе.

На основании проведенного анализа были сделаны следующие выводы:

- В речи дикторов предложенных телепрограмм присутствуют все виды шкал, но наиболее частотными являются нисходящая и восходящая;
- Решающим фактором, влияющим на стилистическое оформление текста речи дикторов, является коммуникативное намерение отправителя речи и ряд других внеязыковых факторов;
- Для передачи информации дикторами используются различные приемы общения, характерные не только для информационного стиля, например, такие как диалог, полилог, репортаж, интервью, монолог, и соответствующее информационное оформление;
- В соответствии с предложенными фоностилистическими критериями можно выделить следующие стилевые разновидности телепередач: информационно-публицистические, аналитико-комментирующие, «разговорные», репортажные, художественно-публицистические;
- Восприятие звучания речевого отрезка может опираться как на фонетические данные, так и на его смысловую сторону;
- На организацию и функционирование выбранных для исследования высказываний существенное влияние оказывают такие внеязыковые факторы, как тема программы, ее структура, условия записи программы, возраст участников, сопутствующий видеоряд и музыкальное сопровождение.

Список использованных источников

1. Вейхман Г. А. О стилистической классификации современного английского языка. НДВШ, ФН, 1958. – №4. С. 97–110.

2. Вопросы фонетической организации устных текстов. Труды. – Вып. 344. М., 1989. 120 с.
3. Гайдучик С. М. О фонетических стилях современного немецкого языка // Филологические науки. – 1972. – №4. С. 82–88.
4. Дубовский Ю. А. Анализ интонации устного текста и его составляющих. Мн.: Высшая школа, 1978. 140 с.
5. Петренко А. Д. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры // Коллективная монография под ред. А. Д. Петренко. М: Перо, 2015. 491 с.
6. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку М.: Учпедгиз, 1975. 187 с.

УДК 821.111-311.6'06

**KEEP CALM AND STEAMPUNK: ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПОДХОДА К НОВЫМ ЖАНРАМ**

С. А. Скороходько,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Цель статьи – выявление особенностей стимпанкового романа, релевантных с точки зрения перевода. Литература стимпанка рассматривается как метажанр, а стимпанковый роман – как ориентированный на массового читателя жанр, основными составляющими поэтики которого являются изображение прошлого и квазипрошлого, викторианский хронотоп, научно-фантастические элементы и «стимпанковый колорит». При переводе стимпанкового романа следует учитывать всю совокупность его интертекстуальных связей. Для достижения целей, поставленных в статье, были использованы сопоставительный метод, а также метод контекстуального анализа.

Ключевые слова: перевод, стимпанк, метажанр, викторианство, неовикторианство, «стимпанковый колорит».

Summary. The article examines a steampunk novel from the point of view of translation studies. Steampunk literature is treated as metagenre while steampunk novel is considered a genre belonging to popular literature and incorporating historic and quasi-historic elements, Victorian realia, science fiction traits and «steampunk spirit». The author comes to the conclusion that a translator of a steampunk novel is supposed to take into consideration novel's intertextual connections. The methods used are comparative method and contextual analysis.

Key words: translation, steampunk, metagenre, Victorianism, neo-Victorianism, «steampunk spirit».

Стимпанк зародился в литературе Америки. Первыми произведениями, написанными в этом жанре стали романы «Ночь

морлоков» («Morlock Night», 1979) и «Адские приборы: безумная викторианская фантазия» («Infernal Devices: a Mad Victorian Fantasy», 1987) Кевина Уэйна Джетера, «Врата Анубиса» («The Anubis Gates», 1983) Тима Пауэрса и «Gomunculus» (1986) Джеймса Блэйлока. Автор одного из них, Дж. Блэйлок, дал название новому жанру [3].

К настоящему времени стимпанк прочно обосновался в современной культуре и жизни, пройдя путь от «жанровой разновидности научной фантастики до феномена культуры» (перевод наш. – С. С.) [6]. Стимпанк развивается в театре, кинематографе, музыке, оперном искусстве, моде, компьютерных играх. Элементы стимпанковой культуры чрезвычайно активно проникают в жизнь современного общества, сформировалась стимпанковая субкультура со своей собственной системой ценностей и стилем жизни. Стимпанк проявляет себя в общественной жизни – сегодня в разных странах проводятся многочисленные разнообразные стимпанк-мероприятия, такие как фестивали, концерты, шоу, конкурсы, фэшн-шоу и разного рода костюмированные праздники и вечеринки. Одним из наиболее известных стимпанковых фестивалей является «Всемирная стимпанковая ярмарка» (Steampunk World's Fair, г. Пискатауэй, США) [11]. Увлечение стимпанком обнаруживается в частной жизни и в быту: сейчас популярны семейные праздники (свадьбы, дни рождения) в стимпанковом стиле, существуют многочисленные руководства по шитью, изготовлению предметов домашнего обихода, оформлению интерьера в духе стимпанка. Приверженцы стимпанка заявляют, что миллионы людей по всему миру разделяют их увлечение, энтузиазм и даже одержимость, и активно обмениваются идеями и новостями на различных сайтах. Так, например, популярный электронный стимпанковый журнал «Steampunk Journal» публикует статьи и заметки о стимпанковом искусстве, компьютерных играх, обзоры стимпанковой литературы и фильмов, сообщает о готовящихся концертах, мероприятиях, программах и шоу [10].

Стимпанк, родившийся в литературе, перешагнул не только литературные границы, но и границы стран и континентов. Стимпанковые повести, романы, фильмы, игры распространились во многих странах обеих Америк, Европы, Азии: в Японии снимают стимпанковые аниме, во Франции построен парк развлечений в стиле стимпанк, в Буэнос-Айресе открыт стимпанковый бар, стимпанковые рестораны, кафе и бары можно найти во многих странах мира, а китайский художник Джеймс Нг соединяет в своих работах элементы стимпанка с китайским колоритом [12]. Все сказанное позволяет совершенно определенно утверждать, что сегодня стимпанк стал брендом и хорошо продаваемым товаром, об этом говорят и сами носители стимпанковой культуры, и ее исследователи. Во многом этому способствуют процессы массовизации современной культуры и литературы, что оказывается немаловажным с точки зрения перевода.

Литература стимпанка представлена прозаическими, стихотворными и драматическими текстами, среди которых доминирует проза. По нашему

мнению, стимпанковая литература является сверхжанровым образованием, и на этом основании по отношению к ней целесообразно использовать термин «метажанр», понимаемый в данной работе как «способ функционирования метода в культуре, когда опыт усваивается не через строгий количественно-качественный канон, не через жестко определенные признаки произведения, а через концептуальную позицию, через общие пространственно-временные отношения» [1, с. 45]. Данное определение учитывает интертекстуальные связи литературного произведения с другими культурными явлениями, что представляется важным при рассмотрении стимпанка как явления литературы и объекта перевода. Кроме того, такой подход позволяет говорить о явлениях более низкого порядка внутри метажанра как о жанрах (стимпанковый роман, стимпанковая повесть и т.д.).

Для того, чтобы переводчик мог определить свою стратегию в отношении стимпанковых произведений, ему нужно представлять доминирующие жанровые черты переводимого текста. Стимпанк восходит к романам Г. Уэлса и Ж. Верна, которые принято считать первыми произведениями научной фантастики, а некоторые авторы (например, Дж. Блэйлок) и исследователи ранней стимпанковой литературы выражают мнение, что стимпанк является жанровой разновидностью научной фантастики или по крайней мере жанром, в котором описываемые события носят научно-фантастический характер [5; 9, с. 1161]. Одной из основных жанровых черт стимпанка является наличие в нем научно-фантастических элементов – упоминаний о/описаний выдающихся изобретений, научных открытий и достижений своего времени (дагерротип, паровые машины, телефон), а также различных выдуманных машин, механизмов, субстанций и существ (*credit-machine* – кредитная машина; *cactacae* – человек-кактус; *Remade* – переделанный). Научно-фантастическое сочетается в литературе стимпанка с элементами альтернативной истории: действие перенесено в прошлое, обычно это викторианская Англия или Америка XIX века, а точнее – альтернативная Англия, альтернативный Лондон, альтернативные Европа или Америка. Даже в том случае, когда описываемые события происходят не в Великобритании, в тексте обычно присутствуют черты викторианства, они актуализированы, сделаны подчеркнута узнаваемыми. Это дает основание исследователям данного жанра относить его к неовикторианской прозе [5, с. 47]. Реалии викторианской Англии действительно, с большей или меньшей степенью детализации и стремления к достоверности, отображаются в стимпанковом романе, однако при этом он остается квазивиикторианским – его можно рассматривать как футуристическое ретро [8] или антиутопию [9]. Авторов стимпанковых романов интересует не столько история как таковая, сколько культура прошлого и возможность обратиться через нее к проблемам сегодняшнего дня. Эпоха викторианства – время интенсивного роста городов, урбанизации, преобладания городского образа жизни и выдвижения

Лондона, ставшего крупнейшим городом мира, поэтому названные процессы не могли не отразиться в стимпанковом романе. Паровые двигатели, механизмы, работающие на пару, выпускаемые ими клубы дыма и пара, запах угля, смог – «Великое зловоние» («The Great Stink»), множество самых разных изобретений – всё это ассоциируется с викторианством и описывается в стимпанковых романах. Атмосфера эпохи создается через упоминание известных и знаменитых людей – ученых, политиков, художников, писателей, а также легендарных фигур того времени, среди которых Генри Модзли, Чарльз Бэббидж, Ада Байрон, Артур Хьюз, капитан Свинг и многие другие.

В стимпанке викторианский культурный фон соединяется со «стимпанковым колоритом», создаваемым с помощью стимпанковых реалий. К ним относятся именованья одежды (очки-гогглы, цилиндры, корсеты), машин, механизмов, приспособлений и т.п., как подлинных (дирижабли, Друммондов свет), так и фантастических («*REGENT*» *POCKET STEAM-ENGINE* – карманная паровая машина «*РИДЖЕНТ*»), предметов и веществ (*Engine-portraits* – машинные портреты; *DR. BAYLEY'S LITHIA WATER* – каменная вода доктора Бейли;). Анализ «стимпанкового колорита» с точки зрения перевода позволил сделать следующее наблюдение: при переводе научной лексики и квазитерминологии следует соблюдать баланс между «научностью» научной фантастики и аттрактивностью и упрощенностью массовой литературы.

Многие исследователи отмечают, что стимпанк быстро развивается и меняется, он перестал быть разновидностью научной фантастики и сейчас «соединяет в себе элементы научной фантастики, альтернативной истории, антиутопии, фэнтези и неовикторианской литературы» [2, с. 227], став одним из жанров массовой литературы. Исходя из этого, мы можем назвать основные составляющие поэтики стимпанкового романа, подлежащие воссозданию в переводе: изображение прошлого и квазипрошлого, викторианский хронотоп со всей его атрибутикой: урбанизмом и приметами большого города, паровыми и иными ретро-машинами и квазиретромашинами, реалиями викторианской жизни и квазивикторианским бытом; взгляд автора в таком романе – это в большей или меньшей степени критический взгляд нашего современника; стимпанковый роман ориентирован на массового читателя. Стратегии перевода стимпанкового романа определяются необходимостью воссоздать названные черты в переводе.

Несмотря на то, что стимпанковый роман является новым и продолжающим эволюционировать жанром, что безусловно затрудняет работу переводчика, следует отметить существование факторов, которые объективно помогают ему. История перевода произведений, принадлежащих новым жанрам, всегда включает два этапа: сначала переводчикам приходится формировать представление о жанре, его «образ» в принимающей литературной традиции и читательское ожидание в связи

ним, а затем, когда горизонт ожидания уже сформирован, существующие переводы служат ориентиром для тех переводчиков, которые продолжают работать в данном жанре. Даже если они не будут следовать складывающейся традиции, выполненные переводы, становясь точкой оттолкновения, создают условия для выработки новых, иных подходов. Будет еще лучше, если жанр окажется востребованным в новой культурной среде, и за переводами последует появление национального варианта жанра в литературе перевода. Представляющие его оригинальные произведения могут послужить в некотором смысле образцом или опорой для переводчиков. Именно так случилось со стимпанком: стимпанковые повести и романы активно переводятся на русский язык (точно так же, как переносятся практически все стимпанковые культурные явления), данный жанр уже хорошо известен русскоязычному читателю, появились русские стимпанковые романы, например, трилогия «Приключения Молли Блэкуотер» Ника Перумова, «Пересмешник» Алексея Пехова и другие. Сейчас можно говорить о встречном движении: переводные романы способствуют развитию русского стимпанка, а оригинальные русские произведения могут использоваться переводчиками как жанровый ресурс. Все это позволяет переводчику искать идеи и потенциальные соответствия в окружении стимпанкового текста, рассматривая произведение в совокупности его интертекстуальных связей. Для метажанра стимпанка такой подход безусловно представляется продуктивным.

Список использованных источников

1. Бурлина Е. Я. Культура и жанр: Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза. Саратов: Сарат. ун-т, 1987. 165 с.
2. Скороходько Ю. С. Стимпанк как явление современной литературы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2015. – № 2 (2). – С. 223–229.
3. Blaylock J. P. Letter [Electronic resource] // Locus. 1987. – Mode of access: URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/327> (дата обращения 1.02.2017).
4. Gibson W., Sterling B. The Difference Engine. London: Victor Gollancz Ltd, 1990. 383 p.
5. Jagoda P. Clacking Control Societies: Steampunk, History, and the Difference Engine of Escape // Neo-Victorian Studies. – 3:1. – 2010. – P. 46–71. – Mode of access: URL: http://www.neovictorianstudies.com/past_issues/3-1%202010/NVS%203-1-2%20P-Jagoda.pdf (дата обращения 8.02.2017).
6. Laming S. Steampunk: From Sci-Fi Sub-genre to Cultural Phenomenon [Electronic resource] // AbeBooks.co.uk. – Mode of access: URL: <https://www.abebooks.co.uk/books/victorian-fiction-jeter-robots/steampunk-literature.shtml> (дата обращения 20.01.2017).
7. Mieville Ch. Perdido Street Station [Electronic resource]. New York: Del Rey, 2001. 710 p. – Mode of access: URL: http://royallib.com/book/Mieville_China/Perdido_Street_Station.html (дата обращения 10.01.2017).

8. Nguyen J. RetroFuturism: The Tomorrow of Yesterday or The Past Rewritten? [Electronic resource] // Design Engine. – Mode of access: URL: <http://design-engine.com/retrofuturism-the-tomorrow-of-yesterday-or-thepast-rewritten/> (дата обращения 1.02.2017).
9. Steampunk [Electronic resource] // The Encyclopedia of Science Fiction / J. Clute, P. Nicholls. New York: St. Martin's Press, 1995. 1408 p. – Mode of access: URL: http://www.amazon.co.uk/dp/1857238974/ref=rdr_ext_tmb (дата обращения 5.02.2017).
10. Steampunk Journal [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://steampunkjournal.org> (дата обращения 06.02.2017).
11. Steampunk World's Fair [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://steampunkworldsfair.com/> (дата обращения 02.02.2017).
12. Tatjand Джеймс Нг. Стимпанк императорского Китая [Электронный ресурс] // LiveJournal. – 18 Dec. 2016. – Режим доступа: <http://tanjand.livejournal.com/1924332.html> (дата обращения 06.02.2017).

УДК 821.111

РОЛЬ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ В РОМАНЕ ГРЭМА ГРИНА «OUR MAN IN HAVANA»

А. С. Соина,

ассистент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, Севастополь.

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассмотрено эпистемологическое сравнение как отличительная черта пародийного шпионского романа «Наш человек в Гаване». В романе отсутствует разграничение между категориями реального и вымышленного, что может являться причиной когнитивного диссонанса у реципиента.

Ключевые слова: шпионский роман, эпистемология, Грин.

Summary. In the proposed paper epistemological simile as a Greene's parodistic spy novel «Our Man In Havana» distinctive feature is studied. The Graham Greene novel key feature is the absence of real and fictitious categories delimitation, that could cause cognitive dissonance to the recipient.

Key words: spy novel, epistemology, Greene.

Шпионский роман «Наш человек в Гаване» вышел в 1958 году в американском издательстве «Viking Press» и в английском издательстве «Heinemann». Замысел этого произведения родился у Гр. Грина, когда он

наблюдал различные нелепые и фарсовые ситуации, работая в британской разведке во время войны [4, с. 151]. Как отмечает критик С. Филюшкина, по словам самого писателя, он столкнулся с тем, что многие немецкие офицеры надували своё берлинское начальство в целях личного обогащения, отсылая в Германию ложные донесения от несуществующих агентов [1, с. 565–569].

Кроме того, британская разведка стремилась завербовать как можно большее количество агентов во всех частях света, поэтому иногда в неё попадали совершенно невежественные агенты. Такие наблюдения подсказали Грину острую интригу для жанра «развлекательного» чтения.

Обратимся к проблеме двойной истины в романе «Наш человек в Гаване». Отметим, что в романе отсутствует экспозиция, внезапная завязка начинается с диалога, с немотивированного сравнения протагониста Уормолда и некоего бедного негра, идущего по улице.

«That nigger going down the street», said Dr Hasselbacher standing in the Wonder Bar, «he reminds me of you, Mr Wormold» [3, с. 1].

Ввиду того, что реципиент не знаком с названными персонажами, он вынужден поверить автору, чья позиция в данный момент выражается словами второстепенного, но играющего важную роль персонажа – друга протагониста Уормолда, доктора Гассельбахера. Впоследствии автор несколько раз напоминает об этих словах Гассельбахера. Таким образом, сравнение постепенно разворачивается на протяжении всего текста. Следовательно, данный образ можно считать деталью в этом произведении и примером текстообразующей иронии.

Внутри произведения «Наш человек в Гаване» наравне сосуществуют два типа реальности: реальность настоящая и вымышленная. Они могут сосуществовать, пока не будет доказано, какая именно из них – ложная. Поэтому реципиент вынужден принять точку зрения доктора Гассельбахера и примириться с ней до тех пор, когда прочитав какую-то часть текста, не сможет сам согласиться с этим мнением или опровергнуть его.

Предполагается, что реципиент обладает так называемой «верой в невероятное» (*«suspension of disbelief»*, термин Jacob Carroll) и на протяжении всего романа не отделяет реальное от выдуманного, воспринимая и выдуманное, и настоящее, как правду. Однако границы «невероятного» в пределах романа относительно и зависят от жанра конкретного произведения. Исследователь Брюс Мерри, изучающий вымышленных шпионов и сравнивающий их с настоящими шпионами, утверждает, что в шпионских романах от читателя требуется бóльшая вера в предлагаемые обстоятельства, чем в любом другом жанре [2, с. 3]. Сравнение, которое употребил доктор Гассельбахер, служит примером того, как данное произведение модифицирует жанр шпионского романа в целом, а также объясняет, почему указанный роман может быть отнесён к пародийному шпионскому роману. Данное сравнение может быть рассмотрено как гносеологическое или эпистемологическое и являться ключом к пониманию отличительной черты пародийного шпионского

романа: в произведении «Наш человек в Гаване» нет истинной и ложной версии событий, т.е., одна версия не может быть противопоставлена другой с целью её опровержения. Напротив, автор позволяет очевидной лжи неожиданно оказываться правдой, являясь причиной когнитивного диссонанса у реципиента.

Такого рода потрясения и являются ключом к пониманию иронии и сатиры в романе «Наш человек в Гаване». Как сравнение, употреблённое Гассельбахером, является возможной характеристикой Уормолда с точки зрения читателя, так и отчёты и доклады протагониста становятся объективной реальностью с точки зрения повествования. Грин предоставляет своим героям свободу воображения.

Приведём пример. Несмотря на то, что произведение написано в ироническом ключе, ирония и юмор становятся мрачными и не вполне уместными, когда вражеские агенты секретной службы начинают относиться к Уормолду серьезно, убивают настоящего кубинского пилота, которого – по совершенно нелепому совпадению – зовут Рауль Домингес (Raul Dominguez; точно так же, как и выдуманного Уормолдом агента), организуют покушение на инженера Сифуэнтеса (Cifuentes; также якобы агента, завербованного Уормолдом). Так ирония перетекает в сатиру.

«I invented Raul».

«Then you invented him too well, Mr. Wormold. There's a whole file on him now».

«He was no more real than a character in a novel».

«Are they always invented? I don't know how a novelist works, Mr. Wormold. I have never known one before you» [3, с. 29–30].

Затем враги пытаются отравить самого Уормолда, о чём его предупреждает друг Гассельбахер. Вскоре Гассельбахера убивают, и фарс превращается в абсурдный кошмар. Уормолд осознаёт, что сам является творцом своей реальности, что он в ответе за то, что происходит вокруг, и это осознание, разумеется, его пугает. Он задумывается:

«Shakespeare [had] listened to the news of Duncan's death in a tavern or heard the knocking on his own bedroom door after he had finished the writing of Macbeth» [3, с. 24].

Следовательно, Шекспир в произведении «Наш человек в Гаване» представлен как реальный человек, который, возможно, вынужден опасаться своих собственных фантазий.

Не случайно в качестве книги, с помощью которой Уормолд и Готорн шифруют сообщения, используется «Шекспир для детей» Чарльза Лэма. Шекспир для детей – это пересказ, подобие, не подлинник. Точно так же Уормолд является не шпионом, а подобием шпиона, как и «Наш человек в Гаване» не шпионский роман, а подобие, в данном случае – пародийная вариация жанра.

В романе крайне сложно с уверенностью отличить выдуманное от реального, правду от лжи. Ввиду такого типа повествования ложь не может

быть названа обманом как таковым. Всё в романе направлено на создание выдуманной реальности и для реципиента, и для персонажей.

Так называемая «двойная истина» в романе актуализируется не только для реципиента: Уормолд, пытаясь отказаться от характеристики, навязанной им Гассельбахером в начале романа, смотрит в зеркало, чтобы убедиться, что он не похож на проходящего мимо бедняка. Его желание немедленно опровергнуть наблюдение друга является инстинктивным и наталкивает на мысль о сомнениях Уормолда – он вполне в состоянии представить, что он может быть похож на указанного человека. То, что Уормолду необходимо найти доказательства для опровержения слов Гассельбахера, показывает неуверенность в его собственном, субъективном восприятии действительности. Таким образом, если данное сравнение может являться правдой для Уормолда, то оно будет правдивым и для читателя: и протагонист, и читатель в данном случае являются реципиентами и оба сталкиваются с явлением двойной истины.

Доктор Гассельбахер отвечает на возражения Уормолда, указывая на следующие сходства: «*[the beggar]’s got two ideas in his head and he’s reliable, you can depend on him*» [3, с. 1]. Обе реплики взаимоисключающие и парадоксальны, так как наличие «двух мыслей» в голове означает отсутствие надежности.

В системе, где действительность каждый раз преподносится по-новому, оба аспекта двойной истины являются правдой. Вернёмся к словам доктора Гассельбахера. Наличие «двух мыслей» (*перевод наш – А. С.*) является признаком бесхитростности, точно так же эта фраза может означать способность удерживать в сознании две взаимоисключающие истины, к чему автор и подготавливает читателя.

В романе «Наш человек в Гаване» также присутствуют некие внешние силы (секретная служба, СМИ, деньги), которые способствуют появлению лжи, и в то же время используются для отделения вымышленного от реального, позволяя кому-либо получить власть. Доктор Гассельбахер похож на шекспировского шута: он говорит нелепости – и в то же время открывает бесспорные истины, поощряет хитрость и часто является голосом автора. Именно Гассельбахер подталкивает Уормолда к фальсификации отчётов:

«*You should dream more, Mr. Wormold. Reality in our century is not something to be faced*» [3, с. 1].

Ярче всего стиль жизни и способ познания окружающего мира доктора Гассельбахера проявляются в диалоге между ним и американским туристом в баре, где Гассельбахер празднует выигрыш в лотерее, хотя победитель ещё не объявлен:

«*I have won [those dollars] as certainly as you exist, my almost unseen friend. You would not exist if I didn’t believe you existed, nor would those dollars. I believe, therefore you are*».

«*What do you mean I wouldn’t exist?*»

«You exist only in my thoughts, my friend. If I left this room ...»

«You are nuts».

«Prove you exist then».

«“What do you mean, prove? Of course I exist. I’ve got a first-class business in real-estate; a wife and a couple of kids in Miami; I flew here this morning by Delta; I’m drinking this Scotch, aren’t I?” The voice hinted of tears».

«Poor fellow», Dr. Hasselbacher said, «you deserve a more imaginative creator than I have been. Why didn’t I do better for you than Miami and real estate? Something of imagination. A name to be remembered» [3, с. 8].

Нельзя не отметить, что выражение «I believe, therefore you are» является перефразированным афоризмом Рене Декарта «Je pense, donc je suis», «Я мыслю, значит, я существую». Гассельбахера ценит и уважает его друг, протагонист Уормолд. Что касается жизненной установки Уормолда, то он далёк от патриотизма, для него, как и для Гассельбахера, в первую очередь ценны его близкие: дочь, друзья, позже – присланная к нему в качестве помощницы связистка Беатриса, в которую Уормолд влюбляется.

«I don't care a damn about men who are loyal to the people who pay them, to organizations.... I don't think even my country means all that much. There are many countries in our blood, aren't there, but only one person. Would the world be in the mess it is if we were loyal to love and not to countries?» [3, с. 40].

Уормолд настолько удачно создаёт определённую реальность вокруг себя (люди, обстоятельства), что секретная служба охотно принимает его отчёты, предложения и не стесняется в расходах. Роман «Наш человек в Гаване» преувеличивает готовность секретной службы и читателя принять махинации Уормолда за истину. Однако секретная служба не может и не желает обвинять себя в неспособности отличить фиктивное от подлинного. Когда Уормолд начинает писать отчёты, он полностью осознаёт, что платят ему за правду. Поэтому он обращается к Гассельбахеру за советом:

«The other day I was offered money... To get information... Secret information»

«Dr. Hasselbacher sighed. He said, “you are a lucky man, Mr. Wormold. That information is always easy to give. [...] Just lie and keep your freedom. They don’t deserve the truth... Kingdoms, republics, powers”» [3, с. 12].

Таким образом, Уормолд сам становится творцом правды. Он придумывает своих агентов, основываясь на списке членов Загородного клуба, куда вступает на деньги секретной службы, а также иногда используя имена и род деятельности других людей, которых он встречал или о которых слышал.

В романе показан мир, где секретная информация важнее всего, но вместе с этим и мир, где каждый персонаж является творцом правды, за которой охотится секретная служба.

Список использованных источников

1. Филюшкина С. Ф. Наш человек в Гаване (послесловие). Грин Г. Собрание сочинений. В 6 т. Т.3. Тихий американец; Наш человек в Гаване; Ценой

потери: Романы. Пер. с англ. М.: Художественная литература, 1994. С. 565–569.

2. Carroll J. Authors of Truth. Writers, Liars, and Spies in Our Man In Havana [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <http://triceratops.brynmawr.edu/dspace/bitstream/handle/10066/3668/2009CarrollJ.pdf?sequence=2> (accessed date 26.01.2017).

3. Greene G. Our Man in Havana [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <http://www.rulit.me/books/our-man-in-havana-read-220120-1.html> (accessed date 26.01.2017).

4. Schoonover T.D. Hitler's Man in Havana [Electronic Resource] // Kentucky: The University Press of Kentucky, 2008. 218 p. – Mode of access: URL: <https://books.google.ru/books?id=CojTWMNxso4C&pg=PA151&lpg=PA151&dq=our+man+in+havana+writing+style&source=bl&ots=uexcVb8VoP&sig=1BjcYrqkGYIICjBpxOm4waMvIfQ&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwi0v9nQ0tfMAhUK2SwKHaa0DTEQ6AEITDAG#v=onepage&q=our%20man%20in%20havana%20writing%20style&f=false> (accessed date 26.01.2017).

УДК 811.111

**УЧЕТ ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКИ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ:
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СТАТУТОВ**

Ю. О. Соловьева,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые особенности, присущие юридическим текстам, учет которых позволяет переводчику взять верные ориентиры и определить доминанты перевода. Автор анализирует жанр английского статута, описывает его структуру, лексико-грамматические и стилистические особенности данного рода законодательных документов и дает общие рекомендации по их переводу на русский язык.

Ключевые слова: юридический перевод; жанры юридического дискурса; статут; лексическая, синтаксическая и стилистическая эквивалентность.

Summary. The article deals with genres of English legal texts. The identification of genres is of great assistance to translators since it helps them look deeper into the nature of the original and translate the text successfully. The author analyzes the English statute as a key legal genre, describes its structure, lexical, grammatical and stylistic peculiarities of this kind of legal texts and provides general recommendations for their translation into Russian.

Key words: legal translation; genres of legal discourse; statute; lexical, syntactic and stylistic equivalence.

На современном этапе развития межкультурного взаимодействия юридический перевод играет ключевую роль, выступая в качестве средства координации сотрудничества административных и правоохранительных органов, а также юристов разных стран. Это влечет за собой потребность в подготовке компетентных специалистов-переводчиков, обеспечивающих данное взаимодействие. «Обучение юридическому переводу, подкрепляемое сопоставительным изучением правовых систем, становится обязательным компонентом подготовки современных переводчиков в лингвистических вузах» [3, с. 8].

Для достижения адекватного и эквивалентного перевода законодательных текстов специалисту необходимо в первую очередь освоить технику юридического перевода. Вслед за К. М. Левитаном под данной техникой мы понимаем «совокупность правил, средств, способов и приемов осуществления успешной межкультурной коммуникации в области юриспруденции на основе знания юридической терминологии и стилистики юридических текстов различных разновидностей на ИЯ и ПЯ при обязательном владении понятиями права и свободной ориентации в концептуальных юридических картинах мира коммуникантов» [2, с.46].

Предпереводческий анализ разного рода законодательных текстов позволяет лингвистам выделить их определенные особенности. Законодательный текст выполняет познавательную и предписывающую функцию, и, таким образом, несет черты сходства с научным текстом и текстом инструкции. В качестве коммуникативного задания выступает регулирование отношений людей в социуме как в рамках конкретной страны, так и на международной арене. Источником юридических текстов выступают профессиональные юристы, а реципиентом - любой взрослый гражданин государства. По своему разряду законодательный текст является примарно-оперативным, хотя в нем присутствуют также когнитивная и отчасти эмоциональная виды информации. Таким образом, исходя из данных характеристик, переводчик может взять верные ориентиры и выделить доминанты перевода любого юридического (законодательного) текста.

При обучении специальному переводу, в том числе, юридическому, делается обязательный акцент на учете жанровой специфики текста, так как стиль изложения юридического документа на ИЯ должен соответствовать стилю этого же материала на ПЯ. Отечественные и зарубежные лингвисты уже достаточно широко и подробно рассмотрели понятие «жанра» в речевой коммуникации в самых разных сферах, в том числе в сфере профессиональной юридической коммуникации. Под жанром или типом текста обычно понимается особый класс текстов, характеризующих общение определенного сообщества или профессиональной группы, и отличающихся от других особенностями использования языковых средств, необходимых для выполнения определенной функции. Так, под жанрами юридических текстов можно понимать свидетельские показания, исковое

заявление, договор, судебное решение и пр. Термин «текст» в данном случае имеет широкую трактовку и включает в себя как письменные жанры (например, договор), так и устные (например, напутственное слово судьи к присяжным). Возможно также выделить такие поджанры как судебное решение о расторжении брака, судебное решение в пользу истца вследствие неявки ответчика, решение по апелляции и т.д.

Тексты, принадлежащие к определённому жанру в рамках юридического дискурса, имеют следующие стилистические особенности:

1. Общую коммуникативную функцию, реализующуюся посредством использования перформативного глагола, а также с помощью глагольных структур со значением модальности необходимости.

2. Аналогичный формат или организационную структуру. Так, все судебные решения состоят из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

3. Преобладание полносоставных предложения, логические связи в которых оформлены при помощи широкого использования однородных членов предложения и придаточных со значением условия и причины.

4. Частое употребление конструкций страдательного залога, неличной формы глагола, использование глагола будущего времени «shall» в значении необходимости или долженствования, объемный перечень категорий и классов лиц и объектов, к которым применяется тот или иной закон и т.д.

5. Широкое использование неопределенных местоимений, отсутствие указательных и личных местоимений, а также других средств вторичной номинации, увеличивающих плотность информации. Вместо этого присутствует «тавтологическая когезия» (термин И.С. Алексеевой), т.е. одно и то же существительное повторяется в каждой последующей фразе. Таким образом, компрессивность законодательному тексту не присуща [1, с.297].

6. Наличие черт и оборотов официально-канцелярского стиля, например, в статутах и других законодательных текстах.

7. Присутствие юридических терминов, имеющих архаичную окраску, создающих колорит высокого стиля, и придающих тексту некий эмоциональный оттенок.

В данной статье мы рассмотрим особенности одного из ключевых жанров английских юридических (законодательных) текстов, а именно, статутов, в котором также нашли отражение все вышеперечисленные жанровые особенности и предложим общую стратегию перевода подобного типа текстов. Несмотря на известность английской системы общего права и важность судейского права, основанного на прецеденте, самое большое количество новых законов принимает британский парламент. Его законодательная деятельность реализуется в форме статутов, которые либо являются Актами парламента, вступающими в силу с даты получения монаршего согласия, либо в форме указов, которыми обязаны

руководствоваться отдельные министерства и департаменты. Все законопроекты проходят предварительное обсуждение в парламенте в форме биллей. Перед направлением в парламент окончательный вариант законопроекта согласовывается с тем департаментом правительства, к компетенции которого относится. Обычно законопроект в парламенте проходит ряд обязательных этапов: внесение законопроекта, первое и второе чтения, работа в комитетах, третье чтение, получение монаршего согласия.

Структура статута жестко определена. Типичный парламентский акт содержит следующие обязательные элементы:

1. краткое название закона (short title);

Оно представляет собой сокращенную форму названия статута и помещается в начале законодательного акта под королевским гербом. В кратком названии приводится информация о том, как разрешается в сокращённом виде ссылаться на закон, например, «Road Traffic Act 1988» (Закон о дорожном движении 1988г.). Дата в заголовке означает дату получения законом одобрения монарха. В некоторых случаях краткое название опускается, и в качестве ссылки используется календарный год или номер главы, под которым статут занесен в сборник статутов. Все законы, принятые до 1963 года, часто упоминаются с отсылкой к году правления того или иного монарха. Номера глав позволяют судам ориентироваться, в каком порядке парламентом принимался закон в случае конкуренции законодательных норм.

2. полное название закона (long title);

Не нужно путать его с преамбулой, о которой речь пойдет позднее. Оно показывает цели, которые ставил перед собой парламент, принимая закон. Фактически, это формальное и подробное описание сферы применения и цели закона, неизменно начинающееся со слов 'An Act...', за которым следует глагол в перформативной форме:

«An Act to amend the law relating to hire-purchase and credit-sale, and in relation thereto, to amend the enactments relating to the sale of goods; to make provision with respect to dispositions of motor vehicles which have been let or agreed to be sold by way of hire-purchase or conditional sale; to amend the Advertisements (Hire-Purchase) Act 1957; and for the purposes connected with the matters aforesaid» [4, с.106].

Закон о внесении изменений в положения, касающиеся приобретения автотранспортных средств в рассрочку или кредит; влекущих соответствующие изменения в законе купли-продажи, в том числе в отношении автотранспортных средств, сданных в наем, либо приобретаемых в кредит или по договору условной продажи; о внесении поправок в Закон о рекламе (продажи в кредит) 1957г. и иных поправок для вышеперечисленных целей.

Необходимо отметить, что полное название является обязательной частью закона и служит контекстуальной рамкой для ссылки, к которой

может прибегнуть переводчик в процессе перевода и выведения значения слов законодателя в случае возникновения правового спора.

3. преамбула (preamble);

Часть закона (очень краткая), которая предваряет его текст и подтверждает, что данный статут одобрен парламентом в соответствии с конституционным порядком. Не все современные статуты содержат преамбулу. Ее цель - соотнести закон с изменениями в социальной, политической или экономической сферах, которые, по мнению парламента, обусловили необходимость введения нового закона. Отличительная черта преамбулы-употребление обстоятельственных придаточных, начинающихся со слов 'whereas', 'in view of', 'given that'.

4. указание части и заглавия (Part number and heading);

Такая структура позволяет легче ориентироваться в законодательных актах больших объемов. Большие акты подразделяются на разделы (parts), которые также нумеруются и имеют свое название и могут быть снабжены примечанием (note).

5. статья (Section), в каждой из которых излагается отдельный вопрос или положение. Статье присваивается порядковый номер, обозначаемый арабской цифрой. Если текст статута небольшой по объему, статьи в нем могут отсутствовать.

6. дополнительные положения и приложения (Schedules).

Они содержат различную информацию и разъяснения, в частности, в них могут объясняться термины, использованные законодателем в тексте закона, а также указываются те законодательные акты, которые утрачивают силу в связи с принятием настоящего статута.

При прохождении обсуждения в парламенте для удобства законодателей текст может разбиваться на отдельные пункты и параграфы, которые могут отличаться от предложенной структуры. Однако переводчику текстов данного жанра необходимо четко придерживаться шаблона и принятой терминологии при переводе как законопроекта, так и уже принятого закона.

В заключение необходимо отметить, что учет жанровой специфики помогает переводчику сконцентрировать внимание на функциональном аспекте текста ИЯ и глубже проникнуть в его природу. Жанровая идентификация позволяет переводчику выйти за рамки лексической эквивалентности (полисемия, синонимия и т.д.), синтаксической эквивалентности (номинализация, модальность, порядок слов и др.), а также стилистической эквивалентности (формальность, фигуры речи, риторические приемы, строгость интонации в устных высказываниях и т.д.). По сути дела, переводчик, которому удалось верно определить жанровую и стилистическую принадлежность текста, уже находится на пути достижения адекватного и эквивалентного перевода.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. СПб: Академия, 2010. 354 с.
2. Левитан К. М. Юридический перевод: основы теории и практики. М.: Проспект, 2010. 350с.
3. Соловьева Ю. О. Юридический перевод как необходимый компонент содержания современного лингвистического образования//Альманах мировой науки. М.: АР-Консалт. 2016. – №1–2(4). 125с.
4. Alcaraz E., Hughes B. Legal translation explained. New York: Routledge. 2002. 196 p.

УДК 811.12+821.124

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ЭЛЕГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ОВИДИЯ**

Е. Н. Татаренко,

*старший преподаватель кафедры романской и классической
филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Работа посвящена выявлению особенностей коммуникативной составляющей элегических произведений Овидия с использованием метода анализа. При исследовании некоторых элегий выявлены особенности, характерные для коммуникации и в современном ее понимании. Было установлено, что коммуникативные черты элегического творчества Овидия включают в себя все коммуникативные уровни.

Ключевые слова. Поэзия, анализ, жанры, стилистические средства, стихотворные размеры.

Summary. The work is devoted to identifying the characteristics of the communicative component of the works of Ovid using the method of analysis of poetic texts. In the study of texts of some elegies was found features characteristic of communication in the modern sense. It was found that the communicative features of the elegiac work of Ovid include all communicative levels.

Key words: poetry minor forms, genres, language graphic arts, meters.

Мир поэзии, особенно поэзии античной, является сферой настолько деликатной, что беспристрастный анализ произведений зачастую не представляется возможным, и анализировать поэтические тексты нужно для того, чтобы снова восхититься жемчужинами мировой культуры.

Сокровищница европейской литературы зиждется, в том числе, и на художественных достижениях поэтов древнего Рима – разнообразие жанров, стихотворных размеров, выразительных средств делает поэтические произведения поистине бесценными и для современного читателя. Одновременно произведения римских поэтов 1 в. до н.э.

представляют собой неиссякаемый источник изучения для тех, кто посвятил себя классической филологии.

Тема – основные изобразительные средства произведений Овидия – одного из поэтов, произведениям которого присуще лучшее в римской поэзии. Произведения Овидия могут дать полное представление о разнообразии приемов, имеющих коммуникативную направленность.

Неоценимое наследие поэтических произведений авторов 1 в. до н. э. прошло проверку главным – временем, и не только безупречными литературными приемами, но и весьма ценным качеством – каждый читатель чувствует себя адресатом, той личностью, которой автор желает донести свои мысли и чувства.

Главной, на наш взгляд, отличительной чертой произведений можно считать их коммуникативную направленность – авторы стремятся не только к выражению собственных чувств, но доносят их до читателя. Именно поэтому произведения Овидия очень часто носят диалогический характер, т.к. имеют либо конкретного адресата (например, элегия «К Аттику»), либо воображаемого – читателя. Такая адресная направленность создает атмосферу более тесного контакта с читателем, делая его если не участником, то непосредственным наблюдателем, пробуждая сопереживание описываемым событиям.

Поэзия малых форм характеризуется разнообразием стихотворных размеров. Это фалекейский одиннадцатисложный стих, сапфическая система, адонийский стих, элегический дистих и др. Такое разнообразие позволяет выразить мысли, чувства и переживания, облекая их в формы, наиболее подходящие к настроению поэта, а иногда – служит контрастным фоном. Однако и использование автором преимущественно одного стихотворного размера также направлено на создание контакта с читателем, на погружение читателя в атмосферу любовной лирики. Вплетение автором в размер элегического дистиха эхоического стиха создает ощущение завершенности. Сложные стихотворные размеры, сопровождаемые определенными приемами, такими как анафоры, эпифоры, полисинтоны, создают атмосферу особого восприятия, погружая читателя в музыку стиха, создавая гармонию между формой и содержанием произведения, воздействуя на уровне голосового восприятия, тесно связанного с интонацией. Таким образом, звуковой выразительности стиха придается огромное значение. Не менее важной представляется и архитектоника поэтических текстов. Так, повторение представляется необходимым, пришедшим еще из поэтической традиции Древней Греции, атрибутом. (*Amores: Militat omnis amans, et habet sua castra Cupido. Attice, crede mihi: militat omnis amans*). Необходимо заметить, что в полной мере музыка латинского стиха средствами родного языка не передается: мы используем не музыкальное, а тоническое ударение.

Грамматические средства также создают определенное настроение, и не в последнюю очередь – формы глаголов, обозначающие время и

наклонение. Описательный стиль в данном случае предполагает употребление глаголов в значительных количествах, что делает повествование динамичным, что придает дополнительную выразительность, оттеняя некоторую созерцательность, выражаемую на фонетическом уровне. В большей части случаев – это настоящее время, что делает в глазах читателя события близкими, достоверными, требующими сопереживания и ответных эмоций. Так, употребление повелительного наклонения предполагает участие читателя в действии произведения (*Amores: Attice, crede mihi*). Эллипс и брахилогия делают повествование более сжатым, приближенным к разговорной речи в условиях прямой коммуникации, переводя в то же время поэтический текст в ранг обобщающего высказывания (*Amores: Turpe senex miles, turpe senilis amor*) помогают достичь дополнительной выразительности текста. Таким образом, чередование форм глагола является дополнительным средством выражения.

Разумеется, поэзия как явление культуры, предполагает наличие в произведениях различных стилистических средств. Прежде всего, это эпитеты, выраженные чаще всего качественными прилагательными (*Amores: Roscida purpurea supprime lora manu!*), что создает еще большую коммуникативную направленность произведения – ведь мы в подавляющем большинстве случаев даем оценку происходящему, высказываем свое отношение к событиям, а не просто излагаем факты. Часто лексические единицы используются в переносном значении. В некоторых случаях все произведение является метафорой – сложной, разветвленной, содержащей градацию (*Amores: Militat omnis amans et habet sua castra Cupido*). Многочисленные обращения, как по имени (*Amores: Attice*), так и с применением субстантивированного прилагательного (*Amores: Quo proferas, invida...*) создают атмосферу доверительности между поэтом и читателем. Не чужды автору и иные приемы: метонимия, антономасия, аллюзия (*Amores I, 13: Et liquidum tenui gutture cantat avis*). Нужно заметить, что, хотя все перечисленные приемы и выразительные средства присущи жанру художественного стиля в целом, однако именно их прихотливое распределение в поэтических произведениях наряду с ритмическим рисунком позволяет считать их имеющими все признаки коммуникации. Речь идет об обращениях, риторических вопросах, фразах с обобщающим значением, назывных конструкциях, причем эти признаки являются не только формальными, но и содержательными.

Воздействие на читателя с помощью сочетания всех уровней делает тексты Овидия носящими коммуникативную направленность, не теряющую актуальности и в наши дни, так как тонко и деликатно касаются мира чувств и эмоций.

Однако стоит заметить также, что читателю поэтических произведений I в. до н. э. необходима определенная эрудиция – произведения содержат топонимы, имена собственные, мифологические

сюжеты, имена и факты, что одновременно позволяет не только развить художественный вкус, но и расширить познания, составляющие культурный фонд каждого цивилизованного человека.

Разумеется, мы не претендовали на полное освещение всех признаков коммуникативной направленности некоторых произведений великого поэта, но надеемся на то, что оно вызвало желание перечислить лучшие образцы античной литературы, ибо, как легко убедиться, они остаются актуальными и понятными и в наше время.

Список использованных источников

1. П. Овидий Назон. Избранные произведения. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1946. 92 с.
2. Плунгян В. А. Голос музыки. М.: Велес, 1998. 256 с.

УДК 81'25

ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА АЭРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

А. А. Телегуз,

аспирант кафедры переводоведения и лингвистики,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово

А. Г. Фомин,

профессор кафедры переводоведения и лингвистики,

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово

Аннотация. Цель проведенной работы состояла в исследовании основных закономерностей перевода терминов, принадлежащих предметной области «Аэрология и вентиляция». Определены ключевые причины несоответствия семных составов омонимичных терминов. Путем дефиниционного анализа были определены эквиваленты терминов, вызывающие наибольшие затруднения при переводе. Выявлены, соотнесены и проанализированы базовые модели образования терминов в обеих терминосистемах.

Ключевые слова: терминосистема, эквиваленты, терминологизация, транстерминологизация, сема, аэрология, вентиляция.

Summary. The main aim of the study is to find out basic patterns in term translation. The study reveals why homonymous terms have different seme composition and, thus, different corresponding terms in such term systems as «Aerology and Ventilation», «Mining», «Geology», etc. By means of definition analysis the authors found the corresponding terms, which are confused very often. The authors reveal and analyze the basic term formation models in two languages and the way they correspond.

Key words: term system, translation equivalent, terminologization, seme, borrowing, aerology, ventilation.

Основной целью при переводе технических текстов является наиболее точная передача смысла текста-оригинала на другом языке. Она может быть

достигнута лишь в случае обнаружения эквивалентных терминов. Однако сделать это не всегда просто, так как объем значений на первый взгляд эквивалентных терминов может быть (и зачастую является) различным.

В терминосистеме «Аэрология и вентиляция» это обусловлено рядом факторов. Во-первых, рассматриваемая терминосистема начала складываться около ста лет назад, поэтому в нее были заимствованы целые группы терминологизированных слов литературного языка. Во-вторых, понятийная система рассматриваемой науки развилась на основе понятийных систем целого комплекса наук, прежде всего, горного дела, геологии, химии, физики и аэромеханики. Из перечисленных наук были заимствованы целые комплексы терминов. В обоих случаях происходило изменение семного состава терминов. Следовательно, перевод терминов, в которых один или несколько элементов являются терминологизированным словом литературного языка либо транстерминологизированным элементом, представляет определенную сложность. Поэтому без знания специфики терминов горного дела, геологии и физики и того, как изменилось значение слова в результате терминологизации, сделать адекватный перевод представляется достаточно сложной задачей.

Одной из основных причин возникновения сложностей в выборе эквивалента является различие объемов понятий, передаваемых в разных языках однокоренными словами и даже смежноотраслевыми омонимами.

Переходящие в новую терминосистему единицы подвергаются как эксплицитной, так и имплицитной транстерминологизации. Эксплицитная транстерминологизация заключается в приобретении термином новой дефиниции, отличной от той, которую он имел в терминосистеме-источнике [2]. Наиболее сложно дело обстоит с возникшими смежноотраслевыми омонимами, которые имеют в терминосистемах «Горное дело», «Геология» и прочих наук различные значения и деривативы. В текстах, по аэрологии и вентиляции, актуализируются как «новые», так и «старые» семы перечисленных выше терминов.

Например, в английском языке транстерминологизации подвергся термин *firedamp*. В рамках терминосистемы «Aerology and ventilation» он приобрел новую дефиницию, которая отразила расширение значения рассматриваемого термина.

Firedamp – a. A combustible gas that is formed in mines by decomposition of coal or other carbonaceous matter and that consists chiefly of methane; also the explosive mixture formed by this gas with air [4, с.1203].

В терминосистеме горного дела *firedamp* – это горючий газ, в то время как в терминосистеме «Аэрология и вентиляция» он обозначает любой газ, улавливаемый в шахте. В русском языке у термина *firedamp* существуют следующие эквиваленты: метан, рудничный газ, взрывчатая смесь, метановоздушная смесь, гремучий газ [3, с. 136].

В терминосистеме «Аэрология и вентиляция» произошло расширение семного состава термина *firedamp*, благодаря чему он стал обозначать не

только смесь газов, но и любые газы, выводимые из шахт. Поэтому при переводе данного термина на русский язык следует учитывать, прежде всего, контекст, так как *fire damp* не всегда обозначает *взрывчатую смесь*, поскольку дегазации может подвергаться углекислый газ, который не горюч и не взрывоопасен. Так как *метан* является основной составляющей рудничного газа, *fire damp* может переводиться и как *метан*, если нет указания на содержание иных газов. Если же подчеркивается содержание иных газов (сероводорода, оксидов азота, углекислого газа и т.п.), то более предпочтительным является термин *рудничный газ*, выступающий родовым для всех остальных терминов. Термин *метано-воздушная смесь* употребляется, главным образом, в работах по дегазации. В случае, когда газ (*метан*) находится в шахте и измеряются его параметры, термин *fire damp* можно перевести как *метан*.

Одной из особенностей английских аэрологических терминов состоит в том, что некоторые из них создаются специалистами, не являющимися носителями языка. В частности, это часто происходит при переводе на английский язык статей, содержащих данные о новейших разработках, усовершенствованном оборудовании и т.д. При переводе различного рода неологизмов не всегда учитываются тенденции, существующие в английской терминосистеме аэрологии и вентиляции. Например, для русской терминосистемы для обозначения сложных понятий характерен способ словосложения (гидрообеспыливание), в то время как в английском языке при наименовании понятий предпочтение отдается терминам-словосочетаниям и терминологическим элементам данного языка. Так в 80-ых годах в английский язык пришли термины *hydro dust removal* и *hydrodedusting*, появившиеся в переводных статьях. Например, «Physicochemical basis of hydrodedusting». Однако в английском языке они не закрепились. На данный момент они используются только в нескольких статьях, переведенных с русского, немецкого и польского языков. Вместо этого укоренился термин *wet dust removal*. Данный термин образован посредством использования собственных элементов английского языка.

Наибольшую трудность при переводе представляют термины, состоящие из двух слов и более и обозначающие одно понятие или явление аэрологии или вентиляции. Зачастую составные части таких словосочетаний, взятые по отдельности, при переводе сложностей не вызывают и используются для обозначения простых всем известных понятий. Например, *mine ventilating pressure drop* – *общешахтная депрессия*, *dust-ignition-proof marking* – *маркировка защиты от воспламенения горючей пыли*, *ventilation control device* – *устройство для регулирования вентиляции*, *natural ventilation* – *естественное проветривание*, *dead heading ventilation* – *вентиляция тупиковых выработок*, *comround ventilation* – *диагональная схема проветривания*, *ventilating column* – *разница весов столбов воздуха* и т.д. Тем не менее, следует отметить, что в обоих языках наблюдается тенденция к

максимально прозрачной мотивировке терминов. Более того, в процентном соотношении многокомпонентные термины значительно уступают одно- и двухкомпонентным, что облегчает работу переводчика.

Кроме того, на данный момент четко прослеживается наметившаяся еще в начале XX века тенденция увеличения количества терминов аэрологии и вентиляции путем словосложения. В русском языке в терминосистеме аэрологии и вентиляции к данной группе относятся следующие термины: *пылеотложение*, *пылеулавливание*, *пылесодержание*, и т.д.

Большинству подобных терминов в английской терминосистеме соответствуют словосочетания типа N + N, например, *dust emission*, *dust deposition*, *dust capture*, *dust content*, *dust extraction* и т.д. В русском языке данная модель является самой продуктивной при образовании абстрактных однокомпонентных терминов, содержащих в своем составе два и более терминоэлемента (один из которых пыл-, газ-, метан-, поток-, тепл-, туман-, вод-, влаг-, углекислот-) и обозначающих свойства, действия, процессы. Например, *газопоглощение* – *gas absorption*, *водоприток* – *inflow of water*, *пылевзрывозащита* – *dust-explosion protection*, *газопылевой режим* – *gas-and-dust conditions*, *газопроницаемость (горных пород)* – *gas permeability (of rocks)*, *газовыделение* – *gas emission*, *метаноносность* – *methane content*, *водопрочность (горных пород)* *water stability (of rock)*, *водопотребность* – *water demand*, *водопотребление / водопользование* – *water consumption*, *теплостойкость* – *thermal resistance*. Таким образом, при переводе терминов, образованных путем словосложения в русском языке, в английском языке им будут соответствовать двусловные термины-словосочетания.

Однако терминоэлементу *water-* в русском языке может соответствовать не только терминоэлемент *вод-*, но и *гидро-*, например, *гидросмыв* – *water wash*, *гидровзрывание* – *water blasting*. Как правило, прилагательное *hydraulic* и терминоэлемент *hydro-* употребляются в терминосистеме горного дела (*hydraulic winning* – *гидроотбойка*, *hydraulic mining method* – *гидравлический способ разработки*, *hydraulic support* – *гидравлическая крепь*), механики (*hydrocyclone* – *гидроциклон*, *hydroclamp* – *гидрозажим*) и физики (*hydro density* – *гидроплотность*, *hydraulic parameters* – *гидравлические параметры*). В русском языке им соответствует префикс *гидро-*. В терминосистеме «Горное дело», подобные термины обозначают способы добычи полезного ископаемого и специализированного оборудования (*hydraulic washing out* – *гидроразмыв*, *hydraulic cut* – *гидровруб*), в механике – оборудование и его части (*hydraulic jack* – *гидродомкрат*).

В терминосистеме «Аэрология и вентиляция» данные элементы встречаются редко (*hydrogasification* – *гидрирующая газификация*, *hydro-and-air line* – *гидро и воздухопровод*) [3, с. 155]. Это объясняется, прежде

всего тем, что при конструировании терминов предпочтение отдается собственным языковым средствам.

Рассматриваемая модель также часто применяется при переводе названий оборудования и разного рода приспособлений, например, *air vessel* – воздухохоборник, *газоопределитель* – *gas indicator / gas detector*, *метаноопределитель* – *methane detector*, *газосигнализатор* – *gas monitor*, *водоуловитель / водосборник* – *water catcher*, *водоотделитель* – *water seperator*, *водоотвод* – *water-way*, *dust arrester* – *пылеуловитель / пылесадитель*, *пылеподавление* – *dust suppression*, *dust counter* – *пылемер*, *пылеуловитель* – *dust exhauster*, *воздухопровод* – *air tube* [3, с. 143].

Однако некоторым русским терминам (*водовывываемость*, *метанодобываемость*, *воздухопроницаемость*, *метаноизвлекаемость*, *газонасыщенность*, *углекислотообильность*), образованным по рассматриваемой модели, соответствуют описательные английские конструкции. Как правило, к данной группе относятся низкочастотные термины, обозначающие свойства веществ (газов, воды). У более частотных терминов, образованных по данной модели, например, *метаноемкость*, значение свойства передается при помощи термина *capacity* (*methane retention capacity of coal* – *метаноемкость угля*, *gas storage capacity (of rocks)* – *газонасыщенность (горных пород)* *absolute / relative methane-bearing capacity* – *абсолютная / относительная метанообильность*). Данная тенденция наблюдается и в терминосистеме «Горное дело», например, *rope capacity of drum* – *канатоемкость барабана*.

Несмотря на наличие в русском языке терминов *вентиляция* и *проветривание*, оба синонима в английской терминосистеме передаются при помощи существительного *ventilation* (*вентиляция*, *проветривание*).

Схеме N + N в русском языке соответствуют следующие структуры:

1) **Сущ. + Сущ. в р.п.**, например, *ventilation scheme* (*схема проветривания/вентиляции*), *ventilation method* (*способ проветривания*), *ventilation loss* (*утечки воздуха*);

2) **Прилаг. + сущ.**, например, *ventilation opening* (*вентиляционная выработка*), *ventilation plan* (*вентиляционный план*), *stone dust* (*инертная пыль*), *air door* (*вентиляционная дверь*).

При переводе предложные словосочетания используются редко (*pressurized coal-gasification plant* – *установка для газификации угля под давлением*, *joint ventilation shaft* – *вентиляционный ствол для подачи воздуха в шахту и выдачи воздуха из шахты*, *ventilation control device* – *устройство для регулирования вентиляции*, *urcast workings* – *работы на исходящей струе*, *vitiated air* – *загрязненный газами воздух после взрывных работ*, *positive blower* – *вентилятор, работающий на нагнетание*). Однако у таких терминов существуют более употребительные синонимы без предлогов, например, *атмосферный воздух*, *нагнетательное проветривание*, *воздухоподающий ствол*, *устройство разгазирования воздуха* и т.д.

Двухкомпонентные термины, первым элементом которых является термин *ventilation / ventilating* при переводе свою структуру меняют редко. Например, *ventilation opening* (вентиляционная выработка), *ventilating current* – вентиляционная струя, *ventilating entry* – вентиляционный штрек. Кроме того, когда термин *ventilation* занимает место опорного (ядерного) компонента (*fan ventilation* – искусственное проветривание, *forced ventilation* – принудительная вентиляция) структура в большинстве случаев сохраняется.

Из всего вышесказанного следует, что в терминосистемах «Аэрология и вентиляция» и «Aerology and Ventilation» прослеживаются определенные тенденции и регулярные соответствия, которые помогают найти оптимальный вариант перевода. Существующие лакуны заполнены при помощи описательных переводов.

Список использованных источников

1. Барон Л. И., Ершов Н. Н. Англо-русский горный словарь. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1958. 993 с.
2. Рыженкова Т. В. Специфика процесса транслерминологизации в отраслевой терминосистеме: на материале русской и английской терминологии правоведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 187 с.
3. Щербина Г. С. Горный англо-русский словарь. Новокузнецк. СибГИУ, 2014. 306 с.
4. Dictionary of Mining, Mineral, and Related Terms . Compiled and edited by the Staff of the U.S. Bureau of Mines. 2nd Edition. U.S. Department of the Interior, 1996. 3660 p. [DMRT]
5. Electrical Energy Equipment: Fans and Blowers Energy Efficiency Guide for Industry in Asia. FANS AND BLOWERS, 2006 [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: www.energyefficiencyasia.org (дата обращения: 08.12.2015).

УДК 811.111'367.625

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF AMERICAN ENGLISH VOCABULARY

N. N. Trunchenkova,

*senior lecturer of the English philology chair, Institute of Foreign Philology,
Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

M. V. Beloventseva,

*assistant of the English philology chair, Institute of Foreign Philology, Taurida
Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol*

Аннотация. Статья посвящена изучению таких актуальных путей обогащения словарного состава американского варианта английского языка как полисемия, лексическое сокращение и аффиксация. На материале англо-американской прессы рассматривается влияние языка таких сфер общественной жизни, как психоанализ, бизнес, средства массовой

информации и политика на словообразование. Описывается сокращение лексических единиц как отражение стремительного темпа жизни американцев, а также тенденция к повышению продуктивности английских уменьшительных суффиксов.

Ключевые слова: полисемия, новые лексические единицы, сокращение, аффиксация.

Summary. The paper is devoted to studying such ways of expansion of American English vocabulary as polysemy, lexical shortening and affixation as exemplified in the American press. It is aimed at the investigation of the influence of various spheres of human activity on the development and functioning of American English through an integrated approach to the study of lexical units, contextual and component analysis. It has been concluded that such spheres of social life as psychoanalysis, business, mass media and politics are the most prolific sources for vocabulary expansion. Lexical shortening is described as a reflection of hectic American lifestyle. A tendency for higher productivity of English diminutive suffixes is revealed.

Key words: polysemy, new lexical units, shortening, affixation.

In the development of American English several trends are observed. English is going through a permanent process of violations of norms and standards in the use of words and expressions, emergence of hundreds of new lexical units, changes in meanings of existing words and phrases. Some words are expanding their meanings, others are shortened under the influence of fashion. Whole layers of political and social concepts converge with computer terminology. Business world expressions are intertwined with the most, perhaps, prolific category of polysemantic words – the language of psychology and psychoanalysis.

For example, a word which has acquired a huge number of nuances in the language of psychology and in the language of politics is *to embrace*. In terms of politics it often means “to welcome, endorse, support”: *The United States is pushing Germany to accept some form of debt sharing, which many Germans regard as anathema, and to embrace a growth-oriented economic policy rather than relentless austerity* [1, p. 4]. In the language of self-analysis *to embrace* means reconciliation with your own disadvantages: *The happiest women in the world, married or single, are those who know who they are and fully embrace themselves* [2, p.95]. At New York environmental exhibition there was an inscription above an exhibit on recycling: *We have atoned for past wrongs, embraced the forbidden, made democratic the contact with waste. We must now all embrace our inner garbage.*

Generally speaking, the word *inner* in the meaning of “subconscious, hidden” is overused. The opposite in meaning is the expression *in-your-face*, which is used exclusively in a figurative sense denoting something that is provocatively and brazenly thrown in one’s face: *Funded by a massive tobacco-industry settlement in 1998, the campaign was characterized by in-your-face ads meant to educate teens about the tobacco industry's misleading marketing*

practices [3, p.A03]. The same expression may indicate a sharp, frontal reaction in response to any unpleasant action: *Not 24 hours earlier, the president had signed his name to an **in-your-face** rejection of the attorney general's ruling on the law* [4, p.A01].

Another very fashionable expression that has acquired the meaning of aggressive behavior is **to push the envelope**. The essence of the expression is “to bring someone to the extreme, to go beyond the conventional framework, to see to what extent it is possible to put pressure on smb”: *He's very aggressive, and he believes in **pushing the envelope** – if you've got the power, utilize it* [5, p.A04].

The verbs **to connect** and **to disconnect** have obtained a number of new meanings: **to feel connected** – to feel that you are not alone, **to connect with someone** – to establish good relationships with smb, understand each other: *Our profound need **to feel connected** is hardly a modern discovery. Yet science is now bringing us closer to the biological roots of loneliness, revealing how it affects our mental and physical health* [6, p. 19]. *As a presidential candidate, Hillary Clinton has been criticized for her inability **to connect with** her audiences* [7, p.1B].

The word **closure** meaning “completion of something” came to mean “reconciliation with an incident”: *How do you reach **closure** when you don't know what happened to the person who's lost?* [8, p.D1]. *I do not feel that I got **closure** for my daughter's death, and neither does any of the rest of the family.*

In the English language the media are one of the most prolific resources of new ambiguous words. For example, **signature** today is used as an adjective in the meaning of “closely associated with smb or sth”: *Early in husband Bill Clinton's first term as president, Hillary Clinton was put in charge of his **signature** effort – an overhaul of the nation's health-care system* [9, p.A01].

In recent years due to the efforts of the popular American media a few English verbs have expanded their meanings, e.g. **to ratchet**. **A ratchet** is a technical term for “a machine part consisting of a wheel or bar with teeth on it, which allows movement in only one direction”, but **to ratchet up** means “to increase sth over a period of time”: *Still, in recent weeks, the administration has persuaded other countries **to ratchet up** economic pressure on Iran* [10, p. A01].

Many words and expressions from the world of politics, social relations and business drift freely from one area to another. Sometimes, their connotations are so closely intertwined that it is not always possible to draw clear boundaries between how the shades of meaning are used in one or another sphere. That frequently occurs during the presidential elections, which always give rise to new words and even revive forgotten ones. One example of the tendency is **goo-goo** – sounds of a baby's babble: *She spent half an hour making **goo-goo** eyes at the baby and cuddling him.* In relation to an adult, say, a politician, the word **goo-goo** gets the meaning “an idealistic advocate of honest government”. After the US presidential election in 2008, Paul Krugman, columnist at New York Times, wrote: *Before Mr. Obama can make government cool, he has to make it good. Indeed, he has to be a **goo-goo**. **Goo-goo** ... is a century-old term for “good*

government” types, reformers opposed to corruption and patronage. Franklin Roosevelt was **a goo-goo** extraordinaire. He simultaneously made government much bigger and much cleaner. Mr. Obama needs to do the same thing. Needless to say, the Bush administration offers a spectacular example of **non-goo-gooism?** [11].

Another common expression in politics is **flip-flop** meaning “a sharp turn”, “abrupt change of position” or “fluctuations in smb’s views and opinions”: *Blacks account for 60 percent of the population of the city and whites 36 percent. But those percentages flip-flop when you look at Glynn County, where whites account for 70 percent and blacks 27 percent of the population* [12, p. 1B]. Consequently, a **flip-flopper** is a person, especially a politician, who suddenly changes his or her opinion or policy: *For better or worse, Japan's new prime minister has a reputation as a flip-flopper. Like the way he used to denounce the opposition Liberal Democratic Party for being "America's yes man" – but now suggests he'll do nothing to disturb the U.S. – Japan relationship* [13].

A number of idiomatic expressions of management have become an integral part of everyday language. One of them is **to think outside the box**, which means “to think differently, unconventionally, or from a new perspective”: *But embarking on such a project takes initiative, vision, creativity and some common sense thinking outside the box*. The notion **to unbox** is similar in meaning – to think in a creative way and not within the established and generally accepted concepts. Another new expression from the world of business that entered common usage is **It's a no-brainer** – “a decision or choice that is very easy to make”: *They (electric cars) are cheap to charge, fun to drive and easy on the environment, Deininger said... For anyone living in a metropolitan area, driving one is a "no-brainer"* [14, p. 1A].

Many electronic technology terms were first mastered by businessmen and later penetrated into everyday language: **crash, download, reboot**. A computer expression **downtime** (a period of time when something, such as a factory or a piece of machinery, is not in operation, especially as a result of a malfunction) has acquired a new meaning – a period of time when one is not working or engaged in a planned activity: *Your body needs adequate sleep and downtime to operate efficiently*.

Most Americans first met the word **meltdown** after the Chernobyl disaster. However, the word first meant “destruction due to melting”, “reactor explosion”, and later got the meaning of “disintegration”, “collapse of financial institutions”: *But the question he gets most often is whether the financial meltdown in the United States seven years ago, which has had consequences that continue to ripple through many Americans' lives, could happen again here* [15, p.1B]. In the meaning of “emotional softening” **meltdown** has penetrated into everyday language, but a little later: *When a child is spanked for a meltdown, the brain will eventually learn it is not okay to express big, ugly feelings* [16, p. T15].

The overall picture of the evolution of the modern English language shows that the number of shortened words is increasing as the pace of modern life is

quite rapid and people are always in a hurry. Words of common use are usually shortened. Among them are *glamour* and *glamorous*, shortened to **glam**, which performs the functions of a noun, adjective and verb: *Before any big event, celebs collaborate with their glam teams to finalize their look* [17, p. 55]. **Vibes** (short for *vibrations*) means “a mood or an atmosphere produced by a particular person, thing or place”: *Though it's less than 30 minutes from Minneapolis, small-town vibes define this Minnesota burb* [18, p.54]. **Fave** (from the word *favorite*) means “often used”: *Call your five faves for free* (an advertisement of a mobile telephone company). Few people in America today remember that the verb **to morph** is a shortened form of *to metamorphose*. One may see the word on the pages of almost every American newspaper or magazine. It indicates any kind of change: *As elsewhere in the Middle East, conflict management means that the wound stays open and problems morph and become more insidious*. The verb **to diss** (short for *to disrespect*) in the phrase “*He dissed me*” means that someone showed a lack of respect for the speaker, especially by saying insulting things to them.

Furthermore, English lacks diminutive forms and endings. However, there are very fashionable phrases that constantly appear on the pages of popular press. Although such forms somewhat soften meanings of words, they often sound artificial. English words with diminutive suffixes “**y**” and “**ie**” sound condescending or childish, and even change a meaning of a word or its sphere of application. **Foodie** (a diminutive of *food*) means “gourmet” (not a professional expert on food): *Dishes like bangers (sausage) and mash (potatoes) do little to capture a foodie's imagination, and is anything more bleh than a slab of roast beef on Yorkshire pudding, which isn't a pudding at all but a popover made of baked unsweetened egg batter?* [19, p. C-1]. **Preppy** is a young man who is studying at the exclusive private school (*prep school* is the shortened form of “preparatory school”). Hence *he has preppy manners – he is well-bred*. **Hottie** used to be applicable in relation to a sexually attractive girl, but now *He's such a hottie* is quite common.

In conclusion it should be pointed out that various spheres of American life have different impact on the formation of English. The major role is played by psychology. The second place is taken by the media, since television viewers and readers of newspapers and magazines constitute the majority of the country's population. As for the jargon of business, it is among the top three because the corporate language is born and lives in wide circles of bureaucrats and “white collars”. The last place seems to belong to political vocabulary, despite the fact that this terminology is known to almost everyone in the United States. The language is affected by what people are interested in most of all, namely, work and personal, sometimes difficult, relationships with people.

References

1. Landler M., Kulish N. In Euro Crisis // New York Times. 2012. 16 June.
2. Fawn W. How to Be a Great Wife Even If You're Single // Essence. 2015. Vol. 45, Issue 9.

3. Brady D. FDA's anti-smoking campaign to target teens // Washington Post. 2013. 10 December.
4. Gellman B. Cheney Shielded Bush From Crisis // Washington Post. 2008. 15 September.
5. Eilperin J. Is this man Obama's legacy-builder? // Washington Post. 2014. 05 March.
6. Mieszkowski K. Surrounded by family but feeling lonely? // Chicago Sun-Times. 2008. 24 December.
7. Galloway J. 'In case of emergency, break glass' for Biden // Atlanta Journal Constitution. 2015. 06 September.
8. Ealy C. Stories in 'Barefoot Dogs' explore family fleeing Mexico's drug war // Austin American Statesman. 2015. 08 March.
9. Tumulty K. White House says Clinton did not heed e-mail policy // Washington Post. 2015. 04 March.
10. Kessler G. Iran Launches Nine Test Missiles, Says More Are Ready; U.S. Plays Down Military Showdown // Washington Post. 2008. 10 July.
11. Paul Krugman. Barack Be Good [Electronic Resource]. URL: <http://www.nytimes.com/2008/12/26/opinion/26krugman.html> (дата обращения 20.01.2017).
12. Simmons A. Shocking shooting in Brunswick; infant's killing reveals fault lines in Glynn // Atlanta Journal Constitution. 2013. 07 April.
13. Takashi Yokota. Japan's Not-So-Prime Minister // Newsweek. 2010. 21 June.
14. Simmons A. AJC at Gold Dome: electric cars may lose tax credits // Atlanta Journal Constitution. 2015. 05 March.
15. Page S. China is in Paulson's sights; ex-treasury chief sees "reckoning" for that country // USA Today. 2015. 13 April.
16. Leahy M. The overwhelming evidence against spanking // Washington Post. 2015. 11 May.
17. Caster M., Turner T. Red Carpet Wows // Essence. 2013. Vol. 43. Issue 12.
18. Poppick S. The 50 best places to live in America // Money. 2015. Vol. 44. Issue 8.
19. McKay G. Savory meat pies are so comforting, so heavenly, so British // Pittsburgh Post-Gazette. 2015. 09 September.

УДК 81'374(038)=512.157

**ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В РУССКО-ЯКУТСКОМ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ А. А. ИВАНОВА-КЮНДЭ**

А. А. Филиппова,

зав.кабинетом кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные способы перевода терминов местного самоуправления. Основными способами

перевода в рассмотренных нами примерах явились транскрипция, калькирование, эквивалентный перевод, дефиниции.

Ключевые слова: якутский язык, термины, терминологические словосочетания, местное самоуправление, способы перевода, терминография.

Summary: this article describes the basic methods of translation terms of local government. The main ways in the translation we have considered examples were transcription, tracing equivalent translation, definition.

Keywords: yakut language, terms, terminological phrases, local government, translation methods, Terminography.

Якутская двуязычная лексикография берет свою родословную с выхода в 1851 г. знаменитого труда академика О. Бетлингга “О языке якутов”. В книге представлен словарь, в котором дано толкование 4529 якутских слов. Как по объему, так и по содержанию определения значений слов словарь О. Бетлингга бесспорно является первым значительным опытом якутской лексикографии [4, с.25].

20–40-е годы – это период создания алфавита гражданской письменности, ее орфографии, оригинальных учебников и учебных пособий, отраслевой терминологии, зарождения и становления жанров художественной литературы. С первых же дней культурной революции в Якутии стала ощущаться острая потребность в двуязычных словарях и справочных пособиях.

В 1932 году вышел в свет “Русско-якутский терминологический словарь” (далее в тексте – Словарь) по заказу Комитета нового алфавита (1929–1938гг.). Составитель – известный якутский писатель, поэт, драматург, публицист, журналист, литературный критик, лингвист, ученый, государственный и общественный деятель А. А. Иванов-Кюндэ. В словарь вошли термины, которые использовались в составлении учебных, переводных пособий, а также в республиканских газетах “Кыым”, “Эдэр бассабыык”.

А. А. Иванов-Кюндэ родился в Сунтарском улусе. Во время учебы в Иркутской учительской семинарии участвовал в студенческом нелегальном кружке. В 1917–23гг. работал учителем, принимал активное участие в борьбе за установление и укрепление Советской власти в Якутии. Один из организаторов краеведческого музея г. Вилюйска. С 1924г. – ответственный секретарь якутской секции Центрального издательства народов СССР. В Москве занимался в литературном кружке, руководимом Д. Фурмановым. В те годы в соавторстве пишет для взрослых букварь и «Книгу для чтения». В 1926 г. издает грамматику якутского языка в двух частях. В 1927–29гг. – редактор газеты «Кыым», в 1929–31гг. – редактор Якутского книжного издательства. С 1931 г. – ученый секретарь Комитета нового алфавита при Президиуме ЦИК ЯАССР. Первые стихи Кюндэ появились в 1923г. на страницах газеты «Кыым». В поэтическом сборнике “Кыыһартунат” («Алое

зареве») он выступил как самобытный поэт, певец родной природы, знаток народного быта. В рассказах писатель дал ужасающую картину забитости и беспросветной нужды якутской бедноты, опутанной байской и купеческой кабалой.

Кюндэ написал несколько работ по вопросам изучения якутского языка, литературы и искусства, из которых следует отметить статьи «О научной терминологии», «Об якутском алфавите» и т.д., не потерявшие научного интереса и поныне.

Во времена А.А. Иванова – Кюндэ якутский литературный язык только начинал формироваться, в нем отсутствовали термины по многим важным отраслям знаний, преподаваемых в средней школе. Пришлось ему создать “Словарь” на основании своих теоретических идей. Он закончил свой “Словарь” в 1934г., но со смертью автора не издавался вплоть до 2000 г.

“Словарь” содержит в себе около 4000 тысячслов-терминов и терминологических словосочетаний. Из них терминов местного самоуправления – всего 131 .

Термин “местное самоуправление” это организация власти на местах, предполагающая самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Наряду с понятием местного самоуправления применяется и понятие «муниципальное управление».

Исторически стремление к местному самоуправлению, политической самостоятельности было присуще якутам с давних времен. В 1920–1921 гг. возникает вопрос об автономизации Советской Якутии. В это время активизируется деятельность якутской национальной интеллигенции, выдвигающей в качестве первоначальной задачи провозглашение автономии Якутии. Для введения местного самоуправления в Республике Саха (Якутия) была проведена огромная работа по разработке и принятии органами государственной власти Республики Саха (Якутия) нормативных правовых актов в области местного самоуправления. Стоит отметить, что терминология местного самоуправления на якутском языке стала необходимой, для ведения нормативно-правовых актов.

Терминологическая лексика местного самоуправления выбрана объектом данной статьи с целью отбора фактического материала для дальнейшего составления русско-якутского словаря терминов местного самоуправления.

Основная трудность перевода терминов лежит в том, что их невозможно заменить ни одним другим словом, нужно знать точный эквивалент в языке, на который осуществляется перевод.

При переводе какого-либо термина с одного языка на другой нужно обязательно учитывать этот принцип. Важно при переводе терминов не допускать неоднозначности. Это может привести к неправильному пониманию, что впоследствии приведет к неправильным действиям. Нужно переводить четко и однозначно.

А.А. Иванов-Кюндэ в своей статье “О научной терминологии” пишет, что “В настоящее время в Якутии при установлении научных терминов выявились два течения. Одно стоит за якутизацию научных терминов, другое – за европеизацию, т.е. за то, чтобы иностранные слова вводились в якутский язык с чисто европейской морфологией и фонетикой” [1, с.271]. «Необходимо признать целесообразность установления научных терминов из корней родного языка, лишь в случае абсолютной невозможности этого прибегать к заимствованию у русских или других европейских терминов, строго подчиняя законам языка трудящихся масс, ибо язык для народа, а не народ для языка» [1, с. 272].

В данном «Словаре» терминологическая лексика местного самоуправления передана на якутский язык различными способами перевода.

Из 131 терминов местного самоуправления способом транскрипции даны – 43, калькирования – 38, дефиниции – 24, эквивалентным переводом – 15, приемом лексических добавлений – 11, определения – 8, замены – 1.

В Словаре термины местного самоуправления в большем количестве образованы путем **транскрипции**, то есть в фонетическом написании. «Прием транскрипции означает, что в переводе воспроизводится звучание слова оригинала, в отличие от транслитерации, передающей его графическую форму. Этот прием широко применяется при переводе собственных имен, географических названий, названий фирм, печатных изданий, многих терминов и т.п.» [3, с.159]. Например: *акт – аах; бюджет – бүдсүөт; бюджетное право – бүдсүөт бырааба (судаарыстыба бүдсүөтүн быһаарар сокуон); волость – буолас; депутат – дьокутаат; общество – уопсастыба; право – быраап; председатель – бэрэссэдээтэл; представитель – бэрэстэбиитэл.*

Некоторые термины местного самоуправления представлены в «Словаре» способом калькирования. «Калькирование - это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей - морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы» [2, с.159]. Калькирование считается традиционным средством пополнения терминологической лексики национальных языков, например: *внешняя политика – тас бэлиитикэ; жилищные условия – дьиэ усуллубуйата; заведующий – дьаһайааччы; местный – чугастаабы, олохтоох; охрана материнства и младенчества – ийэлэр, оҕолор харыстабыллара; охрана природы – айылҕа харыстабыла; охрана труда – үлэ харыстабыла; предприятие – тэрилтэ; распоряжение – дьаһалта; совещание – сүбэлэһии; управляющий – салайааччы.*

Как отмечает профессор Е. И. Оконешников, “калькирование считается весьма удобным и почти универсальным способом, так как с его

помощью обозначается терминологическое (интернациональное) содержание при сохранении национальных форм. В настоящее время входящим терминам-русизмам предпочитается их калькирование” [4, с. 37].

Дефиниция – объяснение слова при помощи других слов. Этот прием используется для объяснения неизвестного слова или специального термина в родном языке. Например: *конституция* – *көнсүтүүссүйэ, судаарыстыба тутуутун олохтуур төрүт сокуон*; *либерализм* – *либэрэлисим, тылга эрэ көнгүлү тутуһар баай идийэлиэгийэтэ*; *минимум (минимальный)* – *миинимим, миинимээлинэй (мунгутаан аччыыра, аччаабат кырата, саамай абыйаба)*; *политика* – *бэлиитикэ (кылаас, баартыя иннигэр туруоруммут соругун ситээри, ылынар систиэмэтэ)*.

“**Эквивалентный перевод** – перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности” [3, с. 415]. Например: *зарплата* – *хамнас*; *объяснение* – *быһаары*; *обязательство* – *булгуччу*; *переселение* – *көһүү*; *регулируй* – *сааһылаа, бэрээдэктээ*.

Описательный/интерпретирующий метод перевода представляет собой раскрытие значения термина при помощи развернутого определения/описания: *официально* – *суут бэрээдэгинэн*; *официальный* – *суут бэрээдэктээх*; *поселкование коллективов* – *кэлэктииптэри бөлөбөлөөн олордуу*; *предприниматель* – *тэрилтэни бас билээччи*;

Прием лексических добавлений – остающиеся в оригинале невыраженными элементы передаются с помощью дополнительных единиц [2, с. 201]: *административные взыскания* – *дьаһайыылаах суут сэмэтэ биитэр ирдэбилэ*; *администрация* – *дьаһайааччы дьон*; *производство (место)* – *оноһуу сирэ*.

В большей степени перевод выполнен способом калькирования, транскрипции, эквивалентным переводом, добавления лексических единиц, приемов дефиниции.

А. А. Иванов-Кюндэ писал много статей о научной терминологии якутского языка. Он писал “Мы должны зафиксировать термины, принятые самой массой, мы должны ими руководствоваться для установления новых терминов. С появлением литературы будет культивироваться язык. Культурный язык должен быть понятным для трудящихся масс. Для этого необходимо культивировать свои родные слова в значении тех или других научных понятий, необходимо избегать излишней европеизации языка. Бывают возможности подыскать подходящие слова из родного лексикона для выражения научных терминов” [1, с. 271].

Некоторые термины из этого «Словаря» давно и прочно вошли в якутский литературный язык. Например: *административные работники* – *дьаһалта үлэһиттэрэ*; *депутат* – *дьокутаат*; *план* – *былаан*; *право* – *быраан*; *область* – *уобалас* и.т.д. Словарь Кюндэ в отличие от других подобных переводно-инвентаризационных терминологических словарей отличается более или менее удовлетворительным терминографическим исполнением.

Список использованных источников

1. Иванов А. А. Кыһар тунгат сырдыга. Дьокуускай, 2000.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2004.
4. Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха. Якутск, 2004.
5. Оконешников Е. И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминографии. Якутск, 2015.

УДК 81-26347.78.034

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РОМАНОВ-СЕРИЙ

И. Н Филиппова,

доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет, Москва

Аннотация. В статье представлена попытка оценить ошибки перевода с точки зрения рецепции инокультурного текста. С этой целью выявлены их причины и влияние на процесс межкультурной и межъязыковой коммуникации. Представлены примеры неконвенциональной переводной множественности, аномалии аутентичности, лексических ошибок, имеющих каузальную взаимосвязь. Показано, что эксплицитные ошибки перевода оказывают негативное влияние на реципиента текста перевода вплоть до потери читательского интереса.

Ключевые слова: адекватность, переводная множественность, художественная литература, ответственность переводчика, этика перевода

Summary. We present an attempt to evaluate the errors of translation from the point of view of foreign culture text's reception. With this purpose, we identify their causes and influence on the process of cross-cultural and interlanguage communication. We present examples of unconventional multiplicity of translation, of authenticity's anomalies, lexical errors, having a causal relationship. We show that explicit translation errors have a negative impact on the recipient of the translated text up to the loss of readers' interest.

Key words: adequacy, multiplicity of translation, literature, translator's responsibility, ethics of translation

Контакты различных национальных культур осуществляются через знакомство с национальной литературой, которая служит источником художественных впечатлений об иной стране, ином видении мира, ином мышлении, иных ценностях и приоритетах. В связи с этим трудно переоценить степень ответственности переводчика, реализующего межкультурный опосредованный контакт [4, с. 50–56]. Этот процесс, несомненно, сложен и многоаспектен [1; 2]. Об успешности

межкультурного контакта можно судить по востребованности книг авторов, репрезентирующих национальную культуру. Получит ли произведение в иной культуре (ПК) на ином языке (ПЯ) такую же (или возможно близкую к такой же) оценку, что и в исходной культуре и на языке оригинала (ИЯ), зависит от многих факторов. Несомненно, качество перевода при этом играет огромную роль. В связи с этим мы попытаемся выявить некоторые ошибки при передаче художественной литературы на ПЯ. Мы не ставим задачи создать новую типологию переводческих ошибок, а лишь отметим количественно значимые и проявляющиеся закономерно отклонения от модели идеального текста перевода (который, по-видимому, не достигим в реальности перевода) [20].

Материалом исследования служат романы–серии, в рамках настоящей статьи ограниченные произведениями Л. Дж. Роулэнд о Сано Исиро [8–17] – 10 романов общим объемом свыше 170 п.л. На русский язык они переведены А. Шманевским, Ю. Шманевским, Н. Парфеновой и М. Пановой в издательстве «АСТ».

Как и многие переводы, эта коллективная работа не лишена ошибок и погрешностей. Среди них в рамках настоящей статьи подвергаются анализу такие ошибки перевода, которые следует характеризовать как эксплицитные [22], т.е. опознаваемые читателем ПЯ вследствие нарушения рецепции и возникающих в результате этого коммуникативных потерь. Такой угол зрения на перевод позволяет отказаться от обращения к первоисточнику (аутентичному тексту на ИЯ) и сосредоточить основное внимание на результате переводческого труда. К эксплицитным ошибкам в ПТ, выявленным в ходе анализа фактического материала, относятся: неконвенциональная переводная множественность ПТ, аномалии аутентичности ПТ и лексические ошибки.

Феномен переводной множественности получил широкое рассмотрение и – при отсутствии единого мнения – представляет собой самостоятельную проблему. Однако в контексте рецепции читателем иноязычной и инокультурной серии оказывается возможным оценивать этот феномен с точки зрения адекватности (т.е. качества перевода) [19, с. 253]. Переводная множественность при передаче серий имеет свои особенности: она сопряжена не только с участием нескольких переводчиков (со своими предпочтениями, своим пониманием задачи, опытом, отношением к авторскому тексту и т.д.), но и с коллективным характером издательской деятельности (кооперацией с корректорами и редакторами). *Может быть, <...> он и его товарищ, носившие на рукавах герб Токугавы – трилистник шток–розы, – определенно не считали себя рангом ниже городского чиновника* (пер. А. Шманевского) [15, с. 29]. *Как все японские суда, корабль, на квадратном парусе которого красовался герб Токугавы в виде трилистника штокрозы, не был пригоден для морского плавания <...>* (пер. Ю. Шманевского) [14, с. 10]. *За бандитом гнались всадники в одеждах, украшенных гербом клана Токугава в виде трилистника мальвы* (пер.

А. Шманевского) [10, с. 6]. Сталкиваясь с новой единицей, читатель должен испытывать замешательство, вызванное подменой реалии (т.е. использованием иных средств вербализации). Такая множественность размывает национально-исторический фон литературного произведения и подрывает читательское доверие к автору, что неблагоприятно сказывается на межкультурном контакте, оскверняя художественно-литературный опыт общения с чужим национально специфичным миропониманием.

Множественность в сверхтекстовом масштабе передачи серии Л. Дж. Роулэнд лишь отчасти является результатом посредничества четырех переводчиков. Так, следующие примеры убедительно доказывают, что и в ПТ одного переводчика обнаруживаются неконвенциональные расхождения. Например, в работе А. Шманевского при переводе романа «Бундори» наблюдается необъяснимое, не детерминированное контекстной связанностью чередование лексем *клан* и *род* с различной коннотацией, передающих одну единицу ИТ: *род Токугава* [8, с. 3, 10, 12] → *клан Токугава* [8, с. 18] → *род* [8, с. 22] → *клан* [8, с. 30.] → *род* [8, с. 36, 71] → *клан* [8, с. 79, 81] → *род* [8, с. 88, 91, 96, 108]. *Янагисава требовал подношений от управляющих провинциями, вассалов и слуг клана Токугава, а также от всех, кто искал расположения сёгуна* [8, с. 81]. *Паланкины из замка украшал только герб рода Токугава* [8, с. 91]. Необоснованность множественности, создавшейся в ПТ серии, вызывает сомнения в наличии единой публикационной политики и профессионализме коллектива издательства.

Маркеры неаутентичности опознаются читателем по сбою в плавном течении коммуникативного процесса, вызванном «вмешательством» отдельной отличной от прочего контекста единицы, необоснованным многословием или внезапным отклонением от стилистической манеры. Так, странной представляется формулировка должности главного героя Сано Исиро в ПТ романа «Черный лотос»: *Перед тем как стать сёсакан-самой – достопочтенным следователем сёгуната во всем, что касается его подданных, Сано служил в полицейской управе Эдо в должности ёрики – полицейского старшины* (пер. Н. Парфеновой) [17, с. 5]. Следует также отметить, что в рассматриваемом примере дополнительным фактором, привлекающим излишнее внимание к форме выражения и провоцирующим отвлечение реципиента от содержания, является двукратное использование транскрипции с пояснительным переводом: *сёсакан-сама – достопочтенный следователь сёгуната во всем, что касается его подданных и ёрики – полицейский старшина*. Такое намеренное обогащение текста приводит к читательскому отторжению нарочитой формы и проецирует негатив на содержание.

Лексические ошибки в передаче ИТ достаточно широко и подробно исследованы с различных точек зрения. В контексте настоящего исследования интерес представляют такие из них, которые вызывают недоумение у читателя своей неузуальностью или выпадением из контекста. Так, в романе «Интимный дневник гейши» (пер. А. Шманевского) *перулки*

в непродолжительном контексте (объемом в 430 слов) превращаются в *проспект*, сбивая с толку и дезориентируя реципиента ПТ: *Вдоль реки Сумида тянулась длинная линия складов. <...> Переулки между зданиями вели к причалам. <...> Обе группы двинулись по переулкам, охватывая дом с обеих сторон. <...> Пригибаясь, отряд детективов зигзагами пересек проспект, сжимая в руках мечи* [11, с. 312]. Несомненно, такая неадекватная передача ИТ обедняет его и бросает тень на автора ИТ, т.к. в сознании массового читателя ошибки перевода отождествляются с погрешностями автора аутентичного текста. В результате этого оценка романа снижается, коммуникативный интерес падает, авторская идея девальвируется в читательской аудитории.

Аналогичный негативный эффект оказывает на читателя незначительное смещение значения, допущенное в результате неточности перевода в романе «Красная хризантема»: *Большой внутренний покой был той частью дворца, где жили его жена, мать и наложницы* [12, с. 123]. *Они стояли с детективами Марумэ и Фукидой в коридоре дворца, который вел в Большой внутренний покой* [12, с. 127]. В этих примерах очевидно расхождение между *покоем* (состоянием относительной неподвижности, отсутствия движения или состоянием тишины, отдыха, бездеятельности, отсутствием беспокойства) и *покоюми* (внутренними помещениями, комнатами) [7, с. 548]. Важно также, что в сюжетной линии детективного романа *покой* (состояние безмятежности) вступает в очевидный диссонанс с расследованием убийства. В рассматриваемом примере удастся идентифицировать взаимосвязь лексической неточности с переводной множественностью, т.к. удивление у читателя должно вызывать не только отклонение от эквивалентности и адекватности перевода, но и нарушение сложившейся традиции (в рамках передачи серии) в отношении трансляции этой реалии. В предшествующих романах серии она передана как *Большие внутренние покои*, в полном соответствии с требованиями к ПТ: *Обитатели и слуги Больших Внутренних Покоев – потенциальные подозреваемые* [16, с. 27]. *Новость об убийстве дошла до Больших внутренних покоев – женской половины замка Эдо...* [11, с. 33].

Из представленного выше фактического материала можно сделать следующий вывод на эмпирическом уровне: результатом переводной множественности, явной неаутентичности текста и лексических ошибок трансляции внимание читателя рассредоточивается на оценку мелких несовпадений и вынуждает отвлекаться от сюжетной линии и характерологии персонажей, лишая читателя наслаждения от соучастия в художественной коммуникации. Обобщая выявленные тенденции на теоретическом уровне, можно умозаключить, что расхождения в вербализации одних и тех же реалий в разных ПТ серии создают феномен субъективной неконвенциональной множественности, взаимосвязанный с прочими трудностями перевода на лексическом уровне.

Выявленные в статье причины и последствия ошибок перевода, а также намеченная классификация могут быть положены в основу разработки новой типологии ошибок при межъязыковой и межкультурной передаче художественной литературы. Представленная информация позволяет ожидать отклика небезразличных к переводу и переводоведению лиц в виде требования высокой меры ответственности языкового посредника и всего издательского коллектива за качество перевода, соблюдение профессиональной этики [5; 6; 21] и гармонизации межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Вековищева С. Н. Лингвокультурологические взаимоотношения в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: МГОУ, 2011. С. 82–85.
2. Вековищева С. Н. Факторы, влияющие на успешность акта речевой коммуникации в ситуации двуязычного общения // Перевод и когнитология в XXI веке. М.: МГОУ, 2011. С. 85–87.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2011. 320 с.
4. Нелюбин Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: изд-во МГОУ, 2007. 183 с.
5. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г.Т. История и теория перевода в России. М.: МГОУ, 2003. 140 с.
6. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. М.: МГОУ, 2003. 144 с.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.
8. Роулэнд Л. Дж. Бундори // пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2003. 153 с.
9. Роулэнд Л. Дж. Дворец вождлений // пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2007. 382 с.
10. Роулэнд Л. Дж. Жена самурая // пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2006. 350 с.
11. Роулэнд Л. Дж. Интимный дневник гейши / пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2007. 349 с.
12. Роулэнд Л. Дж. Красная хризантема // пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2009. 317 с.
13. Роулэнд Л. Дж. Надушенный рукав // пер. с англ. М. Пановой. М.: АСТ, 2008. 348 с.
14. Роулэнд Л. Дж. Путь предателя // пер. с англ. Ю. Шманевского. М.: АСТ, 2005. 156 с.
15. Роулэнд Л. Дж. Синзю // пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2004. 140 с.
16. Роулэнд Л. Дж. Татуировка наложницы // пер. с англ. А. Шманевского. М.: АСТ, 2006. 176 с.

17. Роулэнд Л. Дж. Черный лотос // пер. с англ. Н. Парфеновой. М.: АСТ, 2007. 414 с.
18. Филиппова И. Н. Избыточность и недостаточность в одноязычной и двуязычной коммуникации (на материале немецкого и русского языков): дис. доктора. филол. наук. Москва, 2015. 361 с.
19. Филиппова И. Н. Прагмалингвистические основания теории и практики перевода // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 403
20. Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода. Магадан: Кордис, 1997. 197 с.
21. Чайковский Р. Р. Этика художественного перевода в аспекте поликультурности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 15 (675). – С. 229–243.
22. Чайковский Р. Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – 2011. – Т. 2. – № 6. – С. 84–87.

УДК 81-26 347.78.034

ПЕРЕВОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: НЕОЦЕНИМЫЙ И НЕДООЦЕНЁННЫЙ

А. С. Холкина,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Научение новому языку в каком-то смысле связано с «переводом» мышления, особенности которого заключены в грамматических структурах. В статье обосновывается тезис о практической значимости анализа (литературного) перевода как метода научения иностранному языку – через сопоставление картины мира изучаемого языка и картины мира родного языка. Анализ закономерностей мышления – англо- и русскоговорящего – открывает возможности и культурологического исследования, что делает перевод инструментом междисциплинарной методологии.

Ключевые слова: перевод, смысл, язык, культура, междисциплинарный подход.

Summary. Unavoidably linked to translation, teaching and learning a language induces a new worldview. Learning to speak in a language is in some sense akin to translating one's thinking, as thinking patterns reside in grammatical structures. The article builds on student experience in studying literature translations to point out the importance of the practice in language learning and culture studies. Involving the works of different mental worldviews, translation has a potential of a multidisciplinary research tool in our attempt to uncover the processes underlying Russian- and English-speaking ways of thinking.

Key words: translation, meaning, language, culture, multi-disciplinary approach.

Перевод является неизменно важной частью обучения иностранному языку. Мы переводим фрагменты текстов с английского на русский и (реже) наоборот; экзамены обязательно содержат задание на перевод. Но используем ли мы в полной мере возможности перевода на наших занятиях? Возможно ли с помощью буквально нескольких отрывков из оригинальных текстов и их переводов достичь самой сложной задачи – выявить когнитивные процессы, лежащие в основе формы и содержания высказывания говорящего – литературного героя и его иноязычного двойника из текста перевода?

«В эти дни так тянет жить честно и производительно! Так хочется быть частью общего воодушевления!» [5, с. 81] Перевод фразы охваченного духовной революцией доктора Живаго из романа Б. Л. Пастернака иллюстрирует разность двух языков: «These days I have such a longing to live honestly, to be productive. I so much want to be a part of all this awakening» [11, p. 232]. Герой, несомненно, говорит о себе. Однако его внутреннее, вызванное революцией, воодушевление выливается в восклицание без субъекта действия. «Так тянет» – это не «Я хочу» и даже не «Меня тянет». В озвучивании намерения говорящий отстраняется от действия, в душе осознавая невозможность для себя «честной и продуктивной» жизни в нарождающейся действительности. При виде Живаго в Юрягине Лариса Фёдоровна произносит: «Каким чудом? Какими судьбами?» [5, с. 156] Любовь героев прошла в чередё судьбоносных встреч и разлук. Перевод «What on earth are you doing here?» [11, p. 469] передаёт действие смертному субъекту, отводя роль Судьбы, такой значимой в русском тексте, на второй план.

Понимание того, что в английском предложении всегда есть субъект, ответственный за совершаемое действие, очень важно на ранних этапах изучения языка.

Мне казалось, что там «ловил кого-то вечером во ржи...» [6, с. 194]. Эта цитата из романа Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» представляет затруднение как для «начинающих», так и для более продвинутых студентов: «I thought it was “If a body catch a body,...”» [12, p. 186]. «Ошибка» – отсутствие окончания третьего лица единственного числа глагола. Холден мыслит вслух: «Anyway, I keep picturing all these little kids playing some game...» [12, p. 186]. Фраза «If a body catch a body» является продолжением его внутреннего монолога, возможно, начинающегося со слов «I could see». Холден хочет... ловить детей над пропастью во ржи. Стремление к деятельности не передаётся русским переводом «Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи» [6, с. 194], где акцент ставится на самой деятельности – «работе» и «стеречь». «That’s all I’d do all day. I’d just be the catcher in the rye and all»

[12, p. 186]. Слова *just* и *and all* передают духовную усталость героя, стремящегося к деятельности. Перевод «Вот и вся моя работа» звучит пассивно и «устало». Холден подчёркивает роль актора – *the catcher* – примеряя на себя роль «взрослого» («big»). Он мечтает об ответственности – возможности защищать кого-то, например, свою младшую сестру. В этом – суть внутренних противоречий Холдена: взрослость и внутренняя сила, интерпретируемые окружающими как инфантильность и апатия.

Присутствие и роль активного субъекта в ином ключе иллюстрирует русский перевод текста романа «Убить пересмешника» Харпер Ли. Главная героиня, девочка, любовно именуемая отцом Глазастик, передаёт детали словесного поединка со своей тётёй, считающей, что «настоящей леди», чтобы «озарять светом» одинокую жизнь отца, не подобает носить штаны: «Я сказала – можно ходить в штанах и всё равно озарять светом, но тётя сказала, – нет, надо быть как луч света...» [2, с. 53]. Рассуждения девочки, пытающейся критически осмыслить действительность, производят иное впечатление на читателя в оригинале: «I suggested that one could be a ray of sunshine in pants just as well, but Auntie said that one had to behave like a sunbeam» [8, p. 90]. Перевод не передаёт комического эффекта – «ходить в штанах и озарять светом» представляется более реальной картиной, нежели «луч света в штанах» (дословный перевод).

Литературные тексты представляют и материал для функционального анализа словообразования. Так, описание В. Набоковым главного героя «Защиты Лужина» как «опасного угрюмца» [4, с. 91] передано в английской версии как «a gloomy and dangerous character» [10, p. 74]. «Угрюмый тип» не отражает всех оттенков «угрюмца», созвучного с названием животного, с которым сравнивается существование героя («Существовал он, впрочем, тяжко» [4, с. 90]). Особенности словообразования придают ёмкую характеристику, заменяя строки описаний: адресованная Лужину фраза «Не распистоньте столик» [4, с. 95] говорит не столько о физической полноте, сколько о «тучном» образе героя, тщете его существования и социальном аутизме.

Перевод также предоставляет возможность проанализировать отдельные случаи употребления артиклей и оттенки смысла, сообщаемые ими высказыванию. В рассказе А. Кристи «Убийство в “Восточном экспрессе”» о совершённом на борту поезда преступлении детектив Пуаро говорит как о нехарактерном для «латинянина» (имея в виду итальянца), но свидетельствующем о «холодном, изобретательном, расчётливом уме, типичном для англосакса» [1, с. 36]. Современному читателю такое, основанное на стереотипах, видение человеческого характера показалось бы если не устаревшим, то, по крайней мере, дискриминирующим и безосновательным. Мсье Бук, друг главного героя, интересуется: «А где же ваша психология? Разве итальянцы не хватаются за нож?» [1, с. 36] «Ваша психология» – «the psychology» [7, p. 133] – изложенные ранее Пуаро национально-психологические основания характера преступления.

Интерес представляет и культурно-исторический аспект переводческого анализа. Виктор Ипполитович Комаровский, персонаж «Доктора Живаго» был, очевидно, небедным человеком, если «снял квартиру во втором этаже» [5, с. 30] на Петровских линиях. «Third-floor apartment» [11, p. 74] ничего не говорит о социальном статусе петербуржца конца XIX века, в то время как «второй этаж» (который следовало бы перевести как «first floor») занимали сами владельцы доходных домов, либо имущие люди. Первый этаж, как правило, был хозяйственным, помещения второго было удобнее перестраивать под квартиры.

Другая ушедшая в прошлое историческая реалия касается сословного деления российского общества. Так, в англоязычных версиях «Доктора Живаго» и «Защиты Лужина» употребляется слово «peasant» («крестьянин», «крестьянский») для характеристики поведения и образа героев: Лара, прощаясь с мужем «завыла, как простая баба» [5, с. 63], а тёща Лужина говорит о нём как о «мужике» [4, с. 137].

Обращение внимания студентов на повторяющиеся в оригинальном тексте слова также может быть интересным с точки зрения когнитивного исследования. Одни из часто используемых прилагательных в романе «Луна и грош» У. С. Моэма – «disconcerting» и «commonplace» (дословно «приводящий в замешательство» и «привычный»). Романы миссис Стрикленд «смущают» «своей оригинальностью» [3, с. 6]; необычные картины мистера Стрикленда приводят «в замешательство» [3, с. 74]. Когда главный герой узнаёт о том, что Чарльз Стрикленд ушёл из семьи и уехал в Париж, эта новость ставит его «в неудобное положение» [3, с. 12] – будучи в деревне, ещё не зная о случившемся, он написал миссис Стрикленд, что придёт на чашку чаю. В Париже, куда главный герой едет, чтобы найти и поговорить с «неверным» супругом, он видит, что Стрикленд ведёт одинокое существование, посвятив себя искусству. Когда Стрикленд высказывает «бессердечное» равнодушие к судьбе оставленной им в Лондоне семье, главный герой «растерялся» [3, с. 21]. Наконец, он, что всегда «с недоумением замечал в женщинах страсть эффектно вести себя у смертного одра тех, кого они любят» [3, с. 29]. Кажется, «disconcerting» описывает разные оттенки замешательства – от смущения перед тем, что не вписывается в общепринятые рамки до неуверенности в выборе стратегии поведения в конкретной ситуации в светском обществе. «Commonplace» употребляется в описании «заурядной внешности» [3, с. 10], «банальной» обстановки в запылённом туристами сером Марселе [3, с. 83], «посредственности» в искусстве [3, с. 74]. Другое слово, «sincere», употребляется, в основном, по отношению к голландцу Дирку Стрёву, искренность и прямота которого высмеиваются: «Стрёв, этот вечный шут с искренней и честность душой...» [3, с. 68]. «Commonplace» и «sincere» описывают вещи, не вызывающие недоумения и смущения, но и положительно окрашенными их назвать трудно. Слова «disconcerting», «commonplace», «sincere» в разных местах в тексте романа переводятся по-

разному. Анализ совокупности их значений, проявляющихся при переводе на другой язык, выявляет черты национального характера англичанина, не приветствующего банальность, но и не привыкшего к проявлениям излишней оригинальности и прямоты.

Иногда одно и то же слово переводится иначе в разных произведениях. Так, на своего будущего тестя Лужин производит впечатление «порядочного» человека [4, с. 104] («respectable», уважаемый в англоязычной версии романа [10, р. 85]); «человеческая жалость», интерпретируемая как отсутствие войны «между братьями» Устиньей из романа Пастернака [5, с. 79], переведена как «human decency» [11, р. 225]. О семье чёрного американца, якобы изнасиловавшего белую женщину в романе «Убить пересмешника», отзываются как о «порядочных» людях [2, с. 49] («clean-living folks» – чистоплотных людях – уточняет оригинал [8, р. 83]). Перевод слова, очевидно, зависит от фоновых знаний истории и культуры: какое впечатление нужно, по мнению Набокова, произвести, чтобы прослыть «уважаемым» в русской эмигрантской среде Берлина 1920-х гг.; уходящие корнями в православную религию представления русской крестьянки о справедливости и её более «гражданское» видение в англоязычной версии; социально-экономическая обстановка в штате Миссисипи во времена Великой депрессии, когда мыло и проточная вода, судя по всему, не были всеобщим достоянием.

Естественно, это далеко не все примеры, достойные анализа на занятиях по английскому языку. Выбор зависит от того, на что, как нам кажется, необходимо обратить внимание в конкретной группе учащихся. Сопоставительный анализ оригинальных текстов и их переводов представляется не только методом обучения языку, но и средством выявления оригинального авторского смысла с одной стороны, и постижения закономерностей англоговорящего мышления – с другой. Субъективность авторской картины мира не исключает возможности межкультурного диалога. Анализ языка и дискурса выявляет различия на уровне национальных менталитетов, осмысление же содержания объединяет благодаря общечеловеческим ценностям. Обучая языку через перевод на материале любимых книг, мы реализуем благородную миссию образования и в рамках междисциплинарного подхода.

Перевод может быть бесценным методом научения языку и дальнейшего, более глубокого его изучения. Переводу отводится скромная роль в процессе обучения иностранному языку. Между тем, его дидактический потенциал выходит далеко за рамки собственно лингвистического образования. Перевод – недооценённый учитель человеческой природы, преподаватель разных аспектов иностранного и родного языков, мировой истории, философии языка и культуры.

Список использованных источников

1. Кристи А. Эркюль Пуаро. СПб.: Азбука, 2000. 955 с.
2. Ли Х. Убить пересмешника. М.: Молодая гвардия, 1964. 174 с.

3. Моэм С. У. Луна и грош. М.: АСТ, 2014. 286 с.
4. Набоков В. Защита Лужина. СПб.: Азбука, 2014. 222 с.
5. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. СПб.: Азбука, 2006. 701 с.
6. Сэлинджер Д. Д. Над пропастью во ржи. М.: АСТ, 2004. 238 с.
7. Christie A. Murder on the Orient Express. М.: Юпитер-Интер, 2005. 244 p.
8. Lee H. To kill a mockingbird. London: Arrow books, 2010. 310 p.
9. Maugham W. S. The moon and sixpence. СПб.: КАРО, 2013. 384 p.
10. Nabokov V. The Luzhin Defence. London: Penguin Books, 2000. 179 p.
11. Pasternak B. Doctor Zhivago. London: Collins and Harvill press, 1959. 510p.
12. Salinger J. D. The catcher in the rye. London: Penguin Books, 2010. 230 p.

УДК 81`282.8

ДИАЛЕКТ ТЕКС-МЕКС КАК ОДИН ИЗ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ДОЛИНЫ РИО ГРАНДЕ (США)

М. В. Шатских,

*аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка обобщить подходы к определению термина «код» и «языковой код» на примере диалекта Текс-Мекс, который функционирует в регионе долины Рио Гранде (США).

Ключевые слова: языковой код, языковой контакт, Текс-Мекс, билингвизм, пиджин.

Summary. The article systemizes different opinions on the terms «codes» and «language codes». The linguistic situation of the Lower Rio Grande Valley, the Tex-Mex dialect serves as the example to summarize different approaches to the studies of language codes.

Key words: language code, language contact, Tex-Mex, bilingualism, pidgin.

В настоящее время к вопросу изучения кодов подходят не только с позиции языкознания, но и лингвокультурологии, отождествляя, таким образом, язык и культуру. Несомненно, язык является отражением культурного наследия народа, но как различаются лингвокультурные коды представителей различных социальных и демографических групп внутри одного языкового сообщества? Вопросы о взаимозависимости языка и культуры, о лингвокультурном взаимодействии народов, которые проживают на одной территории, до сих пор остается актуальным среди современных исследователей.

Цель данной статьи рассмотреть понятие кода в лингвистике и смежных науках и охарактеризовать функционирование одного из языковых кодов – диалекта Текс-Мекс территории региона долины Рио Гранде.

Регион долины Рио Гранде (the Lower Rio Grande Valley) составляют четыре административных района на юге Техаса общей площадью 4,241 кв. миль вдоль границы США и Мексики [14, с. 1]. Иммиграция испаноговорящих является характерной особенностью данного региона. Миграция мексиканцев в США берет свое начало в конце XIX века, когда развитие сельского хозяйства, добывающей и легкой промышленности, строительство железных дорог на юге США требовало дополнительного притока дешевой рабочей силы из других стран. В период 1850-1880 годов на заработки в США иммигрировало около 55 тысяч мексиканцев [9, с. 44]. Иммиграция мексиканского населения продолжается до сих пор, несмотря на ужесточение правил пересечения границы. Действующий президент США, Дональд Трамп, в одном из своих предвыборных выступлений заявил, что «США и Мексика имеют право на строительство стены вдоль южной границы» [12, с. 3]. Таким образом, президент обращает внимание на то, что контроль над процессами иммиграции мексиканского населения в США постепенно ослабевает.

Регион Долины Рио Гранде – это территория, где на протяжении более, чем ста лет господствуют два языка: английский и испанский, которые неизбежно взаимодействуют друг с другом. При языковом контакте характерным считается появление такого лингвистического феномена, как билингвизм. При характеристике билингвизма, определенную роль играют понятия кода, субкода и их взаимоотношения.

Понятие кода (от лат. *codex* – пень, колода, дощечка для записи) впервые появилось в теории информации и определялось, как совокупность сигналов, символов для передачи какой-либо информации [8, с. 364; 2].

Под кодом в семиотике принято понимать понятие, которое позволяет раскрыть механизм порождения смысла сообщения [7, с. 47]. Ф. де Соссюр, разграничивая язык и речь, говорил о том, что язык есть код, а речь – лишь индивидуальное проявление данного кода [6, с. 26].

Языковой код – это нейтральное понятие, на основе кода можно проследить примеры проявления языковой и речевой вариативности. Как отмечает А. Д. Петренко [5, с. 4], «в современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности, связанными с конкретными социальными признаками говорящих».

Наряду с термином «код» часто употребляется термин «субкод», который используется для демонстрации иерархических отношений в языковом разнообразии. Субкод представляет собой так называемую подсистему языка (кода), которая отличается более узкой сферой употребления чем код [1, с. 41].

Например, если стандартный английский язык (Standard English) есть код, то американский вариант английского языка является его субкодом. В

свою очередь, территориальный диалект американского английского жителей региона долины Рио Гранде, американский английский жителей США мексиканского происхождения, также будет являться субкодом (Mexican American English). Варианты американского английского жителей США мексиканского происхождения, разделенных на группы в соответствии с демографическими и социальными переменными, также представляют собой своего рода субкоды по отношению к одному коду – американскому варианту английского языка. То же можно сказать и о диалекте Текс-Мекс («техасско-мексиканский»), использование которого распространилось вдоль границы США и Мексики.

На исследуемой территории мексиканская и американская культуры сосуществуют настолько долго, что сегодня трудно отличить одну от другой. Согласно переписи населения США, 90% жителей долины Рио Гранде являются выходцами из Мексики [13]. В данном регионе существует тенденция, согласно которой уровень владения английским языком тем выше, чем мы продвигаемся вглубь штата. То есть, чем ближе мы находимся к границе с Мексикой, тем ниже уровень владения населением как английским, так и испанским языком.

В этих условиях развился так называемый диалект Текс-Мекс (Tex-Mex (англ.), Tejano (исп.)), смесь английского и испанского языков. Американские лингвисты, занимающиеся исследованием лингвокультурного взаимодействия в США (Ш. Поплак, Р. Беккер) считают, что диалект Текс-Мекс – это своеобразная разновидность пиджина – искусственно созданного языка, без которого уже невозможно представить жизнь в регионе долины Рио Гранде. Пиджин (англ. pidgin) — упрощённый язык, который развивается как средство общения между двумя или более этническими группами. Данные этнические группы говорят на неродственных и/или взаимно непонятных языках, но вынуждены регулярно контактировать друг с другом в силу тех или иных объективных потребностей [4, с. 254].

В структуре диалекта Текс-Мекс своя грамматика и синтаксис, которые подчиняются лишь ситуации общения, а не установленной грамматике и словарю. На нем говорят представители низшего социального класса региона - люди, которым так и не удалось овладеть навыками грамотного говорения и письма ни на одном из взаимодействующих языков. Многие мексиканцы работают на территории США, и для этого им необязательно говорить на хорошем английском.

Диалект жителей юга Техаса Текс-Мекс в настоящее время проник во все сферы жизни населения:

В обиходно-бытовом общении нередко используются словосочетание: “*bien spicy*”, где *bien* является словом из испанского языка, а *spicy* – из английского. Переводится такое словосочетание «очень острый». И наоборот, синонимичное выражение “*very picante*”, где *very* – слово из английского языка, а *picante* – из испанского.

В интернет – пространстве местного масштаба нередко встречаются объявления: “*In The Barrio you can check out new amigos, design homepages and fall madly in love, all at the click of a mouse. Checkalo!*” («Здесь вы сможете найти новых друзей, создать свою персональную страницу, влюбиться, и все это с помощью одного клика. Проверьте сами!») (перевод М. Шатских) [10], где слова “barrio” и “amigos” являются испанскими. Отдельного внимания заслуживает слово “*Checkalo*”, которое представляет собой пример повелительного наклонения в Текс-Мекс. В данном случае мы видим, что императив образован по правилам испанского языка (суффикс –а– служит указанием на множественное число и второе лицо, а указательное местоимение –lo–, по правилам испанского языка, прибавляется к глаголу, и обозначает «это»). Корень слова образован от английского глагола “to check”, что означает «проверить». Таким образом, создается большое количество новых слов, образование грамматических форм которых тяжело предсказать.

В предложении “*The boy breakio la window con la ball*” («Мальчик разбил окно мячом») [11, с. 34], прослеживается тенденция сохранения определенных артиклей женского рода испанского языка *la*. Выбор между артиклем мужского или женского рода обусловлен родом существительного в испанском языке, но само обозначение существительного взято из английского (“window”, “ball”). Так, существительное испанского языка “*una ventana*” («окно») имеет женский род, чем и обусловлен выбор испанского артикля женского рода. Таким же образом существительное “*una pelota*” (исп. – «мяч») имеет женский род, поэтому перед его английским эквивалентом сохраняется артикль женского рода. Следовательно, можно сказать, что в техасско-мексиканском диалекте артикль согласуется с существительным, но на основе правил испанского языка, а не английского.

Следует обратить внимание на особенности образования видовременных форм глаголов в диалекте Текс-Мекс. Форма “*breakio*” («разбил») представляет собой лексему английского языка. На основе данной лексики сформировался глагол, который подчиняется правилам системы испанского языка. В данном случае это прошедшее простое время (Preterito Perfecto Simple), образованное с помощью окончания *io* для глаголов 2 и 3 спряжения.

Таким же способом образуются и другие глаголы в диалекте Текс-Мекс:

To flirt (англ. - флиртовать) – *flirtear* (Текс-Мекс). *La girl estaba flirteando con el boy* [11, с. 20] (Девушка флиртовала с парнем).

To warm up (англ. - разогревать) – *heatear* (Текс-Мекс). *The chef burned the meal cuando las estaba warmeando* [11, с. 7] (Повар сжег блюдо, когда разогревал его).

To explain (англ. - объяснять) – *explanear* (Текс-Мекс). *Tuve a explanear a la teacher why I was late* [11, с. 55] (Я должен был объяснить учителю, почему опоздал).

Существительные в диалекте Текс-Мекс образуются на основе английской лексемы, но испанского словообразовательного суффикса: существительное *washing-house* (англ. прачечная) на диалекте жителей Рио Гранде имеет форму *washateria*. *La washateria esta llena* [14, с. 48] (В прачечной нет свободных мест).

Выбор языкового кода определенной группы осуществляется на основе многих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических. Представители данной социальной группы находятся в одинаковых условиях. Жители региона, связанные общими внешними факторами, используют общий языковой код – диалект Текс-Мекс. К общим внешним факторам можно отнести условия жизни, уровень образования, социальный статус.

Список использованных источников

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: Российский гуманитарный ун-т, 2001. 315 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
3. Кемеров В. Е. Современный философский словарь. М.: Панпринт, 1998. 1060 с.
4. Кожемякина В. А., Колесник Н. Г., Крючкова Т. Б. Словарь социолингвистических терминов. М.: Изд. РАН, 2006. 312 с.
5. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. Коллективная монография Под ред. А.Д. Петренко. М.: Перо, 2015 491 с.
6. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 432 с.
7. Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.
8. Усманова А. Р. Код // Постмодернизм. Энциклопедия под ред. Грицанова А. А., Можайко М. А. Минск: Интерпресервис, Книжный дом, 2001. С. 364–365
9. Camerota S. A. Immigration from Mexico: Assessing the Impact on the United States. Washington: Center for Immigration Studies, 2001. - 64 p.
10. Klein A. English, espanol mingle at border [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://articles.baltimoresun.com/2001-03-23/news/0103230002_1_quiero-taco-mex-taco-bell (дата обращения: 16.01.2017)
11. Salinas A. Tex-Mex: An Illustrated Vocabulario [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.tamiu.edu/engl4347/grp6/> (дата обращения: 18.01.2017)

12. Scott E. Trump asking Congress, not Mexico, to pay for border wall [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://edition.cnn.com/2017/01/05/politics/border-wall-house-republicans-donald-trump-taxpayers/> (дата обращения: 24.01.2017)
13. United States Census Bureau [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.census.gov/quickfacts/table/PST045215/48#headnote-js-b> (дата обращения: 12.10.2016)
14. Vigness D., Odintz M. Rio Grande Valley [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.tshaonline.org/handbook/online/articles/ryr01> (дата обращения: 10.10.2016)

УДК 821.111-31

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ДЖЕЙН ОСТИН «ДОВОДЫ РАССУДКА»

Л. С. Швеи,

*студент 3 курса бакалавриата филологического факультета,
ГБОУВОРК «Крымский Инженерно-Педагогический Университет»,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенности авторского метода создания женских образов при помощи средств экспрессивности. Цель работы – проанализировав роман Джейн Остин «Доводы рассудка», выявить и описать экспрессивные средства в произведении, определить их роль и функции в создании автором женских образов. Дано определение экспрессивности. Проанализирован текст романа Джейн Остин «Доводы рассудка», в котором использованы экспрессивные методы и приемы. Определена их взаимосвязь с особенностью творческого стиля автора в создании и раскрытии им женских характеров и персонажей.

Ключевые слова: экспрессивность, стилистические методы, индивидуализация речи, экспрессивная лексика

Summary. The article is made to consider the special feature of the author's method of creating a woman's image by using a speech expressivity. The purpose of the research is to reveal and describe the expressive methods, to define their functions and role in the book, by analyzing Jane Austen's novel «Persuasion». The definition of expressivity is given. The text of Jane Austen's novel, where speech expressivity methods are used, is analyzed. The connection between the author's style and expressive methods in women characters revelation and creation is defined.

Key words: expressivity, stylistic methods, individualization of speech, typization of speech, expressive vocabulary.

Джейн Остин - уникальное явление в мировой культуре. Оставив после себя сравнительно небольшое наследие: семь романов и несколько новелл, Остин до сих пор находится в центре внимания читателей и

исследователей. Она одна из наиболее известных писательниц как английской литературы XIX века так и мировой литературы в целом. В наше время произведения писательницы чрезвычайно популярны: их много раз переиздавали, экранизировали и переводили на множество языков. Вклад Джейн Остин в мировую литературу описывал В. Скотт. Он называл ее основательницей жанра современного романа. [1, с. 2] Ее поклонниками стали Г. К. Честертон, Р. Олдингтон, В. Вульф, С. Моэм, Э. М. Форстер, Б. Пристли. Творчество столь талантливой писательницы и по сей день привлекает ученых-литературоведов и последователей феминистических учений и взглядов, а так же обычных читателей. Переосмысление творческого наследия писательницы произошло в XX столетии. Первой об особенностях ее творческого метода написала Вирджиния Вульф [1]. Именно она раскрыла новаторство и значение творчества Остин для литературы XX в. Именно поэтому выбранная тема является актуальной.

В лингвистике различают понятия экспрессивности и экспрессии: экспрессивность является семантической (внутренней) категорией, в то время как экспрессия - это функциональное (внешнее) явление, которое принадлежит к стилистическим речевым категориям [2, с. 43]. Поскольку экспрессия имеет внешний характер, то ее показателями являются хронологические, социальные, иностилевые или инокультурные признаки.

Понятие языковой экспрессии широкое и трактуется в современной лингвистике достаточно обобщенно: «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте средством субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату вещания». При этом экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка. Экспрессивность придает речи, с одной стороны, стилистическую окраску, выразительность, а с другой – выражает отношение говорящего к высказыванию и к адресату.

Таким образом, языковая (речевая) экспрессия - это сложная стилистическая категория, которая опирается на целый комплекс психических, социальных и лингвистических факторов и проявляется как интенсификация выразительности извещаемого, как увеличение силы высказывания. [5, с. 159]

В наиболее общем значении экспрессивность трактуется как стилистическая выразительность. Этому придерживается Т. Г. Винокур, который подчеркивает, что термином «экспрессия» покрывается вся сфера стилистической выразительности вообще, то есть экспрессивным является любое высказывание, которое содержит стилистическое значение.

Поскольку экспрессивность может быть присуща единице любого уровня языка, то логичной кажется классификация экспрессивных средств в соответствии с уровнями языковой структуры, которая предусматривает выделение по крайней мере таких видов экспрессивных средств:

фонетические, фразеологические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и лексико-семантические.

Классифицируя экспрессивно окрашенную лексику по характеру становления экспрессивно-образного значения, выделяют два ее типа:

1. экспрессивно окрашенная лексика с немотивированными стилистическими значениями

2. экспрессивно окрашенная лексика с мотивированным экспрессивно-образным значением

К первому типу принадлежат экспрессивно окрашенные слова, органической составной частью семантической структуры слова которых, является экспрессивное значение. Ко второму типу принадлежат слова, экспрессивное значение которых является семантическим переосмыслением слова.

Прежде всего, необходимо выделить ту лексику, которая имеет эмоциональность уже в своем этимологическом значении. Здесь представлены слова с двумя сторонами характера эмоциональности: позитивным и негативным. Часто писатели в своих произведениях выбирают слова, которые помогают им создать ярко выраженный позитивный или негативный образ. Джейн Остин в «Доводах рассудка» использует подобную лексику для характеристики леди Эллиот (жены сэра Эллиота): «Lady Elliot had been an excellent woman, sensible and amiable»;

Энн Эллиот: «But Anne, with an elegance of mind and sweetness of character, which must have placed her high with any people of real understanding, was nobody with either father or sister», «To Lady Russell, indeed, she was a most dear and highly valued god-daughter, favourite, and friend»;

Элизабет Эллиот «It sometimes happens that a woman is handsomer at twenty-nine than she was ten years before»;

Леди Рассел «She was of strict integrity herself, with a delicate sense of honour», «She was a benevolent, charitable, good woman, and capable of strong attachments»;

Миссис Клэй «From situation, Mrs. Clay was, in Lady Russell's estimate, a very unequal, and in her character she believed a very dangerous companion»,

Мэри Мазгроув: «Though better endowed than the elder sister, Mary had not Anne's understanding nor temper». [7]

Стилистически окрашенная лексика служит для реалистичного изображения действительности, для характеристики персонажей, для придания тексту эмоционально-экспрессивного тона. Именно это и составляет отличие «Доводов рассудка» от предыдущих произведений Джейн Остин. В этом романе она пытается избегать лексики с откровенно негативной окраской. Писательница дает читателю возможность сделать самостоятельный вывод о характерах персонажей и событиях, которые описываются в произведении. [8, с. 121]

Особенную категорию в «Доводах рассудка» представляют восклицательные предложения. Джейн Остин использует сочетание этих

типов предложения с эмоциональными восклицаниями, которые выражают ситуативное психологическое состояние и разнообразие спектра эмоций и черт характера. Например, лексика, которую использует Мэри Мазгроув характеризует ее как раздражительную, суетливую женщину, которая страдает от нехватки внимания и потому любит представлять себя больной: «So, you are come at last! I began to think I should never see you. I am so ill I can hardly speak. I have not seen a creature the whole morning!», «I never want them, I assure you. Oh! Anne, I am so very unwell! It was quite unkind of you not to come on Thursday». [7, с. 27]

Новаторством Остин были не только созданные ею многогранные портреты обычных людей на фоне социальной среды, известной ей в мельчайших своих проявлениях, но и сам язык ее романа, неповторимая в своей оригинальности художественная система. Стиль романистки до сих пор не поддавался всестороннему анализу [6, с. 378].

Человеческую суть художница раскрывает, главным образом, с помощью изображения языкового общения людей, то есть прямой и диалогической речи. Основой поэтики Остин впервые в истории английского романа становится диалог. В нем проявляются характеры, индивидуальный жизненный опыт, культура, образ мышления каждого действующего лица. Диалог Джейн Остин - это диалог аналитический, детерминированный двойным мотивированием: внешним, не адекватный ощущениям и настроениям персонажей, и внутренним, что соответствует их действительным переживаниям:

«- But now, the matter has taken the strangest turn of all; for this young lady, the same Miss Musgrove, instead of being to marry Frederick, is to marry James Benwick. You know James Benwick. - A little. I am a little acquainted with Captain Benwick. - Well, she is to marry him. Nay, most likely they are married already, for I do not know what they should wait for. - I thought Captain Benwick a very pleasing young man, - said Anne, - and I understand that he bears an excellent character». [7, с. 121]

«Двойной» диалог был одним из крупнейших художественных открытий романистки, который впоследствии широко использовали писатели XIX-XX веков, - Диккенс, Теккерея, Джордж Эллиот, Мередит, Генри Джеймс и многие другие.

Психологически-обусловленный язык героев Остен всегда воссоздается как проявление их исторически-детерминированного сознания. Джейн Остин без особенного авторского натиска, используя преимущественно средства языковой характеристики, которая всегда включает индивидуальный для речи каждого персонажа словарный состав, синтаксическое строение, стиль, интонацию, достигает всестороннего раскрытия героев. [3, с. 27, 67, 124]

Индивидуализация речи действующих лиц служит Остин одновременно и средством ее типизации, с помощью которой она характеризует людей определенной социальной внешности, состава ума,

психологии, разоблачая социально-обусловленные человеческие пороки: снобизм, чванство, напыщенность, подхалимство, себялюбие, корысть.

Отдавая предпочтение непрямым изобразительным средствам, Остин стремится передать взаимодействие авторского языка и языка персонажей также опосредствованными способами. Авторский голос проникает в язык героев главным образом с помощью несобственно-прямой речи - стилистического приема, который до Остин почти не применялся в литературе. Например, размышления Энн о приезде капитана Уентуорта и их встрече после долгих лет разлуки: «Altered beyond his knowledge!» Anne fully submitted, in silent, deep mortification. Doubtless it was so, and she could take no revenge, for he was not altered, or not for the worse. She had already acknowledged it to herself, and she could not think differently, let him think of her as he would. No: the years which had destroyed her youth and bloom had only given him a more glowing, manly, open look, in no respect lessening his personal advantages. She had seen the same Frederick Wentworth». [7, с. 43]

В романах писательницы несобственно-прямая речь, новаторская по своей структуре и функциями, выражает: 1) речь действующего лица, которая реально прозвучала, в сочетании с его мыслями; 2) высказывания и переживания одного персонажа во взаимодействии со словами и мыслями другого, 3) реакцию действующего лица на не высказанное, то что имеется в виду; 4) развернутый диалог.

Восприятие образа рассказчика и его взглядов в романах Остин определяется как прямым изложением авторских оценок, так и разными непрямыми проявлениями - едва заметным акцентированием тона, общим эффектом внутривидовой связи, а также изображением событий в специфической расцветке субъективного виденья одного из персонажей. Такое изображение, которое позднее получило название «Точки зрения рассказчика» (narrative point of view), впервые в английской прозе многосторонне разрабатывается Остин и становится важным стилистическим приемом в ее художественной системе.

В ходе исследования было выявлено, что речь персонажей в романе «Доводы рассудка» психологически-обусловленна и всегда воссоздается как проявление их исторически-детерминированного сознания. Язык романа богат средствами экспрессивности и стилистически окрашенной лексикой. Стилистически окрашенная лексика служит для характеристики персонажей, для придания тексту эмоционально-экспрессивного тона. Это обусловлено индивидуальным стилем автора. Индивидуализация речи действующих лиц служит Остин одновременно и средством ее типизации. Основой поэтики Остин впервые в истории английского романа становится диалог. Ее диалог аналитический, детерминированный двойным мотивированием.

Список использованных источников

1. Вулф В. Джейн Остен // Зарубежный роман. Проблемы метода и жанра: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького Пермь: ПГУ, 1982. 409 с.
2. Гальперин И. Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. – №4. – 1954. – 160 с.
3. Джейн Остин и ее роман «Гордость и предубеждение» [Электронный ресурс] // Демурова Н. – 2004. – <http://www.apropospage.ru/osten/ost3.html> (дата обращения 20.12.2016).
4. Ивашева В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. 464 с.
5. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск: Наука, 1986. 270 с.
6. Плещенко Т. П., Федотова Н. В., Чечет Р. Г. Стилистика и культура речи. – ТетраСистемс, 2001. 544 с.
7. Austen J. Persuasion. Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 2000. – 190 p.
8. Griffin M. Jane Austen and religion: salvation and society in Georgian England, 2002. 222 p.

УДК 811.1/2'373.7-115

ЦВЕТ И ЕГО РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли цвета в языковой картине мира, отраженной во фразеологической системе языка. Рассмотрение значения цвета с точки зрения когнитологии позволяет отметить, что, с одной стороны, цветопредставление отличается удивительным кросскультурным сходством, что есть врожденной данностью любого человека. С другой стороны, восприятие цвета может быть различным, что связано с историческими, географическими, религиозными и другими факторами или же определено его символической функцией.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, колороним, язык, фразеология, символ.

Summary. The article deals with the role of the color in the linguistic image of the world reflected in the phraseological system. The analyzes of the role of the color from the point of view of cognitive science allows to note that, on the one hand, the color representation has a surprising cultural similarity that is a congenital reality of any person. On the other hand, the perception of a color can be various because of the historical, geographical, religious and other factors or can be caused by its symbolical function.

Keywords: colour, colour component, language, phraseology, symbol.

Исследование процесса формирования цветовых понятий и их отражение в языке давно привлекают внимание ученых. Обращение к этому вопросу в области лингвистики особенно актуально в связи с появлением когнитологии, использующей данные разных наук в целях изучения системы знаний человека. Категории цвета имеют особый статус среди перцептивных категорий человека, поскольку они отличаются удивительным кросскультурным сходством. Одни ученые объясняют это универсальное свойство тем, что цветопредставление – это результат врожденного представления, свойственного любому человеку вне зависимости от его национальности. Другие же относятся критически к этой теории, предполагая обратное: универсальность цветовых категорий базируется на лингвистической трансмиссии («linguistic transmission» термин Лаборатории искусственного интеллекта в Брюсселе [9]).

Таким образом, существуют различные точки зрения о происхождении цветообозначений. Английские ученые Б. Берлин и П. Кей [10] изучали этимологию цвета и описали свои исследования в книге «Основные цветовые термины». Они пришли к выводу, что 95% цветов происходят от названий предметов. И лишь 5% слов не имеют четкой этимологии. В опровержение гипотезы Сепира-Уорфа Б. Берлин и П. Кей провели ряд исследований и пришли к выводу, что процесс возникновения и развития цветоименований в языках является своего рода языковой универсалией. По их мнению, существует семь стадий развития цветовой терминологии, отражающих последовательность появления каждого слова. Так, на первой стадии появляются только два базовых обозначения (**белый** и **черный**), на второй к ним присоединяется обозначение красного цвета, на третьей-пятой стадиях добавляется по одному слову из трех: *синий*, *зелёный* и *жёлтый* (для разных языков последовательность развития этих трёх цветообозначений может быть различной) – на шестой стадии всегда возникает обозначение коричневого, а высшая, седьмая стадия всегда ознаменована появлением сразу четырех номинаций – **розовый**, **оранжевый**, **фиолетовый** и *серый*. Если в языке было 8 и более цветоименований, среди них обязательно были лексемы *фиолетовый*, *розовый*, *оранжевый* или *серый*.

Б. Берлином и П. Кеем было также выдвинуто предположение, что число терминов цветообозначения зависит от экономического и культурного развития страны рассматриваемого языка, степени изоляции и других экстралингвистических факторов [10].

В культуре разных народов эмоциональное и прикладное восприятие цвета может быть различным, что связано с исторической традицией этноса, религиозными верованиями, различными климатическими условиями, образом жизни. Однако, еще несколько веков назад человек понимал, что один и тот же объект при дневном и ночном освещении выглядит иначе:

ночью все кошки серы – all cats are grey in the dark – la nuit, tous les chats sont gris. Это является примером проявления во фразеологии культурных универсалий, основанных на объективных физических закономерностях восприятия цвета.

Выделяют следующие типы воздействия цвета на человека: оптическое, физиологическое и эмоциональное. К оптическому воздействию цвета относятся иллюзии или оптические явления, вызываемые цветом и изменяющие внешний вид предметов. На физиологическое воздействие возникает психологическая реакция, вследствие чего цветовой образ в сознании человека может смещаться, и тогда истинное значение цвета не совпадает полностью с «воображаемым» образом цвета. Можно привести такой пример из русского языка, где огонь называется красным, тогда как в природе само пламя ярко-оранжевого цвета: *красный петух пожар*. Это позволяет ученым утверждать, что «в психике рядового носителя языка существует наивная картина мира цвета, которая фиксируется посредством языка, хотя ни процесс фиксации, ни возникающие при этом связи и отношения самим говорящим не осознаются» [5, с. 32].

М. А. Бородина и В. Г. Гак, изучая цветообозначения французского языка, утверждают, что светоразличительная функция является первичной по отношению к цветоразличительной [1, с. 134]. Например, заимствованное из германских языков цветообозначение *blanc* очень долго выступало в значении «блестящий», когда оно относилось к описанию металлических предметов, это значение сохранилось в устойчивом сочетании *armes blanches* *холодное оружие*. «Наличие во всех языках названий для белого и черного цвета справедливо ставится в связь с тем, что все народы наблюдают смену дня и ночи, причем дневной свет воспринимается как белый» [7, с. 48].

Можно выделить особый этап развития системы цветообозначений в человеческом мышлении, благодаря которому «бинарная оппозиция *темный – светлый* уступает место хроматическому ряду, особым образом структурированному, и возникают понятия *черный* и *белый* именно как цветообозначения» [4, с. 45]. Специалисты отмечают, что таким переломным событием стало открытие в 1676 г. Исааком Ньютоном «цветового спектра», который он сумел извлечь, разложив солнечный луч с помощью трехгранной призмы.

Благодаря культурному развитию человеку присуща способность видеть в любом явлении символ, а значит, цвета также обладают символической потенцией, которая может варьироваться в различных культурах. Цвета имеют предметное содержание, определенное их символической функцией. Оно не изобретено человеком, но отражает законы высшего порядка, объективные законы природы.

Все это отражается в языке, в речи человека. Эти феномены зафиксированы в коллективном сознании в форме устойчивых сочетаний с

компонентами цветообозначения, например, *черные мысли, черная меланхолия, black look, blue devils, cultiver la petite fleur bleue, humeurs noires, bile noire* и *pousser au rouge, colère jaune, rouge, bleue* и т.п.

Языковая картина мира включает в себя фразеологическую картину мира – национально-маркированный фразеологический корпус, выступающий результатом непосредственного отражения культурных процессов. Устойчивые сочетания интенсивно участвуют в создании национально-специфического колорита языковой картины мира.

Особенности воздействия цвета, как и его символика, влияют на полисемию прилагательных-цветообозначений. Их семантика редко исчерпывается одним значением. Например, самые частотные прилагательные *белый, черный, white, black, blanc, noir* – самые многозначные. Колороним *черный* может указывать на траур, горе, плохое настроение, характеризовать незаконные, неофициальные операции, действия, запрещенные законом, в суевериях обозначать магическую силу и т.д. Для русского, английского и французского языков характерны похожая оценочность и ментальные универсалии, возникающие вследствие базовых метафор и оппозиций (верх – хорошо, низ – плохо; свет – хорошо, тьма – плохо; оппозиции: свой – чужой, внутренний – внешний, жизнь – смерть). Эти явления отражаются в семантике устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения: *черным по белому, in black and white, noir sur blanc; видеть в черном цвете, voir en noir; белая магия, white magic, magie blanche*.

Язык и мир – «зеркальная» пара, согласно учению австро-английского философа Л. Витгенштейна [2]. Язык отражает мир, потому что логическая структура языка идентична онтологической структуре мира. Однако человек воспринимает около десяти миллионов цветовых оттенков, тогда как в языке существует лишь около тысячи цветообозначений, из которых лишь незначительная часть имеет непосредственный психолингвистический смысл цвета. Значит между структурой мира и языка существует не прямая, а некая опосредованная связь. По словам Л. Витгенштейна: «Цвет побуждает нас философствовать». Так, пройдя через деятельность сознания и мышления человека, цветообозначения становятся символами. Их символический характер проявляется в языке и в системе устойчивых сочетаний с компонентами цветообозначения, в частности.

Устойчивые сочетания с компонентами цветообозначения группируются в микросистемы с синтагматическими и парадигматическими отношениями внутри них, образуют гнезда и микрополя. А. М. Эмирова [8, с. 31] определяет «фразеологическое гнездо» как совокупность разноструктурных фразеологических единиц, в составе которых встречается одно и то же слово в разных парадигматических формах.

Одна из проблем фразеологии и паремиологии связана с выделением опорного слова устойчивой единицы, в нашем случае – стержневого

компонента устойчивого сочетания. Особенностью прилагательных (большинство компонентов устойчивых сочетаний, указывающих на цвет – прилагательные) является их семантическая и грамматическая несамостоятельность, т.к. для реализации своего значения им необходимо соединение с грамматически независимым существительным. Однако, в нашем исследовании в качестве опорных слов рассматриваются цветообозначения. Выбор колоронимов в качестве семантически опорного слова обусловлен свойствами активности прилагательного-цветообозначения – фразеологической представленностью и многозначностью, а также его преимущественно предшествующей позицией в качестве первой знаменательной части речи в субстантивных устойчивых сочетаниях русского и английского языков (за исключением французского, в котором наблюдается постпозиция), составляющих большинство в исследуемых микросистемах. Например: *серое вещество, gray (grey) matter, lamatière grise; голубая кровь, blue blood, sang bleu*.

Итак, можно выделить в микросистемах устойчивых сочетаний гнезда, объединенные вокруг опорных слов – колоронимов, назовем их стержневыми словами. В микросистемах русского, английского и французского языков присутствуют колоронимы, указывающие на основные цвета за исключением оранжевого и фиолетового (*голубая мечта, позеленеть от злости, blue water, like are drag to a bull, avoir un blanc, donner le feu vert* и т.д.), они отличаются набором стержневых компонентов, указывающих на дополнительные цвета спектра – оттенки (*сквозь розовые очки, marry in to the purple, Eminence grise*). Микросистема устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения является языковой универсалией и позволяет предполагать, что такие единицы встречаются в языках мира, разных в генетическом и типологическом отношении, однако спектр их компонентов-колоронимов и тематические поля могут варьироваться в разных лингвосоциумах.

Однако, как указывает М. Г. Зеленцова, «специфическое конструирование действительности в разных культурах и, соответственно, ее языковая репрезентация порождает ряд переводческих проблем, которые объединяются в категорию когнитивных особенностей перевода [3, с. 380].

В микросистемах русского, английского и французского языков именно основные цвета преобладают в количественном отношении в составе устойчивых сочетаний, именно им присущи разнообразные символические и метафорические значения. Наиболее активными являются компоненты *черный, белый, красный* и *синий*, что объясняется тем, что это самые необходимые для общения цвета, которым также свойственны символические значения и коннотации.

Список использованных источников

1. Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии историко-семантических исследований. Л.: Наука, 1979. 232 с.

2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 1958 (2009). 133 с.
3. Зеленцова М. Г. Когнитивные основы экономического перевода (на материале терминологии менеджмента) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы VIII Международной научной конференции. Челябинск. 20–22 апреля 2016 г. –Т. 1. –С.380–383.
4. Михайлова Т. А. Понятие «цвета» как лексико-семантического квалификатора // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2003. –№ 5. С.43–52.
5. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М., 1999. С. 8–70.
6. Шевчук-Черногородова М. А. Лингвокультурологическая специфика устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения в русском, английском и французском языках: дис.... кандидата филол. наук. Донецк, 2011. 276 с.
7. Шемякин Ф. Н. Язык и чувственное познание // Язык и мышление. М.: Наука, 1967.-С. 38–55.
8. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (опыт семантического анализа фразеологических единиц): учебное пособие для студентов-филологов. Самарканд: Изд-во Сам. ГУ, 1972. 96 с.
9. Artificial Intelligence Laboratory, Vrije Universiteit Brussel [Электронный ресурс]. –<http://arti.vub.ac.be/~steels/2000.html> (дата обращения **28.01.2017**).
10. Berlin В., Kay Р. Basic Color Terms: their Universality and Evolution. Berkeley : University of California Press, 1969. 269 p.

УДК 811.133.1

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКО-РУССКИХ
И РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТОВ**

М. А. Шевчук-Черногородова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. С. Ашихумерова,

студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена понятию «псевдоэквивалент» и специфике их перевода с русского на французский язык и с французского на русский язык. Анализируется природа ошибок во время работы с «ложными друзьями переводчика» и рекомендуются способы решения данных проблем.

Ключевые слова: псевдоэквиваленты, ложные друзья переводчика, русский язык, французский язык.

Summary. The article deals with the concept of the pseudo-equivalents and the specifics of their translation from Russian into French and from French into Russian. The nature of mistakes in the translation of the false friends has been analyzed and the ways of the solution of these problems have been recommended.

Key words: pseudo-equivalents, false friends, Russian, French.

Мнение о том, что язык обуславливает мышление и мировосприятие, а также что все явления реального мира рассматриваются и членятся в сознании народа в том направлении, на которое указывает язык, находит поддержку многих современных ученых. Они развивают и дополняют эту концепцию, в центре которой стоит понятие «языковая картина мира». Переводчик, погружаясь в языковую картину мира того или иного народа, сталкивается с эквивалентами и аналогами своих родных единиц. К числу внешних показателей эквивалентности относятся совпадение звучания, написания, лексического наполнения, структуры, а – содержательных – совпадение семантики и внутренней формы. Однако, осторожность следует проявлять в отношении единиц, эквивалентных по структуре, но отличных в плане семантики; это так называемые переводческие псевдоэквиваленты, которые нередко сбивают с толку носителей различных языков и профессиональных переводчиков.

Псевдоэквиваленты – это лексемы, которые имеют фонетическое подобие, общий или разный объем грамматического значения, полностью или частично различный объем семантики, а также общую этимологию. Несмотря на то, что данное явление изучается во многих дисциплинах, до сих пор нет общепринятого термина для обозначения этого понятия и часто называются «ложными друзьями переводчика».

Актуальность темы заключается в малоизученности проблематики перевода псевдоэквивалентов французского и русского языков. Нерешенными задачами являются неоднозначность понятия переводческой псевдоэквивалентности, отсутствие критериев идентификации псевдоэквивалентов и анализа механизмов их появления, отсутствие лексикографических и фразеографических источников, фиксирующих псевдоэквиваленты французского и русского языков.

Цель работы – анализ специфики перевода псевдоэквивалентов французского и русского языков. В связи с поставленной целью решаются следующие задачи: уточнить определение и классификацию псевдоэквивалентов, а также провести анализ способов их перевода с русского на французский и с французского на русский языки.

Язык является живым организмом, который находится в постоянном и непрерывном развитии. С течением жизни изменяется и сам язык: появляются новые слова, а некоторые устаревают и исчезают. Развитие языка, его постоянное обновление, маленькое перерождение, напрямую

связанное с событиями, происходящими в жизни людей, в жизни государства. И как следствие, можно отметить, что характеризующей чертой языка являются заимствования. Русский язык заимствовал из французского много слов. Часто, встречая слова типа *journal*, кажется, что оно является соответствием слову журнал, как по смыслу, так и по форме. Однако, это «ложные друзья переводчика», так как не все французские слова, попав в русский язык, сохранили свои исходные значения.

Зафиксирован и обратный процесс, когда в русском языке на протяжении многих лет заимствованное слово сохраняет свое первоначальное значение, а во французском это слово с этим же значением уже не употребляется и заменяется другим. Так, *parade* уже не означает *военный парад* (здесь следует сказать *revue militaire*), *vélo*, *bicyclette* устарело и заменяется во французском языке словами *vélo*, *bicyclette*. Важно отметить, что в обоих случаях русское слово больше не соответствует по значению своему французскому этимону.

Список псевдоэквивалентов не ограничивается заимствованиями из французского языка. Для носителя русского языка, который может и не знать происхождения слова, важно лишь внешнее сходство, поэтому он придает французским *dispute*, *auditoire*, *major* смысл соответствующих русских: *диспут*, *аудитория*, *майор*, не задумываясь о том, что эти слова взяты русским и французским языками из третьего – латинского [4, с. 54]. Таким образом, псевдоэквивалентами в русском языке могут выступать французские слова, которые лишь сходны внешне с параллельными словами русского языка, но при этом обладающие другими значениями.

Лингвисты рассматривают «ложных друзей переводчика» в пяти аспектах:

1. Семантический аспект. Речь идет о семантическом несовпадении значений параллельных слов. Эта категория имеет несовпадения во всех значениях (либо в одном, если слова моносемичные) и является самой многочисленной: *соль* – *sol*, *нос* – *nose*, *пол* – *rôle*, *район* – *rayon*, *диссертация* – *dissertation*, *balloon* – *баллон*; *génial* – *гениальный*, *ambitieux* – *амбициозный*. Совпадения могут быть частичными: *auditoire* совпадает со словом *аудитория* в значении *слушатели*, но русское слово имеет еще и значение *зал, помещение*.

2. Фразеологический аспект (контекстуальные «ложные друзья переводчика»). Так, слово *медицина* соответствует *médecine*; но, если подразумевается *народная медицина*, то правильно будет сказать *remèdes de bonne femme*; *карьера* – это *carrière*, но *карьеризм* передается словом *arrivisme*; *паника* – *panique*, но *паникер* – *alarmiste, trembleur, panicard*; *прокурор* – *procureur*, но *прокуратура* – *parquet*; *скандал* – *scandale*, но *скандалист* – *chahuteur, tapageur, troublepaix* и т.д.

3. Стилистический аспект. Здесь русско-французские пары слов отличаются стилистически, но обладают почти одинаковыми значениями. Зачастую французский этимон сохраняет свою нейтральность, а русское

слово, будучи архаичным, приобретает иронический оттенок и употребляется в стилистических целях как в литературной, так и в разговорной речи. Например: *пardon* – *pardon*, *мерси* – *merci*, *адьё* – *adieu*, *мосьё* – *monsieur*, *дама* – *dame*. Иногда французская параллель принадлежит профессиональному стилю речи и является, как правило, для французов «*mot savant*» (научная лексика) с ограниченным употреблением, в то время как русская параллель – повседневное слово. Поэтому *estafette*, *échelon* не соответствуют по стилю русским общеупотребительным *эстафета*, *эшелон* и являются псевдоэквивалентами. Подлинными являются *course de relais*, *train militaire*.

4. Формальный аспект. Разное суффиксальное оформление одинаковых слов является причиной ошибки. Например, суффикс -ист является интернациональным, и поэтому, вследствие, некоторых совпадений слов типа *пессимист* – *pessimiste*, *юрист* – *juriste* ошибочно возникают слова *aventuriste*, *massagiste* вместо *aventurier*, *masseur*.

5. Этнографический аспект. Это заимствования из французского и других языков, обозначающие предметы и явления, которые являются типичными лишь для русской жизни, и по этой причине они представляют трудность при переводе на французский язык.

Такие единицы, как *кадет*, *канитель*, *блиндаж*, *варьете* возможно перевести на французский язык только с приблизительным значением.

Ошибки, связанные с употреблением «ложных друзей переводчика», не говоря уже о затруднениях в общении, могут иметь и более серьезные последствия. Они являются опасными не только для начинающих изучать иностранный язык, но и для людей, владеющих в равной степени двумя языками. Доказательством этому служат языковые ошибки, встречающиеся у опытных переводчиков и даже в словарных статьях, что может привести к нежелательным переосмыслениям [2].

Проблема перевода псевдоэквивалентов охватывает также и фразеологическую систему языка. К таким единицам относятся, например, следующие корреляты: *белое золото хлопок* – *l'or blanc la neige des sports d'hiver* [8, с. 101]. Таким образом, это устойчивые сочетания слов, имеющие эквивалентную структуру, но различную семантику, например: *черная работа* *работа без заключения трудового договора, физически тяжелая и плохо оплачиваемая* – *travail noir тайная, подпольная работа*; *черная дыра, сгусток звездного вещества с такой степенью сжатия и с такими силами тяготения, которые не выпускают в пространство какие-либо частицы и волны; то же, что коллапсары* – *trou noir безысходное положение*. Французское выражение *blanc comme neige* обладает двумя значениями, первое из которых эквивалентно русскому устойчивому сочетанию *белый как снег* и употребляется только по отношению к предметам неодушевленным, а второе означает «невинный, с незапятнанной репутацией» и относится к характеристике одушевленных лиц. В русско-французском словаре фразеологических эквивалентов указываются также такие корреляты как: *белая зависть зависть без чувства досады*,

раздражения возможностями или успехами другого – *jalousie blanche* слепая ревность; *зеленое золото* лес – *l'or vert* les ressources procurées par l'agriculture ou par la vente des terrains agricoles; *красное золото* кровь – *l'or rouge* l'énergie solaire [8, с. 103].

Проанализируем трудности, которые чаще всего возникают при переводе псевдоэквивалентов. Прежде всего, это неверное понимание оригинала или же частичный перевод вместо перевода целого языкового комплекса. Такие ошибки возникают за счёт схожей формы заимствованных или интернациональных слов и упущение точного (оптимального) смысла в структуре псевдоэквивалента, из-за применения буквального перевода и неразличения паронимов. К таким ошибкам, как утверждает В. Л. Муравьева [5], также относится создание «псевдофранцузских» слов.

Чтобы снизить до минимума возможность неправильного перевода, нужно выбрать подходящий способ для работы над текстом. Однако, только одним способом перевода обойтись практически невозможно. Поэтому переводчики чаще всего используют несколько методов, один из которых в ходе процесса перевода и является основным [6].

Для того, чтобы определиться с выбором способа перевода, Т. А. Казакова рекомендует следующие правила:

1. Частичный перевод. Детали текста не несут коммуникативную важность, поэтому здесь важно передать общее содержание текста.

2. Выборочный частичный перевод. Применяется при переводе содержания деловых документов, в публицистике, то есть для общего представления о характере исходного текста или стиле автора.

3. Функциональный частичный перевод. Используется в пересказах, адаптациях и других подобных текстах. Данный способ применяется для того, чтобы упростить содержание исходного текста.

4. Полный перевод. В этом случае, содержание текста очень важно, поэтому перевод должен быть детальным.

5. Буквальный полный перевод. Этот способ редко применяем. Подходит при переводе академических изданий уникальных текстов, в частности эпоса, и т. п.

6. Семантический полный перевод. Используется, чтобы передать высокую научную или социально-культурную значимость текста, содержание которого предназначено для широкого круга специалистов.

7. Коммуникативно-прагматический полный перевод используется для передачи исходных текстов, имеющих высокую социально-культурную значимость, подробное содержание которых предназначено для массового получателя [3, с. 17–18].

Актуальность решения проблемы универсального и специфического в отдельных языковых микросистемах обусловлена сложностью самого взаимодействия языка и культуры [7, с. 185]. Наличие универсальных структурно-грамматических моделей и общих черт лексико-семантической системы русского и французского языков способствуют взаимодействию

его лексического и фразеологического состава. В свою очередь псевдоэквиваленты имеют объединяющее качество – это предрасположенность к интерференции, и, собственно, поэтому они все представляют трудность в процессе перевода.

Выделяют два основных уровня нарушений, вызванные межъязыковыми соответствиями омонимичного характера: нарушения на уровне языковой картины мира и нарушения на уровне собственно языковой системы (нарушения лексической, стилистической и частично грамматической сочетаемости). Омонимия, воплощая в себе противоречивые тенденции к дифференциации и интеграции, включает в себе стимул и является одним из источников обновления словаря. В синхронии межъязыковые соответствия омонимичного характера часто представляют собой некие помехи, так как приводят к интерференционным ошибкам в воспроизведении или понимании речи.

Дальнейшая разработка проблемы «ложных друзей переводчика» предполагает анализ данных категорий не только в синхронном срезе, но и в связи с более детализированной диахронией. Это позволит выявить причины и условия возникновения псевдоэквивалентов.

Список использованных источников

1. Акуленко В. В. Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика. М.: Советская энциклопедия, 1969. 216 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975. 251 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода English – Russian: учеб. пособие. СПб., 2001. 288 с.
4. Карпова Т. С. «Ложные друзья» перевода // Вопросы теории и практики перевода: Сб. статей Всерос. науч.-практ. конф. – 2006. – С. 53–55.
5. Муравьев В. Л. *Faux amis* или ложные друзья переводчика. М.: Просвещение, 1969. 291 с.
6. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Валент, 2007. 244 с.
7. Шевчук-Черногородова М. А. Лингвокультурологическая специфика устойчивых сочетаний с компонентом цветообозначения в русском, английском и французском языках: дис. ... к. филол. наук. Донецк, 2011. 276 с.
8. Kravtsov S. Dictionnaire russe-français des locutions idiomatiques équivalentes. P.: L'Harmattan, 2005. 252 p.

УДК 81'362

ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Э. В. Шендер,

студент третьего курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Рассмотрен военный дискурс как коммуникативная сфера функционирования военных омофраз. Он определен как когнитивно-лингвистическая форма отражения тех общественных отношений, в системе которых он функционирует. Значение военных омофраз эксплицируется или лингвальным контекстом, или дискурсивным контекстом. Отсутствие общего знания в пределах дискурсивного контекста приводит к неправильному пониманию омофраз и, как следствие, - коммуникативных неудач. В связи с этим крайне актуальной становится проблема создания специальных словарей омофраз.

Ключевые слова: военный дискурс, омофразы, дискурсивный контекст, лингвальный контекст, общие знания.

Summary. The article is dedicated to the analysis of the military discourse as the communicative sphere of functioning of military omophrases. It is identified as cognitive linguistic form of reflection of those social relations in the system of which it is functioning. The meaning of military omophrases is realized through either lingual or discursive context. The absence of common knowledge in the frames of discursive context leads to misunderstanding of the omophrases and, consequently, is the reason of communicative failures. In this connection the problem of creation of special dictionaries seems to become actual.

Key words: military discourse, omophrases, discursive context, lingual context, common knowledge.

В современном английском языке широкое распространение получило явление омофразии - равнозначности различных классов словосочетаний: свободных, терминологических, фразеологических [5, 9, 10].

Кроме того, в последнее время растет внимание ученых к языку профессионального общения [3, 14]. Поскольку количество омофраз достаточно большое, целесообразно ограничение исследования их определенной группой. На основе антропоцентрического принципа дискурс-анализа, акцентируя, в частности, когнитивно-прагматические и функционально семантические аспекты изучения функционирования языковых единиц, ограничимся военным типом дискурса как сферой активного функционирования омофраз.

Военные омофразы (ВО) занимают промежуточную позицию среди фразеологизмов и терминологических словосочетаний и функционируют в военном дискурсе в таких жанрах, как художественная и художественно-публицистическая литература, газетная публицистика, а также в сетевых жанрах интернет-общения (чаты, дискуссионные группы и материалы

разных жанров и стилей, специально созданные для публикации в Интернете). Приведем несколько примеров ВО, отражающих различные аспекты существования и функционирования войска: buy the farm эвфемизм погибнуть (e.g. «The sergeant bought the farm over on Hill 654 this morning»)

talent spotter жарг. - В разведывательных кругах название надежно законспирированного человека, который отвечает за обнаружение кандидатов для сотрудничества в разведывательной сфере. Он действует косвенно, не обличая своих намерений относительно привлечения конкретных кандидатов (e.g. «So, if there were a way to bring peace to Iraque, would that interest you?»);

trojan horse войск, жарг. - На первый взгляд, безобидная компьютерная программа или чип, в который преднамеренно вводят вирус с целью нанести ущерб компьютерной системе враждебной страны;

knife fight - воздушный бой на близком расстоянии и малой скорости. Также может называться воздушная схватка, когда пилоты обоих самолетов расстреливают друг друга до полного уничтожения;

wet suit - костюм аквалангистов, которые плавают в холодной воде;

white pot - кодовое название сообщений о неотложных (экстренных) действиях, которые передаются (направляются) Верховным главнокомандующим сил НАТО в Европе.

Перед тем, как перейти непосредственно к предмету нашего исследования - военного дискурса, по нашему мнению, следует определиться с понятием дискурса вообще, поскольку современные ученые-лингвисты толкуют его по-разному.

Дискурс связан, прежде всего, с антропоцентрической парадигмой языкознания и когнитивно-прагматической методологии и используется для репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, что отражаются в ее произведениях - текстах.

Важнейшими особенностями дискурса следует считать то, что он представляет собой сочетание лингвального и внелингвального в коммуникации с устным общением как обязательным компонентом [2].

Дискурс в когнитивно-коммуникативной парадигме понимают как «интегральный феномен, как мыслительно-коммуникативную деятельность, которая является совокупностью процесса и результата и включает как внелингвальный, так и собственно лингвальный аспект; в последнем кроме текста выделяется пресуппозиция и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), которые обуславливают выбор языковых средств» [15].

По определению В. Б. Бурбело, дискурс - это закрепленное в речевом пространстве потенциально повторяющееся функционально-смысловое единство коммуникативно организованных (актуализированных) системных признаков. При этом основным дифференциальным признаком дискурса выступает коммуникативный модус, который определяет другие языковые параметры [4, с. 80].

Также предлагается понимание дискурса как системы коммуникации, что имеет реальное и потенциальное (виртуальное) измерения. В реальном измерении это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, которая имеет признак процессности и связана с реальной жизнью и реальным временем ...

Следует учитывать различие дискурсивного контекста и лингвального контекста. Контекст соотносится не с дискурсом, а с текстом как единицей анализа. Объектом анализа дискурсивного контекста является ситуация коммуникации [11, 15].

А. Д. Белова, указывая на актуальность проблемы диверсификации дискурса, утверждает, что его классификация возможна с учетом двух основных факторов: сфер функционирования и характера коммуникации.

Если по сферам коммуникации мы имеем академический, дипломатический, политический, рекламный, религиозный, юридический и другие виды дискурса, то по характеру коммуникации дискурс может быть спонтанный, подготовленный, официальный, неофициальный [2, с. 13].

Системность дискурса предопределяет возможность выделения не только типов, но и отдельных подтипов дискурса.

В.И. Карасик выделяет следующие подтипы дискурса: политический, административный, юридический, военный, религиозный, медицинский, деловой, рекламный, педагогический, спортивный, научный, электронный (интернет-дискурс), дискурс средств массовой информации и т.д. [7].

Военная фразеология как специальная профессиональная подсистема языковых знаков реализуется в определенной сфере коммуникации - военном дискурсе. Интенциональность военного дискурса определяется как управление в целях упорядочения действий по решению боевых, учебно-боевых и служебных задач [6].

Любой дискурс, в том числе и военный, связанный с конкретными, историческими условиями существования и, по нашему мнению, может трактоваться как превращенная когнитивно-лингвальная форма отражения тех общественных отношений, в системе которых он функционирует. Иначе говоря, функционирование дискурса органически связано с историческими социокультурными условиями, которые его порождают. Подтверждение данного тезиса находим в исследовании Норца М. В. «English “war” spy novel during the period of the Second World War II» [12], который отмечает «непосредственную связь» литературы и языка и исторического фона. Историчность и социальность - это два характерных признака дискурса. Военные выражения - омофразы, которые объектом нашего исследования и составляющими компонентами специфической речевой практики, четко фиксируются в лексикографических источниках по определенным периодам возникновения (Англо-бурская война, Первая мировая война, Вторая мировая война, война в Корее, война во Вьетнаме, конфликт между Великобританией и Аргентиной по статусу Фолклендских островов, война

в Афганистане и в Ираке, миротворческая миссия Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе и на Ближнем Востоке и т.д.).

Университет в Осло, а также Норвежская академия наук подсчитали, что с 3600 г. до н.э. произошла 14 531 война. Фактически в любое время в любом месте на планете проходит от 40 до 100 войн или военных конфликтов [13]. Такое драматическое распространение войн и военных конфликтов как средств решения общественно-политических и экономических проблем указывает на то, что они институализировались во внутренних и межгосударственных отношениях, стали частью общественно-политического и экономического бытия национально-этнических общин. Все это непосредственно отражается в историческом дискурсе.

Люди, проживающие в одной и той же макросреде, является не только членами социума в целом, но и многих общин, представляющих микросреду их жизнедеятельности.

Микросреда – это сфера непосредственного общения людей, которым в нашем исследовании выступает профессиональный военный коллектив, сосуществует со многими другими профессионально ориентированными общинами, вступая с ними в различные отношения социокультурной коммуникации. Это создает лингво-креативное пространство для выявления индивидуальных черт человека как языковой личности. Важно помнить еще и о том, что коммуникативная среда формируется на фоне конкретного обиходно речевого окружения, которое составляет большую часть жизни военнослужащих, влияет на поведение и вкусы этой специфической группы людей и, естественно, отражается в военном дискурсе.

Солдаты, офицеры и моряки занимают четко определенное место в обществе, имеют принятые цели и определенную систему ценностей, оценок и самооценок.

После окончания войны, бывшие воины должны войти в новые социальные отношения, найти свое место в послевоенном обществе, то есть сформировать новую личностную идентичность вместо старой. Трудности подобной перестройки тоже отражаются в военном дискурсе, четко подчеркивают его социальность.

Военнослужащие как участники военного дискурса определяют специфику его обобщённых конфигураций, интерпретируют реальность в пределах представлений конкретной лингвокультуры, что и предоставляет когнитивные основания коммуникативной деятельности индивидов как членов этой лингвокультуры.

Адресант и адресат имеют взаимное когнитивное пространство - совокупность общих, доступных их сознанию фактов. По нашему мнению, это взаимное когнитивное пространство целесообразно интерпретировать в терминах «shared, knowledge, common knowledge, background knowledge», то есть общие знания.

Военные омофразы - это языковые средства закрепления, выражения и передачи этих знаний, их обмена в условиях коммуникативного взаимодействия для осуществления «конкретного когнитивного, эмоционального или интеллектуального прагматического воздействия на адресата» [8].

Значение омофраз эксплицируется или лингвальным контекстом, или дискурсивным. Поскольку контекст не всегда разъясняет содержание, что обусловлено различными факторами, среди которых наиболее типичным является омонимия существительного компонента фразеологического словосочетания (ФС) и свободного словосочетания (СС), а также окказиональная модификация ФС, вполне вероятной может быть некорректная трактовка омофраз ВС, ВО и ФС. Иначе говоря, отсутствие общего знания (knowledge shared) влечет «коммуникативные неудачи» [1] – неадекватное понимание омофраз.

В процессе устранения омофразии для адекватного понимания текста необходимо учитывать не только особенности лексических и грамматических систем, но и коммуникативно-прагматических, лингво-этнических, психологических, социокультурных представлений, менталитета, этносознания общающихся на разных языках [11].

В словарях, изданных в России и странах СНГ, – как обычных двуязычных, так и фразеологических – большинство военных омофраз не зарегистрировано.

В связи с этим весьма актуальной становится проблема создания специальных двуязычных словарей военных омофраз, потребность в которых в свете современной российской военной доктрины не вызывает сомнения.

Список использованных источников

1. Бацевич Ф. С. Основы коммуникативной лингвистики. К.: ОТ «Академия», 2004. 344 с.
2. Белова А. Д. Лексическая семантика и межкультурные стереотипы // Языковые и концептуальные картины мира. 2002. № 7. С. 43-48.
3. Борзых А. Структура и действенность в организациях // Организационная коммуникация: Пер. с англ.: Гуманит. Центр. 2005. С. 100–127.
4. Бурбело В. Б. Современные концепции дискурса и лингвопрагматическое основы дискуртологии // Роман, мовознав. 2002. № 33. С. 79–86.
5. Выговский В. Л. Фразеологизации словосочетаний как источник омофразии (на материале англоязычной военной лексики). Житомир: ЖДПИ им. И.Я. Франко, 1998. 45 с.
6. Денисова Н. Г. Система коммуникации в военном институционально дискурсе // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998. С. 34–35.

7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 299–408.
8. Карпчук Н. П. Адресованность в официальном и неофициальном англоязычном дискурсе (коммуникативно-прагматический анализ): автореф. дис. канд. филол. наук. Х., 2004. 20 с.
9. Квеселевич Д. И. О некоторых смежных с полисемией явлениях в английской фразеологии // Языкознание. 1978. №3. С. 48–50.
10. Квеселевич Д. И. Фразеологизмы-омонимы и омофразы // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. межвуз. конф. МГПИИЯ М. 1971. С. 185–191.
11. Мартинюк А. П. Конструирование тендера в англоязычном дискурсе. Х.: Константа, 2004. 292 с.
12. Норец М. В. English “war” spy novel during the period of the second world war II // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 5-4 (49). С. 78–80.
13. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология: монография. К.: Изд-во укр. фитосоциолог. центра. 2000. 248 с.
14. Фролова И. Е. Моделирование коммуникативной ситуации конфликта // Компаративистика и типология в современной лингвистической науке: достижения и проблемы: Материалы XIX междунар. лингвист. семинара 11-14 июня 2004 г. Донецк: Дон НУ, 2004. С. 160–167.
15. Шевченко И. С. Морозова Е. И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вестн. Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Карабина. 2003. № 586. С. 33–38.

УДК 81`373.47

ПЕРЕВОД НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В КОНТРАСТИВНОМ КУРСЕ ПОЛОНИСТИКИ МОСКОВСКОГО ВУЗА

В. Шетэля,

кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, Москва

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о переводе на польский язык текстов русской художественной литературы. Дается широкий комментарий по специфике значений слов и выражений, употребляемых авторами и переводчиками. Отмечается, что таким образом студенты знакомятся не только с азами переводческого дела, а и с наиболее известными произведениями русской литературы.

Ключевые слова: вкрапление, заимствование, лексический материал, перевод, переводчик, речь персонажа, самобытная народная речь.

Summary. The article deals the translation of the texts of Russian literature into the Polish language. A wide comment on the specific of the meaning of the words and expressions having used by the authors and their translators is given in

the article. It is noted that the students learn not only the basic of the translation business in such a way but the most famous works of Russian literature.

Key words: inclusion, borrowing, lexical material, translation, character`s speech, original folk speech

Для освоения дисциплины «Особенности перевода различных типов польских текстов» в контрастивном ключе студенты используют знания, умения и навыки, сформированные в процессе изучения дисциплин: «Практика устной и письменной польской речи», «Филологический анализ текста», «Практическая грамматика польского и русского языков», «Лексикология русского языка», «Лексикология польского языка».

В результате овладения данным предметом студенты способны логически и грамматически верно строить устную и письменную речь, осуществляя перевод с русского на польский язык. Для этого необходимо знать особенности теории и практики перевода различных типов текстов; владеть достаточным запасом слов и, конечно, навыками устного и письменного перевода.

Внимание уделяется и грамматическим особенностям польского языка и их эквивалентам в русском языке, функционально-семантическим и стилистическим эквивалентам в переводе с русского языка на польский язык.

На практических занятиях выполняется также филологический анализ некоторых наиболее известных переводов произведений русской художественной литературы на польский язык. При анализе особенно наглядно прослеживается роль лексических и фразеологических средств выражения в создании текста, например, фрагментов перевода на польский язык романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Ср.: “Na początku lipca pod wieczór niezwykle upalnego dnia pewien młodzienc wyszedł na ulicę ze swej izdebki, którą podnajmował od lokatorów przy uliczce S-ej, i powoli, jakby niezdecydowanie, skierował się ku mostowi K-mu.

Na schodach szczęśliwie uniknął spotkania ze swoją gospodynią. Jego izdebka mieściła się tuż pod dachem wysokiej, pięciopiętrowej kamienicy i bardziej przypominała szafę niż mieszkanie” [3, s. 11].

Если слово lipiec (июль), pięciopiętrowy (четырёхэтажный), upalny (жаркий), а также сокращения: “przy uliczce S-ej” (в С-м переулке), „ku mostowi K-mu” (к К-ну мосту) имеют отношение к переводческому делу, то над употреблением слов: młodzienc («межъязыковой омоним», «ложный друг переводчика»), izdebka, lokatorzy, przy uliczce, kamienica, „bardziej przypominała szafę niż mieszkanie” следует задуматься. Тем более, что в подлиннике эти слова звучат: *молодой человек, каморка, жильцы, переулок, дом, «походила более на шкаф, чем на квартиру»* [2, с. 5].

Если идти в обратном направлении – уже от этих слов, то в польском языке имеются к ним коренные соответствия, которые достаточно

выразительны. Слово *каморка* – *komórka*, но переводчик предпочел слово *izdebka*; *переулок* – *zaułek*, *дом* – *dom*, но переводчик употребил слово *kamienica* – «каменный дом». Последний пример весьма выразительный.

Если вспомним фрагмент романа, где представлен сон-воспоминание Раскольников о его детских годах, когда он был свидетелем жестокой расправы возницы над своей клячонкой, то нельзя, вероятно, не оставить без внимания целый ряд слов, называющих лошадь или же синонимов, которые употребил автор к этому слову. Интерес к вопросу обостряется в связи с переводом этих слов на польский язык.

Например, в подлиннике читаем: «Он всегда любил смотреть на этих огромных ломовых коней, долгогривых, с толстыми ногами, идущих спокойно, мерным шагом... Но теперь, странное дело, в большую такую телегу впряжена была маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка...» [2, с. 62].

Такие единицы описания, как: *огромный долгогривый ломовой конь* переводчиком дается, как: *koń pociągowy z długą grzywą*, а *саврасая крестьянская клячонка*, как: *bułanka, chłopska szkapinka*. Слово *bułanka* обозначает масть, а *szkapinka*, как название лошадки, определяет маломощность животного. По сути *bułanka* и *szkapinka* это однородные названия, выраженные именем существительным, в то время как *саврасая* является прилагательным, определяющим существительное *клячонка*. Прилагательное *саврасая* принадлежит целому ряду определений: «маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка...». Поскольку переводчик употребил польское название масти – *bułanka*, то он не мог поставить это слово в одном ряду со словом *szkapinka*.

В контексте эти слова представлены следующим образом: «Zawsze lubił patrzeć na te ogromne konie, z długą grzywą, z nogami jak słupy – konie idące spokojnie miarowym krokiem ... Ale teraz, rzecz dziwna, do takiego dużego wozu zaprzężono szkapinkę małą, chłopską bułankę» [3, s. 65]. Следует добавить, что при незначительных перестановках единиц текст перевода вполне отражает авторскую задумку и не теряет выразительности и художественной образности.

На наш взгляд, подобные факты позволяют активизировать аналитические способности студентов по данной теме. Позволяют им понаблюдать, например, как сохраняется модель речевой структуры при переводе.

В другом месте текста автор употребил название масти *савраска*, что у переводчика отразилось в употреблении того же слова *bułanka*, однако, в польском языке существует прилагательное от этого слова: *bułany*.

См.: «С криком пробивается он сквозь толпу к савраске» [2, с. 66], ср.: «Z krzykiem przedziera się przez ciżbę do bułanki» [3, s. 69].

В данном фрагменте романа автор назвал и другую масть животного *гнедой*. Употребление слова имеет в польском языке полное соответствие и по значению, и по употреблению: *gniady*.

См: «Гнедой даве с Матвеем ушел» [2, с. 63], ср.: «Gniadego wziął wczoraj Matwiej!» [3, s. 66]. Интересно, что Ф. М. Достоевский попытался отразить в данном случае речь простого народа в то время, когда эта особенность в польском тексте не сохранилась.

Автор употребляет и другие названия лошадей: *кляча*, а также уменьшительные формы слов: *кобыленка*, *лошадка*, *лошаденка*. Уменьшительно-ласкательные формы появляются или в речи самого автора, или малолетним свидетелем этих событий – Р. Раскольниковым.

Переводчик следует стилистическим особенностям текста оригинала. У него это: *klaczka*; *kobyłka*; *szkapinka*; *konik*, *koniczek*. А также вводит другие оценочные слова: *chabeta*; *klacza*, *klaczka*; *kobyłka*; *szkapa*, *szkapina*.

Обратим внимание на некоторые из них. Например: слово *кляча* в прямой речи заменяется стилистически низким словом *chabeta*, ср.: «Этака кляча да повезет!» [2, с. 63] и «Така chabeta, gdzież ona powiezie!» [3, s. 65]. Слово *кляча* имеет соответствие в польском, и это слово сохраняется в польском переводе, даже там, где в оригинале оно только подразумевается: «Мое добро!» [3, s. 66], ср.: «To moja klacza!» [3, s. 65].

В другом месте слово *кляча* заменяется стилистически равноценным словом *szkapa*, ср.: «и другой удар со всего размаху ложится на спину несчастной клячи» [2, с. 65] и «i oto drugi cios z całego rozmachu pada na grzbiet nieszczęsnej szkapu» [3, s. 68].

Таким образом, автор через посредство тщательно отобранных слов, называющих лошадь, показывает свое отношение и отношение персонажей к происходящему.

Приводимые примеры достаточно выигрышны в плане соразмерности употребленных слов из семантической группы «лошадь» и применения их в переводе в качестве выразительных средств.

Таким образом, студенты знакомятся не только с азами переводческого дела, а и с наиболее известными произведениями польской литературы.

Список использованных источников

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – т. I – IV. – СПб., М., 1880–1882.
2. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом. М.: Эксмо, 2011.
3. Dostojewski F. Zbrodnia i kara. Powieść w sześciu częściach z epilogiem. Warszawa, 1957.
4. Шетэля В. Карманный польско-русский и русско-польский словарь. Около 10000 слов в каждом разделе. М.: Прометей, 2016. – 506 с.

УДК 81-2:81'221.7

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ**Э. Н. Эмирусейнова,***старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация Широкое сходство образности соматических фразеологических единиц обусловлено единством функций частей тела, общностью экстралингвистических факторов происхождения соматической фразеологии: жесты, мимика; общностью ассоциативно-образного мышления носителей сопоставляемых языков.

Ключевые слова: соматическая фразеология, единство функций частей тела, экстралингвистические факторы происхождения соматической фразеологии, жесты, мимика; общность ассоциативно-образного мышления носителей языков.

Summary. The wide similarity of imagery of somatic phrasal units is stipulated by the unity of functions of the parts of body, extra-linguistic factors of the origin of somatic phraseology: gestures, mimicry; the common associative and imaginative thinking of the bearers of the languages.

Key words: similarity of imagery of somatic phrasal units, common extra-linguistic factors of the origin of somatic phraseology: gestures, mimicry; the definite common associative and imaginative thinking.

Согласно теории А. В. Кунина [10] фразеологическая единица характеризуется стабильностью употребления, структурной и семантической стабильностью, стабильностью значения, стабильностью лексических компонентов, морфологической стабильностью и синтаксической стабильностью.

Идиома – фразеологическая единица, имеющая целостное значение. Существуют мотивированные идиомы (например, *to look through one's fingers* – «смотреть сквозь пальцы») и немотивированные, значение компонентов которых полностью утеряно (например, *good Friday face* – «скучный»).

Образ ряда соматических фразеологизмов не отражает в своем содержании исторических, культурных, социальных факторов, например: англ. *with one's nose in the air* – «задирать нос»; кр.тат. *бурун сокъмакъ* – «вмешиваться».

Идиомы стилистически окрашены, создают экспрессивный эффект, создаваемый метафорой или метонимией. Фразеологизмы возникают в результате переносного осмысления словосочетаний, называющих различные действия и состояния, вовлекающие части тела [3]. Фразеологизмы социального или психофизиологического характера

являются общими для всех сопоставляемых языков [7]. Образность большинства фразеологических единиц определяется характером физиологических функций частей тела, называемых соматическим компонентом. Фразеологизмы с компонентом «голова» входят в семантическое поле «психическая и умственная деятельность». Ум человека аллегорически ассоциируется у многих народов с представлением о наличии мозга, что обуславливает аналогию в образности фразеологической единицы. Фразеологизмы со значением «быть глупым» часто имеют противоположный образ, например: рус. «иметь голову на плечах», англ. *have a good head on one's shoulders, not to have a brain in one's head*; кр.тат.: *башынъ чакъмакъ* – «быть умным», *баша аламамакъ* – «не понимать» [9; 17; 10; 11; 12]. Со значением «глупый», характерны следующие логико-фразеологические схемы: а) невозможное в действительности свойство и состояние органа: рус. «пустая голова», англ. *empty head*, кр.тат. *башы бош*; б) необычный материал: русск. «дубовая голова», англ. *a wooden head* – «деревянная голова», кр.тат. *къабакъ баш* – «голова-тыква»; в) необычный объект в голове: рус. «солома в голове», англ. *one's head is full of bees*, кр.тат. *башында къарынджалар бар* – «в голове мурашки» - «быть странным». Среди фразеологических единиц с компонентом «голова», раскрывающие тему «умственная деятельность», представлены фразеологизмы, образность которых связана с аллегорическим представлением о голове как о физическомместилище мыслей: например: рус. «дырявая голова» - о человеке с плохой памятью, англ. *have a head like a sieve* – «голова как сито», кр.тат. *башындан чикъармакъ* – «вылететь из головы». В основном, это – выражения со структурой глагольно-субстантивных словосочетаний например: рус. «вертеться в голове», «выскакать из головы»; англ. *come into one's head*; кр.тат. *башына кельмек* – «вспомнить».

Часть соматических фразеологических единиц этимологически восходит к существующим обычаям, традициям, суевериям. Так возникли такие фразеологические единицы, как: рус. «очертя голову» ; англ. *keep one's fingers crossed*; кр.тат. *къулагъыны чек* – «отвести зло» [2; 15].

Отдельные соматические фразеологические единицы выражают символические действия, которые становятся обобщенно-переносными наименованиями, например: рус. «повергать к ногам», кр.тат. *аякъ астына алмакъ* – проявить неуважение» [16].

Образной основой многих соматических фразеологических единиц послужили жесты и телодвижения. Такие фразеологизмы несут смысловую нагрузку одновременно и в прямом и в переносном значении. Эти словосочетания, называя выразительные телодвижения и жесты, передают их символическое значение, например: рус. «высоко держать голову», англ. *to carry one's head high* – возгордиться», кр.тат. *баш асмакъ* – «понуришь голову – печалиться» [6].

Значительное сходство эмоциональной жестикуляции у представителей различных этнических групп обуславливает широкое сходство фразеологических единиц в этих языках. Сравним фразеологическую единицу со значением «предаваться отчаянию»: рус. «рвать на себе волосы», англ. *tear one's hair*, кр.тат. *башынъны сачынъны юлкъмакъ* [8].

Близки по образной природе в языках фразеологические единицы, которые служат наименованием мимики человека, например: рус. «крутить носом», англ. *turn up one's nose*, кр.тат. *бурун бурмакъ* [9; 17; 10; 12].

В качестве образного стержня некоторых соматических фразеологических единиц используется описание повадок животных в определенных ситуациях; соответствующие фразеологизмы обозначают сходные ситуации в сфере человеческих отношений. Действия, передаваемые содержанием исходных словосочетаний таких фразеологических единиц, присущи только животным – отсюда их подчеркнутая экспрессивность, например: русск. «поджать хвост», англ. *put one's tail between one's legs*, кр.тат. *къуйругъуны къыстырмакъ* – «поджать хвост» - «испугаться» [9; 10; 12; 13].

Фразеологические единицы, образ которых представляет метафорическое описание физиологических ощущений, обычно служат в речи экспрессивными наименованиями ситуаций, способствующих возникновению подобных ощущений. Под влиянием страха, сильного волнения иногда появляется чувство озноба, вследствие рефлекторных изменений в деятельности сердца. Этот факт послужил мотивирующей идеей, определившей образность следующих выражений: русск. «мороз по спине пробегает», англ. *get somebody's back up* – «разозлить (кошки выгибают спину, когда злятся)»; кр.тат. *юреги агъзына кельмек* – англ. *to have one's heart in one's mouth* – «испугаться» [5; 7; 9; 17; 11; 12].

Основным соматическим элементом фразеологизмов этой группы является компонент «сердце», а фразеологические единицы, передают различные эмоционально-психологические состояния человека: страх, печаль, радость. Такие фразеологизмы обычно возникают в результате переосмысления метафорических словосочетаний, описывающих ощущение необычного физического состояния органа, нарушение нормального ритма деятельности, чувство тяжести, сжатия, замирания, например: русск. «сердце падает», англ. *one's heart leaped into one's mouth*, кр.тат. *юрек къалкъмакъ* – «сердце из груди выскакивает» [3]. Общечеловеческий характер ощущений обуславливает значительное сходство фразеологических единиц.

Мотивировка большинства соматических фразеологизмов прозрачна, что связано с общезначимой символической соматических лексем. Исходные словосочетания фразеологических единиц, называющих обычные действия, явления, в результате метафорического употребления в нетипичной ситуации начинают ассоциироваться с совершенно другими понятиями. Ср.

рус. «брать за горло», англ. *take by the throat*, кр. тат. *богъаз богъаза кельмек* – «заставлять что-то делать» [1; 6].

Некоторые фразеологические единицы, семантика которых определяется физиологическим, социально-символическим аспектом некоторой части тела, базируются на вымышленном образе, например: русск. «ломать голову», англ. *break one's head*, кр. тат. *баша къакъмакъ* – «вдалбливать в голову» - «объяснять» [7, 12].

Соматические фразеологические единицы, базирующиеся на образе, не имеющем опоры в реальной действительности, приобретают переносное значение сначала своего возникновения. Эмоционально-экспрессивная насыщенность таких фразеологизмов велика. Например: рус. «взять себя в руки» - заняться вплотную, англ. *get oneself in hand*, кр. тат. *элинден кельмек* – «способный сделать что-то» [9; 17; 11; 12].

Фразеологизмы, компоненты которых называют части тела и органы, характеризующиеся ограниченными возможностями контакта с объектами действительности (глаз, ухо, язык), значительно чаще представлены оборотами с вымышленным образом. Например: рус. «язык прилип к горлу», англ. *lose one's tongue*, кр. тат. *тили тамагъына япышмакъ* – «потерять дар речи» [9; 16; 10; 11].

Гиперболические соматические фразеологизмы передают оценочное значение, выражая крайнюю степень интенсивности, величины, качества. Нереальный характер гиперболического образа всегда ощущается, что придает фразеологизмам этой группы особую экспрессивность [2; 3; 16]. Семантика многих гиперболических фразеологизмов обусловлена характером органа, называемого соматическим компонентом. Например: кр. тат. *козюню дёрт ачмакъ*; русск. «смотреть во все глаза», англ. *be all eyes*; русск. «в мгновение ока» - англ. *in the twinkling of an eye*, кр. тат. *козь юмын ачылана къадар*. Значительное сходство метафорических и гиперболических соматических фразеологических единиц вызвано функционально-физиологической общностью частей тела и однотипностью их внешних связей и отношений, приводящих к возникновению одинаковых образных ассоциаций [10; 17].

Переосмысление исходных словосочетаний метонимических фразеологизмов осуществляется на основе реальной связи явлений, называемых содержанием исходных словосочетаний и значением оборотов словосочетания, например: рус. «закрывать глаза», англ. *close one's eyes*, кр. тат. *козюню юммакъ* – «умереть» [9; 11; 17]. Для семантики метонимических соматических фразеологических единиц характерно значение положения, расстояния и направления, например: русск. «перед глазами», кр. тат. *козю алдына алмакъ* – «представить» [15; 16]. Образ некоторых соматических фразеологизмов представляет описание части объекта или явления для обозначения целого, например: русск. «садовая голова», англ. *pudding face* – «бессмысленная физиономия» – «тупой», кр. тат. *гунялы боюн* – «виновный человек» [17; 11; 12; 16].

В результате анализа установлено сходство соматических фразеологизмов исследуемых языков в семантической характеристике и образной структуре. Оно обусловлено тематической однородностью и разносторонностью функций органов и частей тела, общечеловеческим характером законов логического мышления, а также аналогичностью лингвостилистических основ фразеологии.

Список использованных источников

1. Абдуллаев Э. Русско-крымскотатарский словарь. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 1994. 220 с.
2. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном английском языке. Ростов-на-Дону, 1964. 276 с.
3. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Высшая школа, 1963. 120 с.
4. Баскаков А. Н. Турецко-русский словарь. М.: Издательство «Русский язык», 1977. 295 с.
5. Баскаков Н. Л. Введение в изучение тюркских языков. М.: Издательство «Высшая школа», 1969. 383 с.
6. Буранов Д. Сравнительная типология английского и тюркских языков. М.: Высшая школа, 1983. 267 с.
7. Виноградов В. В. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. 310 с.
8. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1983. 192 с.
9. Гуревич В. В., Дозолец Н. А. Устойчивые фразы в современном английском языке. Ростов-на-Дону, 1964. 276 с.
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1967. 250 с.
11. Кунин А. В. Англо-русский словарь. М. Высшая школа, 1967. 366 с.
12. Куркчи Усеин. Сёз бирикмелери. Симферополь: «Иылдыз», 1987.
13. Мустафаев Э. М., Щербин В. Г. Русско-турецкий словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 1028 с.
14. Мустафаев Э. М., Старостова А. Н. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 966 с.
15. Худайберганава М. К. Английские глагольные фразеологические единицы со значением состояния и их речевые соответствия в узбекском языке. Ташкент, 1983. 69 с.
16. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 240 с.
17. Derlenen Deyimler. Турецкий фразеологический словарь. «Turk ata sozleri». Ankara: Milliyet, 1990. 359 с.

УДК 81-119

**ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА***Л. В. Ягенич,**кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4,
Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования научного медицинского дискурса, его письменной формы на английском языке, в совокупности влияния двух факторов: создания научных текстов и перевода. Рассматриваются научные медицинские тексты разных жанров, в том числе в процессе их интегрирования в Интернет-дискурс. Сопоставительный анализ литературы и интернет сайтов выявил влияние перевода на формирование медицинского научного дискурса. Потенциальный англоязычный адресат переводного текста может не получить полной информации, которая отображена в русскоязычной версии сайта.

Ключевые слова: письменный научный медицинский дискурс, перевод, языковые маркеры.

Summary. The article deals with the problem of the scientific medical discourse in written English as the combination of two factors such as translation and scientific texts. Medical scientific texts of different genres are required the integration to the Internet discourse because of modern tendencies in human society. Analysis of literature and internet sites, the comparative analysis showed the impact of the translation on the formation of medical scientific discourse. Potential mistakes in the translation can lead to missing some information. We face to the problem of the existence of two variants of one site. Each variant gives different information because of incorrect translation. It can be proved by the demonstration of lexical and grammatical markers.

Key words: writing scientific medical discourse, translation, linguistic markers.

Сегодня общество находится на новом этапе развития – это кибер-этап, где использование современных технологий решает большинство как бытовых, так и научных проблем. Лингвистическая наука не остается в стороне от интегрированных изменений и пересечения наук. Лингвистические науки рассматривают проблемы прагмалингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, которые исследуют роль и значение языка, коммуникации, речевого поведения, учитывая социальные факторы проживания и особенности развития человека. Современные способы коммуникации не возможны без сети Интернет и современных технических средств, которые расширяют границы и увеличивают скорость обмена информацией. В связи с этим появляются новые жанры, которые реализуются в разных видах дискурса.

Проблема дискурса остается актуальной, так как определяет реализацию текста в социуме, коммуникативную деятельность и речевое поведение человека в его жизненном пространстве [1; 7].

Целью исследования является рассмотрение формирования научного медицинского дискурса в письменной форме на английском языке как совокупности двух факторов: создания научных текстов и перевода. Под текстом, который реализуется в дискурсе, понимаем вербальное оформление информации в письменной форме, которое связано с медицинской коммуникативной направленностью и включает экстралингвистический, лингвистический аспекты (прагматический, когнитивный, социальный, этнографический контексты, связанные с выбором эффективных стратегий для достижения коммуникативных интенций и целей).

Медицинский дискурс – это предмет исследования лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, социологии, деонтологии, психологии [2; 3]. В рамках данного исследования мы обращаемся к письменному научному медицинскому дискурсу, который, в первую очередь, является подтверждением прогрессивного развития науки и новых открытий в сфере медицины. Медицинский дискурс рассматривается здесь как дискурс, который сочетает элементы институционального и конститутивного дискурсов. В. И. Карасик [6] утверждает, что признаками институционального дискурса является сфера общения, которая определяется статусно-ролевыми отношениями. Конститутивные признаки дискурса включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки). «Участниками научного дискурса являются исследователи как представители научной общественности, при этом характерной особенностью данного дискурса является принципиальное равенство всех участников научного общения в том смысле, что никто из исследователей не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и к своим изысканиям» [5].

Перевод англоязычных научных работ, осуществляемый русскоязычным врачом и исследователем, играет значимую роль в международном сотрудничестве, внедрении новых методов лечения, а также использовании новых разработок и оборудования. Корректный перевод имеет эффект максимальной доступности информации для продвижения научных достижений, возможности обсуждений и популяризации медицинских разработок и поиска потенциальных партнеров и научных школ для продолжения начатой работы.

Рассмотрим функционирование научного медицинского дискурса в Интернет-дискурсе, его реализацию в определенных жанрах и новые

требования к переводу как межкультурному трансферу. Следует отметить, что в интернет-ресурсах представлены все жанры письменного научного медицинского текста. Соглашаясь с В. А. Митягиной [8] определяем, что происходит формирование дискурса, который отражает динамику социокультурного развития: рост свободного времени, изменение ценностных ориентиров, улучшение качества жизни, где отражается желание вести здоровый образ жизни, сохранить здоровье. Названные факторы влияют на развитие научного медицинского дискурса, в том числе в письменной форме, интегрируя его в Интернет-дискурс. Все вышесказанное обосновано повышенной мобильностью и готовностью врачей-исследователей обсуждать научные проблемы и перспективные направления на форумах, в комментариях к научным статьям. А. Д. Петренко отмечает, что «материалы современных научных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, вопросов их социальной стратификации и территориальной дифференциации, намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» [9, с. 157]. Проблемы сохранения здоровья – это важнейшие аспекты научной деятельности человечества, что и подталкивает развитие жанров научного письменного медицинского дискурса к глобализации через сеть Интернет.

Медицина – это особая сфера деятельности, которая исследует основную ценность общества – как сохранить и продлить жизнь человека. А сотрудники сферы здравоохранения постоянно обсуждают эти проблемы, описывают результаты исследований, делятся опытом и принимают сложные решения. Необходимо отметить, что гибридный характер дискурса определяет роль текстов, значимых для медицины. Такие тексты связаны с отдельными направлениями клинической медицины (терапевтическим, хирургическим, стоматологическим, педиатрическим и т.п.) и фундаментальной медицины (например, анатомическим, гистологическим, микробиологическим, физиологическим и т.п.).

Рост свободного времени, изменение ценностных ориентиров на ведение здорового образа жизни, улучшение качества жизни сделали медицину одним из проявлений готовности социумов не только к диалогу, но и описанию собственного опыта. Таким образом, мы говорим об интеграции научного медицинского дискурса в письменной форме и Интернет-дискурса, о тенденции к глобализации в реализации текста как дискурса.

Осуществив, вслед за П. Ньюмарком [11, с. 45–46], анализ типологии медицинского дискурса в письменной форме и выделив, опираясь на работы В. И. Карасика [5], В. В. Журы [4], В. А. Митягиной [8], жанры медицинского научного дискурса, включая особенности Интернет-дискурса, представляем сводный анализ типологии и жанров письменного научного медицинского дискурса.

Академический медицинский научный дискурс реализуется в первичных жанрах: статьи, диссертации, монографии вторичные жанры: аннотации, рефераты [2]. Профессиональный медицинский научный дискурс прослеживается в первичных жанрах в сети Интернет: описание болезни, жалоба, рекомендация, предположительная постановка диагноза. Популярно-научный медицинский дискурс предполагает вторичные жанры: комментарии, совет.

Коммуникация в медицинской сфере создает дискурс, в полной мере отражающий многомерность целей, тем, ценностей и разнообразие участников процессов взаимодействия. Интернет выступает в роли средства мобильного и быстрого обмена информацией, что ведет к ускорению решения проблем.

Английский язык: обслуживает деятельность международных организаций и конференций: 85 % от их общего числа (Global English). В роли переводчиков медицинских текстов мы рассматриваем врачей-ученных, которые выступают как профессионалы в сфере медицины, но не профессионалы в сфере перевода, в таком случае их переводы могут содержать ошибки. Такие данные связаны с рефлексией германистов и переводчиков по поводу качества контента сайтов английских и российских медицинских компаний, описания медицинских препаратов и оборудования, а также международных сайтов и порталов ассоциаций стоматологов, хирургов, педиатров. Интернет-ресурсы, играющие важную роль для медицинского дискурса, иногда размещают тексты, спорные с точки зрения коммуникативно-прагматической адекватности. Проанализируем информационные тексты, публикуемые в рамках многоязычных виртуальных проектов на медицинских порталах, где находим информацию о деятельности международных медицинских организаций. На русскоязычной версии сайта Международной научной хирургической ассоциации основные направления деятельности этой организации обозначены так:

*«Проведение дистанционных конференций и конгрессов
Образовательная деятельность, направленная на повышение квалификации врачей-хирургов
Пропаганда новых направлений и технологий в медицине
Информационно-издательская деятельность
Врачебно-консультативная деятельность»*

На английском языке основные направления деятельности представлены следующим образом:

«Carrying out of scientific conferences and the congresses (употребления слова вызывает сомнение в целесообразности «carrying out» потому, что речь идет об организации и проведении конференций, упущено слово «дистанционных»).

The educational activity directed on improvement of professional skill of surgeons (вызывает сомнение правильность употребления предлогов [10])

Propagation of new directions and technologies in medicine (упущено слово «информационно»).

Publication of the medical literature».

Последний вид деятельности, который заявлен на сайте в русскоязычной версии, на английском языке и вовсе упущен. Перевод на английский язык выполнен в координатах локализации как комплексной формы прагматической адаптации. Мы находим информацию о деятельности ассоциации и предлагаемых мероприятиях для хирургов.

Таким образом, можем говорить о том, что потенциальный англоязычный адресат переводного текста не получит полной информации, которая отображена на сайте в русскоязычной версии, а также из-за некорректного употребления языковых единиц, которые выражены лексическими и грамматическими маркерами, предположительно не совсем правильно поймет основные направления деятельности Международной научной хирургической ассоциации.

Список использованных источников:

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. С. 3–42.
2. Глухова О. Е. Анализ научного (академического) дискурса как одного из типов институционального дискурса [Электронный ресурс]. – <http://splanet.ru/paper/r1-144104.php> (дата обращения 16.02.2017).
3. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 5: Жанр и культура. С. 5–21.
4. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском дискурсе: автореф. дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Волгоград, 2008. 29 с.
5. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Перемена, 2010. 422 с.
6. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
7. Лурия А. Р. Язык и сознание [Электронный ресурс] / Под. ред. Е. Д. Хомский. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ. – <http://zavantag.com/docs/427/index-2016978.html> (дата обращения 16.02.2017).
8. Митягина В. А. Туристический интернет-дискурс: номинативные ошибки как негативный фактор межкультурной коммуникации // Вестник МГЛУ. Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы – 2015. – Вып. 6 (717). – С. 424-435.
9. Петренко А. Д., Петренко Д. А. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Научный журнал «Известия Южного федерального университета». 2014. – № 4. С.150–157.

10. Merriam-Webster's Online Dictionary. 11-th Edition online [Electronic resource]. – Mode of access: URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/baby> (дата обращения 27.01.2017).
11. Newmark P. A Textbook of Translation, London: Prentice Hall International Ltd., 1985.

УДК 821.111(73)

THE CHRONOTOPE IN DON DELILLO'S PROSE

A. A. Yakovleva,

student of the English Philology Department, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

I. N. Lomakina,

assistant of the English Philology Department, Institute of Foreign Philology, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация. В художественной литературе XX–XXI столетий хронотоп рассматривается в качестве одного из компонентов построения индивидуальной авторской картины мира. Он отражает оригинальность идиостиля автора. В статье исследуются особенности хронотопа в прозе Дона Делилло на основе постмодернистских представлений о хронотопе. Основными методами исследования выступают метод «тщательного прочтения» и герменевтический подход. Наряду с вышеуказанными методами, использовались также новейшие теории о природе времени и пространства, нашедшие отражение в современной литературной критике.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, жанровая черта, сюжет, постмодернизм.

Summary. In the literature of the XX – XXI centuries the chronotope came to be regarded as the component of building of the author's individual picture of the world, specifying its features of the method, style and the reflection of the originality of the writer's word. The article examines the specifics of the chronotope in the prose of Don DeLillo on the bases of studies of the chronotope of postmodernism. The specific features of chronotope and its types are defined. The basic aspects of definition of the chronotope in the prose of Don DeLillo are shown. The methods used include the hermeneutic approach, the method of close reading. These methods have been used on bases of the latest theories of time and space in contemporary literary criticism.

Key words: chronotope, time, space, genre feature, plot, postmodernism.

In the literature of the XX – XXI centuries a keen interest in the chronotope has become the most noticeable because of its integral component of building the author's individual picture of the world. It defines the features of the method, style, contributes to the reflection of the originality of the author's word. The study of the chronotope is engaged in works of such scholars as M. Bakhtin, F. I. Fedorov, A. B. Temirbolat, B. A. Uspensky, Yu. M. Lotman and others.

Despite the importance of the chronotope in the structure of Don DeLillo's prose, little attention has been paid to investigation of its specific features. In this study the preliminary result of analysing the strategic function of the postmodern chronotope in Don DeLillo's prose can be found, based on the latest theories of time and space in contemporary literary criticism.

The chronotope is a concept introduced in the field of the Humanities and aesthetics by M. Bakhtin. It means «the relationship of art spatial and temporal characteristics of historical, cultural, genre-and-stylistic commonalities of art or of the individual works» [1, p. 286]. The concept of the chronotope was previously used by the physiologist A. A. Ukhtomsky to denote the unity and integrity of temporal and spatial relations. M. Bakhtin gave the chronotope humanistic, cultural-historical and axiological meanings.

M. Bakhtin suggests in his theory that in the artistic world the place and the time are present as parts of the more general structure called chronotope. Artistic time and space run through each other: the time parameters are included in the definition of place, and spatial in the time one.

In modern literary criticism are in existence several approaches to the study of the concept of space-and-time. The first one, namely theoretical, involves the comprehension of the essence of the category of the chronotope, identifying its role, value and features of functioning in the artwork. The second approach, being specifically practical, aims at the study of the chronotope on the base of the individual artistic world. The third one, a comprehensive approach, considers space-and-time in unity with all categories of the artistic world and the components of a literary work.

M. Bakhtin notes a significant genre meaning of the chronotope in the literature, «The genre and genre varieties are determined by the chronotope» [1, p. 122]. He believed that the chronotope defines the image of human in the literature.

Analyzing the structure of works of art, N. L. Leiderman indicates that the chronotope is the bearer of the genre, since, shaping itself into «the light of the points of view of subjects of speech and consciousness», intersecting, reflected in each other, becoming «the actual structure of intextual sphere of the artistic world» [3, p. 25]. G. M. Muchnik confirms this idea in his monograph [4]. He mentioned that the chronotope is of great importance for the comprehension of the meaning of works of art.

Explaining that each image is «omitted in the sense that any of its contents suggests that it is correlated with someone that had a place somewhere and sometime» [2, p. 239], N. K. Gay demonstrates that all the events depicted by the writer occur in a specific location and characterized by certain spatial and temporal coordinates.

Combining spatial-temporal representation of the writer, his characters and the reader, the chronotope is a way of reflection and perception of space-and-time relations of a literary work. Serving as a part of the structure, themes and content, the chronotope becomes the most important characteristic of the artistic image.

Running through all the levels of the work, space and time provide its composite construction and fulfill its plot- and genre-formative functions.

M. Bakhtin distinguishes several types of the chronotope (according to their meanings): the real historical chronotope, the literary-artistic chronotope, the really-epic chronotope, the «value» chronotope («the chronotopia value»), the chronotope of images, motives.

Apart from these types, M. Bakhtin considers the chronotope of meeting, of the road (path), of the lock, of the living room-salon, of the threshold (crises and fractures), and of the provincial town.

He identifies three main types of time in the artwork: the «adventurous / adventurous-everyday time» (based on tests in the strange land); the «idyllic time» (time in the father's house); and the «mystical time» (of convergence in the abyss of disaster).

A significant contribution to the theory of the chronotope also made V. Savelieva. As M. Bakhtin did, she distinguishes the chronotopos based on the characteristics of the «microsphere» and «microspheres» of the art world [5]. Among them the most important are the cyclical chronotope, the linear chronotope, the chronotope of eternity, and the non-linear chronotope.

These are the most important and frequently used types of the chronotope. However, each of them can include a large number of smaller chronotopes and they can be in relationship with each other.

Don DeLillo is one of the central figures of the nowadays literary postmodernism. The structure of his novels is usually based on a sophisticated plot. The reality, no matter how unrecognizable it seems to be, never oversteps the limits of fiction. Everyday life is shown from the most incredible and gloomiest point of view. Such attachment to the American life makes the prose of DeLillo incredibly uncomfortable for export. Moreover, such a filigree work almost turns prose into poetry, and it becomes quite difficult to convey the distinctive style of the author in the target language.

Currently, Don DeLillo has written 15 novels, several short stories and plays, however, quite a small amount of them have been translated into Russian. His works represent a connection of publicistic and belles-letters styles and are built on the relationship between the fact and fiction. The world depicted in the writer's oeuvre accepts forms of a hypothetical, fictitious, invented by man, believable, and virtual realities. In his novels Don DeLillo displays the range of problems of the American society of the late XXth century.

Point Omega is the last to date and the shortest novel written by the American postmodernist. Its title is borrowed from the works of Pierre Teilhard de Chardin. However, it is not the last philosophical allusion, which DeLillo deliberately includes in his novel. It's amazing how much such a little text has absorbed: the philosophy of the famous author of the theory of cosmic evolution, original views on the theory of warfare, the study of the nature of consciousness and time, echoes of the earlier DeLillo's novel *Names* and *Gravity's Rainbow* by Thomas Pynchon.

Exploring the novel *Point Omega*, it is possible to identify that a significant place in the artistic canvas of the novel is the space-and-time plan. The space-and-time exactly interconnected all parts of the work, whereby a single coherent picture arises.

The time in the novel runs deliberately slowly. DeLillo describes all in detail, even the most insignificant moments that allow the reader to get deeper into the psychology of the work. The timeframes in the novel are not exactly determined, only occasionally the main character mentions the duration of his stay in the Professor's house. In addition, the narrator designates a real flowing time «*these desert days*», «*these minutes*» [6. p. 13].

Based on the theories of M. Bakhtin, the time in the novel can be defined as *the adventurous-everyday time*. From the point of characteristics of V. Savelieva, the time can be defined as *the non-linear time*.

The adventurous-everyday chronotope is characterized by the randomness of events, but the protagonist played a greater role than the chance. Randomness, fragmentation has echoes in the descriptions of the protagonist, «*My life at a glance, everything there, music, movies, books, the bed and desk, seared the enamel around the burners on the stove*» [6, p. 15]. Some moments which were represented in the novel decided the fate of a young girl and her father.

The reader is watching all these events through the eyes of the eyewitness. The household time is not cyclical, devoid of integrity, is fragmented into individual segments and covers single domestic episodes; household space is also respectively fragmented. The author describes the events partially: each chapter begins with a description of the new event, often unrelated to the previous one. This decision only confirms *the adventurous time* in the novel.

The non-linear chronotope is characterized by fragmentation of events, the multi-dimensional time lines. Two parallel chronotopes: time in the space of the museum and time in the space of the desert, home of the Professor. The novel begins with a description of one of the halls of the museum, where took place events which are the preface and the reason of the denouement of the novel, «*There was a man standing against the north wall, barely visible*» [6, p. 3]. The man described is the antagonist. Time and space of the museum are important in the storyline, because the starting point of the plot is also here. At the same time we see the desert, «*This was desert, out beyond cities and towns scattered...*» [6, p. 16]. This is the space where the main action of the novel takes place.

Also in the novel appears the element of the road, which can be attributed to the corresponding chronotope, «*He was grudgingly satisfied when it told him, in a spare male voice, what he already knew, right turn in one point four miles, leading him to the parking lot of the food market in town, twenty-five miles there, twenty-five back*» [6, p. 27]. The chronotope of the road can be referred to the adventurous-everyday time, which once again confirms its presence in the novel.

The way has to cross the country of the author, and the space of the novel does not go beyond the boundaries of America, «*I flew to San Diego, rented a car and drove east into the mountains that seemed to rise out of turns in the road, late*

summer thunderheads building, and then down through brown hills past the rock-slide warnings and leaning clusters of spiny stalks and finally off the paved road and onto a primitive trail, lost for a time in the hazy scrawl of Elster's penciled map» [6, p. 19]. It is obvious that the protagonist really moved on the territory of the United States.

For more confirmation in the novel as well there are such big cities as New York and Washington, «*Finally he called and said we could discuss the matter but not in New York or in Washington»* [6, p. 17]. The same way as the Mojave desert and Sonoran, «*He'd invited me to join him here, old house, underfurnished, somewhere south of nowhere in the Sonoran Desert or maybe it was the Mojave Desert or another desert altogether»* [6, p. 17], which are located in the United States, confirm the presence of this type of chronotope.

So, to summarize, we can state the following: spatial-temporal organization of the novel fits into the adventurous-everyday and non-linear chronotopes. In addition, the structure of the novel includes the chronotope of the road which is shown very clearly and unambiguously.

Despite the fact that in the novel there are only three types of spatial-temporal organization, in the process of studying of the relevant literature, a much larger number of the chronotope types was identified. So, besides the adventurous-everyday time which is a kind of adventure chronotope, were considered mysterious and idyllic chronotopes, cyclical chronotope, the chronotope of eternity, linear chronotope. Among the smaller ones it is important to mention the chronotope of the meeting, castle, provincial town, living room-salon and threshold.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 407 с.
2. Гей Н. К. Искусство слова. М.: Наука, 1967. 364 с.
3. Лейдерман Н. Л. Движение времени и законы жанра. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. 254 с.
4. Мучник Г. М. Текст в системе художественной коммуникации: восприятие, анализ, интерпретация. Алматы: Балауса, 1996. 192 с.
5. Савельева В. В. Художественный текст и художественный мир. Алматы, 1996. 192 с.
6. DeLillo D. Point Omega. N.Y.: Scribner, 2012. 117 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алташина В. Д. доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

Андриенко В. П. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Андрюхина С. В. ассистент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Асатиани Д. Н. кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Асютина О. А. старший преподаватель кафедры иностранных языков, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ахренова Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, факультет иностранных языков, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна

Ачилова В. П. кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ачилова О. Л. кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ачкасов А. В. доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ашихумерова А. С. студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Байкова Е. О. студент бакалавриата кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Бармина Е. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Беликова Я. Г. студент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Беловенцева М. В. ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Брудик Л. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Вебер Е. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск

Вилькэн Е. И. старший преподаватель кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Витковская Г. В. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь;

Воеводина А. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки, Донбасская юридическая академия, Донецк

Воробьева О. С. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк

Георгиади А. А. кандидат педагогических наук, ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Герасимчик А. О. ассистент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Евпатория

Герман К. Д. студент 1 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Глухенькая Л. Н. студент первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Гончарова В. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Гребенюк Д. А. студент первого курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Гулевец Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практика перевода, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Гуменюк В. И. зав. кафедрой украинской филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Демченко М. Ю. студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Деревянко А. В. студент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Дещенко М. Г. преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Джапарова Э. К. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь

Дзюба А. В. аспирант, преподаватель кафедры иберо-американской филологии и коммуникативистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Дмитриева Е. Н. студент 1 курса магистратуры, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Евстафьева Н. М. преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ермоленко О. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Жукова Е. О. студент 3 курса бакалавриата, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Зеленцова М. Г. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Золотаренко П. И. студент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Игнатов К. Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Исаев Э. Ш. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Казакова Т. А. доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Институт устного и письменного перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Казарян Л. А. студент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Казина А. И. аспирант, ГОУ ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», Коломна

Калмыкова А. А. студент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Каминская А. В. студент 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь.

Карпенко А. В. кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков №3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Каширина Л. О. студент 1 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Киселев В. В. кандидат медицинских наук, и.о. заведующего кафедрой судебной медицины, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кислицына Н. Н. кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Клюева В. Г. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Князева Н. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кбзел Н. П. старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Козлова А. Т. кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков №1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Коломиец Л. А. студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Корсакова А. В. студент третьего курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,

Кубединова Л. Ш. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кушнарера Т. И. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лазарева В. Ф. студент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ласкова М. В. доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике, Факультет филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Левицкий А. Э. доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Логвина С. А. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ломакина И. Н. ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лукашук М. Д. студент 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Лукинова М. Ю. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лушников Г. И. доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Любеев В. С. старший преподаватель Крымского университета культуры, искусств и туризма, Симферополь

Мазина Е. Н. кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Маркова Ю. О. студент 1 курса магистратуры, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Марочкина М. Д. студент 2 курса магистратуры кафедры теории практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Мартынюк Е. Б. старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Михайлова Е. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Михайловская М. В. старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Мордвинов В. Е. студент 2 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Начинкина М. А. студент 3 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Негляд Т. А. аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Непомнящий А. А. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Никитина М. С. специалист кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Новикова М. А. доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец М. В. доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец Т. М. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистика, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Овчарова Е. Э. кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента энергетики и природопользования, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Панычев В. В. студент 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пасекова Н. В. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Перепечкина С. Е. кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

- Петренко А. Д.** доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Петренко Д. А.** кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Плеханова К. А.** ассистент кафедры нормальной анатомии, Медицинская академия имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Полянин А. В.** студент 1 курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Пономарёва А. В.** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Приймак Н. С.** студент 3 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Прозорова Н. И.** доцент кафедры литературы Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга
- Прушковская И. В.** доктор филологических наук, доцент кафедры тюркологии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев
- Радченко Т. А.** ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Резник О. В.** доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и межъязыковых коммуникаций, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь
- Ружникова М. Л.** старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет, Иркутск
- Рыжикова М. Д.** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Сахно Е. М.** старший преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Сеитягьяева Д. З.** магистрант Крымского инженерно-педагогического университета, Симферополь
- Сердюк Е. Н.** ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Симахина Л. П.** студент бакалавриата кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Сирица Е. А.** преподаватель кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь
- Скороходько С. А.** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Соина А. С. ассистент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет, Севастополь.

Соловьева Ю. О. кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Солодова Е. С. кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и германской филологии, Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Татаренко Е. Н. старший преподаватель кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Телегуз А. А. аспирант кафедры переводоведения и лингвистики, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово

Трунченкова Н. Н. старший преподаватель кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Филиппова А. А. зав.кабинетом кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет, Якутск

Филиппова И. Н. доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет, Москва

Фомин А. Г. профессор кафедры переводоведения и лингвистики, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Кемерово

Ходаковская Л. А. студент Института иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Холкина А. С. кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Храбскова Д. М. кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Чернышова М. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шалыга Д. А. старший преподаватель кафедры теории практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шатских М. В. аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Швец Л. С. студент 3 курса бакалавриата филологического факультета, ГБОУВО РК «Крымский Инженерно-Педагогический Университет», Симферополь

Шевчук-Черногородова М. А. кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шендер Э. В. студент третьего курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шетэля В. кандидат филологических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, Москва

Шило С. А. студент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Щербакова В. М. старший преподаватель кафедрой судебной медицины, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Эмирусеинова Э. Н. старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ягенич Л. В. кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков №4, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ягушкина В. А. магистр, направление подготовки 45.04.02 – Лингвистика, профиль «Теория перевода и межкультурная коммуникация», факультет иностранных языков, ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», Донецк

Яковлева А. А. студент 3 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Якубова А. В. студент магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Д. Алташина</i> <i>ПОЭТИЧЕСКИЕ МОРАЛИТЕ СКАЗОК Ш. ПЕРРО: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА</i>	3
<i>В. П. Андриенко, О. А. Асютина</i> <i>СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ</i>	8
<i>С. В. Андрюхина</i> <i>РОМАН-ПОСВЯЩЕНИЕ АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИИ РОМАНОВ ОБ АЛАТРИСТЕ)</i>	13
<i>Д. Н. Асатиани</i> <i>НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. «ВЫСОКАЯ МОДА» И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА</i>	17
<i>Н. А. Ахренова</i> <i>ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i>	22
<i>В. П. Ачилова, О. Л. Ачилова</i> <i>ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ ДІСПРИКМЕТНИКІВ У ТЕКСТАХ П'ЄС А. П. ЧЕХОВА УКРАЇНСЬКОЮ МОВОЮ</i>	25
<i>А. В. Ачкасов</i> <i>ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕВОД ТЕРМИНОВ»</i>	30
<i>Е. А. Бармина</i> <i>РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ</i>	35
<i>Л. В. Брудик, Д. З. Сеитягьяева</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ КОННОТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ</i>	39
<i>Е. А. Вебер, М. Л. Ружникова</i> <i>МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ОБУЧЕНИЯ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЮ</i>	43
<i>Е. И. Вилькэн</i> <i>ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА МУЗЕЙНОЙ ЭКСКУРСИИ</i>	48
<i>Г. В. Витковская, В. Г. Ключева</i> <i>ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ-СИНХРОНИСТОВ</i>	53
<i>А. В. Воеводина</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ</i>	58
<i>О. С. Воробьева, В. А. Ягушкина</i> <i>СПЕЦИФИКА ПЕРЕДАЧИ БАЙРОНОВСКОГО СТИЛЯ В ПЕРЕВОДЕ Н. И. КОСТОМАРОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «SUN OF THE SLEEPLESS!»)</i>	62

- А. А. Георгиади, А. В. Корсакова*
 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ
 ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ 67
- А. О. Герасимчик*
 ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-СЛОВРЕЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
 ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА..... 72
- Л. Н. Глухенькая, М. Ю. Лукинова*
 ПЕРЕВОД – ИГРА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ИСХОДОМ..... 75
- В. В. Гончарова*
 ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ЗАПРОСОВ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ
 ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ..... 80
- Д. А. Гребенюк, А. Д. Петренко*
 СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ
 РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОГО
 СОЦИОЛЕКТА) 85
- Н. А. Гулевец*
 ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ БИЗНЕС-КУЛЬТУРЫ
 СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 90
- V. I. Humeniuk*
 THE PECULIARITIES OF POETIC LANGUAGE TRANSLATION (BASED ON
 BORIS TEN'S CREATIVE PRACTICE) 95
- М. Г. Дещенко*
 РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ
 ИДИОСТИЛИЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Н. ГЕЙМАНА
 «CORALINE» И ЕЕ ПЕРЕВОДА, ВЫПОЛНЕННОГО ЕЛЕНОЙ
 КОНОНЕНКО)..... 101
- Э. К. Джапарова*
 ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
 КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
 РОБЕРТА ГРЕЙВСА 105
- А. В. Дзюба*
 К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ИГРЫ СЛОВ: ПЕРЕВОД ОДНОГО
 КАЛАМБУРА В «ПОВЕЛИТЕЛЕ МУХ» У. ГОЛДИНГА..... 110
- Н. М. Евстафьева*
 ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО
 ЯЗЫКА И ИДИОМА СКОТС В РЕЧИ ШОТЛАНДСКОЙ МОЛОДЕЖИ .. 114
- Е. О. Zhukova, E. N. Mazina*
 LINGUISTIC MEANS OF CREATING AN IMAGE IN ENGLISH-SPEAKING
 MEDIA (THE IMAGE OF THE DUCHESS OF CAMBRIDGE) 119
- М. Г. Зеленцова, М. Ю. Демченко*
 ТЕРМИН КАК КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА И
 СТРАТЕГИИ ЕГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
 ТЕРМИНОЛОГИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) 124

<i>М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ОТ ПОНИМАНИЯ К ПЕРЕВОДУ</i>	129
<i>М. Г. Зеленцова, Л. А. Ходаковская</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮМОРА, ИРОНИИ И САТИРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ</i>	134
<i>М. Г. Зеленцова, Д. А. Шалыга, М. Д. Марочкина</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЛАДИМИРА КАМИНЕРА</i>	139
<i>М. Г. Зеленцова, С. А. Шило</i> <i>ОККАЗИОНАЛЬНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. КРИСТИ «СМЕРТЬ НА НИЛЕ»)</i>	143
<i>P. I. Zolotareno, L. Sh. Kubedinova</i> <i>THE USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN NEWSPAPER HEADINGS</i> ...	149
<i>К. Ю. Игнатов</i> <i>О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ)</i>	154
<i>Т. А. Казакова</i> <i>ПОНЯТИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ КАК СИСТЕМНЫЙ ДЕСКРИПТОР В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ</i>	159
<i>L. A. Kazaryan, L. Sh. Kubedinova</i> <i>REFLECTION OF LANGUAGE WORLD PICTURES OF THE ENGLISH, FRENCH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COLOUR COMPONENTS</i>	164
<i>А. И. Казина</i> <i>ВИДЕОБЛОГ КАК ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ</i>	169
<i>А. В. Карпенко, О. В. Ермоленко</i> <i>ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ</i>	172
<i>Л. О. Каширина, М. Г. Зеленцова</i> <i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА САТИРИЧЕСКОГО ЖАНРА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ</i>	177
<i>В. В. Киселев, К. А. Плеханова, Л. В. Ягенич, С. В. Андрюхина</i> <i>МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРЕВОДЧИК – ВРАЧ ИЛИ ЛИНГВИСТ: ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ</i>	181
<i>Н. Н. Кислицына, К. Д. Герман</i> <i>ЗНАЧИМОСТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА</i>	186

<i>Н. А. Князева, Е. О. Байкова</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА	190
<i>Н. А. Князева, Л. П. Симахина</i> РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ДОСТИЖЕНИИ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	196
<i>Н. П. Кóзел</i> ЛЕКСИКО–ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНО–ОРИЕНТИРОВАННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛЕЙ МЕДИЦИНЫ И ФАРМАЦИИ)	201
<i>Л. А. Коломиец, М. В. Норец</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АВТОРСКОГО СТИЛЯ ДЖОАН РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ОРДЕН ФЕНИКСА»	206
<i>Т. И. Кушнарёва</i> ОБУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ	210
<i>В. Ф. Лазарева, А. В. Пономарёва</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНТОНОМАСИЙ В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ ФУТБОЛЬНЫХ ОТЧЕТОВ	215
<i>М. В. Ласкова, Я. Г. Беликова</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАКУРСЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА	220
<i>М. В. Ласкова, А. А. Калмыкова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РАДИООБМЕНА В ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ АВИАЦИИ	225
<i>А. Э. Левицкий</i> ДИСКУРС И ПЕРЕВОД	230
<i>С. А. Логвина, Е. М. Сахно</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ (ПСЕВДОИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЫ) КАК ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСИММЕТРИИ	235
<i>М. D. Lukashuk, E. N. Mazina</i> SENSORY IN RAY BRADBURY'S NOVEL «DANDELION WINE»	240
<i>М. Ю. Лукинова</i> АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА	244
<i>Г. И. Лушников</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	249
<i>В. С. Любеев, М. В. Норец</i> ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ШПИОНСКОГО РОМАНА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫХ ВОЙН	254

<i>Е. Б. Мартынюк, М. Ю. Лукинова</i> К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРМИНА «ТРАВЕЛОГ»	261
<i>Е. В. Михайлова, Е. С. Солодова</i> БИБЛЕЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США	266
<i>М. В. Михайловская</i> УСТНЫЙ ПЕРЕВОД: ДИСКУРС И ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЕРТИКАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ	271
<i>В. Е. Мордвинов, Э. Ш. Исаев</i> СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ	276
<i>М. А. Начинкина, М. В. Норец</i> ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ЖАНРОВОЙ МОДИФИКАЦИИ «ФЭНТЕЗИЙНЫЙ СТИМПАНК»	281
<i>Т. А. Негляд</i> НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ ПИТЕРА АКРОЙДА	285
<i>А. А. Непомнящий</i> К ИСТОРИИ КРЫМСКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: ДВЕ НЕИЗВЕСТНЫХ СТАТЬИ Б. С. БОДНАРСКОГО	289
<i>М. С. Никитина</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА РУССКИЙ ЯЗЫК)	294
<i>М. А. Новикова</i> РУННЫЕ НАДПИСИ НА КАМНЯХ ШВЕЦИИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	299
<i>Т. М. Норец, Е. Н. Дмитриева</i> АББРЕВИАЦИЯ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ	305
<i>Т. М. Норец, А. В. Каминская</i> АРГОТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	309
<i>М. В. Норец</i> ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА ШПИОНСКОГО РОМАНА ДЖЕФРИ АРЧЕРА «ОДИННАДЦАТАЯ ЗАПОВЕДЬ»	313
<i>Е. Э. Овчарова</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА АЛЛЮЗИЙ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТЕКСТЕ ...	317
<i>В. В. Панычев, М. В. Норец</i> СИСТЕМА ОБРАЗОВ В РОМАНЕ РОБЕРТА ЭНТОНИ САЛЬВАТОРЕ «ДВА МЕЧА. ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ»	322
<i>Н. В. Пасекова</i> НАБОКОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА	326

<i>С. Е. Перепечкина, А. В. Якубова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ).....	331
<i>Д. А. Петренко</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЯЗЫКА	336
<i>А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова</i> ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ ВОКАЛИЗМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ)	340
<i>Д. А. Петренко, М. В. Чернышова, Ю. О. Маркова</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....	347
<i>К. А. Плеханова, В. В. Киселев, С. В. Андрюхина, В. М. Щербакова</i> СПЕЦИФИКА УСТНОГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРЕВОДА.....	350
<i>Н.С. Приймак</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА «ФУТУРИЗМОВ» В РОМАНЕ АЛАНА ДИНА ФОСТЕРА «ХРОНИКИ РИДДИКА»	353
<i>N. Prozorova</i> IVAN BUNIN AS A TRANSLATOR OF BYRON'S MYSTERY PLAYS	357
<i>І.В. Прушковська</i> ТУРЕЦЬКИЙ ДРАМАТУРГІЧНИЙ ТЕКСТ У СВІТЛІ УКРАЇНСЬКОЇ РАМПИ	363
<i>T. A. Radchenko, A. V. Derevyanko</i> ELEMENTS OF COMEDY IN R. KIPLING'S AND L. CARROLL'S FAIRY TALES.....	367
<i>О. В. Резник</i> ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	372
<i>М. Д. Рыжикова, А. В. Полянин</i> СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. БУЛГАКОВА)	378
<i>М. Д. Рыжикова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	382
<i>Е. Н. Сердюк</i> ПРОБЛЕМА ФАКТА И ВЫМЫСЛА В АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ.....	387
<i>Е. А. Сирица</i> НЕКОТОРЫЕ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДИКТОРОВ БРИТАНСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА «DISCOVERY»	392

- С. А. Скороходько
 KEEP CALM AND STEAMPUNK: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПОДХОДА К НОВЫМ ЖАНРАМ 396
- А. С. Соина, М. В. Норец
 РОЛЬ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО СРАВНЕНИЯ В РОМАНЕ ГРЭМА ГРИНА «OUR MAN IN HAVANA»..... 401
- Ю. О. Соловьева
 УЧЕТ ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ СТАТУТОВ... 406
- Е. Н. Татаренко
 ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ЭЛЕГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ОВИДИЯ..... 411
- А. А. Телегуз, А. Г. Фомин
 ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕВОДА АЭРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ 414
- N. N. Trunchenkova, M. V. Beloventseva
 MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF AMERICAN ENGLISH VOCABULARY..... 419
- А. А. Филиппова
 ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РУССКО-ЯКУТСКОМ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ А. А. ИВАНОВА-КЮНДЭ 424
- И. Н. Филиппова
 ОШИБКИ ПЕРЕВОДА ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РОМАНОВ-СЕРИЙ 429
- А. С. Холкина
 ПЕРЕВОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА: НЕОЦЕНИМЫЙ И НЕДООЦЕНЁННЫЙ 434
- М. В. Шатских
 ДИАЛЕКТ ТЕКС-МЕКС КАК ОДИН ИЗ ЯЗЫКОВЫХ КОДОВ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА ДОЛИНЫ РИО ГРАНДЕ (США)..... 439
- Л. С. Швец
 ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ ДЖЕЙН ОСТИН «ДОВОДЫ РАССУДКА»..... 444
- М. А. Шевчук-Черногородова
 ЦВЕТ И ЕГО РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА 449
- М. А. Шевчук-Черногородова, А. С. Ашихумерова
 СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ФРАНЦУЗСКО-РУССКИХ И РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ПСЕВДОЭКВИВАЛЕНТОВ 454
- Э. В. Шендер, М. В. Норец
 ВОЕННЫЙ ДИСКУРС КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА 459
- В. Шетэля

<i>ПЕРЕВОД НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В КОНТРАСТИВНОМ КУРСЕ ПОЛОНИСТИКИ МОСКОВСКОГО ВУЗА.....</i>	<i>465</i>
<i>Э. Н. Эмирусейнова</i>	
<i>ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ.....</i>	<i>469</i>
<i>Л. В. Ягенич</i>	
<i>ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПИСЬМЕННОГО НАУЧНОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА.....</i>	<i>474</i>
<i>A. A. Yakovleva, I. N. Lomakina</i>	
<i>THE CHRONOTOPE IN DON DELILLO'S PROSE.....</i>	<i>479</i>
<i>СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....</i>	<i>484</i>

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы I всероссийской научно-практической конференции

*Симферополь
27 – 29 апреля 2017 года*

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец
Заместитель главного редактора к. филол. н., доц. М. А. Шевчук-Черногородова
Верстка М. А. Шевчук-Черногородова

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 29,06. Тираж 90 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295034, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ИП Бражникова Д.А.
295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Оленчука, 63,
тел. +7 978 71 72 902, e-mail: braznikov@mail.ru